А.А.
ФЕТ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

А.А. ФЕТ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

ЛЕНИНГРАД ★ 1959

А. А. ФЕТ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Б. Я. Бухштаба

А. А. ФЕТ

1

Афанасий Афанасьевич Фет родился в октябре или ноябре 1820 года в имении Новосёлки Мценского уезда Орловской губернии, в доме помещика Афанасия Неофитовича Шеншина. Мать поэта, Шарлотта Фёт (Foeth), бежала из Германии от мужа с лечившимся за границей Шеншиным. Через месяц или два после приезда в Новосёлки она родила мальчика, названного в честь Шеншина Афанасием. Крестивший ребенка священник записал его законным сыном А. Н. Шеншина. Через два года Шеншин обвенчался с Шарлоттой Фёт. Младшие братья и сестры Фета уже по праву именовались Шеншиными. Так же звался и Фет; он рос в Новосёлках, считаясь и сам себя считая старшим сыном помещика. Ему исполнилось четырнадцать лет, когда Орловская духовная консистория установила, что мальчик родился до брака его матери с Шеншиным и, следовательно, должен впредь именоваться не потомственным дворянином Афанасием Шеншиным, а гессендармштадтским подданным Афанасием Фётом.

Это событие Фет всю жизнь считал катастрофой. Превращение из русского дворянина в разночинца-иностранца лишало его не только социального самоощущения, дворянских привилегий, права быть помещиком, возможности наследовать родовое имение Шеншина. Он лишался права называть себя русским; под документами он должен был подписываться: «К сему иностранец Афанасий Фёт руку приложил». Он лишался возможности без позора объяснить свое происхождение: почему он иностранец Фёт, если он сын

Шеншина, почему он Афанасьевич, рожден в Новосёлках и крещен в православие, если он сын Иоганна-Петера-Карла-Вильгельма Фёта.

Это событие несомненно имело огромное влияние на формирование характера Фета, а впоследствии на выбор жизненных путей. Стремление вернуть утраченное, хотя бы постепенно, хотя бы частично, — красной нитью прошло через всю жизнь Фета.

Переписка матери Фета с ее родственниками, разысканная и изученная биографом Фета Г. П. Блоком,[1] свидетельствует о том, что Фет не был сыном Шеншина не только формально, но и на самом деле. Когда перед ним раскрылась эта тайна: тогда же, в детстве, или позже, — мы не знаем. В письмах, мемуарах, беседах Фет всегда называл своим отцом Шеншина. Но есть одно письмо, которое Фет написал своей невесте перед свадьбой: в нем он сообщает ей тайну своего происхождения, открывает, что он не сын Шеншина.[2] Это однако не помешало Фету, пуская в ход связи и протекции, измышляя и извращая факты, добиться — уже на шестом десятке — причисления к роду Шеншиных «по высочайшему повелению». И как только он узнал о решении этого дела, он тотчас же написал жене письмо с требованием немедленной замены всех меток — на столовом серебре, на почтовой бумаге и т. д. «Теперь, — пишет он, — когда всё, слава богу, кончено, ты представить себе не можешь, до какой степени мне ненавистно имя Фет. Умоляю тебя никогда его ко мне не писать, если не хочешь мне опротиветь. Если спросить: как называются все страдания, все горести моей жизни, я отвечу: имя им — Фет... Со стороны легко смотреть на чужую изуродованную жизнь, но к своей собственной так легко относиться трудно».[3]

Учился Фет сперва дома, четырнадцати лет был отвезен в немецкую школу-пансион в далеком маленьком городке Верро (ныне Выру, Эстонской ССР), где проучился три года; затем провел полгода в пансионе профессора Погодина для готовящихся поступить в Московский университет и в 1838 году поступил на словесное

[1] Переписка эта не опубликована, как и составленная Г. П. Блоком «Летопись жизни и творчества Фета». Приношу Г. П. Блоку большую благодарность за разрешение ознакомиться с этим трудом и упоминать об установленных в нем фактах.

[2] Письмо от 16 июля 1857 г. На конверте надпись рукой Фета: «Читай про себя» и рукой его жены: «Положить со мной в гроб». Письма Фета к жене хранятся в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

[3] Письмо от 10 января 1874 г.

отделение философского факультета. Выбор факультета был обусловлен, без сомнения, увлечением поэзией. Учился Фет плохо, в университете пробыл шесть лет вместо полагавшихся тогда четырех, — но эти годы были периодом интенсивной работы и быстрого роста поэта. «Вместо того, чтобы ревностно ходить на лекции, я почти ежедневно писал новые стихи», — вспоминал он впоследствии об этом времени. [1]

Большую роль в развитии таланта и интереса к поэзии сыграло сближение Фета со студентом-однокурсником Аполлоном Григорьевым, даровитым поэтом, впоследствии выдающимся критиком. В мезонине григорьевского дома, вдвоем с Аполлоном, Фет прожил свои студенческие годы. Аполлон Григорьев был центром кружка молодых студентов, из которых многие впоследствии создали себе имя в науке, литературе, публицистике (Я. П. Полонский, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, В. А. Черкасский и другие). В кружке господствовали философские, эстетические и поэтические интересы. Философией Фет в те годы не интересовался, гегельянской атмосфере григорьевского кружка остался чужд; с Григорьевым его сближала преданность поэзии. «Связующим нас интересом оказалась поэзия, которой мы старались упиться всюду, где она нам представлялась, принимая иногда первую лужу за Ипокрену». [2]

В 1840 году девятнадцатилетнему поэту удалось выпустить книжку стихов. Дав ей претенциозное заглавие «Лирический пантеон», автор укрылся за инициалами А. Ф.

Это типичный юношеский сборник — сборник перепевов прочитанных поэтов. Особенно ярко запечатлелся в нем ходовой байронизм конца 30-х годов. Преобладает тема «холодного разочарования». Увлекаясь Шиллером и Гете, Байроном и Лермонтовым, Фет одновременно восторгается и модным поэтом Бенедиктовым — эпигоном романтизма, прельщавшим смелостью образов и имитацией бурных страстей. Влияние Бенедиктова в «Лирическом пантеоне» особенно заметно, но есть здесь отзвуки и Баратынского, и Козлова, и Жуковского; есть и совсем архаические стихи в стиле ранних карамзинистов, с обилием мифологических имен и сплошными перифразами.

Стихи «Лирического пантеона» почти не предвещают того поэта, каким Фет явился уже через полтора года. В течение этих полутора лет Фет, видимо, много писал и настойчиво старался завя-

---

[1] А. Фет. Ранние годы моей жизни. М., 1893, стр. 136.
[2] Там же, стр. 151.

зать связи с журналами, но терпел неудачи, и лишь с конца 1841 года его стихи стали постоянно печататься в журнале «Москвитянин».

С середины 1842 года Фет становится плодовитым сотрудником «Отечественных записок». За 1842 и 1843 годы он напечатал в «Москвитянине» и в «Отечественных записках» 85 стихотворений.

Фет быстро созрел: многие стихотворения, напечатанные в 1842 году, типичны для фетовской манеры и известны до сих пор в числе лучших произведений Фета.

Талант молодого поэта оценил Белинский. «Из живущих в Москве поэтов всех даровитее г-н Фет»,[1] — пишет он в 1843 году. В обзоре «Русская литература в 1843 году» Белинский, кроме посмертно напечатанных стихотворений Лермонтова, считает возможным указать только «на довольно многочисленные стихотворения г. Фета, между которыми встречаются истинно поэтические», да на стихотворения Тургенева, «всегда отличающиеся оригинальностью мысли»,[2] а в обзоре «Русская литература в 1844 году» он отмечает как выдающиеся два посмертных стихотворения Лермонтова и стихотворение Фета «Колыбельная песня».[3]

Нельзя не обратить внимание на одновременное сотрудничество Фета в «Москвитянине» и в «Отечественных записках». «Москвитянин» был реакционным журналом; его издавали два столпа официальной идеологии — московские профессора Погодин и Шевырев — в духе верности началам «самодержавия и православия». Идейным руководителем «Отечественных записок» был Белинский, и Фет печатался здесь в тот период, когда Белинский повел в журнале, в пределах цензурных возможностей, проповедь материализма и социализма.

Одновременное участие в реакционном «Москвитянине» и в самом прогрессивном журнале того времени «Отечественных записках» говорит о политической индифферентности Фета. Всё же симпатии его склонялись на сторону Белинского, а не на сторону Шевырева и Погодина. Об этом свидетельствует стихотворный памфлет, написанный Фетом вместе с другим студентом (возможно, с Аполлоном Григорьевым).

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 7. М., 1955, стр. 636—637.

[2] Там же, т. 8. М., 1955, стр. 94.

[3] Там же, стр. 485. Стихотворение «Колыбельная песня» см. в настоящем издании под позднейшим заглавием «Колыбельная песня сердцу».

В 1842 году реакционный поэт Михаил Дмитриев напечатал в «Москвитянине» своего рода стихотворный донос на Белинского под заглавием «К безыменному критику». Фет и его товарищ, втайне от руководителей «Москвитянина», написали ответ. Этот ответ дошел до Белинского. «Спасибо тебе за вести о славянофилах и за стихи на Дмитриева, — пишет он Боткину, — не могу сказать, как то и другое порадовало меня».[1]

Вот несколько строк из этого стихотворения:

Жалко племени младого,
Где отцы, ни дать ни взять,
Как хавроньи, всё, что ново,
Научают попирать.

...Горько вам, что ваших псарен
Не зовем церквами мы,
Что теперь не важен барин,
Важны дельные умы.

...Что вам Пушкин? Ваши боги
Вам поют о старине
И печатают эклоги
У холопьев на спине.

(«Автору стихов „Безыменному критику“»)

Стихотворение отражало тогдашние настроения Фета. Вспоминая об этом памфлете в позднейшем письме к Фету, Я. П. Полонский восклицает: «Каким тогда был ты либералом!»[2]

На настроения Фета-студента бросает свет его тесная дружба в начале студенческой поры с Иринархом Введенским, учителем в погодинском пансионе, уже в ту пору человеком «неблагонадежных» взглядов. Впоследствии Введенский был связан с петрашевцами, сам он и его кружок оказали несомненное влияние на молодого Чернышевского. Первокурсником Фет заключил с Введенским шутливое пари в форме «контракта» о том, что и через двадцать лет он будет «отвергать бытие бога и бессмертие души человеческой».[3]

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 12. М., 1956, стр. 124.

[2] Письмо от 14 августа 1889 г. — «Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии». Пг., 1917, стр. 339.

[3] Г. Блок. Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. Л., 1924, стр. 32.

Это пари Фет выиграл бы, если бы даже заключил его не на двадцать, а на пятьдесят лет.[1]

Для юного идеалиста, склонного к мистицизму, Аполлона Григорьева Фет был демоном-искусителем, разрушавшим его верования своим холодным и трезвым скепсисом.[2]

Но сочувствие прогрессивным взглядам у Фета явно не было ни глубоким, ни определенным. Правильнее говорить о легком налете подобных настроений. Никаких других свидетельств о них в творчестве Фета не сохранилось. Принадлежность к «униженным и оскорбленным», как правило, облегчала разрыв с предрассудками и переход на сторону освободительных идей. У Фета было иначе. Взлелеянное с детства стремление к возврату утраченного «господского» положения заглушило оппозиционные настроения. Это показывает прежде всего выбор, сделанный Фетом по окончании университета. Высшее образование, в ту пору еще редкое среди чиновников, знакомства, приобретенные в московском литературном кругу, покровительство влиятельных профессоров могли бы, казалось, доставить ему службу в Москве, что имело бы значение для его литературной деятельности. Но Фет решил стать военным, и, не имея связей и средств для службы в «хорошем полку», он в 1845 году поступил унтер-офицером в захудалый кавалерийский полк — Орденский кирасирский, расквартированный по глухим углам Херсонской губернии. В своих мемуарах Фет лаконично объясняет свое решение: «Офицерский чин в то время давал потомственное дворянство».[3] По тогдашним законам первый же офицерский чин делал разночинца потомственным дворянином, в то время как в гражданской службе для этого нужно было дослужиться до чина коллежского асессора (соответствовавшего военному чину майора).

Потянулись тусклые годы в маленьких городках, а больше в селах и деревнях, куда не доходили книги и журналы и даже почта приходила «только в полковом пост-пакете».[4] Из верхнего слоя московской интеллигенции молодой поэт попал в круг неразвитых и пошлых провинциальных офицеров и помещиков. Около него теперь почти не было людей, способных не только поддер-

---

[1] Об атеизме Фета см.: С. Л. Толстой. Очерки былого. М., 1949, стр. 344; Б. Садовский. Ледоход. Пг., 1916, стр. 80.

[2] Г. Блок. Рождение поэта, стр. 43, 44, 78. Ср. цит. письмо Полонского Фету от 14 августа 1889 г.

[3] Ранние годы моей жизни, стр. 134.

[4] Письмо Фета С. П. Шевыреву от 30 октября 1848 г. (Рукописное отд. Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

жать и развить, но даже и оценить его дарование. Фета томила унизительная бедность. После смерти его матери (в 1844 году) помощь Шеншина стала скудной и нерегулярной. Литературных заработков не было: в эти годы Фет почти не печатался в журналах; причиной этого, помимо оторванности Фета от столиц, было положение поэзии в литературе тех лет.

Великие поэты — Пушкин, Лермонтов, Кольцов — к этому времени погибли в расцвете творческих сил, молодое поколение поэтов не могло еще утвердить свое значение. Бурное развитие прозы оттесняло поэзию, ослабляло интерес к ней. В прозе находили воплощение прогрессивные идеи, в прозе слагалась мощная школа критического реализма. Поэзия идейно отстала от прозы; один Некрасов шел вровень с нею. С середины 40-х и до начала 50-х годов почти не выходит стихотворных сборников, журналы не печатают стихов, ведущие критики не говорят о стихах или говорят пренебрежительно.

Не печатаемый в журналах, Фет подготовляет сборник стихов, но безденежье и удаленность от больших городов долго не дают ему возможности выпустить книгу. Разрешенная цензурой в 1847 году, она вышла только в 1850-м. «Я удивляюсь одному, — пишет Фет Шевыреву, — как при всех затруднениях, которые представляет мне литературный мир, я до сих пор не отказался от низкопоклонничества перед музами и Аполлоном». [1]

За несколько месяцев до получения Фетом первого офицерского чина вышел указ, по которому потомственное дворянство стал давать только чин майора (в кавалерии — ротмистра); возможность стать дворянином отодвигалась на много лет.

Молодость проходила, талант стал глохнуть.

В атмосфере духовного одиночества тем дороже было для Фета знакомство с несколькими семействами херсонских помещиков, где его ценили как поэта. Дружбу с помещиком и третьестепенным поэтом А. Ф. Бржеским и с его женой А. Л. Бржеской Фет сохранил на всю жизнь. [2] В родственном Бржеским семействе Фет познакомился с дочерью мелкого помещика Марией Лазич. Образованная девушка, поклонница его стихов, прекрасная музыкантша, Лазич горячо полюбила Фета. Но взаимное увлечение, сознание, что он встретил девушку, способную его понять и дать ему сча-

---

[1] Письмо Фета С. П. Шевыреву от 30 октября 1848 г. (Рукописное отд. Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

[2] См. статью Г. П. Блока «Фет и Бржеская». — «Начала», 1922, № 2, стр. 106—123.

стье, не смогли побороть убеждения Фета в невозможности брака из-за бедности обоих. «Не могу выбросить из рук последнюю доску надежды и отдать жизнь без борьбы», — пишет Фет своему ближайшему с детских лет другу И. П. Борисову.[1] «Я не женюсь на Лазич, и она это знает, а между тем умоляет не прерывать наших отношений... Этот гордиев узел любви... который чем более распутываю, тем туже затягиваю, а разрубить мечом не имею духу и сил... Знаешь, втянулся в службу, а другое все только томит как кошмар».[2]

Роман кончился разлукой, за которой вскоре последовала смерть Лазич, сгоревшей от неосторожно брошенной ею спички. Возможно, что это было замаскированное самоубийство.

Воспоминания об этом трагическом романе, видимо, во всю жизнь не утратили для Фета своей остроты, и ряд замечательных стихотворений связан с этими воспоминаниями. Таковы: «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...» (1851), «Неотразимый образ» (1856), «В благословенный день, когда стремлюсь душою...» (1857), «Старые письма» (1859), «В тиши и мраке таинственной ночи...» (1864), «Alter ego» (1878), «Ты отстрадала, я еще страдаю...» (1878), «Страницы милые опять персты раскрыли...» (1884), «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...» (1885), «Долго снились мне вопли рыданий твоих...» (1886), «Нет, я не изменил. До старости глубокой...» (1887).

2

Крутой поворот в судьбе Фета наступил в 1853 году, когда ему удалось перейти в гвардию, в Лейб-уланский полк. Полк был расквартирован в районе Волхова, лагерные сборы проходились под Петербургом. Фет получил возможность часто бывать в столице.

Эта перемена в жизни Фета совпала с изменениями в русской литературной жизни. После почти десятилетнего упадка интереса к поэзии наступил резкий перелом. Стихи снова заняли почетное место в журналах. В предыдущие годы выход стихотворного сборника был редким событием, в течение же 1854—1856 годов появляются большие собрания стихотворений Некрасова, Тютчева, Полонского, Огарева, Никитина и других поэтов.

Усердными пропагандистами современной поэзии выступают

---

[1] Письмо от 10 апреля 1849 г. — «Литературная мысль», I, Пг., 1922, стр. 215.

[2] Письмо от 1 июня 1850 г. — Там же, стр. 220.

в эту пору основные сотрудники «Современника»: Некрасов, Тургенев, Дружинин, Боткин. Имя Фета, до той поры редко упоминавшееся в печати, начинает постоянно появляться в статьях, обзорах, хронике «Современника». С 1854 года в журнале систематически и обильно печатаются стихи Фета.

Фет быстро сошелся с основным кругом сотрудников «Современника»: Некрасов, Панаев, Тургенев, Гончаров, Боткин, Анненков, Дружинин, Григорович, несколько позднее Лев Толстой становятся близкими знакомыми Фета. Особенно сблизился он в это время с Тургеневым, который стал для него главным литературным советчиком, критиком и руководителем. В течение многих лет каждое новое стихотворение Фета прежде всего шло на суд Тургенева и нередко кардинально переделывалось по его указаниям. Тургенев в эту пору высоко ценил поэзию Фета. «Что вы мне пишете о Гейне? — пишет он Фету в 1855 году. — Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его».[1]

В 1855 году Тургенев при участии других сотрудников «Современника» подготовил новое собрание стихотворений Фета, которое вышло в свет в следующем году. Из стихов предыдущего собрания многие не вошли в новое, многие подверглись коренной переработке. Извещая читателей «Современника» о выходе этой книги, Некрасов писал: «Смело можем сказать, что человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе, после Пушкина, не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет».[2]

Круг ценителей, атмосфера литературных интересов, высокая оценка поэзии Фета возбудили в нем новый творческий подъем. Из его воспоминаний мы знаем, что ко времени сближения с кругом «Современника» он «давно уже не писал стихов» и «для журнальной печати запас их оказался ничтожен».[3] Между тем в период 1854—1859 годов стихотворения Фета идут в журналах таким же потоком, как в начале его литературной деятельности. Печатается он главным образом в «Современнике» и «Отечественных записках», а также в «Библиотеке для чтения», «Русском вестнике» и «Русском слове».

Быстрое улучшение материального и общественного положения Фета приводит к изменению его жизненных планов. Он пытается

---

[1] А. Фет. Мои воспоминания, ч. 1. М., 1890, стр. 104.

[2] Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. 9. М., 1950, стр. 279.

[3] Мои воспоминания, ч. I, стр. 35. Ср. еще стр. 37 («Новых стихотворений у меня не оказалось»).

опереться на литературный труд, сделать его основным занятием. Он начинает профессионально заниматься переводческой деятельностью, пишет статьи, очерки, рассказы, пишет поэмы, хотя сам впоследствии признается, что «эпической жилки» в нем никогда не было.[1]

Военная служба теряет для Фета всякий смысл. В 1856 году вышел указ, по которому потомственное дворянство стал давать лишь чин полковника, Фет же за двенадцать лет дослужился только до поручика.

В 1856 году Фет взял годовой отпуск, который частично провел за границей (в Германии, Франции и Италии), по окончании годового отпуска уволился в бессрочный, а в 1858 году вышел в отставку и поселился в Москве.

В 1857 году Фет женился на М. П. Боткиной, дочери крупнейшего чаеторговца и сестре критика В. П. Боткина. Это была некрасивая девушка не первой молодости, с каким-то печальным романом в прошлом. Надо думать, что брак Фета был исполнением той части жизненного плана, о которой он писал И. П. Борисову после смерти Марии Лазич:

«Итак, идеальный мир мой разрушен давно... Ищу хозяйку, с которой буду жить, не понимая друг друга... Если никто никогда не услышит жалоб моих на такое непонимание друг друга, то я буду убежден, что я исполнил свою обязанность, и только».[2]

Во второй половине 50-х годов, по позднейшему выражению Фета, «литература настойчиво окружала его похвалами».[3] Однако и в это время успех Фета был главным образом успехом в литературном кругу. Один из главных пропагандистов поэзии Фета, В. П. Боткин, писал в 1857 году: «Все журналы наши встретили книжку г. Фета сочувствием и похвалами, но тем не менее, прислушиваясь к отзывам о ней публики не литературной, нельзя не заметить, что она как-то недоверчиво смотрит на эти похвалы; ей непонятно достоинство поэзии г. Фета. Словом, успех его, можно сказать, только литературный: причина этого, кажется нам, заключается в самом таланте его».[4]

К концу 50-х годов признание Фета и в литературном кругу

---

[1] Мои воспоминания, ч. 1, стр. 7.

[2] Письмо И. П. Борисову от октября 1850 г. — «Литературная мысль», I, Пг., 1922, стр. 221.

[3] Письмо К. Р. (т. е. великому князю Константину Константиновичу, печатавшему свои стихи под этими буквами) от 5 декабря 1886 г. (Письма Фета Константину Константиновичу хранятся в Архиве Пушкинского Дома).

[4] В. П. Боткин. Сочинения, т. 2. СПб., 1891, стр. 368.

перестает быть единодушным. В это время создается революционная ситуация, резко обостряется идейная борьба. В критике исключительное значение приобретает вопрос о целях, задачах, смысле литературы и искусства вообще. Революционно-демократическая критика призывает к созданию искусства идейно значимого, доступного народу, широко отражающего и осмысляющего жизнь, участвующего в решении ее насущных вопросов, в борьбе за прогресс человечества и перестройку общества. Этим взглядам «эстетическая» критика противопоставляет требование «свободы искусства» от какой бы то ни было связи с социально-политической жизнью и ее задачами. По утверждению критиков-эстетов, прекрасное не может быть создано на почве «временных», «случайных», «злободневных» интересов, искусство — поэзия в особенности — связано лишь с «вечным идеалом красоты». «Поэт, под одеждою временного, имеет в виду только вечные свойства души человеческой... И тем всегда глубже и прочнее действие поэтического произведения, чем независимее оно от временных и, следовательно, скоропреходящих интересов», — говорит В. П. Боткин в статье о Фете.[1] «Вечными» темами поэзии признавались прежде всего темы природы и любви. Не возбранялась и «поэзия мысли», лишь бы размышления поэта касались «вечных» вопросов бытия, а не конкретных, насущных социально-политических проблем. Стремление уйти и увести от этих проблем было проявлением идеологии класса, идущего к упадку.

Фет всегда тяготел к темам, одобряемым теоретиками «чистого искусства». Когда наступили годы резкого размежевания писателей, он безоговорочно встал под знамена этого направления и ополчился на его врагов не только в программных стихотворениях, но и в статьях («О стихотворениях Ф. Тютчева» — 1859 г., «По поводу статуи г. Иванова» — 1866 г.). Эти статьи характерны воинствующим эстетизмом, агрессивной борьбой со взглядами революционной демократии: «Художнику дорога только одна сторона предметов: их красота»;[2] единственная задача искусства — «передать во всей полноте и чистоте» образ, «в минуту восторга» возникающий перед художником, «другой цели у искусства быть не может»;[3] «произведение, имеющее какую бы то ни было дидактическую тенденцию» — это «дрянь»[4] и т. п.

---

[1] В. П. Боткин. Сочинения, т. 2. СПб., 1891, стр. 367.

[2] О стихотворениях Ф. Тютчева. — «Русское слово», 1859, кн. 2, стр. 65.

[3] Из-за границы. — «Современник», 1857, т. 61, стр. 266.

[4] По поводу статуи г. Иванова на выставке Общества любителей художеств. — «Художественный сборник». М., 1866, стр. 84.

Такие взгляды на искусство были тесно связаны с определенной социально-политической ориентацией. Налет студенческого либерализма давно уже выветрился у Фета. В первые годы офицерства он еще, по позднейшему признанию, был «полон романтизмом Жорж Занд», [1] характерным для свободолюбивых настроений передовой молодежи 40-х годов; но чем больше он ассимилировался в среде провинциальных офицеров и помещиков, тем более усваивал реакционные взгляды. Однако до середины 50-х годов социально-политические вопросы вообще мало интересовали Фета. Обострение идейной борьбы вынуждает его более четко определить свои взгляды и симпатии.

Если в 50-е годы Фет печатался преимущественно в «Современнике», — в 60-е годы дальнейшее сотрудничество в этом журнале оказывается для него невозможным. «Современник» с середины 50-х годов постепенно все более становится выразителем взглядов революционной демократии, органом Чернышевского и Добролюбова. В течение нескольких лет в «Современнике» печатаются и дворянские писатели — в отделе словесности, и демократические писатели — в отделе критики, так что стихи Фета выходят под одной обложкой со статьями Чернышевского и Добролюбова. Но к 60-м годам сотрудничество писателей дворянского лагеря с разночинцами становится все менее возможным. Наступает разрыв. В 1860 году «Современник» покинул Тургенев, вместе с ним ушли и другие писатели, враждебные революционно-демократической идеологии. Фет порвал с «Современником» еще в 1859 году. [2] В следующем году и «Русское слово» стало органом радикалов. Быстро усиливающаяся реакционность позиций Фета отдаляет его и от либеральных журналов, а реакционный «Русский вестник» неохотно печатает стихи Фета, так как консерваторов смущает их «непонятность», «вычурность», нетрадиционность.

Литературные заработки Фета резко падают. Попытка стать профессиональным литератором рушится. Фету приходится искать новую профессию.

В 1860 году Фет купил двести десятин земли в том же Мценском уезде, где он родился и вырос. Выстроив дом и службы, он переехал в деревню и начал вести земельное хозяйство. В своих

[1] Ранние годы моей жизни, стр. 447. Описывая свой роман с Марией Лазич (она называется здесь Еленой Лариной), Фет указывает: «Главным полем сближения послужила нам Жорж Занд» (Там же, стр. 431).

[2] Разрыв произошел после появления в «Современнике» (1859 г., № 6) резкой по тону статьи М. Лавренского (Д. Михаловского) «Шекспир в переводе г. Фета».

воспоминаниях Фет говорит, что к этому шагу привело его «убеждение в невозможности находить материальную опору в литературной деятельности».[1] «Оскудение этого источника было причиной бегства в Степановку».[2] Однако выбор, сделанный Фетом, был обусловлен не только стремлением обеспечить себя. В 1860 году, в пору распада помещичьего хозяйства, неясности во взаимоотношениях с крестьянами, трудностей, связанных с переходом от крепостного труда к наемному, — налаживать неопытными руками помещичье хозяйство было делом рискованным. При энергии и практических способностях Фета, при его родственных связях по жене с верхами московской буржуазии можно было, без сомнения, найти способы употребить деньги, полученные в приданое, вернее и выгоднее. Но Фет хотел, по-видимому, прежде всего внутренней опоры, удовлетворяющего социального самоощущения. В. П. Боткин писал в это время сестре, убеждая ее примириться с решением Фета: «Это деятельность, которая займет Фета и даст ему ту душевную оседлость, которую ты, Маша, не довольно ценишь в муже, ибо литература теперь для него не представляет того, что представляла прежде, при ее созерцательном направлении».[3]

Помещик — это то социальное положение, которое наиболее соответствовало устремлениям Фета. «Он теперь сделался агрономом-хозяином *до отчаянности,* — пишет Тургенев Полонскому в 1861 году, — отпустил бороду до чресл — с какими-то волосяными вихрами *за* и *под* ушами, — о литературе слышать не хочет и журналы ругает с энтузиазмом».[4]

В 1862 году Фет выступил в печати как помещик-публицист. В своих «Записках о вольнонаемном труде» и очерках «Из деревни», печатавшихся в «Русском вестнике», Фет пеняет на власти за то, что они якобы плохо защищают помещичью собственность и помещичьи интересы от крестьян и наемных рабочих.

Эти очерки возбудили негодование всей передовой печати. Фет объявил войну прогрессивному лагерю и встретил дружный отпор.

С этого времени Фет стал писать публицистические стихотворения, в которых бичевались «бесчинная толпа», «смутный толк невежд» и «буйство века». Год от году Фет становится все более яростным защитником помещичьих интересов, монархического строя, феодальной реакции.

---

[1] Мои воспоминания, ч. 1, стр. 314.
[2] Там же, стр. 440.
[3] Там же, стр. 338—339.
[4] Первое собрание писем И. С. Тургенева. СПб., 1884, стр. 89.

Следует отметить, что революционно-демократическая критика относилась к Фету с большой объективностью. Чернышевский в рецензии 1856 года упоминает о «высоком понятии о таланте г. Фета, которое имеют все люди с изящным вкусом. Произведение, делающее честь г. Фету, должно быть превосходно», — пишет он.[1] В черновике писанного в Петропавловской крепости романа «Повести в повести» (1863) Чернышевский ставит Фета по таланту на второе место среди современных русских лирических поэтов, то есть сразу после Некрасова.[2] В то же время Чернышевский оценивает поэзию Фета как незначительную по содержанию. Говоря о Фете в письме к Некрасову, Чернышевский совмещает такие оценки, как «хороший поэт» и «пишет пустяки».[3]

Добролюбов также признавал талант Фета, но подчеркивал, что большого значения в русской литературе его стихи иметь не могут, потому что у автора нет «живого отношения к современности»[4] и талант его «способен во всей силе проявиться только в уловлении мимолетных впечатлений от тихих явлений природы».[5]

Та же мысль лежит в основе рецензии Салтыкова-Щедрина на собрание стихотворений Фета, изданное в 1863 году. Приведу начало этой рецензии:

«В семье второстепенных русских поэтов г. Фету бесспорно принадлежит одно из видных мест. Большая половина его стихотворений дышит самою искреннею свежестью, а романсы его распевает чуть ли не вся Россия... Если при всей этой искренности, при всей легкости, с которою поэт покоряет себе сердца читателей, он все-таки должен довольствоваться скромною долею второстепенного поэта, то причина этого, кажется нам, заключается в том, что мир, поэтическому воспроизведению которого посвятил себя г. Фет, довольно тесен, однообразен и ограничен».[6]

Гораздо более резкое отношение к Фету проявлял «разрушитель эстетики» Писарев, сменивший, в глазах большинства читателей, умершего Добролюбова и арестованного Чернышевского в роли первого критика. Писарев не считает нужным говорить

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 4. М., 1948, стр. 508.

[2] Там же, т. 12. М., 1949, стр. 695.

[3] Там же, т. 14. М., 1949, стр. 314.

[4] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 2. М. — Л., 1935, стр. 208.

[5] Там же, стр. 52.

[6] М. Е. Салтыков-Щедрин. Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1937, стр. 330.

о Фете всерьез. Его собранию стихотворений 1863 года Писарев предрекает такую участь: «Со временем... продадут его пудами для оклеивания комнат под обои и для завертывания сальных свечей, мещерского сыра и копченой рыбы. Фет унизится таким образом до того, что в первый раз станет приносить своими произведениями некоторую долю практической пользы».[1] Товарищ Писарева по журналу «Русское слово» В. А. Зайцев также лишь потешается над Фетом: «Такое занятие, как выдумывать такие стихи, ничем не отличается от перебирания пальцами, которому с наслаждением предаются многие купчихи», «он в стихах придерживается гусиного миросозерцания» — в таком тоне написана рецензия Зайцева на издание 1863 года.[2]

После выхода нашумевших статей Фета такой тон в радикальной журналистике стал обычным. Поэты демократического сатирического журнала «Искра» не устают пародировать Фета и смеяться над соединением в его лице поэта, воспаряющего над всем земным, с прижимистым помещиком.

Все это, впрочем, длилось недолго. В 1863 году Фет подвел итог 25-летней поэтической работе двухтомным собранием стихотворений и затем, можно сказать, ушел из литературы. Новых сборников в 60-е и 70-е годы он не издает и почти не появляется в журналах. О нем скоро перестают писать, а если вспомнят к слову, то говорят как о поэте давно забытом.

В эти годы Фет занимается многообразными хозяйственными делами (тут и полевое хозяйство, и мельница, и конский завод), с 1867 года в течение десятилетия служит мировым судьей, стихов почти не пишет, а досуг заполняет преимущественно занятиями философией, стремясь найти в ней твердую опору для своих взглядов и симпатий.

К 70-м годам Фет становится восторженным и безоговорочным поклонником немецкого философа-идеалиста Шопенгауэра. «Шопенгауэр, — писал Фет уже в конце жизни, — для меня не только последняя крупная философская ступень, это для меня откровение, возможный человеческий ответ на те умственные вопросы, которые сами собою возникают в душе каждого».[3]

Революционные просветители стремились изменить обществен-

---

[1] Д. И. Писарев. Сочинения, т. 3. СПб., 1904, стр. 241.

[2] В. А. Зайцев. Избранные сочинения, т. 1. М., 1934, стр. 108, 109.

[3] Письмо В. И. Штейну от 3 октября 1887 г. (Архив Пушкинского Дома).

ный строй в соответствии с «естественно-разумными» идеалами. Шопенгауэр же отрицал значение разума в жизни общества, уверял, что человечество, как и все живое, руководится не разумом, а инстинктами, бессознательной «волей». История, по Шопенгауэру, ничего существенного в человеке и обществе не изменяет, прогресс — мираж, а любые попытки сознательного изменения строя человеческой жизни бессмысленны и безнадежны.

Шопенгауэр уверял, что в мире царствует и всегда будет царствовать страдание. Фет с явным удовольствием повторяет пессимистические утверждения Шопенгауэра, оправдывая ими любые несправедливости социального строя: мир плох по существу, мир устроен так, что «соловьи клюют бабочек»,[1] никто в этом не повинен, стараться изменить мир в сторону свободы и справедливости могут только «невежды» и «глупцы».

Шопенгауэр отрицал значение разума и в сфере искусства. Основным свойством искусства он считал его независимость от «головных» понятий и от какой бы то ни было связи с житейскими задачами и практическими целями. Разум, учил Шопенгауэр, способен лишь на «низшее» познание, определяемое целями, которые ставятся инстинктивной «волей». Это — узкое, необъективное, подчиненное познание. «Высшее» познание, схватывающее действительный образ мира в его сущности, доступно только искусству, только художнику, творящему в состоянии бессознательного «вдохновения»; подлинное искусство непреднамеренно, иррационально, не связано с жизненной борьбой.

Эти идеи Фет не уставал повторять. «В деле свободных искусств я мало ценю разум в сравнении с бессознательным инстинктом (вдохновением), пружины которого от нас скрыты»;[2] «Цельный и всюду себе верный Шопенгауэр говорит, что искусство и прекрасное выводит нас из томительного мира бесконечных желаний в безвольный мир чистого созерцания; смотрят Сикстинскую Мадонну, слушают Бетховена и читают Шекспира не для получения следующего места или какой-либо выгоды»;[3] «В нашем деле истинная чепуха и есть истинная правда»;[4] «Художественное произведение, в котором есть смысл, для меня не существует»[5] и т. п.

---

[1] Письмо Я. П. Полонскому от 8 октября 1891 г. (Письма Фета к Полонскому хранятся в Архиве Пушкинского Дома).

[2] Мои воспоминания, ч. 1, стр. 40.

[3] Письмо к К. Р. от 27 сентября 1891 г.

[4] Письмо Я. П. Полонскому от 23 января 1888 г.

[5] Там же.

Круг людей, с которыми Фет общается в 60-е — 70-е годы, почти ограничен жителями Мценского уезда. Литературные связи распадаются.

Поддерживаются родственные отношения с Боткиным, как и Фет, ушедшим из литературы. Отношения с Тургеневым все более охлаждаются на почве углубляющегося расхождения общественно-политических взглядов и заканчиваются в 1874 году резким разрывом; состоявшееся через несколько лет примирение не восстановило прежних дружеских отношений.[1]

Единственным близким Фету человеком из числа писателей в эту пору является Лев Толстой, с которым Фет часто видится и переписывается. «Вы оба — моя критика и публика, и не ведаю другой», — пишет Фет в 1878 году Льву Толстому и его жене.[2] В свою очередь Толстой пишет Фету: «Вы — человек, которого, не говоря о другом, по уму я ценю выше всех моих знакомых и который в личном общении дает один мне тот другой хлеб, которым, кроме *единого,* будет сыт человек»; «Я свежее и сильнее вас не знаю человека»; «От этого-то мы и любим друг друга, что одинаково думаем *умом сердца,* как вы называете».[3]

Основания для сближения Толстого с Фетом в ту пору имелись. Оба они в одно и то же время решают отойти от литературной жизни и жить помещиками. Оба увлекаются философией Шопенгауэра. Отвергая прогресс, как выдумку «литераторов» и «теоретиков» с их якобы «головными», нежизненными понятиями, и Толстой и Фет противопоставляют человеческому разуму и движению истории «вечные начала» органической, стихийной, «роевой» (как выражается Толстой в «Войне и мире») жизни. Но для Толстого эти умственные веяния были лишь этапом, Фет же остался им верен до конца жизни.

Однако и в 60-е годы отношение Толстого и Фета к жизни было совершенно разным. Толстой мучительно бьется над вопросами о правде, добре и о счастье народа; Фет же своим антиисторизмом и биологизмом оправдывает равнодушие к люд-

---

[1] Подробно об отношениях Тургенева и Фета в этот период см. в моей вводной статье к публикации писем Фета к Тургеневу. — «Тургеневский сборник». Орел, 1940, стр. 33—36.

[2] Письмо от 31 января 1878 г. (Письма Фета к Л. Н. Толстому и С. А. Толстой хранятся в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

[3] Письма от 7 ноября 1866 г. и 28 июня 1867 г. — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 61. М., 1953, стр. 149, 172.

ским судьбам, обосновывает право уходить от человеческих скорбей в сферу «чистой красоты», якобы недоступной «для тупого большинства людей, подобно тому, как общество государей недоступно для черни».[1]

3

Периоды жизни Фета резко отделяются друг от друга. Последний период наступает в конце 70-х годов и длится до 21 ноября 1892 года — дня смерти Фета от разрыва сердца.[2] Двадцатилетняя деятельность энергичного, жесткого, твердо преследовавшего свои цели помещика дала обильный плод. К старости Фет стал богат. Он перестает заниматься хозяйством; дела передаются управляющему. Он продает свою Степановку и покупает в Курской губернии большое имение Воробьевку — с прекрасной старой усадьбой и роскошным парком. Там проводятся летние месяцы, а зимой Фет живет в Москве, в собственном доме — особняке, купленном в 1881 году. Жизнь в Москве дает возможность приобретать и поддерживать знакомства. Фет уже не чувствует себя в такой изоляции, как в 60-е — 70-е годы.

Этому способствуют и изменения в литературной и общественной жизни. Жестокая политическая реакция 80-х годов и разложение народнической идеологии вызывают упадок социально-политических интересов у части интеллигенции, перепуганной и растерявшейся. Возрождаются симпатии к идеалистической философии и стремление к уходу от «политики», от «будничной действительности» в сферу «чистого искусства». Фет вместе с Майковым и Полонским возводятся в сан патриархов «школы чистого искусства» и переходят на положение «маститых поэтов». У Фета появляется ряд поклонников и подражателей среди молодых поэтов. Возобновляется дружба молодости с Я. П. Полонским. В конце 70-х годов Фет сближается с философом-идеалистом и критиком Н. Н. Страховым. Страхов становится главным литературным советчиком Фета, заменив Тургенева. Интерес к философии связывает Фета также с Владимиром Соловьевым и другими филосо-

---

[1] А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление. Перевод А. Фета. Изд. 4-е, СПб., 1898, стр. 242.

[2] По сообщению Б. А. Садовского со слов секретарши Фета, причиной разрыва сердца была попытка самоубийства (см. статью «Кончина А. А. Фета» в книге Б. Садовского «Ледоход». Пг., 1916, стр. 75—83. Ср. статью В. Федúны «О происхождении и смерти Фета» в его книге «А. А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике». Пг., 1915, стр. 31—53).

фами-идеалистами. Занятия переводами римских поэтов сближают с филологами-классиками. С Львом Толстым, пережившим кардинальный идейный перелом, отношения становятся заметно холоднее.

В 60-е — 70-е годы Фет писал очень мало. Теперь он испытывает новый творческий подъем и словно стремится вознаградить себя за долгое молчанье. Он снова начинает печататься в журналах («Русский вестник», «Русское обозрение», «Нива») и через каждые два-три года выпускает новый сборник стихов (все под названием «Вечерние огни»). Сборники рецензируются, и поэзия Фета вновь начинает обсуждаться — поклонниками в восторженном тоне, противниками — в умеренном.

Но и теперь интерес к поэзии Фета проявляется лишь в очень узком кругу читателей. Издание 1863 года не разошлóсь до самой смерти поэта, новые сборники выходят мизерными тиражами. Третий выпуск «Вечерних огней» вышел в 700 экземплярах, четвертый — в 600.

Литература снова стала основным занятием Фета, но теперь уже не как профессия, а как средство занять досуг обеспеченного бездетного старика.

С конца 70-х годов Фет предпринимает ряд переводов. Он переводит главный труд Шопенгауэра «Мир как воля и представление», «Фауста» Гете, много мелких произведений, главным же образом занят переводом римских поэтов. В 1883 году он выпустил своего рода «труд жизни», начатый еще на студенческой скамье, — стихотворный перевод всех сочинений Горация. Но затем Фет стал переводить римских классиков с поспешностью, отразившейся на художественных качествах его переводов. В последние семь лет жизни он выпустил в свет «Сатиры» Ювенала, «Стихотворения» Катулла, «Элегии» Тибулла, «Превращения» Овидия, «Элегии» Проперция, «Энеиду» Вергилия, «Сатиры» Персия, «Горшок» Плавта, «Эпиграммы» Марциала, «Скорби» Овидия.

В 1890 году появились два толстых тома мемуаров Фета «Мои воспоминания», а в 1893 году — посмертно — третий том: «Ранние годы моей жизни». Свои книги в этот период Фет издавал сам; при его продуктивности он оказывался занятым почти непрерывной издательской деятельностью, тем более что некоторые переводы переиздавались.

Несмотря на занятость, творческий подъем, сближение с интересными людьми, Фет не перестает жаловаться на одиночество и скуку. Полного взаимопонимания с новыми друзьями у него нет. Об этом говорят и он, и они.

Характерно письмо Фета С. А. Толстой, жене Льва Толстого,

от 23 января 1888 года: «Окруженный небольшим числом европейски образованных людей, — пишет Фет, — ... я много раз пытался передать им то, что мне хотелось сказать, но каждый раз убеждался, что они не понимают меня, не потому, чтобы были неспособны к пониманию по умственному развитию, а потому, что... не поместные дворяне». В письме Фет сетует на переход культурной гегемонии от дворян к разночинцам и на классовую слепоту дворян-помещиков, которые «и не подозревают, что все, что подается им из враждебного лагеря, клонится к скорейшему их истреблению».

В конце XIX века не было другого крупного русского писателя, который так откровенно, как Фет, исповедовал бы убеждения «дикого помещика», можно сказать, выпячивал их с таким юродством. А. П. Чехов записал в своем дневнике: «Мой сосед В. Н. Семенкович рассказывал мне, что его дядя Фет-Шеншин, известный лирик, проезжая по Моховой, опускал в карете окно и плевал на университет. Харкнет и плюнет: тьфу! Кучер так привык к этому, что всякий раз, проезжая мимо университета, останавливался». [1]

Это юродство, очевидно, связано с особым характером социального самоощущения Фета. Фет не был тем цельным и уверенным человеком, каким хотел быть и многим казался. В свете его биографии многое в его убеждениях и высказываниях кажется парадоксальным, прямо гротескным: гротескно, что призванность к поэзии одного лишь дворянства декларирует дворянин, добывший дворянство обманом, что крепостное право оплакивает помещик, который самую возможность стать помещиком получил лишь благодаря отмене крепостного права. В гиперболически реакционных взглядах Фета, в его яростном дворянском максимализме чувствуется стремление убедить себя и других, что он подлинный, стопроцентный дворянин, «трехсотлетний Шеншин».

Став помещиком, выхлопотав причисление «по высочайшему повелению» к роду Шеншиных [2] и, тем самым, получив потомственное дворянство, Фет, казалось бы, добился того, чего желал смолоду. Но глубоко раненное самолюбие не удовлетворялось и требовало новых достижений на том же пути. Притом ряд знакомых вовсе не скрывал от Фета недоуменного или прямо иронического отношения к его превращению в Шеншина. Так, Тургенев написал

---

[1] А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем, т. 12. М., 1949, стр. 332.

[2] Как писатель Фет сохранил прежнее имя, но ревниво следил за тем, чтобы в быту, в адресах писем его называли Шеншиным.

ему по этому поводу: «Как Фет вы имели имя, как Шеншин вы имеете только фамилию».[1]

Вряд ли Фету могло оставаться неизвестным неверие даже близких ему людей не только в его русское дворянское происхождение по отцу, но и в немецкое бюргерское происхождение его матери. Воспоминания Фета, отчасти подтверждаемые и некоторыми другими источниками, рисуют семейство его матери зажиточной буржуазной немецкой семьей. Отец Фета, согласно этим материалам, был чиновником — асессором дармштадтского городского суда. Между тем даже в близких Фету домах верили слуху, что мать его была еврейкой, купленной Шеншиным у ее мужа — корчмаря.[2]

На все это Фет реагирует погоней за дальнейшими почестями. Он буквально выпрашивает себе придворное звание камергера к пятидесятилетнему юбилею своей литературной деятельности. Больной старик, еле двигающийся от удушья, мучит себя дворцовыми приемами, сидит из-за них в Москве в летнюю жару, тешится своим званием, являясь в камергерском мундире всюду куда следует и куда явно не следует.

Но ничем Фет в последние годы своей жизни не был так удовлетворен, как дружбой с великим князем Константином Константиновичем, писавшим посредственные стихи под инициалами К. Р. Письма Фета к К. Р. — психологически любопытные документы. Молодой поэт хочет встать к Фету в отношения ученика к учителю, — Фет не сходит с позиции «верноподданности» «августейшему поэту». «Милостиво», «изволили», «осчастливили» — такова лексика его писем к К. Р. Он неумеренно расхваливает стихи К. Р. — может быть, даже искренне; быть может, «письмо с короной золотой» настолько дурманило Фета, что «августейшие» стихи казались ему прекрасными.

Друзья поздних лет жизни Фета отнюдь не были людьми радикальных убеждений, но его социальное поведение вызывало у них осуждение и отчуждение. Полонский осторожно пытается разъяснить Фету непристойность таких выражений, как «Я робко за тобой пою» в стихах Фета Константину Константиновичу.[3] Страхов после получения Фетом камергерства пишет Толстому:

---

[1] А. Фет. Мои воспоминания, ч. 2, М., 1890, стр. 304.

[2] И. Э. Грабарь. Моя жизнь. М. — Л., 1937, стр. 252—254. Ср.: С. Л. Толстой. Очерки былого. М., 1949, стр. 343; П. И. Бартенев. Об А. А. Фете и его кончине. — «Русский архив», 1909, № 1, стр. 170.

[3] Письмо от 7 декабря 1890 г. (Архив Пушкинского Дома).

«Я вам пожалуюсь на Фета, который так испортил себя в моих глазах, да и не в моих одних».[1]

Мемуаристы говорят о том, что в Фете поражала «прозаичность». «В нем было что-то жесткое и, как ни странно это сказать, было мало поэтического. Зато чувствовался ум и здравый смысл».[2] «И наружностью, и разговорами он так мало походил на поэта. Говорил он больше о предметах практических, сухих...»[3]

Эти черты характера и поведения складываются в образ, в котором понятно все, кроме самого главного: ведь прозаический помещик, о котором идет речь, — это один из самых замечательных русских лириков. При такой плоской жизни какими же душевными движениями стимулировалось его лирическое творчество, какими переживаниями оно питалось?

Критики, пытавшиеся воссоздать образ Фета — в особенности молодого Фета — по его стихотворениям, обычно рисовали человека, бездумно, наивно и восторженно ищущего наслаждений и безраздельно отдающегося им. Это неверное представление. Фет вовсе не был таким жизнерадостным — напротив, он был склонен к мрачности, тоске и хандре. Тургенев писал о Фете в 1870 году: «Я не знаю человека, который мог бы сравниться с ним в умении хандрить. Вот кому бы следовало оставаться вечно молодым».[4] Но вот что писал о *молодом* Фете Аполлон Григорьев, знавший его в студенческие годы так близко, как никто другой, — писал по свежей памяти об этих годах:

«С способностью творения в нем росло равнодушие. Равнодушие ко всему, кроме способности творить, — к божьему миру, как скоро предметы оного переставали отражаться в его творческой способности, к самому себе, как скоро он переставал быть художником. Так сознал и так принял этот человек свое назначение в жизни... Страдания улеглись, затихли в нем, хотя, разумеется, не вдруг. Этот человек должен был или убить себя, или сделаться таким, каким он сделался... Я не видал человека, которого бы так душила тоска, за которого бы я более боялся самоубийства... Я боялся за него, я проводил часто ночи у его

---

[1] Письмо от 13 апреля 1889 г. — В кн.: Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Переписка, т. 2. СПб., 1914, стр. 379.

[2] С. Л. Толстой. Очерки былого. М., 1949, стр. 343.

[3] Е. В. Оболенская-Толстая. Моя мать и Лев Николаевич. — «Октябрь», 1928, № 9—10, стр. 232.

[4] Письмо И. П. Борисову от 31 января 1870 г. — «Щукинский сборник», вып. 8. М., 1909, стр. 412.

постели, стараясь чем бы то ни было рассеять это страшное хаотическое брожение стихий его души».[1]

В жизни Фета не было периода, о котором он вспоминал бы без горечи; даже к раннему детству он не хотел возвращаться воспоминанием. «...Я никогда не уношусь в детство, — пишет он И. П. Борисову, — оно представляет мне... интриги челяди, тупость учителей, суровость отца, беззащитность матери и тренирование в страхе изо дня в день».[2]

Мрачность духа могла быть связана у Фета и с тяжелой психической наследственностью. Фет имел пятерых братьев и сестер: четверо из них (в том числе старшая сестра — от первого брака матери Фета) были душевнобольные.

У Фета было достаточно эстетического чувства для того, чтобы не считать поэтичной и красивой свою жизнь, отданную погоне за богатством и удовлетворением тривиального честолюбия. Но не надо думать, что Фет когда-нибудь осуждал свою жизнь во имя высших идеалов или хотя бы признавал, что можно было прожить жизнь достойнее и красивее. Нет: его жизнь вызывала в нем чувство отвращения, скуки и тоски, но он считал, что таково свойство жизни вообще. И до знакомства с Шопенгауэром, и в особенности опираясь на его учение, Фет не уставал твердить, что жизнь вообще низменна, бессмысленна, скучна, что основное содержание жизни — страдание, и есть только одна таинственная, непонятная в этом мире скорби и скуки, раскрывающаяся перед избранными сфера подлинной, чистой радости — сфера красоты, особый мир,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста —
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

(«Какая грусть! Конец аллеи...»)

«Без чувства красоты, — формулирует Фет, — жизнь сводится на кормление гончих в душно-зловонной псарне».[3]

Поэзии, по Фету, нечем поживиться в «мире скуки и труда»;

---

[1] А. Григорьев. Офелия. Одно из воспоминаний Виталина. — «Репертуар и пантеон», 1846, № 1, стр. 15. О точной биографичности этого рассказа см. в комментарии к поэме Фета «Студент».

[2] «Литературная мысль», I. Пг., 1922, стр. 221.

[3] Из деревни. — «Русский вестник», 1863, № 1, стр. 467.

красоту надо искать не в «мраке жизни вседневной», не «средь жалких нужд земных». Только

За рубежом вседневного удела
Хотя на миг отрадно и светло.

(«Всё, всё мое, что есть
и прежде было. . .»)

Страстная любовь к поэзии с раннего детства и мрачное презрение к жизни едва ли не с тех же лет предопределяли сочувствие Фета к учениям, выводившим искусство и красоту за пределы повседневной жизни, в какой-то особый мир якобы «чистого созерцания». Такими учениями были: в 40-е годы — романтическая философия искусства, еще имевшая тогда широкое распространение и несомненное влияние; в 50-е годы — теория «чистого искусства», проповедуемая авторитетными для Фета критиками Боткиным и Дружининым; позднее — философия Шопенгауэра.

«Я никогда не мог понять, чтобы искусство интересовалось чем-либо помимо красоты», — писал Фет в своих воспоминаниях.[1] Красоту же он всегда искал вне «обыденности», «злободневности», «современности», вне социальной жизни. Это, понятно, ограничивало его поэзию переживаниями и мыслями, оторванными от живых интересов текущей общественной жизни. На это и указывала революционно-демократическая критика.

Но это не значит, что поэзия Фета вообще оторвана от реальности, что красоту Фет находил только в «мечтах и снах», хотя и несомненна его приверженность ко всему, что «оторвалось» от «бездушной и унылой» обыденности и прошло сквозь горнило фантазии. Но все же это не главная стихия поэзии Фета. Большим поэтом сделала его прежде всего любовь к природе, умение видеть и чувствовать ее красоту. Фет писал: «Поэт — тот, кто в предмете видит то, чего без его помощи другой не увидит»,[2] «Говоря о поэтической зоркости, даже забываю, что существует перо. Дайте нам прежде всего в поэте его зоркость в отношении к красоте, а остальное на заднем плане».[3] Эта «зоркость в отношении к красоте» — в первую очередь к красоте природы — более всего выдвигает Фета в число крупнейших русских лириков.

Фетовский мир «прекрасного» включает и вполне реальный,

---

[1] Мои воспоминания, ч. 1, стр. 225.

[2] Предисловие к переводу «Превращений» Овидия. М., 1887, стр. V.

[3] О стихотворениях Ф. Тютчева. — «Русское слово», 1859, кн. 2, стр. 66.

хотя и ограниченный, круг чувств и настроений, воплощенных в его поэзии с большой психологической тонкостью. Речь идет прежде всего о любовных переживаниях. Фет издавна слывет певцом природы и любви — и это, в основном, справедливо.

Равнодушный к страданиям и стремлениям народа, враждебный мечтам и прозрениям лучших умов человечества, Фет в узкой сфере своих поэтических переживаний — поэт редкой эмоциональности, силы заражающего чувства, при этом чувства светлого, жизнерадостного, жизнеутверждающего. Основное настроение поэзии Фета — настроение душевного подъема. Упоение природой, любовью, искусством, воспоминаниями, мечтами — вот основное эмоциональное содержание поэзии Фета. Есть у него, конечно, и грустные, меланхолические стихи, но мажорный тон преобладает.

Почему мрачный пессимист писал жизнерадостные стихи? Фет сам дал объяснение этому видимому противоречию. В предисловии к 3-му выпуску «Вечерних огней» он писал: «Скорбь никак не могла вдохновить нас. Напротив... жизненные тяготы и заставляли нас в течение пятидесяти лет по временам отворачиваться от них и пробивать будничный лед, чтобы хоть на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом поэзии». Для угрюмого, озлобленного человека, не верящего в людей и в жизнь, акт поэтического творчества был актом освобождения, воспринимался как выход из мира скорбей и страданий в мир светлой радости. Чувством радости и проникнута поэзия Фета. Каковы бы ни были ее философские и психологические истоки, она не является ущербной, упадочной; она противостоит упадочному искусству по основной своей тональности.

4

Стихи первого сборника Фета «Лирический пантеон» — типичные образцы эпигонского романтизма конца 30-х годов. Любопытно отметить большое сходство между «Лирическим пантеоном» и другим сборником, вышедшим в том же году, также под одними инициалами автора: «Мечтами и звуками» Некрасова. Начав свой путь с одного исходного пункта, два наиболее значительных поэта данного поколения быстро разошлись в противоположные стороны.

В «Лирическом пантеоне» представлены все модные жанры ходовой поэзии той эпохи: баллады ориентальные, феодальные и «народные», «антологические стихотворения», элегии.

На протяжении 40-х годов Фет отдает еще дань эпигонскому

романтизму. Наивные имитации «восточной» романтики, характерные для «Лирического пантеона» («Похищение из гарема», «Одалиска»), находим еще в таких стихах 40-х годов, как «Под палаткою пунцовой...» Циклы стихов «Гадания» и «Баллады» демонстрируют «романтическую народность». Здесь Фет преимущественно перекладывает в стихи народные поверья, заимствованные из популярных этнографических сборников. Кое-где Фет пытается имитировать народный склад речи, народные интонации:

Вот теперь — что день, то гонка,
И крикливого ребенка,
По́век девкою, качай!

И когда же вражья сила
Вас свела? — Ведь нужно ж было
Завертеться мне в извоз!..

(«Метель»)

и т. п.

Все это было очень уж явно наносным и вскоре отпало. Гораздо большее значение имели опыты Фета в «антологическом» и близком к нему «элегическом» роде, хотя и эти стихи, как выяснилось позднее, возникали на периферии творчества Фета, не были порождены основными устремлениями его творческой индивидуальности.

Попытки возрождения «антологического» жанра в 40-е годы имели большой успех. Стихи этого жанра создали славу Майкову и Щербине. Их успех отчасти объясняется исчерпанностью и утомительностью эпигонского романтизма с его аффектированной страстностью, с его симуляцией грандиозных переживаний и вдохновенных видений. «Священному безумию» романтического художника в «антологической поэзии» противопоставлено подчеркнуто спокойное, отрешенное от страстей, «гармонически» уравновешенное, созерцательное отношение художника к миру. Место поэтического экстаза занимает холодноватая рассудочность, определяющая рациональную, ясную композицию произведений, «пластический» стиль. Выдвигаются описательные задачи: описания статуй, картин становятся любимыми темами. Существенно, что и люди описываются как статуи, что и жизненные сцены даются в статике картины. Основное внимание уделяется выявлению и расположению «прекрасных» деталей. Именно это отношение лирика к объектам его поэзии ощущается как главный признак жанра; античные образы и темы могут и отсутствовать.

«Антологические» поэты 40-х годов много переводят Шенье и подражают ему, но в их произведениях нет того культа свободы, дружбы, любви, нет той жизненности, которые ценил в элегиях Шенье Пушкин. Характерно, что, когда в 50-е годы в русской критике образуется группа сторонников «искусства для искусства», она базируется в особенности на антологической поэзии, поднимает на щит Майкова и Щербину.

В сущности антологическая поэзия 40-х годов совсем не была так далека от эпигонского романтизма, как это могло казаться. Их объединяло главное: отношение к действительности — отрешенное, приподнятое, эстетское.

Особую роль в антологическом жанре играло мастерство стиха. Антологические стихотворения писались классическими размерами, имевшими длительные и твердые поэтические традиции: александрийским стихом, гекзаметром, элегическим дистихом. Подбор звуков, соотношение ритма и фразы, замедления и ускорения в доцезурной и в зацезурной части стиха в результате распределения ударений, в соответствии с движением эмоции — все эти «гармонии стиха божественные тайны» (Майков) требовали тонкого вкуса, большого стихового мастерства. Быть может, более всего мастерство стиха было причиной преимущественного успеха антологических стихотворений Фета в 40-е — 50-е годы. Стихотворения этого типа, вошедшие в раздел «Антологические стихотворения», частью в «Элегии» и «Вечера и ночи», единогласно признавались лучшими в сборнике 1850 года всеми его рецензентами. Ни одно стихотворение Фета на всем протяжении его творчества не вызывало таких восторгов, как антологическая «Диана» с ее пластическою выразительностью, с ее выверенными, точными эпитетами и математически строгими интонациями александрийского стиха:

Я ждал, — она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы град,
На желтоводный Тибр, на группы колоннад,
На стогны длинные. . . Но мрамор недвижимый
Белел передо мной красой непостижимой.

Некрасов, Тургенев, Достоевский, Дружинин, Боткин не находили слов для прославления этого стихотворения, уверяли, что оно «сделало бы честь перу самого Гете», что русская поэзия «ничего не знает более сильного» и т. п.

По темам, по образам, по принципам словосочетания антоло-

гические и близкие к ним стихотворения Фета 40-х годов достаточно традиционны, как, впрочем, весь этот жанр. Они восходят, в основном, к двум источникам: написанные александрийским стихом — к элегиям Шенье, написанные элегическим дистихом — к «Римским элегиям» Гете.

«Антологические» описания статуй и картин на античные сюжеты продолжаются у Фета и в 50-е годы (стихотворения «Диана, Эндимион и сатир», «Венера Милосская», «Аполлон Бельведерский», «Нимфа и молодой сатир» и другие), вызывая одобрение критиков. Но критики уже не могут не понимать, что творческое своеобразие Фета — не в этих произведениях. В критике, начиная с первых отзывов, постоянно подчеркивается резкое расхождение двух линий поэзии Фета. Первый «пестун» творчества Фета Аполлон Григорьев писал в обзорной статье «Русская изящная литература в 1852 году»: «Дарование Фета совершенно самобытное, особенное, до того особенное, что особенность переходит у него в причудливость, подчас в самую странную неясность или в такого рода утонченность, которая кажется изысканностью... В таланте Фета явным образом различаются две стороны: как поэт антологический, он не страждет указанными нами недостатками; а антологических его стихотворениях вы видите и яркость, и ясность выражения ...Но Фет, кроме того, — поэт субъективный, поэт одной из самых болезненных сторон сердца современного человека».[1] Следует многостраничный анализ поэзии Гейне как главного, по мнению Григорьева, представителя «болезненной», субъективной поэзии. «Манера болезненной поэзии, — пишет далее Григорьев, — отличается отсутствием типичности и преобладанием особности и случайности в выражении, особности и случайности, доходящих как у немецких стихотворцев, так и у наших до неясности и причудливого уродства ...Представителем, и притом единственным оригинальным представителем этого рода поэзии в нашей литературе, назвали мы Фета... Из болезненной поэзии Фет развил собственно одну ее сторону, сторону неопределенных, недосказанных, смутных чувств, того, что называют французы le vague... Чувство в некоторых его стихотворениях как будто не созревает до совершенной полноты и ясности — и явно поэт сам не хотел довести его до такого определенного, общедоступного состояния, что он предпочитает услаждаться, так сказать, грезою чувства... И оттого никому не удается подмечать так хорошо за-

---

[1] А. Григорьев. Собрание сочинений, вып. 9. М., 1916, стр. 96—97.

датки зарождающихся чувств, тревоги получувств и, наконец, подымающиеся подчас в душе человека отпрыски прошедших чувств и старых впечатлений, былых стремлений, которые «далёки, как выстрел вечерний», памяти былого, которая

Крадется в сердце тревожно».[1]

Сближение Фета с Гейне по линии «болезненной» субъективности может возбудить недоумение. Надо отметить, что все статьи о сборнике 1850 года — в «Отечественных записках», «Москвитянине», «Библиотеке для чтения», «Современнике» — настойчиво подчеркивают связь Фета с Гейне. Да и через десять лет о Фете писали, что он «гораздо более принадлежит к немецкой школе поэтов — последователей Гейне, чем даже немецкие Гартманы, Гейбели и Мейснеры».[2] Характеризуя Фета в рецензии на его сборник 1863 года, Салтыков-Щедрин также называет его «подражателем и последователем» Гейне, разъясняя, однако, что Фету совершенно чужды наиболее сильные стороны таланта Гейне, «его исполненное горечи отрицание, его желчный юмор и то холодное полуотчаяние, полупрезрение, выражающееся в постоянном и очень оригинальном раздвоении мыслей»; Фет связан с Гейне лишь как с поэтом «неопределенных мечтаний и неясных ощущений».[3]

В 40-е годы в России был известен по переводам лишь узкий круг стихотворений Гейне — и Гейне воспринимался как романтический лирик.

Понимание Гейне как поэта «неопределенных мечтаний и неясных ощущений» было в эту пору настолько общим, что в романе Писемского «Богатый жених» (1851) пошлый фразер Шамилов говорит о Гейне (разумеется, с чужих слов), «что поэт этот постиг тайну производить то же впечатление словом, какое производит музыка, и что в его поэзии чувства подмечаются в первый момент их зарождения и потому не высказываются ясно и определенно, и что в этом-то состоит главная прелесть его стихотворений».[4] Это — то самое, что критика писала о Фете.

Описание природы, как бы откликающейся на настроение лирического героя, выбор отдельных впечатляющих деталей вместо

---

[1] А. Григорьев. Собрание сочинений, вып. 9. М., 1916, стр. 108, 109, 111.

[2] «Русское слово», 1860, № 8, стр. 42.

[3] М. Е. Салтыков-Щедрин. Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1937, стр. 330.

[4] А. Ф. Писемский. Полное собрание сочинений, т. 1. СПб., 1910, стр. 124.

связного описания, иногда некоторая неопределенность фабулы при тонкой рисовке настроения — вот чему учатся у Гейне поэты 40-х годов, прежде всего Фет.

В своих воспоминаниях Фет сам говорит о сильнейшем своем увлечении Гейне в молодые годы: «К упоению Байроном и Лермонтовым присоединилось страшное увлечение стихами Гейне».[1] «Никто... не овладевал мною так сильно, как Гейне своею манерой говорить не о влиянии одного предмета на другой, а только об этих предметах, вынуждая читателя самого чувствовать эти соотношения в общей картине, например, плачущей дочери покойного лесничего и свернувшейся у ног ее собаки».[2]

Присмотримся к ранним стихотворениям Фета, которые современникам казались «гейневскими». Вот стихотворение, каждая из трех строф которого начинается словами: «Я жду...» Лирический герой ждет, конечно, свою любимую, но прямо это не сказано. В конце второй строфы усиливается напряженность ожидания:

Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

У любого поэта той эпохи напряжение разрешилось бы приходом или неприходом любимой; у Фета конец иной:

Звезда покатилась на запад...
Прости, золотая, прости!

(*«Я жду... Соловьиное эхо...»*)

Создавалось резкое впечатление фрагментарности, нарочитой оборванности.

Лирическому герою снится безответно любимая им девушка. Это более чем обычная тема для лирического стихотворения. Но как развивает ее Фет?

Ах, дитя, к тебе привязан
Я любовью безвозмездной!
Нынче ты, моя малютка,
Снилась мне в короне звездной.

---

[1] Ранние годы моей жизни, стр. 193.

[2] Там же, стр. 209. Фет имеет в виду стихотворение Гейне «Die Nacht ist feucht und stürmisch...» («Сырая ночь и буря...») из раздела «Die Heimkehr» («Опять на родине»).

Что за искры эти звезды!
Что за кроткое сиянье!
Ты сама, моя малютка,
Что за светлое созданье!

Образ царицы звезд вытеснил тему «безвозмездной» любви и оборвал стихотворение «по-гейневски».

Вот стихотворение «Кот поет, глаза прищуря...» Средняя его строфа занята чьим-то (матери? няни?) обращением к задремавшему мальчику; ему велят идти спать. А в двух обрамляющих строфах повторяются два мотива: кот поет и «ветер свищет на дворе». Связь трех мотивов могла не улавливаться, стихи могли казаться бессвязными.

«Гейне писал стихи точно так, как г. Фет, — издевался барон Брамбеус (О. И. Сенковский) над стихотворением «На двойном стекле узоры...» — На стекле мороз чертит узоры, а девушка умна, и г. Фет любит созерцать утомления». «Я не понимаю связи между любовью и снегом».[1]

Вот еще стихотворение, приводившееся критикой в пример типично «гейневского»: «Шумела полночная вьюга...» Поэт хочет выразить настроение и без психологического анализа его, и без прояснения сюжетной ситуации, с которой оно связано. Что́ произошло и происходит между героями стихотворения — читатель не узнаёт; «Мы сели с ней друг подле друга» — вот, в сущности, единственная фраза, в которой дано какое-то «действие». Между тем читатель должен ощутить что-то напряженное, тревожное и грустное в эмоциональной атмосфере, которую поэт стремится передать деталями обстановки. При скрытости сюжета эти детали выступают на первый план и, окрашиваясь неясной мрачностью ситуации, становятся эмоционально выразительными: шум полночной вьюги в лесной глуши, скрип деревьев за стеной, свист горящих дров и треск смолы, красный от огня пол в темной комнате заменяют описание эмоции. Она, правда, отчасти выражена в стихах:

А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!

Но характерно, что это — метафора, перевод в сферу душевной жизни предыдущего описания темноты, еле разгоняемой огнем печи.

[1] Рецензия на «Стихотворения» Фета. — «Библиотека для чтения», 1850, № 5, стр. 9, 10.

Стихотворение завершается словами:

О друг мой, скажи, что́ с тобою?
Я знаю давно, что́ со мной!

Эти слова не только не проясняют ситуацию, но даже неясно, чьи они: то ли это диалог, то ли целиком слова лирического героя, обращенные к его спутнице, то ли это вовсе не произносимые в данной ситуации слова, а лирическое восклицание, эмоционально завершающее стихотворение.

Таким образом, выражение «неясного» переживания, не определенного сюжетно и не анализированного психологически, реализуется в символических деталях внешнего мира, подобранных по их эмоциональной выразительности, вводящих в атмосферу нераскрытых отношений.

Внешний мир как бы окрашивается настроениями лирического героя, оживляется, одушевляется ими. С этим связан антропоморфизм, характерное очеловечение природы в поэзии Фета. Это не тот антропоморфизм, который всегда присущ поэзии как способ метафорической изобразительности. Когда Пушкин говорит о реке «И лижет утесы голодной волной» — это метафорическое изображение бурной реки в скалистых берегах. Когда Лермонтов говорит о пальмах:

Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом —

одежда должна быть понята как листва, а тела как стволы. Но когда у Тютчева деревья бредят и поют, тень хмурится, лазурь смеется, свод небесный вяло глядит, а гвоздики лукаво глядят, — эти предикаты уже не могут быть поняты как метафоры.

Фет идет в этом дальше Тютчева. У него «цветы глядят с тоской влюбленной», роза «странно улыбнулась», ива «дружна с мучительными снами», звезды молятся, «и грезит пруд, и дремлет тополь сонный», а в другом стихотворении тополь «не проронит ни вздоха, ни трели». Человеческие чувства приписываются явлениям природы без прямой связи с их свойствами. Лирическая эмоция как бы разливается в природе, заражая ее чувствами лирического «я», объединяя мир настроением поэта.

Этому Фет, действительно, мог учиться у Гейне. Первой журнальной публикацией Фета были три перевода из Гейне, напечатанные в «Москвитянине» в 1841 году; среди них стихотворение, в ко-

тором особенно сказалась эта манера одушевлять всю природу чувствами лирического героя:

Из слез моих много родится
Роскошных и пестрых цветов,
И вздохи мои обратятся
В полуночный хор соловьев.

Дитя, если ты меня любишь,
Цветы все тебе подарю,
И песнь соловьиная встретит
Под милым окошком зарю.

Человеческие свойства в поэзии Фета могут быть приданы и таким явлениям, как воздух, мрак, цвет («устал и цвет небес»), а с другой стороны, в тех же целях выражения лирической эмоции, живое существо может быть превращено в часть, в орган очеловеченного поэтом единства:

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся...

(«Я пришел к тебе с приветом...»)

В стихотворении «Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад...» выступают как бы на равных правах люди, звезды, соловей, сердце и рука самого лирического героя:

Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат — слышит только соловей...
Да и тот не слышит, — песнь его громка;
Разве слышат только сердце да рука...

Чувство поэта находит отклик во всей природе, оно одушевляет этот мир, «где воздух, свет и думы заодно», где

...в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

(«Еще майская ночь»)

О последнем двустишии Лев Толстой писал В. П. Боткину: «И откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?»[1]

Объединяя и оживляя лирической эмоцией и предметы, и понятия, Фет пишет:

Зачем же за тающей скрипкой
Так сердце в груди встрепенулось,
Как будто знакомой улыбкой
Минувшее вдруг улыбнулось?

(«Улыбка томительной скуки. . .»)

Скрипке придан эпитет, выражающий впечатление от ее звуков.[2] Характерные эпитеты Фета — такие, как «мертвые грезы», «серебряные сны», «благовонные речи» и т. п., — не могут быть поняты в прямом смысле: они теряют свое основное значение и приобретают широкое и зыбкое переносное значение, связанное с основным по эмоциональной ассоциации.

Такие эпитеты постоянно вызывали у современников Фета удивление и насмешки. В наши дни, после всего пути, пройденного русской поэзией со времени Фета, его словосочетания уже не кажутся «дерзкими», но еще в конце прошлого века литератор Ф. Ф. Фидлер, любитель и знаток русской поэзии, с удивлением отмечает на подаренном ему Фетом экземпляре «Вечерних огней» такие выражения, как «овдовевшая лазурь», «травы в рыдании», «румяное сердце» (розы) — и на полях пишет: «Не понимаю».[3] Это же «не понимаю» преследовало Фета со страниц журналов от начала до конца его литературной деятельности.

Вначале, как сказано, при этом поминали Гейне, потом аналогии с Гейне отпали. Надо сказать, что близость поэзии Фета к гейневской, даже в тот период, когда Фет так увлекался ею, была относительной. Не говоря уже о круге тем, о направленности идей, — не схож и стиль. Если Гейне свойственны иногда недосказанность,

---

[1] Письмо от 9 июля 1857 г. — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 60. М., 1949, стр. 207.

[2] Ср. в другом стихотворении:

Исполнена тайны жестокой
Душа замирающих скрипок.

(«Весеннее небо глядится. . .»)

[3] В. М. Саянов. Фет, Бунин, Фидлер (К вопросу о новаторстве). — В кн.: В. Саянов. Статьи и воспоминания. Л., 1958, стр. 13—21.

лирическая фрагментарность, описание природы, как бы откликающейся на настроения лирического героя, то способы словоупотребления и словосочетания Фета, придание словам смутного, ассоциативного значения, в котором на первый план выступают эмоциональные ореолы слова, — все это совсем не близко Гейне с его ясным словоупотреблением. Здесь Фет идет за Жуковским, за Тютчевым (в его «мелодической» линии), смело развивая принципы их поэтической семантики.

Ассоциации по эмоциональной близости играют большую роль не только в словоупотреблении Фета, но и в развитии темы, в композиции стихотворений, особенно поздних. Иногда, не учтя ассоциаций, нельзя понять смысла стихотворения, даже если эти ассоциации не субъективны, а только не прояснены. Есть случаи, когда они настолько не прояснены, что стихотворение приходится разгадывать как ребус. Так, стихотворение «Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой поник...» (1887) приходится «разгадывать» с конца, с последнего стиха:

С благовоньем войду апельсинных цветов.

Цветы апельсинного дерева (fleurs d'orange) — традиционная деталь подвенечного наряда невесты.[1] Значит, лирическое «я» стихотворения — девушка. Значит, предпоследний стих

Если ж скажет отец: «не грусти, — я готов», —

обозначает согласие ее отца на брак. Значит, «слезы» и «грозы» предыдущих стихов говорят о борьбе с отцом за это согласие. А все стихотворение — это условный код, который девушка передает своему возлюбленному, чтобы потом сообщать ему о ходе своей борьбы. Причем этот код — не любимый Фетом «язык цветов», как может показаться при беглом чтении, а язык их запахов («дыханья цветов»), то есть духо́в, которыми будет благоухать героиня.

Встречаются (немногие, правда) стихотворения, где развитие темы целиком определено субъективными ассоциациями лирика, как бы пассивно воспроизводящего движение образов, смежившихся в его сознании. Характерный пример — стихотворение «На кресле отвалясь, гляжу на потолок...» (1890). На освещенном потолке вертится тень от жестяного кружка, подвешенного над висячей керосиновой лампой (чтобы не коптился потолок) и слегка вращающегося от притока воздуха. Глядя на эту вертящуюся круглую

---

[1] Вспомним у Блока: «И лишь венчаться не согласна Без флер д'оранжа и фаты» («Возмездие», гл. 1).

тень, поэт вспоминает, как когда-то на осенней заре кружилась над садом темная стая грачей. А этот образ окрашен в его воспоминании горечью разлуки с любимой, которая уезжала в то время, как над садом кружились грачи. Цепью этих ассоциаций определяется движение стихотворной темы.

Уже первым критикам Фета было ясно, что особенности его художественной манеры связаны со стремлением передавать не те чувства и ощущения, которые легко определить точными словами, а неявные, смутные душевные движения, которые невозможно точно назвать, а можно только «навеять на душу» читателя. Слова Аполлона Григорьева об этом мы уже привели. Дружинин определяет основное свойство таланта Фета как «уменье ловить неуловимое, давать образ и названье тому, что до него было не чем иным, как смутным, мимолетным ощущением души человеческой, ощущением без образа и названия».[1] «Мотивы г. Фета, — пишет Боткин, — заключают в себе иногда такие тонкие, такие, можно сказать, эфирные оттенки чувства, что нет возможности уловить их в определенных отчетливых чертах и их только чувствуешь в той внутренней музыкальной перспективе, которую стихотворение оставляет в душе читателя».[2]

Замечательную (хотя и резко полемическую) характеристику поэтического мира Фета дал Салтыков-Щедрин: «Это мир неопределенных мечтаний и неясных ощущений, мир, в котором нет прямого и страстного чувства, а есть только первые, несколько стыдливые зачатки его, нет ясной и положительно сформулированной мысли, а есть робкий, довольно темный намек на нее, нет живых и вполне определенных образов, а есть порою привлекательные, но почти всегда бледноватые очертания их. Мысль и чувство являются мгновенною вспышкою, каким-то своенравным капризом, точно так же быстро улегающимся, как и скоро вспыхивающим; желания не имеют определенной цели, да и не желания это совсем, а какие-то тревоги желания. Слабое присутствие сознания составляет отличительный признак этого полудетского миросозерцания».[3]

«Слабое присутствие сознания» в поэзии — не простой результат слабого интеллектуального развития автора, как можно понять Щедрина. Это своего рода эстетический догмат. По романтической эстетике Фета именно те душевные состояния наиболее близки

---

[1] А. В. Дружинин. Собрание сочинений, т. 7. СПб., 1865, стр. 119—120.

[2] В. П. Боткин. Сочинения, т. 2. СПб., 1891, стр. 375.

[3] М. Е. Салтыков-Щедрин. Полное собрание сочинений, т. 1. М., 1937, стр. 330.

поэзии, которые наиболее далеки от рассудочной стороны человеческой души. «Грезы», «сны», «бред», «мечты» — постоянные, любимые темы Фета. Уже в 40-е годы Фет писал такие стихотворения, как «Фантазия», где мгновенное настроение создает фантастическую феерию из обычной лунной майской ночи. Впоследствии он фантазировал еще смелее.

Фет часто подчеркивал бессознательность описываемых состояний: «Думы ли реют тревожно-несвязные», «И в темноте тревожного сознанья», «Тканью непроглядною тянутся мечты». Бессознательностью характеризуются состояния экстатические, совпадающие с апогеем стихотворения:

Уж начали звезды мелькать в небесах...
Не помню, как бросил весло,
Не помню, что пестрый нашептывал флаг,
Куда нас потоком несло!

(«Над озером лебедь в тростник протянул. . .»)

Эти «не помню», «не знаю», «не пойму» постоянны в вершине лирического движения, на которой обычно заканчивается стихотворение. Характерны, как и для Жуковского, и постоянные «что-то», «как-то», «какое-то»... «Где-то что-то веет, млеет», — пародировал Фета Тургенев.[1]

Недоступность чувства сознанию и невыразимость его словом постоянно декларируется («Искал блаженств, которым нет названья», «Неизреченные глаголы», «Невыразимое ничем», «Но что горит в груди моей — Тебе сказать я не умею», «О, если б без слова Сказаться душой было можно», «Не нами Бессилье изведано слов к выраженью желаний» и т. п.).

Душевное состояние, не выразимое точными словами, может, по Фету, быть лишь «навеяно на душу». Постоянна у Фета тема «немой речи», раскрытия чувства вне слов: во взгляде, в движеньи, на языке «любви, цветов, ночных лучей».

К этой «немой речи», раскрывающей душевные состояния, которые обычное, прозаическое слово выразить не в силах, приближается речь поэта. Поэзия в понимании Фета непреднамеренна («Не знаю сам, что буду Петь, — но только песня зреет»), бездумна, связана со «снами», «неясным бредом» и, как музыка, навевает настроение звуком.

---

[1] «Русское обозрение», 1901, № 1, стр. 255.

Очень полно выразил Фет это понимание поэзии в стихотворении «Нет, не жди ты песни страстной...» Это стихотворение 50-х годов; но еще в 40-х Фет более кратко и декларативно сказал о том же в четверостишии:

Поделись живыми снами,
Говори душе моей;
Что не выскажешь словами —
Звуком на́ душу навей.

5

Что значит «звуком на душу навей?» Подбор звуков, звукоподражание? Не только это. Слово «звук» у Фета имеет широкий смысл; тут не частные особенности имеются в виду, а принцип поэтического творчества вообще. «Рассудочной» поэзии противопоставляется «песня», логическому принципу — «музыкальный».

Признаком *песни* Фет считает такие изменения значения и назначения слова, при которых оно становится выразителем не мысли, но чувства. «Пение, — писал Фет, — ...упраздняя первобытный центр тяжести, состоявший в передаче мысли, создает новый центр для передачи чувства... Реальность песни заключается не в истине высказываемых мыслей, а в истине выражаемого чувства».[1] Понятые не в «песенном» смысле, а в смысле «разговорной речи», поэтические слова, по Фету, являются бессмыслицей и ложью. «По своей любви к резким и парадоксальным выражениям, которыми постоянно блестел его разговор, он доводил эту мысль даже до всей ее крайности; он говорил, что поэзия есть ложь и что поэт, который с первого же слова не начинает лгать без оглядки, никуда не годится».[2]

Эмоциональная же истина этой «лжи» — в ее «гармонической правде», в «музыкальном» строе поэтического произведения. «Ища воссоздать гармоническую правду, душа художника сама приходит в соответственный музыкальный строй, — пишет Фет. — Нет музыкального настроения — нет художественного произведения».[3]

---

[1] Ответ «Новому времени». — «Московские ведомости», 1891, № 302 (1 ноября).

[2] Н. Н. Страхов. Несколько слов памяти Фета. Цит. по кн.: А. А. Фет. Полное собрание стихотворений, т. 1. СПб., 1910, стр. XLVIII.

[3] Два письма о значении древних языков. — «Литературная библиотека», 1867, т. 5, стр. 56.

О «музыкальности» поэзии Фета говорилось немало. Особый интерес представляет отзыв о Фете, данный Чайковским в письме к К. Р. от 26 августа 1888 года: «Считаю его поэтом безусловно гениальным, — пишет Чайковский, — хотя есть в этой гениальности какая-то неполнота, неравновесие, причиняющее то странное явление, что Фет писал иногда совершенно слабые, непостижимо плохие вещи... и рядом с ними такие пьесы, от которых волоса дыбом становятся. Фет есть явление совершенно исключительное; нет никакой возможности сравнивать его с другими первоклассными или иностранными поэтами... Скорее можно сказать, что Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в *нашу область*. Поэтому часто Фет напоминает мне Бетховена, но никогда Пушкина, Гете, или Байрона, или Мюссе. Подобно Бетховену, ему дана власть затрагивать такие струны нашей души, которые недоступны художникам, хотя бы и сильным, но ограниченным пределами *слова*. Это не просто поэт, скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом. От этого также его часто не понимают, а есть даже и такие господа, которые смеются над ним или находят, что стихотворения, вроде «Уноси мое сердце в звенящую даль...», есть бессмыслица. Для человека ограниченного и в особенности немузыкального, пожалуй, это и бессмыслица, — но ведь недаром же Фет, несмотря на свою несомненную для меня гениальность, вовсе не популярен». [1]

К. Р. процитировал этот отзыв в письме к Фету. В ответном письме Фет пишет: «Чайковский как бы подсмотрел художественное направление, по которому меня постоянно тянуло и про которое покойный Тургенев говаривал, что ждет от меня стихотворения, в котором окончательный куплет надо будет передавать безмолвным шевелением губ. Чайковский тысячу раз прав, так как меня всегда из определенной области слов тянуло в неопределенную область музыки, в которую я уходил, насколько хватало сил моих». [2]

Конечно, слово «музыка» здесь лишь метафора: «из области слов» поэт никуда выйти не может. Но для Фета в поэзии особую ценность имеет все, что близко средствам музыкального воздействия: ритм, подбор звуков, мелодия стиха, приемы «музыкальной» композиции и, как бы аналогичное музыкальной мысли, вы-

---

[1] М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. 3. М. — Лейпциг, 1902, стр. 266—267.

[2] Письмо к К. Р. от 8 октября 1888 г.

движение эмоции, часто при некоторой неопределенности предметного значения фразы.

В русской литературе XIX века нет другого поэта с таким стремлением к ритмической индивидуализации своих произведений — прежде всего с таким разнообразием строфических форм. Обычно поэты отбирают известный круг стихотворных строф, которыми постоянно пользуются, выражая те или иные настроения в соответствующих им (по ощущению поэта) строфах. Не то у Фета. Есть и у него очень небольшое количество постоянных строфических типов (четверостишия четырех-, пяти- и шестистопных ямбов, четырехстопного хорея, трехстопного анапеста с обычным перекрестным чередованием женских и мужских рифм). Но огромная масса его стихотворений не знает строфических стандартов. Бо́льшая часть употребленных им строф встречается в его поэзии *однократно*. Фет как будто хочет для каждого нового стихотворения найти свой индивидуальный ритмический рисунок, свой особый музыкальный лад. Он не довольствуется существующими строфами, но постоянно создает новые, — и это новаторство с годами не только не прекращается, но приобретает все более утонченные формы.

Фет строит многострочные строфы, используя удвоенные и утроенные рифмы. Он употребляет необычные стиховые размеры, очень короткие или очень длинные, любит чередующиеся размеры и достигает особого ритмического эффекта, чередуя длинные стихи с очень короткими, например:

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
Лишь два крыла.

(*«Бабочка»*)

Строфу, написанную длинным размером, он заключает одностопным стихом, даже односложным, как в стихотворении «Лесом мы шли по тропинке единственной...» Оригинальный эффект дает и обратный прием: удлинение последнего стиха строфы (см., например, стихотворение «Она ему образ мгновенный...»). В русской поэзии необычны строфы, в которых короткие стихи предшествуют длинным (см. «Как мошки зарею...», «Сны и тени...» и другие). В ослабленном виде такой же эффект дает частая у Фета манера начинать строфу стихом с мужским окончанием, за которым уже следует стих с женским порядком последних слогов.

Фет сочетает строки, различные не только по количеству, но и

по роду стоп, притом стоп не только трехсложного размера — анапеста и дактиля («Только в мире и есть, что тенистый Дремлющих кленов шатер...»), дактиля и амфибрахия («В пене несется поток, Ладью обгоняют буруны...»). Опыты такого рода делались и до Фета. Но Фет соединяет и ямб с амфибрахием («Давно в любви отрады мало: Без отзыва вздохи, без радости слезы...»). Такое соединение — двусложного размера с трехсложным — невозможно в системе русского классического стиха; оно основано на ином ритмическом восприятии: при соединении эти строки ощущаются и читаются не как ямб и амфибрахий, а как строки четырехударного акцентного стиха.

С самого начала своей творческой деятельности — с «Лирического пантеона» — Фет пробует различные формы «свободного стиха», отчасти под влиянием немецкой поэзии. Двухударным акцентным стихом написаны стихотворения «Когда петух...», «Художник к деве». Ряд стихотворений цикла «Вечера и ночи», напечатанных в «Москвитянине» в 1842 году, написан вольным трехсложным размером («Я люблю многое, близкое сердцу...», «Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь! ..», «Ночью как-то вольнее дышать мне...»). Впоследствии Фет создает новые размеры посредством «стяжения» трехсложных размеров (стихотворения «Свеча нагорела. Портреты в тени...», «Измучен жизнью, коварством надежды...»).

Многие эксперименты Фета производили впечатление эпатирующей оригинальности, например его опыты рифмовки. Фет рифмует нечетные стихи, не рифмуя четных («Как ясность безоблачной ночи...», «Заиграли на рояле...»),[1] оставляет без рифмы пару смежных стихов, рифмуя соседнюю пару («Что ты, голубчик, задумчив сидишь...»), дает часть строф с рифмами, часть без рифм (первые редакции стихотворений «Тихая, звездная ночь...», «Тополь»).

Вместе с Тютчевым Фет — самый смелый экспериментатор в русской поэзии XIX века, прокладывающий путь в области ритмики достижениям XX века.

Ощутимость звуков в стихах Фета достигает степени, не бывалой до него в русской поэзии. Речь идет не только о звукоподражании, звуковых повторах («Вдруг в горах промчался гром», «Слов-

[1] Обратное, т. е. рифмовка четных стихов при нерифмованных нечетных, в 40-е — 60-е годы воспринималось как признак подражания Гейне; такую рифмовку мы находим и у Фета в ряде ранних стихотворений «гейневского» склада («Знаю я, что ты, малютка...», «Я жду... Соловьиное эхо...», «Я долго стоял неподвижно...», «Ах, дитя, к тебе привязан...» и др.).

но робкие струны воркуют гитар», «Травы степные сверкают росою вечерней», «Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом» и т. п.), причем нередко сопоставление близких по звукам слов как бы окрашивает и их значения («Без клятв и клеветы», «Среди бесчисленных, бесчувственных людей», «Нас в лодке как в люльке несло», «И странней сторонилися прочь» и т. п.). Для поэзии Фета характерно совокупное действие и подбора звуков, и ритмических приемов.

Вот последняя строфа стихотворения «Ревель»:

И с переливом серебристым,
С лучом, просящимся во тьму,
Летит твой голос к звездам чистым
И вторит сердцу моему.

Обратим внимание на первый стих. Ощущение движения нежного женского голоса создается двойным чередованием передних гласных и сонорных согласных (эрели́ — эребри́), причем весь стих занят этими двумя «переливами» серебристых звуков.

Или в стихотворении «Колокольчик»:

Тот ли это, что мешает
Вдалеке лесному сну
И, качаясь, набегает
На ночную тишину?

Два последних стиха состоят из четырех слов; каждое занимает ровно полстиха и имеет ударение на третьем слоге; при определенном подборе ударных гласных (а — а — у — у) это создает впечатление как бы четырех постепенно замирающих звуковых волн.

Если в этих примерах звуковой эффект связан с уменьшением ударности (по два ударения в четырехстопном стихе), то в других случаях эффект достигается усилением ударности.

Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами,
Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей лазури,
Всё сорвать хочет ветер, всё смыть хочет ливень ручьями.

Последняя строка с ее девятью ударениями (в пятистопном стихе) как бы ритмически передает и усиление порывов ветра, и

нарастание тяжести давящего мрака осенней ночи с ее холодным ливнем.

Число реальных ударений в ямбическом или хореическом стихе играет большую роль, создавая убыстрения и замедления ритма. В стихах Фета особенно заметна их упорядоченность. Так, в заключительной строфе стихотворения «Музе»

Пошли, небесная, ночам моим бессонным
Ещё блаженных снов и славы и любви,
И нежным именем, едва произнесенным,
Мой труд задумчивый опять благослови —

первые два стиха имеют по пяти ударений, причем чередуются ускорения и замедления то в доцезурной, то в зацезурной части, два же последних стиха — четырехударные — гармонически завершают стихотворение симметричными полустишиями.

Возьмем конец стихотворения «Знакомке с юга»:

О, как бы я на милый зов ответил
Там, где луны встающий диск так светел,
Где солнца блеск живителен и жгуч,
Где дышит ночь невыразимой тайной
И теплятся над спящею Украйной
В лучах лазурных звезды из-за туч,

И грезит пруд, и дремлет тополь сонный,
Вдоль туч скользя вершиной заостренной,
Где воздух, свет и думы — заодно,
И грудь дрожит от страсти неминучей,
И веткою всё просится пахучей
Акация в раскрытое окно!

Здесь строфы благодаря рифмовке четко распадаются на трехстишия. В последней строфе число ударений в трехстишиях — 5, 4, 4 и 4, 3, 3, то есть движение стиха явственно замедляется. Все строки последней строфы имеют цезуру — но в последних двух стихах это не мужская цезура, на ней нет ударения, — и заключительные стихи делятся не на две, а на три части каждый, — по словоразделам; получается шесть четырехсложных (с сокращением в рифмах) слов с ударениями на вторых слогах, шесть одинаковых мягких ритмических волн, заключающих сложный период в двенадцать стихов.

Огромную роль в создании гармонического стиха играют соотношения ритма и синтаксиса. У Фета слияние стиховых и синтаксических членений достигает необычайной гармоничности. У него не только стих совпадает с тем или иным более или менее законченным отрезком речи, но совпадают и *градации* ритмического и синтаксического членения. Поясним это на примере стихотворения «Alter ego».

Ритмические членения в стихах имеют разную степень глубины и силы. Такими степенями членения являются строфа, повторяющийся период (обычно двустишие), стих, иногда полустишие.[1] С другой стороны, сложно построенное предложение также имеет членения разной силы: 1) предложение (конец которого обозначается точкой или аналогичным знаком), 2) равноправные части в сложносочиненном предложении, 3) главное и придаточные предложения в сложноподчиненном предложении.

В стихотворении «Alter ego», где смежные однородные рифмы не образуют строфы, строфика создается лишь членением предложений; каждая строфа заканчивается точкой или аналогичным знаком. В каждой строфе (кроме заключительной, о которой дальше) такая законченная фраза состоит из двух самостоятельных предложений; каждое из них занимает полстрофы; каждое второе двустишие начинается союзом «и», присоединяющим второе предложение к первому. Но эти самостоятельные предложения в свою очередь сложные: они состоят из главного и придаточного (или интонационно аналогичного придаточному), причем в каждом двустишии один стих занят главным предложением, другой придаточным. При этом главные и придаточные предложения чередуются по принципу «кольцевой композиции»: в первой строфе главные предложения обрамляются придаточными, во второй — придаточные обрамлены главными. Третья строфа варьирует структуру первой: количество фразовых единиц увеличивается, ритмико-синтаксическое членение становится более дробным. В последней строфе «заключительная» интонация подчеркнута изменением синтаксической структуры: сложноподчиненных предложений здесь нет, сочетаются — большей частью без союзов — короткие предложения: на стих или на полстиха; там, где на полстиха, — с заметным ритмическим членением полустиший.

Разнообразие ритмико-синтаксических отношений и соответствующих им мелодических линий в лирике Фета безгранично. Чтобы убедиться в этом, можно сравнить такие стихотворения, как

---

[1] Б. В. Томашевский. Стих и язык. М., 1958, стр. 13—14.

«Туманное утро» и «Какая ночь! Как воздух чист...» Они написаны одним размером — четырехстопным ямбом со смежными мужскими рифмами. Такая рифмовка, как уже сказано, не образует строфы; синтаксическими средствами Фет строит в одном случае восьмистрочную, в другом — шестистрочную строфу. Стихотворение «Какая ночь! Как воздух чист...» состоит из параллельных простых предложений, занимающих по стиху или по полустишию, кроме заключительного предложения, занимающего два стиха. Стихотворение «Туманное утро» состоит из двух фраз, развернутых каждая на строфу. Каждое восьмистишие представляет собой сложноподчиненное предложение с «глубокой» синтаксической перспективой — потоком придаточных предложений и причастных оборотов разной зависимости, разбег которых резко останавливают завершающие строфу короткие главные предложения, параллельные по форме и значению.

Создавая «мелодию» стихотворения, Фет часто пользуется теми естественными модуляциями голоса, которые связаны с различными типами фразовой интонации, в особенности с вопросительной и восклицательной интонацией. Часто стихотворение строится на параллельных вопросительных предложениях с одним и тем же вопросом, начинающим каждую строфу или каждое двустишие (например, стихотворения «Почему?», «Отчего со всеми я любезна...»). Мелодически богаты стихотворения, в которых вопросы чередуются с восклицаниями, причем краткие предложения в один стих сменяются длинными, захватывающими несколько стихов и «выравнивающими» интонацию, например:

Зачем уснувшего будить к тоске бессильной?
К чему шептать про свет, когда кругом темно,
И дружеской рукой срывать покров могильный
С того, что спать навек в груди обречено?

Ведь это прах святой затихшего страданья!
Ведь это милые почившие сердца!
Ведь это страстные, блаженные рыданья!
Ведь это тернии колючего венца!

(«А. Л. Бржеской»)

Большую роль в создании мелодии у Фета (как в последнем примере) играют словесные повторы. Часты повторы целых стихов — обычно в концах строф, без изменений (как в стихотворении «Мы встретились вновь после долгой разлуки...») или с вариаци-

ями (как в стихотворении «Солнца луч промеж лип был и жгуч, и высок...»). Часта форма «кольца», как в стихотворении «Фантазия», где последняя строфа повторяет первую, или как в стихотворениях «Я тебе ничего не скажу...», «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...», где два начальных стиха в обратном порядке повторяются в двух конечных стихах. Нередки и более сложные повторы, как в стихотворении «Певице», где последняя строфа объединяет (с вариациями) первые два стиха первой строфы с двумя последними стихами второй строфы.

Иногда повторы настолько обширны, что захватывают значительную часть текста стихотворения. Так, в стихотворении «Только в мире и есть, что тенистый...» все нечетные строки начинаются словами «Только в мире и есть». Еще показательнее стихотворение 40-х годов «Свеж и душист твой роскошный венок...», где начальный стих обрамляет каждое четверостишие и, следовательно, занимает половину стихотворения, сочетаясь с каждым из остальных стихов.[1] Иногда в этих сочетаниях варьируется значение повторяющегося стиха:

Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Здесь свежесть и душистость венка становятся как бы свидетельством любви. Но в большинстве сочетаний этот стих воспринимается лишь как «рефрен», что в особенности придает стихотворению характер романса.

Действительно, ряд стихотворений Фета очевидным образом ориентирован на романс, написан в традиции романса и в этой традиции прежде всего воспринят. Фет раньше вошел в музыкальную жизнь, чем в литературную. Связь «мелодий» Фета (так называется большой цикл его стихотворений) с романсом сразу почувствовали композиторы, и еще не вышел сборник 1850 года, вызвавший первые серьезные критические отзывы о Фете, а уже

---

[1] Ср. подробный анализ особенно показательного в отношении повторов стихотворения «Буря на море вечернем...» в книге Б. М. Эйхенбаума «Мелодика русского лирического стиха» (Пг., 1922, стр. 157—165). Чтобы не повторять уже известного, мы избегали брать в качестве примеров те многочисленные стихотворения Фета, которые рассмотрены в этой книге. Более трети ее (около 80 страниц) посвящено Фету. Ряд наблюдений, сделанных здесь, сохраняет свое значение, хотя многие анализы неполноценны из-за стремления исследователя рассматривать стихи скорее как музыкальные, чем как словесные произведения.

его стихи, положенные на музыку популярным Варламовым, исполнялись в помещичьих усадьбах и широко распространялись цыганскими хорами. В 60-е же годы Салтыков-Щедрин констатирует, что «романсы Фета распевает чуть ли не вся Россия». [1]

6

Если форма поэзии Фета вызывала упреки в усложненности, затрудненности, излишней изысканности, то содержание, напротив, признавалось бедным, узким, примитивным.

Об этом, как сказано выше, писала революционно-демократическая критика, но то же, хотя и в ином тоне, пишет такой пропагандист «чистого искусства» и поэзии Фета, как Боткин. «У Фета, — указывает он, — поэтическое чувство является в такой простой, домашней одежде, что необходим очень внимательный глаз, чтоб заметить его, тем более что сфера мыслей его весьма необширна, созерцание не отличается ни многосторонностию, ни глубокомыслием; ничто из так называемого современного не находит в нем ни малейшего отзыва, наконец воззрения его не имеют в основе своей никаких постоянных и определенных мотивов, никакого резкого характера, который вообще так облегчает понимание поэта». [2]

Стихи Фета, особенно ранние, гедонистичны, их основная тема — наслаждение красотой, красоту же Фет видит прежде всего в простых явлениях природы:

...Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

(«Я жду... Соловьиное эхо..»)

В ранних стихах Фета тема часто вводится прямым выражением наслаждения, признанием доставляемой радости: «я люблю», «любо мне», «рад я», «мне приятно». Ср. начала стихотворений: «Люблю я приют ваш печальный...», «Я люблю многое, близкое сердцу...», «Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!.. Опять и опять я люблю тебя..», «Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потемках...», «Рад я дождю...» и т. п. Эти признания обычно бесхитростны, почти наивны:

---

[1] М. Е. Салтыков-Щедрин. Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1937, стр. 330.

[2] В. П. Боткин. Сочинения, т. 2. СПб., 1891, стр. 369.

Чаще всего мне приятно скользить
по заливу
Так — забываясь
Под звучную меру весла,
Омочённого пеной шипучей, —
Да смотреть, много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...

(«Я люблю многое, близкое сердцу. . .»)

Радость доставляет и «месяца бледный восход», и «за лесом благовест дальный», и то, что «солнце встало», «струйки вьются», «вторит эхо вдалеке»... Не только зрение и слух, несущие человеку постижение мира, но и обоняние и осязание приносят поэту бурную радость, вызывают в нем поэтический экстаз. В литературе о Фете отмечалась исключительная роль запахов в его поэзии.

Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя так же пред самым закатом
Прилетела б со стоном сюда, как пчела,
Охмелеть, упиваясь таким ароматом.

(«Моего тот безумства желал, кто смежал. . .»)

«Ароматы» — почти обязательный элемент стихов Фета о природе:

С полей несется голос стада,
В кустах малиновки звенят,
И с побелевших яблонь сада
Струится сладкий аромат.

(«Цветы»)

Сильней и слаще с каждым днем
Несется запах медовой
Вдоль нив, лоснящихся кругом
Светло-зеленою волной.

(«По ветви нижние леса. . .»)

В поэзии Фета, как и в тютчевской, постоянно говорится о тепле и прохладе: «Тепло мне стоять и идти», «Теплым ветром потянуло», «Дышал горячий ветерок», «Пред горящими дровами Сядем — там тепло»; или чаще: «Как здесь свежо под липою густою», «Прохлада вечера и дышит и не дышит», «Душистый холод

веет В лицо», «Знойный воздух холодает». Это наслаждение прохладой не менее, чем зрительные и слуховые ощущения, ведет поэта к чувству блаженного слияния с природой:

Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес!

Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде ключевой!

Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес!

(«Солнце нижет лучами в отвес...»)

Критики, сатирики и литературоведы нередко говорили о Фете как певце помещичьих радостей, усадебных наслаждений — и на этом основывали отрицательное отношение к его поэзии. Между тем поэзия Фета вообще, как уже сказано, не бытовая; она не настолько связана с определенным бытом, чтобы эти связи играли в ней заметную роль. Конечно, когда Фет пишет: «Средь георгин я шел твоих», «В твоем саду, в твоем пруде», «Плачет старый камень, В пруд роняя слезы», «Запах роз под балконом и сена вокруг» и т. п. — это всё аксессуары помещичьего быта, но это мало существенно для общего смысла стихотворений.

Любовь к природе чувствуется уже в ранних стихах Фета; тем не менее пейзаж в его поэзии появляется не сразу. В стихах 40-х годов образы природы общи, не детализированы, даже в таких удачных стихотворениях, как «Чудная картина...», где образ светлой зимней ночи создается такими чертами, как «белая равнина, полная луна, свет небес высоких, и блестящий снег». Основное здесь — эмоциональная экспрессия, возбуждаемая природой; пристального «вглядывания» еще нет.

Вот хоть теперь: посмотрю за окно на веселую зелень
Вешних деревьев, да вдруг ветер ко мне донесет
Утренний запах цветов и птичек звонкие песни —
Так бы и бросился в сад с кликом: пойдем же, пойдем!

(«Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...»)

Лишь в 50-е годы любовь Фета к природе, знание ее, способность к конкретным и тонким наблюдениям в этой области вполне реализуются в поэзии.

Увлечение Фета пейзажной поэзией начинается с 1853 года. Видимо, здесь сыграло роль сближение с писателями круга «Современника», в особенности с Тургеневым.

Исследователь художественного мастерства Тургенева справедливо отмечает, что «у Тургенева нет деревьев, растений, птиц и насекомых вообще; его флора и фауна всегда конкретны и определенны» [1]. Фет переносит ту же особенность в поэзию. Явления природы у него описываются детальнее, предстают более конкретными, чем у его предшественников. В стихах Фета мы встретим, например, не только традиционных птиц, получивших привычную символическую окраску, как орел, соловей, лебедь, жаворонок, но и таких, как лунь, сыч, черныш, кулик, чибис, стриж и т. п. И каждая птица показана в ее своеобразии. Когда Фет пишет:

И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрыпят коростели, —

(*«Степь вечером»*)

здесь в поэзию входят наблюдения человека, который определяет по голосу не только, какая птица поет, но и где она находится, и какова сила звуков в отношении к обычной силе ее голоса, и каково значение услышанных звуков. Ведь в другом стихотворении («Жду я, тревогой объят. . .») в непроглядной тьме ночи коростель «хрипло подругу позвал».

Можно, конечно, сказать, что все это — естественный результат хорошего знания природы человеком, который много лет прожил в непосредственной близости к ней. Но здесь дело не только в знании. Поэты первой половины XIX века тоже большей частью были помещиками, часто подолгу жили в деревне, хозяйничали, охотились и, любя природу, возможно, имели не меньший запас знаний о ней. Но степень конкретности описания природы в поэзии была иной. Развитие вкуса к конкретности, связанное с движением по пути реализма, привело к тому, что в поэзии стали воплощаться знания, раньше не становившиеся ее достоянием. Когда мы читаем у Фета:

Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело, —

---

[1] А. Г. Цейтлин. Мастерство Тургенева-романиста. М., 1958, стр. 191.

это напоминает не его предшественников, а его современника Некрасова:

Грудью к северу, ворон тяжелый —
Видишь — дремлет на старой ели.

В какую сторону летит ворон или куда он поворачивается, отдыхая, — таких наблюдений прежние поэты не вносили в стихи. То же можно сказать о прозе до Аксакова и Тургенева.

Близость Тургенева и Фета отмечалась современной критикой. Для иллюстрации этой близости приведем в параллель описание жаркого летнего дня в стихотворении Фета 1854 года и в первой главе романа Тургенева «Накануне» (1859):

Как здесь свежо под липою густою —
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опахал.

А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колебляся, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон.

За мглой ветвей синеют неба своды,
Как дымкою подернуты слегка,
И, как мечты почиющей природы,
Волнистые проходят облака.

«Тишина полуденного зноя тяготела над сияющей и заснувшей землею... Под липой было прохладно и спокойно...; как мертвые, висели маленькие гроздья желтых цветов на нижних ветках липы. Сладкий запах с каждым дыханьем втеснялся в самую глубь груди... Вдали, за рекой, до небосклона все сверкало, все горело; изредка пробегал там ветерок и дробил и усиливал сверкание; лучистый пар колебался над землей... Кузнечики трещали повсеместно; и приятно было слушать этот горячий звук жизни, сидя в прохладе, на покое: он клонил ко сну и будил мечтания».

Здесь близки не только меткие и тонкие наблюдения над явлениями природы; близость распространяется на ощущения (например, снотворность треска кузнечиков), на образы (образ заснувшей земли, «почиющей природы»). Разумеется, эта параллель не свидетельствует о заимствовании Тургеневым деталей и образов из стихов Фета, а лишь о близости творческих путей обоих писателей.

Еще более, чем Тургенев, Фет стремится к фиксации изменений в природе. Наблюдения в его стихах постоянно группируются и воспринимаются как фенологические приметы. Фет особенно любит описывать краткие переходные, пограничные периоды. Вот, скажем, приметы поздней осени:

Сбирались умирать последние цветы
И ждали с грустию дыхания мороза;
Краснели по краям кленовые листы,
Горошек отцветал, и осыпалась роза.

Над мрачным ельником проснулася заря,
Но яркости ее не радовались птицы;
Однообразный свист лишь слышен снегиря,
Да раздражает писк насмешливой синицы.

(«Старый парк»)

А вот приметы конца зимы:

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

(«Еще весны душистой нега. . .»)

Эта точность и четкость делает пейзажи Фета строго локальными: как правило, это пейзажи центральных областей России.

Фет любит описывать точно определимое время суток, приметы той или иной погоды, начало того или иного явления в природе (например, дождя в стихотворении «Весенний дождь»).

Эта конкретность соединяется со свободой метафорических преобразований слова, со смелым полетом ассоциаций. Помимо фенологических примет, ощущение весны, лета или осени может создаваться такими, скажем, образами «дня»:

...как чуткий сон легки,
С востока яркого всё шире дни летели...

И перед нами на песок
День золотым ложился кругом.

Последний лучезарный день потух.

Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней...

Понятно, что уклон к субъективизму, характерный для поэтики Фета, сказывается и в его пейзажах. Пейзаж Фета тяготеет к импрессионизму. Импрессионист не чуждается внешнего мира, он зорко вглядывается в него, но показывает его таким, каким он предстал мгновенному восприятию художника, таким, каким кажется ему в данный момент. Импрессиониста интересует не столько предмет, сколько впечатление, произведенное предметом. Фет так и говорит: «Для художника впечатление, вызвавшее произведение, дороже самой вещи, вызвавшей это впечатление». [1]

Фет начинает стихотворение словами:

Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
И, сжимаясь, трещит можжевельник;
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
Раскрасневшись, шатается ельник.

Естественно понять эту картину так, что ели качаются от ветра. Только какая же буря нужна, чтобы в лесу деревья шатались как пьяные!

Однако замыкающая стихотворение «кольцом» заключительная строфа снова связывает «шатание» ельника только со светом костра:

Но нахмурится ночь — разгорится костер
И, виясь, затрещит можжевельник,
И, как пьяных гигантов столпившийся хор,
Покраснев, зашатается ельник.

Значит, ельник не шатается на самом деле, а только кажется шатающимся в неверных отблесках костра. «Кажущееся» Фет описывает как реальное. Подобно живописцу-импрессионисту, он

---

[1] Письмо к К. Р. от 12 июня 1890 г.

находит особые условия света и отражения, особые ракурсы, в которых картина мира предстает необычной.

Вот еще начало стихотворения:

Над озером лебедь в тростник протянул,
В воде опрокинулся лес,
Зубцами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес.

Лес описан таким, каким он представился взгляду поэта: лес и его отражение в воде даны как одно целое, как лес, изогнувшийся между двумя вершинами, потонувшими в заре двух небес. Притом сопоставлением «лебедь протянул» и «лес опрокинулся» последнему глаголу придано как бы параллельное значение с первым: лес словно опрокинулся под взглядом поэта. В другом стихотворении:

Солнце, с прозрачных сияя небес,
В тихих струях опрокинуло лес.

(«С гнезд замахали крикливые цапли...»)

Ср. еще:

Свод небесный, в воде опрокинут,
Испещряет румянцем залив.

(«Как хорош чуть мерцающим утром...»)

Надо сказать, что вообще мотив «отражения в воде» встречается у Фета необычайно часто. Очевидно, зыбкое отражение предоставляет больше свободы фантазии художника, чем сам отражаемый предмет:

Я в воде горю пожаром...

(«После раннего ненастья...»)

В этом зеркале под ивой
Уловил мой глаз ревнивый
Сердцу милые черты...
Мягче взор твой горделивый...
Я дрожу, глядя, счастливый,
Как в воде дрожишь и ты.

(«Ива»)

Да и в знаменитой «Диане» в основе лежит тот же, вовсе не «антологический», образ:

Но ветер на заре между листов проник, —
Качнулся на воде богини ясный лик —

и уже поэтому:

Я ждал, — она пойдет с колчаном и стрелами

и т. д.[1]

Фет изображает внешний мир в том виде, какой ему придало настроение поэта. При всей правдивости и конкретности описания природы, оно прежде всего служит средством выражения лирического чувства, возбуждаемого природой.

Фет — один из замечательнейших русских поэтов-пейзажистов. В его стихах предстает перед нами русская весна — с пушистыми вербами, с первым ландышем, просящим солнечных лучей, с полупрозрачными листьями распустившихся берез, с пчелами, вползающими «в каждый гвоздик душистой сирени», с журавлями, кричащими в степи. И русское лето со сверкающим жгучим воздухом, с синим, подернутым дымкой небом, с золотыми переливами зреющей ржи под ветром, с лиловым дымом заката, с ароматом скошенных цветов над меркнущей степью. И русская осень с пестрыми лесными косогорами, с птицами, потянувшими вдаль или порхающими в безлиственных кустах, со стадами на вытоптанных жнивьях. И русская зима с бегом далеких саней на блестящем снегу, с игрой зари на занесенной снегом березе, с узорами мороза на двойном оконном стекле.

Прав С. Я. Маршак в своем восхищении «свежестью, непосредственностью и остротой фетовского восприятия природы», «чудесными строками о весеннем дожде, о полете бабочки», «проникновенными пейзажами», — прав, когда он говорит о стихах Фета: «Его стихи вошли в русскую природу, стали ее неотъемлемой частью».

Но тут же С. Я. Маршак замечает: «Природа у него — точно

---

[1] Ср. мотив отражения в воде еще в таких стихотворениях, как «За кормою струйки вьются...», «Уснуло озеро; безмолвен черный лес...», «Младенческой ласки доступен мне лепет...», «Тихая, звездная ночь...» (1-я редакция), «С какой я негою желанья...». «На лодке», «Вчера расстались мы с тобой...», «Горячий ключ», «В вечер такой золотистый и ясный...», «Качаяся, звезды мигали лучами...», «Графине С. А. Толстой» («Когда так нежно расточала...»). Заключительные строки последнего стихотворения:

Так светят звезды всепобедно
На темном небе и в воде —

вызвали раздраженное замечание Тургенева: «Уж лучше прямо „и в рукомойнике"» (см. комментарий к стихотворению).

в первый день творения: кущи дерев, светлая лента реки, соловьиный покой, журчащий сладко ключ... Если назойливая современность и вторгается иной раз в этот замкнутый мир, то она сразу же утрачивает свой практический смысл и приобретает характер декоративный».[1]

У Некрасова природа тесно связана с человеческим трудом, с тем, что она дает человеку, — у Фета природа лишь объект художественного восторга, эстетического наслаждения, отрешенного от мысли о связи природы с человеческими нуждами и человеческим трудом.

Тенденция эстетизма у Фета несомненно есть. В ранних стихах она идет от романтических традиций, а затем поддерживается той идеологией «чистого искусства», «чистой красоты», в которую уверовал Фет. Можно отметить постоянное употребление таких эпитетов, как «волшебный», «нежный», «сладостный», «чудный», «ласкательный» и т. п. Этот узкий круг условно-поэтических эпитетов прилагается к широкому кругу явлений действительности. Вообще эпитеты и сравнения Фета нередко страдают нарочитой «красивостью»: девушка — «кроткий серафим», глаза ее — «как цветы волшебной сказки», георгины — «как живые одалиски», небеса — «нетленные, как рай» и т. п.

Можно отметить наличие мифологических имен в качестве условных «поэтизмов» в стихах Фета 40—50-х годов, то есть тех лет, когда это было уже архаично. В чудесных описаниях морского залива Фет поминает то Феба с Фетидой («Ночь весенней негой дышит...»), то Амфитриту с Авророй («Как хорош чуть мерцающим утром...»), за пароходом у него пляшут нереиды («Пароход») и т. п.

И такими же условно-эстетическими являются у атеиста Фета религиозные мотивы «жизни двойной», возрождения «на лоне божески-едином», используемые иногда для концовки стихотворения. Реалистическое описание моря кончается мотивом души, которая «без корабля» «помчится в воздушном океане», освобожденная от связи с телом («На корабле»), тучи вызывают образ архангела, который их «крылом на нивы навевает» («Нежданный дождь») и т. п.

Но все это не оправдывает распространенного определения поэзии Фета как «эстетского» искусства. Поэзии Фета нельзя понять, если не видеть, что элементы условной красивости спаяны в ней

---

[1] С. Маршак. Заметки о мастерстве. — «Новый мир», 1950, № 12, стр. 195—196.

с живым, конкретным и сильным отражением реальности. Скажем, отмеченные Добролюбовым слова о Юпитере и Гее в стихотворении «Первая борозда»[1] следуют за такими точными и свежими наблюдениями:

Ржавый плуг опять светлеет;
Где волы, склонясь, прошли,
Лентой бархатной чернеет
Глыба взрезанной земли.

В стихотворении «Дул север, плакала трава» к соловью применен банальный, условный эпитет «любовник роз». Но в этом же стихотворении появляются (едва ли не единственный раз в русской поэзии) совсем уже не эстетизированные «соловьихи» с «хрипливым свистом».

Маяковский заметил, что в стихах Фета постоянно упоминается «конь» и никогда «лошадь». «Конь — изысканно, лошадь — будничной».[2] Наблюдение верное: слово «лошадь» в стихах Фета почти не попадается.[3] Но зато мы находим в его стихах и «донца», и «аргамака», и «пристяжную», и «стригуна», то есть видовые названия лошади, дифференцированные по породе, возрасту, рабочим функциям.

Нет смысла хвалить Фета за зоркость и конкретность и бранить за эстетизм и субъективизм: в этом сочетании — неповторимое своеобразие поэзии Фета, и наши упреки не сделают ее иной. Но следует констатировать, что эстетские и субъективистские тенденции часто являются причиной неудач Фета, влекут его то к невнятице, то к банальности, вызывают то «неравновесие» в его таланте и творческом наследии, о котором писал Чайковский в цитированном выше письме.

Импрессионистическими можно назвать тенденции Фета не только в пейзажной лирике. Если природа в его стихах рисуется выразительными деталями, а цельность картине придает общее на-

---

[1] «Наши поэты большей частью не избегают аллегорий... Смотрит поэт, как мужик пашет, и тотчас представляет нам,

Как Юпитера встречает
Лоно Геи молодой...»

(Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 2. М. — Л., 1935, стр. 576—577).

[2] В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 2. М., 1939, стр. 468.

[3] Есть в стихотворении «Звезда полуночи дугой золотою скатилась» (Из Гафиза).

строение стихотворения, то и в изображении чувства Фета увлекает фиксация деталей, тонких оттенков переживаний, неясных, неопределимых эмоций. Чувство у Фета обычно раскрывается не в обобщенном виде, не как результат более или менее длительных переживаний, единство и смысл которых осознаны переживающим; Фет фиксирует сами эти отдельные переживания, отдельные нюансы, отдельные моменты психического процесса — не прочные чувства, а беглые настроения. Приведенные выше цитаты достаточно говорят о том, насколько поражала современников манера Фета говорить не о чувствах, «созревших до совершенной полноты и ясности», но «подмечать задатки зарождающихся чувств, тревоги получувств...» (Ап. Григорьев). Иррациональность этих «получувств» подчеркивается характерной, с ранних стихов идущей *противоречивостью:*

И *радостен* для взгляда
Весь *траурный* наряд.

(«Печальная береза...»)

Если же ты — предо мной,
Грустно головку склоня, —
Мне так *отрадно* с тобой.

(«Не отходи от меня...»)

Улыбка томительной *скуки.*

(«Улыбка томительной скуки...»)

Ты втайне поняла души *смешную муку...*

(«Тебе в молчании я простираю руку...»)

и т. п.

В позднейших стихотворениях совмещение противоречивых оттенков придает фиксации настроения особую психологическую тонкость:

Встает ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

(«У камина»)

Для лирики Фета характерен выбор отдельных, фрагментарных сюжетно-психологических ситуаций:

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.

(«В темноте, на треножнике ярком. . .»)

Вечерний воздух влажно чист,
Вся покраснев, ты жмешь мне руки,
И, сонных лип тревожа лист,
Порхают гаснущие звуки.

(«В леса безлюдной стороны. . .»)

Так молчать нам обоим неловко,
Что ни стань говорить — невпопад;
За тяжелой косою головка
Словно хочет склониться назад.

(«Зной»)

В наиболее удачных стихах беглое переживание глубже раскрывает чувство. Так, в стихотворении «Еще акация одна. . .» любовь раскрывается в желании задержать время, остановить мгновение, а это желание реализуется в такой ситуации:

. . .К твоим ногам, на ясный круг
Спорхнула птичка полевая.

С какой мы робостью любви
Свое дыханье затаили!
Казалось мне, глаза твои
Не улетать ее молили.

Сказать «прости» чему ни будь
Душе казалося утратой. . .
И, собираясь упорхнуть,
Глядел на нас наш гость крылатый.

Любовная тема для Фета особенно значительна. Фет считал ее основной темой поэзии: «Изящная симпатия, установленная в своей всепобедной привлекательности самою природою в целях сохранения видов, всегда останется зерном и центром, на который навивается всякая поэтическая нить».[1] Между тем Тургенев, тонкий

---

[1] Письмо Я. П. Полонскому от 12 ноября 1888 г.

ценитель лирики Фета, писал ему: «Все Ваши личные, лирические, любовные, особенно страстные стихотворения слабее прочих; точно Вы их сочинили и предмета стихов вовсе не существовало».[1]

Действительно, сила любовной лирики Фета — не в психологическом портрете, не в индивидуальной характеристике. Фет не стремится, как Некрасов или Тютчев, воссоздать образ любимой женщины. Его интересуют переживания людей, но не люди. И эти переживания как бы абстрагированы от конкретных условий, в которых они протекают и от которых зависят их судьбы. Даны лишь моменты чувства, нет его развития, хотя Фет любит сопоставлять его стадии по «музыкальным» принципам повторения (например, «Вчера я шел по зале освещенной...», «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...») или контраста («О друг, не мучь меня жестоким приговором...», «Что за ночь! Прозрачный воздух скован...»). В стихотворении «Что за ночь! Прозрачный воздух скован...» лирический герой еще в «час последнего свиданья» лишь томился сознанием, что его любят, а он не любит:

Ты ждала, ты жаждала признанья —
Я молчал: тебя я не любил.

Холодела кровь, и сердце ныло:
Так тяжка была твоя печаль;
Горько мне за нас обоих было,
И сказать мне правду было жаль.

Но с последнего свиданья все переменилось:

Но теперь, когда дрожу и млею
И, как раб, твой каждый взор ловлю,
Я не лгу, назвав тебя своею
И клянясь, что я тебя люблю!

Фет не пытается объяснить эту внезапную перемену, проследить за тем, как изменилось чувство, он только сопоставляет два контрастных переживания.

Как у Тютчева есть основной любовный цикл стихов, посвященных Денисьевой, у Некрасова — стихов, посвященных Панаевой,

---

[1] Письмо от 25 марта 1866 г. — «Северные цветы на 1902 г.», стр. 182.

так и у Фета можно говорить об основном цикле любовных стихотворений, посвященном Марии Лазич. Но, в отличие от стихов Тютчева и Некрасова, стихи Фета глубоко ретроспективны, посвящены давно умершей, вызваны не непосредственным переживанием любви, а поздними воспоминаниями о ней. И это вообще характерно для любовной лирики Фета: ее питают преимущественно воспоминания и мечты. В большинстве любовных стихотворений Фета глаголы употреблены в прошедшем времени. В настоящем времени или в повелительном наклонении («Не избегай; я не молю. . .», «Прости — и всё забудь в безоблачный ты час. . .», «Не упрекай, что я смущаюсь. . .», «Люби меня! Как только твой покорный. . .» и др.) глаголы даются преимущественно в любовных стихах последнего десятилетия. В период 1882—1892 годов, на седьмом и восьмом десятке лет, Фет пишет особенно много любовных стихов, и они почти впервые говорят о настоящей, а не о прошедшей любви, обращены к ныне любимой, а не только к образу прежней возлюбленной. Можно говорить о втором любовном цикле Фета, хотя нет достоверных данных о том, к кому он обращен, даже к одной ли женщине, и фиксированы ли в стихах только новые любовные переживания или и старые творчески перемещены из прошедшего в настоящее. Было бы неосторожно на основании стихов делать какие-нибудь выводы и о перипетиях старческого романа. Отметим только, что старческие переживания давали особенно обильный материал для любимой фетовской темы «блаженства страдания» — темы, приобретающей теперь особенно сильное и уверенное звучание:

Не нужно, не нужно мне проблесков счастья,
Не нужно мне слова и взора участья,
    Оставь и дозволь мне рыдать!
К горячему снова прильнув изголовью,
Позволь мне моей нераздельной любовью,
    Забыв всё на свете, дышать!

Когда бы ты знала, каким сиротливым,
Томительно-сладким, безумно-счастливым
    Я горем в душе опьянен, —
Безмолвно прошла б ты воздушной стопою,
Чтоб даже своей благовонной стезею
    Больной не смутила мой сон.

(«Не нужно, не нужно мне проблесков счастья. . .»)

7

Перелома, смены художественных принципов в творчестве Фета не было; все же в поздних его стихах колорит иной, чем в молодых. С 60-х годов, но в особенности в 70-е — 90-е годы, поэзия Фета окрашивается философской мыслью. В 1879 году Фет пишет Льву Толстому: «Второй год я живу в крайне для меня интересном философском мире, и без него едва ли понять источник моих последних стихотворений». [1]

В позднем творчестве Фета нашли выражение любимые философские темы его статей, писем и бесед: о стихийной, органической мудрости природы, о ее «бессознательной силе», о грустной пошлости обыденной жизни и выходе из нее в мир красоты, о бесцельности, бездумности, свободе прекрасного, о его умиротворяющей власти, о его несвязанности с житейскими стремлениями, о бедности человеческого познания и обычного, «прозаического» слова, о богатстве искусства, преодолевающего время, превращающего мгновенное в вечное, — и о бедности искусства в сравнении с естественной красотой мира.

Частично эти мысли излагаются в стихах в виде прямых рассуждений или тезисов. Так, в стихотворениях «Ничтожество» и «Смерти» Фет в подобной форме пересказывает мысли Шопенгауэра о смерти (из 41-й главы II части «Мира как воли и представления»):

Что ж ты? Зачем? — Молчат и чувства и познанье.
Чей глаз хоть заглянул на роковое дно?
Ты — это ведь я сам. Ты только отрицанье
Всего, что чувствовать, что мне узнать дано.

(«Ничтожество»)

Или:

Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты;
Покуда я дышу — ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

(«Смерти»)

Такие стихи изменяют установкам «чистого искусства», даже тогда, когда содержат защиту этих установок. В подобных стихах важна ведь прежде всего «истина высказываемых мыслей», они ни

---

[1] Письмо от 3 февраля 1879 г. Фет имеет в виду не просто интерес к философии, чтение философской литературы — это началось гораздо раньше, — а работу над переводом Шопенгауэра.

с какой точки зрения не должны восприниматься как «ложь». Как бы ни тщился Фет доказывать в стихах, что искусство не должно ничего проповедовать, предоставляя проповедь «грошовому рассудку», что дело искусства — «возноситься богомольно» туда, «где беззаветно лишь привольно свободной песне да орлу», — такие стихи подтверждали обратное: законность проповеди в стихах. Фет, впрочем, упорно не желал видеть этого противоречия и до конца жизни упрямо твердил: «Муза рассказывает, но не философствует». [1]

И в стихотворения личного, лирического содержания проникает теперь ораторский стиль, учительная интонация — особенно в заключительные строки, часто приобретающие афористический или дидактический характер:

Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.

(«Только встречу улыбку твою. . .»)

Пора за будущность заране не пугаться,
Пора о счастии учиться вспоминать.

(«Опавший лист дрожит от нашего движенья. . .»)

Хоть смерть в виду, а всё же нужно жить;
А слово: жить — ведь значит: покоряться.

(«А. Л. Бржеской»)

Философской мыслью окрашиваются и не «программные» стихи Фета, причем и здесь сказывается влияние Шопенгауэра.

Стихотворение «Я рад, когда с земного лона. . .» (1879) передает радость приобщения к жизни природы в дни «весенней жажды», как говорит здесь Фет, повторяя выражение из раннего стихотворения «Я пришел к тебе с приветом. . .» («И весенней полон жаждой»). Тема традиционная в поэзии. Но здесь, кроме чувства, есть оттенок мысли: радость видеть, как птица — «заботливая мать» — «трепещет крыльями, порхает и ловит мошек на лету», радость, граничащая с завистью («Уж не завидую ль тебе?»), связана с признанием органической жизни природы более естественной, величественной и мудрой, чем жизнь человека, несмотря на бессознательность природы или, скорее, именно благодаря этой бессознательности. Стихотворение начинается словами:

---

[1] Письмо П. П. Перцову от 17 марта 1891 г. — П. Перцов. Литературные воспоминания. М., 1933, стр. 103.

Я рад, когда с земного лона,
Весенней жажде соприсущ,
К ограде каменной балкона
С утра кудрявый лезет плющ.

Плющ, «лезущий» к ограде балкона, чтобы обвиться вокруг нее, сопоставлен с птицей, производящей столь же бессознательные, но биологически целесообразные действия. Тут законно вспомнить высказывания Шопенгауэра вроде следующего: «Явное подтверждение проявлению воли в растениях представляют вьющиеся растения, которые, когда вблизи нет опоры, чтобы прильнуть к ней, ищут таковой, направляют свой рост постоянно к тенистому месту... Самые общие растительные движения, кажущиеся произвольными, суть стремление ветвей и верхней стороны листов к свету и к влажному теплу и обвивка ползучих растений вокруг подпорки. Особенно в последнем явлении высказывается нечто подобное движениям животных».[1]

Характерное выражение «стремление к свету» тоже попало в стихотворение. В автографе 2-й стих имеет следующее первоначальное, зачеркнутое чтение:

Стремленью к свету соприсущ.

Оно заменено, очевидно, именно потому, что направление роста плюща определяется, по Шопенгауэру, не «стремлением к свету», а стремлением к «обвивке вокруг подпорки».

Несколькими страницами выше Шопенгауэр говорит: «Верхушки деревьев постоянно стремятся по отвесному направлению, кроме тех случаев, когда они нагибаются к свету. Их корни ищут хорошей почвы и влаги и покидают в поисках за ними прямой путь».[2]

Ср. конец стихотворения «Еще люблю, еще томлюсь...» (1890):

Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

Мы видим, что эти метафоры — корни сходят, ищут и т. п. — не случайны у Фета.

---

[1] А. Шопенгауэр. О воле в природе. Перевод А. Фета. М., 1886, стр. 58, 59.
[2] Там же, стр. 55.

На поэзию Фета Шопенгауэр влиял не своим пессимизмом: поэзия Фета не пессимистична; эмоциональные акценты в стихах Фета и в философских произведениях Шопенгауэра совсем разные. Влияние Шопенгауэра укрепляло восприятие природы, характерное для старческих стихов Фета: в них природа уже не столько отвечает настроению лирика, сколько предстает «всемогущей» и «бессознательною силой», перед которой человек со своими горестями и счастьем ничтожен:

Что же тут мы или счастие наше?
Как и помыслить о нем не стыдиться?

(«В вечер такой золотистый и ясный. . .»)

Но эта сила — целительна для измученной человеческой души:

Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой кручине?
Как не забыть, хоть на время, язвительных терний?
Травы степные сверкают росою вечерней,
Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне.

(«Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне. . .»)

Чувство близости к природе в старческих стихах Фета расширяется до пределов *космического* чувства. Образной приметой этой темы в поздней лирике Фета всегда является образ звезд. Но еще в 50-е годы Фет пишет стихотворение, которое Чайковский считал гениальным, — «На стоге сена ночью южной. . .», в котором ощущение человека, лежащего лицом к звездному небу, раскрыто как ощущение растворения души в мире звезд, в космосе:

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.

В поздних стихах Фета смелее становятся метафорические преобразования словесных значений. Целые стихотворения строятся как развернутые метафоры, или в них сопоставляется, сплетается не-

сколько рядов. метафор. Покажем это на особенно частых у Фета метафорах со значением подъема и полета.

Резкое отделение будничной, обыденной жизни от мира вдохновения, искусства и красоты — один из главных источников метафор Фета. Поэтический восторг, созерцание природы, наслаждение искусством, экстаз любви поднимают над «миром скуки и труда». Отсюда темы подъема и полета. Душа, мысль, сердце, дух, мечты, звуки, сны поднимаются, летят, мчатся, парят, реют, уносят... «Одной волной подняться в жизнь иную», «Уносишься в волшебную безбрежность», «Но сердца бедного кончается полет Одной бессильною истомой», «А душа моя так же пред самым закатом Прилетела б со стоном сюда, как пчела». Сближение с пчелой в другом стихотворении превращается в метафору, развернутую на все стихотворение («Роями поднялись крылатые мечты...»). Так же в целые стихотворения развертывается метафорический полет на ковре-самолете («Люби меня! Как только твой покорный...»), полет ракеты («Ракета»). Но наиболее частый образ, связанный с этой темой, это образ птицы, и особенно крыла, крыльев:

Пока душа кипит в горниле тела,
Она летит, куда несет крыло.

(«Всё, всё мое, что есть и прежде было...»)

И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.

(«Я потрясен, когда кругом...»)

Крылья растут у каких-то воздушных стремлений

(«Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...»)

Без усилий,
С плеском крылий
Залетать

В мир стремлений,
Преклонений
И молитв.

(„Quasi una fantasia")

и т. п. Ср. также эпитеты «крылатая песня», «крылатый слова звук», «крылатый сон», «крылатый час», «окрыленный восторгом», «мой дух окрылился» и т. п. Все, что Фет относит к категории «пре-

красного» и «возвышенного», наделяется крыльями; прежде всего — песня и звук. «Уносить в даль на крыльях песни» — этот образ появляется у Фета еще в напечатанном в 1842 году переведенном из Гейне стихотворении «Дитя, мои песни далёко На крыльях тебя унесут...» Затем этот образ становится постоянным. Наиболее развернуто и сложно разработан он в стихотворении «Певице», где поэт стремится передать впечатления, создаваемые мелодией, звучанием, настроением песни:

О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

Песня уносит в даль; даль, созданная звуками — «звенящая даль», — становится метафорическим пространством, в котором серебристый звук голоса (вспомним: «И с переливом серебристым») превращается в «серебристый путь» — путь, освещенный месяцем. Свет месяца связывается с самим настроением исполняемой песни:

В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

Ведь месяц традиционно связан с печалью и любовью (ср. в раннем стихотворении Фета: «В небе луна и в воде, Будто печаль и любовь»). Со светом месяца связывается и метафора «кротко светит улыбка любви» — конкретизация обычной языковой метафоры «лицо осветилось улыбкой» (ср.: «И, как луна, что там вдали взошла, Всё кроткое душе напоминаешь».)

Залитая лунным светом даль — основное содержание этого метафорического пейзажа; на заднем же плане его — далекое море, возникшее все тем же путем развития обычных языковых метафор. Мы говорим о приливе и замирании звуков; у Фета звук то замирает, как заря за морем, то грянет, как жемчужный прилив.

Стихотворение ошарашивало современников своей нелогичностью (в звуках на слезы светит улыбка и т. п.); между тем оно построено, в сущности, рационалистично и с настойчивым подчеркиванием того, что его надо понимать метафорически (даль *звенящая,* зыби *незримые,* улыбка светит *в звуках,* печаль — *как* месяц, голос замирает *словно* заря).

Стихотворение «Певице» (написанное до 1857 года) — один из ранних образцов такой манеры; в дальнейшем Фет уже не подчеркивает метафоричности своих картин, и немудрено, что современная критика — судя по отзывам — просто не понимала, о чем идет речь в таких стихотворениях, как, например, «Когда читала ты мучительные строки...» (1887). В этом стихотворении обычная в поэзии метафора «пыл сердца» (ср. у Фета: «И песни вдруг вослед за первой песней Весь сердца пыл на волю понесли», «К чему скрывать румяный пыл сердец...») развертывается в метафорическую картину пожара сердца поэта — пожара, бушующего в его стихах:

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки, —
Не вспомнила ль о чем?

Метафорический пожар сопоставляется с реальным пожаром, но и этот реальный пожар дан в метафорическом образе внезапной зари в полночной тьме:

...Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря...

Стихотворение кончается вопросом, относящимся, по смыслу сопоставления, и к реальному, и к душевному пожару:

Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!

В ряду сравнений, подчеркивающих близость человека и природы, излюблено Фетом сравнение женщины, женской красоты, женского тела с цветком:

Она предстала мне на миг во всей красе,
Вся дрожью легкою объята и пугливой.
Так пышут холодом на утренней росе
Упругие листы у лилии стыдливой.

(«Купальщица»)

В стихотворении «Венера Милосская» (1856) Фет говорит о знаменитой статуе: «Цветет божественное тело». Этот образ[1] реализуется в стихотворении «Роза» (1864): роза — «необъятный, непонятный, благовонный, благодатный мир любви», и никакая богиня не может поведать земле того, что говорит ей этот цветок. И тут Фет с необычайной смелостью реализует образ «цветущей» богини:

Если б движущий громами
Повелел между цветами
Цвесть нежнейшей из богинь,
Чтоб безмолвною красою
Звать к любви, когда весною
Темен лес и воздух синь, —

Ни Киприда и ни Геба,
Спрятав в сердце тайны неба
И с безмолвьем на челе,
В час блаженный расцветанья
Больше страстного признанья
Не поведали б земле.

При той легкости переходов от прямого значения слова к переносному, о которой уже сказано выше, *цвести* в поэзии Фета может и *сердце*. «Сердце расцветает», «сердце раскрывается» — это обычные метафоры; у Фета сердце цветет, как ночной цветок среди других цветов:

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу...

(«Я тебе ничего не скажу...»)

Еще более яркий пример «скольжения» между прямыми и переносными значениями и смелого, наперекор «прозаической» логике,

---

[1] Насколько он не случаен у Фета, показывают следующие его слова о той же статуе: «Из одежд, спустившихся до бедер прелестнейшим изгибом, выцветает нежно молодой, холодной кожей сдержанное тело богини. Это бархатный, прохладный и упругий завиток раннего цветка, навстречу первому лучу только что разорвавшего тесную оболочку» (А. Фет. Из-за границы. — «Современник», 1857, № 2, стр. 265).

развития и реализации переносного значения находим в стихотворении 1888 года «Прости! во мгле воспоминанья. . .»

Если в стихотворении 1856 года «У камина» Фет сперва дает картину тускнеющих углей, а затем стремится передать то настроение, которое возбуждает эта картина, — то в стихотворении «Прости! во мгле воспоминанья. . .» тепло камина нераздельно с душевным теплом воспоминания о вечере у этого камина. Душевное тепло вызывает контрастные образы «метелей» и «вьюги». Но хотя вьюга в душе, — она студит и заносит снегом:

Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего? . .

Таков и творческий метод Блока, — и подобные стихотворения ясно показывают, насколько поэзия Блока связана с фетовской. Целый ряд символов, характерных для поэзии Блока («метель», «вьюга», «ночь», «сумрак», «заря», «мгла», «весна», «лазурь»), уже приближается к блоковским значениям в лирике Фета.

Эволюцию Фета от импрессионистически окрашенных изображений к созданию символов удобно проследить на одной из любимых тем Фета — теме прихода весны. В 40-е годы приход весны рисуется, в основном, распространением на природу весенних чувств лирика:

В новых листьях куст сирени
Явно рад веселью дня.
Вешней лени, тонкой лени
Члены полны у меня.

(«Весна на юге»)

В 50-е годы приход весны показывается обычно подбором примет, как в уже цитированном стихотворении «Еще весны душистой нега. . .» или в стихотворении «Опять незримые усилья. . .»:

Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвело.

.

Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывалым
Покрытый снегом косогор

и т. д.

В 60-е годы, в связи с философским углублением темы, подход к ней снова меняется. Фет опять уходит от детализированных описаний, усиливает персонификацию явлений природы, но это персонификация более обобщенная, чем раньше: персонажем предстает уже не куст сирени, а сама весна; конкретные проявления весны заменяются ее символическими атрибутами:

Я ждал. Невестою-царицей
Опять на землю ты сошла.
И утро блещет багряницей,
И всё ты воздаешь сторицей,
Что осень скудная взяла.

Ты пронеслась, ты победила,
О тайнах шепчет божество,
Цветет недавняя могила,
И бессознательная сила
Свое ликует торжество.

Тема дана в настолько обобщенном виде, что друг другу противостоят скудная осень и победная весна; а что весна сменяет не осень, а зиму — это, видимо, при такой степени обобщенности поэтической мысли не играет роли.

В стихотворении есть, в сущности, лишь одна более или менее конкретная черта: «утро блещет багряницей»; здесь сказано о том же, что и в только что цитированном стихотворении («заря сквозит оттенком алым»). Но обратим внимание: имея в виду зарю, Фет говорит не о *багрянце*, а о *багрянице* — алом царском плаще, порфире царицы-весны. Царственность и юная свежесть весны объединяются в символе «невесты-царицы», хотя — с точки зрения жизненных реалий — невеста должна бы быть царевной, а не царицей.

Еще менее конкретен образ: «Цветет недавняя могила». Это ведь не значит, что зацвела какая-то могила недавнего захоронения, а значит, что расцветает все, что еще недавно казалось мертвым.

Но вот еще одна разработка той же темы, относящаяся уже к концу 70-х годов:

Глубь небес опять ясна,
Пахнет в воздухе весна,
Каждый час и каждый миг
Приближается жених.

Спит во гробе ледяном
Очарованная сном, —
Спит, нема и холодна,
Вся во власти чар она.

Но крылами вешних птиц
Он свевает снег с ресниц,
И из стужи мертвых грез
Проступают капли слез.

Признаки весны здесь лишь самые общие: ясность неба, весенний воздух, прилет птиц, таяние снега. Тема весеннего возрождения природы воплощается в образы сказки о мертвой царевне, но лишь в виде самых общих символов: приближается жених, спящая в гробу невеста начинает оживать. Это именно символы, а не просто олицетворения. В предыдущем стихотворении под «невестой» прямо разумеется весна; но можно ли сказать, что на этот раз весна названа не «невестой», а «женихом»? Такого несоответствия в грамматическом роде всегда решительно избегает и язык, и фольклор, и поэзия. Вернее сказать, что здесь и жених, и невеста — символы оживающей весенней природы, воплощенной в двух началах: несущем и воспринимающем возрождение.

Такая «неприкрепленность» символов дает возможность необычайной свободы в выборе атрибутов. Можно пытаться установить зрительные представления, лежащие в их основе. Так, слезы невесты — это, конечно, весенняя капель; ресницы невесты, с которых птицы свевают снег, — это, возможно, ветви деревьев, которые ритмично качаются, когда с них слетают птицы, сбрасывая снег; но эти детали ни в какой мере не складываются в зрительный образ «невесты», так же как невозможно представить себе зрительно связь «жениха» с «крылами вешних птиц».

Творческий путь Фета длился больше полувека. Фет выпустил свой первый сборник в один год с Лермонтовым, а последний — за несколько лет до первых сборников русских символистов. Характеризовать такой длительный творческий путь, такое большое поэтическое наследие одной формулой — всегда, конечно, значит обойти какие-то стороны и подчеркнуть лишь главную тенденцию, основную линию. Поэзия Фета принадлежит к *мелодической* линии, являясь как бы связующим звеном между поэзией Жуковского и Блока.

Для этой линии характерна значительная степень лирической

субъективности в подходе и к внешнему миру, и к душевной жизни, стремление прежде всего выразить настроение поэта, значительная деформация словесных значений с переносом смыслового центра на эмоциональные ореолы слова, исключительная роль ритмико-мелодической стихии.

Близок Фет и к Тютчеву, как представителю этой «мелодической» линии в поэзии. Но в ряде старческих стихов Фет примыкает и к «ораторской» линии Тютчева. Большая близость к Тютчеву характерна именно для поздних стихов Фета.

Символика природы, построение стихотворения на сравнении природы и человека или на основе образа из сферы природы с подразумеваемой аналогией с человеком, философская мысль, то сквозящая за метафорой, то прямо формулируемая в дидактическом стиле, — все это особенно сближает позднего Фета с Тютчевым. Почти стилизованными «под Тютчева» кажутся такие стихотворения 80-х годов, как «Осень», «Ласточки», «Есть ночи зимней блеск и сила. . .» Здесь и типичные тютчевские составные эпитеты («золотолиственных уборов», «молниевидного крыла»), и тютчевские ораторские формулы, начинающиеся с «Есть», «Не таково ли», «Не так ли» и т. п., и торжественная архаическая лексика («сосуд скудельный», «всевластный», «всезрящий»). Некоторые строфы кажутся имитациями определенных тютчевских строф, например в стихотворении «Ласточки»:

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, —
Не таково ли вдохновенье
И человеческого *я*?

Как не вспомнить строфу Тютчева:

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое *Я*,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

М. Горький относил Фета к числу романтиков «с бóльшими или меньшими уклонениями к реализму».[1] Художественные достижения Фета несомненно связаны с развитием реализма в русской литера-

---

[1] М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 25.

туре. Пейзажи Фета, соединяющие пристальную точность наблюдений с эмоциональной выразительностью, роднят Фета с Тургеневым. Передача тонких оттенков переживаний, фиксация беглых настроений в какой-то степени сближает Фета с Львом Толстым, с его «диалектикой души» (по выражению Чернышевского).

Фета вместе с Тютчевым объявляли своими прямыми предшественниками символисты. Известные основания для этого были, но это не дает никакого права отождествлять Фета, как и Тютчева, с символистами. То, что у Фета было тенденцией, резко сказавшейся лишь в немногих стихотворениях, у символистов стало основой творческого метода. С точки зрения общезначимости, естественности, соответствия требованиям художественной правды поэзию Фета нельзя и сравнивать со стихами символистов.

Идейные позиции Фета были враждебны передовой критике его времени. Тем не менее классики революционно-демократической критики ценили талант Фета и никогда не объявляли его поэзию плохой или ненужной; они только сожалели, что поэзия Фета бедна содержанием и оторвана от живой современности, что художник большого таланта не может или не хочет выйти из узкой сферы однообразных мотивов.

Для нашего отношения к поэзии Фета это уже не так существенно. Мы знаем, что Фет — поэт узкого диапазона, и не станем искать в его творческом наследии того, чего в нем нельзя найти. В нашей оценке стихов Фета не может играть определяющей роли и политическая реакционность их автора, сказавшаяся в небольшом числе слабых публицистических и дидактических стихотворений.

Фет вообще написал много слабых стихов, интересных сейчас лишь в историко-литературном плане. Но навсегда вошли в золотой фонд русской поэзии многие его стихотворения, поражающие эмоциональностью, светлым тоном, своеобразной передачей оттенков душевной жизни, тонким чувством русской природы, красотой ритмов, звучаний и мелодий.

Б. Бухштаб

СТИХОТВОРЕНИЯ

(ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ)

ЭЛЕГИИ И ДУМЫ

* * *

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

<1844>

* * *

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемым то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь нам звучавших страсти эхом.

<*1844*>

* * *

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное, — и тихо, улыбаясь,

Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,

И долго слушаю, как ты молчишь, — и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья, —
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

<*1847*>

* * *

Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой
Каймою тень легла от сосен в лунный свет...
Какая тишина! Из-за горы высокой
Сюда и доступа мятежным звукам нет.

Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты с отвесных берегов,
Летит на хрящ морской; где в море вал
огромный
Придет — и убежит в объятия валов.

Одна передо мной, под мирными звездами,
Ты здесь, царица чувств, властительница дум...
А там придет волна — и грянет между нами...
Я не пойду туда: там вечный плеск и шум!

<1847>, 1855

* * *

Странное чувство какое-то в несколько дней овладело
Телом моим и душой, целым моим существом:
Радость и светлая грусть, благотворный покой и
желанья
Детские, резвые — сам даже понять не могу.
Вот хоть теперь: посмотрю за окно на веселую зелень
Вешних деревьев, да вдруг ветер ко мне донесет
Утренний запах цветов и птичек звонкие песни —
Так бы и бросился в сад с кликом: пойдем же,
пойдем!
Да как взгляну на тебя, как уселась ты там
безмятежно
Подле окошка, склоня иглы ресниц на канву,
То уж не в силах ничем я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю — от пробора волос
До перекладины пялец, где вольно, легко и уютно,
Складки раздвинув, прильнул маленькой ножки
носок.
Жалко... да нет — хорошо, что никто не видал,
как взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать. Право, мне кажется, всех бы
Вас мне хотелось обнять. Даже и брат твой,
шалун,
Что изучает грамматику в комнате ближней, мне
дорог.
Можно ль так ложно его вещи учить понимать!

Как отворялися двери, расслушать я мог, что учитель
Каждый отдельный глагол прятал в отдельный
залог:
Он говорил, что любить есть действие — не состоянье.
Нет, достохвальный мудрец, здесь ты не видишь
ни зги;
Я говорю, что любить — состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нег!.. Дай бог нам вечно любить!

<1847>

* * *

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя в ревнивом сне томит чужое счастье;
Свободы смелый лик и томный взор любви
Манят наперерыв желания твои.
Чрез всю толпу рабов у пышной колесницы
Я взгляд лукавый твой под бархатом ресницы
Давно прочел, давно — и разгадал с тех пор,
Где жертву новую твой выбирает взор.
Несчастный юноша! давно ль, веселья полный,
Скользил его челнок, расталкивая волны?
Смотри, как счастлив он, как волен...
он — ничей;
Лобзает ветр один руно его кудрей.
Рука, окрепшая в труде однообразном,
Минула берега, манящие соблазном.
Но горе! ты поёшь; на зыбкое стекло
Из ослабевших рук упущено весло;
Он скован, — ты поешь, ты блещешь красотою,
Для взоров божество — сирена под водою.

Июль 1847

* * *

Ее не знает свет, — она еще ребенок;
Но очерк головы у ней так чист и тонок,
И столько томности во взгляде кротких глаз,
Что детства мирного последний близок час.
Дохнет тепло любви, — младенческое око
Лазурным пламенем засветится глубоко,

И гребень, ласково-разборчив, будто сам
Пойдет медлительней по пышным волосам,
Персты румяные, бледнея, подлиннеют...
Блажен, кто замечал, как постепенно зреют
Златые гроздия, и знал, что, виноград
Сбирая, он вопьет их сладкий аромат!

<1847>

* * *

Эх, шутка-молодость! Ка́к новый, ранний снег
Всегда и чист и свеж! Царица тайных нег,
Луна зеркальная над древнею Москвою
Одну выводит ночь блестящей за другою.
Что, все ли улеглись, уснули? Не пора ль?..
На сердце жар любви, и трепет, и печаль!..
Бегу! Далекие, как бы в вознагражденье,
Шлют звезды в инее свое изображенье.
В сияньи полночи безмолвен сон Кремля.
Под быстрою стопой промерзлая земля
Звучит, и по крутой, хотя недавней стуже
Доходит бой часов порывистей и туже.
Бегу! Нигде огня, — соседи полегли,
И каждый звук шагов, раздавшийся вдали,
Иль тени на стене блестящей колыханье
Мне напрягает слух, прервав мое дыханье.

<1847>

* * *

Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
Свет отнимают. Смотри, вот половина окна
Верхняя темною зеленью листьев покрыта; меж ними,
Будто нарочно, в окне кисть начинает желтеть.
Милая, полно, не трогай!.. К чему этот дух разрушенья!
Ты доставать виноград высунешь руку на двор, —
Белую, полную ручку легко распознают соседи,
Скажут: она у него в комнате тайно была.

<1847>

* * *

Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе — и судьбе я молча предаюсь.

Без клятв и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться длинный;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.

Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мнс жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полунощной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.

И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.

<1847>

* * *

Не говори, мой друг: «Она меня забудет,
Изменчив времени всемощного полет;
Измученной души напрасный жар пройдет,
И образ роковой преследовать не будет
Очей задумчивых; свободней и смелей
Вздохнет младая грудь; замедленных речей
Польется снова ток блистательный и сладкой;
Ланиты расцветут — и в зеркало украдкой
Невольно станет взор с вопросом забегать, —
Опять весна в груди — и счастие опять».
Мой милый, не лелей прекрасного обмана:

В душе мечтательной смертельна эта рана.
Видал ли ты в лесах под тению дубов
С винтовками в руках засевших шалунов,
Когда с холмов крутых, окрестность оглашая,
Несется горячо согласных гончих стая
И, праздным юношам дриад жестоких дань,
Уже из-за кустов выскакивает лань?
Вот-вот и выстрелы — и в переливах дыма
Еще быстрее лань, как будто невредима,
Проклятьям вопреки и хохоту стрелков,
Уносится во мглу безбрежную лесов, —
Но ловчий опытный уж на позыв победный
К сомкнувшимся губам рожок подносит медный.

<1854>

* * *

Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?
Ведь снова не пойму я ни одной страницы —
И яркий белый свет начнет в глазах мелькать,
И ложных призраков заблещут вереницы.

За что ж? Что сделал я? Чем грешен пред тобой?
Ужели помысел мне должен быть укором,
Что так язвительно смеется призрак твой
И смотрит на меня таким тяжелым взором?

<1854>

* * *

Под небом Франции, среди столицы света,
Где так изменчива народная волна,
Не знаю отчего грустна душа поэта
И тайной скорбию мечта его полна.

Каким-то чуждым сном весь блеск несется мимо,
Под шум ей грезится иной, далекий край;
Так древле дикий скиф средь праздничного Рима
Со вздохом вспоминал свой северный Дунай.

О боже, перед кем везде страданья наши
Как звезды по небу полночному горят,
Не дай моим устам испить из горькой чаши
Изгнанья мрачного по капле жгучий яд!

1856

СМЕРТИ

Когда, измучен жаждой счастья
И громом бедствий оглушен,
Со взором, полным сладострастья,
В тебе последнего участья
Искать страдалец обречен, —

Не верь, суровый ангел бога,
Тушить свой факел погоди.
О, как в страданьи веры много!
Постой! безумная тревога
Уснет в измученной груди.

Придет пора — пора иная:
Повеет жизни благодать,
И будет тот, кто, изнывая,
В тебе встречал предтечу рая,
Перед тобою трепетать.

Но кто не молит и не просит,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поносит,
А молча, сознавая, носит
Твое могучее зерно,

Кто дышит с равным напряженьем, —
Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем,
Ему предстань за сновиденьем
И тихо вежды опусти.

Конец 1856 или
начало 1857

* * *

Целый заставила день меня промечтать ты сегодня:
Только забудусь — опять ты предо мною в саду.
Если очнусь, застаю у себя на устах я улыбку;
Вновь позабудусь — и вновь листья в глазах да цветы,
И у суровой коры наклоненного старого клена,
Милая дева-дитя, в белом ты чинно сидишь.
Да, ты ребенок еще; но сколько любви благодатной
Светит в лазурных очах мальчику злому вослед!
Златоволосый, как ты, на твоих он играет коленях,
В вожжи твой пояс цветной силясь, шалун, обратить.
Крепко сжимая концы ленты одною ручонкой,
Веткой левкоя тебя хочет ударить другой.
Полно, шалун! Ты сронил диадиму с румяной головки;
Толстою прядью скользя, вся развернулась коса.
Цвет изумительный: точно опала и бронзы слиянье
Иль назревающей ржи колос слегка-золотой.
О Афродита! Не твой ли здесь шутит кудрявый упрямец?
Долго недаром вокруг белый порхал мотылек;
Мне еще памятен образ Амура и нежной Психеи!
Душу мою ты в свой мир светлый опять унесла.

<1857>

ОДИНОКИЙ ДУБ

Смотри, — синея друг за другом,
Каким широким полукругом
Уходят правнуки твои!
Зачем же тенью благотворной
Всё кружишь ты, старик упорный,
По рубежам родной земли?

Когда ж неведомым страданьям,
Когда жестоким испытаньям
Придет медлительный конец?
Иль вечно понапрасну годы
Рукой суровой непогоды
Упрямый щиплют твой венец?

И под изрытою корою
Ты полон силой молодою.
Так старый витязь, сверстник твой,
Не остывал душой с годами
Под иззубренною мечами,
Давно заржавленной броней.

Всё дальше, дальше с каждым годом
Вокруг тебя незримым ходом
Ползет простор твоих корней,
И, в их кривые промежутки
Гнездясь, с пригорка незабудки
Глядят смелее в даль степей.

Когда же, вод взломав оковы,
Весенний ветр несет в дубровы
Твои поблеклые листы,
С ним вести на простор широкий,
Что жив их пращур одинокий,
Ко внукам посылаешь ты.

<1856>

ИТАЛИЯ

Италия, ты сердцу солгала!
Как долго я в душе тебя лелеял, —
Но не такой мечта тебя нашла,
И не родным мне воздух твой повеял.

В твоих степях любимый образ мой
Не мог, опять воскреснувши, не вырость;
Сын севера, люблю я шум лесной
И зелени растительную сырость.

Твоих сынов паденье и позор
И нищету увидя, содрогаюсь;
Но иногда, суровый приговор
Забыв, опять с тобою примиряюсь.

В углах садов и старческих руин
Нередко жар я чувствую мгновенный

И слушаю — и кажется, один
Я слышу гимн Сивиллы вдохновенной.

В подобный миг чужие небеса
Неведомой мне в душу веют силой,
И я люблю, увядшая краса,
Твой долгий взор, надменный и унылый,

И ящериц, мелькающих кругом,
И негу их на нестерпимом зное,
И страстного кумира под плющом
Раскидистым увечье вековое.

Между 1856 и 1858

НА РАЗВАЛИНАХ ЦЕЗАРСКИХ ПАЛАТ

Над грудой мусора, где плющ тоскливо вьется,
Над сводами глухих и темных галерей
В груди моей сильней живое сердце бьется,
И в жилах кровь бежит быстрей.

Пускай вокруг меня, тяжелые громады,
Из праха восстают и храмы, и дворцы,
И драгоценные пестреют колоннады,
И воскресают мертвецы,

И шум на площади, и женщин вереница,
И вновь увенчанный святой алтарь горит,
И из-под новых врат златая колесница
К холму заветному спешит.

Нет! нет! не ослепишь души моей тревожной!
Пускай я не дерзну сказать: «Ты не велик»,
Но, Рим, я радуюсь, что грустный и ничтожный
Ты здесь у ног моих приник!

Безжалостный квирит, тебя я ненавижу
За то, что на земле ты видел лишь себя,
И даже в зрелищах твоих кровавых вижу,
Что музы прокляли тебя.

Напрасно лепетал ты эллинские звуки:
Ты смысла тайного речей не разгадал
И на учителя безжалостные руки,
Палач всемирный, подымал.

Законность измерял ты силою великой —
Что ж сиротливо так безмолвствуешь теперь?
Ты сам, бездушный Рим, пал жертвой силы дикой,
Как устаревший хищный зверь.

И вот растерзаны блестящие одежды,
В тумане утреннем развалина молчит,
И трупа буйного, жестокого невежды
Слезой камена не почтит.

Между 1856 и 1858

* * *

Пойду навстречу к ним знакомою тропою.
Какою нежною, янтарною зарею
Сияют небеса, нетленные, как рай.
Далеко выгнулся земли померкший край,
Прохлада вечера и дышит и не дышит
И колос зреющий едва-едва колышет.
Нет, дальше не пойду: под сению дубов
Всю ночь, всю эту ночь я просидеть готов,
Смотря в лицо зари иль вдоль дороги серой...
Какою молодой и безграничной верой
Опять душа полна! Ка́к в этой тишине
Всем, всем, что жизнь дала, довольная вполне,
Иного уж она не требует удела.
Собака верная у ног моих присела
И, ухо чуткое насторожив слегка,
Глядит на медленно ползущего жука.
Иль мне послышалось? — В подобные мгновенья
Вдали колеблются и звуки, и виденья.
Нет, точно — издали доходит до меня
Нетерпеливый шаг знакомого коня.

<1859>

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Давно забытые, под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Всё, что давно-давно утрачено душой.

Горя огнем стыда, опять встречают взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.

Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как в тот ужасный час, когда прощались мы.

А я доверился предательскому звуку —
Как будто вне любви есть в мире что-нибудь! —
Я дерзко оттолкнул писавшую вас руку,
Я осудил себя на вечную разлуку
И с холодом в груди пустился в дальний путь.

Зачем же с прежнею улыбкой умиленья
Шептать мне о любви, глядеть в мои глаза?
Души не воскресит и голос всепрощенья,
Не смоет этих строк и жгучая слеза.

1859 (?)

* * *

О нет, не стану звать утраченную радость,
Напрасно горячить скудеющую кровь;
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ее безумную любовь.

Без ропота иду навстречу вечной власти,
Молитву затвердя горячую одну:
Пусть тот осенний ветр мои погасит страсти,
Что каждый день с чела роняет седину.

Пускай с души больной, борьбою утомленной,
Без грохота спадет тоскливой жизни цепь,
И пусть очнусь вдали, где к речке безыменной
От голубых холмов бежит немая степь,

Где с дикой яблонью убором спорит слива,
Где тучка чуть ползет, воздушна и светла,
Где дремлет над водой поникнувшая ива
И вечером, жужжа, к улью́ летит пчела.

Быть может — вечно вдаль с надеждой смотрят очи! —
Там ждет меня друзей лелеющий союз,
С сердцами чистыми, как месяц полуночи,
С душою чуткою, как песни вещих муз.

Там наконец я всё, чего душа алкала,
Ждала, надеялась, на склоне лет найду
И с лона тихого земного идеала
На лоно вечности с улыбкой перейду.

<1857>

* * *

Окна в решетках, и сумрачны лица,
Злоба глядит ненавистно на брата;
Я признаю твои стены, темница, —
Юности пир ликовал здесь когда-то.

Что ж там мелькнуло красою нетленной?
Ах, то цветок мой весенний, любимый!
Как уцелел ты, засохший, смиренный,
Тут, под ногами толпы нелюдимой?

Радость сияла, чиста безупречно,
В час, как тебя обронила невеста.
Нет, не покину тебя бессердечно,
Здесь, у меня на груди тебе место.

<1882>

* * *

Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю,
И каждый раз гляжу окрест,
И над березами встречаю
Всё тот же золоченый крест.

Среди зеленой густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу могилы и кресты,
И мне — мне кажется понятно,
Что́ шепчут куполу листы.

Еще колеблясь и дыша
Над дорогими мертвецами,
Стремлюсь куда-то, вдаль спеша,
Но встречу с тихими гробами
Смиренно празднует душа.

<1864>

* * *

Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый луч передо мной горел;
Немой восторг будил он самовластно,
Но сумрака кругом не одолел.

Пускай клянут, волнуяся и споря,
Пусть говорят: то бред души больной;
Но я иду по шаткой пене моря
Отважною, нетонущей ногой.

Я пронесу твой свет чрез жизнь земную;
Он мой — и с ним двойное бытиё
Вручила ты, и я — я торжествую
Хотя на миг бессмертие твое.

<1871>

* * *

Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять.

А был рассвет! Я помню, вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей. —
Как не цвести всевидящему маю
При отблеске родном таких очей!

Очей тех нет — и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей в твое небытие!

4 ноября 1878

ALTER EGO [1]

Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей,
И была ли при этом победа, и чья, —
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?

Ты душою младенческой всё поняла,
Что́ мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой.

У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!

Январь 1878

---

[1] Второе я (лат.). — *Ред.*

СМЕРТЬ

«Я жить хочу! — кричит он, дерзновенный. —
Пускай обман! О, дайте мне обман!»
И в мыслях нет, что это лед мгновенный,
А там, под ним — бездонный океан.

Бежать? Куда? Где правда, где ошибка?
Опора где, чтоб руки к ней простерть?
Что ни расцвет живой, что ни улыбка, —
Уже под ними торжествует смерть.

Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводырям;
Но если жизнь — базар крикливый бога,
То только смерть — его бессмертный храм.

1878

СРЕДИ ЗВЕЗД

Пусть мчитесь вы, как я покорны мигу,
Рабы, как я, мне прирожденных числ,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я в ней читаю смысл.

В венцах, лучах, алмазах, как калифы,
Излишние средь жалких нужд земных,
Незыблемой мечты иероглифы,
Вы говорите: «Вечность — мы, ты — миг.

Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень;
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день.

Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где всё темно и скудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно и светло».

22 ноября 1876

* * *

> Die Gleichmäßigkeit des Laufes der Zeit in allen Köpfen beweist mehr, als irgend etwas, daß wir Alle in denselben Traum versenkt sind, ja daß es Ein Wesen ist, welches ihn träumt.
>
> *Schopenhauer*[1]

1

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днем и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.

И всё, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотской и бесплотный, —
Твой только отблеск, о солнце мира,
И только сон, только сон мимолетный.

И этих грез в мировом дуновеньи
Как дым несусь я и таю невольно,
И в этом прозреньи, и в этом забвеньи
Легко мне жить и дышать мне не больно.

---

[1] Равномерность течения времени во всех головах доказывает более, чем что-либо другое, что мы все погружены в один и тот же сон; более того, что все видящие этот сон являются единым существом. *Шопенгауэр* (нем.). — *Ред.*

[illegible]

2

В тиши и мраке таинственной ночи
Я вижу блеск приветный и милый,
И в звездном хоре знакомые очи
Горят в степи над забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сон сиротлив одинокой гробницы,
И только в небе, как вечная дума,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И снится мне, что ты встала из гроба,
Такой же, какой ты с земли отлетела,
И снится, снится: мы молоды оба,
И ты взглянула, как прежде глядела.

1864 (?)

* * *

Когда божественный бежал людских речей
И празднословной их гордыни,
И голод забывал и жажду многих дней,
Внимая голосу пустыни,

Его, взалкавшего, на темя серых скал
Князь мира вынес величавый.
«Вот здесь, у ног твоих, все царства, — он сказал, —
С их обаянием и славой.

Признай лишь явное, пади к моим ногам,
Сдержи на миг порыв духовный —
И эту всю красу, всю власть тебе отдам
И покорюсь в борьбе неровной».

Но он ответствовал: «Писанию внемли:
Пред богом господом лишь преклоняй колени!»
И сатана исчез — и ангелы пришли
В пустыне ждать его велений.

<1874>

НИЧТОЖЕСТВО

Тебя не знаю я. Болезненные крики
На рубеже твоем рождала грудь моя,
И были для меня мучительны и дики
Условья первые земного бытия.

Сквозь слез младенческих обманчивой улыбкой
Надежда озарить сумела мне чело,
И вот всю жизнь с тех пор ошибка за ошибкой,
Я всё ищу добра — и нахожу лишь зло.

И дни сменяются утратой и заботой
(Не всё ль равно: один иль много этих дней!),
Хочу тебя забыть над тяжкою работой,
Но миг — и ты в глазах с бездонностью своей.

Что ж ты? Зачем? — Молчат и чувства и познанье.
Чей глаз хоть заглянул на роковое дно?
Ты — это ведь я сам. Ты только отрицанье
Всего, что чувствовать, что мне узнать дано.

Что ж я узнал? Пора узнать, что в мирозданьи,
Куда ни обратись, — вопрос, а не ответ;
А я дышу, живу и понял, что в незнаньи
Одно прискорбное, но страшного в нем нет.

А между тем, когда б в смятении великом
Срываясь, силой я хоть детской обладал,
Я встретил бы твой край тем самым резким криком,
С каким я некогда твой берег покидал.

1880

ДОБРО И ЗЛО

Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой — душа и мысль моя.

[illegible] I

Два [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Все [illegible]

[illegible]

Все [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] души

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] добра.

Доб. № 6 [illegible]

[illegible]

[illegible]

Где есть добро, там есть и зло:

[illegible]

Пора [illegible] и [illegible]

[illegible]

И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаешь,
Так слитно в глубине заветной
Всё мирозданье ты найдешь.

Не лжива юная отвага:
Согнись над роковым трудом —
И мир свои раскроет блага;
Но быть не мысли божеством.

И даже в час отдохновенья,
Подъемля потное чело,
Не бойся горького сравненья
И различай добро и зло.

Но если на крылах гордыни
Познать дерзаешь ты как бог,
Не заноси же в мир святыни
Своих невольничьих тревог.

Пари всезрящий и всесильный,
И с незапятнанных высот
Добро и зло, как прах могильный,
В толпы людские отпадет.

14 сентября 1884

СМЕРТИ

Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель;
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель!

Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.

Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты;
Покуда я дышу — ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

<1884>

* * *

Не тем, господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознаньем,
Что в звездный день твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданьем

И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти твои законы,
Всё пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.

Нет, ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной.

Меж тем как я — добыча суеты,
Игралище ее непостоянства, —
Во мне он вечен, вездесущ, как ты,
Ни времени не знает, ни пространства.

1879

НИКОГДА

Проснулся я. Да, крыша гроба. — Руки
С усильем простираю и зову
На помощь. Да, я помню эти муки
Предсмертные. — Да, это наяву! —
И без усилий, словно паутину,
Сотлевшую раздвинул домовину

И встал. Как ярок этот зимний свет
Во входе склепа! Можно ль сомневаться? —
Я вижу снег. На склепе двери нет.
Пора домой. Вот дома изумятся!
Мне парк знаком, нельзя с дороги сбиться.
А как он весь успел перемениться!

Бегу. Сугробы. Мертвый лес торчит
Недвижными ветвями в глубь эфира,

Но ни следов, ни звуков. Всё молчит,
Как в царстве смерти сказочного мира.
А вот и дом. В каком он разрушеньи!
И руки опустились в изумленьи.

Селенье спит под снежной пеленой,
Тропинки нет по всей степи раздольной.
Да, так и есть: над дальнею горой
Узнал я церковь с ветхой колокольней.
Как мерзлый путник в снеговой пыли,
Она торчит в безоблачной дали.

Ни зимних птиц, ни мошек на снегу.
Всё понял я: земля давно остыла
И вымерла. Кому же берегу
В груди дыханье? Для кого могила
Меня вернула? И мое сознанье
С чем связано? И в чем его призванье?

Куда идти, где некого обнять,
Там, где в пространстве затерялось
время?
Вернись же, смерть, поторопись
принять
Последней жизни роковое бремя.
А ты, застывший труп земли, лети,
Неся мой труп по вечному пути!

Январь 1879

* * *

Жизнь пронеслась без явного следа.
Душа рвалась — кто скажет мне куда?
С какой заране избранною целью?
Но все мечты, всё буйство первых дней
С их радостью — всё тише, всё ясней
К последнему подходят новоселью.

Так, заверша беспутный свой побег,
С нагих полей летит колючий снег,

Гонимый ранней, буйною метелью,
И, на лесной остановясь глуши,
Сбирается в серебряной тиши
Глубокой и холодною постелью.

1864

* * *

О, этот сельский день и блеск его красивый
В безмолвии я чту.
Не допустить до нас мой ищет глаз ревнивый
Безумную мечту.

Лелеяла б душа в успокоеньи томном
Неведомую даль,
Но так нескромно всё в уединеньи скромном,
Что стыдно мне и жаль.

Пойдем ли по полю — мы чуждые тревоги,
И радует ходьба,
Уж кланяются нам обоим вдоль дороги
Чужие все хлеба.

Идем ли по́д вечер, избегнувши селений,
Где всё стоит в пыли,
По солнцу движемся — гляжу, а наши тени
За ров и в лес ушли.

Вот ночь со всем уже, что мучило недавно,
Перерывает связь,
А звезды, с высоты глядя на нас так явно,
Мигают, не стыдясь.

<1884>

ЛАСТОЧКИ

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши всё кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечереющим прудом.

Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, —
Не таково ли вдохновенье
И человеческого *я*?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

<1884>

ОСЕНЬ

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.

8 октября 1883

* * *

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Всё злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнию дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

31 декабря 1883

* * *

Солнце садится, и ветер утихнул летучий,
Нет и следа тех огнями пронизанных туч;
Вот на окраине дрогнул живой и нежгучий,
Всю эту степь озаривший и гаснущий луч.

Солнца уж нет, нет и дня неустанных стремлений,
Только закат будет долго чуть зримо гореть;
О, если б небо судило без тяжких томлений
Так же и мне, оглянувшись на жизнь, умереть!

29 апреля 1883

* * *

Страницы милые опять персты раскрыли;
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
Засохших, одному мне ведомых цветов.

О, как ничтожно всё! От жертвы жизни целой,
От этих пылких жертв и подвигов святых —
Лишь тайная тоска в душе осиротелой
Да тени бледные у лепестков сухих.

Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них всё прошлое — один жестокий бред,
Без них — один укор, без них — одно терзанье,
И нет прощения, и примиренья нет!

29 мая 1884

* * *

Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздох —
И тосковать я сердцем стану снова,
И буду я опять у этих ног.

Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день
И при луне на жизненном кладбище
Страшна и ночь, и собственная тень.

<1884>

ТЕПЕРЬ

Мой прах уснет забытый и холодный,
А для тебя настанет жизни май;
О, хоть на миг душою благородной
Тогда стихам, звучавшим мне, внимай!

И вдумчивым и чутким сердцем девы
Безумных снов волненья ты поймешь
И от чего в дрожащие напевы
Я уходил — и ты за мной уйдешь.

Приветами, встающими из гроба,
Сердечных тайн бессмертье ты проверь.
Вневременной повеем жизнью оба,
И ты и я — мы встретимся — теперь!

<1883>

* * *

Кровию сердца пишу я к тебе эти строки,
Видно, разлуки обоим несносны уроки,
Видно, больному напрасно к свободе стремиться,
Видно, к давно прожитому нельзя воротиться,
Видно, во всем, что питало горячку недуга,
Легче и слаще вблизи упрекать нам друг друга.

<1884>

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Какой тут дышит мир! Какая славы тризна
Средь кипарисов, мирт и каменных гробов!
Рукою набожной сложила здесь отчизна
Священный прах своих сынов.

Они и под землей отвагой прежней дышат...
Боюсь, мои стопы покой их возмутят,
И мнится, все они шаги живого слышат,
Но лишь молитвенно молчат.

Счастливцы! Высшею пылали вы любовью:
Тут что ни мавзолей, ни надпись — всё боец,
И рядом улеглись, своей залиты кровью,
И дед со внуком и отец.

Из каменных гробов их голос вечно слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен,
Что им завидовать грешно...

4 июня 1887

* * *

В степной глуши, над влагой молчаливой,
Где круглые раскинулись листы,
Любуюсь я давно, пловец пугливый,
На яркие плавучие цветы.

Они манят и свежестью пугают.
Когда к звездам их взорами прильну,
Кто скажет мне: какую измеряют
Подводные их корни глубину?

О, не гляди так мягко и приветно!
Я так боюсь забыться как-нибудь.
Твоей души мне глубина заветна:
В свою судьбу боюсь я заглянуть.

<1887>

* * *

Дул север. Плакала трава
И ветви о недавнем зное,
И роз, проснувшихся едва,
Сжималось сердце молодое.

Стоял угрюм тенистый сад,
Забыв о пеньи голосистом;
Лишь соловьихи робких чад
Хрипливым подзывали свистом.

Прошла пора влюбленных грез,
Зачем еще томиться тщетно?
Но вдруг один любовник роз
Запел так ярко, беззаветно.

Прощай, соловушко! — И я
Готов на миг воскреснуть тоже,
И песнь последняя твоя
Всех вешних песен мне дороже.

1880 (?)

* * *

Дух всюду сущий и единый.
Державин

Я потрясен, когда кругом
Гудят леса, грохочет гром
И в блеск огней гляжу я снизу,
Когда, испугом обуян,
На скалы мечет океан
Твою серебряную ризу.

Но просветленный и немой,
Овеян властью неземной,
Стою не в этот миг тяжелый,
А в час, когда, как бы во сне,
Твой светлый ангел шепчет мне
Неизреченные глаголы.

Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья
И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.

29 августа 1885

* * *

Прости — и всё забудь в безоблачный ты час,
Как месяц молодой на высоте лазури;
И в негу вешнюю врываются не раз
Стремленьем молодым пугающие бури.

Когда ж под тучею, прозрачна и чиста,
Поведает заря, что минул день ненастья, —
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
Чтобы не плакал он и не сиял от счастья.

26 декабря 1886

СВЕТОЧ

Ловец, все дни отдавший лесу,
Я направлял по нем стопы;
Мой глаз привык к его навесу
И ночью различал тропы.

Когда же вдруг из тучи мглистой
Сосну ужалил яркий змей,
Я сам затеплил сук смолистый
У золотых ее огней.

Горел мой факел величаво,
Тянулись тени предо мной,
Но, обежав меня лукаво,
Они смыкались за спиной.

Пестреет мгла, блуждают очи,
Кровавый призрак в них глядит,
И тем ужасней сумрак ночи,
Чем ярче светоч мой горит.

16 августа 1885

* * *

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокой,
Еще горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, —
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот, тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновенье,
И, содрогаясь, я пою.

2 февраля 1887

* * *

Светил нам день, будя огонь в крови...
Прекрасная, восторгов ты искала
И о своей несбыточной любви
Младенчески мне тайны поверяла.

Как мог, слепец, я не видать тогда,
Что жизни ночь над нами лишь сгустится,
Твоя душа, красы твоей звезда,
Передо мной, умчавшись, загорится,

И, разлучась навеки, мы поймем,
Что счастья взрыв мы промолчали оба
И что вздыхать обоим нам по нем,
Хоть будем врозь стоять у двери гроба.

9 июня 1887

* * *

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки, —
Не вспомнила ль о чем?

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел, —
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!

15 февраля 1887

* * *

Всё, всё мое, что есть и прежде было,
В мечтах и снах нет времени оков;
Блаженных грез душа не поделила:
Нет старческих и юношеских снов.

За рубежом вседневного удела
Хотя на миг отрадно и светло;
Пока душа кипит в горниле тела,
Она летит, куда несет крыло.

Не говори о счастье, о свободе
Там, где царит железная судьба.
Сюда! сюда! не рабство здесь природе —
Она сама здесь верная раба.

17 июля 1887

* * *

С солнцем склоняясь за темную землю,
Взором весь пройденный путь я объемлю:
Вижу, бесследно пустынная мгла
День погасила и ночь привела.

Странным лишь что-то мерцает узором:
Горе минувшее тайным укором
В сбивчивом ходе несбыточных грез
Там миллионы рассыпало слез.

Стыдно и больно, что так непонятно
Светятся эти туманные пятна,
Словно неясно дошедшая весть...
Всё бы, ах, всё бы с собою унесть!

22 августа 1887

* * *

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветр с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упиться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец —
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак и венец!

28 октября 1887

* * *

В полу́ночной тиши бессонницы моей
Встают пред напряженным взором
Былые божества, кумиры прежних дней,
С их вызывающим укором.

И снова я люблю, и снова я любим,
Несусь вослед мечтам любимым,
А сердце грешное томит меня своим
Неправосудьем нестерпимым.

Богини предо мной, давнишние друзья,
То соблазнительны, то строги,
Но тщетно алтарей ищу пред ними я:
Они — развенчанные боги.

Пред ними сердце вновь в тревоге и в огне,
Но пламень тот с былым несхожий;
Как будто, смертному потворствуя, оне
Сошли с божественных подножий.

И лишь надменные, назло живой мечте,
Не зная милости и битвы,
Стоят владычицы на прежней высоте
Под шепот пре́зренной молитвы.

Их снова ищет взор из-под усталых вежд,
Мольба к ним тщетная стремится,
И прежний фимиам несбыточных надежд
У ног их всё еще дымится.

3 января 1888

* * *

Прости! во мгле воспоминанья
Всё вечер помню я один, —
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин.

Глядя в огонь, я забывался,
Волшебный круг меня томил,
И чем-то горьким отзывался
Избыток счастия и сил.

Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твое тепло?

Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..

22 января 1888

* * *

Руку бы снова твою мне хотелось пожать!
Прежнего счастья, конечно, уже не видать,
Но и под старость отрадно очами недуга
Вновь увидать неизменно прекрасного друга.

В голой аллее, где лист под ногами шумит,
Как-то пугливо и сладостно сердце щемит,
Если стопам попирать довелося устало
То, что когда-то так много блаженства
скрывало.

14 августа 1888

* * *

Устало всё кругом: устал и цвет небес,
И ветер, и река, и месяц, что родился,
И ночь, и в зелени потусклой спящий лес,
И желтый тот листок, что наконец свалился.

Лепечет лишь фонтан средь дальней темноты,
О жизни говоря незримой, но знакомой...
О ночь осенняя, как всемогуща ты
Отказом от борьбы и смертною истомой!

24 августа 1889

УГАСШИМ ЗВЕЗДАМ

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чуять, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?

Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха, —
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд, буду призраком
вздоха!

6 мая 1890

ПОЭТАМ

Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова невольно,
Как и бывало, пред вами, поэты.

В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду провидит он с высей творенья;
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.

Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами.

С торжищ житейских, бесцветных и душных,
Видеть так радостно тонкие краски,
В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
Неба родного мне чудятся ласки.

5 июня 1890

* * *

Хоть счастие судьбой даровано не мне,
Зачем об этом так напоминать небрежно?
Как будто бы нельзя в больном и сладком сне
Дозволить мне любить вас пламенно и нежно.

Хотя б признался я в безумиях своих,
Что стоит робкого вам не пугать признанья?
Что стоит шелк ресниц склонить вам в этот миг,
Чтоб не блеснул в очах огонь негодованья?

Участья не прошу — могла б и ваша грусть,
Хотя б притворная, родить во мне отвагу,
И, издали молясь, поэт-безумец пусть
Прекрасный образ ваш набросит на бумагу.

16 июня 1890

* * *

Еще люблю, еще томлюсь
Перед всемирной красотою
И ни за что не отрекусь
От ласк, ниспосланных тобою.

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятен отовсюду.

Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

10 декабря 1890

* * *

На кресле отвалясь, гляжу на потолок,
Где, на задор воображенью,
Над лампой тихою подвешенный кружок
Вертится призрачною тенью.

Зари осенней след в мерцаньи этом есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
Грачи кружатся темным стадом...

Нет, то не крыльев шум, то кони у крыльца!
Я слышу трепетные руки...
Как бледность холодна прекрасного лица!
Как шепот горестен разлуки!..

Молчу, потерянный, на дальний путь глядя
Из-за темнеющего сада, —
И кружится еще, приюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо.

15 декабря 1890

* * *

Опавший лист дрожит от нашего движенья,
Но зелени еще свежа над нами тень,
А что-то говорит средь радости сближенья,
Что этот желтый лист — наш следующий день.

Как ненасытны мы и как несправедливы:
Всю радость явную неверный гонит страх!

Еще так ласковы волос твоих извивы!
Какой живет восторг на блекнущих устах!

Идем. Надолго ли еще не разлучаться,
Надолго ли дышать отрадою? Как знать!
Пора за будущность заране не пугаться,
Пора о счастии учиться вспоминать.

15 января 1891

* * *

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принес
И пред тобою содрогаюсь
Под дуновеньем прежних грез.

Те грезы — жизнь их осудила —
То прах давнишних алтарей;
Но их победным возмутила
Движеньем ты стопы своей.

Уже мерцает свет, готовый
Всё озарить, всему помочь,
И, согреваясь жизнью новой,
Росою счастья плачет ночь.

3 февраля 1891

* * *

Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной
Спеша навстречу мне, улыбку ты даришь
И, заглянув в глаза, мечте моей послушной
О беззаветности надежды говоришь, —

Нет, чтобы счастию нежданному отдаться,
Чтобы исчезнуть в нем, спускаяся до дна,
Мне нужно одному с душой своей остаться,
Молчанье нужно мне кругом и тишина.

Тут сердца говорит мне каждое биенье
Про всё, чем радостной обязан я судьбе,
А тихая слеза блаженства и томленья,
Скатясь жемчужиной, напомнит о тебе.

19 февраля 1891

* * *

Кляните нас: нам дорога свобода,
И буйствует не разум в нас, а кровь,
В нас вопиет всесильная природа,
И прославлять мы будем век любовь.

В пример себе певцов весенних ставим:
Какой восторг — так говорить уметь!
Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь!

2 марта 1891

* * *

Ночь и я, мы оба дышим,
Цветом липы воздух пьян,
И, безмолвные, мы слышим,
Чтó, струей своей колышим,
Напевает нам фонтан.

— Я, и кровь, и мысль, и тело —
Мы послушные рабы:
До известного предела
Все возносимся мы смело
Под давлением судьбы.

Мысль несется, сердце бьется,
Мгле мерцаньем не помочь;
К сердцу кровь опять вернется,
В водоем мой луч прольется,
И заря потушит ночь.

7 июня 1891

* * *

О, как волнуюся я мыслию больною,
Что в миг, когда закат так девственно хорош,
Здесь на балконе ты, лицом перед зарею,
Восторга моего, быть может, не поймешь.

Внизу померкший сад уснул, — лишь тополь
дальный
Всё грезит в вышине, и ставит лист ребром,
И зыблет, уловя денницы блеск прощальный,
И чистым золотом и мелким серебром.

И верить хочется, что всё, что так прекрасно,
Так тихо властвует в прозрачный этот миг,
По небу и душе проходит не напрасно,
Как оправдание стремлений роковых.

12 августа 1891

* * *

Всё, что волшебно так манило,
Из-за чего весь век жилось,
Со днями зимними остыло
И непробудно улеглось.

Нет ни надежд, ни сил для битвы —
Лишь, посреди ничтожных смут,
Как гордость дум, как храм молитвы,
Страданья в прошлом восстают.

28 февраля 1892

* * *

Я люблю его жарко: он тигром в бою
Нападает на хищных врагов;
Я люблю в нем отраду, награду мою
И потомка великих отцов.

Кто бы ни был ты — странник простой иль купец —
Ни овцы, ни верблюда не тронь!
От кобыл Мугаммеда его жеребец —
Что небесный огонь этот конь.

Только мирный пришлец нагибайся в шатер
И одежду дорожную скинь;
На услугу и ласку он ловок и скор:
Он бадья при колодце пустынь.

Будто месяц над кедром, белеет чалма
У него средь широких степей.
Я люблю, и никто — ни Фатима сама —
Не любила пророка сильней!

<1847>

* * *

Не дивись, что я черна,
Опаленная лучами;
Посмотри, как я стройна
Между старшими сестрами.

Оглянись: сошла вода,
Зимний дождь не хлещет боле;
На горах опять стада,
И оратай вышел в поле.

Розой гор меня зови;
Ты красой моей ужален,
И цвету я для любви,
Для твоих опочивален.

Целый мир пахну́л весной,
Тайный жар владеет девой;
Я прильну к твоей десной,
Ты меня обнимешь левой.

Я пройду к тебе в ночи
Незаметными путями;
Отопрись — и опочий
У меня между грудями.

<1847>

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Небес и земли повелитель,
Творец плодотворного мира
Дал счастье, дал радость всей твари
Цветущих долин Кашемира.

И ра́вны все звенья пред Вечным
В цепи непрерывной творенья,
И жизненным трепетом общим
Исполнены чудные звенья.

Такая дрожащая бездна
В дыханьи полудня и ночи,
Что ангелы в страхе закрыли
Крылами звездистые очи.

Но там же, в саду мирозданья,
Где радость и счастье — привычка,
Забыты, отвергнуты счастьем
Кустарник и серая птичка.

Листов, окаймленных пилáми,
Побегов, скрывающих спицы,
Боятся летучие гости,
Чуждаются певчие птицы.

Безгласная серая птичка
Одна не пугается терний,
И любят друг друга, — но счастья —
Ни в утренний час, ни в вечерний.

И по небу веки проходят,
Как волны безбрежного моря;
Никто не узнает их страсти,
Никто не увидит их горя.

Однажды сияющий ангел,
Купаяся в безднах эфира,
Узрел и кустарник, и птичку
В долине ночной Кашемира.

И нежному ангелу стало
Их видеть так грустно и больно,
Что с неба слезу огневую
На них уронил он невольно.

И к утру свершилося чудо:
Краснея и млея сквозь слезы,
Склонилася к ветке упругой
Головка душистая розы.

И к ночи с безгласною птичкой
Еще перемена чудесней:

И листья и звезды трепещут
Ее упоительной песней.

Он

Рая вечного изгнанник,
Вешний гость я, певчий
странник;
Мне чужие здесь цветы;
Страшны искры мне мороза.
Друг мой, роза, дева-роза,
Я б не пел, когда б не ты.

Она

Полночь — мать моя родная,
Незаметно расцвела я
На заре весны;
Для тебя ж у бедной розы
Аромат, краса и слезы,
Заревые сны.

Он

Ты так нежна, как утренние розы,
Что пред зарей несет земле восток;
Ты так светла, что поневоле слезы
Туманят мне внимательный зрачок;

Ты так чиста, что помыслы земные
Невольно мрут в груди перед тобой;
Ты так свята, что ангелы святые
Зовут тебя их смертною сестрой.

Она

Ты поешь, когда дремлю я,
Я цвету, когда ты спишь;
Я горю без поцелуя,
Без ответа ты грустишь.

Но ни грусти, ни мученья
Ты обманом не зови:
Где же песни без стремленья?
Где же юность без любви?

Он

Дева-роза, доброй ночи!
Звезды в небесах.
Две звезды горят, как очи,
В голубых лучах;

Две звезды горят приветно
Нынче, как вчера;
Сон подкрался незаметно...
Роза, спать пора!

Она

Зацелую тебя, закачаю,
Но боюсь над тобой задремать:
На заре лишь уснешь ты; я знаю,
Что всю ночь будешь петь ты опять.

Закрываются милые очи,
Голова у меня на груди.
Ветер, ветер с суровой полночи,
Не тревожь его сна, не буди.

Я сама притаила дыханье,
Только вежды закрыл ему сон,
И над спящим склоняюсь в молчаньи:
Всё боюсь, не проснулся бы он.

Ветер, ветер лукавый, поди ты,
Я умею сама целовать;
Я устами коснуся ланиты,
И мой милый проснется опять.

Просыпайся ж! Заря потухает:
Для певца золотая пора.
Дева-роза тихонько вздыхает,
Отпуская тебя до утра.

Он

Ах, опять к ночному бденью
Вышел звездный хор...
Эхо ждет завторить пенью...
Ждет лесной простор.

Веет ветер над дубровой,
    Пышный лист шумит,
У меня в тени кленовой
    Дева-роза спит.

Хорошо ль ей, сладко ль спится,
    Я предузнаю
И звездам, что ей приснится,
    Громко пропою.

Она

Я дремлю, но слышит
Роза соловья;
Ветерок колышет
Сонную меня.

Звуки остаются
Все в моих листках;
Слышу, — а проснуться
Не могу никак.

Заревые слезы,
Наклоняясь, лью.
Пой у сонной розы
Про любовь мою!

И во сне только любит и любит,
И от счастия плачет и спит!
Эти песни она приголубит,
Если эхо о них промолчит.

Эти песни земле рассказали
Всё, что розе приснилось во сне,
И глубоко, глубоко запали
Ей в румяное сердце оне.

И в ночи под землею коренья
Влагу ночи сосут да сосут,
А у розы росой умиленья
Бриллиантами слезы текут.

Отчего ж под навесом прохлады
Раздается так голос певца?
Роза! песни не знают преграды:
Без конца твои сны, без конца!

<1847>

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ

С чем нас сравнить с тобою, друг прелестный?
Мы два конька, скользящих по реке,
Мы два гребца на утлом челноке,
Мы два зерна в одной скорлупке тесной,
Мы две пчелы на жизненном цветке,
Мы две звезды на высоте небесной.

<1882>

АВАДДОН

Ангел, и лев, и телец, и орел —
Все шестикрылые — держат престол,
А над престолом, над тем, кто сидит,
Радуга ярким смарагдом горит.
Молнии с громом по небу летят,
И раздается из них: «Свят, свят, свят!»
Вот проносящийся ангел трубит,
С треском звезда к нам на землю летит,
Землю прошибла до бездны глухой,
Вырвался дым, как из печи большой.
Медными крыльями грозно стуча,
Вышла из дыма с коня саранча.
Львиные зубы, коса как у жен,
Хвост скорпионовым жалом снабжен.
Царь ее гордой сияет красой,
То Аваддон, ангел бездны земной.
Будут терзать вас и жалить — и вот
Смерть призовете, и смерть не придет;
Пусть же изведает всякая плоть,
Что испытания хочет господь!

1883

К ОФЕЛИИ

* * *

Не здесь ли ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?

И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг...

<1842>

* * *

Я болен, Офелия, милый мой друг!
    Ни в сердце, ни в мысли нет силы.
О, спой мне, как носится ветер вокруг
    Его одинокой могилы.

Душе раздраженной и груди больной
    Понятны и слезы, и стоны.
Про иву, про иву зеленую спой,
    Про иву сестры Дездемоны.

<1847>

* * *

Офелия гибла и пела,
И пела, сплетая венки;
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.

И многое с песнями канет
Мне в душу на темное дно,
И много мне чувства, и песен,
И слез, и мечтаний дано.

<1846>

* * *

Как ангел неба безмятежный,
В сияньи тихого огня
Ты помолись душою нежной
И за себя и за меня.

Ты от меня любви словами
Сомненья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осени.

<1843>

ВЕСНА

* * *

Уж верба вся пушистая
    Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
    Повеяла крылом.

Станицей тучки носятся,
    Тепло озарены,
И в душу снова просятся
    Пленительные сны.

Везде разнообразною
    Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
    Народ, чему-то рад...

Какой-то тайной жаждою
    Мечта распалена —
И над душою каждою
    Проносится весна.

<1844>

* * *

Еще весна, — как будто неземной
Какой-то дух ночным владеет садом.
Иду я молча, — медленно и рядом
Мой темный профиль движется со мной.

Еще аллей не сумрачен приют,
Между ветвей небесный свод синеет,
А я иду — душистый холод веет
В лицо — иду — и соловьи поют.

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное в нашем бедном мире,
И грудь вздыхает радостней и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.

Придет пора — и скоро, может быть, —
Опять земля взалкает обновиться,
Но это сердце перестанет биться
И ничего не будет уж любить.

<1847>

* * *

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

<1842>

* * *

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

<1854>

ПЧЕЛЫ

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.

Дай хоть выйду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...
С каждым шагом не легче на воле,

Сердце пышет всё боле и боле,
Точно уголь в груди я несу.

Нет, постой же! С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит.
Ах, опять эти пчелы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.

<1854>

ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ

Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгающим лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.

Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.

Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?

1848

ВЕСНА НА ДВОРЕ

Как дышит грудь свежо и емко —
Слова не выразят ничьи!
Как по оврагам в полдень громко
На пену прядают ручьи!

В эфире песнь дрожит и тает,
На глыбе зеленеет рожь —
И голос нежный напевает:
«Еще весну переживешь!»

<1855>

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШ

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем — неясно ей самой, —
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

<1854>

ЕЩЕ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной — и последней, может быть.

<1857>

* * *

Опять незримые усилья,
Опять невидимые крылья
Приносят северу тепло;
Всё ярче, ярче дни за днями,
Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвело.

Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывалым
Покрытый снегом ко̀согор;
Еще леса стоят в дремоте,
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.

Ручьи, журча и извиваясь
И меж собой перекликаясь,
В долину гулкую спешат,
И разыгравшиеся воды
Под беломраморные своды
С веселым грохотом летят.

А там по нивам на просторе
Река раскинулась как море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаю лебедей.

<1859>

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей сво̀им крылом,
В песке купаяся, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,

И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

1857 (?)

* * *

Глубь небес опять ясна,
Пахнет в воздухе весна,
Каждый час и каждый миг
Приближается жених.

Спит во гробе ледяном
Очарованная сном, —
Спит, нема и холодна,
Вся во власти чар она.

Но крылами вешних птиц
Он свевает снег с ресниц,
И из стужи мертвых грез
Проступают капли слез.

22 марта 1879

* * *

Еще, еще! Ах, сердце слышит
Давно призыв ее родной,
И всё, что движется и дышит,
Задышит новою весной.

Уж травка светит с кочек талых,
Плаксивый чибис прокричал,
Цепь снеговую туч отсталых
Сегодня первый гром порвал.

<1882>

* * *

Когда вослед весенних бурь
Над зацветающей землей
Нежней небесная лазурь
И облаков воздушен рой,

Ка́к той порой отрадно мне
Свергать земли томящий прах,
Тонуть в небесной глубине
И погасать в ее огнях!

О, как мне весело следить
За пышным дымом туч сквозных —
И рад я, что не может быть
Ничто вольней и легче их.

1865 (?)

* * *

Всю ночь гремел овраг соседний,
Ручей, бурля, бежал к ручью,
Воскресших вод напор последний
Победу разглашал свою.

Ты спал. Окно я растворила,
В степи кричали журавли,
И сила думы уносила
За рубежи родной земли,

Лететь к безбрежью, бездорожью,
Через леса, через поля, —
А подо мной весенней дрожью
Ходила гулкая земля.

Как верить перелетной тени?
К чему мгновенный сей недуг,
Когда ты здесь, мой добрый гений,
Бедами искушенный друг?

1872

* * *

Пришла, — и тает всё вокруг,
Всё жаждет жизни отдаваться,
И сердце, пленник зимних вьюг,
Вдруг разучилося сжиматься.

Заговорило, зацвело
Всё, что вчера томилось немо,
И вздохи неба принесло
Из растворенных врат эдема.

Как весел мелких туч поход!
И в торжестве неизъяснимом
Сквозной деревьев хоровод
Зеленоватым пышет дымом.

Поет сверкающий ручей,
И с неба песня, как бывало;
Как будто говорится в ней:
Всё, что ковало, — миновало.

Нельзя заботы мелочно́й
Хотя на миг не устыдиться,
Нельзя пред вечной красотой
Не петь, не славить, не молиться.

20 мая 1866

* * *

Я рад, когда с земного лона,
Весенней жажде соприсущ,
К ограде каменной балкона
С утра кудрявый лезет плющ.

И рядом, куст родной смущая,
И силясь и боясь летать,
Семья пичужек молодая
Зовет заботливую мать.

Не шевелюсь, не беспокою.
Уж не завидую ль тебе?
Вот, вот она здесь, под рукою,
Пищит на каменном столбе.

Я рад: она не отличает
Меня от камня на свету,
Трепещет крыльями, порхает
И ловит мошек на лету.

12 декабря 1879

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Отсталых туч над нами пролетает
Последняя толпа.
Прозрачный их отрезок мягко тает
У лунного серпа.

Царит весны таинственная сила
С звездами на челе. —
Ты, нежная! Ты счастье мне сулила
На суетной земле.

А счастье где? Не здесь, в среде убогой,
А вон оно — как дым.
За ним! за ним! воздушною дорогой —
И в вечность улетим!

1870

* * *

Я ждал. Невестою-царицей
Опять на землю ты сошла.
И утро блещет багряницей,
И всё ты воздаешь сторицей,
Что осень скудная взяла.

Ты пронеслась, ты победила,
О тайнах шепчет божество,
Цветет недавняя могила,
И бессознательная сила
Свое ликует торжество.

1860 (?)

* * *

С гнезд замахали крикливые цапли,
С листьев скатились последние капли,
Солнце, с прозрачных сияя небес,
В тихих струях опрокинуло лес.

С сердца куда-то слетела забота,
Вижу, опять улыбается кто-то;
Или весна выручает свое?
Или и солнышко всходит мое?

1883 (?)

* * *

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне!

Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.

Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!

Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты — благодатная тайна моя.

<1884>

КУКУШКА

Пышные гнутся макушки,
Млея в весеннем соку;
Где-то вдали от опушки
Будто бы слышно: ку-ку.

Сердце! — вот утро — люби же
Всё, чем жило на веку;
Слышится ближе и ближе,
Как золотое, — ку-ку.

Или кто вспомнил утраты,
Вешнюю вспомнил тоску?
И раздается трикраты
Ясно и томно: ку-ку.

17 мая 1886

* * *

За горами, песками, морями —
Вечный край благовонных цветов,
Где, овеяны яркими снами,
Дремлют розы, не зная снегов.

Но красы истомленной молчанье
Там на всё налагает печать,
И палящего солнца лобзанье
Призывает не петь, а дышать.

Восприяв опьянения долю
Задремавших лесов и полей,
Где же вырваться птичке на волю
С затаенною песнью своей?

И сюда я, где сумрак короче,
Где заря любит зо́рю будить,
В холодок вашей северной ночи
Прилетаю и петь и любить.

Апрель 1891

ЛЕТО

* * *

Как здесь свежо под липою густою —
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опахал.

А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колебляся, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон.

За мглой ветвей синеют неба своды,
Как дымкою подернуты слегка,
И, как мечты почиющей природы,
Волнистые проходят облака.

<1854>

ДОЖДЛИВОЕ ЛЕТО

Ни тучки нет на небосклоне,
Но крик петуший — бури весть,
И в дальном колокольном звоне
Как будто слезы неба есть.

Покрыты слегшими тра́вами,
Не зыблют колоса поля,
И, пресыщенная дождями,
Не верит солнышку земля.

Под кровлей влажной и раскрытой
Печально праздное житье.
Серпа с косой, давно отбитой,
В углу тускнеет лезвие.

Конец 50-х гг.

* * *

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

Конец 50-х гг.

НЕЖДАННЫЙ ДОЖДЬ

Всё тучки, тучки, а кругом
Всё сожжено, всё умирает.
Какой архангел их крылом
Ко мне на нивы навевает?

Повиснул дождь, как легкий дым,
Напрасно степь кругом алкала,
И надо мною лишь одним
Зарею радуга стояла.

Смирись, мятущийся поэт, —
С небес нисходит жизни влага,

Чего ты ждешь, того и нет,
Лишь незаслуженное — благо.

Я — ничего я не могу;
Один лишь может, кто, могучий,
Воздвиг прозрачную дугу
И живоносные шлет тучи.

1866 (?)

* * *

Ты видишь, за спиной косцов
Сверкнули косы блеском чистым,
И поздний пар от их котлов
Упитан ужином душистым.

Лиловым дымом даль поя,
В сияньи тонет дня светило,
И набежавших туч края
Стеклом горючим окаймило.

Уже подрезан, каждый ряд
Цветов лежит пахучей цепью.
Какая тень и аромат
Плывут над меркнущею степью!

В душе смиренной уясни
Дыханье ночи непорочной
И до огней зари восточной
Под звездным пологом усни!

<1864>

ОСЕНЬ

* * *

Непогода — осень — куришь,
Куришь — всё как будто мало.
Хоть читал бы, — только чтенье
Подвигается так вяло.

Серый день ползет лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неутомимо.

Сердце стынет понемногу,
И у жаркого камина
Лезет в голову больную
Всё такая чертовщина!

Над дымящимся стаканом
Остывающего чаю,
Слава богу, понемногу,
Будто вечер, засыпаю...

<1847>

* * *

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекати-поле
Прыгает как мяч.

<1854>

ПСОВАЯ ОХОТА

Последний сноп свезен с нагих полей,
По стоптанным гуляет жнивьям стадо,
И тянется станица журавлей
Над липником замолкнувшего сада.

Вчера зарей впервые у крыльца
Вечерний дождь звездами начал стынуть.
Пора седлать проворного донца
И звонкий рог за плечи перекинуть!

В поля! В поля! Там с зелени бугров
Охотников внимательные взоры
Натешатся на острова лесов
И пестрые лесные косогоры.

Уже давно, осыпавшись с вершин,
Осинников редеет глубь густая
Над гулкими извивами долин
И ждет рогов да заливного лая.

Семьи волков притон вчера открыт,
Удастся ли сегодня травля наша?
Но вот русак сверкнул из-под копыт,
Всё сорвалось — и заварилась каша:

«Отбей собак! Скачи наперерез!»
И красный верх папахи вдаль помчался;
Но уж давно весь голосистый лес
На злобный лай стократно отозвался.

<1858>

* * *

Вот и летние дни убавляются.
Где же лета лучи золотые?
Только серые брови сдвигаются,
Только зыблются кудри седые.

Нынче утром, судьбиною горькою
Истомленный, вздохнул я немножко:
Рано-рано румяною зорькою
На мгновенье зарделось окошко.

Но опять это небо ненастное
Безотрадно нависло над нами, —
Знать, опять, мое солнышко красное,
Залилось ты, вставая, слезами!

19 июня 1887

ОСЕННЯЯ РОЗА

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,

Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна.

Назло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня.

18 сентября 1886

* * *

Задрожали листы, облетая,
Тучи неба закрыли красу,
С поля буря ворвавшися злая
Рвет и мечет и воет в лесу.

Только ты, моя милая птичка,
В теплом гнездышке еле видна,
Светлогруда, легка, невеличка,
Не запугана бурей одна.

И грохочет громов перекличка,
И шумящая мгла так черна...
Только ты, моя милая птичка,
В теплом гнездышке еле видна.

13 июля 1887

СЕНТЯБРЬСКАЯ РОЗА

За вздохом утренним мороза,
Румянец уст приотворя,
Как странно улыбнулась роза
В день быстролетный сентября!

Перед порхающей синицей
В давно безлиственных кустах
Как дерзко выступать царицей
С приветом вешним на устах.

Расцвесть в надежде неуклонной —
С холодной разлучась грядой,
Прильнуть последней, опьяненной
К груди хозяйки молодой!

22 ноября 1890

* * *

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаей за теплом.

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь заныть,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жизнь любя, не в силах жить.

7 сентября 1891

СНЕГА

* * *

На пажитях немых люблю в мороз трескучий
При свете солнечном я снега блеск колючий,
Леса под шапками иль в инее седом
Да речку звонкую под темно-синим льдом.
Как любят находить задумчивые взоры
Завеянные рвы, навеянные горы,
Былинки сонные среди нагих полей,
Где холм причудливый, как некий мавзолей,
Изваян полночью, — иль тучи вихрей дальных
На белых берегах и полыньях зеркальных.

<1842>, 1855

* * *

Знаю я, что ты, малютка,
Лунной ночью не робка:
Я на снеге вижу утром
Легкий оттиск башмачка.

Правда, ночь при свете лунном
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты недаром, друг мой,
Покидаешь ложе сна:

Бриллианты в свете лунном,
Бриллианты в небесах,

Бриллианты на деревьях,
Бриллианты на снегах.

Но боюсь я, друг мой милый,
Как бы в вихре дух ночной
Не завеял бы тропинку,
Проложённую тобой.

<1842>

* * *

Вот утро севера — сонливое, скупое —
Лениво смотрится в окно волоковое;
В печи трещит огонь — и серый дым ковром
Тихонько стелется над кровлею с коньком.
Петух заботливый, копаясь на дороге,
Кричит... а дедушка брадатый на пороге
Кряхтит и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья белые летят ему в лицо.
И полдень настает. Но, боже, как люблю я,
Как тройкою ямщик кибитку удалую
Промчит — и скроется... И долго, мнится мне,
Звук колокольчика трепещет в тишине.

<1842>

* * *

Ветер злой, ветр крутой в поле
Заливается,
А сугроб на степной воле
Завивается.

При луне на версте мороз —
Огонечками.
Про живых ветер весть пронес
С позвоночками.

Под дубовым крестом свистит,
Раздувается.
Серый заяц степной хрустит,
Не пугается.

<1847>

* * *

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Как гроздья винограда,
Ветвей концы висят, —
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей.

<1842>

* * *

Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и всё поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

<1842>

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

<1842>

* * *

Ночь светла, мороз сияет,
Выходи — снежок хрустит;
Пристяжная озябает
И на месте не стоит.

Сядем, полость застегну я, —
Ночь светла и ровен путь.
Ты ни слова, — замолчу я,
И — пошел куда ни будь!

<1847>

* * *

На двойном стекле узоры
Начертил мороз,
Шумный день свои дозоры
И гостей унес;

Смолкнул яркий говор сплетней,
Скучный голос дня:
Благодатней и приветней
Всё кругом меня.

Пред горящими дровами
Сядем — там тепло.
Месяц быстрыми лучами
Пронизал стекло.

Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена.

Полон нежного волненья,
Сладостной мечты,
Буду ждать успокоенья
Чистой красоты.

<1847>

* * *

Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.

От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.

Ветер спит, и всё немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.

1858 (?)

II Стихи 5

Какая грусть!
[illegible] Конецъ [illegible]
Опять съ утра метель въ полѣ,
опять серебряныя зыби
Черезъ сугробы поползли.

[illegible] лазури,
Въ степи все гладко, все бѣло,
Единственный воронъ противъ бури
Крылами машетъ тяжело.

[illegible] — [illegible].
[illegible], [illegible].
И кони фыркаютъ [illegible],
[illegible] снѣгъ изъ-подъ копытъ.

[illegible]
Счастливые [illegible] страшная, —
[illegible] — [illegible]
[illegible] южная луна.

И [illegible]
Въ кругу [illegible],
[illegible]
Звучитъ [illegible]
[illegible]? — [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]!

* * *

Еще вчера, на солнце млея,
Последним лес дрожал листом,
И озимь, пышно зеленея,
Лежала бархатным ковром.

Глядя надменно, как бывало,
На жертвы холода и сна,
Себе ни в чем не изменяла
Непобедимая сосна.

Сегодня вдруг исчезло лето;
Бело, безжизненно кругом,
Земля и небо — всё одето
Каким-то тусклым серебром.

Поля без стад, леса унылы,
Ни скудных листьев, ни травы.
Не узнаю растущей силы
В алмазных призраках листвы.

Как будто в сизом клубе дыма
Из царства злаков волей фей
Перенеслись непостижимо
Мы в царство горных хрусталей.

1864 (?)

* * *

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,
В степи всё гладко, всё бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.

А всё надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста, —
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

Начало 1862

У ОКНА

К окну приникнув головой,
Я поджидал с тоскою нежной,
Чтоб ты явилась — и с тобой
Помчаться по равнине снежной.

Но в блеск сокрылась ты лесов,
Под листья яркие банана,
За серебро пустынных мхов
И пыль жемчужную фонтана.

Я видел горный поворот,
Где снег стопой твоей встревожен,
Я рассмотрел хрустальный грот,
Куда мне доступ невозможен.

Вдруг ты вошла — я всё узнал —
Смех на устах, в глазах угроза.
О, как всё верно подсказал
Мне на стекле узор мороза!

<1871>

* * *

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
    Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
    Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —
    Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
    Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
    Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
    «Ну, скорей гулять!»

9 декабря 1887

* * *

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела;
В два ряда свет — и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.

Страшно припомнить душой оробелою:
Там, за спиной, нет огня...
Тяжкое что-то над шеею белою
Плавает, давит меня!

Ну как уставят гробами дубовыми
Весь этот ряд между свеч!
Ну как лохматый с глазами свинцовыми
Выглянет вдруг из-за плеч!

Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
Дух захватило в груди...
Суженый! золото, сéребро!.. Чур меня,
Чур меня — сгинь, пропади!

<1842>

* * *

«Полно смеяться! что это с вами?
Точно базар!
Как загудело! словно пчелами
Полон анбар».

«Чу! не стучите! кто-то шагает
    Вдоль закромов...
Сыплет да сыплет, пересыпает
    Рожь из мешков.

Сыплет орехи, деньги считает,
    Шубой шумит,
Всем наделяет, всё обещает,
    Только сердит».

— «Ну, а тебе что?» — «Тише, сестрицы!
    Что-то несут:
Так и трясутся все половицы...
    Что-то поют;

Гроб забивают крышей большою,
    Кто-то завыл!
Страшно, сестрицы! знать, надо мною
    Шут подшутил».

<1842>

* * *

Ночь крещенская морозна,
Будто зеркало — луна.
«Побегу: еще не поздно,
Да боюсь идти одна».

— «Я, сестрица, за тобою
Не пойду — одна иди!»
— «Я с тобою, — за избою
Наводи да наводи!»

Ничего: пес рябый ходит,
Вот и серый у ворот...
И красавица наводит —
И никак не наведет.

«Вижу, вижу! потянулись:
Раз, два, три, четыре, пять...

Заструились, покачнулись,
Стало только три опять.

Ну, захочет почудесить?
Со страстей рехнуся я...
Шесть, семь, восемь, девять, десять —
Чешуя как чешуя...

Вот одиннадцать — всё лица!
Вот собаки лай и вой...
Чур меня!..» — «Ну что, сестрица?»
— «Раскрасавец молодой!»

<1842>

* * *

Помню я: старушка няня
Мне в рождественской ночи
Про судьбу мою гадала
При мерцании свечи,

И на картах выходили
Интересы да почет.
Няня, няня! ты ошиблась,
Обманул тебя расчет;

Но зато я так влюбился,
Что приходится невмочь...
Погадай мне, друг мой няня,
Нынче святочная ночь.

Что, — не будет ли свиданья,
Разговоров иль письма?
Выйдет пиковая дама
Иль бубновая сама?

Няня добрая гадает,
Грустно голову склоня;
Свечка тихо нагорает,
Сердце бьется у меня.

<1842>

* * *

Перекресток, где ракитка
    И стоит и спит...
Тихо ветхая калитка
    За плетнем скрыпит.

Кто-то кра́дется сторонкой,
    Санки пробегут —
И вопрос раздастся звонкой:
    «Как тебя зовут?»

<1842>

МЕЛОДИИ

* * *

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной!
Не отходи от меня:
Мне так отрадно с тобой. . .

Ближе друг к другу, чем мы, —
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильней
Мы не умеем любить.

Если же ты — предо мной,
Грустно головку склоня, —
Мне так отрадно с тобой:
Не отходи от меня!

<1842>

* * *

Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.

Друг мой! в сияньи ночном
Как мне печаль превозмочь? . .
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.

Друг мой, я звезды люблю —
И от печали не прочь...
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

<1842>

* * *

Я полон дум, когда, закрывши вежды,
Внимаю шум
Младого дня и молодой надежды;
Я полон дум.

Я всё с тобой, когда рука неволи
Владеет мной —
И целый день, туманно ли, светло ли, —
Я всё с тобой.

Вот месяц всплыл в своем сияньи дивном
На высоты,
И водомет в лобзаньи непрерывном, —
О, где же ты?

<1842>

* * *

Буря на нéбе вечернем,
Моря сердитого шум —
Буря на море и думы,
Много мучительных дум —
Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум —
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

<1842>

* * *

Давно ль под волшебные звуки
Носились по зале мы с ней?
Теплы были нежные руки,
Теплы были звезды очей.

Вчера пели песнь погребенья,
Без крыши гробница была;
Закрывши глаза, без движенья,
Она под парчою спала.

Я спал... над постелью моею
Стояла луна мертвецом.
Под чудные звуки мы с нею
Носились по зале вдвоем.

<1842>

NOTTURNO[1]

Ты спишь один, забыт на месте диком,
Старинный монастырь!
Твой свод упал; кругом летают с криком
Сова и нетопырь.

И стекол нет, и свищет вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющ растет, да устремляет очи
Полночная луна.

И кто-то там мелькает в свете лунном,
Блестит его убор —
И слышатся на помосте чугунном
Шаги и звуки шпор.

И грустную симфонию печали
Звучит во тьме орган...
То тихо всё, как будто вечно спали
И стены и орган.

<1842>

[1] Ноктюрн (итал.). — *Ред.*

* * *

Когда я блестящий твой локон целую
И жарко дышу так на милую грудь, —
Зачем говоришь ты про деву иную
И в очи мне прямо не смеешь взглянуть?

Хоть вечер и близок, не бойся! От стужи
Тебя я в широкий свой плащ заверну —
Луна не в тумане, а звезд хоть и много,
Но мы заглядимся с тобой на одну.

Хоть в сердце не веруй... хоть веруй в мгновенье,
И взор мой, и трепет, и лепет пойми —
И жарким лобзаньем спаливши сомненье,
Ревнивая дева, меня обойми!

<1842>

* * *

Теплым ветром потянуло,
    Смолк далекий гул,
Поле тусклое уснуло,
    Гуртовщик уснул.

В загородке улеглися
    И жуют волы,
Звезды частые зажглися
    По навесу мглы.

Только выше всё всплывает
    Месяц золотой,
Только стадо обегает
    Пес сторожевой.

Редко, редко кочевая
    Тучка бросит тень...
Неподвижная, немая
    Ночь светла, как день.

<1842>

* * *

Если зимнее небо звездáми горит
    И мечтательно светит луна,
Предо мною твой образ, твой дивный скользит,
    Словно ты из лучей создана.

И светла и легка, ты несешься туда...
    Я гляжу и молю хоть следов.
И светла и легка — но зато ни следа;
    Только грудь обуяет любовь.

И летел бы, летел за красою твоей —
    И пускай в небе звезды горят
И быстрей и светлей мириады лучей
    На пылинки ночные глядят.

<1843>

* * *

Полунóчные образы реют,
Блещут искрами ярко впотьмах,
Но глаза различить не умеют,
Много ль их на тревожных крылах.

Полуночные образы стонут,
Как больной в утомительном сне,
И всплывают, и стонут, и тонут —
Но о чем это стонут оне?

Полуночные образы воют,
Как духов испугавшийся пес;
То нахлынут, то бездну откроют,
Как волна обнажает утес.

<1843>

* * *

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь, —
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...

<1843>

* * *

Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга.
Валежник свистал на огне.

И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!

Березы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что́ с тобою?
Я знаю давно, что́ со мной!

<1842>

* * *

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселия жажды...
Вы, полные, сладкие звуки, —
Знать, вас не услышать мне дважды!

Зачем же за тающей скрипкой
Так сердце в груди встрепенулось,
Как будто знакомой улыбкой
Минувшее вдруг улыбнулось?

Так томно и грустно-небрежно
В свой мир расцвечённый уносит,
И ластится к сердцу так нежно,
И так умилительно просит?

<1844>

СЕРЕНАДА

Тихо вечер догорает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает, —
Спи, мое дитя.

Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели, —
Спи, мое дитя.

Смотрят ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи, —
Спи, мое дитя.

<1844>

* * *

Тихо ночью на степи;
Небо ей сказало: спи!
И курганы спят;
Звезды ж крупные в лучах
Говорят на небесах:
Вечный — свят, свят, свят!

В небе чутко и светло.
Неподвижное крыло
    За плечом молчит, —
Нет движенья; лишь порой
Бриллиантовой слезой
    Ангел пролетит.

<1847>

* * *

За кормою струйки вьются,
Мы несемся в челноке,
И далеко раздаются
Звуки «Нормы» по реке.

Млечный Путь глядится в воду —
Светлый праздник светлых лет!
Я веслом прибавил ходу —
И луна бежит вослед.

Струйки вьются, песни льются,
Вторит эхо вдалеке,
И, дробяся, раздаются
Звуки «Нормы» по реке.

<1844>

ФАНТАЗИЯ

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

Что ж молчим мы? Или самовластно
Царство тихой, светлой ночи мая?
Иль поет и ярко так и страстно
Соловей, над розой изнывая?

Иль проснулись птички за кустами,
Там, где ветер колыхал их гнезды,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе к нам нисходят звезды?

На суку извилистом и чудном,
Пестрых сказок пышная жилица,
Вся в огне, в сияньи изумрудном,
Над водой качается жар-птица;

Расписные раковины блещут
В переливах чудной позолоты,
До луны жемчужной пеной мещут
И алмазной пылью водометы.

Листья полны светлых насекомых,
Всё растет и рвется вон из меры,
Много снов проносится знакомых,
И на сердце много сладкой веры.

Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным;
Миг еще — и нет волшебной сказки,
И душа опять полна возможным.

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

<1847>

* * *

Недвижные очи, безумные очи,
Зачем вы средь дня и в часы полуночи
    Так жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы в том потонули минувшем,
Давно и мгновенно пред вами мелькнувшем,
    Которого сердцу так жаль?

Не высмотреть вам, чего нет и что было,
Что сердце, тоскуя, в себе схоронило
    На самое темное дно;
Не вам допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой беспощадной,
    Что было так щедро дано!

<1846>

* * *

Весеннее небо глядится
Сквозь ветви мне в очи случайно,
И тень золотая ложится
На воды блестящего Майна.

Вдали огонек одинокой
Трепещет под сумраком липок;
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающих скрипок.

Средь шума толпы неизвестной
Те звуки понятней мне вдвое:
Напомнили силой чудесной
Они мне всё сердцу родное.

Ожившая память несется
К прошедшей тоске и веселью;
То сердце замрет, то проснется
За каждой безумною трелью.

Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И месяц бежит полосою
Вдоль вод тихоструйного Майна.

Август 1844

* * *

Как мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.

Но цвет вдохновенья
Печален средь буднишних терний;
Былое стремленье
Далеко, как отблеск вечерний.

Но память былого
Всё крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

11 августа 1844

* * *

Спи — еще зарею
Холодно и рано;
Звезды за горою
Блещут средь тумана;

Петухи недавно
В третий раз пропели,
С колокольни плавно
Звуки пролетели.

Дышат лип верхушки
Негою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.

<1847>

* * *

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, —
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастию сердце легко предается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.

<1847>

* * *

Младенческой ласки доступен мне лепет,
Душа откровенно так с жизнью мирится.
Безумного счастья томительный трепет
Горячим приливом по сердцу стремится.

Скажу той звезде, что так ярко сияет, —
Давно не видались мы в мире широком,
Но я понимаю, на что намекает
Мне с неба она многозначащим оком:

— Ты смотришь мне в очи. Ты пра́ва:
мой трепет
Понятен, как луч твой, что в воды глядится.
Младенческой ласки доступен мне лепет,
Душа откровенно так с жизнью мирится.

<1847>

* * *

Снился берег мне скалистый,
Море спало под луною,
Как ребенок дремлет чистый, —
И по нем скользя с тобою,
В дым прозрачный и волнистый
Шли алмазной мы стезею.

Конец 1856 или начало 1857

ТУМАННОЕ УТРО

Как первый золотистый луч
Меж белых гор и сизых туч
Скользит уступами вершин
На темя башен и руин,
Когда в долинах, полных мглой,
Туман недвижим голубой, —
Пусть твой восторг во мглу сердец
Такой кидает свет, певец!

И как у розы молодой,
Рожденной раннею зарей,
Когда еще палящих крыл
Полудня ветер не раскрыл
И влажный вздох туман ночной
Меж небом делит и землей,
Росинка катится с листа, —
Пусть будет песнь твоя чиста.

Конец 1856 или начало 1857

РИМСКИЙ ПРАЗДНИК

Не напевай тоскливой муки
И слезный трепет утиши,
Воздушный голос! — Эти звуки
Смущают кроткий мир души.

Вокруг светло. На праздник Рима
Взглянули ярко небеса —
И высоко-неизмерима
Их светло-синяя краса.

Толпа ликует как ребенок,
На перекрестках шум и гул,
В кистях пунцовых, бодр и звонок,
По мостовой ступает мул.

В дыханьи чары мимолетной
Уже ласкались вкруг меня
И радость жизни беззаботной
И свет безоблачного дня.

Но ты запел — и злые звуки
Смущают кроткий мир души...
О, не зови тоскливой муки
И слезный трепет утиши!

Конец 1856 или начало 1857

ЦВЕТЫ

С полей несется голос стада,
В кустах малиновки звенят,
И с побелевших яблонь сада
Струится сладкий аромат.

Цветы глядят с тоской влюбленной,
Безгрешно чисты, как весна,
Роняя с пылью благовонной
Плодов румяных семена.

Сестра цветов, подруга розы,
Очами в очи мне взгляни,
Навей живительные грезы
И в сердце песню зарони.

<1858>

* * *

Вчера я шел по зале освещенной,
Где так давно встречались мы с тобой.
Ты здесь опять! Безмолвный и смущенный,
Невольно я поникнул головой.

И в темноте тревожного сознанья
Былые дни я различал едва,
Когда шептал безумные желанья
И говорил безумные слова.

Знакомыми напевами томимый,
Стою. В глазах движенье и цветы —
И кажется, летя под звук любимый,
Ты прошептала кротко: «Что же ты?»

И звуки те ж, и те ж благоуханья,
И чувствую — пылает голова,
И я шепчу безумные желанья
И лепечу безумные слова.

<1858>

* * *

Всё вокруг и пестро так и шумно,
Но напрасно толпа весела:
Без тебя я тоскую безумно,
Ты улыбку мою унесла.

Только изредка, поздней порою,
После скучного, тяжкого дня,
Нежный лик твой встает предо мною,
И ему улыбаюся я.

1856

ПЕВИЦЕ

Уноси мое сердце в звенящую даль,
    Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
    Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
    Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
    Будто шаткая тень за крылом.

Вдалеке замирает твой голос, горя,
    Словно за морем ночью заря,—
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
    Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
    Где кротка, как улыбка, печаль,
И всё выше помчусь серебристым путем
    Я, как шаткая тень за крылом.

<1857>

БАЛ

Когда трепещут эти звуки
И дразнит ноющий смычок,
Слагая на коленях руки,
Сажусь в забытый уголок.

И, как зари румянец дальный
Иль дней былых немая речь,
Меня пленяет вихорь бальный
И шевелит мерцанье свеч.

О, как, ничем неукротимо,
Уносит к юности былой
Вблизи порхающее мимо
Круженье пары молодой!

Чего хочу? Иль, может статься,
Бывалой жизнию дыша,
В чужой восторг переселяться
Заране учится душа?

<1857>

ANRUF AN DIE GELIEBTE[1] БЕТХОВЕНА

Пойми хоть раз тоскливое признанье,
Хоть раз услышь души молящей стон!
Я пред тобой, прекрасное созданье,
Безвестных сил дыханьем окрылен.

Я образ твой ловлю перед разлукой,
Я, полон им, и млею, и дрожу,
И, без тебя томясь предсмертной мукой,
Своей тоской, как счастьем, дорожу.

Ее пою, во прах упасть готовый.
Ты предо мной стоишь как божество —
И я блажен; я в каждой муке новой
Твоей красы провижу торжество.

<1857>

* * *

Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
И, сжимаясь, трещит можжевельник;
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
Раскрасневшись, шатается ельник.

Я и думать забыл про холодную ночь, —
До костей и до сердца прогрело;
Что смущало, колеблясь умчалося прочь,
Будто искры в дыму улетело.

---

[1] Призыв к любимой (нем.). — *Ред.*

Пусть на зорьке, всё ниже спускаясь, дымок
Над золою замрет сиротливо;
Долго-долго, до поздней поры огонек
Будет теплиться скупо, лениво.

И лениво и скупо мерцающий день
Ничего не укажет в тумане;
У холодной золы изогнувшийся пень
Прочернеет один на поляне.

Но нахмурится ночь — разгорится костер,
И, виясь, затрещит можжевельник,
И, как пьяных гигантов столпившийся хор,
Покраснев, зашатается ельник.

<1859>

* * *

Свеча нагорела. Портреты в тени.
Сидишь прилежно и скромно ты.
Старушке зевнулось. По окнам огни
Прошли в те дальние комнаты.

Никак комара не прогонишь ты прочь, —
Поет и к свету всё просится.
Взглянуть ты не смеешь на лунную ночь,
Куда душа переносится.

Подкрался, быть может, и смотрит в окно?
Увидит мать — догадается;
Нет, верно, у старого клена давно
Стоит в тени, дожидается.

<1862>

* * *

Нет, не жди ты песни страстной,
Эти звуки — бред неясный,
Томный звон струны;

Но, полны тоскливой муки,
Навевают эти звуки
    Ласковые сны.

Звонким роем налетели,
Налетели и запели
    В светлой вышине.
Как ребенок им внимаю,
Чтó сказалось в них — не знаю,
    И не нужно мне.

Поздним летом в окна спальной
Тихо шепчет лист печальный,
    Шепчет не слова;
Но под легкий шум березы
К изголовью, в царство грезы
    Никнет голова.

<1858>

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнию твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

2 августа 1877

* * *

Что ты, голубчик, задумчив сидишь,
Слышишь — не слышишь, глядишь —
не глядишь?
Утро давно, а в глазах у тебя,
Я посмотрю, и не день и не ночь.

— Точно случилось жемчужную нить
Подле меня тебе врозь уронить.
Чудную песню я слышал во сне,
Несколько слов до яву́ мне прожгло.

Эти слова-то ищу я опять
Все, как звучали они, подобрать.
Верно, ах, верно, сказала б ты мне,
В чем этот голос меня укорял.

Начало 1875

* * *

В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?

Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольно.
И тебе не томно?
И тебе не больно?

Апрель 1873

* * *

Одна звезда меж всеми дышит
И так дрожит,
Она лучом алмазным пышет
И говорит:

Не суждено с тобой нам дружно
Носить оков,
Не ищем мы и нам не нужно
Ни клятв, ни слов.

Не нам восторги и печали,
Любовь моя!
Но мы во взорах разгадали,
Кто ты, кто я.

Чем мы горим, светить готово
Во тьме ночей;
И счастья ищем мы земного
Не у людей.

<1882>

* * *

Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами,
Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей лазури,
Всё сорвать хочет ветер, всё смыть хочет ливень
ручьями.

Никого! Ничего! Даже сна нет в постели холодной,
Только маятник грубо-насмешливо меряет время.
Оторвись же от тусклой свечи ты душою свободной!
Или тянет к земле роковое, тяжелое бремя?

О, войди ж в этот мрак, улыбнись, благосклонная
фея,
И всю жизнь в этот миг я солью, этим мигом измерю,
И, речей благовонных созвучием слух возлелея,
Не признаю часов и рыданьям ночным не поверю!

Конец 60-х гг. (?)

* * *

Солнце нижет лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес!

Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде ключевой!

Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес!

1863

* * *

Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
Травы степные унизаны влагой вечерней,
Речи отрывистей, сердце опять суеверней,
Длинные тени вдали потонули в ложбине.

В этой ночи, как в желаниях, всё беспредельно,
Крылья растут у каких-то воздушных стремлений,
Взял бы тебя и помчался бы так же бесцельно,
Свет унося, покидая неверные тени.

Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой
кручине?
Как не забыть, хоть на время, язвительных
терний?
Травы степные сверкают росою вечерней,
Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне.

1863

* * *

Забудь меня, безумец исступленный,
Покоя не губи.
Я создана душой твоей влюбленной,
Ты призрак не люби!

О, верь и знай, мечтатель малодушный,
Что, мучась и стеня,
Чем ближе ты к мечте своей воздушной,
Тем дальше от меня.

Так над водой младенец, восхищенный
Луной, подъемлет крик;
Он бросился — и с влаги возмущенной
Исчез сребристый лик.

Дитя, отри заплаканное око,
Не доверяй мечтам.
Луна плывет и светится высоко,
Она не здесь, а там.

1855

* * *

Прежние звуки, с былым обаяньем
Счастья и юной любви!
Всё, что сказалося в жизни страданьем,
Пламенем жгучим пахнуло в крови!

Старые песни, знакомые звуки,
Сон безотвязно больной!
Точно из сумрака бледные руки
Призраков нежных манят за собой.

Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи слезой! —
Доброю няней прильнув к изголовью,
Старая песня, звучи надо мной!

Пой! Не смущайся! Пусть время былое
Яркой зарей расцветет!
Может быть, сердце утихнет больное
И, как дитя в колыбели, уснет.

Конец 1862

* * *

Как ясность безоблачной ночи,
Как юно-нетленные звезды,
Твои загораются очи
Всесильным, таинственным счастьем.

И всё, что лучом их случайным
Далеко иль близко объято,
Блаженством овеяно тайным —
И люди, и звери, и скалы.

Лишь мне, молодая царица,
Ни счастия нет, ни покоя,
И в сердце, как пленная птица,
Томится бескрылая песня.

1862

ROMANZERO

1

Знаю, зачем ты, ребенок больной,
Так неотступно всё смотришь за мной,
Знаю, с чего на большие глаза
Из-под ресниц наплывает слеза.

Там у вас душно, там жаркая грудь
Разу не может прохладой дохнуть,
Да, нагоняя на слабого страх,
Плавает коршун на темных кругах.

Только вот здесь, средь заветных цветов,
Тень распростерла таинственный кров,
Только в сердечке поникнувших роз
Капли застыли младенческих слез.

22 июля 1882

2

Встречу ль яркую в небе зарю,
Ей про тайну мою говорю,
Подойду ли к лесному ключу,
И ему я про тайну шепчу.

А как звезды в ночи задрожат,
Я всю ночь им рассказывать рад;
Лишь когда на тебя я гляжу,
Ни за что ничего не скажу.

13 июля 1882

3

В страданьи блаженства стою пред тобою,
И смотрит мне в очи душа молодая.
Стою я, овеянный жизнью иною,
Я с речью нездешней, я с вестью из рая.

Слетел этот миг, не земной, не случайный,
Над ним так бессильны житейские грозы,
Но вечной уснет он сердечною тайной,
Как вижу тебя я сквозь яркие слезы.

И в трепете сердце, и трепетны руки,
В восторге склоняюсь пред чуждою властью,
И мукой блаженства исполнены звуки,
В которых сказаться так хочется счастью.

2 августа 1882

4

Вчерашний вечер помню живо:
Синели глубью небеса,
Лист трепетал, красноречиво
Глядели звезды нам в глаза.

Светились зори издалека,
Фонтан сверкал так горячо,
И Млечный Путь бежал широко
И звал: смотри! еще! еще!

Сегодня всё вокруг заснуло,
Как дымкой твердь заволокло,
И в полумраке затонуло
Воды игривое стекло.

Но не томлюсь среди тумана,
Меня не давит мрак лесной, —
Я слышу плеск живой фонтана
И чую звезды над собой.

5 августа 1882

* * *

Сны и тени,
Сновиденья,
В сумрак трепетно манящие,
Все ступени
Усыпленья
Легким роем преходящие,

Не мешайте
Мне спускаться
К переходу сокровенному,
Дайте, дайте
Мне умчаться
С вами к свету отдаленному.

Только минем
Сумрак свода, —
Тени станем мы прозрачные
И покинем
Там у входа
Покрывала наши мрачные.

1859

ШОПЕНУ

Ты мелькнула, ты предстала,
Снова сердце задрожало,
Под чарующие звуки
То же счастье, те же муки,
Слышу трепетные руки —
Ты еще со мной!

Час блаженный, час печальный,
Час последний, час прощальный,
Те же легкие одежды,
Ты стоишь, склоняя вежды, —
И не нужно мне надежды:
Этот час — он мой!

Ты руки моей коснулась,
Разом сердце встрепенулось;
Не туда, в то горе злое,
Я несусь в мое былое, —
Я на всё, на всё иное
Отпылал, потух!

Этой песне чудотворной
Так покорен мир упорный;
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествует час разлуки,
И когда загаснут звуки —
Раворвется вдруг!

<1882>

РОМАНС

Злая песнь! Как больно возмутила
Ты дыханьем душу мне до дна!
До зари в груди дрожала, ныла
Эта песня — эта песнь одна.

И поющим отдаваться мукам
Было слаще обаянья сна;
Умереть хотелось с каждым звуком,
Сердцу грудь казалася тесна.

Но с зарей потухнул жар напевный
И душа затихнула до дна.
В озаренной глубине душевной
Лишь улыбка уст твоих видна.

<1882>

* * *

Я видел твой млечный, младенческий волос,
Я слышал твой сладко вздыхающий голос —
И первой зари я почувствовал пыл;
Налету весенних порывов подвластный,
Дохнул я струею и чистой и страстной
У пленного ангела с веющих крыл.

Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастью не будет конца.

<1884>

* * *

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.

3 апреля 1883

В ЛУННОМ СИЯНИИ

Выйдем с тобой побродить
В лунном сиянии!
Долго ли душу томить
В темном молчании!

Пруд как блестящая сталь,
Травы в рыдании,
Мельница, речка и даль
В лунном сиянии.

Можно ль тужить и не жить
Нам в обаянии?
Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии!

27 декабря 1885

НА РАССВЕТЕ

Плавно у ночи с чела
Мягкая падает мгла;
С поля широкого тень
Жмется под ближнюю сень;
Жаждою света горя,
Выйти стыдится заря;

Холодно, ясно, бело,
Дрогнуло птицы крыло...
Солнца еще не видать,
А на душе благодать.

1 апреля 1886

* * *

Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть, —
То кулик простонал или сыч.
Расставанье в нем есть, и страданье в нем есть,
И далекий неведомый клич.

Точно грезы больные бессонных ночей
В этом плачущем звуке слиты, —
И не нужно речей, ни огней, ни очей —
Мне дыхание скажет, где ты.

10 апреля 1887

* * *

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что́ я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

2 сентября 1885

* * *

Всё, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы,
Млеющих звуков впивая истому;
Пусть ты летишь, отдаваясь другому.

Пусть пронеслась ты надменно, небрежно,
Сердце мое всё по-прежнему нежно,
Сердце обид не считает, не мерит,
Сердце по-прежнему любит и верит.

Тщетно опущены строгие глазки,
Жду под ресницами блеска и ласки,—
Всё, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы.

24 июля 1887

* * *

Моего тот безумства желал, кто смежал
Этой розы завои, и блестки, и росы;
Моего тот безумства желал, кто свивал
Эти тяжким узлом набежавшие косы.

Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя так же пред самым закатом
Прилетела б со стоном сюда, как пчела,
Охмелеть, упиваясь таким ароматом.

И, сознание счастья на сердце храня,
Стану буйства я жизни живым отголоском.
Этот мед благовонный — он мой, для меня,
Пусть другим он останется топким лишь воском!

25 апреля 1887

* * *

Сплю я. Тучки дружные,
Вешние, жемчужные
Мчатся надо мной;
Смутные, узорные,
Тени их проворные —
По полям грядой.

Подбежали к чистому
Пруду серебристому,
И — вдвойне светло.
Уж не тени мрачные, —
Облака прозрачные
Смотрятся в стекло.

Сплю я. Безотрадною
Тканью непроглядною
Тянутся мечты;
Вдруг сама, заветная,
Кроткая, приветная,
Улыбнулась ты.

19 сентября 1887

* * *

Не нужно, не нужно мне проблесков счастья,
Не нужно мне слова и взора участья,
Оставь и дозволь мне рыдать!
К горячему снова прильнув изголовью,
Позволь мне моей нераздельной любовью,
Забыв всё на свете, дышать!

Когда бы ты знала, каким сиротливым,
Томительно-сладким, безумно-счастливым
Я горем в душе опьянен, —
Безмолвно прошла б ты воздушной стопою,
Чтоб даже своей благовонной стезею
Больной не смутила мой сон.

Не так ли, чуть роща одеться готова,
В весенние ночи, — светила дневного
Боится крылатый певец? —
И только что сумрак разгонит денница,
Смолкает зарей отрезвленная птица, —
И счастью и песне конец.

4 ноября 1887

* * *

Гаснет заря в забытьи, в полусне.
Что-то неясное шепчешь ты мне;
Ласки твои я расслушать хочу, —
«Знаю, ах, знаю», — тебе я шепчу.

В блеске, в румяном разливе огня,
Ты потонула, ушла от меня;
Я же, напрасной истомой горя, —
Летняя вслед за тобою заря.

Сладко сегодня тобой мне сгорать,
Сладко, летя за тобой, замирать...
Завтра, когда ты очнешься иной,
Свет не допустит меня за тобой.

29 декабря 1888

* * *

Чуя внушенный другими ответ,
Тихий в глазах прочитал я запрет,
Но мне понятней еще говорит
Этот правдивый румянец ланит,
Этот цветов обмирающих зов,
Этот теней набегающий кров,
Этот предательский шепот ручья,
Этот рассыпчатый клич соловья.

30 января 1890

ВО СНЕ

Как вешний день, твой лик приснился
снова, —
Знакомую приветствую красу,
И по волнам ласкающего слова
Я образ твой прелестный понесу.

Сомнений нет, неясной нет печали,
Всё высказать во сне умею я,
И мчит да мчит всё далее и дале
С тобою нас воздушная ладья.

Перед тобой с коленопреклоненьем
Стою, пленен волшебною игрой,
А за тобой — колеблемый движеньем,
Неясных звуков отстающий рой.

26 апреля 1890

* * *

Запретили тебе выходить,
Запретили и мне приближаться,
Запретили, должны мы признаться,
Нам с тобою друг друга любить.

Но чего нам нельзя запретить,
Чтó с запретом всего несовместней —
Это песня: с крылатою песней
Будем вечно и явно любить.

7 июля 1890

* * *

Я не знаю, не скажу я,
Оттого ли, что гляжу я
На тебя, я всё пою,
И задорное веселье

Ты, как легкое похмелье,
Проливаешь в песнь мою,

Иль — еще того чудесней —
За моей дрожащей песней
Тает дум невольных мгла,
И за то ли, оттого ли
До томления, до боли
Ты приветливо светла?

11 декабря 1890

* * *

Только месяц взошел
После жаркого дня, —
Распустился, расцвел
Цвет в груди у меня.

Что за счастье — любя,
Этот цвет охранять!
Как я рад, что тебя
Никому не видать!

Погляди, как спешу
Я в померкнувший сад —
И повсюду ношу
Я цветка аромат.

11 февраля 1891

* * *

Мы встретились вновь после долгой разлуки,
Очнувшись от тяжкой зимы;
Мы жали друг другу холодные руки
И плакали, плакали мы.

Но в крепких незримых оковах сумели
    Держать нас людские умы;
Как часто в глаза мы друг другу глядели
    И плакали, плакали мы!

Но вот засветилось над черною тучей
    И глянуло солнце из тьмы;
Весна, — мы сидели под ивой плакучей
    И плакали, плакали мы!

30 марта 1891

* * *

Люби меня! Как только твой покорный
    Я встречу взор,
У ног твоих раскину я узорный
    Живой ковер.

Окрылены неведомым стремленьем,
    Над всем земным
В каком огне, с каким самозабвеньем
    Мы полетим!

И, просияв в лазури сновиденья,
    Предстанешь ты
Царить навек в дыханьи песнопенья
    И красоты.

13 апреля 1891

ВЕЧЕРА И НОЧИ

* * *

Право, от полной души я благодарен соседу:
Славная вещь — под окном в клетке держать соловья.
Грустно в неволе певцу, но чары сильны у природы:
Только прощальным огнем озлатятся кресты на церквах
И в расцветающий сад за высоким, ревнивым забором
Вечера свежесть вдыхать выйдет соседка одна, —
Тени ночные в певце пробудят желание воли,
И под окном соловей громко засвищет любовь.
Что за головка у ней, за белые плечи и руки!
Что за янтарный отлив на роскошных извивах волос!
Стан — загляденье! притом какая лукавая ножка!
Будто бы дразнит, мелькая...
Но вечер давно уж настал...
Что ж не поет соловей или что ж не выходит соседка?..
Может, сегодня мы все трое друг друга поймем.

<1842>

* * *

Вдали огонек за рекою,
Вся в блестках струится река,
На лодке весло удалое,
На цепи не видно замка.

Никто мне не скажет: «Куда ты
Поехал, куда загадал?»
Шевелись же, весло, шевелися!
А берег во мраке пропал.

Да что же? Зачем бы не ехать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла, и огня за рекой?..

<1842>

* * *

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...

Чаще всего мне приятно скользить по заливу
Так — забываясь
Под звучную меру весла,
Омочённого пеной шипучей, —
Да смотреть, много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...

Изо всех островков,
На которых редко мерцают
Огни рыбаков запоздалых,
Мил мне один предпочтительно...
Красноглазый кролик
Любит его;
Гордый лебедь каждой весною
С протянутой шеей летает вокруг
И садится с размаха
На тихие воды.

Над обрывом утеса
Растет, помавая ветвями,
Широколиственный дуб.
Сколько уж лет тут живет соловей!

Он поет по зарям,
Да и позднею ночью, когда
Месяц обманчивым светом
Серебрит и волны и листья,
Он не молкнет, поет
Всё громче и громче.

Странные мысли
Приходят тогда мне на ум:
Что это — жизнь или сон?
Счастлив я или только обманут?

Нет ответа...
Мелкие волны что-то шепчут с кормою,
Весло недвижимо,
И нá небе ясном высоко сверкает зарница.

<1842>

* * *

Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно;
Все эти толки меня только к зевоте ведут...
Бросив педантов, бегу с тобой побеседовать, друг мой;
Знаю, что в этих глазах, черных и умных глазах,
Больше прекрасного, чем в нескольких стах фолиантах,
Знаю, что сладкую жизнь пью с этих розовых губ.
Только пчела узнает в цветке затаенную сладость,
Только художник на всем чует прекрасного след.

<1842>

* * *

Долго еще прогорит Веспера скромная лампа,
Но уже светит с небес девы изменчивый лик.
Тонкие змейки сребра блещут на влаге уснувшей.
Звездное небо во мгле дальнего облака ждет.
Вот потянулось оно, легкому ветру послушно,
Скрыло богиню, и мрак сладостный
землю покрыл.

<1842>

* * *

Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких, и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатилась на запад...
Прости, золотая, прости!

<1842>

* * *

Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,
Тихая, теплая,
Серебром окаймленная!
Робко, свечу потушив, подхожу я к окну...
Меня не видать, зато сам я всё вижу...

Дождусь, непременно дождусь:
Калитка вздрогнёт, растворяясь,
Цветы, закачавшись, сильнее запахнут, и долго,
Долго при месяце будет мелькать покрывало.

<1842>

* * *

Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны...
Правда, в записках твоих весело мне наблюдать,
Как прилив и отлив мыслей и чувства мешают
Ручке твоей поверять то и другое листку;
Правда, и сам я пишу стихи, покоряясь богине, —
Много и рифм у меня, много размеров живых...
Но меж ними люблю я рифмы взаимных лобзаний,
С нежной цезурою уст, с вольным размером любви.

<1842>

* * *

Ночью как-то вольнее дышать мне,
Как-то просторней...
Даже в столице не тесно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плывет прохладительный воздух.
А небо? А месяц?
О, этот месяц-волшебник!
Как будто бы кровли
Покрыты зеркальным стеклом,
Шпили́ и кресты — бриллианты;
А там, за луной, небосклон
Чем дальше — светлей и прозрачней.
Смотришь — и дышишь,
И слышишь дыханье свое,

И бой отдалённых часов,
Да крик часового,
Да изредка стук колеса
Или пение вестника утра.
Вместе с зарею и сон налетает на вежды,
Светел, как призрак.
Голову клонит, — а жаль от окна
оторваться!

<*1842*>

* * *

Рад я дождю... От него тучнеет мягкое поле,
Лист зеленеет на ветке и воздух становится чище;
Зелени запах одну за одной из ульёв многошумных
Пчел вызывает.
Но что для меня еще лучше,
Это — когда он ее на дороге ко мне орошает!
Мокрые волосы, гладко к челу прилегая,
Так и сияют у ней, — а губки и бледные ручки
Так холодны, что нельзя не согреть их своими
устами.
Но нестерпим ты мне ночью бессонною, Плювий
Юпитер!
Лучше согласен я крыс и мышей в моей комнате
слушать,
Лучше колеса пускай гремят непрестанно у окон,
Чем этот шум и удары глупых, бессмысленных
капель;
Точно как будто бы птиц проклятое стадо
Сотнями ног и носов терзают железную кровлю.
Юпитер Плювий, помилуй! Расти сколько хочешь
цветов ты
Для прекрасной и лавров юных на кудри поэта,
Только помилуй — не бей по ночам мне в железную
кровлю!

<*1842*>

* * *

Слышишь ли ты, как шумит вверху угловатое стадо?
С криком летят через дом к теплым полям журавли,
Желтые листья шумят, в березнике свищет синица.
Ты говоришь, что опять теплой дождемся весны...
Друг мой! могу ль при тебе дожидаться блаженства
в грядущем?
Разве зимой у тебя меньше ланиты цветут?..
В зеркале часто себя ты видишь, с детской улыбкой
Свой поправляя венок; так разреши мне сама,
Где у тебя на лице более жизни и страсти:
Вешним ли утром в саду, в полном сияньи зари,
Иль у огня моего, когда я боюсь, чтобы искра,
С треском прыгнув, не сожгла ножки-малютки
твоей?

<1842>

* * *

Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый
Образ пугливо-немой дольше трепещет во мгле;
Самые звуки доступней, даже когда, неподвижен,
Книгу держу я в руках, сам пробегая в уме
Всё невозможно-возможное, странно-бывалое... Лампа
Томно у ложа горит, месяц смеется в окно,
А в отдалении колокол вдруг запоет — и тихонько
В комнату звуки плывут; я предаюсь им вполне.
Сердце в них находило всегда какую-то влагу,
Точно как будто росой ночи омыты они.
Звук всё тот же поет, но с каждым порывом иначе:
То в нем меди тугой более, то серебра.
Странно, что ухо в ту пору как будто не слушая
слышит;
В мыслях иное совсем, думы — волна за волной...
А между тем еще глубже сокрытая сила объемлет
Лампу, и звуки, и ночь, их сочетавши в одно.
Так между влажно-махровых цветов снотворного маку
Полночь роняет порой тайные сны наяву.

<1843>

* * *

Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потемках,
Если луна с высоты прямо глядит на меня
И, проникая стекло, нарисует квадраты лучами
По́ полу, комнату всю дымом прозрачным поя,
А за окошком в саду, между листьев сирени и липы,
Черные группы деля, зыбким проходит лучом
Между ветвями — и вниз ее золоченые стрелы
Ярким стремятся дождем, иль одинокий листок
Лунному свету мешает рассыпаться по́ земи, сам же,
Светом осыпанный весь, черен дрожит на тени.
Я восклицаю: блажен, трижды блажен, о Диана,
Кто всемогущей судьбой в тайны твои посвящен!

<1847>

* * *

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам?
То табун несется рысью.

<1847>

* * *

Что за вечер! А ручей
Так и рвется.
Ка́к зарей-то соловей
Раздается!

Месяц светом с высоты
Обдал нивы,

А в овраге блеск воды,
Тень да ивы.

Знать, давно в плотине течь:
Доски гнилы, —
А нельзя здесь не прилечь
На перилы.

Так-то всё весной живет!
В роще, в поле
Всё трепещет и поет
Поневоле.

Мы замолкнем, что в кустах
Хоры эти, —
Придут с песнью на устах
Наши дети;

А не дети, так пройдут
С песнью внуки:
К ним с весною низойдут
Те же звуки.

<1847>

* * *

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

<1850>

СТЕПЬ ВЕЧЕРОМ

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля,
В последний раз, за третьим перевалом,
Пропал ямщик, звеня и не пыля.

Нигде жилья не видно на просторе.
Вдали огня иль песни — и не ждешь!
Всё степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

За облаком до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрыпят коростели.

Уж сумраком пытливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И как река засветит Млечный Путь.

<1854>

ВЕЧЕР

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, луками
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханьи ночном, —
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

<1855>

* * *

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.

<1857>

* * *

Заря прощается с землею,
Ложится пар на дне долин,
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.

Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец!

С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец!

И всё таинственней, безмерней
Их тень растет, растет, как сон;
Как тонко по заре вечерней
Их легкий очерк вознесен!

Как будто, чуя жизнь двойную
И ей овеяны вдвойне, —
И землю чувствуют родную
И в небо просятся оне.

<1858>

КОЛОКОЛЬЧИК

Ночь нема, как дух бесплотный,
Теплый воздух онемел;
Но как будто мимолетный
Колокольчик прозвенел.

Тот ли это, что мешает
Вдалеке лесному сну
И, качаясь, набегает
На ночную тишину?

Или этот, чуть заметный
В цветнике моем и днем,
Узкодонный, разноцветный,
На тычинке под окном?

1859

* * *

Молятся звезды, мерцают и рдеют,
Молится месяц, плывя по лазури,
Легкие тучки, свиваясь, не смеют
С темной земли к ним притягивать бури.

Видны им наши томленья и горе,
Видны страстей неподсильные битвы,
Слезы в алмазном трепещут их взоре —
Всё же безмолвно горят их молитвы.

1883

* * *

Благовонная ночь, благодатная ночь,
Раздраженье недужной души!
Всё бы слушал тебя — и молчать мне невмочь
В говорящей так ясно тиши.

Широко раскидалась лазурная высь,
И огни золотые горят;
Эти звезды кругом точно все собрались,
Не мигая, смотреть в этот сад.

А уж месяц, что всплыл над зубцами аллей
И в лицо прямо смотрит, — он жгуч;
В недалекой тени непроглядных ветвей
И сверкает, и плещется ключ.

И меняется звуков отдельный удар;
Так ласкательно шепчут струи,
Словно робкие струны воркуют гитар,
Напевая призывы любви.

Словно всё и горит и звенит заодно,
Чтоб мечте невозможной помочь;
Словно, дрогнув слегка, распахнется окно
Поглядеть в серебристую ночь.

28 апреля 1887

* * *

Сегодня все звезды так пышно
Огнем голубым разгорались,
А ты промелькнула неслышно,
И взоры твои преклонялись.

Зачем же так сердце нестройно
И робко в груди застучало?
Зачем под прохладой так знойно
В лицо мне заря задышала?

Всю ночь прогляжу на мерцанье,
Что светит и мощно и нежно,
И яркое это молчанье
Разгадывать стану прилежно.

27 октября 1888

* * *

От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной,
Третья с нами лазурная ночь.

Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать и хранить;
От людей утаиться возможно,
Но от звезд ничего не сокрыть.

И безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь за дымкой сквозной
Видит только что́ вечно и чисто,
Что́ навеяно ею самой.

7 февраля 1889

ЗМЕЙ

Чуть вечернею росою
Осыпается трава,
Чешет косу, моет шею
Чернобровая вдова.

И не сводит у окошка
С неба темного очей,
И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.

И шумит всё ближе, ближе,
И над вдовьиным двором,
Над соломенною крышей
Рассыпается огнем.

И окно тотчас затворит
Чернобровая вдова;
Только слышатся в светлице
Поцелуи да слова.

<1847>

ЛИХОРАДКА

«Няня, что-то всё не сладко!
Дай-ка сахар мне да ром.
Всё как будто лихорадка,
Точно холоден наш дом».

— «Ах, родимый, бог с тобою:
Подойти нельзя к печам!
При себе всегда закрою,
Топим жарко — знаешь сам».

— «Ты бы шторку опустила...
Дай-ка книгу... Не хочу...
Ты намедни говорила,
Лихорадка... я шучу...»

— «Что за шутки спозаранок!
Уж поверь моим словам:
Сестры, девять лихоманок,
Часто ходят по ночам.

Вишь, нелегкая их носит
Сонных в губы целовать!
Всякой болести напросит,
И пойдет тебя трепать».

— «Верю, няня!.. Нет ли шубы?
Хоть всего не помню сна,
Целовала крепко в губы —
Лихорадка ли она?»

<1847>

ВИДЕНИЕ

Не ночью, не лживо
Во сне пролетело виденье:
Свершилося диво —
Земле подобает смиренье!

Прозрачные тучи
Над дикой Печерской горою
Сплывалися в кучи
Под зыбью небес голубою,

И юноши в белом
Летали от края до края,

Прославленным телом
Очам умиленным сияя.

На тучах, высоко,
Всё выше, в сиянии славы,
Заметно для ока
Вставали Печерские главы.

<1843>

ГЕРО И ЛЕАНДР

Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всем просторе
Только море — только в море
Волн кочующих родник.

Тихо. Море голубое
Взору жадному в покое
Каждый луч передает.
Что ж там в море — чья победа?
Иль в зыбях, вторая Леда,
Лебедь-бог к тебе плывет?

Не бессмертный, не бессонный,
Нет, то юноша влюбленный
Проложил отважный путь,
И, полна огнем желаний,
Волны взмахом крепкой длани
Молодая режет грудь.

Меркнет день; из крайней тучи
Вдоль пучины ветр летучий
Направляет шаткий бег,
И под молнией багровой
Страшный вал белоголовый
С ревом прыгает на брег.

Где ж он, Геро? С бездной споря
Удушающего моря,
На свиданье он спешит!
Хоть бесстрастен, хоть безгласен,
Но по-прежнему прекрасен,
Он у ног твоих лежит.

Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всем просторе
Только море — только в море
Волн кочующий родник.

<1847>

ТАЙНА

Почти ребенком я была,
Все любовались мной;
Мне шли и кудри по плечам,
И фартучек цветной.

Любила мать смотреть, как я
Молилась поутру,
Любила слушать, если я
Певала ввечеру.

Чужой однажды посетил
Наш тихий уголок;
Он был так нежен и умен,
Так строен и высок.

Он часто в очи мне глядел
И тихо руку жал
И тайно глаз мой голубой
И кудри целовал.

И, помню, стало мне вокруг
При нем всё так светло,

И стало мутно в голове
И на сердце тепло.

Летели дни... промчался год...
Настал последний час —
Ему шепнула что-то мать,
И он оставил нас.

И долго-долго мне пришлось
И плакать, и грустить,
Но я боялася о нем
Кого-нибудь спросить.

Однажды вижу: милый гость,
Припав к устам моим,
Мне говорит: «Не бойся, друг,
Я для других незрим».

И с этих пор — он снова мой,
В объятиях моих,
И страстно, крепко он меня
Целует при других.

Все говорят, что яркий цвет
Ланит моих — больной.
Им не узнать, как жарко их
Целует милый мой!

<1842>

ВОРОТ

«Спать пора! Свеча сгорела,
Да и ты, моя краса, —
Голова отяжелела,
Кудри лезут на глаза.

Стань вот тут перед иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спеши же класть поклоны,
„Богородицу" читать!

Видишь, глазки-то бедняжки
Так и просятся уснуть.
Только ворот у рубашки
Надо прежде расстегнуть».

— «Отчего же, няня, надо?»
— «Надо, друг мой, чтоб тобой,
Не сводя святого взгляда,
Любовался ангел твой.

Твой хранитель, ангел божий,
Прилетает по ночам,
Как и ты, дитя, пригожий,
Только крылья по плечам.

Коль твою он видит душку,
Ворот вскрыт — и тих твой сон:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядет он;

А закрыта душка, спрячет
Душку ворот — мутны сны:
Ангел взглянет и заплачет,
Сядет с левой стороны.

Над тобой господня сила!
Дай, я ворот распущу.
Уж подушку я крестила —
И тебя перекрещу».

<1847>

* * *

На дворе не слышно вьюги,
Над землей туманный пар.
Уж давно вода остыла,
Смолк шумливый самовар.

Няня старая не видит
И не слышит — всё прядет:

Мочку левою пощиплет,
Правой нитку отведет.

А ребенок всё играет.
Как хорош он при огне!
И кудрявая головка
Отразилась на стене.

Вот задумалася няня,
Со свечи нагар сняла
И прекрасного малютку
Ближе к свечке подвела.

«Дай-ка ручки! — Няня хочет
Посмотреть на их черты. —
Что, на пальчиках дорожки
Не кружками ль завиты?»

Няня смотрит... Вот вздохнула...
«Ничего, дитя мое!»
Вот заплакала — и плачет
Мальчик, глядя на нее.

<1842>

ЛЕГЕНДА

Вдоль по берегу полями
Едет сын княжой;
Сорок отроков верхами
Следуют толпой.
Странен лик его суровый,
Всё кругом молчит,
И подкова лишь с подковой
Часто говорит.

«Разгуляйся в поле», — сыну
Говорил старик.
Знать, сыновнюю кручину
Старый взор проник.

С золотыми стременами
   Княжий аргамак;
Шемаханскими шелками
   Вышит весь чепрак.

Но, печален в поле чистом,
   Князь себе не рад
И не кличет громким свистом
   Кречетов назад.
Он давно душою жаркой
   В перегаре сил
Всю неволю жизни яркой
   Втайне отлюбил.

Полюбить успев вериги
   Молодой тоски,
Переписывает книги,
   Пишет кондаки.
И не раз, в минуты битвы
   С жизнью молодой,
В увлечении молитвы
   Находил покой.

Едет он в раздумье шагом
   На лихом коне;
Вдруг пещеру за оврагом
   Видит в стороне:
Там душевной жажде пищу
   Старец находил,
И к пустынному жилищу
   Князь поворотил.

Годы страсти, годы спора
   Пронеслися вдруг,
И пустынного простора
   Он почуял дух.
Слез с коня, оборотился
   К отрокам спиной,
Снял кафтан, перекрестился —
   И махнул рукой.

<1843>

ГРЕЦИЯ

Там, под оливами, близ шумного каскада,
Где сочная трава унизана росой,
Где радостно кричит веселая цикада
И роза южная гордится красотой,

Где храм оставленный подъял свой купол белый
И по колоннам вверх кудрявый плющ бежит, —
Мне грустно: мир богов, теперь осиротелый,
Рука невежества забвением клеймит.

Вотще... В полно́чь, как соловей восточный
Свистал, а я бродил незримый за стеной,
Я видел: грации сбирались в час урочный
В былой приют заросшею тропой.

Но в плясках ветреных богини не блистали
Молочной пеной форм при золотой луне;
Нет, — ставши в тесный круг, красавицы шептали...
«Эллада!» — слышалось мне часто в тишине.

<1840>

* * *

Когда петух,
Ударив три раза
Крылом золотистым,
Протяжною песнью

Встречает зарю
И ты, человек,
Впиваешь последнюю
Сладкую влагу
Сна на заре,
Тогда поэт...
Нет! Спи, утомленный
Заботами дня,
Земной страдалец!
Ты не поймешь,
Зачем я бодрствую
В таинственном храме
Прохладной ночи.

Чу! Слышу, вздох
Ко мне несется
С мягкого ложа,
Где при серебряной
Луне белеют
Младые ланиты,
Покрытые первым
Шелковым пухом,
И где в беспорядке
Рассыпаны кудри.
А! слышу, слышу, —
Ты также не спишь,
Несчастный влюбленный!

Послушай, что́ ныне
Я слышал ночью
От чад Сатурна:
Они мне велели
В земных страданьях
Искать исцеленья
У Вакха. Наполним
Стаканы — и оба
Заснем поутру,
Когда другие
Пойдут трудиться.

<1840>

ВАКХАНКА

Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову, с улыбкой опьяненья,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто волосы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая всё ниже опускалась,
И молодая грудь всё больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желания полны.

<1843>

ДИАНА

Богини девственной округлые черты,
Во всем величии блестящей наготы,
Я видел меж дерев над ясными водами.
С продолговатыми, бесцветными очами
Высоко поднялось открытое чело, —
Его недвижностью вниманье облегло,
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Но ветер на заре между листов проник, —
Качнулся на воде богини ясный лик;
Я ждал, — она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы град,
На желтоводный Тибр, на группы колоннад,
На стогны длинные... Но мрамор недвижимый
Белел передо мной красой непостижимой.

<1847>

* * *

Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил
Быстрых коней, Фаетонову гибель, за розовой Эос;
Круто напрягши бразды, он кругом озирался, и тотчас
Бойкие взоры его устремились на берег пустынный.
Там воскурялся туман благовонною жертвою; море
Тихо у желтых песков почивало; разбитая лодка,
Дном опрокинута вверх, половиной в воде, половиной
В утреннем воздухе, темной смолою чернела — и тут же,
Влево, разбросаны были обломки еловые весел,
Кожаный щит и шелом опрокинутый, полные тины.
Дальше, когда порассеялись волны тумана седого,
Он увидал на траве, под зеленым навесом каштана
(Трижды его обежавши, лоза окружала кистями), —
Юношу он на траве увидал: белоснежные члены
Были раскинуты, правой рукою как будто теснил он
Грудь, и на ней-то прекрасное тело недвижно лежало,
Левая навзничь упала, и белые формы на темной
Зелени трав благовонных во всей полноте рисовались;
Весь был разодран хитон, округленные бедра белели,
Будто бы мрамор, приявший изгибы от рук Праксителя,
Ноги казали свои покровенные прахом подошвы,
Светлые кудри чела упадали на грудь, осеняя
Мертвую силу лица и глубоко-смертельную язву.

<1847>

КУСОК МРАМОРА

Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой мрамор начатый,
Тщетно пытливая мысль хочет загадку решить:
Что одевает кора грубо изрубленной массы?
Ясное ль Тита чело, Фавна ль изменчивый лик,
Змей примирителя — жезл, крылья и стан быстроногий,
Или стыдливости дев с тонким перстом на устах?

<1847>

* * *

С корзиной, полною цветов, на голове
Из сумрака аллей она на свет ступила, —
И побежала тень за ней по мураве,
И пол-лица ей тень корзины осенила;

Но и под тенью узнаешь ты как раз
Приметы южного созданья без ошибки —
По светлому зрачку неотразимых глаз,
По откровенности младенческой улыбки.

<1847>

НЕПТУНУ ЛЕВЕРРЬЕ

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса
Быть мне судьбою дано всеобъемлющей.
Ныне, крылья раскинув над бездной
Тверди, — ныне над высью я
Горной, там, где у ног моих
Воды,
Вечно несущие белую пену,
Стонут и старый трезубец Нептуна
В темных руках повелителя строгого блещет.
Нет пределов
Кверху и нет пределов
Книзу.

Здравствуй!
На половинном пути
К вечности, здравствуй, Нептун! Над собою
Слышишь ли шумные крылья и ветер,
Спертый нагрудными сизыми перьями? Здравствуй!
Нет мгновенья покою;
Вслед за тобою летящая
Феба стрела, я вижу, стоит,
С визгом перья поджавши, в эфире.
Ты промчался, пронесся, мелькнул и сокрылся,
А я!

Здравствуй, Нептун!
Слышишь ли, брат, над собою
Шумный полет? — Я принес
С жаркой, далекой земли,
Кровью упитанной,
Трупами тучной,
Лавром шумящей,
Мой привет тебе: здравствуй, Нептун!

Вечно, вечно,
Как бы ни мчался ты, брат мой,
Крылья мои зашумят, и орлиный
Голос к тебе зазвучит по эфиру:
Здравствуй, Нептун!

<1847>

К ЮНОШЕ

Друзья, как он хорош за чашею вина!
Как молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лет, его живые взоры,
Ланиты нежные, заносчивые споры,
Порывы дружества, негодованье, гнев —
Всё обещает в нем любимца зорких дев.

<1847>

* * *

Питомец радости, покорный наслажденью,
Зачем, коварный друг, не внемля приглашенью,
Ты наш вечерний пир вчера не посетил?
Хозяин ласковый к обеду пригласил
В беседку, где кругом, не заслоняя сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Диана полная, глядя между ветвей,
Благословляла стол улыбкою своей,
И яства сочные с их паром благовонным,
Отрадно-лакомым гулякам утонченным,

И — отчих кладовых старинное добро —
Широкодонных чаш литое серебро.
А ветерок ночной, по фитилям порхая,
Качал слегка огни, нам лица освежая.
Зачем ты не сидел меж нами у стола?
Тут в розовом венке и Лидия была,
И Пирра смуглая, и Цинтия живая,
И ученица муз Неэра молодая,
Как Сафо, страстная, пугливая; как лань...
О друг! я чувствую, я заплачу ей дань
Любви мечтательной, тоскливой, безотрадной...
Я наливал вчера рукою беспощадной, —
Но вспоминал тебя, и, знаю, вполпьяна
Мешал в заздравиях я ваши имена.

<1847>

* * *

В златом сиянии лампады полусонной
И отворя окно в мой садик благовонный,
То прохлаждаемый, то в сладостном жару,
Следил я легкую кудрей ее игру:
Дыханьем полночи их тихо волновало
И с милого чела красиво отдувало...

<1843>

* * *

Уснуло озеро; безмолвен черный лес;
Русалка белая небрежно выплывает;
Как лебедь молодой, луна среди небес
Скользит и свой двойник на влаге созерцает.

Уснули рыбаки у сонных огоньков;
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Порой тяжелый карп плеснет у тростников,
Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой.

Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерывают, —
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на воде русалки колыхают...

<1847>

К КРАСАВЦУ

Природы баловень, как счастлив ты судьбой!
Всем нравятся твой рост, и гордый облик твой,
И кудри пышные, беспечностью завиты,
И бледное чело, и нежные ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужный ряд зубов,
И огненный зрачок, и бархатная бровь;
А девы юные, украдкой от надзора,
Толкуют твой ответ и выраженье взора,
И после каждая, вздохнув наедине,
Промолвит: «Да, он мой — его отдайте мне!»
Как сон младенчества, как первые лобзанья
С отравой сладкою безумного желанья,
Ты полон прелести в их памяти живешь,
Улыбкам учишь их и к зеркалу зовешь;
Не для тебя ль они, при факеле Авроры,
Находят новый взгляд и новые уборы?
Когда же ложе их оденет темнота,
Алкают уст твоих, раскрывшись, их уста.

<1841>

СОН И ПАЗИФАЯ

Ярко блестящая пряжка над белою полною грудью
Девы хариты младой — ризы вязала концы,
Свежий венок прилегал к высо́ко подвязанным косам,
Серьги с подвеской тройной с блеском качались в ушах,
Сзади вились по плечам, умащенные сладкою амброй,
Запах далеко лия, волны кудрей золотых.
Тихо ступала нога круглобедрая. Так Пазифаю
Юноша Сон увидал, полон желанья любви.

Крепкой обвита рукой, покраснела харита младая,
Но возрастающий жар вежды прекрасной сомкнул,
И в упоеньи любви на цветы опускаяся, дева,
Члены раскинув, с кудрей свой уронила венок.
<1842>

АМИМОНА

«Это у вас, на севере, всё нипочем! Посмотри-ка,
Чей там, в дали голубой, парус, как чайка, блеснул?
Ты только белую точку завидел, — а я различила
Снасти и пестрый наш флаг. Это отцовский корабль!
Знать, старику надоела в Наксосе жена молодая...
Мать говорила, что он скоро вернется домой,
В Наполи-ди-Романию. Полно вечерней порою
В рощу лавровую мне тайно к тебе приходить!
Ах, любовь только губит нас, девушек!» — «Милая, полно!
В этих словах две вины: город родной назвала
Ты Наполи-ди-Романьей: это названье — чужое.
Можно ли в вашей стране девам пенять на любовь?
Здесь она города созидала; по храмам и рощам
Сладостный жар не остыл в гнездах ее голубей.
Знаешь ты, как основался ваш город? Гонимый Египтом,
С целой толпою детей в Грецию прибыл Данай.
В Арголиде, томясь жестокою жаждой, изгнанник
Всех пятьдесят дочерей ключ отыскать разослал.
Долго блуждали они, одинокие. Вдруг Амимона
Неосторожной стопой будит Сатира в лесу.
Нет пощады! — Сатир догоняет пугливую, обнял...
Но над беглянкою бог верным трезубцем взмахнул.
Быстро, как горный олень, умчался Сатир козлоногий —
Мимо его просвистав, в землю трезубец впился.
«Амимона! — сказал Нептун, — подай мне трезубец!»
Дева, горя от стыда, дернула ловкой рукой.
Чудо! вслед за зубцами железными почва сухая
Чистых, как горный кристалл, три извергает ключа.
Навплия сына Нептуну затем понесла Амимона —
Город ваш Навплию он, смелый пловец, заложил».
<1855>

ДИАНА, ЭНДИМИОН И САТИР
(КАРТИНА БРЮЛЛОВА)

У звучного ключа как сладок первый сон!
Как спящий при луне хорош Эндимион!
Герои только так покоятся и дети.
Над чудной головой висят рожок и сети;
Откинутый колчан лежит на стороне;
Собаки верные встревожены — оне
Не видят смертного и чуют приближенье.
Ты ль, непорочная, познала вожделенье?
Счастливец! ты его узрела с высоты,
И небо для него должна покинуть ты.
Девическую грудь невольный жар объемлет.
Диана, берегись! старик сатир не дремлет.
Я слышу стук копыт. Рога прикрыв венцом,
Вот он, любовник нимф, с пылающим лицом,
Обезображенным порывом страсти зверской,
Уж стана нежного рукой коснулся дерзкой.
О, как вздрогну́ла ты, как обернулась вдруг!
В лице божественном и гордость и испуг.
А баловень Эрот, доволен шуткой новой,
Готов на кулаке прохлопнуть лист кленовый.

<1855>

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Auch ich war in Arkadien geboren.
Schiller [1]

Я посещал тот край обетованный,
Где золотой блистал когда-то век,
Где, розами и миртами венчанный,
Под сению дерев благоуханной
Блаженствовал незлобный человек.

Леса полны поныне аромата,
Долины те ж и горные хребты;
Еще досель в прозрачный час заката

[1] И я был рожден в Аркадии. *Шиллер* (нем.). — *Ред.*

Глядит скала, сиянием объята,
На пену волн эгейских с высоты.

Под пихтою душистой и красивой
Под шум ручьев, разбитых об утес,
Отрадно верить, что Сатурн ревнивый
Над этою долиною счастливой
Век золотой не весь еще пронес.

И чудится: за тем кустом колючим
Румяных роз, где лавров тень легла,
Дыханьем дня распалена горючим,
Лобзаниям то долгим, то летучим
Менада грудь и плечи предала.

Но что за шум? За девой смуглолицей
Вослед толпа. Всё празднично кругом.
И гибкий тигр с пушистою тигрицей,
Неслышные, в ярме пред колесницей
Идут, махая весело хвостом.

А вот и он, красавец ненаглядный,
Среди толпы ликующих — Лией,
Увенчанный листвою виноградной,
Любуется спасенной Ариадной —
Бессмертною избранницей своей.

У колеса, пускаясь вперегонку,
Нагие дети пляшут и шумят;
Один приподнял пухлую ручонку
И крови не вкусившему тигренку
Дает лизать пурпурный виноград.

Вино из рога бог с лукавым ликом
Льет на толпу, сам весел и румян,
И, хохоча в смятеньи полудиком,
Вакханка быстро отвернулась с криком
И от струи приподняла тимпан.

1856

ДАКИ

Вблизи семи холмов, где так невыразимо
Воздушен на заре вечерний очерк Рима
И светел Апеннин белеющих туман,
У сонного Петра почиет Ватикан.
Там боги и цари толпою обнаженной,
Создания руки, резцом вооруженной,
Готовы на пиры, на негу иль на брань,
Из цезарских палат, из храмов и из бань
Стеклись безмолвные, торжественные лики,
На древние ступя, как прежде, мозайки,
В которых на конях Нептуновых Тритон
Чернеет, ликами Химеры окружен.
Там я в одной из зал, на мраморах, у входа,
Знакомые черты могучего народа
Приветствовал не раз. Нельзя их не узнать:
Всё та же на челе безмолвия печать,
И брови грозные, сокрытых сил примета,
И на устах вопрос, — и нет ему ответа.
То даки пленные; их странная судьба —
Одна безмолвная и грозная борьба.
Вперя на мрамор взор, исполненный вниманья,
Я в сердце повторял родимые названья
И мрамору шептал: «Суровый славянин,
Среди тебе чужих зачем ты здесь один?
Поверь, ни женщина, ни раб, ни император
Не пощадят того, кто пал как гладиатор.
По мненью суетных, безжалостных гуляк,
Бойцом потешным быть родится дикий дак,
И, чуждые для них поддерживая троны,
Славяне составлять лишь годны легионы.
Пускай в развалинах умолкнет Колизей,
Чрез длинный ряд веков, в глазах иных судей,
Куда бы в бой его ни бросила судьбина,
Безмолвно умирать — вот доля славянина.
Когда потомок твой, весь в ранах и в крови,
К тому, кого он спас, могучие свои
Протянет руки вновь, прося рукопожатья,
Опять со всех сторон подымутся проклятья
И с подлым хохотом гетера закричит:
«Кончай! кончай его! — он дышит, он хрипит;

Довольно сила рук, безмолвие страданий
Невольных вызвали у ас рукоплесканий!
(Как эти варвары умеют умирать!)
Пойдемте! Кончено! Придется долго ждать
Борьбы таких бойцов иль ярой львиной драки.
Пойдемте! Что смотреть, как цепенеют даки!»

1 декабря 1856

ТЕЛЕМАК У КАЛИПСЫ

Солнце низко. Легкой мглою
Вечер долы напояет.
Вход в пещеру раззолочен.
С наклоненной головою
Старый Ментор засыпает.
Сын Улисса озабочен.

Смолкли нимфы. Тихо дышит
Море, пар подъяв туманный.
Все безмолвствуют упорно.
Нимфа Эхо ясно слышит,
Как смолы благоуханной
На жаровне прыщут зерна.

Полны сладкого Лиея,
Ждут раскрытые амфоры;
Но забыл густую влагу
Сын прекрасный Одиссея;
Он поднять не смеет взоры,
Он ступить не смеет шагу.

На душе и стыд, и горе:
Как осмелиться богине
Рассказать свою кручину?
«Неужели, злое море,
Завтра я в твоей пустыне
Всё забуду, что покину?»

Разгораясь в блеске алом
Отлетающей Авроры,

Но безмолвна, как рабыня,
Грудь прикрыла опахалом
И, склоня к любимцу взоры,
Не насмотрится богиня.

О Зевес! Зачем же лира
Так бессильна — дар, любимый
Златовласым Аполлоном?
Иль зачем, владыка мира,
Взгляд такой невыразимый
Ты даешь влюбленным женам?

<1857>

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ

И целомудренно и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красой.

Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лике разлилось!

Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой

1856

НИМФА И МОЛОДОЙ САТИР
(ГРУППА СТАВАССЕРА)

Постой хотя на миг! О камень или пень
Ты можешь уязвить разутую ступень;
Еще невинная, бежа от вакханалий,
Готова уронить одну ты из сандалий.

Но вот, косматые колена преклоня,
Он у ноги твоей поймал конец ремня.
Затянется теперь не скоро узел прочный:
Сатир, и молодой, — не отрок непорочный!
Смотри, как, голову откинувши назад,
Глядит он на тебя и пьет твой аромат,
Как дышат негою уста его и взоры!
Быть может, нехотя ты ищешь в нем опоры,
А стройное твое бедро так горячо
Теперь легло к нему на крепкое плечо.
Нет! Мысль твоя чиста и воля неизменна;
Улыбка у тебя насмешливо-надменна.
Но отчего, скажи, — в сознаньи ль красоты
Иль в утомлении так неподвижна ты?
Еще открытое, смежиться хочет око,
И молодая грудь волнуется высоко.
Иль страсть, горящая в сатире молодом,
Пахнула и в тебя томительным огнем?

<1859>

СОН И СМЕРТЬ

Богом света покинута, дочь Громовержца немая,
    Ночь Гелиосу вослед водит возлюбленных чад.
Оба и в мать и в отца зародились бессмертные боги,
    Только несходны во всем между собой близнецы:
Смуглоликий, как мать, творец, как всезрящий родитель,
    Сон и во мраке никак дня не умеет забыть;
Но просветленная дочь лучезарного Феба, дыханьем
    Ночи безмолвной полна, невозмутимая Смерть,
Увенчавши свое чело неподвижной звездою,
    Не узнает ни отца, ни безутешную мать.

1858 или 1859

МОРЕ

* * *

Ночь весенней негой дышит,
Ветер взморья не колышет,
Весь залив блестит, как сталь,
И над морем облаками,
Как ползущими горами,
Разукрасилася даль.

Долго будет утомленный
Спать с Фетидой Феб влюбленный,
Но Аврора уж не спит
И, смутясь блаженством бога,
Из подводного чертога
С ярким факелом бежит.

1854

* * *

Жди ясного на завтра дня.
Стрижи мелькают и звенят.
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат.

В заливе дремлют корабли, —
Едва трепещут вымпела.
Далеко небеса ушли —
И к ним морская даль ушла.

Так робко набегает тень,
Так тайно свет уходит прочь,
Что ты не скажешь: минул день,
Не говоришь: настала ночь.

1854

МОРСКОЙ ЗАЛИВ

Третью уж ночь вот на этом холме за оврагом
Конь мой по звонкой дороге пускается шагом.
Третью уж ночь, миновав эту старую иву,
Сам я невольно лицом обращаюсь к заливу.
Только вдали, потухая за дымкою сизой,
Весь в ширину он серебряной светится ризой.
Спит он так тихо, что ухо, исполнясь вниманья,
Даже средь камней его не уловит дыханья.
В блеск этот душу уносит волшебная сила...
Что за слова мне она в эту ночь говорила!
Сколько в веселых речах прозвучало привета!
Сколько в них сердце почуяло неги и света!
Ах, что за ночь! Тише, конь мой! Куда
торопиться?
Рад и сегодня я сном до зари не забыться!

1855 (?)

ВЕЧЕР У ВЗМОРЬЯ

Засверкал огонь зарницы,
На гнезде умолкли птицы,
Тишина леса объемлет,
Не качаясь, колос дремлет;
День бледнеет понемногу,
Вышла жаба на дорогу.

Ночь светлеет и светлеет,
Под луною море млеет;

Различишь прилежным взглядом,
Как две чайки, сидя рядом,
Там, на взморье плоскодонном,
Спят на камне озаренном.

1854

* * *

Как хорош чуть мерцающим утром,
Амфитрита, твой влажный венок!
Как огнем и сквозным перламутром
Убирает Аврора восток!

Далеко на песок отодвинут
Трав морских бесконечный извив,
Свод небесный, в воде опрокинут,
Испещряет румянцем залив.

Остров вырос над тенью зеленой;
Ни движенья, ни звука в тиши,
И, погнувшись над влагой соленой,
В крупных каплях стоят камыши.

1857 (?)

* * *

Морская даль во мгле туманной;
Там парус тонет, как в дыму,
А волны в злобе постоянной
Бегут к прибрежью моему.

Из них одной, избранной мною,
Навстречу пристально гляжу
И за грядой ее крутою
До камня влажного слежу.

К ней чайка плавная спустилась, —
Не дрогнет острое крыло.

Но вот громада докатилась,
Тяжеловесна, как стекло;

Плеснула в каменную стену,
Вот звонко грянет на плиту —
А уж подкинутую пену
Разбрызнул ветер на лету.

1857 (?)

ПРИБОЙ

Утесы. Зной и сон в пустыне,
Песок да звонкий хрящ кругом,
И вдалеке земной твердыне
Морские волны бьют челом.

На той черте уже безвредный,
Не докатясь до красных скал,
В последний раз зелено-медный
Сверкает Средиземный вал;

И, забывая век свой бурный,
По пестрой отмели бежит
И преломленный и лазурный;
Но вот преграда — он кипит,

Жемчужной пеною украшен,
Встает на битву со скалой
И, умирающий, всё страшен
Всей перейденной глубиной.

1856 или 1857

НА КОРАБЛЕ

Летим! Туманною чертою
Земля от глаз моих бежит.
Под непривычною стопою
Вскипая белою грядою,
Стихия чуждая дрожит.

Дрожит и сердце, грудь заныла;
Напрасно моря даль светла,
Душа в тот круг уже вступила,
Куда невидимая сила
Ее неволей унесла.

Ей будто чудится заране
Тот день, когда без корабля
Помчусь в воздушном океане
И будет исчезать в тумане
За мной родимая земля.

1856 или 1857

БУРЯ

Свежеет ветер, меркнет ночь,
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на гранит —
То прянет, то отхлынет прочь.

Всё раздражительней бурун;
Его шипучая волна
Так тяжела и так плотна,
Как будто в берег бьет чугун.

Как будто бог морской сейчас,
Всесилен и неумолим,
Трезубцем пригрозя своим,
Готов воскликнуть: «Вот я вас!»

1854

ПОСЛЕ БУРИ

Пронеслась гроза седая,
Разлетевшись по лазури.
Только дышит зыбь морская,
Не опомнится от бури.

Спит, кидаясь, челн убогой,
Как больной от страшной мысли,
Лишь забытые тревогой
Складки паруса обвисли.

Освеженный лес прибрежный
Весь в росе, не шелохнется. —
Час спасенья, яркий, нежный,
Словно плачет и смеется.

1870

* * *

Вчера расстались мы с тобой.
Я был растерзан. — Подо мной
Морская бездна бушевала.
Волна кипела за волной
И, с грохотом о берег мой
Разбившись в брызги, убегала.

И новые росли во мгле,
Росли и небу и земле
Каким-то бешеным упреком;
Размыть уступы острых плит
И вечный раздробить гранит
Казалось вечным их уроком.

А нынче — как моя душа,
Волна светла, — и, чуть дыша,
Легла у ног скалы отвесной;
И, в лунный свет погружена,
В ней и земля отражена
И задрожал весь хор небесный.

1864

МОРЕ И ЗВЕЗДЫ

На море ночное мы оба глядели.
Под нами скала обрывалася бездной;
Вдали затихавшие волны белели,
А с неба отсталые тучки летели,
И ночь красотой одевалася звездной.

Любуясь раздольем движенья двойного,
Мечта позабыла мертвящую сушу,
И с моря ночного и с неба ночного,
Как будто из дальнего края родного,
Целебною силою веяло в душу.

Всю злобу земную, гнетущую, вскоре,
По-своему каждый, мы оба забыли,
Как будто меня убаюкало море,
Как будто твое утолилося горе,
Как будто бы звезды тебя победили.

1859

* * *

Качаяся, звезды мигали лучами
На темных зыбях Средиземного моря,
А мы любовались с тобою огнями,
Что мчались под нами, с небесными споря.

В каком-то забвеньи, немом и целебном,
Смотрел я в тот блеск, отдаваяся неге;
Казалось, рулем управляя волшебным,
Глубоко ты грудь мне взрезаешь в побеге.

И там, в глубине, молодая царица,
Бегут пред тобой светоносные пятна,
И этих несметных огней вереница
Одной лишь тебе и видна и понятна.

17 февраля 1891

* * *

Барашков буря шлет своих,
   Барашков белых в море,
Рядами ветер гонит их
   И хлещет на просторе.

Малютка, хоть твоя б одна
   Ладья спастись успела,
Пока всей хляби глубина,
   Чернея, не вскипела!

Как жаль тебя! Но об одном
   Подумать так обидно,
Что вот за мглою и дождем
   Тебя не станет видно.

26 августа 1892

* * *

Владычица Сиона, пред тобою
Во мгле моя лампада зажжена.
Всё спит кругом, — душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.

Ты мне близка... Покорною душою
Молюсь за ту, кем жизнь моя ясна.
Дай ей цвести, будь счастлива она —
С другим ли избранным, одна, или со мною.

О нет! Прости влиянию недуга!
Ты знаешь нас: нам суждено друг друга
Взаимными молитвами спасать.

Так дай же сил, простри святые руки,
Чтоб ярче мог в полночный час разлуки
Я пред тобой лампаду возжигать!

<1842>

МАДОННА

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйного не слушаю невежды:
Моим ушам понятен звук иной,
И сердцу голос слышится надежды

С тех пор, как Санцио передо мной
Изобразил склоняющую вежды,
И этот лик, и этот взор святой,
Смиренные и легкие одежды,

И это лоно матери, и в нем
Младенца с ясным, радостным челом,
С улыбкою к Марии наклоненной.

О, как душа стихает вся до дна!
Как много со святого полотна
Ты шлешь, мой бог с пречистою Мадонной!

<1842>

AVE MARIA[1]

Ave Maria — лампада тиха,
В сердце готовы четыре стиха:

Чистая дева, скорбящего мать,
Душу проникла твоя благодать.
Неба царица, не в блеске лучей,
В тихом предстань сновидении ей!

Ave Maria — лампада тиха,
Я прошептал все четыре стиха.

<1842>

* * *

Не ворчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне:
Без тебя темно и дико
В нашей стороне;

[1] Привет тебе, Мария! (лат.). — *Ред.*

Без тебя всё та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
И опять хандра...

<1843>

ВЕНЕЦИЯ НОЧЬЮ

Лунный свет сверкает ярко,
Осыпая мрамор плит;
Дремлет лев святого Марка,
И царица моря спит.

По каналам посребренным
Опрокинулись дворцы,
И блестят веслом бессонным
Запоздалые гребцы.

Звезд сияют мириады,
Чутко в воздухе ночном;
Осребренные громады
Вековым уснули сном.

<1847>

* * *

Полно спать: тебе две розы
Я принес с рассветом дня.
Сквозь серебряные слезы
Ярче нега их огня.

Вешних дней минутны грозы,
Воздух чист, свежей листы...
И роняют тихо слезы
Ароматные цветы.

<1847>

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ СЕРДЦУ

Сердце — ты малютка!
Угомон возьми...
Хоть на миг рассудка
Голосу вонми.
Рад принять душою
Всю болезнь твою!
Спи, господь с тобою,
Баюшки-баю!

Не касайся к ране —
Станет подживать;
Не тоскуй по няне,
Что ушла гулять;
Это только шутка —
Няню жди свою.
Засыпай, малютка,
Баюшки-баю!

А не то другая
Нянюшка придет,
Сядет, молодая,
Песни запоет:
«Посмотри, родное,
На красу мою,
Да усни в покое...
Баюшки-баю!»

Что ж ты повернулось?
Прежней няни жаль?
Знать, опять проснулась
Старая печаль?
Знать, пуста скамейка,
Даром что пою?
Что ж она, злодейка?
Баюшки-баю!

Подожди, вот к лету
Станешь подрастать, —
Колыбельку эту
Надо променять.

Я кровать большую
Дам тебе свою
И свечу задую.
Баюшки-баю!

И долга кроватка,
И без няни в ней
Спится сладко-сладко
До скончанья дней.
Перестанешь биться —
И навек в раю, —
Только будет сниться:
Баюшки-баю!

<1843>

* * *

Я знал ее малюткою кудрявой,
Голубоглазой девочкой; она
Казалась вся из резвости лукавой
И скромности румяной сложена.

И в те лета какой-то круг влеченья
Был у нее и звал ее ласкать;
На ней лежал оттенок предпочтенья
И женского служения печать.

Я знал ее красавицей; горели
Ее глаза священной тишиной, —
Как светлый день, как ясный звук свирели,
Она неслась над грешною землей.

Я знал его — и как она любила,
Как искренно пред ним она цвела,
Как много слез она ему дарила,
Как много счастья в душу пролила!

Я видел час ее благословенья —
Детей в слезах покинувшую мать;
На ней лежал оттенок предпочтенья
И женского служения печать.

1844

* * *

О, не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык.
Ему внимать и плакать, как ребенок,
Я так привык!

Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь,
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.

Скажи, не я ль на первые воззванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет?

Что ж? Рухнула с разбега колесница,
Хоть цель вдали,
И распростерт заносчивый возница
Лежит в пыли.

Я это знал — с последним увлеченьем
Конец всему;
Но самый прах с любовью, с наслажденьем
Я обойму.

Так предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.

И не зови — но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я как дитя заплачу —
И за тобой!

<1847>

* * *

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

<1843>

* * *

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа всё так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь, — но только песня зреет.

<1843>

ДЕРЕВНЯ

Люблю я приют ваш печальный,
И вечер деревни глухой,
И зá лесом благовест дальный,
И кровлю, и крест золотой.

Люблю я немятого луга
К окну подползающий пар,
И тесного, тихого круга
Не раз долитой самовар.

Люблю я на тех посиделках
Старушки чепец и очки;
Люблю на окне на тарелках
Овса золотые злачки;

На столике близко к окошку
Корзину с узорным чулком,
И по полу резвую кошку
В прыжках за проворным клубком;

И милой, застенчивой внучки
Красивый девичий наряд,
Движение бледненькой ручки
И робко опущенный взгляд;

Прощанье смолкающих пташек,
И месяца бледный восход,
Дрожанье фарфоровых чашек,
И речи замедленный ход;

И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,
И вас, любопытные глазки,
Живую награду мою!

<1842>

* * *

Ах, дитя, к тебе привязан
Я любовью безвозмездной!
Нынче ты, моя малютка,
Снилась мне в короне звездной.

Что за искры эти звезды!
Что за кроткое сиянье!
Ты сама, моя малютка,
Что за светлое созданье!

<1843>

УЗНИК

Густая крапива
Шумит под окном,
Зеленая ива
Повисла шатром;

Веселые лодки
В дали голубой;
Железо решетки
Визжит под пилой.

Бывалое горе
Уснуло в груди,
Свобода и море
Горят впереди.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушает ухо,
И пилит рука.

<1843>

* * *

Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат — слышит только соловей...
Да и тот не слышит, — песнь его громка;
Разве слышат только сердце да рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастия сюда мы принесли;
Да рука, услыша, сердцу говорит,
Что чужая в ней пылает и дрожит,
Что и ей от этой дрожи горячо,
Что к плечу невольно клонится плечо...

<1853>

* * *

Растут, растут причудливые тени,
В одну сливаясь тень...
Уж позлатил последние ступени
Перебежавший день.

Что звало жить, что силы горячило —
Далеко за горой.
Как призрак дня, ты, бледное светило,
Восходишь над землей.

И на тебя как на воспоминанье
Я обращаю взор...
Смолкает лес, бледней ручья сиянье,
Потухли выси гор;

Лишь ты одно скользишь стезей лазурной;
Недвижно всё окрест...
Да сыплет ночь своей бездонной урной
К нам мириады звезд.

<1853>

НА ДНЕПРЕ В ПОЛОВОДЬЕ

(А. Я. П—вой)

Светало. Ветер гнул упругое стекло
Днепра, еще в волнах не пробуждая звука.
Старик отчаливал, опершись на весло,
А между тем ворчал на внука.

От весел к берегу кудрявый след бежал;
Струи под лодкой закипели;
Наш парус, медленно надувшись, задрожал,
И мы как птица полетели.

И ярким золотом и чистым серебром
Змеились облаков прозрачных очертанья;
Над разыгравшимся, казалося, Днепром
Струилися от волн и трав благоуханья.

За нами мельница едва-едва видна
И берег посинел зеленый...
И вот под лодкою вздрогну́вшей быстрина
Сверкает сталью вороненой...

А там затопленный навстречу лес летел...
В него зеркальные врывалися заливы;
Над сонной влагою там тополь зеленел,
Белели яблони и трепетали ивы.

И под лобзания немолкнущей струи
Певцы, которым лес да волны лишь внимали,
С какой-то негою задорной соловьи
Пустынный воздух раздражали.

Вот изумрудный луг, вот желтые пески
Горят в сияньи золотистом;
Вон утка крадется в тростник, вон кулики
Беспечно бегают со свистом...

Остался б здесь дышать, смотреть
и слушать век...

<1853>

* * *

Над озером лебедь в тростник протянул,
В воде опрокинулся лес,
Зубцами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес.

И воздухом чистым усталая грудь
Дышала отрадно. Легли
Вечерние тени. — Вечерний мой путь
Краснел меж деревьев вдали.

А мы — мы на лодке сидели вдвоем,
Я смело налег на весло,
Ты молча покорным владела рулем,
Нас в лодке как в люльке несло.

И детская челн направляла рука
Туда, где, блестя чешуей,
Вдоль сонного озера быстро река
Бежала как змей золотой.

Уж начали звезды мелькать в небесах...
Не помню, как бросил весло,
Не помню, что пестрый нашептывал флаг,
Куда нас потоком несло!

<1854>

СОСНЫ

Средь кленов девственных и плачущих берез
Я видеть не могу надменных этих сосен;
Они смущают рой живых и сладких грез,
И трезвый вид мне их несносен.

В кругу воскреснувших соседей лишь оне
Не знают трепета, не шепчут, не вздыхают
И, неизменные, ликующей весне
Пору зимы напоминают.

Когда уронит лес последний лист сухой
И, смолкнув, станет ждать весны
и возрожденья, —
Они останутся холодною красой
Пугать иные поколенья.

<1854>

БОЛЬНОЙ

Его томил недуг. Тяжелый зной печей,
Казалось, каждый вздох оспаривал у груди.
Его томил напев бессмысленных речей,
Ему противны стали люди.

На стены он кругом смотрел как на тюрьму,
Он обращал к окну горящие зеницы,
И света божьего хотелося ему —
Хотелось воздуха, которым дышат птицы.

А там, за стеклами, как чуткий сон легки,
С востока яркого всё шире дни летели,
И солнце теплое, морозам вопреки,
Вдоль крыш развесило капели.

Просиживая дни, он думал всё одно:
«Я знаю, небеса весны меня излечут...»
И ждал он: скоро ли весна пахнёт в окно
И там две ласточки, прижавшись, защебечут?

<1855>

В САДУ

Приветствую тебя, мой добрый, старый сад,
Цветущих лет цветущее наследство!
С улыбкой горькою я пью твой аромат,
Которым некогда мое дышало детство.

Густые липы те ж, но заросли слова,
Которые в тени я вырезал искусно,

Хватает за ноги заглохшая трава,
И чувствую, что там, в лесу, мне будет грустно.

Как будто с трепетом здесь каждого листа
Моя пробудится и затрепещет совесть,
И станут лепетать знакомые места
Давно забытую, оплаканную повесть.

И скажут: «Помним мы, как ты играл и рос,
Мы помним, как потом, в последний
час разлуки,
Венком из молодых и благовонных роз
Тебя здесь нежные благословляли руки.

Скажи: где розы те, которые такой
Веселой радостью и свежестью дышали?»
Одни я раздарил с безумством и тоской,
Другие растерял — и все они увяли.

А вы — вы молоды и пышны до конца.
Я рад — и радости вполне вкусить не смею;
Стою как блудный сын перед лицом отца,
И плакать бы хотел — и плакать не умею!

<1854>

* * *

В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты,
Чудные душу порой посещают минуты.
Дух окрылен, никакая не мучит утрата,
В дальней звезде отгадал бы отбывшего брата!
Близкой души предо мною все ясны изгибы:
Видишь, как были, — и видишь, как быть
мы могли бы!
О, если ночь унесет тебя в мир этот странный,
Мощному духу отдайся, о друг мой желанный!
Я отзовусь — но, внемля бестелесному звуку,
Вспомни меня, как невольную помнят разлуку!

1851

* * *

Не спрашивай, над чем задумываюсь я:
Мне сознаваться в том и тягостно и больно;
Мечтой безумною полна душа моя
И в глубь минувших лет уносится невольно.

Сиянье прелести тогда в свой круг влекло:
Взглянул — и пылкое навстречу сердце рвется!
Так голубь, бурею застигнутый, в стекло,
Как очарованный, крылом лазурным бьется.

А ныне пред лицом сияющей красы
Нет этой слепоты и страсти безответной,
Но сердце глупое, как ветхие часы,
Коли забьет порой, так всё свой час заветный.

Я помню, отроком я был еще; пора
Была туманная, сирень в слезах дрожала;
В тот день лежала мать больна, и со двора
Подруга игр моих надолго уезжала.

Не мчались ласточки, звеня, перед окном,
И мошек не толклись блестящих вереницы,
Сидели голуби, нахохлившись, рядком,
И в липник прятались умолкнувшие птицы.

А над колодезем, на вздернутом шесте,
Где старая бадья болталась как подвеска,
Закаркал ворон вдруг, чернея в высоте, —
Закаркал как-то зло, отрывисто и резко.

Тот плач давно умолк, — кругом и смех и шум;
Но сердце вечно, знать, пугаться не отвыкнет;
Гляжу в твои глаза, люблю их нежный ум...
И трепещу — вот-вот зловещий ворон крикнет.

<1854>

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Со степи́ зелено-серой
Подымается туман,
И торчит еще Церерой
Ненавидимый бурьян.

Ржавый плуг опять светлеет;
Где волы, склонясь, прошли,
Лентой бархатной чернеет
Глыба взрезанной земли.

Чем-то блещут свежим, нежным
Солнца вешние лучи,
Вслед за пахарем прилежным
Ходят жадные грачи.

Ветерок благоухает
Сочной почвы глубиной, —
И Юпитера встречает
Лоно Геи молодой.

<1854>

* * *

Ты расточительна на милые слова,
А в сердце мне не шлешь отрадного привета
И втайне думаешь: причудлива, черства
Душа суровая поэта.

Я тоже жду; я жду, нельзя ли превозмочь
Твоей холодности, подметить миг участья,
Чтобы в глазах твоих, загадочных как ночь,
Затрепетали звезды счастья.

Я жду, я жажду их; мечтателю в ночи
Сиянья не встречать пышнее и прелестней,
И знаю — низойдут их яркие лучи
Ко мне и трепетом, и песней.

<1854>

ЛЕС

Куда ни обращаю взор,
Кругом синеет мрачный бор
И день права свои утратил.
В глухой дали стучит топор,
Вблизи стучит вертлявый дятел.

У ног гниет столетний лом,
Гранит чернеет, и за пнем
Прижался заяц серебристый,
А на сосне, поросшей мхом,
Мелькает белки хвост пушистый.

И путь заглох и одичал,
Позеленелый мост упал
И лег, скосясь, во рву размытом,
И конь давно не выступал
По нем подкованным копытом.

<1854>

* * *

Какое счастие: и ночь, и мы одни!
Река — как зеркало и вся блестит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!

О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!

Я болен, я влюблен; но, мучась и любя —
О слушай! о пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

<1854>

* * *

Что за ночь! Прозрачный воздух скован;
Над землей клубится аромат.
О, теперь я счастлив, я взволнован,
О, теперь я высказаться рад!

Помнишь час последнего свиданья!
Безотраден сумрак ночи был;
Ты ждала, ты жаждала признанья —
Я молчал: тебя я не любил.

Холодела кровь, и сердце ныло:
Так тяжка была твоя печаль;
Горько мне за нас обоих было,
И сказать мне правду было жаль.

Но теперь, когда дрожу и млею
И, как раб, твой каждый взор ловлю,
Я не лгу, назвав тебя своею
И клянясь, что я тебя люблю!

<1854>

СТАРЫЙ ПАРК

Сбирались умирать последние цветы
И ждали с грустию дыхания мороза;
Краснели по краям кленовые листы,
Горошек отцветал, и осыпалась роза.

Над мрачным ельником проснулася заря,
Но яркости ее не радовались птицы;
Однообразный свист лишь слышен снегиря,
Да раздражает писк насмешливой синицы.

Беседка старая над пропастью видна.
Вхожу. Два льва без лап на лестнице встречают.
Полузатертые чужие имена,
Сплетаясь меж собой, в глазах моих мелькают.

Гляжу. У ног моих отвесною стеной
Мне сосен кажутся недвижные вершины,
И горная тропа, размытая водой,
Виясь как желтый змей, бежит на дно долины.

И солнце вырвалось из тучи, и лучи,
Блеснув как молния, в долину долетели.
Отсюда вижу я, как бьют в пруде ключи
И над травой стоят недвижные форели.

Один. Ничьих шагов не слышу за собой.
В душе уныние, усилие во взоре.
А там, за соснами, как купол голубой,
Стоит бесстрастное, безжалостное море.

Как чайка, парус там белеет в высоте.
Я жду, потонет он, но он не утопает
И, медленно скользя по выгнутой черте,
Как волокнистый след пропавшей тучки тает.

1853 (?)

МУЗА

Не в сумрачный чертог наяды говорливой
Пришла она пленять мой слух самолюбивый
Рассказом о щитах, героях и конях,
О шлемах кованых и сломанных мечах.
Скрывая низкий лоб под ветвию лавровой,
С цитарой золотой иль из кости́ слоновой,
Ни разу на моем не прилегла плече
Богиня гордая в расшитой епанче.
Мне слуха не ласкал язык ее могучий,
И гибкий, и простой, и звучный без созвучий.
По воле пиерид с достоинством певца
Я не мечтал стяжать широкого венца.
О нет! Под дымкою ревнивой покрывала
Мне музу молодость иную указала:
Отягощала прядь душистая волос
Головку дивную узлом тяжелых кос;
Цветы последние в руке ее дрожали;

Отрывистая речь была полна печали,
И женской прихоти, и серебристых грез,
Невысказанных мук и непонятных слез.
Какой-то негою томительной волнуем,
Я слушал, как слова встречались поцелуем,
И долго без нее душа была больна
И несказанного стремления полна.

<1854>

* * *

Теплый ветер тихо веет,
Жизнью свежей дышит степь,
И курганов зеленеет
Убегающая цепь.

И далеко меж курганов
Темно-серою змеей
До бледнеющих туманов
Пролегает путь родной.

К безотчетному веселью
Подымаясь в небеса,
Сыплют с неба трель за трелью
Вешних птичек голоса.

<1845>

* * *

Последний звук умолк в лесу глухом,
Последний луч погаснул за горою...
О, скоро ли в безмолвии ночном,
Прекрасный друг, увижусь я с тобою?

О, скоро ли младенческая речь
В испуг мое изменит ожиданье?
О, скоро ли к груди моей прилечь
Ты поспешишь, вся трепет, вся желанье?

Скользит туман прозрачный над рекой,
Как твой покров, свиваясь и белея...
Час фей настал! Увижусь ли с тобой
Я в царстве фей, мечтательная фея?

Иль заодно с тобой и ночь, и мгла
Меня томят и нежат в заблужденьи?
Иль это страсть больная солгала
И жар ночной потухнет в песнопеньи?

<1855>

* * *

В пору́ любви, мечты, свободы,
В мерцаньи розового дня
Язык душевной непогоды
Был непонятен для меня.

Я забавлялся над словами,
Что будто по душе иной
Проходит злоба полосами,
Как тень от тучи громовой.

Настало время отрезвляться,
И долг велел — в немой борьбе
Навстречу людям улыбаться,
А горе подавлять в себе.

Я побеждал. В душе сокрыта,
Беда спала... Но знал ли я,
Как живуща́, как ядовита
Эдема старая змея!

Находят дни, — с самим собою
Бороться сердцу тяжело,
И духа злобы над душою
Я слышу тяжкое крыло.

<1855>

ИВА

Сядем здесь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На коре вокруг дупла!
А под ивой как красивы
Золотые переливы
Струй дрожащего стекла!

Ветви сочные дугою
Перегнулись над водою,
Как зеленый водопад;
Как живые, как иглою,
Будто споря меж собою,
Листья воду бороздят.

В этом зеркале под ивой
Уловил мой глаз ревнивый
Сердцу милые черты...
Мягче взор твой горделивый...
Я дрожу, глядя, счастливый,
Как в воде дрожишь и ты.

<1854>

* * *

О друг, не мучь меня жестоким приговором!
Я оскорбить тебя минувшим не хочу.
Оно пленительным промчалось метеором...
С твоим я встретиться робел и жаждал взором
И приходил молчать. Я и теперь молчу.

Добра и красоты в чертах твоих слиянье
По-прежнему еще мой подкупает ум.
Я вижу — вот оно, то нежное созданье,
К которому я нес весь пыл, всё упованье
Безумных, радостных, невысказанных дум.

Но помнишь ли? — весной гремела песнь лесная
И кликал соловей серебряные сны;

Теперь душистей лес, пышнее тень ночная,
И хочет соловей запеть, как утром мая...
Но робко так не пел он в первый день весны.

<1855>

ПРИМЕТЫ

И тихо и светло — до сумерек далеко;
Как в дымке голубой и небо и вода, —
Лишь облаков густых с заката до востока
Лениво тянется лиловая гряда.

Да, тихо и светло; но ухом напряженным
Смятенья и тоски ты крики разгадал:
То чайки скликались над морем усыпленным
И, в воздухе кружась, летят к навесам скал.

Ночь будет страшная, и буря будет злая,
Сольются в мрак и гул и небо и земля...
А завтра, может быть, вот здесь волна седая
На берег выбросит обломки корабля.

Середина 50-х гг.

* * *

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью.

Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...

И только... Но песня разлуки
Несбыточной дразнит любовью,
И носятся светлые звуки
И льнут к моему изголовью.

<1853>

РЕВЕЛЬ

(ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФРЕЙШИЦА)

Театр во мгле затих. Агата
В объятьях нежного стрелка.
Еще напевами объята,
Душа светла — и жизнь легка.

Всё спит. Над тесным переулком,
Как речка, блещут небеса,
Умолк на перекрестке гулком
Далекий грохот колеса.

И с каждым шагом город душный
Передо мной стесняет даль;
Лишь там, на высоте воздушной,
Блестит балкон, поет рояль...

И с переливом серебристым,
С лучом, просящимся во тьму,
Летит твой голос к звездам чистым
И вторит сердцу моему.

1855 (?)

ПАРОХОД

Злой дельфин, ты просишь ходу,
Ноздри пышут, пар валит,
Сердце мощное кипит,
Лапы с шумом роют воду.

Не лишай родной земли
Этой девы, этой розы;
Погоди, прощанья слезы
Вдохновенные продли!

Но напрасно... Конь морской,
Ты понесся быстрой птицей —
Только пляшут вереницей
Нереиды за тобой.

1854

ЗНАКОМКЕ С ЮГА

На север грустный с пламенного юга,
Прекрасных дней прекрасная подруга,
Ты мне привет отрадный принесла.
Но холодом полночным всё убило,
Что сердце там так искренно любило
И чем душа так радостно цвела.

О, как бы я на милый зов ответил
Там, где луны встающий диск так светел,
Где солнца блеск живителен и жгуч,
Где дышит ночь невыразимой тайной
И теплятся над спящею Украйной
В лучах лазурных звезды из-за туч,

И грезит пруд, и дремлет тополь сонный,
Вдоль туч скользя вершиной заостренной,
Где воздух, свет и думы — заодно,
И грудь дрожит от страсти неминучей,
И веткою всё просится пахучей
Акация в раскрытое окно!

<1854>

* * *

Вчера, увенчана душистыми цветами,
Смотрела долго ты в зеркальное окно
На небо синее, горевшее звездами,
В аллею тополей с дрожащими листами, —
В аллею, где вдали так страшно и темно.

Забыла, может быть, ты за собою в зале
И яркий блеск свечей, и нежные слова. . .
Когда помчался вальс и струны рокотали, —
Я видел — вся в цветах, исполнена печали,
К плечу слегка твоя склонилась голова.

Не думала ли ты: «Вон там, в беседке дальной,
На мраморной скамье теперь он ждет меня

Под сумраком дерев, ревнивый и печальный;
Он взоры утомил, смотря на вихорь бальный,
И ловит тень мою в сиянии огня».

<1855>

* * *

В темноте, на треножнике ярком
Мать варила черешни вдали...
Мы с тобой отворили калитку
И по темной аллее пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.

Как-то странно мы оба молчали
И странней сторонилися прочь...
Говорила за нас и дышала
Нам в лицо благовонная ночь.

<1856>

ИВЫ И БЕРЕЗЫ

Березы севера мне милы, —
Их грустный, опущённый вид,
Как речь безмолвная могилы,
Горячку сердца холодит.

Но ива, длинными листами
Упав на лоно ясных вод,
Дружней с мучительными снами
И дольше в памяти живет.

Лия таинственные слезы
По рощам и лугам родным,
Про горе шепчутся березы
Лишь с ветром севера одним.

Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняет ива
Везде концы своих ветвей.

<1843>, <1856>

У КАМИНА

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылек.

Видений пестрых вереница
Влечет, усталый теша взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.

Встает ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

1856

СЕСТРА

Милой меня называл он вчера —
В зеркале точно себя я не вижу?!
Боже, зачем хороша так сестра,
Что перед ней я себя ненавижу!

Голос его, прерываясь, дрожал;
Даже в сердцах я его проводила, —
Образ сестры предо мною стоял...
Так я всю ночь по аллее ходила.

В спальню вошла я; она уж спала.
Месяц ей кудри осыпал лучами.

Я не могла устоять — подошла
И, наклонясь, к ней прильнула устами.

Как хороша, как светла и добра!
Нет, и сравненьем ее не обижу!
Милой меня называл он вчера —
В зеркале точно себя я не вижу?!

<1857>

ГОРНОЕ УЩЕЛЬЕ

За лесом лес и за горами горы,
За темными лилово-голубые,
И если долго к ним приникнут взоры,
За бледным рядом выступят другие.

Здесь темный дуб и ясень изумрудный,
А там лазури тающая нежность...
Как будто из действительности чудной
Уносишься в волшебную безбрежность.

И в дальний блеск душа лететь готова,
Не трепетом, а радостью объята,
Как будто это чувство ей не ново,
А сладостно уж грезилось когда-то.

Октябрь 1856

МУЗЕ

Надолго ли опять мой угол посетила,
Заставила еще томиться и любить?
Кого на этот раз собою воплотила?
Чьей речью ласковой сумела подкупить?

Дай руку. Сядь. Зажги свой факел вдохновенный.
Пой, добрая! В тиши признаю голос твой
И стану, трепетный, коленопреклоненный,
Запоминать стихи, пропетые тобой.

Как сладко, позабыв житейское волненье,
От чистых помыслов пылать и потухать,
Могучее твое учуя дуновенье,
И вечно девственным словам твоим внимать.

Пошли, небесная, ночам моим бессонным
Еще блаженных снов и славы и любви,
И нежным именем, едва произнесенным,
Мой труд задумчивый опять благослови.

<1857>

РЫБКА

Тепло на солнышке. Весна
    Берет свои права;
В реке местами глубь ясна,
    На дне видна трава.

Чиста холодная струя,
    Слежу за поплавком, —
Шалунья рыбка, вижу я,
    Играет с червяком.

Голубоватая спина,
    Сама как серебро,
Глаза — бурмитских два зерна,
    Багряное перо.

Идет, не дрогнет под водой,
    Пора — червяк во рту!
Увы, блестящей полосой
    Юркнула в темноту.

Но вот опять лукавый глаз
    Сверкнул невдалеке.
Постой, авось на этот раз
    Повиснешь на крючке!

<1858>

* * *

Был чудный майский день в Москве;
Кресты церквей сверкали,
Вились касатки под окном
И звонко щебетали.

Я под окном сидел, влюблен,
Душой и юн и болен.
Как пчелы, звуки вдалеке
Жужжали с колоколен.

Вдруг звуки стройно, как орган,
Запели в отдаленьи;
Невольно дрогнула душа
При этом стройном пеньи.

И шел и рос поющий хор, —
И непонятной силой
В душе сливался лик небес
С безмолвною могилой.

И шел и рос поющий хор, —
И черною грядою
Тянулся набожно народ
С открытой головою.

И миновал поющий хор,
Его я минул взором,
И гробик розовый прошел
За громогласным хором.

Струился теплый ветерок,
Покровы колыхая,
И мне казалось, что душа
Парила молодая.

Весенний блеск, весенний шум,
Молитвы стройной звуки —
Всё тихим веяло крылом
Над грустию разлуки.

За гробом шла, шатаясь, мать.
Надгробное рыданье! —
Но мне казалось, что легко
И самое страданье.

<1857>

* * *

В леса безлюдной стороны
И чуждой шумному веселью
Меня порой уносят сны
В твою приветливую келью.

В благоуханьи простоты,
Цветок — дитя дубравной сени,
Опять встречать выходишь ты
Меня на шаткие ступени.

Вечерний воздух влажно чист,
Вся покраснев, ты жмешь мне руки,
И, сонных лип тревожа лист,
Порхают гаснущие звуки.

1856 (?)

НА ЛОДКЕ

Ты скажешь, бросся взор по голубой равнине:
«И небо, и вода».
Здесь остановим челн, по самой середине
Широкого пруда.

Буграми с колеса волненье не клокочет, —
Чуть-чуть блестят струи.
Так тихо, будто ночь сама подслушать хочет
Рыдания любви.

До слуха чуткого мечтаньями ночными
Доходит плеск ручья.

Осыпана кругом звездами золотыми,
Покоится ладья.

Гляжу в твое лицо, в сияющие очи,
О добрый гений мой!
Лицо твое — как день, ты вся при свете ночи —
Как призрак неземной!

Теперь, волшебница, иной могучей власти
У неба не проси.
Всю эту ночь, весь блеск, весь пыл безумной страсти
Возьми — и погаси!

<1856>

* * *

Только станет смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнёт ли звонок,
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидеть вечерок.

Потушу перед зеркалом свечи, —
От камина светло и тепло;
Стану слушать веселые речи,
Чтобы вновь на душе отлегло.

Стану слушать те детские грезы,
Для которых — всё блеск впереди;
Каждый раз благодатные слезы
У меня закипают в груди.

До зари осторожной рукою
Вновь платок твой узлом завяжу,
И вдоль стен, озаренных луною,
Я тебя до ворот провожу.

1856 (?)

* * *

Расстались мы, ты странствуешь далече,
Но нам дано опять
В таинственной и ежечасной встрече
Друг друга понимать.

Когда в толпе живой и своевольной,
Поникнув головой,
Смолкаешь ты с улыбкою невольной, —
Я говорю с тобой.

И вечером, когда в аллее темной
Ты пьешь немую ночь,
Знай, тополи и звезды негой томной
Мне вызвались помочь.

Когда ты спишь, и полог твой кисейный
Раздвинется в лучах,
И сон тебя прозрачный, тиховейный
Уносит на крылах,

А ты, летя в эфир неизмеримый,
Лепечешь: «Я люблю», —
Я — этот сон, — и я рукой незримой
Твой полог шевелю.

1857

* * *

Я был опять в саду твоем,
И увела меня аллея
Туда, где мы весной вдвоем
Бродили, говорить не смея.

Ка́к сердце робкое влекло
Излить надежду, страх и пени, —
А юный лист тогда назло
Нам посылал так мало тени.

Теперь и тень в саду темна
И трав сильней благоуханье;
Зато какая тишина,
Какое томное молчанье!

Один зарею соловей,
Таясь во мраке, робко свищет,
И под навесами ветвей
Напрасно взор кого-то ищет.

Июнь 1857

ГРЕЗЫ

Мне снился сон, что сплю я непробудно,
Что умер я и в грезы погружен;
И на меня ласкательно и чудно
Надежды тень навеял этот сон.

Я счастья жду, какого — сам не знаю.
Вдруг колокол — и всё уяснено;
И, просияв душой, я понимаю,
Что счастье в этих звуках. — Вот оно!

И звуки те прозрачнее, и чище,
И радостней всех голосов земли;
И чувствую — на дальнее кладбище
Меня под них, качая, понесли.

В груди восторг и сдавленная мука,
Хочу привстать, хоть раз еще вздохнуть
И, на волне ликующего звука
Умчася вдаль, во мраке потонуть

<1859>

МОТЫЛЕК МАЛЬЧИКУ

Цветы кивают мне, головки наклоня,
И манит куст душистой веткой;
Зачем же ты один преследуешь меня
Своею шелковою сеткой?

Дитя кудрявое, любимый нежно сын
    Неувядающего мая,
Позволь мне жизнию упиться день один,
    На солнце радостном играя.

Постой, оно уйдет, и блеск его лучей
    Замрет на западе далеком,
И в час таинственный я упаду в ручей,
    И унесет меня потоком.

<1860>

* * *

Молчали листья, звезды рдели
    И в этот час
С тобой на звезды мы глядели,
    Они — на нас.

Когда всё небо так глядится
    В живую грудь,
Как в этой груди затаится
    Хоть что-нибудь?

Всё, что хранит и будит силу
    Во всем живом,
Всё, что уносится в могилу
    От всех тайком,

Что чище звезд, пугливей ночи,
    Страшнее тьмы,
Тогда, взглянув друг другу в очи,
    Сказали мы.

14 ноября 1859

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Мороз и ночь над далью снежной,
А здесь уютно и тепло,
И предо мной твой облик нежный
И детски чистое чело.

Полны смущенья и отваги,
С тобою, кроткий серафим,
Мы через дебри и овраги
На змее огненном летим.

Он сыплет искры золотые
На озаренные снега,
И снятся нам места иные,
Иные снятся берега.

В мерцаньи одинокой свечки,
Ночным путем утомлена,
Твоя старушка против печки
В глубокий сон погружена.

Но ты красою ненаглядной
Еще томиться мне позволь;
С какой заботою отрадной
Лелеет сердце эту боль!

И, серебром облиты лунным,
Деревья мимо нас летят,
Под нами с грохотом чугунным
Мосты мгновенные гремят.

И, как цветы волшебной сказки,
Полны сердечного огня,
Твои агатовые глазки
С улыбкой радости и ласки
Порою смотрят на меня.

Конец 1859 или начало 1860

* * *

Кричат перепела, трещат коростели,
Ночные бабочки взлетели,
И поздних соловьев над речкою вдали
Звучат порывистые трели.

В напевах вечера тревожною душой
Ищу былого наслажденья —

Увы, как прежде, в грудь живительной струей
Они не вносят откровенья!

Но тем мучительней, как близкая беда,
Меня томит вопрос лукавый:
Ужели подошли к устам моим года
С такою горькою отравой?

Иль век смолкающий в наследство передал
Свои бесплодные мне муки,
И в одиночестве мне допивать фиал,
Из рук переходивший в руки?

Проходят юноши с улыбкой предо мной,
И слышу я их шепот внятный:
Чего он ищет здесь средь жизни молодой
С своей тоскою непонятной?

Спешите, юноши, и верить и любить,
Вкушать и труд и наслажденье.
Придет моя пора — и скоро, может быть,
Мое наступит возрожденье.

Приснится мне опять весенний, светлый сон
На лоне божески едином,
И мира юного, покоен, примирен,
Я стану вечным гражданином.

<1859>

ГЕОРГИНЫ

Вчера — уж солнце рдело низко —
Средь георгин я шел твоих,
И как живая одалиска
Стояла каждая из них.

Как много пылких или томных,
С наклоном бархатных ресниц,
Веселых, грустных и нескромных
Отвсюду улыбалось лиц!

Казалось, нет конца их грезам
На мягком лоне тишины, —
А нынче утренним морозом
Они стоят опалены.

Но прежним тайным обаяньем
От них повеяло опять,
И над безмолвным увяданьем
Мне как-то совестно роптать.

<1859>

* * *

Если ты любишь, как я, бесконечно,
Если живешь ты любовью и дышишь, —
Руку на грудь положи мне беспечно:
Сердца биенья под нею услышишь.

О, не считай их! в них, силой волшебной,
Каждый порыв переполнен тобою;
Так в роднике за струею целебной
Прядает влага горячей струею.

Пей, отдавайся минутам счастливым, —
Трепет блаженства всю душу обнимет;
Пей — и не спрашивай взором пытливым,
Скоро ли сердце иссякнет, остынет.

<1859>

* * *

Еще акация одна
С цветами ветви опускала
И над беседкою весна
Душистых сводов не скругляла.

Дышал горячий ветерок,
В тени сидели мы друг с другом,

И перед нами на песок
День золотым ложился кругом.

Жужжал пчела́ми каждый куст,
Над сердцем счастье тяготело,
Я трепетал, чтоб с робких уст
Твое признанье не слетело.

Вдали сливалось пенье птиц,
Весна над степью проносилась,
И на концах твоих ресниц
Слеза нескромная светилась.

Я говорить хотел — и вдруг,
Нежданным шорохом пугая,
К твоим ногам, на ясный круг,
Спорхнула птичка полевая.

С какой мы робостью любви
Свое дыханье затаили!
Казалось мне, глаза твои
Не улетать ее молили.

Сказать «прости» чему ни будь
Душе казалося утратой...
И, собираясь упорхнуть,
Глядел на нас наш гость крылатый.

<1859>

* * *

Тихонько движется мой конь
По вешним заводям лугов,
И в этих заводях огонь
Весенних светит облаков.

И освежительный туман
Встает с оттаявших полей.
Заря, и счастье, и обман —
Как сладки вы душе моей!

Как нежно содрогнулась грудь
Над этой тенью золотой!
Как к этим призракам прильнуть
Хочу мгновенною душой!

1862 (?)

* * *

Чем тоске, и не знаю, помочь;
Грудь прохлады свежительной ищет,
Окна настежь, уснуть мне невмочь,
А в саду над ручьем во всю ночь
Соловей разливается-свищет.

Стройный тополь стоит под окном,
Листья в воздухе все онемели.
Точно думы всё те же и в нем,
Точно судит меня он с певцом, —
Не проронит ни вздоха, ни трели.

На заре только клонит ко сну,
Но лишь яркий багрянец замечу —
Разгорюсь — и опять не усну.
Знать, в последний встречаю весну
И тебя на земле уж не встречу.

1862

ГОРЯЧИЙ КЛЮЧ

Помнишь тот горячий ключ,
Как он чист был и бегуч,
Как дрожал в нем солнца луч
И качался,
Как пестрел соседний бор,
Как белели выси гор,
Как тепло в нем звездный хор
Повторялся.

Обмелел он и остыл,
Словно в землю уходил,
Оставляя следом ил
Бледно-красный.
Долго-долго я алкал,
Жилу жаркую меж скал
С тайной ревностью искал,
Но напрасной.

Вдруг в горах промчался гром,
Потряслась земля кругом,
Я бежал, покинув дом,
Мне грозящий, —
Оглянулся — чудный вид:
Старый ключ прошиб гранит
И над бездною висит,
Весь кипящий!

<1870>

* * *

Отчего со всеми я любезна,
Только с ним нас разделяет бездна?
Отчего с ним, хоть его бегу я,
Не встречаться всюду не могу я?
Отчего, когда его увижу,
Словно весь я свет возненавижу?
Отчего, как с ним должна остаться,
Так и рвусь над ним же издеваться?
Отчего — кто разрешит задачу? —
До зари потом всю ночь проплачу?

<1882>

ОСЕНЬЮ

Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней
И под окном у селянина
Далекий благовест слышней,

Мы не грустим, пугаясь снова
Дыханья близкого зимы,
А голос лета прожитого
Яснее понимаем мы.

1870 (?)

* * *

В душе, измученной годами,
Есть неприступный чистый храм,
Где всё нетленно, что судьбами
В отраду посылалось нам.

Для мира путь к нему заглохнет, —
Но в этот девственный тайник,
Хотя б и мог, скорей иссохнет,
Чем путь укажет мой язык.

Скажи же — ка́к, при первой встрече,
Успокоительно светла,
Вчера — о, как оно далече! —
Живая ты в него вошла?

И вот отныне поневоле
В блаженной памяти моей
Одной улыбкой нежной боле,
Одной звездой любви светлей.

1867

КЛЮЧ

Меж селеньем и рощей нагорной
Вьется светлою лентой река,
А на храме над озимью черной
Яркий крест поднялся в облака.

И толпой голосистой и жадной
Всё к заре набежит со степей,

Точно весть над волною прохладной
Пронеслась: освежись и испей!

Но в шумящей толпе ни единый
Не присмотрится к кущам дерёв,
И не слышен им зов соловьиный
В реве стад и плесканьи вальков.

Лишь один в час вечерний, заветный,
Я к журчащему сладко ключу
По тропинке лесной, незаметной,
Путь обычный во мраке сыщу.

Дорожа соловьиным покоем,
Я ночного певца не спугну
И устами, спаленными зноем,
К освежительной влаге прильну.

1870

* * *

Чем безнадежнее и строже
Года разъединяют нас,
Тем сердцу моему дороже,
Дитя, с тобой крылатый час.

Я лет не чувствую суровых,
Когда в глаза ко мне порой
Из-под ресниц твоих шелковых
Заглянет ангел голубой.

Не в силах ревности мятежность
Я победить и скрыть печаль, —
Мне эту девственную нежность
В глазах толпы оставить жаль!

Я знаю, жизнь не даст ответа
Твоим несбыточным мечтам,
И лишь одна душа поэта —
Их вечно празднующий храм.

1861 (?)

СОНЕТ

Когда от хмелю преступлений
Толпа развратная буйна
И рад влачить в грязи злой гений
Мужей великих имена, —

Мои сгибаются колени
И голова преклонена;
Зову властительные тени
И их читаю письмена.

В тени таинственного храма
Учусь сквозь волны фимиама
Словам наставников внимать

И, забывая гул народный,
Вверяясь думе благородной,
Могучим вздохом их дышать.

<1866>

* * *

Толпа теснилася. Рука твоя дрожала,
Сдвигая складками бегущий с плеч атлас.
Я знаю: «завтра» ты невнятно прошептала;
Потом ты вспыхнула и скрылася из глаз.

А он? С усилием сложил он накрест руки,
Стараясь подавить восторг в груди своей,
И часа позднего пророческие звуки
Смешались с топотом помчавшихся коней.

Казались без конца тебе часы ночные;
Ты не смежила вежд горячих на покой,
И сильфы резвые и феи молодые
Всё «завтра» до зари шептали над тобой.

<1860>

* * *

Встает мой день, как труженик убогой,
И светит мне без силы и огня,
И я бреду с заботой и тревогой.

Мы думой врозь, — тебе не до меня.
Но вот луна прокралася из саду,
И гасит ночь в руке дрожащей дня

Своим дыханьем яркую лампаду.
Таинственным окружена огнем,
Сама идешь ты мне принесть отраду.

Забыто всё, что угнетало днем,
И, полные слезами умиленья,
Мы об руку, блаженные, идем,

И тени нет тяжелого сомненья.

1865 (?)

* * *

Как нежишь ты, серебряная ночь,
В душе расцвет немой и тайной силы!
О, окрыли — и дай мне превозмочь
Весь этот тлен бездушный и унылый!

Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнем с огнями неба в споре,
Как океан, разверзлись небеса,
И спит земля — и теплится, как море.

Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звёздной
И, окрылен дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.

1865 (?)

* * *

Блеском вечерним овеяны горы.
Сырость и мгла набегают в долину.
С тайной мольбою подъемлю я взоры:
«Скоро ли холод и сумрак покину?»

Вижу на том я уступе румяном
Сдвинуты кровель уютные гнезды;
Вон засветились под старым каштаном
Милые окна, как верные звезды.

Кто ж меня втайне пугает обманом:
«Сердцем как прежде ты чист ли и молод?
Что, если там, в этом мире румяном,
Снова охватит и сумрак и холод?»

<1866>

* * *

Кому венец: богине ль красоты
Иль в зеркале ее изображенью?
Поэт смущен, когда дивишься ты
Богатому его воображенью.

Не я, мой друг, а божий мир богат,
В пылинке он лелеет жизнь и множит,
И что один твой выражает взгляд,
Того поэт пересказать не может.

<1865>

* * *

Напрасно!
Куда ни взгляну я, встречаю везде неудачу,
И тягостно сердцу, что лгать я обязан всечасно;
Тебе улыбаюсь, а внутренно горько я плачу,
Напрасно.

Разлука!
Душа человека какие выносит мученья!
А часто на них намекнуть лишь достаточно
звука.
Стою как безумный, еще не постиг выраженья:
Разлука.

Свиданье!
Разбей этот кубок: в нем капля надежды таится.
Она-то продлит и она-то усилит страданье,
И в жизни туманной всё будет обманчиво сниться
Свиданье.

Не нами.
Бессилье изведано слов к выраженью желаний.
Безмолвные муки сказалися людям веками,
Но очередь наша, и кончится ряд испытаний
Не нами.

Но больно,
Что жребии жизни святым побужденьям
враждебны;
В груди человека до них бы добраться
довольно...
Нет! вырвать и бросить; те язвы, быть может,
целебны, —
Но больно.

<1852>

КУПАЛЬЩИЦА

Игривый плеск в реке меня остановил.
Сквозь ветви темные узнал я над водою
Ее веселый лик — он двигался, он плыл, —
Я голову признал с тяжелою косою.

Узнал я и наряд, взглянув на белый хрящ,
И превратился весь в смущенье и тревогу,
Когда красавица, прорвав кристальный плащ,
Вдавила в гладь песка младенческую ногу.

Она предстала мне на миг во всей красе,
Вся дрожью легкою объята и пугливой.
Так пышут холодом на утренней росе
Упругие листы у лилии стыдливой.

<1865>

* * *

Напрасно ты восходишь надо мной
Посланницей волшебных сновидений
И, юностью сияя заревой,
Ждешь от меня похвал и песнопений.

Как ярко ты и нежно ни гори
Над каменным угаснувшим Мемноном, —
На яркие приветствия зари
Он отвечать способен только стоном.

1865

РОЗА

У пурпурной колыбели
Трели мая прозвенели,
Что весна опять пришла.
Гнется в зелени береза,
И тебе, царица роза,
Брачный гимн поет пчела.

Вижу, вижу! счастья сила
Яркий свиток твой раскрыла
И увлажила росой.
Необъятный, непонятный,
Благовонный, благодатный
Мир любви передо мной.

Если б движущий громами
Повелел между цветами
Цвесть нежнейшей из богинь,

Чтоб безмолвною красою
Звать к любви, когда весною
Темен лес и воздух синь, —

Ни Киприда и ни Геба,
Спрятав в сердце тайны неба
И с безмолвьем на челе,
В час блаженный расцветанья
Больше страстного признанья
Не поведали б земле.

1864 (?)

ТОПОЛЬ

Сады молчат. Унылыми глазами
С унынием в душе гляжу вокруг;
Последний лист разметан под ногами,
Последний лучезарный день потух.

Лишь ты один над мертвыми степями
Таишь, мой тополь, смертный свой недуг
И, трепеща по-прежнему листами,
О вешних днях лепечешь мне как друг.

Пускай мрачней, мрачнее дни за днями
И осени тлетворный веет дух;
С подъятыми ты к небесам ветвями
Стоишь один и помнишь теплый юг.

1859

* * *

Только встречу улыбку твою
Или взгляд уловлю твой отрадный, —
Не тебе песнь любви я пою,
А твоей красоте ненаглядной.

Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюбленною трелью

Восхвалять неумолчно он рад
Над душистой ее колыбелью.

Но безмолвствует, пышно чиста,
Молодая владычица сада:
Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.

1873 (?)

ПСЕВДОПОЭТУ

Молчи, поникни головою,
Как бы представ на страшный суд,
Когда случайно пред тобою
Любимца муз упомянут!

На рынок! Там кричит желудок,
Там для стоокого слепца
Ценней грошовый твой рассудок
Безумной прихоти певца.

Там сбыт малеванному хламу,
На этой затхлой площади́, —
Но к музам, к чистому их храму,
Продажный раб, не подходи!

Влача по прихоти народа
В грязи низкопоклонный стих,
Ты слова гордого *свобода*
Ни разу сердцем не постиг.

Не возносился богомольно
Ты в ту свежеющую мглу,
Где беззаветно лишь привольно
Свободной песне да орлу.

1866

* * *

С какой я негою желанья
Одной звезды искал в ночи!
Как я любил ее мерцанье,
Ее алмазные лучи!

Хоть на заре, хотя мгновенно
Средь набежавших туч видна,
Она так явно, так нетленно
На небе теплилась одна.

Любовь, участие, забота
Моим очам дрожали в ней
В степи, с речного поворота,
С ночного зеркала морей.

Но столько думы молчаливой
Не шлет мне луч ее нигде,
Как у корней плакучей ивы,
В твоем саду, в твоем пруде.

<1863>

* * *

Я уезжаю. Замирает
В устах обычное «прости».
Куда судьба меня кидает?
Куда мне грусть мою нести?

Молчу. Ко мне всегда жестокой
Была ты много, много лет, —
Но, может быть, в стране далекой
Я вдруг услышу твой привет.

В долине иногда, прощаясь,
Крутой минувши поворот,
Напрасно странник, озираясь,
Другого голосом зовет.

Но смерклось, — над стеною черной
Горят извивы облаков, —
И там, внизу, с тропы нагорной
Ему прощальный слышен зов.

Середина 50-х гг.

* * *

Не избегай; я не молю
Ни слез, ни сердца тайной боли,
Своей тоске хочу я воли
И повторять тебе: «люблю».

Хочу нестись к тебе, лететь,
Как волны по равнине водной,
Поцеловать гранит холодный,
Поцеловать — и умереть!

1862 (?)

* * *

В благословенный день, когда стремлюсь душою
В блаженный мир любви, добра и красоты,
Воспоминание выносит предо мною
    Нерукотворные черты.

Пред тенью милою коленопреклоненный,
В слезах молитвенных я сердцем оживу
И вновь затрепещу, тобою просветленный, —
    Но всё тебя не назову.

И тайной сладостной душа моя мятется;
Когда ж окончится земное бытиё,
Мне ангел кротости и грусти отзовется
    На имя нежное твое.

<1857>

ЗЕВС

Шум и гам, — хохочут девы,
В медь колотят музыканты,
Под визгливые напевы
Скачут, пляшут корибанты.

В кипарисной роще Крита
Вновь заплакал мальчик Реи,
Потянул к себе сердито
Он сосцы у Амальтеи.

Юный бог уж ненавидит,
Эти крики местью дышат, —
Но земля его не видит,
Небеса его не слышат.

15 ноября 1859

К СИКСТИНСКОЙ МАДОННЕ

Вот сын ее, — он — тайна Иего́вы —
Лелеем девы чистыми руками.
У ног ее земля под облаками,
На воздухе нетленные покровы.

И, преклонясь, с Варварою готовы
Молиться ей мы на коленях сами
Или, как Сикст, блаженными очами
Встречать того, кто рабства сверг оковы.

Как ангелов, младенцев окрыленных,
Узришь и нас, о дева, не смущенных:
Здесь угасает пред тобой тревога.

Такой тебе, Рафа́эль, вестник бога,
Тебе и нам явил твой сон чудесный
Царицу жен — царицею небесной!

1864 (?)

МУЗЕ

Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не оскорблял.

Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

<1882>

* * *

Не смейся, не дивися мне,
В недоуменьи детски грубом,
Что перед этим дряхлым дубом
Я вновь стою по старине.

Не много листьев на челе
Больного старца уцелели;
Но вновь с весною прилетели
И жмутся горлинки в дупле.

1884

* * *

День проснется — и речи людские
Закипят раздраженной волной,
И помчит, разливаясь, стихия
Всё, что вызвано алчной нуждой.

И мои зажурчат песнопенья, —
Но в зыбучих струях ты найдешь
Разве ласковой думы волненья,
Разве сердца напрасную дрожь.

<1884>

* * *

— Ты был для нас всегда вон той скалою,
Взлетевшей к небесам, —
Под бурями, под ливнем и грозою
Невозмутимый сам.

Защищены от севера тобою,
Над зеркалом наяд
Росли мы здесь веселою семьею —
Цветущий вертоград.

И вдруг вчера — тебя я не узнала:
Ты был как божий гром...
Умолкла я, — я вся затрепетала
Перед твоим лицом.

— О да, скала молчит; но неужели
Ты думаешь: ничуть
Все бури ей, все ливни и метели
Не надрывают грудь?

Откуда же — ты помнишь — это было:
Вдруг землю потрясло,
И что-то в ночь весь сад проборороздило,
И следом всё легло?

И никому не рассказало море,
Что́ кануло ко дну, —
А то скала свое былое горе
Швырнула в глубину.

2 июня 1883

БАБОЧКА

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
Лишь два крыла.

Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я легкий опустилась
И вот — дышу.

Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.

<1884>

* * *

С бородою седою верховный я жрец,
На тебя возложу я душистый венец,
И нетленною солью горячих речей
Я осыплю невинную роскошь кудрей.
Эту детскую грудь рассеку я потом
Вдохновенного слова звенящим мечом,
И раскроет потомку минувшего мгла,
Что на свете всех чище ты сердцем была.

<1884>

* * *

— Ты так любишь гулять;
Отчего ты опять
Робко жмешься?
Зо́ри — нет их нежней,
И таких уж ночей
Не дождешься.

— Милый мой, мне невмочь,
Истомилась, всю ночь
Тосковала.
Я бежала к прудам,
А тебя я и там
Не сыскала.

Но уж дальше к пруду
Ни за что не пойду,
Хоть брани ты.
Там над самой водой
Странный, черный, кривой
Пень ракиты.

И не вижу я пня,
И хватает меня
Страх напрасный, —
Так и кажется мне,
Что стоит при луне
Тот ужасный!

1883

* * *

Говорили в древнем Риме,
Что в горах, в пещере темной,
Богоравная Сивилла
Вечно-юная живет,
Что ей всё открыли боги,
Что́ в груди чужой сокрыто,
Что́ таит небесный свод.

Только избранным доступно,
Хоть не самую богиню,
А священное жилище
Чародейки созерцать.
В ясном зеркале ты можешь,
Взор в глаза свои вперяя,
Ту богиню увидать.

Неподвижна и безмолвна,
Для тебя единой зрима
На пороге черной двери —
На нее тогда смотри!
Но когда заслышишь песню,
Вдохновенную тобою, —
Эту дверь мне отопри.

3 апреля 1883

ВОЛЬНЫЙ СОКОЛ

Не воскормлён ты пищей нежной,
Не унесен к зиме в тепло,
И каждый час рукой прилежной
Твое не холено крыло.

Там, над скалой, вблизи лазури,
На умирающем дубу,
Ты с первых дней изведал бури
И с ураганами борьбу.

Дразнили молодую силу
И зной, и голод, и гроза,
И восходящему светилу
Глядел ты за море в глаза.

Зато, когда пора приспела,
С гнезда ты крылья распустил
И, взмахам их доверясь смело,
Ширяясь, пó небу поплыл.

<1884>

* * *

Не вижу ни красы души твоей нетленной,
Ни пышных локонов, ни ласковых очей,
Помимо я гляжу на жребий отдаленный
И слышу приговор безжалостных людей.

И только чувствую, что ты вот тут —
со мною,
Со мной! — и молодость, и суетную честь,
И всё, чем я дышал, — блаженною мечтою
Лечу к твоим ногам младенческим принесть.

<1884>

* * *

Ныне первый мы слышали гром,
Вот повеяло сразу теплом,
И пришло мне на память сейчас,
Как вчера ты измучила нас.
Целый день, холодна и бледна,
Ты сидела безмолвно одна;
Вдруг ты встала, ко мне подошла
И сказала, что всё поняла:
Что напрасно жалеть о былом,
Что нам тесно и тяжко вдвоем,
Что любви затерялась стезя,
Что так жить, что дышать так нельзя,
Что ты хочешь — решилась — и вдруг
Разразился весенний недуг,
И, забывши о грозных словах,
Ты растаяла в жарких слезах.

<1883>

МУЗА

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.
Пушкин

Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня,
Бичей подыскивать к закону.
Поэт, остановись! не призывай меня, —
Зови из бездны Тизифону.

Пленительные сны лелея наяву,
    Своей божественною властью
Я к наслаждению высокому зову
    И к человеческому счастью.

Когда, бесчинствами обиженный опять,
    В груди заслышишь зов к рыданью, —
Я ради мук твоих не стану изменять
    Свободы вечному призванью.

Страдать! — Страдают все — страдает
                                        темный зверь,
    Без упованья, без сознанья, —
Но перед ним туда навек закрыта дверь,
    Где радость теплится страданья.

Ожесточенному и черствому душой
    Пусть эта радость незнакома.
Зачем же лиру бьешь ребяческой рукой,
    Что не труба она погрома?

К чему противиться природе и судьбе? —
    На землю сносят эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы к борьбе,
    А исцеление от муки.

8 мая 1887

* * *

Жду я, тревогой объят,
Жду тут на самом пути:
Этой тропой через сад
Ты обещалась прийти.

Плачась, комар пропоет,
Свалится плавно листок...
Слух, раскрываясь, растет,
Как полуночный цветок.

Словно струну оборвал
Жук, налетевши на ель;

Хрипло подругу позвал
Тут же у ног коростель.

Тихо под сенью лесной
Спят молодые кусты...
Ах, как пахнуло весной!..
Это наверное ты!

13 декабря 1886

* * *

Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок,
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтам золотым отдавался вполне, —
Ничего ты на всё не ответила мне.

Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине, —
Ничего ты на всё не ответила мне.

Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты, —
Мне и тут ничего не ответила ты.

С опочившей я глаз был не в силах отвесть, —
Всю погасшую тайну хотел я прочесть.
И лица твоего мне простили ль черты? —
Ничего, ничего не ответила ты!

<1885>

* * *

Как беден наш язык! — Хочу и не могу. —
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.

Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

11 июня 1887

* * *

Ты помнишь, что́ было тогда,
Как всюду ручьи бушевали
И птиц косяками стада
На север, свистя, пролетали,

И видели мы средь ветвей,
Еще не укрытых листами,
Как, глазки закрыв, соловей
Блаженствовал в песне над нами.

К себе зазывала любовь
И блеском и страстью пахучей,
Не только весельем дубов,
Но счастьем и ивы плакучей.

Взгляни же вокруг ты теперь:
Всё грустно молчит, умирая,
И настежь раскинута дверь
Из прежнего светлого рая.

И новых приветливых звезд
И новой любовной денницы,
Трудами измучены гнезд,
Взалкали усталые птицы.

Не может ничто устоять
Пред этой тоской неизбежной,
И скоро пустынную гладь
Оденет покров белоснежный.

6 сентября 1885

* * *

Если радует утро тебя,
Если в пышную веришь примету, —
Хоть на время, на миг полюбя,
Подари эту розу поэту.

Хоть полюбишь кого, хоть снесешь
Не одну ты житейскую грóзу, —
Но в стихе умиленном найдешь
Эту вечно душистую розу.

10 января 1887

РЕБЕНКУ

Я слышу звон твоих речей,
Куда резвиться ни беги ты.
Я вижу детский блеск очей
И запылавшие ланиты.

Постой, — шалить не долгий срок:
Май остудить тебя сумеет,
И розы пурпурный шипок,
Вдруг раскрываясь, побледнеет.

18 апреля 1886

* * *

Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой поник, —
У дыханья цветов есть понятный язык:
Если ночь унесла много грез, много слез,

Окружусь я тогда горькой сладостью роз!
Если тихо у нас и не веет грозой,
Я безмолвно о том намекну резедой;
Если нежно ко мне приласкалася мать,
Я с утра уже буду фиалкой дышать;
Если ж скажет отец «не грусти, — я готов», —
С благовоньем войду апельсинных цветов.

3 августа 1887

ГОРНАЯ ВЫСЬ

Превыше туч, покинув горы
И наступя на темный лес,
Ты за собою смертных взоры
Зовешь на синеву небес.

Снегов серебряных порфира
Не хочет праха прикрывать;
Твоя судьба — на гранях мира
Не снисходить, а возвышать.

Не тронет вздох тебя бессильный,
Не омрачит земли тоска;
У ног твоих, как дым кадильный,
Виясь, тают облака.

Июль 1886

* * *

Как богат я в безумных стихах!
Этот блеск мне отраден и нужен:
Все алмазы мои в небесах,
Все росинки под ними жемчужин.

Выходи, красота, не робей!
Звуки есть, дорогие есть краски:
Это всё я, поэт-чародей,
Расточу за мгновение ласки.

Но когда ты приколешь цветок,
Шаловливо иль с думой лукавой,
И, как в дымке, твой кроткий зрачок
Загорится сердечной отравой,

И налет молодого стыда
Чуть ланиты овеет зарею, —
О, как беден, как жалок тогда,
Как беспомощен я пред тобою!

1 февраля 1887

* * *

Долго снились мне вопли рыданий твоих, —
То был голос обиды, бессилия плач;
Долго, долго мне снился тот радостный миг,
Как тебя умолил я — несчастный палач.

Проходили года, мы умели любить,
Расцветала улыбка, грустила печаль;
Проносились года, — и пришлось уходить:
Уносило меня в неизвестную даль.

Подала ты мне руку, спросила: «Идешь?»
Чуть в глазах я заметил две капельки слез;
Эти искры в глазах и холодную дрожь
Я в бессонные ночи навек перенес.

2 апреля 1886

* * *

Из дебрей туманы несмело
Родное закрыли село;
Но солнышком вешним согрело
И ветром их вдаль разнесло.

Знать, долго скитаться наскуча
Над ширью земель и морей,
На родину тянется туча,
Чтоб только поплакать над ней.

9 июня 1886

* * *

Есть ночи зимней блеск и сила,
Есть непорочная краса,
Когда под снегом опочила
Вся степь, и кровли, и леса.

Сбежали тени ночи летней,
Тревожный ропот их исчез,
Но тем всевластней, тем заметней
Огни безоблачных небес.

Как будто волею всезрящей
На этот миг ты посвящен
Глядеть в лицо природы спящей
И понимать всемирный сон.

<1885>

* * *

Через тесную улицу здесь, в высоте,
    Отворяя порою окошко,
Я не раз, отдаваясь лукавой мечте,
    Узнаю тебя, милая крошка.

Всё мне кажется, детски застенчивый взор
    Загорается вдруг не напрасно,
И ко мне наклоненный твой пышный пробор
    Я уж вижу не слишком ли ясно?

Вот и думаю: встретиться нам на земле
    Далеко так, пожалуй, и низко,
А вот здесь-то, у крыш, в набегающей мгле,
    Так привольно, так радостно-близко!

6 июня 1887

* * *

В вечер такой золотистый и ясный,
В этом дыханьи весны всепобедной
Не поминай мне, о друг мой прекрасный,
Ты о любви нашей робкой и бедной.

Дышит земля всем своим ароматом,
Небу разверстая, только вздыхает;
Самое небо с нетленным закатом
В тихом заливе себя повторяет.

Что же тут мы или счастие наше?
Как и помыслить о нем не стыдиться?
В блеске, какого нет шире и краше,
Нужно безумствовать — или смириться!

Январь 1886

* * *

Ты вся в огнях. Твоих зарниц
И я сверканьями украшен;
Под сенью ласковых ресниц
Огонь небесный мне не страшен.

Но я боюсь таких высот,
Где устоять я не умею.
Как сохранить мне образ тот,
Что придан мне душой твоею?

Боюсь — на бледный облик мой
Падет твой взор неблагосклонный,
И я очнусь перед тобой
Угасший вдруг и опаленный.

3 августа 1886

* * *

Вечный хмель мне не отрада —
Не ему моя любовь,
Не тяну я винограда
Одуряющую кровь.

Но порой резвó и пылко
Обновляя жизнь мою,
Для меня несет бутылка
Золотистую струю.

Рвутся нити, пробка рвется,
Напряженная давно,
И в стакан шумящий льется
Искрометное вино.

29 июля 1887

* * *

Сегодня день твой просветленья,
И на вершине красоты
Живую тайну вдохновенья
Всем существом вещаешь ты.

Мечты несбыточной подруга,
Царишь с поэтом ты вдвоем, —
А завтра, верно, мы друг друга
И не найдем и не поймем.

Так, невозможно-несомненно,
Огнем пронизан золотым,
С закатом солнечным мгновенно
Чертогов ярких тает дым.

19 июня 1887

ОБРОЧНИК

Хоругвь священную подъяв своей десной,
Иду — и тронулась за мной толпа живая,
И потянулись все по просеке лесной,
И я блажен и горд, святыню воспевая.

Пою — и помыслам неведом детский страх:
Пускай на пенье мне ответят воем звери, —
С святыней над челом и песнью на устах,
С трудом, но я дойду до вожделенной двери.

17 сентября 1889

* * *

Полуразрушенный, полужилец могилы,
О таинствах любви зачем ты нам поешь?
Зачем, куда тебя домчать не могут силы,
Как дерзкий юноша, один ты нас зовешь?

— Томлюся и пою. Ты слушаешь и млеешь;
В напевах старческих твой юный дух живет.
Так в хоре молодом: *Ах, слышишь, разумеешь!* —
Цыганка старая одна еще поет.

4 января 1888

* * *

Только что спрячется солнце,
Неба затеплив красу,
Тихо к тебе под оконце
Песню свою понесу.

Чистой и вольной душою,
Ясной и свежей, как ночь,
Смейся над песнью больною,
Прочь отгоняй ее, прочь!

Как бы за легким вниманьем
В вольное сердце дотоль
Вслед за живым состраданьем
Та же не вкралася боль!

14 января 1888

QUASI UNA FANTASIA[1]

Сновиденье,
Пробужденье,
Тает мгла.
Как весною,
Надо мною
Высь светла.

Неизбежно,
Страстно, нежно
Уповать,
Без усилий
С плеском крылий
Залетать

В мир стремлений,
Преклонений
И молитв;
Радость чуя,
Не хочу я
Ваших битв.

31 декабря 1889

РАКЕТА

Горел напрасно я душой,
Не озаряя ночи черной:
Я лишь вознесся пред тобой
Стезею шумной и проворной.

---

[1] Вроде фантазии (итал.). — *Ред.*

Лечу на смерть вослед мечте.
Знать, мой удел — лелеять грезы
И там со вздохом в высоте
Рассыпать огненные слезы.

24 января 1888

* * *

Упреком, жалостью внушенным,
Не растравляй души больной;
Позволь коленопреклоненным
Мне оставаться пред тобой!

Горя над суетной землею,
Ты милосердно разреши
Мне упиваться чистотою
И красотой твоей души.

Глядеть, каким прозрачным светом
Окружена ты на земле,
Как божий мир при свете этом
В голубоватой тонет мгле!

О, я блажен среди страданий!
Как рад, себя и мир забыв,
Я подступающих рыданий
Горячий сдерживать прилив!

31 января 1888

АЛМАЗ

Не украшать чело царицы,
Не резать твердое стекло,
Те разноцветные зарницы
Ты рассыпаешь так светло.

Нет! В переменах жизни тленной
Среди явлений пестрых — ты
Всё лучезарный, неизменный
Хранитель вечной чистоты.

9 февраля 1888

* * *

Как трудно повторять живую красоту
Твоих воздушных очертаний;
Где силы у меня схватить их на лету
Средь непрестанных колебаний?

Когда из-под ресниц пушистых на меня
Блеснут глаза с просветом ласки,
Где кистью трепетной я наберу огня?
Где я возьму небесной краски?

В усердных поисках всё кажется: вот-вот
Приемлет тайна лик знакомый, —
Но сердца бедного кончается полет
Одной бессильною истомой.

26 февраля 1888

ЗНОЙ

Что за зной! Даже тут, под ветвями,
Тень слаба и открыто кругом.
Как сошлись и какими судьбами
Мы одни на скамейке вдвоем?

Так молчать нам обоим неловко,
Что ни стань говорить — невпопад;
За тяжелой косою головка
Словно хочет склониться назад.

И как будто истомою жадной
Нас весна на припеке прожгла,
Только в той вон аллее прохладной
Средь полудня вечерняя мгла...

29 мая 1888

* * *

Теснее и ближе сюда!
Раскрой ненаглядное око!
Ты — в сердце с румянцем стыда.
Я — луч твой, летящий далеко.

На горы во мраке ночном,
На серую тучку заката,
Как кистью, я этим лучом
Наброшу румянца и злата.

Напрасно холодная мгла,
Чернея, всё виснет над нами, —
Пускай и безбрежность сама
От нас загорится огнями.

4 сентября 1888

* * *

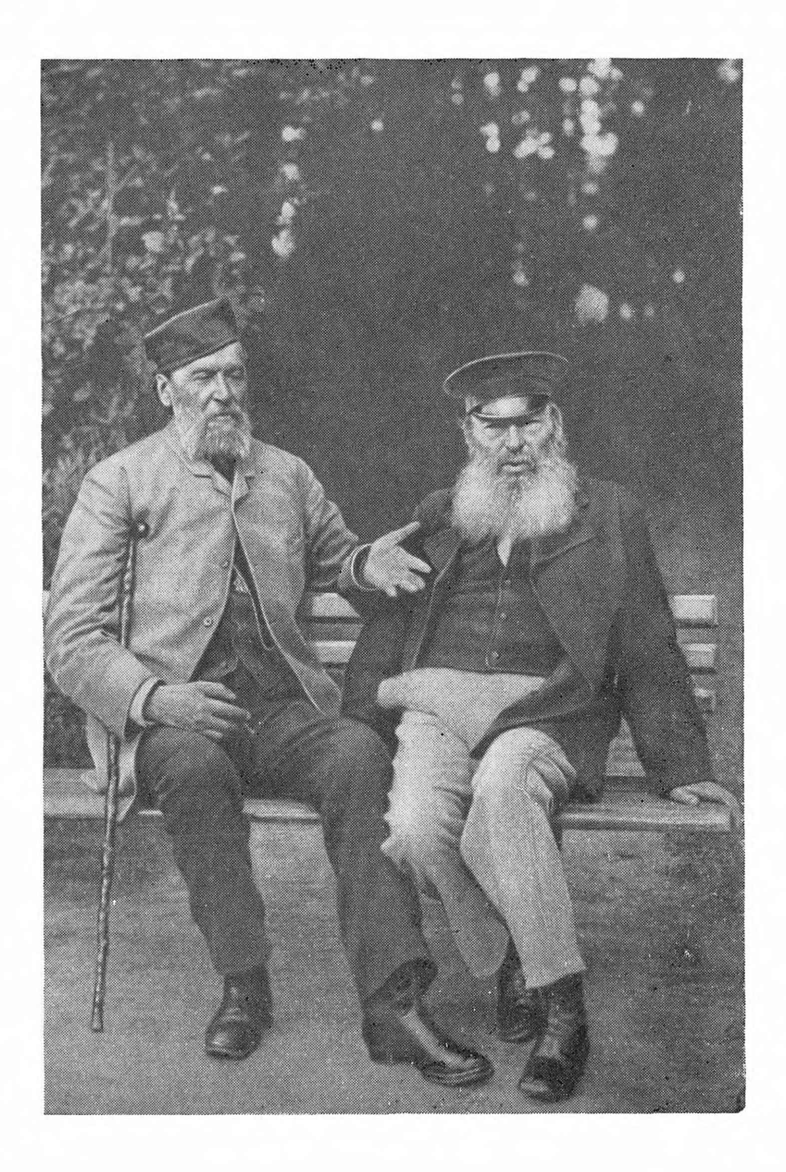
Роями поднялись крылатые мечты
В весне кругом себя искать душистой пищи,
Но на закате дня к себе, царица, ты
Их соберешь ко сну в таинственном жилище.

А завтра на заре вновь крылья зажужжат,
Чтобы к незримому, к безвестному стремиться:
Где за ночь расцвело, где первый аромат —
Туда перенестись и в пышной неге скрыться.

17 февраля 1889

ОНА

Две незабудки, два сапфира —
Ее очей приветный взгляд,
И тайны горнего эфира
В живой лазури их сквозят.



Ее кудрей руно златое
В таком свету, какой один,
Изображая неземное,
Сводил на землю Перуджин.

20 марта 1889

НА КАЧЕЛЯХ

И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.

И чем ближе к вершине лесной,
Чем страшнее стоять и держаться,
Тем отрадней взлетать над землей
И одним к небесам приближаться.

Правда, это игра, и притом
Может выйти игра роковая,
Но и жизнью играть нам вдвоем —
Это счастье, моя дорогая!

26 марта 1890

К НЕЙ

Кто постигнет улыбку твою
И лазурных очей выраженье,
Тот поймет и молитву мою
И восторженных уст песнопенье.

День смолкает над жаркой землей,
И, нетленной пылая порфирой,
Вот он сам, Аполлон молодой,
Вдаль уходит с колчаном и лирой.

Пусть ты отблеск, пленяющий нас,
Пусть за ним ты несешься мечтою,
Но тебе — наш молитвенный час,
Что слетает к нам в душу с зарею.

21 апреля 1890

* * *

Была пора, и лед потока
Лежал под снежной пеленой,
Недосягаемо для ока
Таился речки бег живой.

Пришла весна, ее дыханье
Над снежным пронеслось ковром,
И стали видны содроганья
Струи, бегущей подо льдом.

И близки дни, когда все блага
К нам низведет пора любви
И мне зарей раскроет влага
Объятья чистые свои.

1 апреля 1890

* * *

Давно ль на шутки вызывала
Она, дитя, меня сама?
И вот сурово замолчала,
Тепло участия пропало,
И на душе ее зима.

— Друг, не зови ее суровой.
Что снегом ты холодным счел —
Лишь пробужденье жизни новой,
Сплошной душистый цвет садовый,
Весенний вздох и счастье пчел.

22 апреля 1890

* * *

Людские так грубы слова,
Их даже нашептывать стыдно!
На цвет, проглянувший едва,
Смотреть при тебе мне завидно.

Вот роза раскрыла уста, —
В них дышит моленье немое,
Чтоб ты пребывала чиста,
Как сердце ее молодое.

Вот, нежа дыханье и взор,
От счастия роза увяла
И свой благовонный убор
К твоим же ногам разроняла.

Начало октября 1889

* * *

Из тонких линий идеала,
Из детских очерков чела
Ты ничего не потеряла,
Но всё ты вдруг приобрела.

Твой взор открытей и бесстрашней,
Хотя душа твоя тиха;
Но в нем сияет рай вчерашний
И соучастница греха.

11 ноября 1890

* * *

Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал,
Ни за что б я тебе этих слов не сказал;
Я боялся б тебя возмутить, оскорбить
И последнюю искру в тебе погасить.

Или воли не хватит смотреть и страдать?
Я бы мог еще долго и долго молчать, —
Но, начав говорить о другом, — я солгу,
А глядеть на тебя я и лгать — не могу.

18 января 1891

* * *

Весь вешний день среди стремленья
Ты безотрадно провела
И след улыбки утомленья
В затишье ночи принесла.

Но, верить и любить готова,
Душа к стопам твоим летит,
И всё мне кажется, что снова
Живее цвет твоих ланит.

Кто, сердцеведец, разгадает —
Что́ в этом кроется огне?
Былая скорбь, что угасает,
Или заря навстречу мне?

21 января 1891

* * *

Безобидней всех и проще
В общем хоре голосистом
Вольной птицей в вешней роще
Раздражал я воздух свистом.

Всё замолкло пред зимою,
Нет и птиц на голой ветке,
Но, счастливец, — я тобою
В золотой задержан клетке.

Дай мне ручку, дорогая, —
К ней прильнуть трепещут крылья!
Пусть умру я, распевая,
От восторгов и усилья.

22 января 1891

* * *

Завтра — я не различаю;
Жизнь — запутанность и сложность!
Но сегодня, умоляю,
Не шепчи про осторожность!

Где владеть собой, коль глазки
Влагой светятся туманной,
В час, когда уводят ласки
В этот круг благоуханный?

Размышлять не время, видно,
Как в ушах и в сердце шумно;
Рассуждать сегодня — стыдно,
А безумствовать — разумно.

25 января 1891

* * *

Я слышу — и судьбе я покоряюсь грозной,
Давно я сам себе сказал: не прекословь;
Но перед жертвою покорною и слезной
Зачем же замолчать совсем должна любовь?

Пусть радость хоть на миг не слышит порицанья,
Пусть завтра — строгий чин, всё тот же,
как вчера, —
Но ныне страсть в глазах, и долгие лобзанья,
И пламенных надежд отважная игра!

27 февраля 1891

* * *

Роящимся мечтам лететь дав волю
К твоим стопам,
Тебя никак смущать я не дозволю
Любви словам.

Я знаю, мы из разных поколений
С тобой пришли,
Несходных слов и розных откровений
Мы принесли.

Перед тобой во храмине сердечной
Я затворюсь
И юности ласкающей и вечной
В ней помолюсь.

14 мая 1891

* * *

Я говорю, что я люблю с тобою встречи
За голос ласковый, за нежный цвет ланит,
За блеск твоих кудрей, спадающих на плечи,
За свет, что в глубине очей твоих горит.

О, это всё — цветы, букашки и каменья,
Каких ребенок рад набрать со всех сторон
Любимой матери в те сладкие мгновенья,
Когда ей заглянуть в глаза так счастлив он.

29 мая 1891

* * *

Давно в любви отрады мало:
Без отзыва вздохи, без радости слезы;
Что было сладко — горько стало,
Осыпались розы, рассеялись грезы.

Оставь меня, смешай с толпою!
Но ты отвернулась, а сетуешь, видно,
И всё еще больна ты мною...
О, как же мне тяжко и как мне обидно!

24 июня 1891

МЕСЯЦ И РОЗА

Он

Встал я рано над горой,
Чтоб расцвет увидеть твой,
И гляжу с мольбой всю ночь.
Ты молчишь, не гонишь прочь,
Но навстречу мне твой куст
Не вскрывает алых уст.

Она

Не сравнится вздох ничей
С чистотой твоих лучей,
Но не им будить меня:
Жду лобзаний жарких дня,
Жду венчанного царя;
Для него таит заря
Благовонные красы
Под алмазами росы.

25 сентября 1891

* * *

Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело, —
Я ничего не пойму.

Ветер. Кругом всё гудет и колышется,
Листья кружатся у ног.
Чу, там вдали неожиданно слышится
Тонко взывающий рог.

Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что́ мне листы!
Кажется, издали странника бедного
Нежно приветствуешь ты.

4 ноября 1891

ПОЧЕМУ?

Почему, как сидишь озаренной,
Над работой пробор наклоня,
Мне сдается, что круг благовонный
Всё к тебе приближает меня?

Почему светлой речи значенья
Я с таким затрудненьем ищу?
Почему и простые реченья
Словно томную тайну шепчу?

Почему как горячее жало
Чуть заметно впивается в грудь?
Почему мне так воздуху мало,
Что хотел бы глубоко вздохнуть?

3 декабря 1891

* * *

Не отнеси к холодному бесстрастью,
Что на тебя безмолвно я гляжу;
Ступенями к томительному счастью
Не меньше я, чем счастьем, дорожу.

С собой самим мне сладко лицемерить,
Хоть я давно забыл о всем ином,
И верится, и не хочу я верить,
Что нет преград, что мы одни вдвоем.

Мой поцелуй, и пламенный и чистый,
Не вдруг спешит к устам или щеке;
Жужжанье пчел над яблонью душистой
Отрадней мне замолкнувших в цветке.

15 февраля 1892

* * *

Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчас сердцем не вспорхнуть;
Не могу, наперекор привычке,
Как войдешь, — хоть молча не вздохнуть.

Ты не вспыхнешь, ты не побледнеешь,
Взоры полны тихого огня;
Больно видеть мне, как ты умеешь
Не видать и не слыхать меня.

Я тебя невольно беспокою,
Торжество должна ты искупить:
На заре без туч нельзя такою
Молодой и лучезарной быть!

16 февраля 1892

* * *

Рассыпаяся смехом ребенка,
Явно в душу мою влюблены,
Пролетают прозрачно и звонко
Надо мною блаженные сны.

И, мгновенной охвачен истомой,
Снова молодость чую свою;
Узнаю я и голос знакомый
И победный призыв узнаю.

И когда этой песне внимаю,
Окрыленный восторгом, не лгу,
Что я всё без речей понимаю
И к чему призывает — могу!

13 марта 1892

* * *

Когда смущенный умолкаю,
Твоей суровостью томим,
Я всё в душе не доверяю
Холодным колкостям твоим.

Я знаю, иногда в апреле
Зима нежданно набежит
И дуновение метели
Колючим снегом закружит.

Но миг один — и солнцем вешним
Согреет юные поля,
И счастьем светлым и нездешним
Дохнет воскресшая земля.

26 марта 1892

* * *

Она ему — образ мгновенный,
Чарующий ликом своим,
Он — помысл ее сокровенный;
Да кто это знает, да кто это выскажет им?

И, словно велением рока,
Их юные крылья несут...
Так теплится счастье далеко,
Так холоден ближний, родимый приют!

Пред ним — сновидение рая,
Всевластный над ней серафим;
Сгорает их жизнь молодая...
Да кто это знает, да кто это выскажет им?

3 апреля 1892

* * *

Ночь лазурная смотрит на скошенный луг.
Запах роз под балконом и сена вокруг;
Но зато ль, что отрады не жду впереди, —
Благодарности нет в истомленной груди.

Всё далекий, давнишний мне чудится сад, —
Там и звезды крупней, и сильней аромат,
И ночных благовоний живая волна
Там доходит до сердца, истомы полна.

Точно в нежном дыханьи травы и цветов
С ароматом знакомым доносится зов,
И как будто вот-вот кто-то милый опять
О восторге свиданья готов прошептать.

12 июня 1892

* * *

Тяжело в ночной тиши
Выносить тоску души
Пред безглазым домовым,
Темным призраком немым,
Как стихийная волна
Над душой одна вольна.

Но зато люблю я днем,
Как замолкнет всё кругом,
Различать, раздумья полн,
Тихий плеск житейских волн.
Не меня гнетет волна,
Мысль свежа, душа вольна;
Каждый миг сказать хочу:
«Это я!» Но я молчу.

15 сентября 1892

ПОСЛАНИЯ, ПОСВЯЩЕНИЯ И СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

КОРОЛЕВЕ ЭЛЛИНОВ ОЛЬГЕ КОНСТАНТИНОВНЕ

Всю жизнь душа моя алкала,
Всю жизнь, среди пустынь и скал,
Святого храма идеала,
Усталый путник, я искал.

И вот за дальними морями
Провижу чистый этот храм,
И окрыленными мечтами
Несусь припасть к твоим стопам.

Но замирают звуки лиры
В руках дряхлеющих певца:
Его смущает вид порфиры
И ослепляет блеск венца.

Воздвигни ж хоры песнопений,
Младые окрыли мечты,
Царица светлых вдохновений
И королева красоты!

29 декабря 1886

ЕЙ ЖЕ

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ЕЕ ПОРТРЕТА

Звезда сияла на востоке,
И из степных далеких стран
Седые понесли пророки
В дань злато, смирну и ливан.

Изумлены ее красою,
Волхвы маститые пошли
За путеводною звездою
И пали до лица земли.

И предо мной, в степи безвестной,
Взошла звезда твоих щедрот:
Она свой луч в красе небесной
На поздний вечер мой прольет.

Но у меня для приношенья
Ни злата, ни ливана нет, —
Лишь с фимиамом песнопенья
Падет к стопам твоим поэт.

1 апреля 1887

ЕЙ ЖЕ

11 ИЮЛЯ 1891 ГОДА

Когда-то Ольга душу живу
У греков в вере обрела
И райский кедр и божью ниву
На север с юга привлекла.

И вот прошло тысячелетье —
И над полуночной страной
Склонилось древа жизни ветье
Неувядающей весной.

Среди духовного посева,
В веках созревшего опять,
Несет нам Ольга-королева
Красу и божью благодать.

Полней семья ее родная,
И снова восхищает взор
И Ольга, царственно благая,
И вестник счастья — Христофор.

4 июля 1891

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Сплывают ледяные своды.
Твое явилось через воды
Письмо с короной золотой.
Ко мне, простившись со столицей,
Примчались звучной вереницей
Стихи, пропетые тобой.

Ужели жизнь опять приветна?
Ужель затихли безответно
И буря, и недуга злость?
Какая весть благоволенья!
Какая свежесть вдохновенья!
Какой в глуши высокий гость!

Весной нежданной сладко веет,
В груди теплей, в глазах светлеет,
Я робко за тобой пою,
И сердце благодарно снова
За жар живительного слова,
За юность светлую твою.

25 марта 1887

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ЕЛИСАВЕТЕ МАВРИКИЕВНЕ

Давно познав, как ранят больно
Иные тернии венков,
Нередко с грустию невольной
Гляжу на юношей-певцов.

Но пред высокою четою
В душе моей всегда светло:
За вдохновенной головою
Белеет ангела крыло.

Оно поэту в миг сомнений,
В минуту затаенных слез
Навеет горних сновидений
И аромата райских роз.

30 января 1889

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Когда, колеблем треволненьем,
Лавровый обронив венец,
Ты загрустил, что вдохновеньем
Покинут, молодой певец, —

Я знал, что сила музы пленной
Тебе на счастие растет,
Что чад рассеется мгновенный,
И снова, светлый, вдохновенный,
Мне милый голос запоет.

И вот из северной столицы,
Восторгов вешних не тая,
С зеленой веткой голубицы
Ко мне примчалась песнь твоя.

8 мая 1890

ЕМУ ЖЕ

Не сетуй, будто бы увяла
Мечта, встречавшая зарю,
И что давно не призывала
Тебя богиня к алтарю.

И сам ты — храм любвеобильный,
И усладительной волной
В него влетает зов всесильный,
Колебля свод его живой.

Пускай чредой неутомимой
Теснятся трудовые дни,
Но помним мы, что там незримый
Орган безмолвствует в тени.

Когда затихнут на мгновенье
И блеск и шум, — тогда лови
И мир души и вдохновенье,
И нам запой слова любви!

24 августа 1891

ЕМУ ЖЕ

ПРИ КНИГЕ „МОИ ВОСПОМИНАНИЯ“

Пред вами правда несомненно
О всем, что было и прошло;
Тут признается откровенно
В пережитом добро и зло.

Но средь заносчивой огласки
Не говорят уста мои,
Какие старец встретил ласки
Великокняжеской семьи.

Сказать, как жизнь мне озарило
Сиянье царственных светил,
У сельской музы не хватило
Ни дерзновения, ни сил.

13 марта 1890

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ЕЛИСАВЕТЕ МАВРИКИЕВНЕ

ПРИ ВЗГЛЯДЕ НА ИХ ПОРТРЕТЫ

Сердце желанием встречи томимо,
Тайные слезы стыдятся улики;
Смотрят вослед проходящему мимо
Ваши прелестные, кроткие лики.

Эти два снимка начерчены Фебом,
Горе при них исчезает мгновенно;
Как суждено расцвести ей под небом,
Юная их красота неизменна.

Вижу сиянье и вижу участье,
Нежные помыслов светлых владыки!
В душу вселяют и радость, и счастье
Ваши высокие кроткие лики.

4 июня 1889

ИМ ЖЕ

Когда дыханье множит муки
И было б сладко не дышать,
Ка́к вновь любви расслышать звуки
И ка́к на зов тот отвечать?

Привет ваш райскою струною
Обитель смерти пробудил,
На миг вскипевшею слезою
Он взор страдальца остудил.

И на земле, где всё так бренно,
Лишь слез подобных ясен путь:
Их сохранит навек нетленно
Пред вами старческая грудь.

23 октября 1892

НА БРАКОСОЧЕТАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ГЕОРГИЕВНЫ

Не воспевай, не славословь
Великокняжеской порфиры, —
Поведай первую любовь
И возвести струнами лиры:

Кто сердце девы молодой
Впервые трепетать заставил?
Не ты ли, витязь удалой,
Красавец, царский конник, Павел?

Созданий сказочных мечту
Твоя избранница затмила,
Трех поколений красоту
Дочь королевы совместила.

Суля чете блаженства дни,
Пред ней уста немеют наши:
Цветов, влюбленных, как они,
Двух в мире не найдется краше.

9 мая 1889

НА ПОГРЕБЕНИЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ГЕОРГИЕВНЫ

18 СЕНТЯБРЯ 1891 ГОДА

Там, где на красные ступени,
У гроба, где стоите вы,
Склонялись царские колени
И венценосные главы,

Немеет скорбь, сгорают слезы,
Когда, как жертва убрана,
Нежней и чище вешней розы,
Сама безмолвствует она.

Лишь миг цвела она меж нами
С улыбкой счастия в тиши,

Чтоб восприяли мы сердцами
Весь аромат ее души.

Нам не поведал ангел света,
Зачем, когда переносил
К нам райский цвет он в час расцвета,
Его он в бездну уронил.

Иль полным благодатной силы
Цветку расцвесть в руке творца,
Чтобы скорбящих у могилы
Родные врачевать сердца?

Сентябрь 1891

ПАМЯТИ Д. Л. КРЮКОВА

Когда светильником пред нашими очами
Ко храму римских муз ты озарял ступень
И чудилося нам невольно, что над нами
Горация витает тень, —

Впервые тихие и радостные слезы
Исторгнул дышащий из уст твоих певец:
Пленили нас его неблекнущие розы
И зеленеющий венец.

В замолкнувший чертог к Минерве и к Зевесу
Вслед за тобой толпа ликующая шла, —
И тихо древнюю ты раздвигал завесу
С громодержащего орла.

Но светоч твой угас. Надежного союза
Судьба не обрекла меж нами и тобой —
И, лиру уронив, поникла молча муза
В слезах над урной гробовой.

1855

НА СМЕРТЬ А. В. ДРУЖИНИНА

19 ЯНВАРЯ 1864 ГОДА

Умолк твой голос навсегда
И сердце жаркое остыло,
Лампаду честного труда
Дыханье смерти погасило.

На мир усопшего лица
Кладу последнее лобзанье.
Не изменили до конца
Тебе ни дружба, ни призванье.

Изнемогающий больной,
Души ты не утратил силу,
И жизни мутною волной
Ты чистым унесен в могилу.

Спи! Вечность правды настает,
Вокруг стихает гул суровый,
И муза строгая кладет
Тебе на гроб венок лавровый.

19 января 1864

ПАМЯТИ В. П. БОТКИНА

16 ОКТЯБРЯ 1869 ГОДА

Прости! Разверстая могила
Тебя отдаст родной земле;
Скажи: что смерть изобразила
На этом вдумчивом челе?

Ужель, добра поклонник страстный,
Ты буйству века уступил
И обозвал мечтой напрасной,
Чему всю жизнь не изменил?

Ужель сказал: «За вами поле,
Вы правы, тщетен наш союз!
Я ухожу, — нет в мире боле
Ни светлых дум, ни вещих муз».

Нет! покидая жизнь земную,
Ты вспять стопы не обращал
И тихо лепту трудовую
Трем старшим музам завещал. [1]

Октябрь 1869

ПАМЯТИ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Если жить суждено и на свет не родиться нельзя,
Как завидна, о странник почивший, твоя мне стезя! —
Отдаваясь мысли широкой, доступной всему,
Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму.

Постигая, что мир только право живущим хорош,
Ты восторгов опасных старался обуздывать ложь;
И у южного моря, за вечной оградою скал,
Ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал.

3—5 июля 1886

НА СМЕРТЬ БРАЖНИКОВА

Взвод, вперед, справа по три, не плачь!
Марш могильный играй, штаб-трубач!
Словно ясная тучка зарей,
Ты погаснул, собрат молодой!
Как печаль нам утешить свою,
Что ты с нами не будешь в строю?
Гребень каски на гробе ведь наш,
Где с ножна́ми скрестился палаш.
Лишь тебя нам с пути не вернуть!
Не вздохнет молодецкая грудь,
И рука, цепенея как лед,
На прощанье ничьей не пожмет.
Но, безмолвный красавец, в гробу
Ты дрожащую слышишь трубу,

---

[1] Завещал капитал университету, консерватории и школе живописи.

И тебе и в земле не забыть,
Как тебя мы привыкли любить.
Взвод, вперед, справа по три, не плачь!
Марш могильный играй, штаб-трубач!

Июль 1845

НА СМЕРТЬ МИТИ БОТКИНА

Тебя любили мы за резвость молодую,
За нежность милых слов...
Друг Митя, ты унес нежданно в жизнь иную
Надежды стариков!

Уже слетел недуг, навеян злобным роком,
Твой пышный цвет сорвать;
Дитя, ты нам предстал тогда живым уроком,
Как жить и умирать!

Когда, теряясь, все удерживали слезы
Над мальчиком больным,
Блаженные свои и золотые грезы
Передавал ты им.

И перед смертию, живой исполнен ласки,
Ты взор обвел кругом
И тихо сам закрыл младенческие глазки,
Уснув последним сном...

15 декабря 1886

ПАМЯТИ С. С. БОТКИНОЙ

Ужель на вопль и зов молебный
Ты безучастно промолчишь?
Ужель улыбкой задушевной
Семьи опять не озаришь?

Забыв и радости земные
И милосердия дела,

Ты, покидая нас впервые,
За сыном-отроком ушла.

Разлуки нет. Твой образ милый
Чрез жизнь мы в сердце пронесем,
И там, за рубежом могилы,
Навек обнять тебя придем.

Между 7 и 10 марта 1889

ОТВЕТ ТУРГЕНЕВУ

Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью
Мы любим родину с тобой?
Зачем в разлуке с ней, наперекор злословью,
Готово сердце в нас истечь до капли кровью
По красоте ее родной?

Что ж! пусть весна у нас позднее и короче,
Но вот дождались наконец:
Синей, мечтательней божественные очи,
И раздражительней немеркнущие ночи,
И зеленей ее венец.

Вчера я шел в ночи и помню очертанье
Багряно-золотистых туч.
Не мог я разгадать: то яркое сиянье —
Вечерней ли зари последнее прощанье
Иль утра пламенного луч?

Как будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица севера спала,
Под обаяньем сна горда и неизменна,
И над громадой ночь, бледна и вдохновенна,
Как ясновидящая шла.

Не верилося мне, а взоры различали,
Скользя по ясной синеве,
Чьи корабли вдали на рейде отдыхали, —
А воды, не струясь, под ними отражали
Все флаги пестрые в Неве.

Заныла грудь моя — но в думах окрыленных
С тобой мы встретилися, друг!
О, верь, что никогда в объятьях раскаленных
Не мог таких ночей, вполне разоблаченных,
Лелеять сладострастный юг!

1856

Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой,
И, тихо наклонясь усталой головой,
Напрасно смотришь ты с язвительной улыбкой
На благородный подвиг свой.

Судьба тебя тоской непраздной истерзала,
В измученной груди волшебный голос жив;
В нем слышен жар любви, в нем жажда идеала
И сердца смелого порыв.

Так, навсегда простясь с родимою скалою,
Затерянный в песках рассыпчатых степей,
Встречает путников, томящихся от зною,
Из камня брызнувший ручей.

1856

ТУРГЕНЕВУ

Прошла зима, затихла вьюга, —
Давно тебе, любовник юга,
Готовим тучного тельца;
В снегу, в колючих искрах пыли
В тебе мы друга не забыли
И заждались обнять певца.

Ты наш. Напрасно утром рано
Ты будишь стражей Ватикана,
Вот за решетку ты шагнул,
Вот улыбнулися антики,

И долго слышат мозаики
Твоих шагов бегущий гул.

Ты наш. Чужда и молчалива
Перед тобой стоит олива
Иль зонтик пинны молодой;
Но вечно радужные грезы
Тебя несут под тень березы,
К ручьям земли твоей родной.

Там всё тебя встречает другом:
Черней бразда бежит за плугом,
Там бархат степи зеленей,
И, верно, чуя, что просторней, —
Смелей, и слаще, и задорней
Весенний свищет соловей.

Начало 1858

БРЖЕСКИМ

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ЦВЕТОВ И НОТ

Откуда вдруг в смиренный угол мой
Двоякой роскоши избыток,
Прекрасный дар, нежданный и двойной, —
Цветы и песни дивной свиток?

Мой жадный взор к чертам его приник,
Внемлю живительному звуку,
И узнаю под бархатом гвоздик
Благоухающую руку.

Начало сентября 1847

А. Ф. БРЖЕСКОМУ

Из смертных, жизнью пресыщенных,
Кто без отравы чашу пил?
От всех подонков возмущенных
Язык мой горечь сохранил.

И та, чей нежный зов участья
С земли мечты мои вознес,
Мне подавая кубок счастья,
В него роняла капли слез.

К чему по прихоти мгновенной
Тревожить мертвых сон святой!
До дна тот кубок вдохновенный
Скупой отравлен был судьбой.

Лишь ты один, ты не скупился,
По сердцу брат мой, Алексей!
Коль чашей счастья ты делился, —
Делился чистой, полной, всей.

Вот почему, за юность нашу
Хваля харит, я не грешу
И дружбы общую нам чашу
К устам с восторгом подношу.

1866

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Далекий друг, пойми мои рыданья,
Ты мне прости болезненный мой крик.
С тобой цветут в душе воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвык.

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Где ж это всё? Еще душа пылает,
По-прежнему готова мир объять.
Напрасный жар! Никто не отвечает,
Воскреснут звуки — и замрут опять.

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мне голос твой принес.

В ланитах кровь, и в сердце вдохновенье. —
Прочь этот сон, — в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что́ жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.

28 января 1879

ЕЙ ЖЕ

Опять весна! опять дрожат листы
С концов берез и на макушке ивы.
Опять весна! опять твои черты,
Опять мои воспоминанья живы.

Весна! весна! о, как она крепит,
Как жизненной нас учит верить силе!
Пускай наш добрый, лучший друг наш спит
В своей цветами убранной могиле, —

Он говорит: «Приободрись и ты:
Нельзя больной лелеять два недуга».
Когда к нему ты понесешь цветы,
Снеси ему сочувствие от друга.

Минувшего нельзя нам воротить,
Грядущему нельзя не доверяться,
Хоть смерть в виду, а всё же нужно жить;
А слово: жить — ведь значит: покоряться.

1879

ЕЙ ЖЕ

Нет, лучше голосом ласкательно обычным
Безумца вечного, поэта, не буди;
Оставь его в толпе ненужным и безличным
За шумною волной безмолвному идти.

Зачем уснувшего будить к тоске бессильной?
К чему шептать про свет, когда кругом темно,
И дружеской рукой срывать покров могильный
С того, что спать навек в груди обречено?

Ведь это прах святой затихшего страданья!
Ведь это милые почившие сердца!
Ведь это страстные, блаженные рыданья!
Ведь это тернии колючего венца!

1 апреля 1886

С. П. ХИТРОВО

Я опоздал — и как жалею!
Уж солнце скрылося в ночи.
Я не видал, когда в аллею
Оно кидало нам лучи.

Но силу летнего сиянья
Не всю умчал минувший день,
Его отрадного прощанья
Не погасила ночи тень.

Еще пред дымкою туманной
Как очарованный стою,
Еще в заре благоуханной
Дыханье неба узнаю.

1882 (?)

ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ

Где средь иного поколенья
    Нам мир так пуст,
Ловлю усмешку утомленья
    Я ваших уст.

Мне всё сдается: миновали
    Восторги роз,

Цветы последние увяли:
Побил мороз.

И безуханна, бесприветна
Тропа и там,
Где что-то бледное заметно
По бороздам.

Но знаю, в воздухе нагретом,
Вот здесь со мной,
Цветы задышат прежним летом
И резедой.

24 декабря 1889

ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ

Когда так нежно расточала
Кругом приветы взоров ты,
Ты мимолетно разгоняла
Мои печальные мечты.

И вот, исполнен обаянья
Перед тобою, здесь, в глуши,
Я понял, светлое созданье,
Всю чистоту твоей души.

Пускай терниста жизни проза,
Я просветлеть готов опять
И за тебя, звезда и роза,
Закат любви благословлять.

Хоть меркнет жизнь моя бесследно,
Но образ твой со мной везде;
Так светят звезды всепобедно
На темном небе и в воде.

1866

К ПОРТРЕТУ ГРАФИНИ С. А. ТОЛСТОЙ

И вот портрет! И схоже и несхоже.
В чем сходство тут, несходство в чем найти?
Не мне решать; но можно ли, о боже,
Сердечнее, отраднее цвести?

Где красота, там споры не у места:
Звезда горит — как знать, каким огнем?
Пусть говорят: «Тут девочка-невеста,
Богини мы своей не узнаем».

Но все толпой коленопреклонённой
Мы здесь упасть у ваших ног должны,
Как в прелести и скромной и нетленной
Вы смотрите на наши седины.

27 апреля 1885

ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ

Я не у вас, я обделен!
Как тяжело изнеможенье;
У вас — порывы, блеск, движенье,
А у меня — не бред, а сон.

Какое счастье хоть на миг
Залюбоваться жизни далью,
Призыв заслышать над роялью, —
Я всё признал бы и постиг.

Я б снова трепет ощутил,
Целебной силой с прежним схожий;
Я б верил вновь, что ангел божий
Пришел и воду возмутил.

28 мая 1886

ЕЙ ЖЕ

ВО ВРЕМЯ МОЕГО 50-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ

Пора! по влаге кругосветной
Я в новый мир перехожу
И с грустью нежной и заветной
На милый север свой гляжу.

Жестокой уносим волною,
С звездой полярною в очах,
Я знаю, ты горишь за мною
В твоей красе, в твоих лучах.

19 февраля 1889

В АЛЬБОМ П. А. КОЗЛОВУ

Тому, что было, не бывать —
Иные сны, иное племя;
Зачем же рифмы призывать,
Как будто прежнее то время?

Волшебных грез рассеян рой,
А в грусти стыдно признаваться;
Ужель остывшею слезой
Еще последней расписаться?

Декабрь 1879

ГРАФУ А. В. ОЛСУФЬЕВУ

Второй бригады из-за фронта
Перед тобою мой Пегас,
Хоть сбросил он Беллерофонта,
Всё ж на смотру — не ровен час.

Ты сам заметишь поначалу:
Каким он был, ему не быть,
И как служил он Ювеналу,
Улану ныне не служить.

Но в шенкелях его исправно
Перед тобой провесть хочу,
И лишь твое услышу: «Славно!» —
Я «Рад стараться!» прокричу.

4 октября 1886

ГРАФИНЕ А. А. ОЛСУФЬЕВОЙ

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОТ НЕЕ ГИАЦИНТОВ

В смущеньи ум, не свяжешь взглядом,
И нем язык:
Вы с гиацинтами — и рядом
Больной старик.

Но безразлично, беззаветно
Власть вам дана:
Где вы царите так приветно —
Всегда весна.

2 января 1887

Е. С. ХОМУТОВОЙ

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОТ НЕЕ ПЫШНОГО БУКЕТА ЦВЕТНОЙ КАПУСТЫ

Соизмеряя дар с приветом,
Дерзаю высказать в ответ,
Что в мире никаким букетам
Не уступает ваш букет.

Его значенье многосложно
И в силах вдохновить певца;
Его принять с поклоном можно,
И можно скушать до конца.

5 мая 1888

Е. С. ХОМУТОВОЙ
ПРИСЛАВШЕЙ МНЕ ЦВЕТЫ

Цветы и песни с давних лет
В благоухающем союзе;
И благовонный ваш привет
Вручил я пристыженной музе.

Но ей до вас так далеко,
Что состязанье безрассудно:
Ее украсить вам легко,
Ей заслужить венок так трудно!

7 августа 1885

ГРАФИНЕ Н. М. СОЛЛОГУБ

Вам песнь моя. В степи мирской,
Среди толпы бесцветно-бледной,
Лишь вы поэта за собой
Красой влечете всепобедной.

Прелестны матовым челом,
Могучи пышными кудрями,
Вы обаятельны умом,
Очаровательны очами.

Что смертных трогает сердца,
Внушите вы послушной лире,
И слово на устах певца
При вас цветет пышней и шире.

16 февраля 1888

ЕЙ ЖЕ

Тобой привычный восхищаться,
Я втайне верить был готов,
Что можно лире приближаться
К твоей красе красою строф.

Но вижу в состязаньи струнном,
Двойным восторгом трепеща,
Что на челе золоторунном
Непобедим венок плюща.

24 января 1891

ЕЙ ЖЕ

О Береника! Сердцем чую
Заочный блеск и власть красы,
И помню россыпь золотую
Твоей божественной косы.

Не нам, с волненьями земными,
К ее разливу припадать!
Ей место — с песнями твоими
Между созвездьями сиять.

Ну что за добрая догадка —
Вдруг «отче» молвить мне шутя!
Так по головке умной сладко
Погладить дивное дитя!

28 января 1892

Л. И. ОФРОСИМОВОЙ

ПРИ ПОСЫЛКЕ ПОРТРЕТА

Гляжу с обычным умиленьем
На ваши кроткие черты,
И сердце светлым вдохновеньем
Наполнил образ красоты.

Какой обмен несправедливый!
Вдруг получить издалека
Вам, юной, свежей и красивой,
Печальный образ старика!

8 февраля 1888

И. Ф. ОФРОСИМОВУ

НА ЮБИЛЕЙ КОНСКОГО ЕГО ЗАВОДА В СЕЛЕ БЕРЕЗОВЦЕ

Да, я не Пиндар: мне страшней
Всего торжественная ода, —
Березовец и юбилей
Рожденья конского завода.

Когда б слова в стихах моих
Ложились выпуклы и ковки,
Вставали разом бы из них
Копыта, шейки и головки.

Следя за каждою чертой,
Знаток не проходил бы мимо,
Не восхитившись красотой
Любимца или *Ибрагима*.

Я, лавры оглася твои
И все стяжанные награды,
В заводе конском Илии
Нашел бы звуки Илиады.

Но этих звуков-то и нет,
И я, греметь бессильный оду,
Лишь пожелаю много лет
Тебе и твоему заводу!

17 июня 1888

НА БРАКОСОЧЕТАНИЕ Е. Д. и К. Г. ДУНКЕР

В часы забав, во дни пиров,
Пред божеством благоговея,
Поэты славили любовь
И пышный факел Гименея.

Он горячо волнует грудь
И сквозь покров полупрозрачный

На расцвеченный кажет путь
И жениху и новобрачной.

И мы отраду возвестим
Князьям сегодняшнего пира;
Споет о счастьи молодым
Моя стареющая лира.

На юность озираясь вновь
И новой жизнью пламенея,
Ура! и я хвалю любовь
И пышный факел Гименея!

30 апреля 1889

Е. Д. ДУНКЕР

Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманием эту тетрадь.
Можно ли трезвой то высказать силой ума,
Что опьяненному муза прошепчет сама?
Я назову лишь цветок, что срывает рука, —
Муза раскроет и сердце и запах цветка;
Я расскажу, что тебя беспредельно люблю, —
Муза поведает, что я за муки терплю.

17 января 1888

НА СЕРЕБРЯНУЮ СВАДЬБУ Е. П. ЩУКИНОЙ
4 ФЕВРАЛЯ 1874 ГОДА

Ты говоришь: день свадьбы, день чудесный,
День торжества и праздничных одежд!
Тебе тот путь не страшен неизвестный,
Где столько гибнет радужных надежд.

Все взоры к ней, когда, стыдом пылая,
Под дымкою, в цветах и под венком,

Стоит она, невеста молодая,
Пред алтарем с избранным женихом.

Стоит она и радостна и сира.
Но он клялся, — он сердцем увлечен!
Поймет ли мир всё скрытое от мира —
Весь подвиг долга и любви? А он?

Он понял всё, чем сердце человека
Гордится втайне. — Дайте мне фиал!
Воочию промчалась четверть века,
И свадьбы день серебряной настал.

И близкий здесь, и тот перед родною,
Кого судьба умчала далеко;
У всех в глазах признательной слезою
Родимое сказалось молоко.

Судьба всего послала полной чашей.
Чего желать? Чего искать душой?
Дай бог с четой серебряною нашей
Нам праздновать день свадьбы золотой!

4 февраля 1874

М. Н. КОНШИНОЙ

Явись, явись ко мне, больному!
Вот исцеленье! Кто скорей
Развеет грустную истому
Души тоскующей моей?

Кто неподкупных муз привета
Достойней прелестью лица?
Кто красотой из рук поэта
Достойней вечного венца?

13 февраля 1890

М. Ф. ВАНЛЯРСКОЙ

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВИЗИТНОЙ КАРТОЧКИ С ЛЕТЯЩИМИ ЛАСТОЧКАМИ

Мечтам покорствуя отважным,
Несусь душой навстречу к ним,
И вашим ласточкам бумажным
Не меньше рад я, чем живым.

Они безмолвны, не мелькают
Крылом проворным, но оне,
Подобно вам, напоминают
Красой воздушной о весне.

23 апреля 1891

П. И. ЧАЙКОВСКОМУ

Тому не лестны наши оды,
Наш стих родной,
Кому гремели антиподы
Такой хвалой.

Но, потрясенный весь струнами
Его цевниц,
Восторг не может и меж нами
Терпеть границ.

Так пусть надолго музы наши
Хранят певца
И он кипит, как пена в чаше
И в нас сердца!

18 августа 1891

ГРАФУ А. К. ТОЛСТОМУ

В ДЕРЕВНЕ ПУСТЫНЬКЕ

В твоей Пустыньке подгородной,
У хлебосольства за столом,
Поклонник музы благородный,
Камен мы русских помянем.

Почтим святое их наследство
И не забудем до конца,
Как на призыв их с малолетства
Дрожали счастьем в нас сердца.

Пускай пришла пора иная,
Пора печальная, когда
Гетера гонит площадная
Царицу мысли и труда;

Да не смутит души поэта
Гоненье на стыдливых муз,
И пусть в тени, вдали от света,
Свободней зреет их союз!

<1882>

ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Как ястребу, который просидел
На жердочке суконной зиму в клетке,
Питаяся настрелянною птицей,
Весной охотник голубя несет
С надломленным крылом — и, оглядев
Живую пищу, старый ловчий щурит
Зрачок прилежный, поджимает перья
И вдруг нежданно, быстро, как стрела,
Вонзается в трепещущую жертву,
Кривым и острым клювом ей взрезает
Мгновенно грудь и, весело раскинув
На воздух перья, с алчностью забытой
Рвет и глотает трепетное мясо, —
Так бросил мне кавказские ты песни,
В которых бьется и кипит та кровь,
Что мы зовем поэзией. — Спасибо,
Полакомил ты старого ловца!

Конец октября или начало
ноября 1875

ЕМУ ЖЕ

ПРИ ПОЯВЛЕНИИ РОМАНА „ВОЙНА И МИР“

Была пора — своей игрою,
Своею ризою стальною
Морской простор меня пленял;
Я дорожил и в тишь и в бури
То негой тающей лазури,
То пеной у прибрежных скал.

Но вот, о море, властью тайной
Не всё мне мил твой блеск случайный
И в душу просится мою;
Дивясь красе жестоковыйной,
Я перед мощию стихийной
В священном трепете стою.

23 апреля 1877

А. Н. МАЙКОВУ

НА СОЧУВСТВЕННЫЙ ОТЗЫВ О ПЕРЕВОДЕ ГОРАЦИЯ

Кто сам так пышно в тогу эту
Привычен лики облачать, —
Кому ж, как не тебе, поэту,
И тень Горация встречать?

На Геликон ступя несмело,
От вас я блеска позайму,
Гордясь, что сам, хоть неумело,
Но вам обоим руку жму.

14 октября 1884

НА ЮБИЛЕЙ А. Н. МАЙКОВА

30 АПРЕЛЯ 1888 ГОДА

Пятьдесят лебедей пронесли
С юга вешние крики в полесье,
И мы слышали, дети земли,
Как звучала их песнь с поднебесья.

Майков медь этих звуков для нас
Отчеканил стихом-чародеем,
И за это в торжественный час
Мы встречаем певца юбилеем.

Кто же выступит с гимном похвал
Перед тем, кто, поднявшись над нами,
Полстолетия Русь осыпал
Драгоценных стихов жемчугами?

Хоть восторг не дает нам молчать,
Но восторженных скоро забудут,
А певца по поднебесью мчать
Лебединые крылья всё будут!

11 марта 1888

ПОЛОНСКОМУ

Спасибо! Лирой вдохновенной
Ты мне опять напомнил дни,
Когда, не зная мысли пленной,
Ты вынес, отрок дерзновенный,
Свои алмазные огни.

А я, по-прежнему смиренный,
Забытый, кинутый в тени,
Стою коленопреклоненный
И, красотою умиленный,
Зажег вечерние огни.

1883

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

В минувшем жизнь твоя богата,
Звенел залог бесценный в нем:
Сам рассказал ты, что когда-то
Любил и пел ты соловьем.

Кто ж не пленен влюбленной птицей,
Весной поющей по ночам?
Но как поэт — ты мил сторицей
Тебе внимающим друзьям.

26 августа 1890

В АЛЬБОМ Н. Я. ПОЛОНСКОЙ

Стихи мои в ряду других
Прочтут ли бархатные глазки?
Но появиться рад мой стих
Там, где кругом цветы и краски.

Желать вам счастья я готов,
Но в чем придет оно, не знаю;
Ни юных роз, ни мотыльков,
Хоть им дивлюсь, не поучаю.

20 июня 1890

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Мой обожаемый поэт,
К тебе я с просьбой и с поклоном:
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном.

Давно мечты твоей полет
Меня увлек волшебной силой,
Давно в груди моей живет
Твое чело, твой облик милый.

Твоей камене — повторять
Прося стихи — я докучаю,
А всё заветную тетрадь
Из жадных рук не выпускаю.

Поклонник вечной красоты,
Давно смиренный пред судьбою,

Я одного прошу — чтоб ты
Во всех был видах предо мною.

Вот почему спешу, поэт,
К тебе я с просьбой и поклоном:
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном.

1862

ЕМУ ЖЕ

Прошла весна — темнеет лес,
Скудней ручьи, грустнее ивы,
И солнце с высоты небес
Томит безветренные нивы.

На плуг знакомый налегли
Все, кем владеет труд упорный;
Опять сухую грудь земли
Взрезает конь и вол покорный.

Но в свежем тайнике куста
Один певец проснулся вешний,
И так же песнь его чиста
И дышит полночью нездешней.

Как сладко труженик смущен,
Весны заслыша зов единый!
Как улыбнулся он сквозь сон
Под яркий посвист соловьиный!

<1866>

НА КНИЖКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ТЮТЧЕВА

Вот наш патент на благородство, —
Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет.

В сыртах не встретишь Геликона,
На льдинах лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.

Но муза, правду соблюдая,
Глядит — а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

Декабрь 1883

К ПАМЯТНИКУ ПУШКИНА

26 МАЯ 1880 ГОДА

Исполнилось твое пророческое слово;
Наш старый стыд взглянул на бронзовый твой лик,
И легче дышится, и мы дерзаем снова
Всемирно возгласить: ты гений! ты велик!

Но, зритель ангелов, глас чистого, святого,
Свободы и любви живительный родник,
Заслыша нашу речь, наш вавилонский крик,
Что́ в них нашел бы ты заветного, родного?

На этом торжище, где гам и теснота,
Где здравый русский смысл примолк, как сирота, —
Всех громогласней тать, убийца и безбожник,

Кому печной горшок всех помыслов предел,
Кто плюет на алтарь, где твой огонь горел,
Толкать дерзая твой незыблемый треножник!

Май 1880

1 МАРТА 1881 ГОДА

День искупительного чуда,
Час освящения креста:
Голгофе передал Иуда
Окровавлённого Христа.

Но сердцеведец безмятежный
Давно, смиряяся, постиг,
Что не простит любви безбрежной
Ему коварный ученик.

Перед безмолвной жертвой злобы,
Завидя праведную кровь,
Померкло солнце, вскрылись гробы,
Но разгорелася любовь.

Она сияет правдой новой, —
Благословив ее зарю,
Он крест и свой венец терновый
Земному передал царю.

Бессильны козни фарисейства:
Что́ было кровь, то стало храм,
И место страшного злодейства —
Святыней вековечной нам.

1881

15 МАЯ 1883 ГОДА

Как солнце вешнее сияя,
В лучах недаром ты взошел
Во дни живительного мая
На прародительский престол.

Горит алмаз, блестят короны,
И вкруг соборов и дворца,
Как юных листьев миллионы,
Обращены к тебе сердца.

О, будь благословен сторицей
Над миром, Русью и Москвой,
И богоданной багряницей
От искушений нас укрой!

Май 1883

НА ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ МУЗЫ

Нас отпевают. В этот день
Никто не подойдет с хулою:
Всяк благосклонною хвалою
Немую провожает тень.

Ка́к лик усопшего светить
Душою лучшей начинает!
Не то, чем был он, проступает,
А только то, чем мог он быть.

Живым карать и награждать,
А нам у гробового входа,
О муза, — нам велит природа,
Навек смиряяся, молчать.

20 декабря 1888

НА ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ МУЗЫ

29 ЯНВАРЯ 1889 ГОДА

На утре дней всё ярче и чудесней
Мечты и сны в груди моей росли,
И песен рой вослед за первой песней
Мой тайный пыл на волю понесли.

И трепетным от счастия и муки
Хотелось птичкам божиим моим,
Чтоб где-нибудь их налетели звуки
На чуткий слух, внимать готовый им.

Полвека ждал друзей я этих песен,
Гадал о тех, кто им живой приют;
О, как мой день сегодняшний чудесен! —
Со всех сторон те песни мне несут.

Тут нет чужих, тут всё родной и кровный!
Тут нет врагов, кругом одни друзья! —
И всей душой за ваш привет любовный
К своей груди вас прижимаю я! ..

14 января 1889

СТИХОТВОРЕНИЯ,

НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

ЛИРИЧЕСКИЙ ПАНТЕОН

Si tu pouvais jamais égaler, o ma lyre,
Le doux frémissement des ailes du zéphire
A travers les rameaux,
Ou l'onde qui murmure en caressant ses rives,
Ou le roucoulement des colombes plaintives
Jouant aux bords des eaux.

Lamartine[1]

* * *

Пуская в свет мои мечты,
Я предаюсь надежде сладкой,
Что, может быть, на них украдкой
Блеснет улыбка красоты,

Иль раб мучительных страстей,
Читая скромные созданья,
Разделит тайные страданья
С душой взволнованной моей.

<1840>

---

[1] Если бы ты могла когда-нибудь, о моя лира, уподобиться тихому трепету крыльев зефира меж ветвей, или волне, что журчит, лаская свои берега, или воркованию стонущих голубей, играющих на берегу вод. *Ламартин* (фр.). — *Ред.*

Баллады

ПОХИЩЕНИЕ ИЗ ГАРЕМА

Кто в ночи́ при луне открывает окно?
Чья рука, чья чалма там белеют?
Тихо всё. Злой евнух уже дремлет давно,
И окошки гарема чернеют.

Ты, султанша, дрожишь? Ты, султанша, бледна? . .
Страшно ждать при луне иноверца! . .
Но зачем же, скажи мне, ты ждешь у окна?
Отчего ноет сладостно сердце?

— Что ж ты медлишь, гяур? Приезжай поскорей!
Уж луна над луной минарета.
Чу, не он ли? . . Мне чудится топот коней.
Далеко нам скакать до рассвета!

Да! То он! Мой гяур уж заметил меня!
Конь идет осторожной стопою,
Всадник машет платком и другого коня
На поводьях ведет за собою.

Дремлет страж под окном; вдруг кинжал полетел
На него серебристой змеею;
Стон глухой... Меч сверкнул, и песок почернел
Там, где пала чалма с головою.

— Ножкой стань на плечо! Ах, скорей! не сорвись!
— Я боюся ревнивой погони.
Ах, в гареме огонь! — Захрапевши, взвились
И как вихри помчалися кони.

Поутру под окном изумленной толпой
Чернолицая стража стояла;
Перед нею с султаншиной белой чалмой
Иноверца перчатка лежала.

<1840>

ЗАМОК РАУФЕНБАХ

1

На гранит ступает твердо
Неприступный Рауфенбах,
И четыре башни гордо
Там белеют на углах.

Заредеют ли туманы
Перед утренней зарей,
Освежатся ли поляны
Хладной вечера росой,

Пробирается ль в тумане
В полночь чуткая луна, —
Всё молений и стенаний
Башня южная полна.

Там под кровлею железной
Протянулося окно,
И решеткой бесполезной
Не заковано оно.

Что ж ты, пленник, так бледнеешь?
Вольный мир перед тобой!
Иль нет крыльев? — Знать, сотлеешь
За удушливой стеной.

Но потухшими очами
Ты не смотришь в синю даль;
Знать, что куплено слезами,
Знать, чего так больно жаль, —

Не вдали. Сухие руки
Не протягивай к земле,
И в жару безумной муки
Не зови ее к себе!

Что ты бьешься? .. Теодора,
Нежный друг твой, не придет,

Не избавит от позора
И на грудь не упадет.

Завтра казнь! Барону-змею
Любо, что перед женой
Завтра к плахе склонишь шею
Ты с косматой головой!..

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

2

Светом облит лик иконы,
Перед ней стоит налой,
Слышны вздохи, слышны стоны,
И, во прах склонясь главой,

Горько плачет Теодора,
Кудри по полу легли;
Завтра день его позора,
Завтра с горестной земли

Милый друг ее умчится;
Не слезой горячей с ней
Он в последнее простится —
Жаркой кровию своей!

3

Уж редеет сумрак хладный,
Уж поднялся эшафот,
И кругом толпою жадной
Собирается народ.

Час настал. С своей женою
К башне подошел барон
И могучею рукою
Уж замка коснулся он.

Вдруг с окна над ним слетело
Что-то. — Ах! — и уж в пыли
Два разбитых мертвых тела
Близ дверей тюрьмы легли.

4

Там, в капелле, под горою,
За решеткой золотой
Спит под мраморной плитою
Рауфенбах с своей женой.

Любо черни на просторе,
Что́ толпе любви закон?
Душно в гробе Теодоре
Спать с немилым; где же *он?*

Холм песчаный за рекою
Лег над избранным твоим.
Всё там тихо, — лишь зарею
Ворон каркает над ним.

<1840>

УДАВЛЕННИК

Ужин сняли. Слава богу,
Что собрались как-нибудь.
Ну, присядем на дорогу,
Да и с богом в дальний путь.

Вот уж месяц вполовину
Показался, — не поздай;
Только слушай: ты долину
За кладби́щем объезжай!

Речь давно об ней ведется:
Там удавленник зарыт.
Только полночь — он проснется
И проезжих сторожит.

Как огни, у исполина
Светят страшные глаза;
На макушке, как щетина,
Поднялися волоса;

С шеей, петлею обвитой,
Как котёл он посинел,
Зубы кровию облиты,
И язык окостенел.

Самому мне с ним возиться
Довелось лет пять назад;
И теперь — когда, случится,
Вспомнишь ночью — и не рад!

Всё ли в путь собрали сыну?
Вот и с богом: поезжай!
Только слушай: ты долину
За кладби́щем объезжай.

<1840>

Лирические стихотворения

БЕЗУМНАЯ

Ах, не плачь и не тужи,
Мать родная! Покажи,
Где его могила!
Иль не знаешь ты того,
Как я нежила его,
Как его любила?

Ох, родная, страшно мне:
Он мерещится во сне
С яркими очами!
Всё кивает головой
И зовет меня с собой
Грозными речами.

Нет, родная, бог уж с ним!
Не пойду я вслед за ним:
    Он меня задушит.
Пусть он спит в земле сырой;
Мой приход его покой
    В гробе не нарушит.

Ох, родная, покажи,
Где он, где он? — Задуши
    Ты меня, мой милый!
Сладко я умру с тобой;
Ты поделишься со мной
    Тесною могилой.

Не задушишь ты меня:
Обовьюсь вокруг тебя
    Жадными руками;
Я прижмусь к твоим устам
И полжизни передам
    Мертвецу устами.

Что ж ты смотришь на меня?
Мне смешно и без тебя:
    Сердце лопнуть хочет!
Тяжко мне среди людей!
Слышишь... Свищет соловей,
    И сова хохочет.

Ха-ха-ха! так смех берет!
То из раны кровь польет,
    То застынет снова;
Жадно кровию напьюсь,
Сладко-сладко захлебнусь
    Кровию милова.

В чистом поле он убит
И в сырой земле лежит
    С раною кровавой.
Кровь и слезы — слезы — кровь,
Где ж ты, где моя любовь
    С головой кудрявой?

Вскинусь птицей, полечу,
Черны кудри размечу
    По челу кольца́ми.
Улыбнись же, полно спать!
Это я пришла играть
    Черными кудрями!

<1840>

ДВЕ РОЗЫ

Вчера златокудрявый,
Румяный майский день
Принес мне двух душистых
Любовниц соловья:
Одна одета ризой
Из снежных облаков,
Другая же — туникой
Авроры молодой.

Я долго колебался,
Какую розу взять.
Ах, белая так нежно
Зеленые листки
В венке моем пахучем,
Целуя, оттенит!

А ты, коралл душистый,
Прильнув к моей груди,
Горячее дыханье
Бальзамом напоишь;
И взоры огневые
Красотки молодой
Скорей падут на сердце,
Над коим дышишь ты!..
И с розы на другую
Бросал я жадный взор.

Заметив нерешимость,
Мне юный Май сказал:
Возьми сестер обеих

И, счастливый вдвойне,
Укрась венок зеленый
И любящую грудь!

Я принял их и понял
Спасительный урок.
Давно на дне кристальном
Души моей живой
Любуется собою
Наины светлый взор,
И грудь полунагая,
И черная коса;

И тут же ненарочно
В тени златых кудрей
Красотка Зинаида
Предстанет предо мной.
И каждый раз, как кольца
Упругие прыгнут
И золотом заблещет
Их радужный отлив,
Я слышу, как в ланитах
Моих зардеет кровь.
Вы розы — да, две розы! —
Обеим вам любовь!

<1840>

СЕРЕНАДА

Плывет луна по высоте,
Смахнув с чела туман ревнивый,
И в сладострастной темноте
Шумят ветвистые оливы.

Чу, — слышу звуки вдалеке!
Там, под балконом, близ ограды,
Поют — и эхо по реке
Несет аккорды серенады.

И звуки, стройные сыны
Звонча́той лиры Аполлона,

Несут владычице балкона
На ложе пламенные сны.

Луна плывет, река дрожит,
Трепещет сердце у поэта.
Проснись, о дева, он стоит
И ждет отрадного ответа.

И вдруг раздался тихий звон
Замка средь звуков песнопенья,
И вот брюнетка на балкон
Взошла с улыбкой умиленья,

И, будто невзначай, само,
Скользнув из ручки девы милой,
Сердец поверенный — письмо
Упало вниз через перилы.

<1840>

МОЙ САД

В моем саду, в тени густых аллей,
Поет в ночи влюбленный соловей,
И, позлащен июньскою луной,
Шумит фонтан холодною волной,
Кругом росой увлажены цветы, —
Пойдем туда вкушать восторг мечты!

Не чужд ли ты волшебных чар любви?
В моем саду сильней огонь в крови;
Всё чудно там, и звезды над тобой
Текут плавней небесной синевой,
Луна дрожит и блещет, как алмаз, —
Пойдем туда: полюбишь в первый раз!

Но если ты уж любишь и любим,
Всё там найдешь, всё назовешь своим:
Фонтан, цветы, влюбленный соловей —
Везде она, везде поют о ней!
К луне ли взор — там тихо и светло —
Опять она, опять ее чело!

<1840>

ПРИЗНАНИЕ

Простите мне невольное признанье!
Я был бы нем, когда бы мог молчать,
Но в этот миг я должен передать
Вам весь мой страх, надежду и желанье.

Я не умел скрываться. — Да, вам можно
Заметить было, как я вас любил!
Уже давно я тайне изменил
И высказал вам всё неосторожно.

Как я следил за милою стопой!
Как платья милого мне радостен был шорох!
Как каждый мне предмет был безотчетно дорог,
Которого касались вы рукой!

Однажды вы мне сами в том признались,
Что видели меня в тот самый миг,
Как я устами к зеркалу приник,
В котором вы недавно улыбались.

И я мечтал, что к вам закралась в грудь
Моей души безумная тревога;
Скажите мне, — не смейтесь так жестоко:
Могла ли в вас наружность обмануть?

Но если я безжалостно обманут, —
Один ваш взгляд, один полунамек —
И нет меня, и я уже далек,
И вздохи вас печалить перестанут.

Вдали от вас измучуся, изною,
Ночь будет днем моим — ей буду жить,
С луной тоскующей о прошлом говорить;
Но вы любуйтеся веселою луною

И ваших девственных и ваших светлых дней
Участием в страдальце не темните;
Тогда — одно желанье: разрешите,
Лицо луны — или мое бледней?

<1840>

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Фиял кипит янтарной Ипокреной,
Душа горит и силится во мне
Залить в груди огонь жемчужной пеной.
Но что́ забыть, что́ вспомнить при вине?

Красавица с коварною душою,
Ты, божеством забытый пышный храм,
И вы, друзья с притворною слезою,
И вы, враги с презренной клеветою,
Забвенье вам!

И вы, мечты, которыми прельщался,
И ты, судьба, противница мечтам, —
Довольно я страдал и заблуждался,
Надеялся, слезами обливался...
Забвенье вам!

Ты, девы грудь, вы, кудри золотые,
Ты, Грации художественный рост,
Вы, ямочки и щечки огневые,
Ты, тень ресниц, вы, глазки голубые, —
Вам первый тост!

И вы, друзья святого вдохновенья
С мечтательной и нежною душой,
Вы, полные к прекрасному стремленья,
С тоской души, с улыбкой умиленья —
Вам тост второй!

И вы, друзья с зелеными венками
И с хохотом в досужный Вакха час, —
Похмелья гений носится над вами!
Поднимем кубки дружными руками!
Я пью за вас!

Фиял кипит янтарной Ипокреной,
И что души тревожило покой —
Всё умерло в груди воспламененной,
Всё милое — воскресло предо мной!

<1840>

КОЛЬЦО

Скажи, кольцо, как друг иль как злодей
Ты сжало мне трепещущую руку?
Скажи, чтó мне сулишь: ряд ясных дней
Иль черных дней томительную муку?

Нет, за тебя мне сердце говорит,
И я тебя, мой друг, кольцо, целую, —
И, вечности симвóл, твой круг сулит,
Как ты само, мне вечность золотую.

Что ж ты молчишь, предвестник лучших дней?
Скажи ты мне, подарок обручальный,
Скажи, далек ли миг, когда у ней
Блеснет чело короною венчальной?

И счастье мне! .. Но мне ль мечтать о нем? ..
Дают ли груз сокровищ несть бессильным?
Мне счастья нет в страдальчестве земном, —
Найду ль его и за холмом могильным?

Зачем же миг, зачем миг счастья мне?
Зачем в цепь узника сапфир лазурный?
Пусть я несусь по яростной волне,
Чтоб потонуть в пучине жизни бурной!

О, не мертвей, небесное лицо,
Не раздирай души твоим страданьем!
О, не блистай, заветное кольцо,
И не сжигай груди твоим блистаньем!

Прочь, счастье, прочь! — я не привык к тебе,
Ее кольцо меня с тобой сковало, —
Но, море, — вот, возьми его себе:
Его давно ты с шумом ожидало!

И не меняет моего лица
От тиши к бурям переход столь быстрый,
Но сердцу так легко: нет на руке кольца —
И нет в душе надежды даже искры!

<1840>

УТЕШЕНИЕ

Вспорхнул твой ветреник, уж нет его с тобою!
Уже, склонясь к тебе, дрожащею рукою
Он шейку белую твою не обовьет,
Извившись талией могучею и ловкой,
И розы пламенной над милою головкой
Дыханье сладкое в восторге не вопьет.

Он ветрен — ты верна изменнику душою;
Ты плачешь здесь, а он смеется над тобою;
Рассмейся, милая, как солнце поутру,
Забудь любовника твоей душистой розы,
Дай руку мне, — а я пленительные слезы
Устами жаркими с очей твоих сотру.

<1840>

СТРАННОСТЬ

В мире, где радостей нет, Эпикур говорит:
наслаждайся!
Дай мне восторгов, а там можешь сказать: удержись!

<1840>

ОТКРОВЕННОСТЬ

Не силен жар ланит твоих младых
Расшевелить певца уснувшей воли;
Не мне просить у прелестей твоих
Очаровательной неволи.

Не привлекай и глазки не взводи:
Я сердце жен изведал слишком рано;
Не разожжешь в измученной груди
Давно потухшего волкана.

Смотри, там ждет влюбленный круг мужчин,
А я стою желаний общих чуждый;

Но, женщины, у вас каприз один:
Вам нужны те, которым вы ненужны!

Вам надоел по розам мягкий путь
И тяжелы влюбленные беседы;
Вам радостно разжечь стальную грудь
И льстят одни тяжелые победы.

Но ты во мне не распалишь страстей
Ни плечками, ни шейкою атласной,
Ни благовонием рассыпанных кудрей,
Ни этой грудью сладострастной.

Зачем даришь ты этот мне букет?
Он будет мне причиною печали.
И я когда-то цвел, как этот цвет, —
Но и меня, как этот цвет, сорвали.

Ужель страдать меня заставишь ты?
Брось эту мысль: уж я страдал довольно —
От ваших козней, вашей простоты
И вашей ласки своевольной.

Другим отрадно быть в плену твоем,
Я ж сердце жен изведал слишком рано;
Ни хитростью, ни истинным огнем
Не распалишь потухшего волкана.

<1840>

ОДАЛИСКА

Вот груди — жаркий пух, вот взоры — звезды ночи,
Здесь цитры звон и сладостный шербет.
О юноша, прекрасный Аллы цвет,
Иди ко мне лобзать живые очи
И грудь отогревать под ризой тихой ночи!

<1840>

ЛАСТОЧКА

Я люблю посмотреть,
Когда ласточка
Вьется вверх иль стрелой
По́ рву стелется.

Точно молодость! Всё
В небо просится,
И земля хороша —
Не расстался б с ней!

<1840>

В АЛЬБОМ

Пусть гений прошлого с улыбкой
Вам обо мне заговорит,
Когда ваш взор, хотя ошибкой,
По этим строчкам пробежит.

Так иногда певец унылый
Идет в стране своей родной,
В былые дни когда-то милой,
Теперь заглохшею тропой.

<1840>

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Побольше влаги светлой мне,
И пену через край!
Ищи спокойствия на дне
И горе запивай!

Вино богами нам дано
В замену летских струй:
Разгонит горести оно,
Как смерти поцелуй,

И новый мир откроет нам,
Янтарных струй светлей,
И я за этот мир отдам
Всю нить грядущих дней.

Лишь кубок, чокнув, закипит, —
Воспламенится кровь,
И снова в сердце проблестит
И радость и любовь!

В душе отвага закипит,
Свобода оживет,
И сын толпы не уследит
Орлиный мой полет!

<1840>

НА СМЕРТЬ ЮНОЙ ДЕВЫ

В обширном саду, испещренном живыми цветами,
Где липа душистая солнца лучи преломила,
Природа-волшебница дивный цветок насадила —
Любимицу-розу в тени под густыми листами.

И дева могучая милым цветком любовалась,
Слезами чистейшими неба ее поливала,
Дыханием груди родимой ее согревала, —
И роза с улыбкой младенца в тиши развивалась.

Ах, роза, зачем на тебя не падут мои слезы?
Еще над тобой не вздыхала в тиши Филомела
И бабочка легкой подругой к тебе не летела,
Природа не знала чела, достойного розы.

Восток загорелся, и мощная дева в печали
Стояла; цветы фимиам погребальный курили, —
В гирлянду небесную ангелы розу сломили
И этой гирляндою вечного трон увенчали.

<1840>

ХУДОЖНИК К ДЕВЕ

Дева, не спрашивай
Ясными взорами,
Зачем так робко я
Гляжу на дивные
Твои формы?
Зачем любовь ко мне
Волной серебряной
Катится в грудь?

Ты — легкая, юная,
Как первая серна
У струй Евфрата, —
Одна достойна
Руками лилейными
Прижать к груди твоей
Широкую грудь,
Где кроется чудный дар
Бессмертных песен
Про жизнь и природу!

Лишь ты сохранишь ее
Святою и чистою;
Ты, перл земной,
Расскажешь небесному
Про чистые радости
Сына земли,
Когда он молча
Стоит пред изящным.

Лишь ты достойно
Венчаешь художника,
Когда венок свой
С кудрей шелковых
Рукою белою
С улыбкою снимешь,
Чтобы украсить
Чело любовника.

Сними поскорее
Венок, златовласая!
Пускай твои кудри
Играют с зефиром.

<1840>

ВАКХАНКА

Зачем как газель
По лесистым утесам
Ты мчишься, вакханка?
Зачем из-под грубой,
Косматой одежды
Так дерзко мне кажешь
Блестящую, стройную,
Воздушную ножку?

Зачем твои черные,
Мягкие кудри,
Взвеваясь, не кроют
Той страсти, той неги,
Что пышет зарею
На диком лице твоем?

Никто нас не видит, —
Далеко-далеко
Умчались подруги! —
Ты слышишь? — в горах там:
Эвое! Эвое!

Брось тирс и венок твой!
Скорее на грудь ко мне..
Не дай утишиться
Вакхической буре
В пахучих грудях твоих!
Сатир не подсмотрит,
С коварной улыбкой,
Проказ молодых.

<1840>

КОЛОДНИК

С каждым шагом тяжкие оковы
На руках и на ногах гремят,
С каждым шагом дальше в край суровый —
Не вернешься, бедный брат!

На лице спокойствие могилы,
Очи тихи; может быть, ты рад,
Что оставил край, тебе немилый?
Помолися, бедный брат!

<1840>

ТОСКА ПО НЕВОЗВРАТНОМ

Опять в душе минувшая тревога,
Вновь сердце просится в неведомую даль,
Чего-то милого мне больно-больно жаль,
Но не дерзну просить его у бога.

И вновь маню высокий идеал,
И снова жизнь мне грезится иная:
Так грешник-праотец, проснувшися, искал
Знакомых благ утраченного рая!

<1840>

НЕВОЗВРАТНОЕ

Друг, о чем ты всё тоскуешь?
Нет улыбки на устах,
Черны кудри в беспорядке,
Очи черные в слезах.

— Я тоскую, я горюю,
Ты ж не можешь пособить:
Ты любила, разлюбила
И не в силах полюбить.

<1840>

ВЗДОХ

Быть может, всё оставило поэта, —
Душа, не плачь, не сетуй, не грусти!
Зачем любить и требовать ответа?
Ты изрекла мне вечное прости.

Но будет жизнь за жизнию земною,
Где буду вновь и светел и любим,
Где заблещу прославленной звездою,
Где я сольюсь с дыханием твоим!

<1840>

К ЛЕШЕМУ

На мшистом старом пне, скрестив кривые ноги
И вещей [1] наготой блистая меж древес,
Ты громче хохочи и смешивай дороги,
Когда красавица зайдет в твой темный лес,

Где я люблю следить за чуткими зверями, —
От страха робкая домой забудет путь,
И, кузов уронив с душистыми цветами,
Она падет ко мне на пламенную грудь.

<1840>

ХАНДРА

1

Когда на серый, мутный небосклон
Осенний ветер нагоняет тучи
И крупный дождь в стекло моих окон
Стучится глухо, в поле вихрь летучий
Гоняет желтый лист и разложён
Передо мной в камине огнь трескучий, —

---

[1] Простолюдины думают, что увидеть лешего предвещает беду.

Тогда я сам осенняя пора:
Меня томит несносная хандра.

2

Мне хочется идти таскаться в дождь;
Пусть шляпу вихрь покружит в чистом поле.
Сорвал... унес... и кружит. Ну так что ж?
Ведь голова осталась. — Поневоле
О голове прикованной вздохнешь, —
Не царь она, а узник — и не боле!
И думаешь: где взять разрыв-травы,
Чтоб с плеч свалить обузу головы?

3

Горят дрова в камине предо мной,
Кругом зола горячая сереет.
Светло — а холодно! Дай, обернусь спиной
И сяду ближе. Но халат чадеет.
Ну вот точь-в-точь искусств огонь святой:
Ты ближе — жжет, отдвинешься — не греет!
Эх, мудрецы! когда б мне кто помог
И сделал так, чтобы огонь не жег!

4

Один, один! Ну, право, сущий ад!
Хотя бы черт явился мне в камине:
В нем много есть поэзии. Вот клад
Вы для меня в несносном карантине!..
Нет, съезжу к ней!.. Да нынче маскерад,
И некогда со мной болтать Алине.
Нет, лучше с чертом наболтаюсь я:
Он слез не знает — скучного дождя!

5

Не еду в город. «Смесь одежд и лиц»
Так бестолкова! Лучше у камина
Засну — и черт мне тучу небылиц
Представит. Пусть прекрасная Алина

Прекрасна. — Завтра поздней стаей птиц
Потянется по небу паутина,
И буду вновь глядеть на небеса:
Эх, тяжело! хоть бы одна слеза!

<1840>

НОЧЬ И ДЕНЬ

Мила мне ночь, когда в неверной тьме
Ты на руке моей в восторге таешь,
Устами ищешь уст и нежно так ко мне
Горячей щечкой припадаешь!

И я, рукой коснувшись как-нибудь
Твоих грудей, их сладостно взволную;
Но днем ты ищешь скрыть, упав ко мне на грудь,
Пожар лица от поцелуя —

И мне милее день...

<1840>

ЭПИТАФИЯ

Любил он песням дев задумчиво внимать,
Когда на звуки их березник отзовется,
Любил о них поплакать, помечтать,
Под этой липою лениво отдыхать;
Теперь он спит — и не проснется.

<1840>

АРАБЕСК

Черную урну с прахом поэта
Плющ обогнул;
К брошенной арфе девственный пояс
Крепко прильнул.

Факел угасший подле папира
Вечного спит;
Гарпия-зависть, крылья раскинув,
В прахе лежит.

Но за Коцитом ты улыбнешься,
Дивный певец;
К урне прижался дар Аполлона —
Свежий венец!

<1840>

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

(ПАМЯТИ КОЗЛОВА)

Мечтанье было то иль сон?
Мне слышался вечерний звон;
А над рекою, под холмом,
Стоял забытый сельский дом,
И перелив тяжелых дум
Давил мне сердце, мучил ум.

Пустынный дом! где твой жилец?
Увы! вдали поэт-слепец
О родине не забывал
И сладкозвучно тосковал.
Он спит: его глубокий сон
Уж не прервет вечерний звон.

Но что ж, — певец земных скорбей,
Ты не умрешь в сердцах людей! —
Так я мечтал — и надо мной
Пронесся чрез эфир пустой
Какой-то грусти полный стон,
И я запел «Вечерний звон».

1840

ВОДОПАД

Там, как сраженный
Титан, простерся
Между скалами
Обросший мохом
Седой гранит
И запер пропасть;
Но с дикой страстью
Стремится в бездну
Через препоны
Поток гремучий
И мечет жемчуг
Шипучей пены
На черный брег.

Смотри, как быстро
Несется ветка
К кипучей бездне,
Как струйка сильно
Ее кидает
С прозрачной мели
На острый камень. —
Мелькнула! — Полно!
Из черной бездны
Возврата нет.

Слежу глазами
За быстрым током.
Как присмирел он
Там, в отдаленьи;
Как будто небо
В нем хочет видеть
Свою красу.

Смотри: та ветка,
Что там исчезла
В пучине лютой,
Плывет так тихо,
Так безмятежно
По вечной влаге.

<1840>

* * *

Весна, весна, пора любви.
Пушкин

Солнце потухло, плавает запах
Юных берез
В воздухе сладком; лодка катится
Вниз по реке;
Небо прозрачно, плавает месяц
В ясной воде.

Там, за рекою, звездною цепью
Блещут огни,
Тени мелькают, вторится эхом
Песнь рыбака;

Здесь, над горою, к другу склонившись
Легкой главой,
Милая Мери с нежной улыбкой
Шепчет: «Люблю».

Мери, ты любишь! Скоро умолкнет
Ночи певец,
Лист потемнеет, — будешь ли так же,
Мери, любить? ..

<1840>

* * *

Amantium irae amoris renovatio
Horatius[1]

Ты мне простишь, мой друг, что каждый раз,
Как ссоришься ты с милою своею,
Кусаю губы в кровь, но лишь взгляну на вас,
Рассеять смеха не умею.

Как к ней пристал суровый этот взгляд,
Как на устах улыбка скрыта мило, —

---

[1] Ссоры любовников — обновление любви. *Гораций* (лат.). — *Ред.*

А всё видна! Недаром говорят:
«Как ни клади, в мешке не скроешь шила».

А ты, — ты в этот миг оригинал большой;
С сигарою во рту, в халате, у окошка
Алеко, Мортимер, Отелло предо мной,
И даже Гамлет ты немножко.

А я, смотря на вас, смеюсь, — не утерплю!
Вот люди, думаю, не знают, как придраться, —
Напившись кофею, сто раз сказать «люблю»
И тысячу — поцеловаться.

<1840>

* * *

И девушка пленить умела их
Без помощи нарядов дорогих.
Пушкин. «Домик в Коломне»

Сними твою одежду дорогую,
С чела лилейного сбрось жемчуг и цветы, —
И стрáстней я милашку поцелую,
И простодушнее мне улыбнешься ты.

Когда ты легкую свою накинешь блузу
И локон твой скользит по щечке как-нибудь,
Я вижу простотой овеянную музу,
И не простой восторг мне сладко льется в грудь.

<1840>

* * *

Не плачь, моя душа: ведь сердцу не легко
Смотреть, как борешься ты с лютою тоскою!
Утешься, милая: хоть еду далеко,
Но скоро возвращусь нежданною порою
И снова под руку пойду гулять с тобою.

В твои глаза с улыбкой погляжу,
Вкруг стана обовью трепещущие руки
И всё, и всё тебе подробно расскажу
Про дни веселия, про дни несносной муки,
Про злую грусть томительной разлуки,

Про сны, что снились мне от милой далеко.
Прощай — и, укрепясь смеющейся мечтою,
Не плачь, моя душа: ведь сердцу не легко
Смотреть, как борешься ты с лютою тоскою,
Склонясь на локоток печальной головою!

<1840>

* * *

Доволен я на дне моей души,
Чуждаясь мысли дерзкой и преступной;
Пусть как звезда ты светишь мне в тиши,
Чиста, свята красою неприступной.

<1840>

* * *

Ich singe wie ein Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet.
Goethe[1]

Над морем спит косматый бор;
Там часто слушал я
Прибрежных волн мятежный спор
И песни соловья.

Бывало, там внизу шумят
Ветрила кораблей,
На ветре снасти шелестят
И гордый царь зыбей

[1] Я пою, как поет птица, живущая в ветвях. *Гете* (нем.). — *Ред.*

Несется, — с палубы крутой
Далеко песнь звучит, —
А соловей во тьме лесной
Неслышимый грустит.

<1840>

* * *

На балконе золоченом
Ряд цветов кругом перил, —
Я любуюся балконом,
И цветник мне пестрый мил.

Но туда в дыханьи утра
Ходит друг моей мечты —
Дева с шейкой перламутра —
Поливать свои цветы.

Так стыдлива и свободна,
Так приветлива без слов,
Так нежна и благородна,
Так милей своих цветов!

<1840>

* * *

Посмотри, наш боец зашатался, упал,
Залило алой кровью всего.
Что, он ранен легко — иль убит наповал?
На плаще вы несите его.

Может быть, оживет, и к геройской груди
Он прижмет и жену и детей.

Осторожней, чтоб нам не толкнуть на пути
Храбреца! Ну, беритесь скорей!

А убит... ну, зато видел я, что за взор
Бросил он на врага своего!
Хоть убит — не стоять же над ним. Что за вздор!
На плаще вы несите его.

<1840>

* * *

Она легка, как тонкий пар
Вокруг луны златой,
Ее очей стыдливый дар
Вливает в сердце томный жар,
Беседует с душой.

Она стройна, как гибкий клен,
Она чиста, как свет,
Ее кудрей блестящий лен
Увил чело — и упоен
Стоит пред ней поэт.

<1840>

* * *

Nec sit ancillae tibi amor pudori
Horatius[1]

Уж, серпы на плеча взложив, усталые жницы
Звонкою песнью своей оглашают прохладное поле;
Ландышем пахнет в лесу; там, над оврагом, березы
Рдеют багрянцем зари, а здесь, в кустарнике мелком,
Звонко запел соловей, довольный вечерней прохладой.
Верный конь подо мной выступает медленным шагом,
Шею сгибая кольцом и мошек хвостом отгоняя.

---

[1] Ты не стыдись, что увлекся рабою. *Гораций* (лат.). — *Ред.*

Скоро доеду. Да вот и тенистая старая ива,
Вот и пригорок, и ключ под кровом корнистого вяза.
Как он звучен и чист, как дышит подземной прохладой!
Чу, не она ль? Где-то ветвь шелестит... Но ей
не заметить
Здесь, за вязом, меня. — Ах, вот она, роза селенья!
По локотки рукава засучила и быстро склонилась
К холоду светлой струи, — вот моет белые руки,
Вот в прозрачные персты воды зачерпнула, и блещет
В чистых каплях чело, покрытое легким румянцем.
Вот сарафан на груди расстегнулся, и плечи
и груди
Робко бегут от руки, несущей холодную влагу.
Вот малютка-рука трет белую ножку-малютку,
И под нею в ключе такая ж качается ножка.
Дева, помедли! — но нет: вспорхнула резвая
крошка, —
Только кустарник вдали ее сарафанчик целует.

<1840>

* * *

Amis! un dernier mot!
V. Hugo [1]

Стократ блажен, когда я мог стяжать
Стихом хотя одну слезу участья,
Когда я мог хотя мгновенье счастья
Страдальцу-брату в горе даровать!

Умру, — мой холм исчезнет под пятой
Могучего, младого поколенья, —
Но, может быть, оно мои волненья
Поймет, почтив меня своей слезой.

За смертью смерть, за веком век пройдет,
Оплачет каждый жизненное горе, —

[1] Друзья, еще одно слово! *В. Гюго* (фр.). — *Ред.*

И, может быть, мне каждый в слезном море
Слезинку ясную, святую принесет.

Раздастся звук — и с ангельской трубой
Могучим вновь из праха я воспряну
И с перлами пред господом предстану:
Слеза ведь перл в обители иной.

<1840>

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1840—1892 гг.

ДИФИРАМБ НА НОВЫЙ ГОД

Тише — полночный час скоро пробьет.
Чинно наполним широкие чаши.
Пусть новый год, прозвучав, перервет
Сам о минувшем мечтания наши.

Браво, браво, друзья!
Звонкие чокнем края!
Год проводили, а мало ль что было!
Всё миновалось, да грудь не остыла.
Всё, что отжило, прочь
В эту заветную ночь!

Радость — надежда над всем, что любила,
Ясный светильник навек <пот>ушила.
Спи же во мраке, отжитый год,
Мирно сомкнув отягченные вежды,
Нового ждем мы — новый идет!
Братья! из вас у ког<о не>т надежды?

Ручками, косами, лентами, газами,
Русыми ку́дрями, русскими фразами
Переплетись, новый год!
Грудами золота, почестей знаками,
Новыми модами, новыми фраками
Сыпься на тот же народ!

Если ж заметишь, что брат твой покойный
Всё у страдальца унес,
Кроме души, сожаленья достойной,
Кроме стенаний и слез, —
Будь сострадателен — что пред судьбою,
Пусть перед злобной судьбой;
Но ты скорей ему тихой рукою
Влажные очи закрой.

Чу! двенадцатый бьет!
Новая жизнь настает!
Браво, браво, друзья!
Чаши полны по края!
Виват! лейте заздравие смело,
Мало ль что будет, — да нам что за дело!

Ноябрь 1840

* * *

Щечки рдеют алым жаром,
Соболь инеем покрыт,
И дыханье легким паром
Из ноздрей твоих летит.

Дерзкий локон в наказанье
Поседел в шестнадцать лет...
Не пора ли нам с катанья? —
Дома ждет тепло и свет —

И пуститься в разговоры
До рассвета про любовь?..
А мороз свои узоры
На стекле напишет вновь.

<1842>

* * *

Стихом моим незвучным и упорным
Напрасно я высказывать хочу
Порыв души, но, звуком непокорным
Обманутый, душой к тебе лечу.

Мне верится, что пламенную веру
В душе твоей возбудит тайный стих,
Что грустию невольною размеру
Она должна сочувствовать на миг.

Да, ты поймешь, поймешь — я это знаю —
Всё, чем душа родная прожила, —
Ведь я ж всегда по чувству угадаю
Твой след везде, где ты хоть раз была.

<1842>

* * *

Как майский голубоокий
Зефир — ты, мой друг, хороша,
Моя ж — что эолова арфа,
Чутка и послушна душа!

И струн у той арфы немного,
Но вечно под чувством живым
Найдет она новые звуки
За новым дыханьем твоим.

<1842>

* * *

Сосна так темна, хоть и месяц
Глядит между длинных ветвей.
То клонит ко сну, то очнешься,
То мельница, то соловей,

То ветра немое лобзанье,
То запах фиалки ночной,
То блеск замороженной дали
И вихря полночного вой.

И сладко дремать мне — и грустно,
Что сном я надежду гублю.
Мой ангел, мой ангел далекий,
Зачем я так сильно люблю?

<1842>

ЗВЕЗДЫ

Отчего все звезды стали
Неподвижною чредой
И, любуясь друг на друга,
Не летят одна к другой?

Искра к искре бороздою
Пронесется иногда,
Но уж знай, ей жить недолго:
То — падучая звезда.

<1842>

К ЖАВОРОПКУ

Днем ли, или вечером,
Ранней ли зарей —
Только бы невидимо
Пел ты надо мной.

На́долго заслушаюсь
Звуком с высоты,
Будто эту песенку
Мне поешь не ты.

<1842>

РУЧКА

Прозрачную канву цветами убирая,
На мягких клавишах, иль с веером резным,
В перчатке крошечной, иль по локоть нагая, —
Понятной грацией, движением родным
Ты говоришь со мной, мой бедный ум волнуя
Невольной страстию и жаждой поцелуя.

<1842>

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЬ

Уснули метели
С печальной зимой,
Грачи прилетели,
Пахну́ло весной.

Широкая карта
Полночной земли
Чернеет, и марта
Ручьи потекли.

Дождемся ль апреля
Лугов молодых,
Крылатого Леля
Ковров дорогих?

И светлого мая
Красы голубой,
Подруга живая,
Дождемся ль с тобой?

Лилета! Лилета!
С дыханьем весны
Сбылися поэта
Блаженные сны.

Для песни полночной
Отныне живи,
Душой непорочной
Предайся любви.

<1842>

МОЯ УНДИНА

Она резва,
Как рыбка;
Ее слова
Так гибко
Шутить в речи
Готовы,
И, что ключи,
Всё новы...
Она светлей
Фонтана,
Она скрытней
Тумана;
Немного зла,
Ревнива...
Зато мила
На диво.

<1842>

ПЕРЧАТКА

Перчатку эту
Я подстерег:
Она поэту
Немой залог
Душистой ночи,
Где при свечах
Гляделись очи
В моих очах;
Где вихрь кружений
Качал цветы;
Где легче тени
Носилась ты;
Где я, как школьник
За мотыльком,
Иль как невольник,
Нуждой влеком,
Следил твой сладкой,
Душистый круг —

И вот украдкой,
Мой нежный друг,
Перчатку эту
Я подстерег:
Она поэту
Немой залог.

<1842>

СТЕНА

На склоне у лона морской глубины
Стояла стена вековая,
И мох зеленел по уступам стены,
Трава колыхалась сухая.

И верхние плиты разбиты грозой
В часы громовой непогоды,
Но стену ту любят за камень сырой
Зеленые ветви природы:

Лоза подается с кудрявым плющом
Туда, где слышнее прохлада,
И в полдень сверкает, играя с лучом,
Прозрачный жемчу́г винограда.

И всякому звуку внимает стена:
Шумящий ли ворон несется —
И ворону в сторону явно сполна
Двоякий полет отдается.

На море ли синем поют рыбари
Иль нимфы серебряным смехом
Тревожат пугливое ухо зари, —
Стена им ответствует эхом.

<1842>

ВЕЧЕРНИЙ САД

Не бойся вечернего сада,
На дом оглянися назад, —
Смотри-ка: все окна фасада
Зарею вечерней горят.

Мне жаль и фонтана ночного,
Мне жаль и жуков заревых,
Мне жаль соловья заревого
И ночи цветов распускных.

Поверь мне: туман не коснется
Головки-малютки твоей,
Поверь, — ни одна не сомнется
Из этих упругих кудрей.

Поверь, что природа так гибко
Твоим покорится очам,
Поверь мне, что эта улыбка
Царица и дням и ночам.

Сопутники вечера — что ж вы?
Ответствуйте милой моей! —
Поверь мне, что узкой подошвы
Роса не коснется твоей.

<1842>

* * *

Перлы восточные — зубы у ней,
    Шелк шемаханский — коса;
Мягко и ярко, что утро весной,
    Светят большие глаза.

Перси при каждом вдыханьи у ней
    Так выдаются вперед,
Будто две полные чаши на грудь
    Ей опрокинул Эрот.

Если же с чувством скажет: «Люблю» —
Чувство и слово лови:
К этому слову — ты слов не найдешь,
Чувства — для этой любви!

<1842>

* * *

Как ум к ней идет, как к ней чувство идет,
Как чувство с умом в ней умеет сродниться,
Умеет родное найти — и на нем
Так ярко и тонко всегда отразиться.

Сквозь ставень окна серебристым лучом
Так в спальню прекрасной луна проникает,
На стол упадет — и, нашедши на нем
Алмаз позабытый, с алмазом играет.

<1842>

* * *

Утром курится поляна,
Вьется волнистый туман,
И на развивы тумана
Весело смотрит Титан.

Шире грудей колыханье,
Локон свивается вновь, —
Слаще младое дыханье
И непорочней любовь. . .

Утро, как сон новобрачной,
Полно стыда и огня, —
Всё, что вечор было мрачно,
Ясно в сиянии дня.

<1842>

* * *

В руке с тамбурином, в глазах с упоеньем,
Ты гнешься и вьешься, плывешь и летишь...
Так чуткая травка под грезы Эола,
Под сонную арфу качается в тишь.

Так в теле, так в членах, объятых забвеньем,
Одно безусталое сердце стучит
В тот час, как при звездах недвижных, холодных
Одна яркой искрою к бездне летит.

<1842>

* * *

Я узна́ю тебя и твой белый вуаль,
Где роняет цветы благовонный миндаль,
За решеткою сада, с лихого коня,
И в ночи при луне, и в сиянии дня;
И гитару твою далеко слышу я
Под журчанье фонтана и песнь соловья...
Днем и ночью гляжу сквозь решетку я вдаль —
Не мелькнет ли в саду белоснежный вуаль?

<1842>

* * *

Мы ехали двое... Под нею
Шел мерно и весело мул.
Мы въехали молча в аллею,
И луч из-за мирты блеснул.

Все гроздья по темной аллее
Зажглися прощальным огнем —
Горят всё светлее, алее,
И вот мы в потемках вдвоем.

Не бойтесь, синьора! Я с вами —
И ручку синьоры я взял,
И долго, прильнувши устами,
Я ручку ее целовал.

<1842>

* * *

За красавицу соседку,
За глаза ея —
Виноградную беседку
Не забуду я.

Помню ветреной смуглянки
Резкий, долгий взор —
Помню милой итальянки
Утренний убор...

Жаркой груди половину,
Смоль ее кудрей —
И плетеную корзину
На руке у ней.

И прозрачной тени сетку
На лице ея —
Виноградную беседку
Не забуду я!

<1842>

ГОРНЫЙ КЛЮЧ

(ОФЕЛИИ)

С камня на камень висящий,
С брошенных скал на утес
Много кристалл твой блестящий
Пены жемчужной унес.

Был при деннице румян ты,
Был при луне бледен ты,
Гордо носил бриллианты,
Скромно — цветы и листы.

Много твой шум отдалённый
Чуждых людей приманил,
Много про чудо вселенной
Странник в дому говорил.

Тучи несут тебе воду,
Чуждые люди дары,
Сила дарует свободу,
Шелест и прелесть игры.

Чадо тревожной неволи,
Что же мне бросить в поток?
Кубок ли звонкий, кольцо ли,
Розы ли юный шипок?

Розу увядшую, друг мой,
Кинул я с желтым листком;
Чувство, и зренье, и слух мой
Гибнут с последним цветком.

<1842>

* * *

Безмолвные поля оделись темнотою,
Заря вечерняя сгорела, воздух чист,
В лесу ни ветерка, ни звука над водою,
Лишь по верхам осин лепечет легкий лист,

Да изредка певец природы благодатной
За скромной самкою, вспорхнув, перелетит
И под черемухой, на ветке ароматной,
Весенней песнию окрестность огласит.

И снова тихо всё. Уж комары устали
Жужжа влетать ко мне в открытое окно:
Всё сном упоено...

<1842>

* * *

Когда кичливый ум, измученный борьбою
С наукой вечною, забывшись, тихо спит,
И сердце бедное одно с самим собою,
Когда извне его ничто не тяготит,

Когда, безумное, но чувствами всесильно,
Оно проведает свой собственный позор,
Бестрепетностию проникнется могильной
И глухо изречет свой страшный приговор:

Страдать, весь век страдать бесцельно,
безвозмездно,
Стараться пустоту наполнить — и взирать,
Как с каждой новою попыткой глубже бездна,
Опять безумствовать, стремиться и страдать, —

О, как мне хочется склонить тогда колени,
Ка́к сына блудного влечет опять к отцу! —
Я верю вновь во всё, — и с шепотом моленья
Слеза горячая струится по лицу.

<1842>

К МОРФЕЮ

На ложе, свежими цветами испещренном,
В пурпуровом венце, из мака соплетенном,
Довольно спать тебе, красавец молодой.
Проснись, молю тебя, скорей глаза открой
И дай коснуться мне целебного фиала,
Чтоб тихо я уснул, чтоб сердце не страдало.

Люблю душистый сок твоих целебных трав,
Люблю твои уста, люблю твой кроткий нрав,
Диану полную над детской колыбелью,
В которой ты лежишь, предавшийся безделью,
И ложа тесноту, и трепетную тень,
И страстные слова, и сладостную лень.

<1842>

* * *

Когда не свищет вихрь в истерзанных снастях,
А вольно по ветру летает легкий флаг,
Когда над палубой нависнет пар недужный
И волны, пеною окаймлены жемчужной,
Так дружно к берегу бегут, а ты в тени
Приморских яворов лежишь, — тогда
взгляни —
Как пена легкая начнет приподыматься
И в формы стройные Киприды округляться.

<1842>

БЮСТ

Когда — из мрамора иль гипса — предо мною
Ты в думы погружен венчанной головою, —
Верь, не вотще глаза устремлены мои
На изваянные кудрей твоих струи,
На неподвижные, изва́янные думы,
На облик гения торжественно-угрюмый,
Как на пророчество великого певца —
На месяц, день и год печального конца!
Нет! мне не верится, что жил ты между нами,
Что — смертный — обладал небесными дарами,
Что ты так мало жил, что ты не умирал —
И никому даров небес не завещал!

<1842>

* * *

Как на черте полночной дали
Тот огонек,
Под дымкой тайною печали
Я одинок.

Я не влеку могучей силой
Очей твоих,
Но приманю я взор твой милый
На краткий миг.

И точка трепетного света
Моих очей —
Тебе печальная примета
Моих страстей.

<1842>

ЭЛЕГИЯ

Мечту младенчества в меня вдохнула ты;
Твои прозрачные, роскошные черты
Припоминают мне улыбкой вдохновенья
Младенческого сна отрадные виденья...
Так! вижу: опытность — ничтожный дар земли —
Твои черты с собой надолго унесли!
Прости! — мои глаза невольно за тобою
Следят — и чувствую, что я владеть собою
Не в силах более; ты смотришь на меня —
И замирает грудь от сладкого огня.

<1842>

СОНЕТ
(ОФЕЛИИ)

С тех пор, как бог в тебе осуществил
Передо мной создание поэта,
Не знаю сам, за что я полюбил
Игривое созвучие сонета.

Не знаю сам, зачем он сердцу мил:
Быть может, звук знакомого привета
Он тех же рифм чредой изобразил —
И ложною мечтой душа согрета.

А может быть, он схож с тобою в том,
Что изо всех стихов его стихом,
Как и тобой, владеть всего труднее,

Иль, наконец, причудливый, как ты,
Смиряясь, он для чувства красоты,
Чем затруднял, становится милее.

<1842>

ХРОНОС

Я тоскую и беспечен,
Жизнь бесстрастная томит,
Скучный день мой бесконечен,
Ночь бессонна, как Аид.

Час за часом улетает,
Каждый бой часов растет,
Где двенадцать ударяет,
Там и первый настает.

<1842>

СТРАННАЯ УВЕРЕННОСТЬ

Скорей, молись, затягивай кушак!
Нас ждет ямщик и тройка удалая,
Коней ждет корм, а ямщика кабак,
А нас опять дорога столбовая.

Да кой же черт? хоть путь нам и далек,
Не даром же прогоны в вечность канут!
Не может быть... Есть в мире уголок,
Где и про нас хоть мельком упомянут.

<1842>

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот застава — скоро к дому,
Слава богу, налегке!
Мой привет Кремлю родному,
Мой привет Москве-реке!

Не увижу ли, не встречу ль
Голубых ее очей?
Догадаюсь ли, замечу ль
По сиянью их лучей

Долгой тайны нетерпенье,
Пламень в девственной крови,
Возрожденье, упоенье
И доверчивость любви?

<1842>

ЕЕ ОКНО

Как здесь темно,
А там давно
Ее окно
Озарено...
Колонны в ряд
Между картин
Блестят, горят
Из-под гардин!
Вон, вон она
Наклонена!
Как хороша!
Едва дыша,
Любуюсь я...
Она моя,
Моя, моя!

<1842>

* * *

Сорвался́ мой конь со стойла,
Полетел, не поскакал...
Хочет воли, ищет пойла,
Хвост и гриву раскидал.

Отпугните, загоните!
Чья головка там видна?
Посмотрите, посмотрите,
Паша смотрит из окна!

<1842>

* * *

Как много, боже мой, за то б я отдал дней,
Чтоб вечер северный прожить тихонько с нею
И всё пересказать ей языком очей,
Хоть на вечер один назвав ее своею,

Чтоб на главе моей лилейная рука,
Небрежно потонув, власы приподнимала,
Чтоб от меня была забота далека,
Чтоб счастью одному душа моя внимала,

Чтобы в очах ее слезинка родилась —
Та, над которой я так передумал много, —
Чтобы душа моя на всё отозвалась —
На всё, что было ей даровано от бога!

<1842>

УТЕС

Моря не было там, а уж я тут стоял,
Великан первобытной природы.
Еще ветер зеленые рощи ласкал,
Еще пó степи конь быстроногий скакал,
Где теперь разбегаются воды.

Раз, я помню, вздрогну́ла земля подо мной,
Я взглянул чрез леса и чрез нивы:
Вижу, море идет темно-синей стеной,
Ближе, ближе — и, всё затопив, предо мной
Раскидало седые заливы.

Во всю ночь эту шум не давал мне уснуть,
Снились горы шипящие пены...
Но давно я привык. Станет ветер ли дуть
Иль корма бороздить свой невидимый путь —
Я привык и не жду перемены.

<1842>

* * *

Поверьте мне: с надеждой тайной
Стиху я верю своему;
Быть может, прихотью случайной
Дано значение ему.

Так точно, в час осенней тучи,
Когда гроза деревья гнет,
Листок бесцветный и летучий
Вас грустным лепетом займет.

<1842>

* * *

Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звезды южные дрожат;
Очи матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.

Ни ушей, ни взоров лишних.
Вот пропели петухи,
И за ангелами в вышних
Славят бога пастухи.

Ясли тихо светят взору,
Озарен Марии лик...
Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник.

И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран:
С ней несут цари востока
Злато, смирну и ливан.

1842 или 1843

БЛУДНИЦА

Но Он на крик не отвечал,
Вопрос лукавый проникая,
И на песке, главу склоняя,
Перстом задумчиво писал.

Во прахе, тяжело дыша,
Она, жена-прелюбодейка,
Золотовласая еврейка
Пред ним, грешна и хороша.

Ее плеча обнажены,
Глаза прекрасные закрыты,
Персты прозрачные омыты
Слезами горькими жены.

И понял Он, как ей сродно́,
Как увлекательно паденье:
Так юной пальме наслажденье
И смерть — дыхание одно.

<1843>

ГОРЫ

ОДА

Стою у каменной стремнины,
Мне этот воздух незнаком,
Но сердце радуют картины
Своим пестреющим венком:
Внизу — гулливые долины,
И речка блещет серебром. . .
Где стадо мелкое теснится,
Тропинка желтая пылится.

И нив златая полоса,
И дым белеющих селений,
Благоуханные леса
С немолчным хором песнопений,
И виноградная лоза,

Царица мудрая растений;
Тут мостик легкою дугой
Прыгнул через поток живой.

Над белым паром водопада
Зубцом причудливым скала
В предел пытующего взгляда
Чело на небо унесла.
Там воздух — вольности отрада,
Стезя широкая орла...
Кругом, куда ни кинешь взоры, —
Венцом синеющие горы.

Мне так легко, — я жизнь познал,
И грудь так сладко дышит ею,
Я никогда не постигал,
Что́ нынче сердцем разумею:
Зачем Он горы выбирал,
Когда являлся Моисею,
И отчего вблизи небес
Доступней таинства чудес!

<1843>

* * *

В небесах летают тучи,
На листах сверкают слезы;
До росы шипки грустили,
А теперь смеются розы.

После грома воздух чище
И свежее дышат люди;
Под ресницей орошенной
Как-то легче жаркой груди.

На природе с каждой каплей
Зеленеет вся одежда,
В небе радуга сияет,
Для души горит надежда.

<1843>

* * *

Мы с тобой не просим чуда:
Только истинное чудно;
Нет для духа больше худа,
Как увлечься безрассудно.

Нынче, завтра — круг волшебный
Будет нем и будет тесен;
Оглянись — и мир вседневный
Многоцветен и чудесен.

Время жизни скоротечно,
Но в одном пределе круга
Наши очи могут вечно
Пересказывать друг друга.

<1843>

* * *

Ночь. Не слышно городского шума.
В небесах звезда — и от нее,
Будто искра, заронилась дума
Тайно в сердце грустное мое.

И светла, прозрачна дума эта,
Будто милых взоров меткий взгляд;
Глубь души полна родного света,
И давнишней гостье опыт рад.

Тихо всё, покойно, как и прежде;
Но рукой незримой снят покров
Темной грусти. Вере и надежде
Грудь раскрыла, может быть, любовь?

Что ж такое? Близкая утрата?
Или радость? — Нет, не объяснишь, —
Но оно так пламенно, так свято,
Что за жизнь творца благодаришь.

<1843>

* * *

Смотри, красавица, — на матовом фарфоре
Румяный русский плод и южный виноград:
Как ярко яблоко на лиственном узоре!
Как влагой ягоды на солнышке сквозят!

Одна искусная рука соединяла,
Одно желание совокупило их;
Их розно солнышко и прежде озаряло, —
Но дорог красоте соединенья миг.

<1843>

ЦЫГАНКЕ

Молода и черноока,
С бледной смуглостью ланит,
Прорицательница рока,
Предо мной дитя востока,
Улыбаяся, стоит.

Щеголяет хор суровый
Выраженьем страстных лиц;
Только деве чернобровой
Так пристал наряд пунцовый
И склонение ресниц.

Перестань, не пой, довольно!
С каждым звуком яд любви
Льется в душу своевольно
И горит мятежно-больно
В разволнованной крови.

Замолчи: не станет мочи
Мне прогрезить до утра
Про полуденные очи
Под навесом темной ночи
И восточного шатра.

<1844>

* * *

На водах Гвадалквивира
Месяц длинной полосой;
От незримых уст зефира
Влага блещет чешуей...

Всё уснуло... лишь мгновенный
Меркнет луч во тьме окна,
Да гитарой отдаленной
Тишина потрясена,

Да звезда с высот эфира
Раскатилася дугой...
На водах Гвадалквивира
Месяц длинной полосой.

<1844>

* * *

Рассказывал я много глупых снов,
На мой рассказ так грустно улыбались;
Многозначительно при звуке странных слов
Ее глаза в глаза мои вперялись.

И время шло. Я сердцем был готов
Поверить счастью. Скоро мы расстались, —
И я постиг у дальних берегов,
В чем наши чувства некогда встречались.

Так слышит узник бледный, присмирев,
Родной реки излучистый припев,
Пропетый вовсе чуждыми устами:

Он звука не проронит, хоть не ждет
Спасения, — но глубоко вздохнет,
Блеснув во мгле ожившими очами.

<1844>

В АЛЬБОМ

Я вас рассматривал украдкой,
Хотел постигнуть — но, увы!
Непостижимою загадкой
Передо мной мелькали вы.

Но вы, быть может, слишком правы,
Не обнажая предо мной, —
Больны ль вы просто, иль лукавы,
Иль избалованы судьбой.

К чему? Когда на блеск пурпурный
Зари вечерней я смотрю,
К чему мне знать, что дождик бурный
Зальет вечернюю зарю?

Тот блеск — цена ли он лишенья —
Он нежно свят — чем он ни будь,
Он дохновение творенья
На человеческую грудь.

<1844>

* * *

Я говорил при расставаньи:
«В далеком и чужом краю
Я сохраню в воспоминаньи
Святую молодость твою».

Я отгадал душой небрежной
Мою судьбу — и предо мной
Твой образ юный, образ нежный,
С своей младенческой красой.

И не забыть мне лип старинных
В саду приветливом твоем,
Твоих ресниц, и взоров длинных,
И глаз, играющих огнем.

Август 1844

ПЕСНЬ ПАЖА
(ИЗ ВРЕМЕН РЫЦАРСТВА)

Говорят, мой голос звонок,
Говорят, мой волос тонок, —
Что красавец я;
Говорят, я злой ребенок, —
Бог им в том судья!

Мне сулят во всем удачу,
Судят, рядят наудачу, —
Кто их разберет!
А не знают, как я плачу
Ночи напролет..

«Он дитя» — меня балуют,
«Он дитя» — меня целуют.
Боже мой! Оне
И не знают, что волнуют,
Мучат всё во мне.

Целовал бы, да не смею,
Прошептал бы, да робею,
Этим всё гублю...
А давно сказать умею:
«Я люблю! люблю!»

<1845>

* * *

Вижу, снова небо тмится,
Немощь крадется по мне,
И душе моей не снится
Ничего по старине.

Как пятно, темно и хладно,
Не поя огня в крови,
Смотрит грустно, беспощадно
На меня звезда любви.

И не знаю, расцвету ли
Для порывов юных дней,

Иль навек в груди уснули
Силы гордые страстей?

И чего змея раздора
Ждет от сердца моего:
Униженья, иль отпора,
Или просто ничего?..

<1845>

* * *

Я вдаль иду моей дорогой
И уведу с собою вдаль
С моей сердечною тревогой
Мою сердечную печаль.

Она-то доброй проводницей
Со мною об руку идет
И перелетной, вольной птицей
Мне песни новые поет.

Ведет ли путь мой горной цепью
Под ризой близких облаков,
Иль в дальний край широкой степью,
Иль под гостеприимный кров, —

Покорна сердца своеволью,
Везде, бродячая, вольна,
И запоет за хлебом-солью,
Как на степи, со мной она.

Спасибо ж тем, под чьим приютом
Мне было радостней, теплей,
Где время пил я по минутам
Из урны жизненной моей,

Где новой силой, новым жаром
Опять затрепетала грудь,
Где музе-страннице с гусляром
Нетруден показался путь.

Апрель 1845

* * *

При свете лампады над черным сукном
Монах седовласый сидит
И рукопись держит в иссохших руках
И в рукопись молча глядит.

И красное пламя, вставая, дрожит
На умном лице старика;
Старик неподвижен, — и только порой
Листы отгибает рука.

И верит он барда певучим словам,
Хоть дней тех давно не видать:
Они перед ним, в его келье немой, —
Про них ему сладко читать...

И сладко и горько!.. Ведь жили ж они
И верили тайной звезде...
И взор на распятье... И тихо слеза
Бежит по густой бороде...

<1846>

ВОЗДУШНЫЙ ГОРОД

Вон там по заре растянулся
Причудливый хор облаков:
Всё будто бы кровли, да стены,
Да ряд золотых куполов.

То будто бы белый мой город,
Мой город знакомый, родной,
Высоко на розовом небе
Над темной, уснувшей землей.

И весь этот город воздушный
Тихонько на север плывет...
Там кто-то манит за собою —
Да крыльев лететь не дает!..

<1846>

ХУДОЖНИКУ

Не слушай их, когда с улыбкой злою
Всю жизнь твою поставят на позор,
И над твоей венчанной головою
Толпа взмахнет бесславия топор;

Когда ни сны, ни чистые виденья,
Ни фимиам мольбы твоей святой,
Ни ряд годов наук, трудов и бденья
Не выкупят тебя у черни злой...

Им весело, когда мольбой презренной
Они чело младое заклеймят...
Но ты прости, художник вдохновенный,
Ты им прости: не ведят, что творят.

<1846>

ПРОСТИ
(ОФЕЛИИ)

Прости, — я помню то мгновенье,
Когда влюбленною душой
Благодарил я провиденье
За встречу первую с тобой.

Как птичка вешнею зарею,
Как ангел отроческих снов,
Ты уносила за собою
Мою безумную любовь.

Мой друг, душою благодарной,
Хоть и безумной, может быть,
Я ложью не хочу коварной
Младому сердцу говорить.

Давно ты видела, я верю,
Как раздвояется наш путь!
Забыть тяжелую потерю
Я постараюсь где-нибудь.

Еще пышней, еще прекрасней
Одна — коль силы есть — цвети!
И тем грустнее, чем бесстрастней
Мое последнее прости.

<1846>

ВЕСНА НА ЮГЕ

Ночью месяц, полон блеска,
Ходит, тучи серебря,
Днем в окно тепло и резко
Светит солнце января.

В новых листьях куст сирени
Явно рад веселью дня.
Вешней лени, тонкой лени
Члены полны у меня.

Песня в сердце, песня в поле,
Нега тайная в крови, —
Как-то веришь поневоле
Обаянию любви!

Что ж раздумье? что за слезы?
Иль душой учуял я,
Как сирень убьют морозы
И затихнет песнь моя?

<1847>

* * *

Прекрасная, она стояла тихо,
Младенец-брат при ней был тоже тих,
Она слова молитв ему шептала,
Она была прекрасна в этот миг.

И так прекрасен был при ней младенец
Кудрявый, с верой в голубых глазах,
И сколько в знаменьи креста его смиренья,
Как чудно-много детского в мольбах!

Со мною рядом тут же допотопный
И умный франт, незримый для людей, —
Хотя б из дружбы придал он сарказму
Бесчувственной иронии своей.

<1847>

* * *

Кенкеты, и мрамор, и бронза,
И глазки и щечки в огне...
Такие счастливые лица,
Что весело с ними и мне.

Там дальше зеркальные стены,
Там милое краше в сто раз,
Там гнутся, блистают и вьются
Цветы, бриллианты и газ.

И кто-то из зеркала тотчас
Меняется взором со мной —
Позвольте просить в vis-à-vis вас —
Куда вы? — Я еду домой.

<1847>

* * *

Я знал, что нам близкое горе грозило,
Но я не боялся при ней ничего, —
Она как надежда была предо мною,
И я не боялся при ней ничего.

И пела она мне про сладость страданья,
Про тайную радость страданья любви,
Про тайную ясность святой благодати,
Про тайный огонь в возмущенной крови.

И, павши на грудь к ней, я горько заплакал,
Я горько заплакал и весь изнемог,

Рыдал я и слышал рыдания милой.
Но слез ее теплых я видеть не мог.

Я голову поднял, но горькие слезы
Исчезли с ресницы и с ока ея...
Она улыбнулась, как будто невольно,
Какую-то радость в душе затая.

О друг мой! Ты снова беспечно-игрива!
Зачем ты беспечно-игрива опять?
Хотя б ты из песни своей научилась,
Из песни своей научилась страдать!

<1847>

К ЦИРЦЕЕ

Блажен, о Цирцея, кто в черные волны забвенья
Гирлянду завядшую дней пережитых кидает,
Пред кем исчезают предметы в дыму благовонном,
Кто — весь заблужденье — невольно рукой шаловливой
Смоль черных кудрей твоих с белой блистающей шеи
К устам прижимая, вдыхает их сладостный запах,
Кто только и слышит в костях пробегающий трепет,
Кто только и видит два черных, полуденных ока.
Но горе, Цирцея!.. Потянут противные ветры,
Туманом рассеется сладостный дым перед оком,
Упругие губы не будут звучать поцелуем,
И волны забвенья кольцо возвратят Поликрату...
Кто ж снова повязку на очи положит Эроту?
Кто скажет со вздохом: Цирцея, как Леда, прекрасна!

<1847>

МОЙ АНГЕЛ

Как он прекрасен,
Гость-небожитель!
Он не состарился
С первой улыбки моей в колыбели,

Когда, играя
Златыми плодами
Под вечною райскою пальмою,
Он указал мне
На матерь-деву
Страдальца Голгофы — и подле
Двенадцать престолов во славе.
Он тот же, всё тот же —
Кудрявый, с улыбкой,
В одежде блистательно-белой,
С любовью во взоре —
Мой ангел-хранитель...

<1847>

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Я громом их в отчаяньи застигну,
Я молнией их пальмы сокрушу,
И месть на месть и кровь на кровь воздвигну,
И злобою гортань их иссушу.

Я стены их сотру до основанья,
Я камни их в пустыне размечу,
Я прокляну их смрадное дыханье,
И телеса их я предам мечу.

Я члены их орлятам раскидаю,
Я кости их в песках испепелю,
И семя их в потомках покараю,
И силу их во внуках погублю.

На жертвы их отвечу я хулою,
Оставлю храм и не приду опять,
И девы их в молитве предо мною
Вотще придут стенать и умирать.

<1847>

* * *

Между счастием вечным твоим и моим
Бесконечное, друг мой, пространство.
Не клянись мне — я верю: я, точно, любим —
И похвально твое постоянство;

Я и сам и люблю и ласкаю тебя.
Эти локоны чудно-упруги!
Сколько веры в глазах! .. Я скажу не шутя:
Мне не выбрать милее подруги.

Но к чему тут обман? Говорим что хотим, —
И к чему осторожное чванство?
Между счастием вечным твоим и моим
Бесконечное, друг мой, пространство.

<1847>

VEILLE SUR CE QUE J'AIME[1]

Бди над тем, что сердцу мило,
Неизменное светило —
Звездочка моя.
Светлых снов и благодати
Ей, как спящему дитяти,
Умоляю я!

Свод небесный необъятен, —
Чтоб на нем ей был понятен
Ход усталых туч,
Твой восход, твое стремленье,
И молитвенное бденье,
И дрожащий луч.

<1847>

[1] Бодрствуй над тем, что я люблю (фр.). — *Ред.*

* * *

Как отрок зарею
Лукавые сны вспоминает,
Я звука душою
Ищу, что в душе обитает.

Хоть в сердце нет веры
В живое преданий наследство,
Люблю я химеры,
Где рдеет румяное детство.

Быть может, что сонный
Со сном золотым встрепенется
Иль стих благовонный
Из уст разомкнутых польется.

<1847>

СИЛЬФЫ

Ночную фиалку лобзает зефир,
И сладостно цвет задышал,
Я слышу бряцание маленьких лир,
Луну я в росинке узнал.

И светлая капля дрожит теплотой
И мещет сиянье вокруг;
И сильфы собрались веселой толпой
С улыбкой взглянуть на подруг.

И крошка сильфида взяла светляка
На пальчик. Он вьется как змей.
Как ярко лицо и малютка-рука
Сияньем покрылись у ней!

Но чу! кто-то робко ударил в тимпан!
Лучей вам нельзя превозмочь!
И весь упоенный раскрылся тюльпан
В последнюю сладкую ночь.

Но вот уж навстречу грядущему дню
    Готовы цветов алтари,
И сильфы с улыбкой встречают родню
    И светлого друга зари.

<1847>

МЕТЕЛЬ

Ночью буря разозлилась,
Крыша снегом опушилась,
И собаки — по щелям.
Липнет глаз от резкой пыли,
И огни уж потушили
Вдоль села по всем дворам.

Лишь в избушке за дорогой
Одинокий и убогой
Огонек в окне горит.
В той избушке только двое.
Кто их знает — что такое
Брат с сестрою говорит?

«Помнишь то, что, умирая,
Говорили нам родная
И родимый? — отвечай! . .
Вот теперь — что день, то гонка,
И крикливого ребенка,
По́век девкою, качай!

И когда же вражья сила
Вас свела? — Ведь нужно ж было
Завертеться мне в извоз! . .
Иль ответить не умеешь?
Что молчишь и что бледнеешь?
Право, девка, не до слез!»

— «Братец милый, ради бога,
Не гляди в глаза мне строго:

Я в ночи тебя боюсь».
— «Хоть ты бойся, хоть не бойся,
А сойдусь — не беспокойся,
С ним по-свойски разочтусь!»

Ветер пуще разыгрался;
Кто-то в избу постучался.
«Кто там?» — брат в окно спросил.
— «Я прохожий — и от снега
До утра ищу ночлега», —
Чей-то голос говорил.

— «Что ж ты руки-то поджала?
Люльку вдоволь, чай, качала.
Хоть грусти, хоть не грусти;
Нет меня — так нет и лени!
Побеги проворней в сени
Да прохожего впусти».

Чрез порог вступил прохожий;
Помолясь на образ божий,
Поклонился брату он;
А сестре как поклонился
Да взглянул, — остановился,
Точно громом поражен.

Все молчат. Сестра бледнеет,
Никуда взглянуть не смеет;
Исподлобья брат глядит;
Всё молчит, — лучина с треском
Лишь горит багровым блеском,
Да по кровле ветр шумит.

<1847>

* * *

О, для тебя я сделаюсь поэтом!
Готов писать и прозой и стихами,
Распоряжаться мыслью и словами
И рифмы в ряд нанизывать сонетом.

Да что же мне — какая польза в этом?
Я не решусь быть низким перед вами,
Я не решуся черными словами
Вас выставить, запачкать перед светом.

Но если вы, поняв мои намеки,
Со страху раз помолитесь невольно
И на́долго запомните уроки,

В которых то-то и смешно, что больно, —
Поверьте мне, и этого довольно,
И одою сменю я эти строки.

<1847>

* * *

Смотреть на вас и странно мне и больно:
Жаль ваших взоров, ножек, ручек, плечек.
Скажите, кто вот этот человечек,
Что подле вас стоит самодовольно?

Во мне вся кровь застынет вдруг невольно,
Когда, при блеске двух венчальных свечек,
Он вам подаст одно из двух колечек;
Тогда в слезах молитесь богомольно.

Но я на вас глядеть тогда не стану,
А то, быть может, сердце содрогнется.
К чему тревожить старую в нем рану? —

А то из ней, быть может, яд польется.
Мне только легкой поступи и стану,
Да скрытности дивиться остается.

<1847>

* * *

Виноват ли я, что долго месяц
Простоял вчера над рощей темной,
Что под ним река дрожала долго
Там, где крылья пучил белый лебедь?
Ведь не я зажег огни рыбачьи
Над водой, у самых лодок черных.
Виноват ли я, что до рассвета
Перепелок голос раздавался?
Но ты спишь... О, подними ресницы!
Знаешь ли, я помню, помню живо —
Ты сама ведь любишь ночи: ночью
Это было — я спешил в Риальто.
Быстро весла ударяли в воду,
Гондольер мой пел; но эта песня
Пронеслась, как многое проходит,
Невозвратно; помню только это:
«Обожали пламенные греки
Красоты богиню Афродиту
В пене волн на раковине ясной.
Как же глупы, просты эти греки:
Перед ними ты была в гондоле».
Знаешь ли, я сам, когда ты дремлешь,
Опустя недвижные ресницы,
И твоих волос густые кудри
Недвижимы, руки, выше локтя
Обнажась, на складках полотняных
Так лежат, как будто с мыслью тайной
Раскидал их .... Фидий, —
И гляжу я долго и не знаю,
На твоем блестящем светом лике
Рождена ль улыбка красотою
Иль красу улыбка породила.
Знаешь ли... Но, опустя ресницы,
Ты уснула... Спи, моя богиня!

<1847>

САКОНТАЛА

1

Саконтала, из всех цариц, украшавших индийский
Трон, народу любезная, милая сердцу супруга —
Мудрого государя Викрамы, встречала однажды
Праздничный день своего рожденья общим весельем.
Радость кругом разлилась по чертогам и хижинам
царства;
Только живей и нежнее ее раздавалися звуки
В сердце каждого. Лик царицы был тих и прекрасен,
Око ее сияло любезно и кротко, как солнце
В час вечерний, когда, садясь за дальние горы,
Ро́су шлет и прохладу оно, долины и выси
Влагою с высоты окропляя отрадной. Таков был
Лик Саконталы. Затем-то, с детским смирением
в сердце,
Жители Индии взор к своей несравненной царице,
Полный любви, обращали и ей приносили посильно
Разного рода дары — растенья лучшие царства,
Благоуханный елей, злато и камни цветные;
Благословения ей другие молили у Брамы.
Вот в средину ликующих, тесной толпою стоящих
Около царских ворот, брамин выходит; корзинку
Нес он в руках, из лоз плетенную; край у корзинки
Мохом простым был покрыт. Придворные слуги, увидя
Старца, стоя́ в переходах, друг друга спрашивать
стали:
«Знать, брамин поприблизиться хочет сиянью престола
С лозниковой корзинкою, полною мохом кудрявым?»
Но брамин подошел свободно, поставил корзинку
Саконтале к ногам и сказал: «Видишь ли, наша
Добрая мать и владычица нашего царства: вот эти
Лозы корзинки и этот мох и цветы полевые —
Дети долины на самой далекой границе обширной
Нашей земли, где стопы твои блуждали в то время,
Как еще первая жизни весна пред тобой улыбалась».
Так брамин говорил, и у ног Саконталы стояла
С мохом корзинка. Тогда царица взор обратила
На корзинку, на мох и цветы, что лежали в корзинке,
И с престола она улыбнулась приветливо, нежно

Скромным цветам долины давно миновавшего детства.
Тихо брамин возвращался к своей одинокой долине,
И казалася роскошь полей для него превосходней:
Он не мог позабыть улыбки лица Саконталы.

2

Саконтала, прекрасная, милая сердцу царица
Индии, день своего рожденья встречала молитвой
Тихою к Браме; война ужасная всё государство
Опустошила, и царь индийский, супруг Саконталы,
Был вдали от нее средь ужасов битвы кровавой;
Но еще более то умножало горесть царицы,
Что большая часть преданных в битве погибли и много
Было таких, что забыли царскую милость, с какою
Почестями он их осыпал, и вдруг показали
Неблагодарность и трусость сердец изменой в годину
Бедствия. Вот почему Саконтала в тиши проливала
Слезы, и день рождения был ей дню смерти подобен.
В это время вошла одна из женщин служáщих
Тихо к печальной царице и ей сказала: «Опять здесь
Тот брамин, что к тебе приходил с цветами долины».
Но Саконтала вздохнула и ей отвечала: «Как могут
Быть отрадны цветы моему сокрушенному сердцу
Или служить украшеньем моей побледневшей ланите?
Всё же, — сказала потом царица добрая, — старца
Ты введи, чтобы я из его приношенья сознала,
Как верна мне в печали любовь незлóбивых сердцем».
Старый брамин вошел и сказал, главу наклоняя:
«Видишь ли, добрая мать и владычица нашего
царства:
Горе твое и печаль тебя сердец не лишило
Жителей той долины, где ты блуждала в то время,
Как еще первая жизни весна пред тобой улыбалась.
Шаткого счастья измена любви и верности узы
Не разрешает; напротив, она их прочнее связует.
Только цветов я тебе не принес: в нашей долине
Стоптаны все; но они расцветут еще лучше, коль
Брама
После бурь ниспошлет весны благодатной дыханье.
Я принес тебе дар драгоценнейший нашей долины —

Камень, которому в Индии равного нет красотою».
Молча, полна удивленья, царица взглянула на старца;
Он же, речь продолжая, сказал: «Тебе приносил я
В дар цветы, когда на юном челе твоем радость
Расцветала, ничем не смущенная; но испытанье
Брама наслал на тебя; я вижу, что горе ланиты
Бледностию твои овеяло; знал я, что будешь
День своего рожденья ты провожать со слезами.
Для прекрасных душ слезы — небесная влага,
От которой они вполне расцветают. Так Брама
Освящает своих любимцев. Вот почему я
Ныне к тебе подхожу с благороднейшим даром природы».
Так брамин говорил и, полный почтенья, поставил
Черного дерева ящик к ногам Саконталы. Чудесно
Светлый камень играл, отвсюду охваченный черным.
Тут склонила царица чело и взглянула на ящик
И на камень, своими лучами его наполнявший,
И с ланит у нее покатились прозрачные слезы.
Тихо брамин возвращался к своей одинокой долине,
Медленно шел он, и грустью отрадною полон был старец.
Всё, казалось ему, он видит слезу Саконталы.

8

Грустен скитался брамин в своей одинокой пустыне;
Помнил царицы-страдалицы тяжкое он испытанье.
Вдруг опять поднялась война ужасная. Мощный
Истребитель с своей толпой необузданных полчищ
Встал на западе, с тем, чтоб земли восточных пределов
Опустошить. И того, о чем, наругаясь, задумал,
Он достигнуть успел; но всё населенье стонало.
Старец Браму день и ночь умолял за Викраму
Правосудного и за Саконталу царицу,
Сердцу любезную. Но тщетны были моленья,
И военная буря неслася грозным потоком
К самой долине брамина, и бич притеснителя всюду
Жертв настигал. Тогда печальный брамин удалился

В дикие горы и жил между скал, чуждаяся встретить
Лик человеческий. Тяжкою скорбью исполнено было
Сердце старца, и смерти желанной алкал он душою;
Но желанье его не исполнилось. — Много он прожил
Лет в своем одиночестве между скала́ми пустыни;
Вдруг кругом раздались вдали веселые звуки
Песен победы и мира под рокот трубы и кимвала.
Тут главою к земле склонился старец в молитве,
Встал, помазал главу и сказал: «Перед смертью я должен
Правых победу и лик царицы кроткой увидеть».
Тут наполнил брамин опять корзину цветами
Самыми лучшими в целой долине и сверху прикрыл их
Пальмы и ма́слины тучной младыми побегами; тут же
Ветвь положил благовонную нежно лепечущей мирты.
Скоро потом он к престольному граду лицом обратился
И в молчаньи пошел чрез толпы́ торжествующих граждан.
Радостью лик засиял у старца, когда в ворота́х он
Был дворцовых. Отверзши уста, слуга́м он придворным
Стал говорить: «Ведите меня к царице, чтоб мог я
Жертву свою ей принесть. Семь лет как не видел я мира».
Слыша речи такие, слуги взглянули на старца,
Смолкли и стали плакать. Брамин же спросил их: «Чего вы
Плачете, и отчего изменилися так ваши лица?»
Слуги на это ему отвечали: «Иль ты не житель
Здешнего мира, когда один ты не знаешь, что сталось?»
И на могилу царицы они повели его: «Видишь, —
Так говорили они, — в ней сердце не вынесло горя».
Больше они ничего сказать не могли и рыдали.
Тут у старца лик просиял и затеплилось око,
Будто у юноши; к небу он поднял чело и воскликнул:
«Разве не вижу я Брамы жилища, не вижу сиянья
Вечного моря лучей, его окружающих блеском!
И Саконтала пред ним на облаке раннего утра
Смотрит на нас. Примиренной отчизны чистейшая жертва,
Жрицею ныне она сияет небесного мира.

Видишь ли ты, просветленная? Я, как и прежде бывало,
Здесь пред тобою стою с моими земными цветами».
Тут умолкнул старец, склонясь на цветы и могилу.
Тихим повеяло ветром, и Брама приял его душу.

<1847>

ЯЗЫК ЦВЕТОВ

Мой пучок блестит росой,
Как алмазами калиф мой;
Я давно хочу с тобой
Говорить пахучей рифмой.

Каждый цвет уже намек, —
Ты поймешь мои признанья;
Может быть, что весь пучок
Нам откроет путь свиданья.

<1847>

* * *

Как идет к вам чепчик новый,
Как идет большая шаль!
Поздравляю вас с обновой,
А мне все-таки вас жаль.

Как идет к вам эта бледность,
Эта скрытая печаль,
Эта внутренняя бедность, —
Мне вас жаль, да, мне вас жаль.

<1847>

* * *

Многим богам в тишине я фимиам воскуряю,
В помощь нередко с мольбой многих героев зову;
Жертвую музам, дриадам, нимфам речистым и даже
Глупому фавну весной первенца стад берегу.

Песня же первая — Вакху, мудрому сыну Семелы.
Ты, Дионисий в венке, грозный владыка ума,
Всех доступней моим мольбам и моим возлияньям:
Ты за утраты мои полной мне чашей воздай!
Где недоступная дева, моих помышлений царица?
В мраморах Фидий своих равной не зрел никогда,
Я же сходного с ней не знал созданья, — и что же?
Тирсу покорный, и ей клялся пожертвовать я.
Ждал я, безумный, забыться в дыму и в чаду
приношений;
Новый Калхас, уже меч дерзкой рукой заносил;
Мать-природа вотще взывала, как мать
Клитемнестра, —
Миг еще, миг — и тебе всё бы принес я, Лией.
Мне уже чудился плеск волн забвения в барку, —
Только заступница дев деву чудесно спасла:
Дивно светла, предо мной Ифигения к небу
восходит,
Я же коленом тугим в бок упираю козла.

<1847>

* * *

Эти думы, эти грезы —
Безначальное кольцо.
И текут ручьями слезы
На горячее лицо.

Сердце хочет, сердце просит,
Слезы льются в два ручья;
Далеко меня уносит,
А куда — не знаю я.

Не могу унять стремленье,
Я не в силах не желать:
Эти грезы — наслажденье!
Эти слезы — благодать!

<1847>

* * *

Друг мой, я сегодня болен, —
Знать, поветрие такое:
Право, я в себе не волен,
Не найдусь никак в покое.

Не ошибся я в надежде:
Ты умна и молчалива,
Ты всё та же, что и прежде, —
И добра и горделива.

На дворе у нас ненастье,
На дворе гулять опасно, —
Дай мне руку, дай на счастье...
У тебя тепло и ясно.

Ах, давно ли у тебя я —
Так беспечно, так лениво, —
Всё на свете забывая,
Был покорен молчаливо?

А теперь — зачем в углу том,
За широкою гардиной,
Вон, вон тот, что смотрит плутом,
С черной мордою козлиной?

Не могу не ненавидеть
Этих глаз в досадной роже!
Право, — скучно, грустно видеть
Каждый день одно и то же.

Понимаю эти ласки,
Взор печали беспредельной...
Нет ли, друг мой, нет ли сказки,
Нет ли песни колыбельной?

Чтобы песнию смягчалось
То, что в сказке растревожит;
Чтобы сердце хоть пугалось,
Коль любить оно не может.

<1847>

* * *

Поделись живыми снами,
Говори душе моей;
Что не выскажешь словами —
Звуком нá душу навей.

<1847>

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

Вот снова ночь с своей тоской бессонной
Дрожит при блеске дня.
С улыбкою мой демон искушенный
Взирает на меня.

Он видит всё — улыбку, вздох и слезы.
Пусть он их видит — пусть!
Давным-давно бессонницу и грезы
Он знает наизусть.

Пускай весна наряд свой пестрый кажет
И я вокруг гляжу;
Он знает всё, что сердце твари скажет,
Что людям я скажу.

Ему смешно, что наперед он знает,
Чем дума занята,
Что ясно так и внятно он читает
По книге живота.

Как мраморный, блестящий и холодный,
Мой прорицатель дня,
С улыбкой злой и гордо-благородной
Он смотрит на меня.

<1847>

К КАРТИНЕ

Не говори, что счастлив я,
Что я хорош собой,
Что бог благословил меня
Прекрасною женой.

Не говори, что жизнь сулит
Мне счастье впереди,
Что крошка-сын наш тихо спит,
Прильнув к родной груди.

Напрасных слов не расточай, —
Ненужен мой ответ.
Взгляни в глаза и отвечай:
Чтó — счастлив я иль нет?

Скажи — ты видишь по глазам, —
По сердцу ль мне покой, —
Иль, может быть, я жизнь отдам
Померяться с судьбой?

Отдам, что было мне дано
Блаженства и тоски,
За взгляд, улыбку, — за одно
Пожатие руки.

<1847>

КУРГАН

Друг веков, поверенный преданий,
Ты один средь братии своей
Сохранил сокровищ и деяний
Вековую тайну от людей.

Что же дуб с кудрявой головою
Не взращен твой подвиг отмечать
И не светит в сумрак над тобою
Огонек — избрания печать?

Как на всех, орел с неизмеримой
На тебя слетает высоты
И срезает плуг неумолимый
Всех примет последние следы.

Что ж ты дремлешь? Силой чудотворной
Возрасти темно-кудрявый дуб!
Сокруши о камень непокорный
Злого плуга неотвязный зуб!

— Оттого-то, странник безприметный,
На степи я вечно здесь молчу,
Что навек в груди мой клад заветный
Ото всех я затаить хочу.

<1847>

* * *

Ты говоришь мне: прости!
Я говорю: до свиданья!
Ты говоришь: не грусти!
Я замышляю признанья.

Дивный был вечер вчера!
Долго он будет в помине;
Всем, — только нам не пора;
Пламя бледнеет в камине.

Что же, — к чему этот взгляд?
Где ж мой язвительный холод?
Грусти твоей ли я рад?
Знать, я надменен и молод?

Что ж ты вздохнула? Цвести —
Цель вековая созданья;
Ты говоришь мне: прости!
Я говорю: до свиданья!

<1847>

ТУЧКА

Тучка-челн, небес волною
Обданная паром,
Между мною и луною
Ты плывешь недаром:

От луны — твой свет, что ставит
Трон полночный богу;
От меня ж возьми, что давит:
Думу и тревогу.

Спит она — тяжелой битвой
Дум не возмутима;
Ты ж над ней с моей молитвой
Пронесися мимо.

<1847>

СВОБОДА И НЕВОЛЯ

Видишь — мы теперь свободны:
Ведь одно свобода с платой;
Мы за каждый миг блаженства
Жизни отдали утратой.

Что ж не вижу я улыбки?
Иль сильней всего привычка?
Или ты теперь из клетки
Поздно пущенная птичка?

Птичка-радость, друг мой птичка,
Разлюби иную долю!
Видишь — я отверз объятья:
Полети ко мне в неволю.

<1847>

* * *

Сядь у моря — жди погоды.
Отчего ж не ждать?
Будто воды, наши годы
Станут прибывать.

Поразвеет пыл горячий,
Проминет беда,
И под камень под лежачий
Потечет вода.

И отступится кручина,
Чтó свекровь стара;
Накидает мне пучина
Всякого добра.

Будто воды, наши годы
Станут прибывать.
Сядь у моря, жди погоды;
Отчего ж не ждать?

<1847>

* *

Дитя, покорное любви,
Моих стихов не назови
Ты самолюбием нескромным.
О нет! мой стих не мог молчать:
На нем легла твоя печать
С раздумьем тягостным и томным.

Не говорю тебе — прости!
Твоя судьба — одной цвести;
Да мимо йдет зов мятежный.
Как в жизни раз, и в песни тож
Ты раз мне сердце потревожь —
И уносись прекрасной, нежной!

И завтра светлый образ весь
Исчезнет там, исчезнет здесь,

Про твой удел никто не спросит, —
И запах лилии ночной
Не досягнет луны родной:
Полночный ветр его разносит

<1847>

* * *

Под палаткою пунцовой,
Без невольников, один,
С одалиской чернобровой
Расстается властелин.

— Сара, гурия пророка,
Солнце дней, источник сил,
Сара, утро недалеко —
И проснется Азраил.

Где-то завтра после бою
Снова ноги подогну
Иль усталой головою
Беззаботно отдохну?

С новой ночью, с новой кущей,
Пылкой страсти вопреки,
Не коснусь твоей цветущей,
Нарумяненной щеки.

Пред тобою на бездельи
Свой кальян не закурю
И в глаза твои газельи,
Полон дум, не посмотрю,

И рукой моей усталой
У тебя не обовью
Черных кос по феске алой
Чешуйча́тую змею.

<1847>

•

ЭОЛОВЫ АРФЫ

Он

По листам пронесся шорох.
Каждый миг в блаженстве дорог,
В песни — каждый звук:
Там, где первое не ясно,
Всё, хоть будь оно прекрасно,
Исчезает вдруг.

Она

О, не только что внимала, —
Я давно предугадала
Все твои мечты;
Но, настроенная выше,
Я рассказываю тише,
Что мечтаешь ты.

Он

Я на всякие звуки готов,
Но не сам говорю я струной:
Только формы воздушных перстов
Обливаю звончáтой волной.
Оттого-то в разлуке с тобой
Слышу я беззвучную дрожь,
Оттого-то и ты узнаешь
Всё, что здесь совершится со мной.

Она

Если мне повелитель ветров
Звука два перекинет порой,
Но таких, где трепещет любовь, —
Я невольно пою за тобой.
Ах, запой поскорее, запой!
Ты не знаешь, что сталось со мной!
Этот перст так прозрачно хорош,
Под которым любовь ты поешь.

<1847>

* * *

После раннего ненастья
Что́ за рост и цвет обильный!
Ты даешь мне столько счастья,
Что сносить лишь может сильный.

Ныне чувства стали редки,
Ты же мне милей свободы;
Но боюсь я той беседки,
Где у ног почиют воды.

Сердце чует, что недаром
Нынче счастие такое;
Я в воде горю пожаром,
А в глазах твоих — так вдвое.

<1847>

* * *

Мудрым нужно слово света,
Дружбе сладок глас участья;
Но влюбленный ждет привета —
Обновительного счастья.

Я ж не знаю: в жизни здешней
Думы ль правы, чувства ль правы?
Отчего так месяц вешний
Жемчугом осыпал травы?

Что они дрожат, как слезы, —
Голубого неба очи?
И зачем в такие грезы
Манит мглу любовник ночи?

Ждет он, что ли? Мне сдается,
Что напрасно я гадаю.
Слышу, сердце чаще бьется,
И со мною что? — не знаю!

<1847>

* * *

Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капот;
Смотри: из-за дремлющих сосен
Как будто пожар восстает.

Сиянье северной ночи
Я помню всегда близ тебя,
И светят фосфóрные очи,
Да только не греют меня.

<1847>

* * *

Опять я затеплю лампаду
И вечную книгу раскрою,
Опять помолюся Пречистой
С невольно-горячей слезою.

Опять посетит меня радость
Без бури тоски и веселья,
И снова безмолвные стены
Раздвинет уютная келья.

Прочь горе земное; одно лишь
Про землю напомнит мне внятно —
Когда, обращая страницу,
Увижу прозрачные пятна.

<1847>

* * *

Мы нравимся уездам и столицам,
Я рифмою, вы светлой красотой...
Так лейся ж, песнь, — и смелой простотой
Уподобляй нас беззаботным птицам.

Что ж не сказать без скромности пустой,
Оставя злость бездарным да девицам:
Мы нравимся уездам и столицам —
Я рифмою, вы светлой красотой.

9 мая 1847

* * *

Весенних чувств не должно вспоминать,
Когда весна оденет вновь березу,
А вы, а вы, бог с вами, вы опять
Напомнили мне соловья и розу.

Что в прошлом нам тревожит робкий ум,
В грядущем нас встречает как родное,
И светлый ряд новорожденных дум
Встает из мглы, как пламя заревое.

Прекрасному поклонится поэт,
И убежит ненужная угроза.
В прекрасном всё — разъединенья нет,
И в вас одной и соловей и роза.

27 июня 1847

* * *

Я в моих тебя вижу всё снах
С той же яркою искрой в глазах,
С тем же бледно-прозрачным лицом,
С тем же розовым белым венцом,
С той же властью приветливых слов,
С той же тучей младенческих снов;
И во сне так полно я живу,
Как, бывало, живал наяву.

7 сентября 1847

* * *

По замечанью моему,
Альбом походит на кладбище.

Баратынский

Отвергнув гордое сомненье
И не смущаемый трудом,
Простой приязни выраженье
Вношу смиренно в ваш альбом.

Легко минутное решенье
Забыться непробудным сном,
Где наше место погребенья
Хоть потревожат, — но с умом;

Где между прочими гробами
И наш без надписи найдут,
А между зримыми чертами
Лукаво зоркими глазами
Черты незримые прочтут.

29 февраля 1848

Мой друг, я верую, надеюсь и люблю
И убежденья полон силы,
Что всё, чем опытность снабдила грудь мою,
Дойдет со мною до могилы,

Что знамя истины, которому служу,
Вокруг меня овеет рати,
Что с тайной гордостью его я покажу
Толпе неверующих братий.

И что же? Новый день нисходит от творца.
И убежденья величавы
Бледнеют видимо, как за спиной косца
Грядами скошенные травы.

1848

* * *

Где север — я знаю!
Отрадному предан недугу,
Весь день обращаю
И очи и помыслы к югу.

В дали ли просторной
Твое забелеет жилище. —
Как в области горной,
Я сердцем и разумом чище.

Услышу ли слово
Твоей недоверчивой речи, —
И сердце готово
Стремиться до будущей встречи.

<1849>

* * *

Среди несметных звезд полночи
Как эти две глядят мне в очи,
Не поглядит нигде звезда;
Но неизменна воля рока:
С заката той, а той с востока —
Им не сойтиться никогда.

Среди людей так часто двое
Равно постигнули земное,
Затем что стали высоко,
И оба сердца пышут страстью,
И оба сердца рвутся к счастью,
И счастье вечно далеко.

<1849>

* * *

Когда опять по ка́мням заиграет
Алмазами сверкающий ручей
И вновь душа невольно вспоминает
Невнятный смысл умолкнувших речей,

Когда, прогрет приветными лучами,
На волю рвется благовонный лист
И лик небес, усеянный звездами,
Так безмятежно, так лазурно чист, —

Не говори: «Я плачу, я страдаю,
Что сердцу близко — взору далеко»,
Скажи: «Хвала! Я сердцем понимаю,
Я чувствую душою глубоко».

Апрель 1849

* * *

Снова слышу голос твой,
Слышу и бледнею;
Расставался, как с душой,
С красотой твоею!

Если б муку эту знал,
Чуял спозаранку, —
Не любил бы, не ласкал
Смуглую цыганку.

Не лелеял бы потом
Этой думы томной
В чистом поле под шатром
Днем и ночью темной.

Что ж напрасно горячить
Кровь в усталых жилах?
Не сумела ты любить,
Я — забыть не в силах.

1840-е годы (?)

* * *

Как гений ты, нежданный, стройный,
С небес слетела мне светла,
Смирила ум мой беспокойный,
На лик свой очи привлекла.

Вдали ль душой ты иль меж нами,
Но как-то сладостно, легко
Мне пред тобою, с небесами
Сдружившись, реять высоко;

Без сожаленья, без возврата
Мне сладко чувства расточать
И на тебя очами брата
С улыбкой счастия взирать.

<1850>

* * *

Напрасно, дивная, смешавшися с толпою,
Вдоль шумной улицы уныло я пойду;
Судьба меня опять уж не сведет с тобою,
И ярких глаз твоих нигде я не найду.

Ты раз явилась мне, как дивное виденье,
Среди бесчисленных, бесчувственных людей, —
Но быстры молодость, любовь, и наслажденье,
И слава, и мечты, а ты еще быстрей.

Мне что-то новое сказали эти очи,
И новой истиной невольно грудь полна, —
Как будто на заре, подняв завесу ночи,
Я вижу образы пленительного сна.

Да, сладок был мой сон хоть на одно мгновенье! —
Зато, невольною тоскою отягчен,
Брожу один теперь и жду тебя, виденье,
И ясно предо мной летает светлый сон.

<1850>

* * *

Слеза слезу с ланиты жаркой гонит,
Мечта мечту теснит из сердца вон;
Мгновение мгновение хоронит,
И блещет храм на месте похорон.

Крылатый сон опережает брата,
За тучею несутся облака,
Как велика души моей утрата!
Как рана сердца страшно глубока!

Но мой покров я жарко обнимаю,
Хочу, чтоб с ним кипела страсть моя;
Нет, и забывшись, я не забываю, —
Нет, и в ночи безумно плачу я!

<1850>

* * *

Следить твои шаги, молиться и любить —
Не прихоть у меня и не порыв случайный:
Мой друг, мое дитя, поверь, — тебя хранить
Я в сердце увлечен какой-то силой тайной.

Постигнув чудную гармонию твою —
И нежной слабости и силы сочетанье,
Я что-то грустное душой предузнаю,
И жалко мне тебя, прекрасное созданье!

Вот почему порой заглядываюсь я,
Когда над книгою иль пестрою канвою
Ты наклоняешься пугливой головою,
А черный локон твой сбегает как змея,

Прозрачность бледную обрезавши ланиты,
И стрелы черные ресниц твоих густых
Сияющего дня отливами покрыты
И око светлое чернеет из-под них.

<1850>

* * *

Перекладывают тройки
И выносят чемоданы;
За столом два сослуживца,
На столе стоят стаканы.

— Знаю я, зачем так влагой
Презираешь ты шампанской.
Всё в ушах твоих, мой милый,
Раздается хор цыганской.

Всё мерещится Матрена,
Всё мерещится плутовка.
Черным бархатом и маской
Скрыта светлая головка.

За красавицей женою
Муж мерещится ревнивый.
«Я люблю, люблю, как прежде» —
Нежит слух самолюбивый.

— Нет, мой друг, не отгадал ты,
Извини, что я не с вами.
Мысли носятся далеко,
За горами, за долами.

Всё мерещится у стенки
Фортепьян красивый ящик,
Всё мерещится угрюмый
Про Суворова рассказчик.

За стаканом даже слышу
Душный воздух тесной кельи,
И о счастьи молит голос
И в раздумьи и в весельи.

В степь глядит одно окошко,
До полуночи открыто,
Перед ним-то, для него-то
Всё на свете позабыто.

Но давно прозябли кони.
Так пожмем друг другу руки,
Не сердись за нашу встречу
Да пиши подчас от скуки.

Начало 1850 (?)

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Вчера, при блеске свеч, в двенадцатом часу,
Ты слушала меня с улыбкою участья,
И мне казалося: вот-вот перенесу
Тебя в цветущий мир безумия и счастья.

Сегодня — боже мой! — я путаюсь в словах,
Ты смотришь на меня и трезво, и обидно, —
И как об этих двух подумаю я днях,
То нынешнего жаль, а за вчерашний стыдно.

<1854>

ОТЪЕЗД

Какая горькая обида:
Я завтра еду. Боже мой!
Как будто к области Аида
Темнеет путь передо мной.

Как, после нежного похмелья
От струй пафосского вина,
Уединенная мне келья
Теперь покажется душна!

Но, верен сладостной тревоге,
В степи безбрежной и в лесу,
По рвам, по каменной дороге
Твой образ чистый понесу.

И сохраню в душе глубоко
Двойную прелесть красоты:
И это мыслящее око,
И эти детские черты.

<1854>

ШАРМАНЩИК

К окну я в потемках приник —
Ну, право, нельзя неуместней:
Опять в переулке старик
С своей неотвязною песней!

Те звуки свистят и поют
Нескладно-тоскливо-неловки. . .
Встают предо мною, встают
За рамой две светлых головки.

Над ними поверхность стекла
При месяце ярко-кристальна.
Одна так резво́-весела,
Другая так томно-печальна.

И — старая песня! — с тоской
Мы прошлое нежно лелеем,
И жаль мне и той и другой,
И рад я сердечно обеим.

Меж них в промежутке видна
Еще голова молодая, —
И всё он хорош, как одна,
И всё он грустит, как другая.

Он предан навеки одной
И грусти терзаем приманкой. . .
Уйдешь ли ты, гаер седой,
С твоей неотвязной шарманкой? . .

<1854>

* * *

Дай руку мне, дай руку, пери злая,
Хоть раз еще приветливо взгляни,
Горячкой рифм восторг мой объясняя,
Влюбленного поэтом не брани.

Ревнивые лишь с тем хариты дружны,
Кто забывать для них готов весь свет.
Коль жителям Олимпа жертвы нужны
И сердца кровь — плохой же я поэт.

Пусть музами навек оставлен буду,
Пусть Феб меня карает за грехи, —
Под хохот твой я музу позабуду,
За поцелуй я все отдам стихи.

<1854>

* * *

Люди нисколько ни в чем предо мной не виновны, я знаю,
Только я тут для себя утешенья большого не вижу.
День их торопит всечасно своею тяжелой заботой,
Ночь, как добрая мать, принимает в объятья на отдых.
Что им за дело, что кто-то, весь день протомившись бездельем,
Ночью с нелепым раздумьем пробьется на ложе бессонном?
Пламя дрожит на светильне — и около мысли любимой
Зыблются робкие думы, и все переходят оттенки
Радужных красок. Трепещет душа, и трепещет рассудок.
Сердце — Икар неразумный — из мрака, как бабочка к свету,
К мысли заветной стремится. Вот, вот опаленные крылья,
Круг описавши во мраке, несутся в неверном полете
Пытку свою обновлять добровольную. Я же не знаю,
Что́ добровольным зовется и что́ неизбежным на свете. . .

<1854>

ХИЖИНА В ЛЕСУ

На лес насунулися тучи,
Морозит — трудно продохнуть.
Ни зги не видно, вихрь колючий
Сугробом переносит путь.

О, как он путнику несносен!
Но вот надежда — огонек
Блеснул звездою из-за сосен:
Приют знакомый недалек.

Стучусь с уверенностью давней...
Знакомый голос за стеной;
Как прежде, луч, скользя меж ставней,
Ложится яркой полосой.

«О, выйди! Это я!..» Напрасно!..
Я слышу голос, вижу свет, —
Всё так безжизненно, бесстрастно:
Ответа нет, привета нет!

Давно ль сюда рвался так жадно
Я с одинокого пути?..
Здесь умирать так безотрадно,
И сил нет далее брести!

<1855>

* * *

Заревая вьюга
Всё позамела,
А ревнивый месяц
Смотрит вдоль села.

Подойти к окошку —
Долго ль до беды?
А проснутся завтра —
Разберут следы.

В огород — собаки
Изорвут, гляди.
«Приходи сегодня» —
И нельзя нейти!

По плетню простенком
Проберусь как раз, —
Ни свекровь, ни месяц
Не увидят нас!

Осень или зима 1855

СПОР

Где нимфа резвая, покинув горный ток,
Вплетает гиацинт в свой розовый венок,
На мирных пажитях, в лесу прохладной Иды,
Где землю посещать привыкли Ураниды,
Сияньем царственной красы окружены,
Красавцу пастырю предстали три жены.

«Будь, юноша, судьей, — скажи мне, не меня ли
Царицей красоты глаза твои признали? —
Сказала первая, опершись на копье. —
Как солнце разума, горит лицо мое;
Со мной беседовать, мои встречая взгляды,
Фригиец, — выше нет и для богов награды!
Подняв румяный плод, вручи его ты той,
Что вправе изо всех владеть твоей душой, —
И, если мудрости ты верен был доныне,
Я знаю, яблоко достанется Афине».

С румянцем, вспыхнувшим мгновенно вдоль ланит,
«Послушай, юноша, — другая говорит, —
С подвластным божеством не только спор — сравненье
Супруге и сестре Зевеса униженье.
Но, встретив раз меня, всё, что живет кругом,
Не может не сказать: как почивает гром
В небесной синеве, безмолвной и глубокой, —
Так силой светит взор у Геры волоокой.
Божественная грудь, чиста как горний цвет,
Приемлет лишь того, кто потрясает свет.
Когда вступаю я в небесные чертоги,
Не люди предо мной покорствуют, а боги...

И если правым я тебя найду судьей,
Не пастырь — царский сын стоит передо мной».

И третья говорит, к ногам покров роняя:
«Владычица сердец перед тобой нагая.
Небесный душный свод не родина моя,
На берегу морском из пены вышла я.
Но не мудрец теперь, не сын царя прекрасный,
Пусть юноша судья нам будет беспристрастный.
Мой дар божественный не мудрость и не власть,
Нет! я внушу тебе губительную страсть:
Ты сам падешь, падет отец твой, сестры, братья. . .
Но посмотри сюда: в горячие объятья
Я приведу к тебе подобную красу,
Могуществом моим любимцев вознесу,
И ваши имена, потомства достоянье,
Заменят Красоты обычное названье».

<1856>

РОДОДЕНДРОН

Рододендрон! Рододендрон!
Пышный цвет оранжереи,
Как хорош и как наряден
Ты в руках вертлявой феи!
Рододендрон! Рододендрон!

Рододендрон! Рододендрон!
Но в руках вертлявой феи
Хороши не только розы,
Хороши большие томы
И поэзии и прозы!
Рододендрон! Рододендрон!

Рододендрон! Рододендрон!
Хороши и все нападки
На поэтов, объявленья,
Хороши и опечатки,
Хороши и прибавленья!
Рододендрон! Рододендрон!

<1856> (?)

НЕОТРАЗИМЫЙ ОБРАЗ

В уединении забудусь ли порою,
Ресницы ли мечта смежает мне, как сон, —
Ты, ты опять в дали стоишь передо мною,
Моих весенних дней сияньем окружен.

Всё, что разрушено, но в бедном сердце живо,
Что бездной между нас зияющей легло,
Не в силах удержать души моей порыва,
И снова я с тобой — и у тебя светло.

Не для тебя кумир изменчивый и бренный
В сердечной слепоте из праха создаю;
Мне эта даль мила: в ней — призрак неизменный —
Опять чиста, светла я пред тобой стою.

Ни детских слез моих, ни мук души безгрешной,
Ни женской слабости винить я не могу,
К святыне их стремлюсь с тоскою безутешной
И в ужасе стыда твой образ берегу.

1856 (?)

* * *

Когда у райских врат изгнанник
Стоял унижен, наг и нем,
Предстал с мечом небес посланник
И путь закрыл ему в Эдем.

Но, падших душ услыша стоны,
Творец мольбе скитальца внял:
Крылатых стражей легионы
Адама внукам он послал.

Когда мы бьемся из-за хлеба,
В кровавом поте чуть дыша,
Чтоб хоть одна с родного неба
Нам улыбнулася душа.

Но и в кругах духов небесных
Земные стоны сочтены,
И силой крыльев бестелесных
Его́вы дети не равны.

Твой ангел — перьев лебединых
Не распускает за спиной:
Он на крылах летит орлиных,
Поникнув грустно головой.

В руке пророческая лира,
В другой — горящий божий гром;
Так на твоем в пустыне мира
Он камне станет гробовом.

1856 (?)

ОШИБКА

Не ведал жизни он и не растратил сил
В тоске бездействия, в чаду бесплодных бредней;
Дикарь с младенчества, ее он полюбил
    Любовью первой и последней.

Он не сводил очей с прекрасного чела;
Тоскливый взор его светился укоризной;
Он на нее смотрел: она ему была
    Свободой, честию, отчизной.

Любимой песнию, улыбкой на устах
Напрасно скрыть она старалася страданья:
Он нежности любви искал в ее глазах —
    И встретил нежность состраданья...

Расстались наконец. О, как порой легко
Прервать смущение бестрепетной разлуки!
Но в сердце у него запали глубоко
    Порывы затаенной муки.

Ушел он на Восток. В горах, в развале битв,
Который год уже война его стихия.

Но имя он одно твердит среди молитв
И чует сердцем, где Россия...

Давно настала ночь, давно угас костер, —
Лишь два штыка вдали встречаются, сверкая,
Да там, на севере, над самой высью гор
Звезда сияет золотая.

<1857>

СОНЕТ

Угрюм и празден часто я брожу:
Напрасно веру светлую лелею, —
На славный подвиг силы не имею,
Для песни сердца слов не нахожу.

Но за тобой ревниво я слежу,
Тебя понять и оценить умею;
Вот отчего я дружбой горд твоею
И близостью твоею дорожу.

Спасибо жизни! Пусть по воле рока
Истерзана, обижена глубоко,
Душа порою в сон погружена, —

Но лишь краса душевная коснется
Усталых глаз — бессмертная проснется
И звучно затрепещет, как струна.

<1857>

ШИЛЛЕРУ

Орел могучих, светлых песен!
С зарей открыл твой вещий взор,
Как бледен, как тоскливо тесен
Земного ока кругозор!

Впервой ширяясь, мир ты мерил
Отважным взмахом юных крыл...

Никто так гордо в свет не верил,
Никто так страстно не любил.

И, веселясь над темной бездной,
Сокрывшей светлый идеал,
Никто земной в предел надзвездный
Парить так смело не дерзал.

Один ты океан эфира
Крылом надежным облетел
И в сердце огненное мира
Очами светлыми глядел.

С тех пор у моря света вечно
Твой голос всё к себе зовет,
Что́ в человеке человечно
И что́ в бессмертном не умрет.

<1857>

* * *

Весна и ночь покрыли дол,
Душа бежит во мрак бессонный,
И внятно слышен ей глагол
Стихийной жизни, отрешенной.

И неземное бытиё
Свой разговор ведет с душою
И веет прямо на нее
Своею вечною струею.

Но вот заря! Бледнеет тень,
Туман волнуется и тает, —
И встретить очевидный день
Душа с восторгом вылетает.

1856 или 1857 (?)

В АЛЬБОМ

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПАСХИ

Победа! Безоружна злоба.
Весна! Христос встает из гроба, —
Чело огнем озарено.
Всё, что манило, обмануло
И в сердце стихнувшем уснуло,
Лобзаньем вновь пробуждено.

Забыв зимы душевный холод,
Хотя на миг горяч и молод,
Навстречу сердцем к вам лечу.
Почуя неги дуновенье,
Ни в смерть, ни в грустное забвенье
Сегодня верить не хочу.

8 апреля 1857

ДРУГУ

Когда в груди твоей страданье,
Проснувшись, к сердцу подойдет.
И жадный червь воспоминанья
Его невидимо грызет, —

Борьбой с наитием недуга
Души напрасно не томи,
Без слез, без ропота на друга
С надеждой очи подыми.

Пусть свет клянет и негодует, —
Он на слова прощенья нем.
Пойми, что сердце только чует
Невыразимое ничем;

То, что в явленьи незаметном
Дрожит, гармонией дыша,
И в тайнике своем заветном
Хранит бессмертная душа.

Одним лучом из ока в око,
Одной улыбкой уст немых
Со всем, что мучило жестоко,
Единый примиряет миг.

15 мая 1857

АПОЛЛОН БЕЛЬВЕДЕРСКИЙ

Упрямый лук, с прицела чуть склонен,
Еще дрожит за тетивою шаткой
И не успел закинутый хитон
Пошевелить нетронутою складкой.

Уже, томим язвительной стрелой,
Крылатый враг в крови изнемогает,
И черный хвост, сверкая чешуей,
Свивается и тихо замирает.

Стреле вослед легко наклонено
Омытое в струях кастальских тело.
Оно сквозит и светится — оно
Веселием триумфа просветлело.

Твой юный лик отважен и могуч,
Победою усилено дыханье.
Так солнца диск, прорезав сумрак туч,
Еще бойчей глядит на мирозданье.

1857

* * *

Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет лист,
Как тень черна прибрежных ив,
Как безмятежно спит залив,
Как не вздохнет нигде волна,
Как тишиною грудь полна!

Полночный свет, ты тот же день:
Белей лишь блеск, чернее тень,
Лишь тоньше запах сочных трав,
Лишь ум светлей, мирнее нрав,
Да вместо страсти хочет грудь
Вот этим воздухом вздохнуть.

1857 (?)

* * *

Лесом мы шли по тропинке единственной
В поздний и сумрачный час.
Я посмотрел: запад с дрожью таинственной
Гас.

Что-то хотелось сказать на прощание, —
Сердца не понял никто;
Что же сказать про его обмирание?
Что?

Думы ли реют тревожно-несвязные,
Плачет ли сердце в груди, —
Скоро повысыплют звезды алмазные,
Жди!

<1858>

НЕЛЬЗЯ

Заря. Сияет край востока,
Прорвался луч — и всё горит,
И всё, что видимо для ока,
Земного путника манит.

Но голубого неба своды
Покрыли бледностью лучи,
И звезд живые хороводы
К нам только выступят в ночи.

В движеньи, в блеске жизни дольной
Не сходит свыше благодать:
Нельзя в смятенности невольной
Красы небесной созерцать.

Нельзя с безбрежностью творенья
В чаду отыскивать родства,
И ночь и мрак уединенья —
Единый путь до божества.

<1858>

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Давно, в поре ребяческой твоей,
Ты червячком мне пестреньким казалась
И ласково, из-за одних сластей,
Вокруг родной ты ветки увивалась.

И вот теперь ты, куколка моя,
Живой души движения скрываешь
И, красоту застенчиво тая,
Взглянуть на свет украдкой замышляешь.

Постой, постой, порвется пелена,
На божий свет с улыбкою проглянешь,
И, весела и днем упоена,
Ты яркою нам бабочкой предстанешь.

<1859>

* * *

Я целый день изнемогаю
В живом огне твоих лучей
И, утомленный, не дерзаю
К ним возводить моих очей;

Но без тебя, сознавши смутно
Всю безотрадность темноты,
Я жду зари ежеминутно
И всё твержу: взойдешь ли ты?

<1859>

* * *

Твоя старушка мать могла
Быть нашим вечером довольна:
Давно она уж не была
Так зло-умно-многоглагольна.

Когда же взор ее сверкал,
Скользя по нас среди рассказа,
Он с каждой стороны встречал
Два к ней лишь обращенных глаза.

Ковра большого по углам
Сидели мы друг к другу боком,
Внемля насмешливым речам, —
А речи те лились потоком.

Восторгом полные живым,
Мы непритворно улыбались
И над чепцом ее большим
Глазами в зеркале встречались.

<1859>

* * *

По ветви нижние леса
В зеленой потонули ржи.
Семьею новой в небеса
Ныряют резвые стрижи.

Сильней и слаще с каждым днем
Несется запах медовой
Вдоль нив, лоснящихся кругом
Светло-зеленою волной.

И негой истомленных птиц
Смолкают песни по кустам,
И всеобъемлющих зарниц
Мелькают лики по ночам.

1859

* * *

Как ярко полная луна
Посеребрила эту крышу!
Мы здесь под тенью полотна,
Твое дыхание я слышу.

У неостывшего гнезда
Ночная песнь гремит и тает.
О, погляди, как та звезда
Горит, горит и потухает.

Понятен блеск ее лучей
И полночь с песнию своею,
Но что горит в груди моей —
Тебе сказать я не умею.

Вся эта ночь у ног твоих
Воскреснет в звуках песнопенья,
Но тайну счастья в этот миг
Я унесу без выраженья.

1859 (?)

* * *

Как эта ночь, ты радостно-светла,
Подобно ей, к мечтам ты призываешь
И, как луна, что там вдали взошла,
Всё кроткое душе напоминаешь.

Она живет в минувшем, не скорбя,
И весело к грядущему стремится.
Взгляну ли вдаль, взгляну ли на тебя —
И в сердце свет какой-то загорится.

Конец 50-х гг.

* * *

Влачась в бездействии ленивом
Навстречу осени своей,
Нам с каждым молодым порывом,
Что день, встречаться веселей.

Так в летний зной, когда в долины
Съезжают бережно снопы
И в зрелых жатвах круговины
Глубоко врезали серпы,

Прорвешь случайно повилику
Нетерпеливою ногой —
И вдруг откроешь землянику,
Красней и слаще, чем весной.

Конец 50-х гг.

* * *

Ты прав: мы старимся. Зима недалека,
Нам кто-то праздновать мешает,
И кудри темные незримая рука
И серебрит и обрывает.

В пути приутомясь, покорней мы других
В лицо нам веющим невзгодам;
И не под силу нам безумцев молодых
Задорным править хороводом.

Так что ж! ужели нам, покуда мы живем,
Вздыхать, оборотясь к закату,
Как некогда, томясь любви живым огнем,
Любви певали мы утрату?

Нет, мы не отжили! Мы властны день любой
Чертою белою отметить,
И музы сирые еще на зов ночной
Нам поторопятся ответить.

К чему пытать судьбу? Быть может, коротка
В руках у парки нитка наша!
Еще разымчива, душиста и сладка
Нам Гебы пенистая чаша.

Зажжет, как прежде, нам во глубине сердец
Ее огонь благие чувства, —
Так пей же из нее, любимый наш певец:
В ней есть искусство для искусства.

1860 (?)

К МОЛОДОМУ ДУБУ

Вчера земле доверил я
Твой корень преданной рукою,
И с той поры мечта моя
Следит с участьем за тобою.

Словам напутственным внемли,
Дубок, посаженный поэтом:
Приподымайся от земли
Всё выше, выше с каждым летом.

И строгой силою ветвей
Гордясь от века и до века,
Храни плоды ты для свиней,
А красоту для человека.

Между 1860 и 1862

9 МАРТА 1863 ГОДА

Какой восторг! уж прилетели
Вы, благовестники цветов!
Я слышу в поднебесьи трели
Над белой скатертью снегов.

Повеет раем над цветами,
Воскресну я и запою, —
И сорок мучеников сами
Мне позавидуют в раю.

Март 1863

* * *

Нетленностью божественной одеты,
Украсившие свет,
В Элизии цари, герои и поэты,
А темной черни нет.

Сама Судьба, бесстрастный вождь природы,
Их зыблет колыбель.
Блюсти, хранить и возвышать народы —
Вот их тройная цель,

Равно молчат, в сознании бессилья,
Аида мрачный дол
И сам Олимп, когда ширяет крылья
Юпитера орел.

Утратя сон от божеского гласа,
При помощи небес
Убил и змей, и стойла Авгиаса
Очистил Геркулес.

И ты, поэт, мечей внимая звуку,
Свой подвиг совершил:
Ты протянул тому отважно руку,
Кто гидру задушил.

Конец 1863 или начало 1864

* * *

Я повторял: «Когда я буду
Богат, богат!
К твоим серьгам по изумруду —
Какой наряд!»

Тобой любуясь ежедневно,
Я ждал, — но ты —
Всю зиму ты встречала гневно
Мои мечты.

И только этот вечер майский
Я так живу,
Как будто сон овеял райский
Нас наяву.

В моей руке — какое чудо! —
Твоя рука,
И на траве два изумруда —
Два светляка.

1864

ТУРГЕНЕВУ

Из мачт и паруса — как честно он служил
Искусному пловцу под вёдром и грозою! —
Ты хижину себе воздушную сложил
Под очарованной скалою.

Тебя пригрел чужой денницы яркий луч,
И в откликах твоих мы слышим примиренье;
Где телом страждущий пьет животворный ключ,
Душе сыскал ты возрожденье.

Поэт! и я обрел, чего давно алкал,
Скрываясь от толпы бесчинной;
Среди родных полей и тень я отыскал
И уголок земли пустынной.

Привольно, широко, куда ни кинешь взор.
Здесь насажу я сад, здесь, здесь поставлю хату!
И, плéктрон отложа, я взялся за топор
И за блестящую лопату.

Свершилось! Дом укрыл меня от непогод,
Луна и солнце в окна блещет,
И, зеленью шумя, деревьев хоровод
Ликует жизнью и трепещет.

Ни резкий крик глупцов, ни подлый их разгул
Сюда не досягнут. Я слышу лишь из саду
Лихого табуна сближающийся гул
Да крик козы, бегущей к стаду.

Здесь песни нежных муз душе моей слышней,
Их жадно слушает пустыня,
И верь! — хоть изредка из сумрака аллей
Ко мне придет моя богиня.

Вот здесь, не ведая ни бурь, ни грозных туч
Душой, привычною к утратам,
Желал бы умереть, как утром лунный луч,
Или как солнечный — с закатом.

1864

УТРО В СТЕПИ

Заря восточный свой алтарь
Зажгла прозрачными огнями,
И песнь дрожит под небесами:
«Явися, дня лучистый царь!

Мы ждем! Таких немного встреч!
Окаймлена шумящей рожью,
Через всю степь тебе к подножью
Ковер душистый стелет гречь.

Смиренно преклонясь челом,
Горит алмазами пшеница,
Как новобрачная царица
Перед державным женихом».

1865

* * *

В пене несется поток,
Ладью обгоняют буруны,
Кормчий глядит на восток
И будит дрожащие струны.

В бурю челнок полетел,
Пусть кормчий погибнет в ней шумно,
Сердце, могучий, он пел —
То сердце, что любит безумно.

Много промчалось веков,
Сменяя знамена и власти,
Много сковали оков
Вседневные мелкие страсти.

Вынырнул снова поток.
Струею серебряной мчало
Только лавровый венок,
Да мчало ее покрывало.

1866 (?)

* * *

Какой горючий пламень
Зарей в такую пору!
Кусты и острый камень
Сквозят по косогору.

Замолк и засыпает
Померкший пруд в овраге;
Лишь ласточка взрезает
Нить жемчуга на влаге.

Ушли за днем послушно
Последних туч волокна.
О, как под кровлей душно,
Хотя раскрыты окна!

О нет, такую пытку
Переносить не буду;
Я знаю, кто в калитку
Теперь подходит к пруду.

26 января 1867

* * *

Хотя по-прежнему зеваю,
    Степной Тантал, —
Увы, я больше не *витаю,*
    Где я витал!

У одичалой, непослушной
    Мечты моей
Нет этой поступи воздушной
    Царицы фей.

В лугах поэзии зарями
    Из тайных слез
Не спеют росы жемчугами,
    А бьет мороз.

И замирает вдохновенье
В могильной мгле,
Как корнеплодное растенье
В сухой земле.

О, приезжай же светлым утром,
Когда наш сад
С востока убран перламутром,
Как грот наяд.

В тени убогого балкона,
Без звонких лир,
Во славу нимф и Аполлона
Устроим пир.

Тебе побегов тополь чинный
Даст для венца,
Когда остудим пеной винной
Мы тук тельца.

Найду начальный стих пэана
Я в честь твою;
Не хватит сил допить стакана —
Хоть разолью!

Январь или февраль 1869

ЛИЗИАС И ВАКХИДА
(ИДИЛЛИЯ)

Вакхида

О, непонятные, жестокие мужчины!
И охлажденье их и страсть к нам — без причины.
Семь дней тому назад еще в последний раз
Здесь предо мной вздыхал и плакал Лизиас.
Я верила, я им гордилась, любовалась.
Ты видишь, Пифия? Всё нынче миновалось!
Зову — не слушает. Спроси, отворожен
Он зельем, что ль, каким? Или обижен он
Вакхидой верною? Давно ль, склоня колены,
Преследовал меня богач из Митилены,

Швырялся золотом, нес мирры, пышных роз,
И руку предлагал? — О, сколько горьких слез
Мне стоил Лизиас!

Пифия

Я помню, ревновала
Его ты к флейтщице. Я знаю, та Цимбала
Тяжелокосая с Филлидою-змеей
Всегда вдвоем. — Куда ты, Лизиас? Постой!
Признайся лучше!

Лизиас

В чем?

Пифия

Я правдой не обижу.
Недаром флейтщиц я лезбейских ненавижу.
Вот всепобедные сирены! Слушай смех.
Ведь не Вакхида я смиренница. При всех
Скажу, что́ видела на днях. Бываю часто
На пышных я пирах. Наследник Феофраста
Звал ужинать. Он сам красноречив, пригож
И ласков. Собрались. В венках вся молодежь,
Вся раздушенная; в венке на крайнем ложе
С седою бородой мудрец известный тоже
Возлег. Мне не забыть сурового лица.
Всем хочется речей послушать мудреца...
Вдруг флейты ласковой, игривой, вдохновенной,
Фригийской флейты зов раздался вожделенный,
И легкая, как лань, лезбе́янка вошла,
Остановилася, всех взором обвела
И старцу мудрому, исполнена тревоги,
Кудрявой головой, в цветах, поникла в ноги.
Но старец ей, смеясь: «Нашла же, где упасть!
Беседе рад мудрец, но презирает страсть» —
И оттолкнул ее. Смущенная позором,
Лезбеянка встает; но флейты страстным хором
Зовут танцовщицу, — и вот уже она
Несется, кружится, полуобнажена
И беззаветного исполнена желанья.
Я женщина — и то... Нет, страшные созданья!
Смотрю — философ наш, порыва не тая,

Встает, кричит: «Все прочь! сюда! она моя!»
Вмешался тут Дифил, повеса и гуляка,
Поднялся общий шум, и завязалась драка.
Венок у мудреца сорвали с головы...
Смех! — Вот лезбеянки, ты видишь, каковы.
А ты еще ее, Вакхиду, голубицу,
Решился променять на флейтщицу-срамницу,
На черноглазую Цимбалу.

Вакхида

Нет, постой,
Подруга Пифия! Мне хочется самой
Ему напомнить ночь, как, веря юным силам,
Он пил наперебой с Тразоном и Дифилом.
Позвали флейтщиц к вам. — Я не спускала глаз. —
Хотя Цимбалу ты поцеловал пять раз,
Ты этим лишь себя унизил. Но Филлида!..
Я всё заметила, не подавая вида, —
Как ты глазами ей указывал фиал,
Тобою отпитóй, как ты рабу шептал,
Наполнив вновь его, тайком снести к Филлиде.
Нет, вспомнить не могу я о такой обиде! —
Как, закусивши плод и видя, что Тразон
О Диогене в спор с Дифилом погружен,
Ты яблоко швырнул — и на лету поймала
Она его, смеясь; потом поцеловала
И спрятала. — Ну что? Что скажешь ты теперь?

Лизиас

Я пьян был и шутил. Нет, Пифия, не верь
Ты ревности ее. Ее ты защищаешь,
Но скажешь ты не то, когда ты всё узнаешь.
Вакхида, выслушай! Довольно я молчал!
На ложе с отроком я сам тебя застал!

Вакхида

Меня? О боги! Где? Когда? В какую пору?

Лизиас

Ты знаешь, что, меня строжайшему надзору
Отец из-за тебя подвергнув, приказал,
Чтоб раб мне по ночам дверей не отпирал.

Семь дней тому назад, желаньем истомленный,
Позвал Дримона я. Мой сверстник благосклонный
Подставил у стены мне спину — и по ней
Я перелез. Бегу — и вот я у дверей
Моей возлюбленной. Была уж полночь, пели
Вторые петухи. Дверь заперта. Ужели
Стучать, греметь? Махну я через двор, — знаком
Мне этот путь. Вхожу я ощупью в твой дом,
Нащупал я постель.

Вакхида

О боги! Умираю!
Что скажет он еще?

Лизиас

Я слухом различаю
Дыхание двоих. Сперва мне мысль пришла —
Рабыню Лиду спать ты, видно, позвала;
Но тихо я впотьмах к вам простираю руки...
О Пифия! Пойми, какие злые муки
Я вынес! Ищущей рукою я напал
На кожу нежную: то отрок возлежал,
Благоухающий, с обритой головою...
О, если б нож тогда случился под рукою!
Не смейся, Пифия: ужасен мой рассказ!

Вакхида

И только? Вот за что ты в гневе, Лизиас?
То Пифия была.

Пифия

К чему ты всё болтаешь!

Вакхида

Зачем скрывать? Теперь, мой Лизиас, ты знаешь:
То Пифия была.

Лизиас

С обритой головой?
Ну, скоро ж у нее роскошною косой
Успели локоны густые увенчаться!
Сам Феникс быстро так не может возрождаться:
На бритой голове коса узлом в шесть дней!

Вакхида

Боясь, чтобы болезнь недавняя кудрей
Ей не испортила, она без сожаленья
Обрилась, — а на ней чужое украшенье.
Сними ж его на миг, друг Пифия! Глазам
Ревнивец наконец пускай поверит сам.
Ты видишь, — вот она, невинная прикраса,
А вот и отрок злой, что мучил Лизиаса!

1869

* * *

Когда б в полете скоротечном
Того, что призывает жить,
Я мог, по выборе сердечном,
Любые дни остановить, —

Порой, когда томит щедрóтой
Нас сила непонятно чья,
На миг пленился б я заботой
Детей, прудящих бег ручья,

И, поджидая и ревнуя,
В пору любви, в тиши ночной,
Я б под печатью поцелуя
Забыл заре воскликнуть: «Стой!»

Перед зеленым колыханьем
Безбрежных зреющих полей
Я б истомился ожиданьем
Тяжелых, неподсильных дней.

Я б ждал, покуда днем бесшумным
Замрет тоскливый труд и страх,
Когда вся рожь по тесным гумнам
Столпится в золотых скирдах.

1870 (?)

КРЕЗ

В Сардах пир, — дворец раскрыл подвалы,
Блещут камни, жемчуги, фиалы, —
Сам Эзоп, недавний раб, смущен,
Нет числа треножникам, корзинам:
Дав законы суетным Афинам,
К Крезу прибыл странником Солон.

«Посмотри на эти груды злата!
Здесь и то, что нес верблюд Евфрата,
И над чем трудился хитрый грек;
Видишь рой моих рабынь стыдливый?
И скажи, — промолвил царь кичливый, —
Кто счастливый самый человек?»

«Царь, я вспомнил при твоем вопросе, —
Был ответ, — двух юношей в Арго́се:
Клеобис один, другой Битон.
Двух сынов в молитвах сладкой веры
Поминала жрица строгой Геры
И на играх славу их имен.

Раз быки священной колесницы
Опоздали к часу жертвы жрицы,
И народ не ведал, что начать;
Но ярмо тяжелое надето, —
Клеобис и Битон, два атлета,
К алтарю увозят сами мать.

«О, пошли ты им всех благ отныне,
Этим детям!» — молится богине
Жрица-мать и тихо слезы льет.
Хор умолк, потух огонь во храме,
И украсил юношей венками,
Как победу чествуя, народ.

А когда усталых в мир видений
Сон склонил, с улыбкой тихий гений
Опрокинул факел жизни их,
Чтоб счастливцев, и блажен и светел,
Сонм героев и поэтов встретил
Там, где нет превратностей земных».

«Неужель собрал я здесь напрасно
Всё, что так бесценно и прекрасно? —
Царь прервал Солона, морща лоб. —
Я богат, я властен необъятно!
Мне твое молчанье непонятно».
«Не пойму и я», — ввернул Эзоп.

«Царь, — сказал мудрец, — всё прах земное!
Без богов не мысли о герое;
Кто в живых, счастливцем не слыви.
Счастья нет, где нет сердец смиренных,
Нет искусств, нет песен вдохновенных,
Там, где нет семейства и любви».

1872 (?)

КРЫСЫ

К хозяину в день стачки
Сбежались прачки —
И подняли на целый дом
Содом.
Как трубы медные в ушах у господина
Трещат Настасья, Акулина:
«Извольте посмотреть на гофренный чепец!
Пришел всей прачечной конец!
Хоть мыла не клади, не разводи крахмала:
От крыс житья не стало.
Всю ночь, с зари и до зари,
По всем горшкам — и лезут в фонари.
Нахальству меры уж не знают:
Днем мы работаем — они себе гуляют!»
— «А что же делают коты?»
— «Помилуйте, разлопались скоты!
Придет, мяучит об отвесном.
Ну, выдашь; что ж ему за радость в месте тесном
С зубастой крысою схватиться? Да троих —
Для крыс не по нутру — и нет уже в живых:
Замучили».
— «Постой! за ум возьмитесь сами!
Подумайте! Страшны ведь крысы нам зубами,

А зубы точатся у них на всякий час
Об корки, сухари и весь сухой запас.
Старайтесь кашу есть да пейте больше квасу,
Сухого же держать не смейте вы запасу,
Чтоб не было над чем им зубы поточить,
А чтоб в жилье злодеек не пустить —
Какая стирка тут! Работа уж какая! —
Сидите день и ночь вы, глазом не мигая,
И только бестия к вам выйдет есть иль пить —
За хвост ее, за хвост! Не смейте сами бить,
А прямо уж ко мне: я разберу всё дело».
Не знаю, много ли у прачек уцелело
Хозяйского добра; но в доме благодать:
Про крыс помину нет и жалоб не слыхать.

1879

* * *

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
Этот пух — не лист,
Эти горы, эти долы,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,

Эти зори без затменья,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это всё — весна.

1881 (?)

* * *

Заиграли на рояле,
И под звон чужих напевов
Завертелись, заплясали
Изумительные куклы.

Блеск нарядов их чудесен —
Шелк и звезды золотые.
Что за чуткость к ритму песен:
Там играют — здесь трепещут.

Вид приличен и неробок,
А наряды — загляденье;
Только жаль, у милых пробок
Так тела прямолинейны!

Но красой сияют вящей
Их роскошные одежды...
Что б такой убор блестящий
Настоящему поэту!

1882

* * *

Так, он безумствует; то бред воображенья.
Я вижу: верный пес у ног твоих лежит, —
Смущают сон его воздушные виденья,
И быстрой птице вслед он лает и визжит;

Но, гордая, пойми: их бездна разделяет, —
Твой беспристрастный ум на помощь я зову:
Один томительно настичь свой сон желает,
Другой блаженствует и бредит наяву.

Начало 80-х гг. (?)

ПЕРЕПЕЛ

Глупый перепел, гляди-ка,
Рядом тут живет синичка:
Ка́к с железной клеткой тихо
И умно сжилася птичка!

Всё ты рвешься на свободу,
Головой толкаясь в клетку,
Вот, на место стен железных,
Натянули туго сетку.

Уж давно поет синичка,
Не страшась железных игол,
Ты же всё не на свободе,
Только лысину напрыгал.

<1884>

РОМАНС

Угадал — и я взволнован,
Ты вошла — и я смущен,
Говоришь — я очарован.
Ты ли, я ли, или сон?

Тонкий запах, шелест платья, —
В голове и свет и мгла.
Глаз не смею приподнять я,
Чтобы в них ты не прочла.

Лжет лицо, а речь двояко;
Или мальчик я какой?
Боже, боже, как, однако,
Мне завиден жребий мой!

10 января 1885 (?)

В. С. СОЛОВЬЕВУ

Ты изумляешься, что я еще пою,
Как будто прежняя во храм вступает жрица,
И, чем-то молодым овеяв песнь мою,
То ласточка мелькнет, то длинная ресница.

Не всё же был я стар, и жизненных трудов
Не вечно на плеча ложилася обуза:
В беспечные года, в виду ночных пиров,
Огни потешные изготовляла муза.

Как сожигать тогда отрадно было их
В кругу приятелей, в глазах воздушной феи!
Их было множество, и ярких и цветных, —
Но рабский труд прервал веселые затеи.

И вот, когда теперь, поникнув головой
И исподлобья в даль одну вперяя взгляды,
Раздумье набредет тяжелою ногой
И слышишь выстрел ты, — то старые заряды.

10 апреля 1885

КОМЕТА

«Дедушка, это звезда не такая,
Знаю свою я звезду:
Всех-то добрее моя золотая,
Я ее тотчас найду!

Эта — гляди-ка, вон там, за рекою —
С огненным длинным пером,
Пишет она, что ни ночь, над землею,
Страшным пугает судом.

Как засветилася в небе пожаром,
Только и слышно с тех пор:
Будут у нас — появилась недаром —
Голод, война или мор».

«Полно, голубчик, напрасная смута;
Жили мы, будешь ты жить,
Будешь звезду, как и мы же, свою-то,
Видеть и вечно любить.

Этой недолго вон так красоваться,
Ей не сродниться ни с кем:
Будут покуда глядеть и бояться —
И позабудут совсем».

Между 1874 и 1886

* * *

Целый мир от красоты,
От велика и до мала,
И напрасно ищешь ты
Отыскать ее начало.

Что такое день иль век
Перед тем, что бесконечно?
Хоть не вечен человек,
То, что вечно, — человечно.

Между 1874 и 1886

ЛИЛЕ

Лови, лови ты
Часы веселий,
Пока ланиты
Не побледнели,
Но средь волнений
Живых и властных
Проси мгновений
У муз прекрасных.

Между 1874 и 1886

* * *

Юноша, взором блестя, ты видишь все прелести девы;
Взор преклонивши, она видит твою красоту.

Между 1874 и 1886

* * *

О, не вверяйся ты шумному
Блеску толпы неразумному, —
Ты его миру безумному
Брось — и о нем не тужи.
Льни ты хотя б к преходящему,
Трепетной негой манящему, —
Лишь одному настоящему,
Им лишь одним дорожи.

Между 1874 и 1886

* * *

Чем доле я живу, чем больше пережил,
Чем повелительней стесняю сердца пыл, —
Тем для меня ясней, что не было от века
Слов, озаряющих светлее человека:
Всеобщий наш отец, который в небесах,
Да свято имя мы твое блюдем в сердцах,
Да прийдет царствие твое, да будет воля
Твоя, как в небесах, так и в земной юдоли.
Пошли и ныне хлеб обычный от трудов,
Прости нам долг, — и мы прощаем должников,
И не введи ты нас, бессильных, в искушенье,
И от лукавого избави самомненья.

Между 1874 и 1886

* * *

Он ест, — а ты цветешь напрасной красотою,
Во мглу тяжелых туч сокрылася любовь,
И радость над твоей прелестной головою
Роскошною звездой не загорится вновь.

И жертва зависти, и жертва кривотолка,
За прелесть детскую погибнуть ты должна;
Так бьется, крылышки раскинув, перепелка,
Раздавлена ногой жующего вола.

30 марта 1886

* * *

На зеленых уступах лесов
Неизменной своей белизной
Вознеслась ты под свод голубой
Над бродячей толпой облаков.

И земному в небесный чертог
Не дано ничему достигать:
Соберется туманная рать —
И растает у царственных ног.

23 июля 1886

* * *

В те дни, как божествам для происков влюбленных
Бродить среди людей случалося не раз,
При помощи собак, Дианой обученных,
Пресветлый Аполлон овечье стадо пас.

Любил своих овец сей пастырь именитый;
Как их улучшить быт — не мог придумать сам:
Тяжелорунные, конечно, овцы сыты;
Жаль только одного — свободы нет овцам.

Хитер на выдумки, влекомый чувством братства,
Меркурий пастыря в раздумье увидал
(Он только проходил с ночного волокрадства)
И пред задумчивым владыкою предстал.

«Не надивлюсь, — сказал, — как может ум великий
В потемках там бродить, где ясно всё как день?
Ты начинай с собак: оставь их для прилики,
Но только ты на всех намордники надень».

— «А волки?» — «Что?» — «Придут». — «Пустые это толки:
Им про намордники нельзя узнать в лесах.
Не тронут». — «Ну, пускай; пусть волки будут волки;
Но как с овцами быть? Подумай об овцах!»

— «А сами овцы что ж? Иль на себя не глянут?
Ведь жеребец ведет табун свой как тиран».
— «Баран не жеребец: их слушаться не станут.
Подумай сам, какой уж на́больший баран!»

— «Всё больше дива мне, признаюсь откровенно!
Препятствия во всем нарочно ищешь ты.
Пусть сами выберут своих, а ты мгновенно
Им лапы отрасти да закорючь хвосты».

«Мысль — дать собачий чин — отличная, признаться:
Науки обретут и пользу в ней и честь;
Но стражи новые должны же и питаться:
Не лишнее спросить — что́ оборотню есть?»

— «Конечно, натощак служить накладно миру,
Но может ли вопрос возникнуть в том какой?
Тут овцы, поглядишь, готовы лопнуть с жиру:
Дозволь такой овце всеядной быть овцой».

Так всё улажено. Все овцы без оглядок
Бегут, жуют кусты и суются под тень.
Собакам из овец кусок служебный сладок,
А прежние — глядят, да на носу ремень.

Промеж овец везде доходит уж до драки —
Знать, стало невтерпеж порядки эти несть, —

И каждой хочется из них попасть в собаки:
Чем накормить собой другого, лучше есть.

В дрему и болотах все овцы побывали, —
Не знают, как бежать, укрыться только где б, —
И овцы извелись, и овцы зачихали...
Не знаю, долго ли над ними бился Феб.

1886

* * *

Чуждые огласки,
Слышу речи ласки,
Вижу эти глазки,
Чую сердца дрожь, —

Томных грез поруки,
Засыпают звуки...
Их немые муки
Только ты поймешь!

31 января 1887

* * *

Озираясь на юность тревожно,
Будь заветной святыне верна!
Для надежды граница возможна, —
Невозможна для веры она.

Не дивись же, что прежнее пламя
Всё твою окружает красу:
Ты уходишь, но верное знамя
На ходу над собой я несу.

14 сентября 1889

* * *

Погляди мне в глаза хоть на миг,
Не таись, будь душой откровенней:
Чем яснее безумство в твоих,
Тем блаженство мое несомненней.

Не дано мне витийство: не мне
Связных слов преднамеренный лепет! —
А больного безумца вдвойне
Выдают не реченья, а трепет.

Не стыжусь заиканий своих:
Что доступнее, то многоценней.
Погляди ж мне в глаза хоть на миг,
Не таись, будь душой откровенней.

3 апреля 1890

* * *

Что молчишь? Иль не видишь — горю,
Всё равно — отстрани хоть, приветь ли.
Я тебе о любви говорю,
А вязанья считаешь ты петли.

Отчего же сомненье свое
Не гасить мне в неведеньи этом?
Отчего же молчанье твое
Не наполнить мне радужным светом?

Может быть, я при нем рассмотрю,
В нем отрадного, робкого нет ли...
Хоть тебе о любви говорю,
А вязанья считаешь ты петли.

11 ноября 1890

THE ECHOES[1]

Та же звездочка на небе,
Та ж внизу течет река, —
Смолк давно лишь голос милый,
Радость сердца далека!
Эхо вторит мне уныло:
        Далека!

Тот же в роще молчаливой
Бьет веселый, светлый ключ;
Но отрадный лик былого
Не проглянет из-за туч!
Грустно шепчет эхо снова:
        Из-за туч.

Та же птичка, что певала,
Ночью песнь свою поет;
Но та песнь грустнее стала,
Радость ná сердце нейдет!
Эхо тихо простонало:
        Да, нейдет!

Голос прошлого родного,
Ты умолкнешь ли когда?
Не буди ты сновидений,
Что умчались навсегда!
Снова эхо в отдаленьи
        Вторит: навсегда!

---

[1] Эхо (англ.). — *Ред.*

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ, ПОСЛАНИЯ, ПОСВЯЩЕНИЯ, ЭПИГРАММЫ, ОТРЫВКИ

* * *

Нет, сколько козней ты ни крой,
Я твоего не слышу бреда,
Пошлю я в лавку за икрой
И ждать не стану до обеда.

1838

* * *

Григорьев, музами водим,
Налил чернил на сор бумажный,
И вопиет с осанкой важной:
«Вострепещите!» мой Вадим.

1839 (?)

ЭПИГРАММА

Он в идее вечно жаден,
А в конкрете он свиреп,
Догматически нескладен
И практически нелеп.

<1842>

АВТОРУ СТИХОВ „БЕЗЫМЕННОМУ КРИТИКУ“
(М. ДМИТРИЕВУ, КОТОРЫЙ ПОМЕСТИЛ ИХ В „МОСКВИТЯНИНЕ“)

Как тебе достало духу
Руси подличать в глаза?
Карамзин тебе даст плюху,
Ломоносов даст туза.

Кто ни честен, кто ни славен,
Будет славен сам собой;
Ни Жуковский, ни Державин
Не нуждаются тобой.

Будь каких ты хочешь мнений
О России до Петра —
От твоих стихотворений
Не прибудет нам добра.

. . . .

Где ответ на глупость эту?
И кому тебя судить?
Нет, не мирному поэту, —
Надо в клинику сходить.

. . . .

Жалко племени младого,
Где отцы, ни дать ни взять
Как хавроньи, всё, что ново,
Научают попирать.

Где народности примеры?
Не у Спасских ли ворот,
Где во славу русской веры
Казаки крестят народ?

Да, у нас на месте лобном,
На народной площади,
Калачи так славно сдобны,
Что наешься и — . . . . .

Горько вам, что ваших псарен
Не зовем церквами мы,
Что теперь не важен барин,
Важны дельные умы.

Да, Россия властью вашей
Та же, что и до Петра;
Набивает брюхо кашей
И рыгает до утра.

Что вам Пушкин? Ваши боги
Вам поют о старине
И печатают эклоги
У холопьев на спине.

Ноябрь 1842

* * *

В зверинец мой раскрыты двери,
Зверей подобных в мире нет,
Рассортированы все звери,
И каждому дан свой куплет.

Вот Крюднер, капитан хохлатый,
Он привезен из дальних стран,
Молодцеватый, грубоватый,
А вот при нем его Бриган.

Вот Кащенки — и Петр, и Павел,
Я в клетке их держу одной,
Зверьки ручные, честных правил
И по-домашнему с ленцой.

Вот Пален; петухом ли шпанским,
Аистом ли его назвать?
Он поится одним шампанским;
Полегче, ног бы не сломать!

Вот Рап-кобель. Каким-то чудом
И Агапей при нем всегда.

Кто кобелем, а кто верблюдом
Заняться может, господа.

Кази усами разукрашен,
Турецкой силой одарен.
Он бородою только страшен,
И до клубнички падок он.

А вот Кудашев; он был князем
Вдали, на южных островах;
Силач, он всех кидает наземь
И татуирован в . . .

А вот Краевский; с пальмы южной,
Страны полуденной жилец,
Но как обманчив вид наружный:
Он только с виду молодец.

Вот Клопман; ящик с зеркалами,
В помадной банке корм стоит,
Что день, то щетка; он духами
От головы до ног облит.

Вот отделенье мелкой птицы:
Борисов, чтобы не забыть;
Он к нам приехал из столицы
«Мое почтенье» говорить.

А тут, лишь клетку повернете,
Для крошки в ящике простор;
Та крошка Фонька Ревелиоти,
Мала, но ноготок востер.

Вот Иваненко для закуски,
В бараньих завитках кругом;
Не знаю, шпанский или русский,
Но только знаю — с курдюком.

1845

* * *

Поднялася пыль степная,
Солнышко взошло,
Всюду сбруя боевая
Блещет как стекло.

Август 1845

В АЛЬБОМ А. Я. МАРЧЕНКО

Стихом простым, стихом случайным,
Назло альбомам и стихам,
К воспоминаньям грустным, тайным
Поползновенья я не дам.

Весны обманчивой жилица,
Минутных роз минутный друг,
Без сожаления, как птица,
Перенесись на нежный юг.

Звездам Украйны полудикой,
Как в дни былые, не молись:
Иной картиною великой
Поражена, остановись!

Твой женский глаз, лучом поспешным
Окинув моря благодать,
Подметит то, чего нам, грешным,
Во век веков не увидать.

1846

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Я вам пророчил поклоненье,
Венец прекрасному челу,
И расточал свое уменье
Воздать вам должную хвалу.

Теперь же слабый мой умишка
Не больше сделает добра,
Как театральная афишка
О пьесе, сыгранной вчера.

9 сентября 1847

* * *

Я жертву приносил обильную Приапу
И жаждал новые во храм его снести,
Но бог велел меня немедля к Эскулапу
Вулкановой супруге отвести.

В изгнании моем я долго тосковал,
Кляня всех нимф, как самых злобных фурий.
Суровый бог мне ноги заковал,
А расковал услужливый Меркурий.

Теперь намерен я, чтоб больше не страдать,
То всякий раз, как я пойду к Приапу,
Чтоб грозный бог не мог меня узнать,
На плешь надвигивать спасительную шляпу.

<1852>

* * *

Пусть критика и злобна, и зубаста!
Не тронуть ей меня;
Пегасу я сказал на время — баста,
Сажуся на коня!

Между 1848 и 1853

* * *

Поднять бокал в честь дружного союза
К Тургеневу мы нынче собрались.
Надень ему венок, шалунья муза,
Надень и улыбнись!

Январь 1856

* * *

Весь переезд забавою
Казался; третьим днем
И морем мы, и Тра́вою
До Любека дойдем.

И как бы ветру флюгером
Ни вздумалось играть,
Мы с капитаном Крюгером
Не будем трепетать.

Конец июля или начало
августа 1857

ОТВЕТ СТАРОГО ПОЭТА
НА 37 ГОДУ ОТ РОДУ

Не поноси Замоскворечья,
Еще ты мало с ним знаком.
Не наноси ему увечья
Своим зловредным языком.

Декабрь 1857

* * *

Возвестил народу
Уж с горы Афонской
Бэда-проповедник,
Что, быть может, к году
У мадам Полонской
Явится наследник.

22 октября 1858

* * *

Поэт, пророк, орловский знатный барин,
Твой тонкий ум и нежный слух любя,
О, как уверю я тебя,
Что я не Гр<еч> и не Фад<дей> Булг<арин>?

<1859>

ЭПИТАЛАМА ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Кометой огненно-эфирной
В пучине солнечных семей,
Минутный гость и гость всемирный,
Ты долго странствовал ничей.

И лишь порой к нам блеск мгновенный
Ты досылал своим лучом,
То просияв звездой нетленной,
То грозным, пламенным мечом.

Но час и твой пробил, комета!
Благослови глагол его!
Пора свершать душе поэта
Свой путь у солнца одного,

Довольно странствовать по миру,
Пора одно, одно любить,
Пора блестящему эфиру
От моря сушу отделить,

Забыть вражды судьбы безбрачной,
Пути блудящего огня,
И расцвести одеждой злачной
В сияньи солнечного дня.

Октябрь 1862

И. С. ТУРГЕНЕВУ

Тебя искал мой стих по всем концам земли,
И вот тебя настиг он в Rue de Rivoli.
Не знать, куда писать, меня ужасно бесит:
Затем-то затвердил я нумер 210.
О чем писать? о чем? Как туп такой вопрос!
Когда б я разом мог всё то, что лезет в нос,
Сказать иль очеркнуть стихами или прозой,
Так я бы не стоял, как тот осел над розой,
Которого ты нам на невских берегах
Так ясно указал в журнальных крикунах.

Люблю, в согласии иль во вражде открытой,
С тобой беседовать, поэт наш знаменитый.
Ценя сердечного безумия полет,
Я тем лишь дорожу, кто сразу всё поймет —
И тройку, и свирель, и Гегеля, и суку,
И фриз, и рококо крутую закорюку,
И лебедя в огнях скатившегося дня, —
Ну, словом, чуткий ум душе моей родня.
Ты понял и теперь, что этими словами
Хвалю я не себя. Подобными хвалами
Пусть забавляется тот юный хор калек,
Который думает: «Всё понял человек».
А мы — зайдет ли речь о Дании иль Польше —
Мы знаем: журавли гораздо смыслят больше
Об этих казусах, чем мудрые земли.
Хоть вспомни Ивика! Хвала вам, журавли!
Приличие? И тут ты повторял, бывало,
Чтó мудрая о нем старуха толковала:
«Приличен каждый зверь, носящий сзади хвост,
Затем что он умен, а между прочим прост».
Взгляни в Степановке на Фатьму-кобылицу:
Ну, право, поезжай в деревню иль в столицу,
Едва ль где женщину ей равную найдешь, —
Так глаз ее умен, так взгляд ее хорош.
Вся в сетке, рыжая, прекраснейшего тона,
Стоит и движется, как римская матрона.
Так не в претензиях тут дело, а в одной
Врожденной чуткости. — Подумай-ка, какой
Дубиной нужно быть, чтоб отрицать искусство,
Права на собственность, родительское чувство,
Самосознание, — ну, словом, наконец,
Всё то, чего не знать не может и слепец.
А этим юное кичится поколенье!
К чему ж их привело природы изученье?
Сама природа их наводит на беду.
Поймавши на слове, я к Фатьме их веду.
Она хоть нежный пол и ходит в кринолине,
Но не уступит прав на кафедру мужчине.
Что ж проповедует она? Ее сосун
Щипал при ней сенцо. Вот подошел стригун
И стал его теснить, сам ставши над корытом;
Но истинная мать так зубом и копытом

Сумела угостить пришедшего не в час,
Что тот не сунется уж к ним в другой-то раз.
«Что ж, сила грубая! На то она кобыла!»
Груба ль, нежна ль она, — я знаю: сила — сила.
То сила им груба, то тянутся из жил,
Чтобы расковырять указкой силу сил.
Но полно Пиерид пугать таким предметом.
Ужели нынешним тебя не встретит летом
Осинка «Reviendront»[1] и необъятный пруд,
Где пихты стройные по берегам растут
И где гуляющий, как мощная Россия,
Пожалуй, невзначай наступит и на змия,
Где стройный хор берез и вереницы лип
Тебя приветствуют, блаженный Аристипп,
Где, умиления исполненный и жару,
Я пред тобой возжечь всегда готов сигару
И в дни июльские, когда горит душа,
Кричать «лупи его!», как срежешь черныша.
Люблю я видеть кровь лукавой этой птицы:
Бровь красная ее, дьячковские косицы
И белые портки мне раздражают взор.
Но, кажется, опять понес я прежний вздор.
Привычка, подлинно, вторая в нас натура:
Наш брат куда ни ткнись — везде литература!
Вчера меня с утра охота петь взяла
«На холмах Грузии лежит ночная мгла»;
Заставил я жену, забывши завтрак, рано
Усесться разбирать романс у фортепьяно.
Про этот я романс скажу тебе одно:
Коль услыхать его мне будет суждено
От Полигимнии, его облекшей в звуки,
То прежде попрошу связать мне ноги, руки,
Чтобы, пришедши вдруг в болезненный
экстаз,
Я в доме каковых не учинил проказ.
Но извини меня! я заврался безбожно,
Да сам же подал ты пример неосторожно
Ломать язык богов над будничным письмом.
Пора и перестать. Кончаю. Дело в том,
Чтоб, озабоченный бездельем иль делами,

[1] Возвратятся (фр.). — *Ред.*

Ты не забыл писать мне прозой иль стихами.
Ты знаешь, как мне мил и дорог твой привет.
Жена приветствует тебя и твой

А. Фет

20 апреля 1864

Н. А. ОФРОСИМОВОЙ
ПРИ ПОСЫЛКЕ ДВУХ ПУГОВОК

Вас нет — и плакать я готов,
И ангел мой без вас вздыхает.
Старик-тока́рь своих трудов
Вам две застежки посылает.

Когда работал их чудак,
То с вами мысль его дружилась:
О, не кружитесь в жизни так,
Как кость слоновая кружилась!

22 февраля 1869

К ФОТОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТОЧКЕ
M-lle Viardot

Послушный снимок с идеала,
Как ты воздушен, свеж и мил!
Тебя не кисть живописала,
А солнца луч изобразил.

В блаженной роскоши расцвета
Признав забытые черты,
Затрепетала грудь поэта
Под обаяньем красоты.

На зов ласкательной святыни
Душой воскреснувшей летя,
Я вижу в образе богини
Давно знакомое дитя.

1869

М. Н. ЛОНГИНОВУ

Я был у Кача и Орбека,
Молил, просил;
Не отыскалось человека
Продать чернил.

Хоть плачь, хоть требуй благородно,
Хоть их беси,
Дают чернил каких угодно,
Да не Plessy.

Коммуна-де да прусский гений
Наслали бед;
Французских к нам произведений
В подвозе нет.

Теперь, о Клио, понимаю,
Как их . . . !
С тоскою в сердце прилагаю
Здесь 2 рубли.

Но яд чернил к душе поэта
Не подноси!
В таможне ждут: к исходу лета
Придет Plessy.

2 июля 1871

К ПАМЯТНИКУ ПУШКИНА

Свободного стиха прославленный творец,
Услышана твоя молитва, друг народа:
По манию царя взошла заря — свобода,
И солнце озарит твой бронзовый венец.

1871

ПОСРЕДНИКУ М. М. ХРУЩОВУ

Противу вечного закона
Встает отродье злой семьи
То в виде страшного дракона,
То в хитром образе змеи.

Но — вечный солнца проповедник —
В борьбе со злобою и тьмой
Не покидает нас посредник
Меж светом божьим и землей.

Жива спасительная сила,
Переходя из рода в род,
И копьеносца Михаила
Сегодня празднует народ.

И он от правды не отступит:
Неумолим, как в старину,
На змея-писаря наступит,
Коля дракона-старшину.

8 ноября 1872

* * *

Амур — начальник Гименея,
А Гименей без водки — пас,
Вот отчего я, не краснея,
Решаюсь беспокоить вас.

Податель сей бежит к Гимену,
А вы, Амур, уж так и быть,
Велите за простую цену
Покрепче водку отпустить.

Вам труд не будет безвозмездный,
О нет, — котлеты посочней
У них тебе, Амур уездный,
Подаст наш повар Гименей.

И, тарантасик ваш походный
Узнав по тысяче примет,
«Вот он, заступник всенародный!» —
Воскликнет Афанасий Фет.

<1873>

* * *

Наш шеф — владыка полусвета,
И наша гордость всем ясна.
Блестящей прядью этишкета
Семья улан закреплена.
И к ней исполнена привета,
Как кубок, искристый до дна,
Везде душа улана Фета
И отставного Шеншина.

21 марта 1874

ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Всё стремлюсь к тебе мечтою,
    Мучусь, не узнав:
Разболелся ль ты душою,
    Дорогой мой граф?

Окунулся ли в пучину,
    Где не видно зги?
Если так — пиши картину
    И ни в чем не лги.

День — твой враг, и днем полезно
    Помнить ремесло;
Только эта бездна звездна,
    Только в ней светло.

Лишь из мрака хляби душной,
    Из грозящих жерл,

Водолаз великодушный,
    К нам взнесешь ты перл.

Посмотрите, мол, осины
    И гнилые пни:
Вот как ищут исполины
    Даже в наши дни!

1875 (?)

П. И. БОРИСОВУ

Милый Петя!
                    Вот и мы.
Питер вроде мне чумы.
День-деньской я там зевал
И Покровку вспоминал.
Но зато в четверг с полдня
Снова праздник для меня.
В час полудня, милый мой,
Поезд двинет нас домой,
В страны, где Толстой цветет,
Где Степановка растет,
Где господь сказал ей: спи
На раздолье, на степи.
Оля, тетя, все, любя,
Обнимаем мы тебя.
На минутку хоть урвись,
С нами лично распростись.
Будь здоров, не знай кручин.
Старый дядя твой
                    Шеншин

19 апреля 1876

* * *

В день позавидуешь раз со́ сто
Твоей учености, друг мой:
Всё для тебя светло и просто
Там, где брожу я как слепой.

Кругом по стеночке в манеже
Тебе отлично гарцевать,
Когда мне, бедному невеже,
В ночной степи хоть пропадать.

Декабрь 1876

* * *

Хоть потолстеть мой дух алкает,
Хоть страх берет свихнуть потом,
Но эта робость исчезает
Перед талантом и умом.

Устали крылья от размахов,
Чтоб дух раздуть умом чужим,
Но всё я вас не вижу, страхов,
Хоть и желаю быть толст им.

27 июня 1877

К БЮСТУ РТИЩЕВА В ВОРОБЬЕВКЕ

Прости меня, почтенный лик
Здесь дней минувших властелина,
Что́ медной головой поник,
Взирая на меня с камина.

Прости: ты видишь сам, я чту
Тебя покорно, без ошибки,
Но не дождусь, когда прочту
Значенье бронзовой улыбки.

Поник ты старой головой,
Смеяся, может быть, утратам.
Да, я ворвался в угол твой
Наперекор твоим пенатам.

Ты жил и пышно, и умно,
Как подобало истым барам;

Упрочил ригой ты гумно,
Восполнив дом и сад амбаром.

Дневных забот и платья бич,
Твоих волос не знала пудра;
Ты каждый складывал кирпич
И каждый гвоздь вбивал премудро.

Не бойся, не к тому я вел,
Чтоб уколоть тебя сатирой;
Не улыбайся, что вошел
К тебе поэт с болтливой лирой.

«Поэт! Легко сказать: поэт —
Еще лирический к тому же!
Вот мой преемник и сосед,
Каких не выдумаешь хуже.

Поэт безумствовать лишь рад,
Он слеп для ежедневных терний...»
Не продолжай на этот лад,
Тебе не к стати толки черни.

Не по годам такая прыть,
Уж мы ее бросаем с веком,
И я надеюсь сговорить
С тобой, как с дельным человеком.

Тупым оставим храбрецам
Всё их нахальство, все капризы;
Ты видишь, как я чищу сам
Твои замки, твои карнизы.

Простим друг другу все грехи;
И я у гробового входа!
Порукой в том мои стихи
Из дидактического рода.

Февраль 1878

К НАШИМ ОСЛАМ

Нам повторяли все в речах картинных:
«Вам суждено бездетность перенесть,
И не видать вам этих лиц невинных,
В которых что-то ангельское есть».

Исполнились всеобщие желанья,
Господь утешил нас на склоне дней —
И вас послал, невинные созданья,
Послушных и играющих детей.

Господь велик! он старость успокоил.
Гуляйте, детки, тешьтесь в добрый час!
И милосердый милость тем удвоил,
Что взрослыми мы не увидим вас.

5 ноября 1878

М. М. ХРУЩОВУ

Пускай с копьем противу злого
Всегда архангел Михаил,
Но и любовию земного
Богат носитель горних сил.

Не сном глава его объята
Под райским деревом, в тени, —
Всё, что воздушно и крылато,
Ему поистине сродни.

И верю — праведен он будет, —
Прямой судья добру и злу, —
И воробьев он не забудет,
Хотя сочувствует орлу.

8 ноября 1878

* * *

Не толкуй об обезьяне,
Что людей родила,
Не толкуй мне о Татьяне, —
Так она постыла.

Water closet, closet water...
Рассуждая прямо,
Mater alma, alma mater[1] —
Всё гнилая яма.

В ней, покуда чин стяжаешь,
Изумя Европу,
Рожу калом измараешь,
А не то что . . .

Январь 1879

Н. П. БОТКИНУ

«Христос воскресе!» — клик весенний.
Кому ж послать его в стихах,
Как не тому, кто в дождь осенний
И в январе — с цветком в руках?

Твои букеты — вести мая,
Дань поклоненья красоте.
Ты их несешь, не забывая
О тяжком жизненном кресте.

Но ныне праздник искупленья,
Дни обновительных чудес, —
Так будь здоров для поздравленья,
Твердя: «Воистину воскрес!»

31 марта 1879

---

[1] Кормящая мать (лат.). — *Ред.*

К. Ф. РЕВЕЛИОТИ

Свиданье наше предвкушая
И лет почтенности скорбя,
Хоть Федосеевича знаю,
Как Фоню обниму тебя!

25 августа 1879

А. П. БОТКИНОЙ

НЕВЕСТЕ

Хотя любовь препобедила
И торжества подводит час,
Она и к нам свой взор склонила,
И не забыла Анна нас.

Там, где царит метель и вьюга,
Где жизнь полна тоски и зла,
Твой ананас — эмблема юга,
Благоуханья и тепла.

Когда настанет день ненастный,
На сердце мрак и грусть падет,
Мы вспомним жребий твой прекрасный,
И Анна нас тогда спасет.

Февраль 1880

ЕЙ ЖЕ

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ АПЕЛЬСИНОВ

Вот спасибо, мой дружок,
Не забыла ветерана!
Будь сама как королек
И сладка ты и румяна.

Свей гнездо — хоть где-нибудь,
За Невой, Москвой иль Вислой, —
Только замужем не будь
Апельсин ты желтый, кислый.

1880

ПОСЛАНИЕ П. Н. КАРАТЕЕВУ

На петербургских плюнь злодеев;
Пусть дьявол губит эту тлю. —
Тебя же, Павел Каратеев,
Лишь об одном теперь молю:

Весна придет: в окошко глянешь, —
Посев, косьба, посев опять,
И калачом уж не заманишь
Тебя к соседу ночевать.

А твой сосед, прямой пустынник
И сам слуга родной земле,
Тебе в угоду именинник
Не в сенокос, а в феврале.

Так посети — хоть вместе ляжем, —
Наш теплый верх тебе знаком, —
И новых жеребят покажем,
И на бильярте промахнем.

11 февраля 1880

ФЕТ-АЛИ-ШАХА

Любовь и знанье вертопрахов —
Один капкан души чужой,
Но не пугаюсь я и страхов,
Тщедушен этим и толст той.

Апрель 1880

О. И. ЩУКИНОЙ

Спасибо вам! Мы вспоминаем
Ваш резвый смех с умом живым.
Без вас и май бы не был маем,
И старый парк бы был иным.

И не перила лишь пещрили
Вы разноцветной чередой,
А всю весну для нас увили
Вы лентой нежно-голубой.

Не только мы, — я чай, Колдунья
Не раз вздохнет под седоком:
«Зачем на мне не та летунья,
А этот неподъемный ком?»

Adieu,[1] счастливо оставаться!
Июльский зной у нас настал, —
И хоть и лень за дело взяться,
Но «Gartenlaube»[2] к вам послал.

15 мая 1880

А. А. ТИМИРЯЗЕВУ

Всё дождь и дождь, и солнце лик свой прячет,
А хлеб насущный наш гниет в снопах.
И кажется, само-то небо плачет
О прежних светлых, лучших наших днях.

На памяти моей старушки музы,
Ка́к нуждам ты служил родной страны,
Ка́к рабства нам помог ты свергнуть узы,
Ка́к убирал кровавый след войны!

Не вольностей, а правды лишь блюститель,
К зовущему ты шел навстречу сам.
Мы были строй, ты был наш предводитель.
Каков успех? О том судить не нам.

Но прозою обычною, сухою,
Я не хочу в сей день тебя назвать,
Пред ангелом живым — твоей женою —
В день ангела земным упоминать.

---

[1] Прощайте (фр.). — *Ред.*
[2] «Беседка» (нем.). — *Ред.*

Земное — что? Конечно, безрассудно
Роптать на зло, на злобу наших дней,
Но, если жить и праздному так трудно, —
Кто трудится, тому еще трудней.

Август 1880

Е. Г. ХРУЩОВОЙ

Я видел преданность и рвенье
И в долгом беньи путь вдвоем,
Я видел слезы умиленья
Над засыпающим птенцом.

Хотел бы письменной хвалою
День именин твоих почтить,
Но трудно прозою земною
Воздушных ангелов хвалить.

Бессилен голос лести светской,
Все похвалы здесь ни к чему —
И голос старческий и детский
Доступней сердцу твоему.

3 сентября 1880

Д. П. БОТКИНУ

Я с девятнадцатого дома.
Жена вернулась в тот же день —
В восторге от ее приема.
Его описывать мне лень.

Хоть, отдохнув в своей кровати,
На свет бодрее я гляжу,
Но всё минувшей благодати
В здоровье я не нахожу.

И бледно-розовые пятна,
Как возмутительный грешок,

Напоминают неприятно
О прижиганиях кишок.

Вчера, подосланный лукаво,
Молчанов-fils[1] у нас гостил,
И я ему, обдумав здраво,
В кредит пшеницу отпустил.

Ее и всей-то оказалось
Не больше тысячи и ста.
Так чтоб на месте подымалась
И забиралась без хвоста,

За четверть с десяти целковых
Четвертачок я уступил.
В задаток тысячу всё новых
Кредитками я получил.

Затем сиди и жди: когда-то
Увидишь светлую зарю;
В двадцатом ноября уплата
Двух тысяч, трех же — к январю.

А там опять он скажет warte,[2]
И уж последних тысяч пять
Двадцатого уплатит в марте.
На месте трудно продавать.

Как цену наперед узнаешь?
Пойдет ли в гору иль в отвал?
Найдешь барыш иль прогадаешь?
Подумал — да и подписал.

Вы как здоровьем? Хоть бы вновь я
Не услыхал о серых днях.
Что детки? Всё ли так же Софья
Сергевна в вечных попыхах?

Признаться, самому до смерти
Мне надоели попыхи;

---

[1] Сын (фр.). — *Ред.*
[2] Жди (нем.). — *Ред.*

Куда тебя не сунут черти —
Весь свет исполнен чепухи.

Изволь расхлебывать. Вот мельник
Пришел с расчетами за рожь, —
А не подумает бездельник,
Как дорог мой и рубль, и грош.

Ну чем я хуже Соломона
Степаныча, какой мудрец!
Примите наших два поклона —
И с тем посланию конец.

А за ночлеги и грибочки
Перед хозяйкой спину гну;
Уж родились же вы в сорочке,
Такую отыскав жену.

<1881>

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Хоть строчкой, бедная подруга,
Меня обрадуй ты в глуши.
Ты мне мила как память друга
И как весна моей души.

Май 1881

1881 ГОДА, 11 ИЮЛЯ

Желаю Оле
Здоровья боле,
Чтоб жить ей доле —
Пока на воле,
А в брачной доле
У мужа в холе.

11 июля 1881

ЛЮБЕЗНОМУ ПЛЕМЯННИКУ П. И. БОРИСОВУ

Gaudes carminibus, carmina possumus
Donare et pretium dicere muneri.

Horatius[1]

Спасибо, друг, — ты упросил
Меня приняться за работу,
Твой юный голос разбудил
Камену, впавшую в дремоту.

Опять стихи мои нашли
То, что годами было скрыто.
Всё лето предо мною шли
Причудник Фауст и Маргарита.

И вот прейдён гористый путь:
Следи за мной, — но, бога ради,
Ты Мефистофелем не будь
Насчет стареющего дяди.

Октябрь 1881

Д. П. и С. С. БОТКИНЫМ

В ДЕНЬ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЯ ИХ СВАДЬБЫ 16 ЯНВАРЯ 1884 ГОДА

Сегодня пир отрадный мы венчаем,
Мы брачные подъемлем чаши вновь.
Сегодня дружбе мы венец сплетаем
И празднуем счастливую любовь.

Красавицы, не преклоняйте вежды;
К чему скрывать румяный пыл сердец,

[1] Ты песни слушать рад, я песню подарить
Могу, и оценить подарок свой сумею.
Гораций (лат.). — *Ред.*

Когда в груди у всех одни надежды,
Когда в душе у всех один венец?

Ни красоты, ни почестей, ни злата
В дыму мечты ты раем не зови;
Наш рай не там, меж Тигра и Евфрата,
А рай вот тут, у дружбы и любви.

Как сень его лелеет человека!
Как божеским дыханьем он объят!
В своей листве хранит он четверть века
Плоды любви и дружбы аромат.

И, умилясь сердцами, мы встречаем
Сей вертоград, подъемля чаши вновь;
Сегодня дружбе мы венец сплетаем
И празднуем счастливую любовь.

28 октября 1883

О. М. СОЛОВЬЕВОЙ

Рассеянной, неверною рукою
Я собирал поэзии цветы,
И в этот час мы встретились с тобою,
Поклонница и жрица красоты.

В безумце ты тоскующем признала
Прибывшего с знакомых берегов,
И кисть твоя волшебством разгадала
Язык цветов и сердца тайный зов.

И вот с тех пор, в роскошном их уборе
Завидевши те сельские цветы
Нетленными на матовом фарфоре,
Без подписи я знаю: это ты.

29 октября 1884

Ф. Е. КОРШУ

В ОТВЕТ НА ЭПИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Больному классику чтоб дать ответ российский,
Я избираю стих и лист александрийский;
Не думаю, меж тем, об оном я листе,
Чтоб облегчился ты без рези в животе.
Что ж делать! Такова российска Аретуза,
Что пить из ней нельзя без содроганья пуза.
О, что бы провещал ученейший Хирон,
Когда б на наших муз взглянул хоть мельком он,
У коих цензоры, благочестивы люди,
Обгрызли ногти все и вырезали груди,
Как режут эвнухов, что вывел Ювенал,
Хотя Гелиодор давно их окорнал.
И так и следует: зачем писать антично?
У наших цензоров узнал бы, что́ прилично!
Ведь не подумают античные глупцы,
Что могут русские обидеться скопцы.
Не должно смешивать двух разных направлений,
Иначе стать в тупик народный может гений;
И, мню я, самым тем ты простудил свой нос,
Что, переплывши Тибр, ты вышел на мороз.
Так вредны крайности, когда сойдутся ссорясь!
О rus![1] О глупости! О tempora, o mores![2]
Но как бы строгая ни выкликала Русь,
Тибулла покупать я к Кунду поплетусь.
Знать, старость слабая так распускает слюни:
Scribendi cacoethes tenet,[3] сказал мой Юний.
Пора и кончить мне. Будь здрав, прими привет.
Хоть подпишу Шеншин, а всё же выйдет —

Фет

29 ноября 1884

---

[1] О деревня! (лат.). — *Ред.*
[2] О времена, о нравы! (лат.). — *Ред.*
[3] Владеет злой недуг писания (лат.). — *Ред.*

ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ

Когда стопой слегка усталой
Зайдете в брошенный цветник,
Где под травою одичалой
Цветок подавленный приник,

Скажите: «Давнею порою
Тут жил поклонник красоты;
Он бескорыстною рукою
И для меня сажал цветы».

11 декабря 1884

В. С. СОЛОВЬЕВУ

Пусть не забудутся и пусть
Те дни в лицо глядят нам сами,
Когда Катулл мне наизусть
Твоими говорил устами.

Прости! Лавровому венцу
Я скромной ивой подражаю,
И вот веронскому певцу
Катуллом русским отвечаю.

Боюсь, всю прелесть в нем убью
Я при такой перекочевке, —
Но как Катулла воробью
Не расплодиться в Воробьевке!

17 мая 1885

К ПАМЯТНИКУ МАРКЕВИЧА

Любил он истину, любил он красоту
И дружбой призванных ценителей гордился,
Раздутой фразы он провидел пустоту
И правду говорить в лицо ей не страшился.

6 июля 1885

Ф. Е. КОРШУ

Геройских лет поклонник жадный
В тебе Миноса узнает:
Никто без нити Ариадны
В твое владенье не войдет.

Но это суд земного рода:
Он не зовет души моей.
О, как я рад, что ты у входа
Стоишь в блаженный Елисей!

Взглянув на ширь долины злачной,
Никто не ценит так, как ты,
Всей этой прелести прозрачной,
Всей этой легкой простоты.

Вот почему, смирясь душою,
Тебя о милости прошу
И неуверенной рукою
Венки Тибулла подношу.

2 октября 1885

МИТЕ БОТКИНУ

Митя крошка,
Понемножку
Поджидай,
Да с Покровки
К Воробьевке
Подъезжай.

Не упрямый,
Сядешь с мамой
Ты в вагон,
А проснешься —
К нам взберешься
На балкон.

Будут розы,
Будут козы
Митю ждать,
Будет в гроте
Митю тетя
Целовать.

Первая половина
80-х гг.

* * *

Понятен зов твой сердобольный
И для отцов и для детей:
С базара — храм искусств угольный,
Ты с переулка — дом б...

Между 1874 и 1886

М. М. ХРУЩОВУ

Твоей приветливой щедро́той,
Свободе в память золотой,
Кичась резьбой и позолотой,
Июльский столп передо мной.

И мыслью понял я свободной:
Игрушке место на земле
Не там, на площади народной,
А здесь, на письменном столе.

Между 1874 и 1886

* * *

Ура, наш архангел отви́нчен,
Уж, раненый, в вате лежит;
Излечен, но не переи́нчен,
Он к нам из Москвы прилетит.

«В концы всей вселенной глаголы
Смотри, золотой Михаил,
Трубой про народные школы
Ты детям бы ног не скосил».

Между 1874 и 1886

Е. И. БАРАТЫНСКОЙ

Я невпопад у вас в гостиной:
Когда восходит свет ума
И слышен посвист соловьиный,
На петуха находит тьма.

Между 1874 и 1886

* * *

Ты хвастаешь, что ты с бессмертными в союзе, —
Быть может, ты и прав. Но как тебе сказать?..
Ты с заднего крыльца всегда заходишь к музе:
Ну где ж тебе в лицо богиню увидать?

Пробраться тем путем напрасный труд положишь:
Ступени скользки там, и всходы не светлы;
Но, если разобрать подъездов ты не можешь, —
У двери истинной ты не найдешь метлы.

Между 1874 и 1886

* * *

Петр и Павел — вот примеры!
Петр, как камень, нетягуч,
Неподатлив на химеры,
Бережет свой символ веры, —
А у Павла только ключ.

Между 1874 и 1886

* * *

Беда с негромкими чинами,
Коль речь заходит о кресте:
Хоть я и буду с орденами,
Но только не для Вани те.

Между 1874 и 1886

* * *

Поднять вас трудишься напрасно:
Вы распластались на гроше.
Всё, что покруче, вам ужасно,
А всё, что плоско, — по душе.

Между 1874 и 1886

Ю. Б. ШУМАХЕР

Среди фиалок, в царстве роз
Примите искренний поклон;
А нас московский наш мороз
Не выпускает на балкон.

Один другому не указ,
Пусть каждый изберет свое, —
Кому Плющиха в самый раз,
Кому так жутко в Монтерё.

Между 1881 и 1886

Л. И. ОФРОСИМОВОЙ

Воздушной, детскою и ясной
Окружены вы красотой.
Ей не сдаваться — труд напрасный:
Звездою чистой и прекрасной
Она горит над головой.

Но вас хвалить никто не смеет, —
Пред вами нищий — наш язык:
Отважный юноша робеет,
И зависть тайная бледнеет,
И изумляется старик.

<1886>

Т. А. КУЗМИНСКОЙ

ПРИ ПОСЫЛКЕ ПОРТРЕТА

Пускай мой старческий портрет
Вам повторяет, что уж нет
Во мне безумства прежней силы,
Но что цветете вы душой,
Цветете тонкою красой
И что по-прежнему вы милы.

12 февраля 1886

К N.N.

Морщины думы и совета
Не красят твоего лица:
Со звонкой лирою поэта
Плющом довольствуйся певца.

Родится дивным музыкантом
На шаткой ветке соловей,
Но всё снегирь не будет Кантом
И Соломоном — воробей.

Май 1886

Е. С. ХОМУТОВОЙ

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ЦВЕТУЩИХ ТУБЕРОЗ

Получивши туберозы,
Допущу ли, чтоб поэт
Языком ответил прозы
На душистый ваш привет?

И к жилищу доброй феи
Мчатся робкие мечты:
Из ее оранжереи
Мне ли чудные цветы?

1 августа 1886

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Певцам, высокое нам мило;
В нас разгоняет сон души
Днем — лучезарное светило,
Узоры звезд — в ночной тиши.

Поем мы пурпура сиянье,
Победы гордые часы,
И вечной меди изваянье,
И мимолетные красы.

Но нет красы, значеньем равной
Той, у которой, всемогущ,
Из-под венца семьи державной
Нетленный зеленеет плющ.

4 декабря 1886

КОРОЛЕВЕ ЭЛЛИНОВ ОЛЬГЕ КОНСТАНТИНОВНЕ

С безумною отвагою поэта
    Дерзаю руки воздевать,
Моля того священного портрета,
    Чтó только Феб умел списать,

Чтоб этот лик воздушный, бестелесный,
    Про дальний блеск поведал сам,
И вечный луч красы его небесной
    Сиял слабеющим глазам.

28 декабря 1886

* * *

Смотрю, завидуя немножко,
На ваш альбом прекрасный я:
Как неизменна эта кошка!
Зачем не кошка эта я?

1886

КОРОЛЕВЕ ЭЛЛИНОВ ОЛЬГЕ КОНСТАНТИНОВНЕ

В стенах, куда внесла Паллада
Оливу девственной рукой,
Теперь духовный мир Эллада
Приемлет от руки иной.

Всю память сердца, радость-ока,
Акрополь, ты пленил один, —
И для жемчужины Востока
Оправы чище нет Афин.

1886

Ф. Е. КОРШУ

Тебя я пуще ждал всего,
Чтоб труд спугнуть отрадной грезой, —
Ты ж остроумья своего
Меня засыпал митральёзой.

O rus! [1] — Капуста, бураки,
Индейка, утка, солонина,
Не то из русской же реки
И разварная осетрина.

[1] О деревня! (лат.). — *Ред.*

И вот сижу, понуря лоб,
Постыли музы с Аполлоном, —
Когда б не кашель, — сам давно б
Я прибежал к тебе с поклоном.

4 января 1887

ЕМУ ЖЕ

Член Академии больной,
Всё порываюсь к прежней цели
И, благодарен всей душой,
Шлю за обещанным мне Paley.

За каждым есть свои грехи;
В одном лишь твердо я уверен:
Хоть и мараю я стихи,
Но книг марать я не намерен.

Итак, склонившись головой,
Прошу прислать мне вашу книжку.
Простите, что Меркурий мой
Заменит тут мою одышку.

Смущаюсь я не раз один:
Как мне писать в делах текущих?
Я между плачущих Шеншин,
И Фет я только средь поющих.

11 января 1887

ГРАФУ А. В. ОЛСУФЬЕВУ

Вот наша книжка в толстом томе:
В своем далеком гетском Томи
По-русски стал писать Назон;
Но без твоих трудов — ей-богу! —
Для армяка забывши тогу,
Неряхой бы явился он.

Бывало, чуть он где споткнется
И на авось опять сошлется,
Славянским духом обуян, —
Ты, приводя к почетной цели,
Уже гласишь, что так велели
Сам Lörs и Riese или Jahn.

И вот, оправленный, умытый,
Поэт наш римский знаменитый
Стоит, расчесан, как к венцу.
Чего ж кобениться упрямо?
Пусть отправляется он прямо
С поклоном к крестному отцу.

14 января 1887

Ф. Е. КОРШУ

На днях пускаемся мы в путь;
Хотел бы видеться с тобою,
Но домовой ко мне на грудь
Вновь наступил своей пятою:

То жалкой старости недуг,
Плутона близкая примета! —
Седьмого мчимся мы на юг
И будем мучиться всё лето.

Но, кроме горьких сельских нужд,
Есть на душе еще вериги,
И кто Проперцию не чужд —
Смотри «шестнадцать» в третьей книге.

Тебе доверясь, как отцу,
И смело выйдя на экзамен,
Мы передвинули к концу
Стихи до Quod si [1] от Nec tamen. [2] —

---

[1] И если (лат.). — *Ред.*
[2] Однако не (лат.). — *Ред.*

Чудесно! — Этой кутерьмы
Творца нам указал не ты ли?
Но — непривычные умы —
Мы имя автора забыли.

К тому ж (пожалуй, не к тому)
По середам мы (хоть и скучно)
И воскресеньям на дому
Глотаем пищу безотлучно:

Как раз сегодня середа, —
Нельзя ль прийти? К чему визиты!
Когда ж не время — о, тогда
Хоть имя автора черкни ты.

P. S.

Прими и Paley своего, —
Он нас заставил потрудиться.
Что не марали мы его,
Ты в этом можешь убедиться.

25 февраля 1887

Е. С. ХОМУТОВОЙ
ПРИ ПОЛУЧЕНИИ РОЗ

Чем пышнее ваши розы,
Чем душистей их краса,
Тем томительнее слезы
Затмевают мне глаза:

Разнеслись былые грезы,
Омрачились небеса...
В царстве мрака, в царстве прозы
Все бледнеют чудеса!

5 июля 1887

КОРОЛЕВЕ ЭЛЛИНОВ ОЛЬГЕ КОНСТАНТИНОВНЕ

11 ИЮЛЯ 1887

Когда б дерзал, когда б я славил
Сей день под звуки райских лир,
То б с кротким ангелом поздравил
Я не ее, а божий мир.

Июль 1887

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

ПРИ ПОСЫЛКЕ ТРЕТЬЕГО ВЫПУСКА „ВЕЧЕРНИХ ОГНЕЙ"

Певец мой дорогой, поэт мой знаменитый,
Позволь, обняв, тебя по-прежнему любить:
Вечерние огни из хижины забытой
Я должен с рифмами Полонскому вручить.

15 января 1888

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

НА ТРЕТЬЕМ ВЫПУСКЕ „ВЕЧЕРНИХ ОГНЕЙ"

Трепетный факел с вечерним мерцанием,
Сна непробудного чуя истому,
Немощен силой, но горд упованием,
Вестнику света сдаю молодому.

15 января 1888

Ф. Е. КОРШУ

(НАДПИСЬ НА ТРЕТЬЕМ ВЫПУСКЕ „ВЕЧЕРНИХ ОГНЕЙ"

Камен нетленные созданья
Душой усвоив до конца,
Прослушай волчьи завыванья
Гиперборейского певца.

21 января 1888

М. П. ШЕНШИНОЙ

НАДПИСЬ НА КНИЖКЕ

Ты все стихи переплела
В одну тетрадь не без причины:
Ты при рожденьи их была,
И ты их помнишь именины.

Ты различала с давних пор,
Чем правит муза, чем супруга.
Хвалить стихи свои — позор,
Еще стыдней — хвалить друг друга.

28 января 1888

* * *

Кто писал стихи иль прозу?
Кто дарит вот эту розу?
То ж выходит, да не то!
В этом весь вопрос опасный,
И хотел бы, друг прекрасный,
Настоящим быть я *кто*.

22 февраля 1888

О. И. ИОСТ

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫШИТЫХ ТУФЕЛЬ

Опять меня балуешь ты,
И под искусною рукою
Опять узоры и цветы
Под быстрой расцвели иглою.

Как странно нисхожу во гроб,
Как я горжусь в конце дороги!
Чем старость злей мне бреет лоб,
Тем ты пышней мне красишь ноги.

23 февраля 1888

НА ЮБИЛЕЙ А. Н. МАЙКОВА

Как привлечь к себе вниманье,
В этот миг прервав молчанье,
И того хвалить судьбу,
Кто торжественному звуку
Дал тимпан гремящий в руку
И старинную трубу?

Нет, бессильными стихами
Громогласного меж нами
Петь певца я не берусь,
Что́ в одежде пышной грека
Звонкой лирою полвека
Изумляет нашу Русь.

Дайте, дайте без искусства
Проявить живые чувства
В дружном трепете сердец
И, восторгом пламенея,
В день почетный юбилея
Обновить его венец!

7 марта 1888

КНЯГИНЕ С. Н. ГОЛИЦЫНОЙ

Когда надежды упорхнули,
Я сомневаюся и в том, —
В железный век наш угожу ли
И золотым я вам пером.

11 марта 1889

* * *

Тот, кто владеет громаднейшим царством,
Не дал с тобой нам ходить по мытарствам.
Время проводищь ты спесью да барством,

Я же свое измеряю лекарством.
Тщетно кичиться тебе предоставлю,
Но эпиграммой тебя не прославлю.

11 апреля 1889

Н. Я. ПОЛОНСКОЙ

Я вмиг рассеял бы, кажись,
Хлопушкой рифм сомненья ваши,
Когда б стихи и мне дались
Легко, как вашему папаше.

Я б вам сказал, что кабинет
Мой наверху, нельзя и дале,
А потому препятствий нет
Вам упражняться на рояле.

При вас доволен буду всем,
И всем вам все мы будем рады.
Мы ищем вместе жить не с тем,
Чтоб находить во всем преграды.

25 апреля 1890

Е. Я. ДУНКЕР

Всё изменяется, как тень
За долгий день горячим летом.
К поре девичьей в этот день
К вам появлялся я с букетом.

Но вот вы мужнина жена,
И как я рад — того не скрою;
Цветы лишь чопорность одна,
Я появляюсь к вам с икрою.

Чтобы рождение почесть
Из поколенья в поколенье,
Что можно лучше преподнесть
Икры, эмблемы порожденья?

14 октября 1890

ЕЙ ЖЕ

Хвалить я браков не умею,
Где всё обычно чересчур,
Где, сдав супругов Гименею,
И знать не хочет их Амур.

Люблю я тех, над кем усилья
Гимен, сводя их, расточал,
Затем влетел Амур — и крылья
У новобрачных потерял.

30 апреля 1891

* * *

И вот письмо. Он в нем не пишет
Про одинокое житье,
А говорит, что всё он дышит
И тем же вещим сердцем слышит
К нему сочувствие мое.

29 мая 1891

* * *

Сперва меняя тип за типом,
Клим для своих забавных од
Все типы заменил Антипом,
Так что Антип стал антип-од.

19 августа 1891

Е. Д. ДУНКЕР

Их вместе видя и, к тому же,
Когда и оба влюблены,
Возможно ль умолчать о муже
В день именин его жены?

Союз, по правде, идеальный,
И чудо ангел совершил:
Воды мытищинской кристальной
Струю в вино он превратил.

22 октября 1891

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Но на что твоей матери лампа ночная?
Нет, не мучай меня, не терзай ты до слез!
Ведь и солнце в дому, и луна молодая...
Нет, не мучай меня, не терзай ты до слез!

25 января 1892

П. Н. КАРАТЕЕВУ

Оглянитесь вы на бога!
Как соседа не проведать?
Привезли дождя мы много;
Не приедете ль обедать?

* * *

<Максимилиан>

О боже, боже! все народы мне
Покорны, как-то — Азия, Европа,
Америка и Африка и... и...
И Полинезия. — На море и на суше
Найдется ли единый человек,
Который бы бестрепетно дерзнул
Стать пред моими светлыми очами?
Уж подлинно в сорочке я родился,
Чего-чего нет только у меня?
Здоровья ли? Хоть борода седеет,
Но я болезни знаю лишь по слуху —
И силы мне еще не занимать.

Намедни как-то шут мне надоел
(А всё он мне по глупости угоден), —
Я дал ему щелчка полушутя,
Без памяти бедняга с ног слетел,
И три часа водою отливали.
Богатства ли? И поминать не стоит!
У мужика иного столько ржи
И за сто лет в амбаре не бывало,
Как у меня одних бурмицких зерен,
Алмазов, изумрудов, а про деньги
Уж я молчу. Про то хоть знают все,
А вот про что один я только знаю:
По всем садам моим и по лесам
С червонцами да с мелким серебром
Сороковые бочки позарыты.
Про них молчок. Но драгоценней их
Есть у меня сокровище и клад,
Который день и ночь алмазным блеском
Горит тихонько, — камень-самоцвет.
Клад этот ты, голубка, дочь моя,
Смиренная, прекрасная царевна
Анастасйя. Грешный человек,
Я ей отец, а видеть не могу
Я равнодушно кротости такой
И красоты девичьей ненаглядной.
Уж подлинно что камень-самоцвет:
Горит, дрожит и прямо в душу светит
И, точно камень, слова не проронит.
Да, я и царь счастливый и отец.
Отец счастливый? Максимилиан!
Как только ты дерзнул о том помыслить?
Знать, у тебя совсем отшибло память,
Что ты забыл ту лютую змею,
Которая ехидными зубами
Тебе всосалась в сердце и не даст
Ему одной минуты отдохнуть.
Чего-чего я над собой не делал:
Всех знахарей сзывал и колдунов —
Шептали, обливали и курили.
Звал что ни первых в царстве генералов —
Вот хоть Баркаса. — Старый я осел.

И потому осел, что болен я,
Душою болен — этой жгучей, колкой
И ядовитой раной. — Вот и глуп.
Забыл, что люди — колотушки, пни
Да наковальни; куй на них железо,
По головам лупи их молотком,
А смыслу ты от них не добивайся.
Спроси у пня, что можно ли коню
Перелететь овраг семиаршинный?
А если заскрыпит да засопит,
Так скажет: надо бы ему поглубже
Копыта запускать под чернозем.
Где им понять, чего и сам-то я
Понять не в силах? Статочная ль вещь...
Нет, не могу — ей-богу, не могу!
Как только вспомню, весь я расхвораюсь,
Желчь закипает, разум мой мутится,
И слезы злобы горько жгут глаза.
Мой сын, мой сын, единственный мой сын,
Престола моего один наследник,
Как будто бы в насмешку над моей
Высокою судьбой, сын мой Адольф
Всему назло один мне непокорен.

(Труба)

Что это? Трубный звук и славы звук.
Но славою давно я избалован.
Случаются и тут переполохи:
Какой-нибудь там забурлит король,
Нам дань свою соскучится платить, —
Так и пошлешь надежных генералов;
Побьют, порубят всех, заполонят —
И дело в шляпе. Вот в последний раз
Султан арапов белых возмутился
И даже к нам, к столице нашей славной
(Гонец донес мне) на два перехода
С несметной ратью подступить успел.
Но генерала я послал Баркаса, —
И вот труба победу возвещает.
Сегодня в ночь, еще до петухов,
Баркас прислал ко мне с веселой вестью.

Теперь с победы прямо все войска
Передо мной церемоньяльным маршем
Пройдут, — затем и этот малый трон
Велел я для царевны приготовить.
Да что ж она, голубушка моя,
Нейдет? — Ах, эти мамки, няньки!

(Входит Анастасия с няньками и становится на колени)

Здорова ли ты, ласточка моя?
Вставай и сядь здесь рядом на престоле.
Бывало, мать-покойница твоя,
Дебелая была она царица,
В торжественные дни всё тут садилась.

(Нянькам)

Что лупите дурацкие белки?
Пойдут войска, — смотрите, чтоб царевна,
Помилуй бог, чего не напугалась.

Проходят войска, салютуют. Баркас отходит к царю, и в замке идет горбатый шут; он, когда войска проходят, тоже с комической важностью заходит к царю. Баркас опускает колено.

Максимилиан

Встань! Это всё из гвардии моей?

Баркас

Всё, государь! Все прочие убиты
Да ранены, а часть линейных войск
Отправилась с царевичем Адольфом
Преследовать последних беглецов.
Наш молодец уж им не даст потачки.

Максимилиан

Жаль во́йска, жаль!

Шут

Что, дядя, знать, султан,
Петух-боец, не любит петухов
И твоему Баркасу генеральский
Султан таки в отделку обкургузил?

Максимилиан

Молчи, дурак! Вот, подойди к царевне,
Развесели ее, да только чур —
Не подпускай своих любимых шуток.
Вот ты и знай.

<Шут>

Чтоб, дядя, на меня
Она смотрела с полным уваженьем
И все-таки каталась бы от смеху —
Как на тебя смотрю я.

Максимилиан

Прочь, дурак!

(Баркасу)

ПОЭМЫ

ТАЛИСМАН

1

Октавами и повесть, признаюсь!
И, полноте, ну что я за писатель?
У нас беда — и, право, я боюсь,
Так, ни за что, услышишь: подражатель!
А по размеру, я на вас сошлюсь,
И вы нередко судите, читатель.
Но что же делать? Видно, так и быть:
Бояться волка — в лес нельзя ходить.

2

Вы знаете, деревню я люблю
И зимний быт. Плохой я горожанин.
Я этой жизни душной не терплю,
И повестью напомню образ Танин,
Сугробами деревню завалю,
Как некогда январский «Москвитянин»...
Но, — виноват, я знаю, вам милей
Тверской бульвар неведомых полей!

3

Вас не займет отлогий косогор,
И ветхий храм с безмолвной колокольней,
И синий лес по скату белых гор;

Не станете вы внутренно довольней
Рассматривать старинный барский двор
И в тех местах молиться богомольней;
Но, верно, есть в них скрытая печаль:
Иначе что ж, — зачем же мне их жаль?

4

Там у меня ни близких, ни родни,
Но, знать, душе напомнили те горы
Места иные, где в былые дни
Звучали в замках рыцарские шпоры,
Блистали в окнах яркие огни
И дамские роскошные уборы
И где теперь — давно ли был я там? —
Ни зал, ни шпор, ни благородных дам.

5

Да, всё пройдет своею чередой!
Давно ли он, романтиков образчик,
Про степь и глушь беседовал со мной?
Он был и славный малый и рассказчик;
Но вот вся жизнь его покрыта мглой,
Он сам давно улегся в долгий ящик.
Но помню я в его рассказах ночь:
Я вам рассказ тот передам точь-в-точь.

6

— Шестнадцать лет, я помню, было мне.
Близ той деревни жил и я когда-то.
Не думайте, что я герой вполне,
Что жизнь моя страданьями богата.
Пришла пора — и вздумалось родне
Почти ребенка превратить в солдата.
Казалось, вдаль стремился я душой,
Но я любил, то был обман пустой.

7

Кто юных лет волнения не знал
И первой страсти, пылкой, но послушной,
Во дни надежд о счастьи не мечтал
С веселием улыбки простодушной,
И кто к ногам судьбы не повергал
Кровавых жертв любви великодушной?
И всё пройдет, — нельзя же век любить;
Но есть и то, чего нельзя забыть.

8

Пора, пора из теплого гнезда
На зов судьбы далекий подниматься!
Смеркался день, вечерняя звезда
Вдали зажглась; я начал одеваться.
До их села недальняя езда;
Перед отъездом должно распрощаться.
Готова тройка, порский снег взвился,
И колокольчик жалко залился.

9

«Пошел, пошел! всего верст двадцать пять;
Да льдом поедем: там езда ровнее.
Смотри, чтоб нам в село не опоздать,
Хотя домой приедем и позднее.
Ты коренной-то не давай скакать».
Я нашей тройки не видал дружнее
(И вам, я чай, случалось ездить льдом);
Да вот и церковь, вот господский дом!

10

Не стану я описывать фасад
Старинного их дома. Из гостиной
В стекло балкона виден голый сад
С беседкою и сонною куртиной.

Признаться вам, ребяческий мой взгляд
Тогда иною занят был картиной,
И маменьке, хозяйке дома, чуть
Я не забыл примолвить что-нибудь.

11

Зато она рассыпала слова...
(За хлеб и соль ее хвалили миром)
Радушная соседка и вдова,
Как водится, была за бригадиром;
Ее сынок любимый (голова!)
Жил в отпуску усатым кирасиром.
Где он теперь, не знаю, право, я;
Но что за дочки! — Чудная семья!

12

Их было две. Нам должно их назвать:
Пожалуй, мы хоть старшую Варварой,
Меньшýю Александрой станем звать.
Они прекрасны были. Чудной парой,
Для всех заметно, любовалась мать;
Хоть иногда своей красою старой
Блистать хотела, чтó греха таить!
Но женщине как это не простить?

13

Мы младшую оставим: что нам в ней?
Она блондинка стройная, положим,
Но этот взгляд и смысл ее речей —
Всё говорит, что и лицом пригожим
И талией горда она своей,
Что весело ей нравиться прихожим.
Зато Варвара — томная луна,
Как ты была прекрасна и скромна!

14

Ее не раз и прежде я видал,
Когда случался близко у соседства
Какой-нибудь необычайный бал
По случаю крестин или наследства;
Но в этот миг в душе припоминал
Я образ, мне знакомый с малолетства, —
И не ошибся: в городе одном
Мы с ними жили, рядом был их дом.

15

Что ж можно лучше выдумать? — И мать
Припомнила ту сча́стливую пору
И прочее. Я должен был внимать
Хозяйки доброй искреннему вздору.
Сынок меня придумал занимать:
Велел привесть любимую мне свору, —
И я хвалил за стать его борзых,
А мне, признаться, было не до них.

16

Я и забыл: день святочный был то.
Зажгли огни; мы с Варенькой сидели;
Большое блюдо было налито,
Дворовые над блюдом песни пели,
И сердце ими было занято,
С гаданьями предчувствия кипели.
Я посмотрел на милое лицо...
И за меня она дала кольцо.

17

С каким отрадным страхом я внимал
Тех вещих песен роковому звуку!
Но вот мое кольцо — я услыхал
В моем припеве близкую разлуку:

Как будто я давно о том не знал!
Но Варенька мне тихо сжала руку,
И капли слез едва сдержать я мог;
Но улетел неосторожный вздох.

18

Другой сосед приехал — он жених.
Но стол готов в диванной с самоваром,
И Варенька исчезла. В этот миг
Сосед-жених мне был небесным даром:
Им занялись. Я ускользнул от них.
«Вы не в столовой?» — Обдало как варом
Меня от этих слов... Но этот взор!..
О, я вполне ей верил с этих пор!

19

Мы говорили бог знает о чем:
Скучают ли они в своем именьи,
О сельском лете, о весне, потом
О Шиллере, о музыке и пеньи.
«Я вам спою... Скажите, вам знаком
Романс такой-то?» — В сладком упоеньи
Едва-едва касался я земли...
Но чай простыл, и самовар снесли.

20

В столовую я вышел... Боже мой,
Какое счастье: заняты гаданьем!
И я прошел нарочно пред толпой
И тихо скрылся. Чудным обаяньем
Меня влекло за двери. За стеной
Дрожали струны сладостным бряцаньем...
Нет, я не в силах больше, не могу —
На тайный зов я к милой побегу.

21

Серебряная ночь гляделась в дом...
Она без свеч сидела за роялью.

Луна была так хороша лицом
И осыпала пол граненой сталью;
А звуки песни разлились кругом
Какою-то мучительной печалью:
Всё вместе было чувства торжество,
Но то была не жизнь, а волшебство.

22

И, сам не свой, я, наклоняясь, чуть
Не покрывал кудрей ее лобзаньем,
И жаждою моя горела грудь;
Хотелось мне порывистым дыханьем
Всю душу звуков сладостных вдохнуть —
И выдохнуть с последним издыханьем!
Дрожали звуки на ее устах,
Дрожали слезы на ее глазах.

23

«Вы знаете, — сказала мне она, —
Что я владею чудным талисманом?
Хотите ли, я буду вам видна
Всегда, везде, с луною, за туманом?»
Несбыточным была душа полна,
Я счастлив был ребяческим обманом.
Что б ни было — я верил всей душой, —
И для меня слилась она с луной.

24

Я был вдали, ее я позабыл,
Иные страсти овладели мною;
Я даже снова искренно любил, —
Но каждый раз, когда ночной порою
Засветится воздушный хор светил, —
Я увлечен волшебницей луною.
. . . .
. . . .

<1842>

СОН

> Némésis. Muette encore! Elle n'est pas des nôtres: elle appartient aux autres puissances.
>
> *Byron. „Manfred“* [1]

1

Мне не спалось. Томителен и жгуч
Был темный воздух, словно в устьях печки.
Но всё я думал: сколько хочешь мучь
Бессонница, а не зажгу я свечки.
Из ставень в стену падал лунный луч,
В резные прорываяся сердечки
И шевелясь, как будто ожило
На люстре всё трехгранное стекло,

2

Вся зала. В зале мне пришлось с походу
Спать в качестве служащего лица.
Любя в домашних комнатах свободу,
Хозяин в них не допускал жильца
И, указав мне залу по отводу,
Просил ходить с парадного крыльца.
Я очень рад был этой благодати
И поместился на складной кровати.

3

Не много в Дерпте есть таких домов,
Где веет жизнью средневековою,
Как наш. И я, признаться, был готов
Своею даже хвастаться судьбою.

---

[1] Немезида. Всё еще молчит. Она не наша: она принадлежит к другим силам. *Байрон. «Манфред»* (фр.). — *Ред.*

Не выношу я низких потолков,
А тут как купол своды надо мною,
Кольчуги, шлемы, ветхие портреты
И всякие отжившие предметы.

4

Но ко всему привыкнешь. Я привык
К немного строгой, сумрачной картине.
Хозяин мой, уживчивый старик,
Жил вдалеке, на новой половине.
Всё в доме было тихо. Мой денщик
В передней спал, забыв о господине.
Я был один. Мне было душно, жарко,
И стекла люстры разгорались ярко.

5

Пора была глухая. Все легли
Давно на отдых. Улицы пустели.
Два-три студента под окном прошли
И «Gaudeamus igitur»[1] пропели,
Потом опять всё замерло вдали,
Один лишь я томился на постели.
Недвижный взор мой, словно очарован,
К блестящим стеклам люстры был прикован.

6

На ратуше в одиннадцатый раз
Дрогну́ла медь уклончиво и туго.
Ночь стала так тиха, что каждый час
Звучал как голос нового испуга.
Гляжу на люстру. Свет ее не гас,
А ярче стал средь радужного круга.
Круг этот рос в глазах моих — и зала
Вся пламенем лазурным засияла.

---

[1] Так будем же радоваться (лат.). — *Ред.*

7

О ужас! В блеске трепетных лучей
Всё желтые скелеты шевелятся,
Без глаз, без щек, без носа, без ушей,
И скалят зубы, и ко мне толпятся.
«Прочь, прочь! Не нужно мне таких гостей!
Ни шагу ближе! Буду защищаться...
Я вот как вас!» Ударом полновесным
По призракам махнул я бестелесным.

8

Но вот иные лица. Что за взгляд!
В нем жизни блеск и неподвижность смерти.
Арапы, трубочисты — и наряд
Какой-то пестрый, дикий. Что за черти?
«У нас сегодня праздник, маскарад, —
Сказал один преловкий, — но, поверьте,
Мы вежливы, хотя и беспокоим.
Не спится вам, так мы здесь бал устроим.

9

Эй! живо там, проклятые! Позвать
Сюда оркестр, да вынесть фортепьяны.
Светло и так достаточно». Я глядь
Вдоль стен под своды: пальмы да бананы!..
И виноград под ними наклонять
Стал злак ветвей. По всем углам фонтаны;
В них радуга и пляшет и смеется.
Таких балов вам видеть не придется.

10

Но я подумал: «Если не умру
До завтрашнего дня, что может статься,
То выкину им штуку поутру:
Пусть будут немцы надо мной смеяться,

Пусть их смеются, но не по нутру
Мне с господами этими встречаться,
И этот бал мне вовсе не потребен, —
Пусть батюшка здесь отпоет молебен».

11

Как завопили все: «За что же гнать
Вы нас хотите? Без того мы нищи!
Наш бедный клуб! Ужели притеснять
Нас станете вы в нашем же жилище?»
— «Дом разве ваш?» — «Да, ночью. Днем мы спать
Уходим на старинное кладбище.
Приказывайте, — всё, что вам угодно,
Мы в точности исполним благородно.

12

Хотите славы? — слава затрубит
Про Лосева поручика повсюду.
Здоровья? — врач наш так вас закалит,
Что плюйте и на зной и на простуду.
Богатства? — вечно кошелек набит
Ваш будет. Денег натаскаем груду.
Неси сундук!» Раскрыли — ярче солнца!
Всё золотые, весом в три червонца.

13

«Что? мало, что ли? Эти вороха
Мы просим вас считать ничтожной платой».
Смотрю — кой черт? Да что за чепуха?
А, впрочем, что ж? Они народ богатый.
Взяло раздумье. Долго ль до греха!
Ведь соблазнят. Уж род такой проклятый.
Брать иль не брать? Возьму, — чего я трушу?
Ведь не контракт, не продаю им душу.

14

Так, стало быть, всё это забирать!
Но от кого я вдруг разбогатею?
О, что б сказала ты, кого назвать
При этих грешных помыслах не смею?
Ты, дней моих минувших благодать,
Тень, пред которой я благоговею,
Хотя бы ты мой разум озарила!
Но ты давно, безгрешная, почила.

15

«Вам нужно посоветоваться? Что ж,
И это можно. Мы на всё артисты.
Нам к ней нельзя, наш брат туда не вхож;
Там страшно, — ведь и мы не атеисты;
Зато живых мы ставим ни во грош.
Вы, например, кажись, не больно чисты.
Мы вам покажем то, что видим сами,
Хоть с ужасом, духовными очами».

16

«Вон, вон отсюда!» — крикнул старший. Вдруг
Исчезли все, юркнув в одно мгновенье,
И до меня донесся светлый звук,
Как утреннего жаворонка пенье,
Да шорох шелка. Ты ли это, друг?
Постой, прости невольное смущенье!
Всё это сон, какой-то бред напрасный.
Так, так, я сплю и вижу сон прекрасный.

17

О нет, не сон и не обман пустой!
Ты воскресила сердца злую муку.
Как ты бледна, как лик печален твой!
И мне она, подняв тихонько руку,
«Утишь порыв души твоей больной», —
Сказала кротко. Сладостному звуку

Ее речей внимая с умиленьем,
Пред светлым весь я трепетал виденьем.

18

«Мой путь окончен. Ты еще живешь,
Еще любви в груди твоей так много,
Но если смело, честно ты пойдешь,
Еще светла перед тобой дорога.
Тоской о прошлом только ты убьешь
Те силы, что даны тебе от бога.
Бесплотный дух, к земному не ревнуя,
Не для себя уже тебя люблю я.

19

Ты помнишь ли на юге тень ветвей
И свет пруда, подобный блеску стали,
Беседку, стол, скамью в конце аллей?..
Цветущих лип вершины трепетали,
Ты мне читал «Онегина». Смелей
Дышала грудь твоя, глаза блистали.
Полудитя, сестра моя влетела,
Как бабочка, и рядом с нами села.

20

«А счастье было, — говорил поэт, —
Возможно так и близко». Ты ответил
Ему едва заметным вздохом. Нет!
Нет, никогда твой взор так не был светел.
И по щеке у Вари свежий след
Слезы прошел. Но ты — ты не заметил...
Да! счастья было в этот миг так много,
Что страшно больше и просить у бога.

21

С какой тоской боролась жизнь моя
Со дня разлуки — от тебя не скрою.
Перед кончиной лишь узнала я,
Как нежно ты любим моей сестрою.

В безвестной грусти, слезы затая,
Она томится робкою душою.
Но час настал. Ее ты скоро встретишь —
И в этот раз, поверь, уже заметишь.

22

А этого, — и нежный звук речей,
Я слышу, перешел в оттенок строгий, —
Хоть собственную душу пожалей
И грешного сокровища не трогай,
Уйди от них — и не забудь: смелей
Ступай вперед открытою дорогой.
Прощай, прощай!» — И вкруг моей постели
Опять толпой запрыгали, запели.

23

Проворно каждый подбежит и мне
Трескучих звезд в лицо пригоршню бросит.
Как мелкий иней светятся оне,
Колеблются — и ветер их разносит.
Но бросят горсть — и я опять в огне,
И нет конца, никто их не упросит.
Шумят, хохочут, едкой злобы полны,
И зашатались сами, словно волны.

24

Вот приутихли. Но во мглу понес
Челнок меня, и стала мучить качка.
И вижу я: с любовью лижет нос
Мне белая какая-то собачка.
Уж тут не помню. Утро занялось,
И говорят, что у меня горячка
Была дней шесть. Оправившись помалу,
Я съехал — и чертям оставил залу.

<1856>

ДВЕ ЛИПКИ

И. С. Тургеневу

1

Близ рощи, на пригорке серый дом,
В полуверсте от речки судоходной,
Стоит лет сорок. Нынче пустырем
Он стал смотреть, угрюмый и негодный.
Срубили рощу на дрова кругом,
Не находя ее статьей доходной;
По трубам галки, ласточки в окошках,
И лопухи на а́нглийских дорожках.

2

Семь крыш, одна причудливей другой,
Вам говорят про барские затеи.
Дом этот прежде флигель был простой:
Понадобились залы, галереи,
И в девичью стал нужен вход другой, —
Не обошлось и без оранжереи:
Однако вкус был, на манер столичный,
Во всем фасаде сохранен отличный.

3

Помещик Русов не любил дремать.
Служил в гусарах, ротмистра дождался,
Женился по любви лет в сорок пять
И всей душой к хозяйству привязался:
Стал горы рыть, пошел пруды копать,
На мельницы, на риги разорялся;
Всем уяснил значение капусты, —
У самого ж карманы стали пусты.

4

В полях с утра до вечера верхом.
Никто не смел в лесу сорвать ореха.

Сам полевым он хвастался конем.
Уже, бывало, не пройдет огреха:
На рыхлой пашне ткнется, и хлыстом
Не перегонишь — и пошла потеха:
«Чей это клин?» Приводят на расправу
Виновного и угостят на славу.

5

А всё ты мил мне, серый, ветхий дом,
С твоею кровлей странной, кособокой.
Так иногда над полусгнившим пнем
Припоминал я осенью глубокой
Весенний вечер, прожитой вдвоем
Под грустный вопль кукушки одинокой,
Припоминал несбыточные грезы —
И на глазах навертывались слезы.

6

Почти три года с той поры прошло,
Как Русов наш женился на Наташе.
Не знаю, что с ума ее свело
В восьмнадцать лет. Тут дело уж не наше.
Ее невольно к Русову влекло;
Для ней он был умнее всех и краше.
Ей Ваня дорог с головы до пяток, —
А Ване скоро на шестой десяток.

7

Как Русов горд и свеж! Считать лета —
Ребячество смешное, даже детство.
В мужчине воля — лучшая черта,
У избранных семейное наследство.
«Да, Русовы — счастливая чета» —
Так в первый год решило всё соседство.
Стал изредка он дома как-то скучен, —
Но сплин с семейным бытом неразлучен.

8

Тот понял жизнь с превратной стороны
И собственное горе приумножит,
Кто требует всей жизни от жены,
А сам ничем пожертвовать не может.
Мы, без любви, любовью стеснены;
Чужой порыв холодного тревожит.
Всё станет жертвой: слышать друга, видеть, —
И сердце начинает ненавидеть.

9

Наташа смутным чувством поняла,
Что мужнин глаз судья ей беспристрастный.
У старика отца она была
В дому хозяйкой полной, самовластной.
Как май тиха, как птичка весела,
Она отца душой любила страстной.
Больной старик не мог быть равнодушен
И, как дитя, во всем ей был послушен.

10

В одном лишь с ней он мнений разных был
И утверждал, что Русов ей не пара.
Как он сердился, как ее молил
Не выходить за бойкого гусара!
Ей он, конечно, этот шаг простил,
Но сам, бедняк, не перенес удара
И скоро умер. Горькая утрата!
Но Натали́ послало небо брата.

11

Он годом старше был. Они росли,
Учились вместе и сходились нравом.
Чем больше развивалась Натали,
Тем меньше предавался брат забавам.

К сестре все чувства юношу влекли.
Он, видимо, гордился нежным правом,
Когда другие ловят взгляд сестрицы,
Ей целовать и брови, и ресницы.

12

Грешно сказать, чтоб с самых первых лет
Замужества Наташа тосковала
Иль Русов с нею холоден был, — нет,
Он о жене заботился сначала,
Сам ей убрал уютный кабинет,
С улыбкой слушал, как она мечтала
В дому порядком заменить избыток, —
И жемчугу ей подарил пять ниток.

13

В душе Наташи крылись семена
Стремлений светлой, избранной природы.
Быть может, их взлелеяла б она
На доброй почве счастья и свободы.
Дочь нежная и страстная жена
Была сидеть готова с мужем годы
Глаз на́ глаз, лишь бы то, что он хоть мало
Привык ценить, любимца окружало.

14

Придет ли к ней, бывало, он сердит,
Иль резкостью бедняжку озадачит, —
Наташа всё, что в сердце закипит,
С болезненно-отрадным чувством спрячет,
Как будто улыбаяся, смолчит,
А утро всё одна потом проплачет;
Но в час обеда и глаза не красны,
И локоны душисты и прекрасны.

15

Прошло три года. Птичке молодой
Несносна стала золотая клетка.
Чем менее бывает прав иной,
Тем он охотней в жертву целит метко;
Так Русов, насмехаясь над женой,
Давал понять, что ты-де вот поэтка.
Замашку эту видеть было в муже
Всего на свете для Наташи хуже.

16

Но время шло. Был чудный вешний день —
Один из тех, что в сердце льют тревогу, —
Балкон раскрыт, и сладостная лень
Наташей овладела понемногу.
Вдруг зазвенело в роще, и, как тень,
Седая пыль шибнула на дорогу,
Вот ближе, ближе, под крыльцо... «Ах!
Саша!» —
И брата с воплем обняла Наташа.

17

Как передать бессвязный разговор,
Живой восторг того или другого?
Что скажет звук, движенье или взор —
Упрямое не перескажет слово.
Но вот и Русов сам спешит во двор,
Объехавши посевы ярового.
Он, видимо, рад жениному брату, —
Хитрить некстати старому солдату.

18

Дня через два по новым колеям
Жизнь Русовых тихонько покатилась.
Наташа светлым чувствам и мечтам
При брате предаваться не стыдилась.

Внимательней к жене стал Русов сам,
Как будто ревность в нем зашевелилась;
Сговорчив, мил, в лице ни тени скуки —
И всё целует у Наташи руки.

19

Как упивались маем брат с сестрой,
Когда леса слегка позеленели
И стал туман качаться над рекой,
А соловьи в черемухе запели!
Всю ночь, бывало, по тропе лесной
Вдвоем проходят безо всякой цели.
К обеду вновь и планы, и рассказы,
И ландышей на столике две вазы.

20

Спешат зарею резеду полить,
Дорожку дальше вывесть за куртиной,
Иль две-три клумбы новых очертить,
Пока не кликнет голос соловьиный.
Еще с приезда Саша посадить
Успел две липки под окном гостиной;
Ему сама Наташа помогала
И молодые корни поливала.

21

Как странен Русов! Точно сам не свой,
Как будто чем-то сдержанным томится:
Уступчив, шутит ласково с женой
И с братом мил, — но вдруг проговорится,
С улыбкой суд произнося такой:
«Нет, господа! цветник ваш не годится:
Всё это выйдет даже слишком бедно.
Но что ж? Напрасно, да зато безвредно».

22

Проговорит — и видно по всему,
Что человек вполне собой доволен
И собственному явно рад уму,
Хоть ум его, разливом желчи болен,
Относит ко внушенью своему
Такой порыв, в котором он не волен.
Поняв намек подобный, брат с сестрою
Внимательнее смотрят за собою.

23

Настало лето. Грустно сознавать,
Как быстро миновалось это лето.
Быть может, в жизни уж ничем опять
Не будет сердце нежно так согрето!
Весной придется брата провожать, —
Когда-то вновь увидишься и где-то?
Пришла зима и с ней катанья, чтенья,
А Русов стал щедрей на поученья.

24

Бывало, вешних, золотых лучей
Наташа втайне ждет и не дождется.
«Да скоро ль этот снег сойдет с полей?
Когда у нас Святая-то придется?»
Спешит окошко выставить скорей,
Увидит свежий дерн — и улыбнется;
Теперь, как взглянет за окно порою,
Совсем к канве приникнет головою.

25

А всё пришла тяжелая пора.
В далекий путь уже собрался Саша.
«Бог даст, опять увидимся, сестра!
Судьба, быть может, улыбнется наша;

А так я не поеду со двора...
Ну, полно плакать, добрая Наташа!
Я от тебя дождусь-таки улыбки,
Смотри, как наши распустились липки».

26

И брат уехал. Сколько было слез,
Когда четверка унесла коляску!
Казалось, брат с собою всё увез:
Домашний мир, веселие и ласку.
Ходить стал Русов, раздувая нос,
Молчал с женой, слугам давал острастку
И, чтоб, пожалуй, не покончить драмой,
Пускал в Наташу злою эпиграммой.

27

Прогнать стараясь нестерпимый сплин,
Хозяйничать Наташа стала тупо
И сто упреков слушать в день один:
То Русов скажет, что нельзя есть супа,
То он не Ротшильд, то не мещанин,
То слишком расточительно, то скупо.
«Да кто велел? — слуге он повторяет. —
Кто?» — «Барыня-с». — И он при ней
вздыхает.

28

А между тем всё время шло да шло,
И будущность отрады не сулила.
И говорить и вспомнить тяжело,
Что́ бедная жена переносила.
И ни к чему страданье не вело:
Наперекор уму она любила.
Любовью можно всё исправить в муже,
А тут, что год, что новый день, то хуже.

29

Как разгадать? Что делать? Чем помочь?
Но в этот год само пришло спасенье.
Бог сжалился: послал Наташе дочь.
Какой восторг! Какое утешенье!
Мать от малютки не отходит прочь
И караулит каждое движенье,
Шьет, крошечной любуется одеждой
И выхитрила дочь назвать Надеждой.

30

Спешит супруга чаем напоить
И, как-нибудь расчеты дня уладя,
Уйдет к себе малютку тормошить
Иль сладко плачет, на ребенка глядя:
«Скажи: ты будешь ли меня любить,
Моя красотка, тихий ангел, Надя?
Нет, не меня, — промолвит вдруг уныло, —
Люби отца, как я его любила».

31

Хлопочет Русов больше с каждым днем,
Прошенья пишет, счеты да заметки.
В чужом именьи стал опекуном:
Осталася вдова да малолетки.
День целый ездит по полям верхом
Или живет неделю у соседки.
Соседка — друг Наташи, без сомненья,
И в именины шлет к ней поздравленья.

32

В дому угрюм, в гостях умен и мил,
По мненью всех был Русов муж прекрасный.
Жалели только, что себя сгубил
Женитьбой он неровной и напрасной.

Меж тем Наташа выбилась из сил
И ревностью измучилась ужасной.
Болезни быстро развились зачатки:
Мигрень, тоска, истерики припадки.

33

Седеть стал Русов, хоть еще далек
От дряхлости. Пошло хозяйство худо.
Он говорил, что всё, что мог, извлек,
Да помощи не видит ниоткуда.
А Наденьке пошел седьмой годок,
И девочка — без прибавленья — чудо.
Ее сама Наташа учит в детской
По азбуке французской и немецкой.

34

Шесть лет — еще велики ли года?
Не много мать изведала отрады!
К иному как привяжется беда,
Так от нее не жди себе пощады.
Стал Русов после долгого труда
Кидать на дочь задумчивые взгляды.
«Ты рада ль, Надя, что пришел папаша?»
«Как дочь он любит!» — думает Наташа.

35

«Пора бы нам подумать и о ней.
Я сам учить никак ее не стану,
Ты всё больна, а брать учителей
Хотя б желал, да мне не по карману,
И не согласен я никак детей
Доверить незнакомому болвану.
Я лучше Надю — вот мое решенье —
В казенное пристрою заведенье».

36

Ни слезы, ни мольбы не помогли.
Весною дочь в карету посадили
И по дороге к роще повезли.
Глаза Наташи Надю проводили.
Просилась мать до станции: нашли,
Что будет вредно ей, и не пустили.
Наташа долго на крыльце стояла,
Потом пошла, шатаясь, и упала.

37

Прошло еще лет восемь. Стар и хил
Стал в это время Русов очевидно,
А хлопотать по-прежнему любил,
И за обедом кушал он завидно.
Но по хозяйству с костылем ходил,
Хоть говорил шутя, что это стыдно.
Быть может, и дворовые стыдились,
Что, барина завидя, сторонились.

38

Наташа стала до того слаба,
Что целый день почти уже лежала.
Довольно длилась трудная борьба,
Довольно мук бедняжка испытала.
Теперь во всем покорная раба,
Наташа мужу и не возражала.
Он к ней войдет, присядет у постели —
И дома не бывает три недели.

39

Был летний вечер и такая тишь,
Что, распахнув окно, Наташа села.
Над цветником носился черный стриж,
И поздняя пчела вкруг ветки пела.

«Как хорошо! О господи! услышь
Мои мольбы: я только бы хотела
Увидеть Надю и проститься с нею.
Другого счастья и просить не смею».

40

Задумалась Наташа под окном;
За рощею румяный день уходит.
Верхушки лип в сияньи золотом,
И Русова с любимцев глаз не сводит.
Но вот садовник прямо с топором
И лестницей к одной из них подходит.
«Что это ты, Степан?» — «Да уезжали,
Так эту вот срубить мне приказали».

41

«Кто приказал?» — «Известно, барин сам, —
Ответил ей Степан, не скрыв улыбки, —
А потрафлять должны мы господам».
— «Да быть не может! Нет ли тут ошибки?»
— «Помилуйте-с! Докладываю вам,
Изволили сказать: «У этой липки
Ты от земли сруби на два аршина».
Ослушаться нельзя нам господина».

42

Под сук подставив лестницу в упор,
Полез Степан и плюнул в горсть сначала.
Стал мерно в ствол, звеня, стучать топор,
И стройная верхушка задрожала.
Ушла Наташа прочь, потупя взор,
И как упала липка, не слыхала.
Поутру, рядом с липою густою,
Стоял обрубок, залитой смолою.

43

И Русова немало удивил
Такой исход приказа господина.
Степана он позвал и разбранил:
«Ведь я тебе, безмозглая осина,
Довольно ясно, кажется, твердил,
Чтоб снизу сучья снять на два аршина!
Но дерево ведь дело наживное:
Одно пропало — посажу другое».

44

И точно, первой раннею весной,
Чтоб не смущаться глупою ошибкой,
На дрогах он велел со всем, с землей,
Привезть какой-то ствол с макушкой гибкой,
А вслед за тем, увидевшись с женой,
Сказал: «Теперь опять ты будешь с липкой»
— «Благодарю. Но вот моя примета:
Ты — липка та, здоровая, я — эта...»

45

И не могли больную убедить
Ничем, что это предрассудок странный.
За жизнью липки молодой следить
Она в тревоге стала постоянной.
Хотелось ли самой, бедняжке, жить,
Иль с дочерью увидеться желанной, —
Но каждый раз, когда на липку взглянет,
Ей кажется, что с ней она увянет.

46

Иные странно действуют слова:
Услышим их — и сердце вдруг сожмется.
Еще хирела липка года два;
Придет весна — и почка вся нальется,

А там и лист, но так, едва-едва
На солнышке и сбоку развернется...
Еще весны отрадная улыбка, —
Но в этот раз не распустилась липка.

47

А в сером доме, в зале, под парчой,
Закрыв глаза, в гробу спала Наташа,
И Русов сам, с поникшей головой,
Твердил, что воля божья, а не наша.
Он говорил, что в жизни ни одной
Еще усопшей не запомнит краше.
Казалось, точно, что она простила
Всем в мире, всем — и, кроткая, почила.

48

В ограде церкви, с северных дверей,
Там, где к земле склонилась грустно ива,
Лежит плита и золотом на ней —
«Покойся, друг» — написано красиво.
Холм ниже всех ввалился, и дружней
Растет по нем засевшая крапива.
Когда, крестясь, народ валит к кладбищу,
Никто нейдет к Наташину жилищу.

49

А серый дом, угрюмый и пустой,
Стоит давно с безмолвием гробницы.
Он только оживляется весной,
Когда в него таскают гнезда птицы.
Балкон скривился, тонкою травой
Заметно прорастают половицы,
Ступени шатки, и перила зыбки,
И нет ни новой, нет ни старой липки.

1856

САБИНА

Над миром царствовал Нерон,
И шумный двор его шептался,
Когда в раздумье мрачном он
В своем дворце уединялся.
Там сочинял ли он стихи
Иль новых ужасов затеи —
Но мерно слышались шаги
Его вдоль узкой галереи.
Как перед бурей, затихал
В подобный час дворец просторный,
И каждый молча ожидал
Судьбы, склоняя взор покорный.

Шумел лишь Рим. — В пяти шагах
Граждáне в праздничной одежде,
Позабывая вещий страх,
Кричат пронзительней, чем прежде.
Всё льстит их взорам и ушам,
Всё пища для страстей мгновенных:
Там торжество и новый храм,
Здесь суд царей порабощенных.
Народ шумит. Давно привык
Он к торжеству своей гордыни,
Он всем народам шлет владык
И в Рим увозит их святыни.
Как прежде, пленные цари
Влачат по форуму оковы,
И рядом стали алтари
И Озирúса и Еговы.

Минутным жаром увлечен
Всегда кипучий дух народа:
Сегодня бог ему Нерон,
А завтра бог ему свобода.
Он так же рвался и кричал
Иль так же отступал, немея,
Когда у статуи Помпея
Брут окровавил свой кинжал.

1

Давно собрали виноград,
Серей туман на Апеннинах,
И в Рим, пестрея на долинах,
Тибура жители спешат.
Лишь юный Мунд не едет в Рим,
Его столица не пленяет,
И он на всё друзьям своим
Одним молчаньем отвечает.
Как быстро лето перед ним
Крылатые промчали Оры,
Каким сияньем голубым
Всё время покрывались горы,
Как сельский быт он полюбил,
Забыв о купленном веселье,
И в этом замкнутом ущелье
Элизий полный находил!
По целым он сидел ночам,
Кидая взоры за ограду,
Пока заря свою лампаду
Взнесет к тибурским высотам
И, как алтарь любви живой,
За дымом скроется долина.
Быть может, снова в садик свой
Пройдет надменная Сабина.
Не подымая глаз своих,
Пройдет в величии суровом,
Но он любви крылатым словом
Ее смутит хотя на миг,
Иль без свидетелей опять
Ее принудит он ответить,
Чтоб только взор блестящий встретить
Или насмешку услыхать.
Он знал давно, что ничему
Не внемлет строгая Сабина,
Что равнодушие к нему
Хранит супруга Сатурнина.

Недавно прибыл Сатурнин
Из знойной Сирии с женою.

Там долго, полный властелин,
Богатой правил он страною.
Сабина, властью красоты
И саном мужниным хранима,
Смотреть привыкла с высоты
На юных ветреников Рима.
Коней, гетер, ночных пиров
Она в душе им не прощала
И втайне на одних богов
Порывы сердца обращала.
Как чист молитвы фимиам!
Как гасит он огонь преступный!
Сабина покидала храм,
Подобно Гере недоступной.
Когда же Мунд, пробравшись в сад,
Ее смущал любви приветом,
Живой упрек и гордый взгляд
Бывали дерзкому ответом.
Но в Мунде блеск ее очей
Лишь распалял любви желанья:
Он тосковал, не спал ночей
И жаждал нового свиданья.

Сегодня Мунд стоит один,
Глядя в раздумье на долину;
Вчера уехал Сатурнин
И в Рим увез свою Сабину.
«Что делать? — часто Мунд твердит. —
Бесплодно дни промчались лета!»
— «Что делать?» — эхо говорит
Сто раз — и не дает ответа.

А там, врываясь в недра скал,
Как бы живой упрек бессилью,
Кипучий Анио роптал
И рассыпался тонкой пылью,
Да, разгоняя горный дым,
Как и вчера, перед разлукой,
И ныне Феб золотолукой
Три кинул радуги над ним.

2

Сабина в Риме. Но и там
Живет по-прежнему Сабина:
В дому лелеет Сатурнина
И в храмах жертвует богам.
Молиться чуждым, как своим,
Обучена чужой страною,
Она и в Риме жертвы им
Несет с покорною душою.
И в деле веры и добра,
Послушна сладостным влеченьям,
Она проводит вечера,
Жрецов внимая поученьям.

Но чаще всех с недавних пор
К ней жрец Анубиса приходит,
Заводит жаркий разговор
И зорких глаз с нее не сводит.
Награду темную сулит
И сердца слушает тревогу,
Влечет к таинственному богу —
И наконец ей говорит:
«Недаром ты у алтарей
С мольбами жертвы приносила,
Сабина, верой ты своей
И жизнью небу угодила!
Твои молитвы сочтены;
Но никогда непосвященный
Не приподымет пелены,
На лик Изиды опущенной.
Мужайся: шаг еще, и ты
Войдешь в блаженные чертоги,
Где блеском вечной красоты
Сияют праведные боги.
Тебя я в тайну посвящу, —
Но, вечной истины ревнитель,
Я сам, Анубиса служитель,
О ней поведать трепещу.
Богам от юности служил
Я и молился ежечасно,
Но никогда так громогласно

Со мною бог не говорил.
Вчера стою у алтаря —
И вдруг оракул мне вещает,
Что, страстью пламенной горя,
Тебя Анубис избирает.
Всю ночь очей я не смыкал,
Молясь в смятении великом,
И полог брачный разостлал
Перед Анубисовым ликом.
А ныне сам почтить готов
Тебя коленопреклоненьем:
Внимать велению богов
Нам подобает со смиреньем.
Сегодня с вечера луна
Не озирает стогнов Рима.
Ты, как богиня убрана,
Ко храму приходи незрима.
Служанок бойся пробудить,
Пусть дремлет муж твой утомленный,
Чтобы не мог непосвященный
Тебя и взором осквернить.
Тебя я на ступенях жду;
Иди, давай мне руку смело. . .
Придешь ли, новая Семела,
Во храм Анубиса?» — «Приду».

8

Давно звездами ночь блестит,
Смолкает шумная столица,
Порой лишь громко колесница
Веселых юношей промчит.
Одна под сению ночной
Сабина бережно ступает,
За нею сладкою струей
Сирийский нард благоухает.
Как долго прождала она,
Чтоб сон нисшел на Сатурнина!
Пора! сейчас блеснет луна
Над темной грудой Эсквилина!
Нет, этой позднею порой

Никто не мог ее заметить, —
Лишь только б оргии ночной
Да ярких факелов не встретить!
Какой-то дух ее несет
Неотразимо и упрямо
Всё дальше. — Вот она у храма, —
И жрец ей руку подает.
«Молчи, мне всё поведал бог:
Ты опоздала поневоле.
Вступи одна через порог,
Анубис ждет — не медли боле».

Как мавзолей, безмолвен храм,
Лишь ходит облаком куренье,
И ног ее прикосновенье
Звучит по мраморным плитам.
Кумиров глаз не различает.
Повсюду мрак. Едва-едва
Небес полночных синева
Средину храма озаряет.
О, ночь блаженства и тревог!
Сомненьем слабый дух мятется:
Какое тело примет бог,
В какой он образ облечется?

Но вот луна лучом своим
Посеребрила изваянья,
Сильней заволновался дым
И облака благоуханья.
Шаги! так точно! — различил
Их слух Сабины беспокойный, —
И кто-то трепетный и стройный
Ее в объятья заключил.
Благоуханьем окружен,
Незримый, сердцу он дороже.
О, что за чудный, страстный сон —
И храм, и дым, и это ложе!
Как будто нет уже земли, —
Она исчезла, закрываясь,
И, в лунном свете развиваясь,
Их в небе тучи понесли.

Сильнее свет дрожит в очах,
Сильнее аромат разлился,
И лик Анубиса в лучах
Улыбкой Мунда озарился.

Угрюм, безмолвен Сатурнин,
Он промолчал перед законом;
Но не поведал ли один
Он грустной тайны пред Нероном?
Старик, испытанный в боях,
Как мальчик, не был малодушен,
Но храм Анубиса во прах
По воле цезаря разрушен.
Толпа ругалась над жрецом,
Он брошен львам на растерзанье,
И долго, долго Мунд потом
Вдали влачил свое изгнанье.

<1858>

СТУДЕНТ

Посвящается С. П. Х — о

1

Гляжу на вас я, умница моя,
Как на своем болезненном вы ложе
Откинулись, раздумие тая,
А против вас, со сказочником схоже,
И бормочу и вспоминаю я
О временах, как был я молод тоже,
Когда не так казалась жизнь пуста, —
И просятся октавы на уста.

2

Я был студентом. Жили мы вдвоем
С товарищем московским в антресоле
Родителей его. Их старый дом
Стоял близ сада, на Девичьем поле.

Нас старики любили и во всем
Предоставляли жить по нашей воле —
Лишь наверху; когда ж сходили вниз,
Быть скромными — таков наш был девиз.

3

Нельзя сказать, чтоб тяжкие грехи
Нас удручали. Он долбил тетрадки
Да Гегеля читал; а я стихи
Кропал; стихи не выходили гладки.
Но, боже мой, как много чепухи
Болтали мы; как нам казались сладки
Поэты, нас затронувшие, все:
И Лермонтов, и Байрон, и Мюссе.

4

И был ли я рассеян от природы,
Или застенчив, не могу сказать,
Но к женщинам не льнул я в эти годы,
Его ж и Гегель сам не мог унять;
Чуть женщины лишь не совсем уроды, —
Глядишь, влюблен, уже влюблен опять.
На лекции идем — бранюсь я вволю,
А он вприпрыжку по пустому полю.

5

По праздникам езжали к старикам
Различные почтительные лица
Из сослуживцев старых и их дам,
Бывала также томная девица
Из институтских — по ее словам,
Был Ламартин всех ярче, как денница, —
Две девочки — и ту, что побледней,
Звала хозяйка крестницей своей.

6

Свершали годы свой обычный круг,
Гамле́т-Мочалов сотрясал нас бурно,
На фортепьянах игрывал мой друг,
Певала Лиза — и подчас недурно —
И уходила под вечер. — Но вдруг
Судьбы встряхнулась роковая урна.
«Вы слышали? А я от них самих.
Ведь к Лизаньке присватался жених!

7

Не говорят худого про него.
С имением, хоть небольшого чину;
У генерала служит своего,
Ведет себя как должно дворянину:
Ни гадких карт, ни прочего чего.
Серебряную подарю корзину
Я ей свою большую. — Что ж мне дать?
Я крестная, а не родная мать».

8

Жених! жених! Коляска под крыльцом.
Отец и дочка входят с офицером. —
Не вышел ростом, не красив лицом,
Но мог бы быть товарищам примером:
Весь раздушон, хохол торчит вихром,
Торчат усы изысканным манером,
И воротник как жар, и белый кант,
И сахара белее аксельбант.

9

«Вот, Лизанька, бог дал и женишка!
А вы ее, мой милый, берегите:
Ребенок ведь! Немножечко дика,
Неопытна, — на нас уж не взыщите».

А мне ее отец: «Вы старика
Утешьте, вы и ей не откажите:
Мы с Лизою решились вас просить
С крестовым братом шаферами быть.

10

Ты, Лизанька, уж попроси сама,
Вы, кажется, друг другу не чужие,
Старинной дружбой связаны дома,
А с крестным братом даже и родные».
— «Я вас прошу». — «Ах, боже, дела тьма.
Пора и дальше, люди молодые,
И к тетушке мне нужно вас завесть. —
Так по рукам?» — «Благодарю за честь».

11

Горит огнями весь иконостас,
Хрустальное блестит паникадило,
И дьякона за хором слышен бас...
Она стоит и веки опустила,
Но так бледна, что поражает глаз;
Испугана ль она, иль загрустила?
Мы стали цепью все, чтобы народ
На наших дам не налезал вперед.

12

«Где ж мой платок? — старик воскликнул
наш. —
Дай мне хоть свой; отдам тебе на бале.
Что возишься! Да скоро ли подашь?
Ну, дайте вы, хоть вы бы отыскали».
— «Да не найду». — «Вот завели cache-cache!» [1]
— «И у меня! И у меня украли!»
— «Обчистили? Народец-то каков!»
Вся наша цепь без носовых платков.

---

[1] Игра в прятки (фр.). — *Ред.*

13

Стою да мельком на нее взгляну.
Знать, от свечей ей томно — от угара.
И жалко-жалко мне ее одну,
Но жалко тож индейского фуляра. —
«А не такую бы ему жену, —
Пожалуй, что она ему не пара».
Вот повели кругом их наконец,
И я топчусь, держа над ней венец.

14

Всё кончено. Пустеет божий храм. —
Подробностей уж не припомню дале,
Но помню, что с товарищем я там,
У них в дому, на свадебном их бале.
Стою в гостиной полусветлой сам,
А музыка гремит, и танцы в зале.
Не знаю, что сказать, а предо мной
Давнишняя подруга молодой.

15

«Пойдемте вальс! Вы не хотите? Нет?
Но вы должны, — ведь я вознегодую. . .
Вы сердитесь за давешний ответ?»
— «Я не сержусь; я просто не танцую».
— «Ну, дайте ж руку! ссориться не след.
Та к сердцу ближе. Руку ту — другую».
И без перчатки стала хлопотать,
Чтобы с моей руки перчатку снять.

16

Но тут товарищ мой влетает в дверь:
«Вот где они! Куда запропастились!
Вас кавалер, как разъяренный зверь,
Повсюду ищет. — Вы б поторопились.

Да ты-то что? Не кисни хоть теперь,
Ступай за мной; там словно взбеленились».
— «Нет, уж уволь. Тебе оно под стать,
Ты по полю давно привык плясать».

17

Вот грянула мазурка. — Я гляжу,
Как королева средневековáя,
Вся в бархате, туда, где я сижу,
Сама идет поспешно молодая
И говорит: «Пойдемте, я прошу
Вас на мазурку». Голову склоняя,
Я подал руку. Входим, — стульев шум,
И музыка гремит свое рум-рум.

18

«Вы, кажется, не в духе?» — «Я? Ничуть,
Напротив, я повеселиться рада
В последний раз. — И молодая грудь
Дохнула жарко. — Мне движенья надо:
Без устали помчимся! отдохнуть
Успею после, там, в гортани ада».
— «Да что вы говорите?» — «Верьте мне,
Я не в бреду, и я в своем уме.

19

А хоть в бреду, безгрешен этот бред!
Несчастию не я теперь виною,
И говорить о нем уже не след, —
Умру и тайны этой не открою.
Тут маменька виновница всех бед:
Распорядиться ей хотелось мною.
Я поддалась, всю жизнь свою сгубя. —
Я влюблена давно!» — «В кого?» — «В тебя!»

20

И мы неслись под пламенные звуки,
И — боже мой — как дивно хороша
Она была! и крепко наши руки
Сжимались, — и навстречу к ней душа
Моя неслась в томленьи новой муки.
«И я тебя люблю! — едва дыша,
Я повторял. — Что нам людская злоба!
Взгляни в глаза мне; твой, — я твой до гроба!»

21

Что было дальше, трудно говорить
И совестно. Пришлось нам поневоле
С товарищем усерднее ходить
В дом, где бывали редко мы дотоле.
Тот всё вином старался угостить;
Пьешь, и душа сжимается от боли,
Да к всенощной спешишь, чтоб как-нибудь
Хоть издали разок еще взглянуть.

22

О сладкий, нам знакомый шорох платья
Любимой женщины, о, как ты мил!
Где б мог ему подобие прибрать я
Из радостей земных? Весь сердца пыл
К нему летит, раскинувши объятья,
Я в нем расцвет какой-то находил.
Но в двадцать лет — как несказанно дорог
Красноречивый, легкий этот шорох!

23

Любить всегда отрадно, но писать —
Такая страсть у любящих к чему же?
Ведь это прямо дело выдавать,
И ничего не выдумаешь хуже.

Казалось бы, ну как не помышлять
О брате, об отце или о муже?
В затмении влюбленные умы —
И ревностно писали тоже мы.

24

Я помню живо: в самый Новый год
Она мне пишет: «Я одна скучаю.
Муж едет в клуб; я выйду из ворот,
Одетая крестьянкою, и к чаю
Приду к тебе. Коль спросит ваш народ,
Вели сказать, что из родного краю
Зашла к тебе кормилицына дочь.
Укутаюсь — и не заметят в ночь».

25

С товарищем переглянулись мы.
Хотя не очень прытки были сами,
Но видим ясно: этой кутерьмы
И бабушка не разведет бобами.
Практические подлинно умы!
Нашли исход: рядиться мужиками!
Голубушка! Я звать ее не мог:
Я не себя — ее я поберег.

26

А время шло. Кто любит так, не знает,
Чего он ждет, чем мысль его кипит.
Спросите вы у дома, что пылает:
Чего он ждет? Не ждет он, а горит,
И темный дым весь искрами мелькает
Над ним, а он весь пышет и стоит.
Надолго ли огни и искры эти?
Надолго ли? — Надолго ль всё на свете?

27

Однажды мы сидели наверху
С товарищем, витая в думах нежных.
Вдруг горничная. — Весь платок в снегу,
Лицо у ней бледнее хлопьев снежных.
«Да что ты?» — «Всё пропало! Быть греху;
Все письма отыскал он в нотах прежних,
Да как пошел, — в столах, в шкапах, в трюмо
И в туфлях даже, глядь, — сидит письмо.

28

Под крик его и гам тут горьких слез
Из девичьей я слышала немало.
Не треснул ли ее проклятый пес!
Он сам ушел. В испуге написала
Вам тут она. — Не помню, как донес
Меня господь. Ответ я обещала.
Прочтите же; а я пока пойду
И за калиткой стану — подожду».

29

Читаю: «Всё проведал этот зверь.
С тобою он стреляться, верно, станет;
И если ты убьешь его теперь —
Тогда, тогда и счастие настанет.
Я верую, ты тоже сердцем верь,
Оно меня, я знаю, не обманет.
Я убегу в деревню за тобой,
И там твоею стану я женой.

30

А послезавтра в восемь приходи
На монастырь и стань там у забора
И на калитку с улицы гляди —
Хоть на часок уйду из-под надзора, —

Стой там в тени и терпеливо жди.
Как восемь станет бить, приду я скоро.
Недаром злые видела я сны!
Но верь ты мне, мы будем спасены».

31

Без опыта, без денег и без сил,
У чьей груди я мог искать спасенья?
Серебряный я кубок свой схватил,
Что подарила мать мне в день рожденья,
И пенковую трубку, что хранил
В чехле, как редкость, полную значенья,
Был и бинокль туда же приобщен
И с репетиром золотой Нортон.

32

Тебе в могилу тихую привет,
Мой старый друг, я, старец, посылаю.
Ты был у нас деканом много лет,
К тебе, бывало, еду и читаю
Я грешные стихи, пускаясь в свет,
И за полночь мы за стаканом чаю
Сидим, вникаем в римского певца...
Тебя любил и чтил я как отца!

33

Зачем всю дрянь к наставнику я вез?
Но лишь вошел, он крикнул мне: «Что с вами?»
Я объяснил как мог, повеся нос,
И вдруг, как мальчик, залился слезами.
Меня он обнял и почти донес
До кресла. Сам он с влажными глазами
И с кроткой речью, полною любви,
Стал унимать рыдания мои.

34

«Спасти ее!» — я только мог твердить.
«Спасти-то нужно вас, — расстроить эту
Безумную попытку. Заложить
Немедленно я прикажу карету...
Инспектора вас в карцер посадить
Я попрошу на месяц по секрету.
Когда своей не жаль вам головы,
То хоть ее-то не губите вы».

35

Давно стою, волнуясь, на часах,
И смотрит ярко месяц с тверди синей,
Спит монастырский двор в его лучах,
С церковных крыш блестит колючий иней.
Удастся ли ей вырваться-то? Ах!
И олуха такого быть рабыней!
На колокольне ровно восемь бьет;
Вот заскрипел слегка снежок... Идет!

36

Откинула покров она с чела,
И месяц светом лик ей обдал чистый.
Уже моих колен ее пола
Касается своей волной пушистой,
И на плечо ко мне она легла,
И разом круг объял меня душистый:
И молодость, и дрожь, и красота,
И в поцелуе замерли уста.

37

И я ворвался в этот мир цветов,
Волшебный мир живых благоуханий,
Горячих слез и уст, речей без слов,
Мир счастия и пылких упований,

Где как во сне таинственный покров
От нас скрывает всю юдоль терзаний.
Нельзя душой и блекнуть и цвести, —
Я в этот миг не мог сказать «прости».

38

А вам не жаль? Чего? — спросить бы надо:
Что был я глуп, или что стал умней?
Какая же за это мне награда?
Бывало, точно, и не спишь ночей,
Но сладок был и самый кубок яда;
Зато теперь чем дальше, тем горчей:
Всё те же рельсы и машина та же,
И мчит тебя, как чемодан в багаже.

39

Дня через два хозяйка за столом
Вдруг говорит: «А наши молодые
Уехали — и старики вдвоем
Остались. Он сказал, что там большие
В деревне хлопоты у них. Кругом
Падеж скота, и есть дела другие.
А вы чем сыты, молодой народ,
Что капельки вы не берете в рот?»

40

Затем, — затем настал конец. А вы
Простите, если сказка надоела.
Я скоро сам уехал из Москвы,
И мне писали: Лиза овдовела.
Поздней искал я милостей вдовы,
Но свидеться она не захотела.
Болтали — там... какой-то генерал...
А может быть, кто говорил — соврал.

<1884>

ПЕРЕВОДЫ

С КИТАЙСКОГО

ТЕНЬ

Башня лежит,
    Все уступы сочтешь.
Только ту башню
    Ничем не сметешь.
Солнце ее
    Не успеет угнать, —
Смотришь, луна
    Положила опять.

<1856>

* * *

Обремененный славой мира,
Сравняйся с смоквою полей;
Она тем ниже гнется долу,
Чем смокв обильнее на ней.

<1847>

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНЫМ СТИХОТВОРЦАМ

* * *

Вселенной целой потеряв владенье,
Ты не крушись о том: оно ничто.
Стяжав вселенной целой поклоненье,
Не радуйся ему: оно ничто.
Минутно наслажденье и мученье,
Пройди ты мимо мира: он ничто.

1865

ИЗ ГАФИЗА

Девой — слово назовем,
Новобрачным — дух:
С этим браком тот знаком,
Кто Гафизу друг.

Гёте

Представляя на суд истинных любителей поэзии небольшой букет, связанный в моем переводе из стихотворных цветов персидского поэта, считаю нелишним сказать несколько слов, могущих споспешествовать верному воззрению на предлагаемые пиесы. Не зная персидского языка, я пользовался немецким переводом, составившим переводчику почетное имя в Германии; а это достаточное ручательство в верности оригиналу. Немецкий переводчик, как и следует переводчику, скорее оперсичит свой родной язык, чем отступит от подлинника. С своей стороны, и я старался до последней крайности держаться не только смысла и числа стихов, но и причудливых форм газелей, в отношении к размерам и рифмам, часто двойным в соответствующих строках.

Даже поверхностное знакомство с нашим поэтом служит отрадным подтверждением двух несомненных истин: во-первых, что дух человеческий давно уже достиг этой эфирной высоты, которой мы удивляемся в поэтах и мыслителях нашего Запада; во-вторых, что цветы истинной поэзии неувядаемы, независимо от эпохи и почвы, их производившей. Напротив того, если они действительно живые цветы, — экзотическое их происхождение сообщает им особенную прелесть в глазах любителей.

Новым подтверждением тому, что Азия — страна чудес и вопиющих противоположностей, является странная судьба или, лучше сказать, странное духовное развитие нашего поэта.

Магомет-Шемзеддин, с о л н ц е в е р ы, по прозванию Гафиз, блюститель Корана, так как он с начала до конца знал наизусть

эту священную книгу, — родился в Ширазе и жил в нем с первого до последнего десятилетия XIV века нашей эры. Он принадлежал к секте дервишей и софи, или созерцательных мудрецов и мистиков, предавался богословским и философским трудам, сочинял в аскетическом вдохновении возвышеннейшие гимны, в которых попирал во прах все плотское, за что и получил прозвание: мистический язык. Он был великим, славным учителем своего времени, окруженным толпою учеников, и в качестве наставника состоял в такой милости при дворе, что великий визирь Хаджи-Ковамеддин-Магомет-Али выстроил для него отдельную школу. И вдруг, под старость лет, этот мистик и мудрец добровольно отказывается от всех плодов своих долговременных усилий, и бойкая песня старца расцветает теми яркими красками жизни, тем ароматом неподдельной свежести, какими украшены песни юности только немногих избранных; а между тем все, что пережил, изведал и перемыслил старец, звучит в его лире, перестроенной на новый лад.

Этот нравственный переворот возбудил негодование в прежних приверженцах поэта; тем не менее у него нашлись благородные и просвещенные друзья. Окруженный их любовью и уважением, Гафиз скончался в глубокой старости в 1389 году. Прах его покоится в Моселе — одном из прелестных предместий Шираза — и поныне привлекает почитателей поэта.

Переведенные мною песни относятся ко второй эпохе его деятельности, и я желал бы, чтобы читатель испытал хотя часть того наслаждения, которое выпало на долю моему труду.

* * *

Звезда полуно́чи дугой золотою скатилась,
На лоно земное с его суетою скатилась.

Цветы там она увидала и травы долины
И радостной их и живой пестротою пленилась.

Она услыхала звонки говорливые стада
И мелких серебряных звуков игрою пленилась.

Коня увидала она, проскакавшего в поле,
И лошади статной летучей красою пленилась.

И мирными кровами хижин она и деревьев,
И даже убогой гнилушкой лесною пленилась.

И, всё полюбя, уж на небо она не просилась —
И рада была, что ночною порою скатилась.

1859

* * *

О, если бы озером был я ночным,
А ты луною, по нем плывущей!
О, если б потоком я был луговым,
А ты былинкой, над ним растущей!
О, если бы розовым был я кустом,
А ты бы розой, на нем цветущей!
О, если бы сладостным был я зерном,
А ты бы птичкой, его клюющей!

1859

* * *

Мы, Шемзеддин со чадами своими,
Мы, шейх Гафиз и все его монахи, —
Особенный и странный мы народ.
Удручены и вечных жалоб пóлны,
Без устали ярмо свое влача,
Роняя перлы из очей горячих, —
Мы веселы и ясны, как свеча.
Подобно ей мы таем, исчезаем
И, как она, улыбкой счастья светим.
Пронизаны кинжалами ресниц
Жестоких, вечно требующих крови,
Мы только в этих муках и живем.
В греховном море вечно утопая,
С раскаяньем нисколько не знакомы,
А между тем, свободные от злого,
Мы вечно дети света, а не тьмы —
И тем толпе вполне непостижимы.
Она людей трех видов только знает:

Ханжу, во-первых, варвара тупого,
Фанатика, с его душою мрачной,
А во-вторых — развратника без сердца,
Ничтожного, сухого эгоиста,
И, наконец, — обычной колеей
Бредущего; но для людей, как мы,
Ей не найти понятья и названья.

1859

* * *

Если вдруг, без видимых причин,
Затоскую, загрущу один.

Если плоть и кости у меня
Станут ныть и чахнуть без кручин,

Не давай мне горьких пить лекарств:
Не терплю я этих чертовщин.

Принеси ты чашу мне вина,
С нею лютню, флейту, тамбурин.

Если это не поможет мне,
Принеси мне сладких уст рубин.

Если ж я и тут не исцелюсь,
Говори, что умер Шемзеддин.

1859

* * *

Я был пустынною страной;
Огонь мистический спалил
Моей души погибший дол;
Песок пустыни огневой,
Я там взвивался и пылил,
И, ветром уносимый,
Я в небеса ушел.

Хвала творцу: во мне он
Унял убийственный огонь,
Он дождик мне послал сырой, —
И, кротко охлажденный,
Я прежний отыскал покой;
Бог дал мне быть веселой,
Цветущею землей.

1859

* *

О, как подобен я — смотри —
Свече, мерцающей впотьмах,
Но ты — в сияющих лучах
    Восход зари.
Лишь ты сияй, лишь ты гори!
Хотя по первому лучу
Твой яркий свет зальет свечу,
Но умолять тебя хочу:
    Лишь ты гори,
Чтоб я угас в твоих лучах!

1859

* * *

Дано тебе и мне
Созвездием любовным
Украсить небеса:
Ты в них луною пышной,
Красавицей надменной,
А плачущей Плеядой
При ней мои глаза.

1859

* * *

Десять языков лилеи
Жаждут песни соловья,
И с немеющих выходит
Ароматная струя.

1859

* * *

Ветер нежный, окрыленный,
Благовестник красоты,
Отнеси привет мой страстный
Той одной, что знаешь ты.

Расскажи ей, что со света
Унесут меня мечты,
Если мне от ней не будет
Тех наград, что знаешь ты.

Потому что под запретом
Видеть райские цветы
Тяжело — и сердце гложет
Та печаль, что знаешь ты.

И на что цветы Эдема,
Если в душу пролиты
Ароматы той долины,
Тех цветов, что знаешь ты?

Не орлом я быть желаю
И парить на высоты́;
Соловей Гафиз ту розу
Будет петь, что знаешь ты.

1859

* * *

Падет ли взор твой гордый
На голову во прахе
Трактирного порога,
Не тронь ее, молю я:
То голова Гафиза,
Что над собой не властен.
Не наноси ты словом
Ему или зазорным
Насилием обид.

Не знающее меры,
Всё существо в нем словно
Лишь из трактирной пыли
Всемилосердый создал:
Он знает, что творит.

Обдумай только это —
И кротким снисхожденьем
Твою исполнит душу
Тогда бедняги-старца,
Упавшего постыдно,
Неблагородный вид.

1859

* * *

Книгу мудрую берешь ты, —
Свой бокал берет Гафиз;
К совершенству всё идешь ты, —
К бездне зол идет Гафиз.

В рабстве тягостном живешь ты
Терпеливою овцой, —
Как пустынный лев в неволе,
Все оковы рвет Гафиз.

С тайной гордостью ведешь ты
Список мнимо добрых дел, —
Новый грех ежеминутно
На себя кладет Гафиз.

Многих избранных блюдешь ты
Поучением своим, —
К безрассудствам безрассудных,
Веселясь, зовет Гафиз.

Меч убийственный куешь ты
Покарать еретиков, —
Светлый стих свой, драгоценный,
Золотой, кует Гафиз.

К небу ясному встаешь ты
Дымом тяжким и густым, —
Горной речки блеск и свежесть
В глубь долин несет Гафиз.

Всё скажу одним я словом:
Вечно, бедный человек,
Горечь каждому даешь ты, —
Сладость всем дает Гафиз.

1859

* * *

Ты в мозгу моем убогом
Не ищи советов умных:
Только лютней он веселых,
Только флейт он полон шумных.

1859

* * *

Пусть, насколько хватит сил,
Чернь тебя клянет!
Пусть зелоты на тебя
Выступят в поход!

Ты не бойся их, Гафиз:
Вечно милосерд,
Сам Аллах противу них
Твердый твой оплот.

Зельзебилами[1] твою
Жажду утолит,
Сварит солнце для тебя
Райских этих вод.

Чтобы горести твои
Усладить вполне,
Он бескрылого не раз
Ангела пришлет.

Мало этого: он сам,
В благости своей,
Поэтический венец
На тебя кладет.

И не Греция одна,
Даже и Китай
Песни вечные твои
С завистью поет.

Будут некогда толпой
Гроб твой навещать;
Всякий умница тебя
С честью помянет.

И когда умрешь ты, — твой
Просветленный лик
Солнце, блеском окружа,
В небо понесет.

1859

---

[1] Зельзебил — райский источник.

* * *

В царство розы и вина приди,
В эту рощу, в царство сна — приди.

Утиши ты песнь тоски моей —
Камням эта песнь слышна — приди.

Кротко слез моих уйми ручей —
Ими грудь моя полна — приди.

Дай испить мне здесь, во мгле ветвей,
Кубок счастия до дна — приди.

Чтоб любовь до тла моих костей
Не сожгла — она сильна — приди.

Но дождись, чтоб вечер стал темней;
Но тихонько и одна — приди.

1859

* *

Веселись, о сердце-птичка,
Пой, довольное судьбиной,
Что тебя пленила роза,
Воцарившись над долиной.

Уж теперь тебе не биться
В грубой сети птицелова,
И тебя не тронут когти,
Не укусит зуб змеиный.

Правда, что занозы розы
Глубоко в тебя вонзились
И истечь горячей кровью
Ты должна перед кончиной.

Но зато твоей кончине
Нет подобной ни единой:
Ты умрешь прекрасной смертью,
Благородной, соловьиной.

1859

* * *

Предав себя судьба́м на произвол,
Моя душа жила голубкой мирной;
Но твой, о солнце, пламень к ней дошел,
Испепелил ее твой огнь всемирный.

И вот — смотри, что пепел произвел:
Свободных крыл гордясь стезей обширной,
Божественного гения орел
Дышать взлетает радостью эфирной.

1859

* * *

Грозные тени ночей,
Ужасы волн и смерчей, —
Кто на покойной земле,
Даже при полном желаньи,
Вас понимать в состояньи?
Тот лишь один вас поймет,
Кто под дыханием бурь
В неизмеримом плывет
От берегов расстояньи.

1859

* * *

Ах, как сладко, сладко дышит
Аромат твоих кудрей!
Но еще дышал бы слаще
Аромат души твоей.

1859

* * *

В доброй вести, нежный друг, не откажи,
При звездах прийти на луг — не откажи.

И в бальзаме, кроткий врач души моей,
Чтоб унять мой злой недуг, — не откажи.

В леденцах румяных уст, чтобы мой взор
За слезами не потух, — не откажи.

В пище тем устам, что юности твоей
Воспевают гимны вслух, — не откажи.

В персях, нежных, как лилейные цветы,
В этих округленных двух, — не откажи.

И во всем, на что завистливо в ночи
Смотрит неба звездный круг, — не откажи.

В том, чему отдавшись раз, хотя на миг,
Веки счастья помнит дух, — не откажи.

В том, что властно укротить еще одно
Пред могилою испуг, — не откажи.

1859

* * *

Ежели осень наносит
Злые морозы, — не сетуй ты:
Снова над миром проснутся
Вешние грозы, — не сетуй ты.

Ежели мертвой листвою
Всюду твой взор оскорбляется,
Знай, что из смерти живые
Выглянут розы, — не сетуй ты.

Если тернистой пустыней
Путь твой до Кабы[1] потянется,
Ни на колючий кустарник,
Ни на занозы не сетуй ты.

Если Юсуф[2] одинокий
Плачет, отторжен от родины,
Знай, что заблещут звездами
Жаркие слезы, — не сетуй ты.

Всё переходчиво в мире,
Жребий и твой переменится;
Только не бойся судьбины
Злобной угрозы, — не сетуй ты.

1859

* * *

Гиацинт своих кудрей
За колечком вил колечко,
Но шепнул ему зефир
О твоих кудрях словечко.

1859

[1] Каба или Кааба — мечеть с гробом Магомета.
[2] Юсуф — Иосиф.

* * *

Твой вечно, неизменно,
Пока дышать я буду;
Усну ль я под землей —
Взлечу к твоей одежде
Я пылью гробовой.

1859

* * *

О помыслах Гафиза
Лишь он один да бог на небе знает.
Ему он только сердце
Греховное и пылкое вверяет.
И не одним прощеньем
Всемилосердый благ, — он благ молчаньем...
Ни ангелам, ни людям
Об этом он словечка не роняет.

1859

* * *

Сошло дыханье свыше,
И я слова распознаю:
«Гафиз, зачем мечтаешь,
Что сам творишь ты песнь свою?
С предвечного начала
На лилиях и розах
Узор ее волшебный
Стоит начертанный в раю!»

1859

* * *

Уж если всё от века решено, —
    Так что ж мне делать?
Назначено мне полюбить вино, —
    Так что ж мне делать?
Указан птице лес, пустыня льву,
    Трактир Гафизу.
Так мудростью верховной суждено, —
    Так что ж мне делать?

1860 (?)

* * *

Не будь, о богослов, так строг!
Не дуйся, моралист, на всех!
Блаженства всюду ищем мы, —
А это уж никак не грех!

Нас, как израильских сынов,
Пустынный истомил побег,
И мы у неба просим яств,
А это уж никак не грех!

К чему нам райской тубы[1] сень
И Гавриил на небесех?
Дверей трактира ищем мы,
А это уж никак не грех!

Да, нам старик-трактирщик — друг,
Мы сознаемся в том при всех, —
Притворства избегаем мы,
А это уж никак не грех!

Людскую кровь не станем лить
Мы для воинственных потех;
Льем виноградную мы кровь,
А это уж никак не грех!

---

[1] Туба — дерево, распространяющее свои ветви над всем раем.

Мы разверзаем клад души,
Чтобы для сладостных утех
Все перлы сердца раскидать,
А это уж никак не грех!

Мы славим милую в стихах,
И нас, быть может, ждет успех, —
Пленительным пленен поэт,
А это уж никак не грех!

Ты, как осел или верблюд,
Кряхтя, тащи тяжелый мех, —
Мы всё, что давит, с плеч долой,
А это уж никак не грех!

1859

* * *

Гафиз убит. А что его убило, —
Свой черный глаз, дитя, бы ты спросила.

Жестокий негр![1] как он разит стрелами!
Куда ни бросит их — везде могила.

Ах, если есть душа у райской птицы,
Не по тебе ль ее трепещут крыла?

Нет, не пугай меня рассудком строгим,
Тут ничего его не сможет сила.

Любовь свободна. В мире нет преграды,
Которая бы путь ей заступила.

О состраданье! голос сердца нежный!
Хотя бы ты на помощь поспешило.

Знать, из особой вышло ты стихии, —
Гафиза песнь тебя не победила!

1860 (?)

---

[1] Черный глаз красавицы. Вот истинный скачок с 7-го этажа, зато какая прелесть!

ИЗ АНАКРЕОНА

* * *

Сядь, Вафилл, в тени отрадной,
Здесь, под деревом красивым;
Посмотри: до тонкой ветки
Каждый нежный лист трепещет;
Мимо с сладостным журчаньем
Пробирается источник;
Кто такое ложе лени,
Увидавши, проминует?

<1847>

ИЗ ГЕТЕ

САМООБОЛЬЩЕНИЕ

Соседкин занавес в окне
Волнуется опять.
Знать, хочет заглянуть ко мне
И дома ль я — узнать.

И точно ль гнев ревнивый свой,
Что целый день таю,
Я оскорбленною душой
Навеки сохраню?

Но нет! ребенок милый мой
Не думает о том, —
Я вижу, ветер заревой
Играет полотном.

<1857>

НА ОЗЕРЕ

И силу в грудь, и свежесть в кровь
Дыханьем вольным лью.
Как сладко, мать-природа, вновь
Упасть на грудь твою!

Волна ладью в размер весла
Качает и несет,
И вышних гор сырая мгла
Навстречу нам плывет.

Взор мой, взор, зачем склоняться?
Или сны златые снятся?
Прочь ты сон, хоть золотой, —
Здесь любовь и жизнь со мной!

На волна́х сверкают
Тысячи звезд сотрясенных,
В дымном небе тают
Призраки гор отдаленных.

Ветерок струится
Над равниною вод,
И в залив глядится
Дозревающий плод.

<1859>

НОВАЯ ЛЮБОВЬ — НОВАЯ ЖИЗНЬ

Сердце, сердце, что такое?
Что смутило жизнь твою?
Что-то странное, чужое;
Я тебя не узнаю!
Всё прошло, что ты любило,
Всё, о чем ты так грустило,
Труд и отдых — всё прошло, —
До чего уже дошло!

Иль тебя цветком росистым
Эта девственность чела,
Взором кротким, нежно-чистым
Своевольно увлекла?
Вдруг хочу от ней укрыться,
Встрепенуться, удалиться,
Но мой путь еще скорей
Вновь, увы, приводит к ней!

И меня на нити тонкой,
Безнаказанно шутя,
Своенравною ручонкой
Держит девочка-дитя;

Красоты волшебной сила
Круг заветный очертила.
Что за странность — как во сне!
О любовь, дай волю мне!

<1862>

ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ

Вот с избушкой я прощаюсь,
Где любовь моя живет,
И бесшумно пробираюсь
Под лесной полночный свод.
Лунный луч, дробясь, мерцает
Меж дубами по кустам,
И береза воссылает
К небу сладкий фимиам.

Как живительна прохлада
Этой ночи здесь, в тиши!
Как целебна тут отрада
Человеческой души!
Эта ночь томит, врачуя,
Но и тысяч равных ей
Не сменяю на одну я
Милой девушки моей.

Февраль 1878

НОЧНАЯ ПЕСНЯ ПУТНИКА

Ты, что с неба и вполне
Все страданья укрощаешь
И несчастного вдвойне
Вдвое счастьем наполняешь, —
Ах, к чему вся скорбь и радость!
Истомил меня мой путь!
Мира сладость,
Низойди в больную грудь!

Февраль 1878

ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Когда стародавний
Святой отец
Рукой спокойной
Из туч гремящих
Молнии сеет
В алчную землю, —
Край его ризы
Нижний целую
С трепетом детским
В верной груди.

Ибо с богами
Меряться смертный
Да не дерзнет.
Если подымется он и коснется
Теменем звезд,
Негде тогда опереться
Шатким подошвам,
И им играют
Тучи и ветры;

Если ж стоит он
Костью дебелой
На крепкозданной,
Прочной земле,
То не сравняться
Даже и с дубом
Или с лозою
Ростом ему.

Чем отличаются
Боги от смертных?
Тем, что от первых
Волны исходят,
Вечный поток:
Волна нас подъемлет,
Волна поглощает,
И тонем мы.

Жизнь нашу объемлет
Кольцо небольшое,
И ряд поколений
Связует надежно
Их собственной жизни
Цепь без конца.

<1877>

РЫБАК

Неслась волна, росла волна,
Рыбак над ней сидел,
С душой, холодною до дна,
На у́ду он глядел.
И как сидит он, как он ждет,
Разверзлась вдруг волна,
И поднялась из шума вод
Вся влажная жена.

Она поет, она зовет:
«Зачем народ ты мой
Людским умом и злом людским
Манишь в смертельный зной?
Ах, если б знал, как рыбкам весть
Отрадно жизнь на дне,
Ты сам спустился бы, как есть,
И был здоров вдвойне.

Иль солнце красное с луной
Над морем не встают
И лики их, дыша волной,
Не вдвое краше тут?
Иль не влечет небес тайник,
Блеск голубой красы,
Не манит собственный твой лик
К нам, в вечный мир росы?»

Шумит волна, катит волна
К ногам из берегов,

И стала в нем душа полна,
Как бы под страстный зов.
Она поет, она зовет, —
Знать, час его настал:
Влекла ль она, склонялся ль он, —
Но с той поры пропал.

6 сентября 1885

ЗИМНЯЯ ПОЕЗДКА НА ГАРЦ

С коршуном сходно,
Что, на тяжелых утренних тучах
Тихим крылом почивая,
Ищет добычи, пари,
Песня моя.

Ибо бог
Каждому путь его
Предначертал,
Коим счастливец
К радостной цели
Быстро бежит;
Тот же, чье сердце
Сжато несчастьем,
Тщетно противится
Тесным пределам
Кованой нити,
Что всё ж горькие ножницы
Только однажды прервут.

В чаще суровой
Прячется дикий зверь,
И с воробьями
Давно богачи
В топи свои опустились.

За колесницей легко
Следовать пышной Фортуны,
Как безмятежным придворным

По дороге исправленной
Вслед за въездом владыки.

Но кто там в стороне?
Путь его тонет в кустах,
Сзади его
Ветви смыкаются вновь,
Снова трава восстает,
Пустыня его поглощает.

Кто ж уврачует того,
Ядом кому стал бальзам,
Кто из избытка любви
Выпил ненависть к ближним?
Пре́зренный, став презирающим,
Тайно достоинство он
Только изводит свое
В самолюбивом стремленьи.

Коль на псалтири твоей
Есть, отец милосердья,
Звук, его уху доступный,
Сердце его утоли!
Взор раскрой отуманенный
На миллионы ключей
Рядом с томящимся жаждой
Тут же в пустыне.

Ты, посылающий радости
Каждому полною мерой,
Благослови и ловцов,
Братьев на поиск зверей;
Со своеволием юным,
Жаждой убийства,
Поздних мстителей буйства,
Тщетно с которым уж годы
Бьется с дубиной крестьянин.

Но увей одинокого
Тучей своей золотой,
Зеленью зимней венчай ты

До возрождения роз
Влажные кудри певца,
О любовь, твоего же!

Ты мерцающим факелом
Светишь ему
Ночью через броды,
По бездонным дорогам,
По пустынным полям;
Тысячецветной зарей
В сердце смеешься ему;
Едкою бурей своей
Ты возносишь его;
Зимние прядают воды
С гор в песнопенья к нему;
И алтарем благодарности нежной
Грозной вершины встает перед ним
Снегом покрытое темя,
Что хороводами духов
Чутко венчали народы.

Ты с неприступною грудью
Смотришь таинственно явно
Над изумленной землей
И взираешь из облак
На страны́ и богатства,
Что из жил твоих братий
Рядом с собою ты льешь.

<1885>

ИЗ ШИЛЛЕРА

ВЕЧЕР

Бог лучезарный, спустись! жаждут долины
Вновь освежиться росой, люди томятся,
Медлят усталые кони, —
Спустись в золотой колеснице!

Кто, посмотри, там ма́нит из светлого моря
Милой улыбкой тебя! узнало ли сердце?
Кони помчались быстрее:
Ма́нит Фетида тебя.

Быстро в объятия к ней, вожжи покинув,
Спрянул возничий; Эрот держит за уздцы;
Будто вкопаны, кони
Пьют прохладную влагу.

Ночь по своду небес, прохладою вея,
Легкой стопою идет с подругой-любовью.
Люди, покойтесь, любите:
Феб влюбленный почил.

<1840>

ДИФИРАМБ

Боги всегда к нам
На землю приходят
Дружной толпой.
Только что Бахус ко мне принесется,
Тотчас крылатый Амур улыбнется
И прилетит Аполлон золотой.
Стремятся, несутся
Жильцы небо-края,
Бессмертных приемлет
Обитель земная.

Скажите, чем примет
Убогий сын Геи
Хор неземной?
О, дайте вы, боги, мне жизнь неземную!
Скажите, что, смертный, вам в дар принесу я?
Возьмите меня на Олимп за собой.
В чертоге Зевеса
Лишь царствует радость...
Налейте же в кубок
Мне нектара сладость!

«Подай ему кубок!
Полон поэту,
Геба, налей,
Росою небесной смочи ему очи,
Чтоб они вечной не видели ночи,
Чтоб он был равен нам славой своей».
Небесная влага,
Напенясь, белеет,
И грудь не мятется,
И око светлеет.

<1840>

К ЦВЕТАМ

Дети солнечного всхода,
Пестрых пажитей цветы,
Вас взлелеяла природа
В честь любви и красоты.
Ваши яркие уборы
Под перстом прозрачным Флоры
Так нарядно хороши;
Но, любимцы неги вешней,
Плачьте: прелесть жизни внешней
Не вдохнула в вас души.

Вслед за жаворонком нежно
Соловьи о вас грустят,
На листах у вас небрежно
Колыхаясь сильфы спят,
Ваши пышные короны
Превратила дочь Дионы
В брачный полог мотыльков.
Плачьте, плачьте, дети света!
В вас тоска понятна эта —
Вам неведома любовь.

Но томление разлуки
Выношу я, не скорбя;
Друг мой Нанни, эти руки
Вьют подарок для тебя!
Жизнь и душу, страсть и речи,
Сердца нежные предтечи,
Вам теперь передаю, —
И сильнейший меж богами
Здесь под скромными листами
Скрыл божественность свою.

<1854>

БОГИ ГРЕЦИИ

Как еще вы правили вселенной
И забав на легких помочах
Свой народ водили вожделенный,
Чада сказок в творческих ночах,
Ах, пока служили вам открыто,
Был и смысл иной у бытия,
Как венчали храм твой, Афродита,
    Лик твой, Аматузия!

Как еще покров свой вдохновенье
Налагало правде на чело,
Жизнь полней текла чрез всё творенье;
Что и жить не может, всё жило.
Целый мир возвышен был убором,
Чтоб прижать к груди любой предмет;
Открывало посвященным взорам
    Всё богов заветный след.

Где теперь, как нам твердят сторицей,
Пышет шар, вращаясь без души,
Правил там златою колесницей
Гелиос в торжественной тиши.
Здесь на высях жили ореады,
Без дриад — ни рощи, ни лесов,
И из урны радостной наяды
    . Пена прядала ручьев.

Этот лавр стыдливость девы прячет,
Дочь Тантала в камне том молчит,
В тростнике вот здесь Сиринкса плачет,
Филомела в роще той грустит.
В тот поток как много слез, Церера,
Ты о Персефоне пролила,
А с того холма вотще Цитера
    Друга нежного звала.

К порожденным от Девкалиона
Нисходил весь сонм небесный сам:

Посох взяв, пришел твой сын, Латона,
К Пирриным прекрасным дочерям.
Между смертным, богом и героем
Сам Эрот союзы закреплял,
Смертный рядом с богом и героем
В Аматунте умолял.

Строгий чин с печальным воздержаньем
Были чужды жертвенному дню,
Счастье было общим достояньем,
И счастливец к вам вступал в родню.
Было лишь прекрасное священно,
Наслажденья не стыдился бог,
Коль улыбку скромную камены
Иль хариты вызвать мог.

Светлый храм не ведал стен несносных,
В славу вам герой искал меты
На Истмийских играх венценосных,
И гремели колесниц четы.
Хороводы в пляске безупрёчной
Вкруг вились уборных алтарей.
На висках у вас венок цветочный,
Под венцами шелк кудрей.

Тирсоносцев радостных эвое
Там, где тигров пышно запрягли,
Возвещало о младом герое,
И сатир и фавн, шатаясь, шли.
Пред царем неистово менады
Прославлять летят его вино,
И зовут его живые взгляды
Осушать у кружки дно.

Не костяк ужасный в час томлений
Подступал к одру, а уносил
Поцелуй последний вздох, и гений,
Наклоняя, факел свой гасил.
Даже в Орке судией правдивым
Восседал с весами смертной внук;

Внес фракиец песнью сиротливой
До Иринний грустный звук.

В Елисей, к ликующему кругу
Песнь слетала землю помянуть,
Обретала верность вновь подругу,
И возница находил свой путь.
Для Линоса лира вновь отрада,
Пред Алцестой дорогой Адмет,
Узнает Орест опять Пилада,
Стрелы друга Филоктет.

Ждал борец высокого удела
На тяжелом доблестном пути;
Совершитель дел великих смело
До богов высоких мог дойти.
Сами боги, преклонясь, смолкают
Пред зовущим к жизни мертвецов,
И над кормчим светочи мерцают
Олимпийских близнецов.

Светлый мир, о где ты? Как чудесен
Был природы радостный расцвет!
Ах, в стране одной волшебных песен
Не утрачен сказочный твой след!
Загрустя, повымерли долины,
Взор нигде не встретит божества, —
Ах, от той живительной картины
Только тень видна едва!

Всех цветов душистых строй великой
Злым дыханьем севера снесен,
Чтоб один возвысился владыкой,
Мир богов на гибель осужден.
Я ищу по небу, грусти полный,
Но тебя, Селена, нет как нет!
Оглашаю рощи, кличу в волны, —
Безответен мой привет.

Без сознанья радость расточая,
Не провидя блеска своего,

Над собой вождя не сознавая,
Не деля восторга моего,
Без любви к виновнику творенья,
Как часы, неоживлен и сир,
Рабски лишь закону тяготенья,
    Обезбожен, служит мир.

Чтоб плодом назавтра разрешиться,
Рыть могилу нынче суждено;
Сам собой в ущерб и в ширь крутится
Месяц всё на то ж веретено;
Праздно в мир искусства скрылись боги,
Бесполезны для вселенной той,
Что, у них не требуя подмоги,
    Связь нашла в себе самой.

Да, они укрылись в область сказки,
Унося туда же за собой
Всё величье, всю красу, все краски,
А у нас остался звук пустой.
И взамен веков и поколений
Им вершины Пинда лишь на часть;
Чтоб бессмертным жить средь песнопений,
    Надо в жизни этой пасть.

Февраль 1878

ИЗ КЕРНЕРА

МОСКВА

Как высоки́ церквей златые главы,
Как царственно дворцы твои сияют!
Со всех сторон глаза мои встречают
И гордый блеск, и памятники славы.

Но час твой бил, о город величавый!
Твои гражда́не руку подымают,
Трещит огонь, и факелы пылают,
И ты стоишь в горячей ризе лавы!

О, пусть тебя поносит исступленье:
Ломитесь башни, рушьтеся палаты!
То русский феникс, пламенем объятый,

Горит векам... Но близко искупленье;
Уже под клик и общие восторги
Копье побед поднял святый Георгий.

<1843>

ИЗ УЛАНДА

БЕРТРАН ДЕ БОРН

На утесе том дымится
Аутафорт, сложён во прах,
И пред ставкой королевской
Властелин его в цепях.
«Ты ли, что мечом и песней
Поднял бунт на всех концах,
Что к отцу непослушанье
У детей вселил в сердцах?

Тот ли здесь, что выхвалялся,
Не стыдяся никого,
Что ему и половины
Хватит духа своего?
Если мало половины,
Призови его всего
Замок твой отстроить снова,
Снять оковы с самого».

«Мой король и повелитель,
Пред тобой Бертран де Борн,
Что возжег единой песнью
Перигорд и Вентадорн,
Что у мощного владыки
Был в глазу колючий терн,
Тот, из-за кого гнев отчий
Короля пылал как горн.

Дочь твоя сидела в зале,
С ней был герцог обручен,
И гонец мой спел ей песню,
Мною песне обучен;
Спел, как сердце в ней гордилось,
Что певец в нее влюблен,
И убор невесты пышный
Весь слезами стал смочён.

В бой твой лучший сын воспрянул,
Кинув долю без забот,
Как моих воинских песен
Гром донес к нему народ.
На коня он сел поспешно,
Сам я знамя нес вперед.
Тут стрелою он пронзенный
У Монфортских пал ворот!

На руках моих он, бедный,
Окровавленный лежал,
Не от боли, — от проклятья
Он отцовского дрожал.
Вдаль к тебе он тщетно руку
На прощанье простирал,
Но, твоей не повстречавши,
Он мою еще пожал.

Тут, как Аутафорт мой, горе
Надломило силача:
Ни вполне, ни вполовину,
Ни струны и ни меча.
Лишь расслабленного духом
Ты сразил меня сплеча;
Для одной лишь песни скорби
Он поднялся сгоряча».

И король челом поникнул:
«Сына мне ты возмутил,
Сердце дочери пленил ты —
И мое ты победил.

Дай же руку, друг сыновний,
За него тебя простил!
Прочь оковы! — Твоего же
Духа вздох я ощутил».

<1882>

ИЗ РЮККЕРТА

* * *

Если ты меня разлюбишь,
Не могу я разлюбить;
Хоть другого ты полюбишь,
Буду всё тебя любить;
Не в моей лишь будет власти,
За взаимность вашей страсти,
И его мне полюбить.

1865 (?)

* * *

Пусть бы люди про меня забыли,
Как про них забыл я совершенно,
Чтоб с тобой мы так же мирно жили,
Как желаю им я жить блаженно.

Пусть бы им мы так же были нужны,
Как нам ими нужно заниматься,
Хоть, как мы, они бы жили дружно,
Иль дрались, коль есть охота драться.

1865 (?)

* * *

Как мне решить, о друг прелестный,
Кто властью больше: я иль ты?
Свободных песен круг небесный
Не больше царства красоты.

Два рая: ты — в моем царица,
А мне — в твоем царить дано.
Один другому лишь граница,
И оба вместе лишь одно.

Там, где любовь твоя невластна,
Восходит песни блеск моей;
Куда душа ни взглянет страстно,
Разверсто небо перед ней.

1865 (?)

* * *

У моей возлюбленной есть украшенье,
В нем она блаженна в каждое мгновенье,
Всем другим на зависть, мне на загляденье.

У моей возлюбленной есть украшенье,
В нем связали страсть моя и вдохновенье
С золотом и самоцветные каменья.

У моей возлюбленной есть украшенье,
В нем она должна, ее такое мненье,
И восторг встречать и даже огорченье.

У моей возлюбленной есть украшенье,
В нем она предстать желает в погребенье
Так же, как была она в нем в обрученье.

1865 (?)

* * *

И улыбки, и угрозы
Мне твои — всё образ розы;
Улыбнешься ли сквозь слезы,
Ранний цвет я вижу розы,
А пойдут твои угрозы,
Вспомню розы я занозы;
И улыбки, и угрозы
Мне твои — всё образ розы.

1865 (?)

* * *

Не хочу морозной я
Вечности,
А хочу бесслезной я
Младости,
С огненным желанием,
Полной упованием
Радости.

Не лавровой веткою
Я пленен,
Миртовой беседкою
Окружен;
Пусть бы ненавистную
Ветку кипарисную
Ждал мой сон.

1865 (?)

ИЗ МЕРИКЕ

* * *

Будь, Феокрит, о прелестнейший, мной упомянут с хвалою.
Нежен ты прежде всего, но и торжествен вполне.
Ежели граций ты шлешь в золотые чертоги богатых,
Босы они, без даров, снова приходят к тебе.
Праздно сидят они снова в убогом доме поэта,
Грустно склоняя чело к сгибу остывших колен.
Или мне деву яви, когда в исступлении страсти,
Юноши видя обман, ищет Гекату она.
Или воспой молодого Геракла, которому служит
Люлькою кованый щит, где он и змей задушил.
Звучен триумф твой! Сама тебя Каллиопа венчает;
Пастырь же скромный, затем снова берешь ты свирель.

1864

* * *

Как красив на утренней заре
Птичий след по снегу на горе!
Но красивей милая рука
Мне чертит письмо издалека.

В небеса высок у цапли взлет:
Ни стрела, ни пуля не доймет;
Во сто раз и выше, и быстрей
Мысль летит к избраннице своей.

9 августа 1888

ПОКИНУТАЯ ДЕВУШКА

Чуть петухи кричать
Станут зарею,
У очага стоять
Мне над золою.

Брызжут с огней моих
Искры, — невольно
Я загляжусь на них...
Станет так больно...

Вот средь мечты моей
Помысл явился,
Что эту ночь, злодей,
Ты мне приснился, —

Слезы текут ручьем...
Вот показался
День за минувшим днем...
Хоть бы кончался!

13 августа 1888

ИЗ ГЕЙНЕ

* * *

Из слез моих много родится
Роскошных и пестрых цветов,
И вздохи мои обратятся
В полу́ночный хор соловьев.

Дитя, если ты меня любишь,
Цветы все тебе подарю,
И песнь соловьиная встретит
Под милым окошком зарю.

<1841>

* * *

Лилеею, розой, голубкой, денницей
Когда-то и я восторгался сторицей.
Теперь я забыл их, пленяся одною
Младою, родною, живою душою.
Она, всей любви и желаний царица,
Мне роза, лилея, голубка, денница.

1857 (?)

* * *

Ланитой к ланите моей прикоснись, —
Тогда наши слезы сольются,
И сердцем теснее мне к сердцу прижмись, —
Огнем они общим зажгутся.

И если в тот пламень прольются рекой
Те общие слезы мученья, —
Я, крепко тебя охвативши рукой,
Умру от тоски наслажденья.

<1842>

* * *

Дитя, мои песни далеко
На крыльях тебя унесут,
К долинам Гангесова тока:
Я знаю там лучший приют.

Там, светом луны обливаясь,
В саду всё зардевшись цветет,
И лотоса цвет, преклоняясь,
Сестрицу заветную ждет.

Смеясь, незабудкины глазки
На дальние звезды глядят,
И розы душистые сказки
Друг другу в ушко говорят.

Припрянув, внимания полны,
Там смирно газели стоят,
А там, в отдалении, волны
Священного тока шумят.

И там мы под пальмой младою,
Любви и покоя полны,
Склонившись, уснем — и с тобою
Увидим блаженные сны.

<1842>

* * *

Как из пены вод рожденная,
Друг мой прелести полна:
Ведь, другому обрученная,
Ты пред ним сиять должна.

Сердце, ты, многострадальное,
На измену не ропщи,
И безумие печальное
Ты оправдывать ищи.

<1857>

* * *

Я не ропщу, пусть сердце и в огне;
Навек погибшая, роптать — не мне;
Как ни сияй в алмазах для очей,
А ни луча во мгле души твоей.

Я это знал. Ведь ты же снилась мне;
Я видел ночь души твоей на дне,
И видел змей в груди твоей больной,
И видел, как несчастна ты, друг мой.

<1857>

* * *

Да, ты несчастна — и мой гнев угас.
Мой друг, обоим нам судьба — страдать.
Пока больное сердце бьется в нас,
Мой друг, обоим нам судьба — страдать.

Пусть явный вызов на устах твоих,
И взор горит, насмешки не тая,
Пусть гордо грудь трепещет в этот миг, —
Ты всё несчастна, как несчастен я.

Улыбка горем озарится вдруг,
Огонь очей слеза зальет опять,
В груди надменной — язва тайных мук,
Мой друг, обоим нам судьба — страдать.

<1857>

* * *

На севере дуб одинокий
Стоит на пригорке крутом;
Он дремлет, сурово покрытый
И снежным, и льдя́ным ковром.

Во сне ему видится пальма,
В далекой восточной стране,
В безмолвной, глубокой печали,
Одна, на горячей скале.

<1841>

* * *

Слышу ли песенки звуки,
Той, что певала она, —
Снова томительной муки
Грудь, как бывало, полна.

Так и потянет невольно
В горы да к темным лесам, —
Всё, что и горько, и больно,
Может быть, выплачу там.

<1857>

* * *

Мой друг, мы с тобою сидели
Доверчиво в легком челне.
Тиха была ночь, и хотели
Мы морю отдаться вполне.

И остров видений прекрасный
Дрожал, озаренный луной.
Звучал там напев сладкогласный,
Туман колыхался ночной.

Там слышались нежные звуки,
Туман колыхался, как хор, —
А мы, преисполнены муки,
Неслись на безбрежный простор.

<1857>

* * *

Твои пылают щечки
Румянцем вешних роз,
А в крошечном сердечке
По-прежнему мороз.

Изменится всё это,
Увидишь ты сама:
На сердце будет лето
И на щеках зима.

<1847>

* * *

Я плакал во сне; мне приснилось,
Что друг мой во гробе лежит, —
И я проснулся — и долго
Катилися слезы с ланит.

Я плакал во сне; мне приснилось,
Что ты расстаешься со мной, —
И я проснулся — и долго
Катилися слезы рекой.

Я плакал во сне; мне приснилось,
Что ты меня любишь опять, —
И я проснулся — и долго
Не в силах я слез был унять.

<1847>

* * *

Когда на дороге, случайно,
Мне встретилась милой родня, —
И мать, и отец, и сестрица
Любезно узнали меня.

Спросили меня о здоровье,
Прибавивши сами потом,
Что мало во мне перемены, —
Одно, что я бледен лицом.

О тетках, золовках и разных
Докучных расспрашивал я,
О маленькой также собачке,
С приветливым лаем ея.

Спросил, между прочим, о милой:
Как с мужем она прожила?
И мне отвечали любезно,
Что только на днях родила.

И я их любезно поздравил
И нежно шептал им в ответ,
Прося передать поздравленье
И тысячу раз мой привет.

Сестрица примолвила громко:
«С собачкой случилась беда:
Как стала большою, взбесилась, —
Утоплена в Рейне тогда».

В малютке есть с милою сходство:
Улыбку ее узнаю, —
И те же глаза, что сгубили
И юность, и душу мою.

<1857>

* * *

С порога рыбачьей избушки
Мы видели море вдали;
Вечерний туман отделялся
Приметно от волн и земли.

Один за другим зажигались
Огни на большом маяке,
И лишний один разглядели
Еще мы корабль вдалеке.

Шла речь о крушеньях и бурях,
О том, что матросу беда, —
Что он между небом и бездной,
Надеждой и страхом всегда.

Про Север и Юг толковали,
Какие по тем берегам
Особые есть населенья,
Какие обычаи там.

В цветах берега у Гангеса,
Леса-исполины растут,
И стройные, кроткие люди
Там лотос, склоняяся, чтут.

В Лапландии грязные люди,
Курносый, невзрачный народ:
К огню подберется, да, рыбу
Готовя, пищит и орет.

Дослушали девочки жадно,
Никто ни полслова потом;
Корабль в отдалении скрылся,
Давно потемнело кругом.

<1857>

* * *

Красавица-рыбачка,
Причаль свою ладью,
Пойди и сядь со мною,
Дай руку мне свою.

Доверчиво головкой
На грудь склонись ко мне;
Ведь ты ж себя вверяешь
Беспечно глубине.

С приливом и отливом,
Что море, грудь моя,
И много чудных перлов
Во глубине ея.

<1841>

* * *

Нисходят во гроб поколенья,
Идут и проходят года,
И только одна в моем сердце
Любовь не пройдет никогда.

Хоть раз бы еще на колени
Упасть мне и встретить твой взор,
И только сказать, умирая:
«Madame, je vous adore!» [1]

<1857>

---

[1] Мадам, я вас обожаю! (фр.). — *Ред.*

* * *

Они любили друг друга,
Но каждый упорно молчал;
Смотрели врагами, но каждый
В томленьи любви изнывал.

Они расстались — и только
Встречались в виденьи ночном;
Давно они умерли оба —
И сами не знали о том.

<1857>

* * *

Когда я про горе свое говорил,
То каждый зевал да молчанье хранил;
Когда же в стихи я его нарядил,
То много великих похвал заслужил.

<1857>

* * *

Как луна, светя во мраке,
Прорезает пар густой,
Так из темных лет всплывает
Ясный образ предо мной.

Все на палубе сидели,
Гордо Рейн судно качал,
Поздний луч младую зелень
Берегов озолочал.

И у ног прекрасной дамы
Я задумчиво сидел;
Бледный лик ее на солнце
Ярким пламенем горел.

Струн томленье, хоров пенье,
Жизнь как праздник хороша! —
Небо тихо голубело,
Расширялася душа.

Чудной сказкою тянулись
Замки, горы мимо нас
И светились мне навстречу
В паре ясных женских глаз.

<1847>

* * *

Во сне я милую видел:
Во взоре забота, испуг.
Когда-то цветущее тело
Извел, обессилил недуг.

Ребенка несла, а другого
Вела злополучная мать;
Во взоре, походке и платье
Нельзя нищеты не признать.

Шатаясь, брела она к рынку,
И тут я ее повстречал.
Она посмотрела, — и тихо
И горестно я ей сказал:

«Пойдем ко мне в дом. Невозможно
И бледной и хворой бродить:
Я стану усердной работой
Тебя и кормить и поить.

Детей твоих стану лелеять,
Всю нежность на них обратя,
Но прежде всего — на тебя-то,
Бедняжка, больное дитя!

Тебе никогда не напомню
Ничем о любви я своей,
И если умрешь ты — я буду
Рыдать на могиле твоей».

<1857>

* * *

Как цвет, ты чиста и прекрасна,
Нежна, как цветок по весне;
Взгляну на тебя — и тревога
Прокрадется в сердце ко мне.

И кажется, будто б я руки
Тебе на чело возложил,
Молясь, чтобы бог тебя нежной,
Прекрасной и чистой хранил.

<1843>

* * *

Хотел я с тобою остаться,
Забыться, моя красота;
Но было нам должно расстаться:
Ты чем-то была занята.

Тебе я сказал, что связала
Нам души незримая связь,
Но ты от души хохотала,
И ты мне присела, смеясь.

Страданья прибавить сумела
Ты чувствам влюбленным моим
И даже польстить не хотела
Прощальным лобзаньем своим.

Не думай, что я застрелюся,
Как мне и ни горек отказ;
Всё это, мой друг, признаюся,
Со мною бывало не раз.

<1847>

* * *

Ах, опять всё те же глазки,
Что так нежно улыбались,
И опять всё те же губки,
Что так сладко целовались!

Этот голос, мне когда-то
Дорогой, не изменился;
Только сам уже не тот я,
Измененным воротился.

Вновь меня объемлют страстно
Бледно-розовые руки,
Но лежу у ней на сердце,
Полон холода и скуки.

<1847>

* * *

По бульварам Саламанки
Воздух благорастворенный.
Там, в прохладный летний вечер,
Я гуляю с милой донной.

Я рукой нетерпеливой
Обнял стройное созданье
И блаженным пальцем слышу
Гордой груди колыханье.

Но по липам слышен шорох,
Полный чем-то невеселым,

И ручей в низу плотины
Злобно грезит сном тяжелым.

Ах, сеньора, чует сердце:
Скоро буду я в изгнаньи;
По бульварам Саламанки
Не ходить нам на гуляньи.

<1847>

ГОРНАЯ ИДИЛЛИЯ

На горе стоит избушка,
Где живет старик седой;
Там сосна шумит ветвями,
Светит месяц золотой.

Посреди избушки кресло;
Все в резьбе его края.
Кто на них сидит, тот счастлив,
И счастливец этот — я.

На скамье сидит малютка,
Подпершись на локоток.
Глазки — звезды голубые,
Ротик — розовый цветок.

И малютка эти звезды
Кротко на меня взвела
И лилейный пальчик хитро
К розе уст приподняла.

Нет, никто нас не увидит,
Мать так пристально прядет,
И отец под звуки цитры
Песнь старинную поет.

И малютка шепчет тихо,
Тихо, звуки затая;
Много тайн немаловажных
От нее разведал я.

«Но как тетушка скончалась,
И ходить нельзя уж нам
На стрелковый праздник в Гослар;
Хорошо бывает там.

Здесь, напротив, так пустынны
Гор холодных вышины,
И зимой мы совершенно
Будто в снег погребены.

Я же робкая такая,
Как ребенку, страшно мне;
Знаю, ночью злые духи
Бродят в нашей стороне».

Вдруг малютка приумолкла,
Как бы слов страшась своих,
И ручонками прикрыла
Звезды глазок голубых.

Пуще ветр шумит сосною,
Прялка воет и ревет,
И под звонкий голос цитры
Песнь старинная поет:

«Не страшись, моя малютка,
Покушений власти злой;
День и ночь, моя малютка,
Серафимы над тобой!»

<1847>

* * *

Желтеет древесная зелень,
Дрожа, опадают листы...
Ах, всё увядает, всё меркнет,
Все неги, весь блеск красоты.

И солнце вершины лесные
Тоскливым лучом обдает:

Знать, в нем уходящее лето
Лобзанье прощальное шлет.

А я — я хотел бы заплакать,
Так грудь истомилась тоской...
Напомнила эта картина
Мне наше прощанье с тобой.

Я знал, расставаясь, что вскоре
Ты станешь жилицей небес.
Я был — уходящее лето,
А ты — умирающий лес.

<1847>

ПОСЕЙДОН

Солнце лучами играло
Над морем, катящим далеко валы;
На рейде блистал в отдаленьи корабль,
Который в отчизну меня поджидал;
Только попутного не было ветра,
И я спокойно сидел на белом песке
Пустынного брега.
Песнь Одиссея читал я — старую,
Вечно юную песнь. Из ее
Морем шумящих страниц предо мной
Радостно жизнь подымалась
Дыханьем богов,
И светлой весной человека,
И небом цветущим Эллады.

Благородное сердце мое с участьем следило
За сыном Лаэрта в путях многотрудных его;
Садилося с ним в печальном раздумье
За радушный очаг,
Где царицы пурпур прядут,
Лгать и удачно ему убегать помогало
Из объятия нимф и пещер исполинов,
За ним в киммерийскую ночь, и в ненастье,
И в кораблекрушенье неслось,
И с ним несказанное горе терпело.

Вздохнувши, сказал я: «Злой Посидаон,
Гнев твой ужасен,
И сам я боюсь
Не вернуться в отчизну!»

Едва я окончил, —
Запенилось море,
И бог морской из белеющих волн
Главу, осокóю венчанную, поднял,
Сказавши в насмешку:

«Что ты боишься, поэтик?
Я нимало не стану тревожить
Твой бедный кораблик,
Не стану в раздумье о жизни любезной тебя
Вводить излишнею качкой.
Ведь ты, поэтик, меня никогда не сердил:
Ни башенки ты не разрушил у стен
Священного града Приама,
Ни волоса ты не спалил на глазу
Полифема, любезного сына,
И тебе не давала советов ни в чем
Богиня ума — Паллада Афина».

Так воззвал Посейдон
И в море опять погрузился,
И над грубою остротой моряка
Под водой засмеялись
Амфитрита, женщина-рыба,
И глупые дщери Нерея.

<1842>

ЭПИЛОГ

Будто на ниве колосья,
Зреют, колеблясь, в душе человека
Помыслы;
Но между них прорываются ярко
Помыслы нежно-любовные, словно
Алые да голубые цветы.

Алые да голубые цветы!
Брезгают вами жнецы, как травой бесполезной,
Нагло затем вас молотят дубины,
Даже бездомный прохожий
Вдоволь насытит и взоры и сердце,
Да, покачав головой,
Даст вам название плевел прекрасных.
Но молодая крестьянка
Вас на венок
Ищет заботливо,
Вами убрать золотистые кудри,
И в этом уборе спешит в хоровод,
Где дудки да песни отрадно манят,
Иль под развесистый вяз,
Где голос любезного слаще манит
Дудок и песен.

1857 (?)

* * *

Ты вся в жемчугах и в алмазах,
Вся жизнь для тебя — благодать,
И очи твои так прелестны, —
Чего ж тебе, друг мой, желать?

К твоим очам прелестным
Я создал целую рать
Бессмертием дышащих песен, —
Чего ж тебе, друг мой, желать?

Очам твоим прелестным
Дано меня было терзать,
И ты меня ими сгубила, —
Чего ж тебе, друг мой, желать?

12 апреля 1874

* * *

Дитя, мы детьми еще были.
Веселою парой детей;
Мы лазили вместе в курятник,
К соломе, и прятались в ней.

Поем петухами, бывало,
И только что люди идут, —
Кукуреку! — им сдается,
Что то петухи так поют.

На нашем дворе ухитрились
Мы ящики пышно убрать.
В них жили мы вместе, стараясь
Достойно гостей принимать.

Соседская старая кошка
Нередко бывала у нас;
Мы кланялись ей, приседая,
Твердя комплименты подчас.

Спешили ее о здоровье
С любезным участьем спросить,
С тех пор приходилось всё то же
Не раз старой кошке твердить.

Мы чинно сидели, толкуя,
Как старые люди, тогда
И так сожалели, что лучше
Всё в наши бывало года,

Что веры с любовью и дружбой
Не знает теперешний свет,
Что кофе так дорог ужасно,
А денег почти что и нет.

Промчалися детские игры,
И всё пронеслось им вослед —
И вера с любовью и дружбой,
И деньги, и время, и свет.

1857 (?), <1882>

* * *

Не глумись над чертом, смертный:
Краток жизни путь у нас,
И проклятие навеки —
Не пустой народный глас.

Расплатись с долгами, смертный:
Долог жизни путь у нас,
И занять тебе придется,
Как ты делывал не раз.

2 июня 1888

* * *

Трубят голубые гусары,
Верхом из ворот выходя,
А с розовым вновь я букетом
К тебе, дорогое дитя.

Вот дикое было хозяйство!
Военщина, земский погром...
И даже немало постою
Бывало в сердечке твоем.

29 декабря 1890

* * *

Уж вечер надвинуться хочет,
Туман над волнами растет,
Таинственно море рокочет,
И что-то, белеясь, встает.

Из волн подымается фея
И села со мной у зыбей.
Вздымаются груди, белея
Под легким покровом у ней.

Она обняла, охватила, —
Больнее мне всё и больней.
«Меня ты не в меру сдавила,
Прекрасная фея морей!»

— «Тебя я руками сжимаю,
Насильно в объятиях жму,
Тобой я согреться желаю
В вечернюю хладную мглу».

Луна всё взирает бледнее
С заоблачной выси своей.
«Твой взор всё мутней и влажнее,
Прекрасная фея морей!»

— «Мой взор не влажнее нимало,
Он мутен, как будто в слезах, —
Когда я из волн выступала,
Осталася капля в глазах».

Вскричалися чайки нежданно,
Прибой всколыхался сильней.
«Стучит твое сердце так странно,
Прекрасная фея морей!»

— «Стучит мое сердце так странно,
Так дико мятусь я душой,
Затем что люблю несказанно
Тебя, милый облик людской».

1890

* * *

В молодые тоже годы
Знал я тяжкие невзгоды,
Как пылал не раз.
Но дровам цена безмерна,
И огонь потухнет, верно,
Ma foi! [1] и в добрый час.

---

[1] Право! (фр.). — *Ред.*

Вспомни это, друг прекрасный,
Устыдись слезы напрасной
И нелепого огня.
Если жизнь ты сохранила,
То забудь, что ты любила,
Ma foi! обняв меня.

14 апреля 1891

ГРЕНАДЕРЫ

Во Францию два гренадера пошли, —
В России в плену они были;
Но только немецкой достигли земли,
То головы тут же склонили.

Печальная весть раздалася в ушах,
Что нет уже Франции боле,
Разбита великая армия в прах
И сам император в неволе.

Тогда гренадеры заплакали вдруг,
Так тяжко то слышать им было,
И молвил один: «О, как больно мне, друг,
Как старая рана заныла».

Другой ему молвил: «Конец, знать, всему,
С тобой бы я умер с печали,
Но ждут там жена и ребята в дому,
Они без меня бы пропали».

— «Не до детей мне, не до жены,
Душа моя выше стремится;
Пусть по́ миру ходят, когда голодны, —
В плену император томится!

Исполни ты просьбу, собрат дорогой:
Когда здесь глаза я закрою,
Во Францию труп мой возьми ты с собой,
Французской зарой там землею.

Почетный мой крест ты на сердце мое
Взложи из-под огненной ленты,
И в руку мою ты подай мне ружье,
И шпагу мне тоже надень ты.

Так буду лежать я во гробе своем:
Как бы на часах и в молчаньи,
Покуда заслышу я пушечный гром,
И топот, и конское ржанье.

На гроб император наедет на мой,
Мечи зазвенят отовсюду,
И, встав из могилы в красе боевой,
Спасать императора буду».

31 мая 1891

ИЗ МУРА

* * *

Прощай, Тереза! Печальные тучи,
Что томным покровом луну облекли,
Еще помешают улыбке летучей,
Когда твой любовник уж будет вдали.

Как эти тучи, я долгою тенью
Мрачил твое сердце и жил без забот.
Сошлись мы — ка́к верила ты наслажденью,
Ка́к верила счастью, — о боже! .. И вот,

Теперь свободна ты, диво созданья, —
Скорее тяжелый свой сон разгоняй;
Смотри, и луны уж прошло обаянье,
И тучи минуют, — Тереза, прощай!

<1847>

ИЗ БАЙРОНА

* * *

О, солнце глаз бессонных — звездный луч,
Как слезно ты дрожишь меж дальних туч!
Сопутник мглы, блестящий страж ночной,
Как по былом тоска сходна с тобой!

Так светит нам блаженство давних лет:
Горит, а всё не греет этот свет;
Подруга дум воздушная видна,
Но далеко, — ясна, но холодна.

<1844>

ПОДРАЖАНИЕ XVI ИДИЛЛИИ БИОНА

Прекрасная звезда Венеры светлоокой!
Пока свое чело за рощею далекой
Диана нежная скрывает, освети
Кустарник тот и холм для моего пути.
Я оставляю кров не для ночных хищений,
На путников в душе не крою покушений.
Нет, я люблю и жду возмездия забот
От нимфы молодой, красы между красот, —
Как в мириаде звезд, Дианой предводимой,
Краса ночных небес, горит твой луч любимый.

<1847>

ЛИДА

«Ланиты у меня на солнце загорели,
И ноги белые от терний покраснели.
День целый я прошла долиною; влекли
Меня со всех сторон блеяния вдали.
Бегу, — но, верно, ты скрываешься, враждуя;
Всё пастухи не те! О, где же, где найду я
Тебя, красавец мой? Скажи, поведай мне,
Где ты пасешь стада? В которой стороне?

О нежный отрок, ты краснеешь предо мною!
Взгляни, как я бледна, — истомлена тобою:

Люблю твое чело невинное и нрав.
Пойдем. — Не всё ж искать ребяческих забав.
О нежный отрок мой, узнай, как я страдаю:
Хочу забыть тебя — и всё не забываю.
Прекрасное дитя, к тебе влекут мечты:
Как дева робкая, склоняешь взоры ты.
Грудь белая твоя, полуприкрыта тканью,
Еще не отдалась любовному желанью.
Пойдем. Узнаешь всё. Тебя я научу.
С душою девственной беседовать хочу,
Пока, преодолев невольное смущенье,
Как я, познаешь ты и вздохи и томленье,
А детских щек твоих вот этот пышный цвет —
Единственно моих лобзаний будет след.
О, если б наконец ты раннею зарею
Пришел на грудь ко мне приникнуть головою!
Я, сон лелея твой, боялась бы дохнуть,
Чтоб не будить тебя, дышала бы чуть-чуть,
И, складки тонкого раскинув покрывала,
Я б от твоих ланит горячих отгоняла
И дерзких комаров и беспокойных пчел».
. . . .
И Нимфа, отрока сыскав, стоит, вздыхает,
Трепещет и его с собою увлекает.
Садится на траву. Ей уступает он,
И горд, и втайне рад, и явно пристыжен.
Уж прикоснулася неверными перстами
Она к нему. Одна ее рука кудрями
Играет отрока, другая же рука
Ласкает шелк ланит младенческих слегка.
«Дитя, — зовет она, — приди на зов мой страстный,
Прекрасен, юн, ко мне, и юной, и прекрасной,
Ко мне, прелестный друг, ты на колени сядь.
Скажи, как много лет успел ты сосчитать?
Бывал ли первым ты борцом между друзьями?
Им нынче, говорят, скользящими руками,
Счастливцам, жать пришлось тебя к груди своей,
И на тебе сиял струящийся елей.
Ты потупляешь взор? О, как должна гордиться
Та, у которой мог, красавец, ты родиться!
Богинею рожден ты, верно. Что с тобой?
Ты весь дрожишь. Дитя, коснись вот здесь рукой:

Грудь у меня пышней, чем у тебя, скруглилась.
Но это — знаешь ли? — быть может, опустилась
Одежда женская перед тобой хоть раз? —
Но это не одно различие у нас.
Ты улыбаешься, краснея? Как сияет
Огонь твоих очей! Как твой румянец тает!
Не Гиацинт ли ты, любимый сын небес?
Иль тот, за кем орла ниспосылал Зевес?
Иль тот, кто, зарожден пленять богинь собою,
Из лона Мирры шел, одетого корою? [1]
Дитя, кто б ни был ты, хочу тебя обнять!
Дитя, люби меня! Как часто отвергать
Умела юношей я пыл неукротимый;
Но ты, ты будь моим, хочу я быть любимой!
. . . .
И возвестит векам мой камень гробовой,
Что Гименеем был развязан пояс мой».

Конец 1857 или начало 1858

* * *

Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру,
Встал на дыбы и, лоб склоня, грозит сатиру.
Сатир, поняв его недружелюбный вид,
Сильнее уперся разрезами копыт, —
И вот навстречу лбу несется лоб наклонный,
Удар — и грянул лес, и дрогнул воздух сонный.

Конец 1857 или начало 1858

---

[1] Мирра, дочь ассирийского царя Цинира, превращенная в благовонное дерево. Плиний говорит, что кору этого дерева разрезали сверху донизу, добывая благовоние. Цинир прижил с Миррою Адониса.

ИЗ БЕРАНЖЕ

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

О Франция, мой час настал, я умираю,
Возлюбленная мать, прощай! Покину свет, —
Но имя я твое последним повторяю.
Любил ли кто тебя сильней меня? О нет!
Я пел тебя, еще читать не наученный,
И в час, как смерть удар готова нанести,
Еще поет тебя мой голос утомленный.
Почти любовь мою одной слезой... Прости!

Когда цари пришли и гордой колесницей
Тебя растоптанной оставили в пыли,
Я кровь твою унять умел их багряницей
И слезы у меня целебные текли.
Бог посетил тебя грозою благотворной;
Благословениям грядущего внимай:
Осеменила мир ты мыслью плодотворной,
И равенство пожнет плоды ее. Прощай!

Я вижу, что лежу полуживой в гробнице,
О, защити же всех, кто мною был любим!
Вот, Франция, твой долг смиренной голубице,
Не прикасавшейся к златым полям твоим.
Но, чтоб ты слышала, как я к тебе взываю,
В тот час, как бог меня в иной приемлет край,
Свой камень гробовой с усильем подымаю...
Рука изнемогла, он падает... Прощай!

1857

ДОЗОР

От садового входа впопыхах воевода
В дом вбежал, — еле дух переводит;
Дернул занавес, — что же? глядь на женино ложе —
Задрожал, — никого не находит.

Он поник головою и дрожащей рукою
Сивый ус покрутил он угрюмо;
Взором ложе окинул, рукава в тыл закинул,
И позвал казака он Наума.

«Гей, ты, хамово племя! Отчего в это время
У ворот ни собаки, ни дворни?
Снимешь сумку барсучью и винтовку гайдучью
Да с крюка карабин мой проворней».

Взяли ружья, помчались, до ограды подкрались,
Где беседка стоит садова́я.
На скамейке из дерна что-то бело и черно:
То сидела жена молодая.

Белой ручки перстами, скрывши очи кудрями,
Грудь сорочкой она прикрывала,
А другою рукою от колен пред собою
Плечи юноши прочь отклоняла.

Тот, к ногам преклоненный, говорит ей, смущенный:
«Так конец и любви, и надежде!

Так за эти объятья, за твои рукожатья
Заплатил воевода уж прежде!

Сколько лет я вздыхаю, той же страстью сгораю, —
И удел мой страдать бесконечно!
Не любил, не страдал он, лишь казной побряцал он, —
И ты всё предала ему вечно.

Он — что ночь — властелином, на пуху лебедином
Старый лоб к этим персям склоняет
И с ланит воспаленных и с кудрей благовонных
Мне запретную сладость впивает.

Я ж, коня оседлавши, чуть луну увидавши,
Тороплюся по хладу ненастья,
Чтоб встречаться стенаньем и прощаться желаньем
Доброй ночи и долгого счастья».

Не пленивши ей слуха, верно, шепчет ей в ухо
Он иные мольбы и заклятья,
Что она без движенья и полна упоенья
Пала к милому тихо в объятья.

С казаком воевода ладят с первого взвода
И патроны из сумки достали,
И скусили зубами, и в стволы шомполами
Порох с пулями плотно дослали.

«Пан, — казак замечает, — бес какой-то мешает:
Не бывать в этом выстреле толку.
Я, курок нажимавши, сыпал мимо, дрожавши,
И слеза покатилась на полку».

— «Ты, гайдук, стал калякать? Научу тебя плакать,
Только слово промолвить осмелься!
Всыпь на полку, да живо! сдерни ногтем огниво,
И той женщине в лоб ты прицелься.

Выше, вправо, до разу, моего жди приказу!
Молодца-то при первом наводе. . .»
Но казак не дождался, громко выстрел раздался
И прямехонько в лоб — воеводе.

1846

* * *

Всплываю на простор сухого океана,
И в зелени мой воз ныряет, как ладья,
Среди зеленых трав и меж цветов скользя,
Минуя острова кораллов из бурьяна.

Уж сумрак — ни тропы не видно, ни кургана;
Не озарит ли путь звезда, мне свет лия?
Вдали там облако, зарницу ль вижу я?
То светит Днестр: взошла лампада Аккермана.

Как тихо! — Постоим. — Я слышу, стадо мчится:
То журавли; зрачком их сокол не найдет.
Я слышу, мотылек на травке шевелится

И грудью скользкой уж по зелени ползет.
Такая тишь, что мог бы в слухе отразиться
И зов с Литвы. Но нет, — никто не позовет!

<1854>

* * *

О милая дева, к чему нам, к чему говорить?
Зачем, при желании чувством с тобой поделиться,
Не в силах я прямо душой в твою душу пролиться?
Зачем это чувство я должен на звуки дробить?
Пока они в слух твой и в сердце твое проникают, —
На воздухе вянут, в устах у меня застывают.

Люблю, ах, люблю! — я взываю сто раз день и ночь,
А ты же смеешься и гневна бываешь порою,
Зачем я не в силах горячей любви превозмочь
Иль выразить, высказать, в песни излить пред тобою.
Но, как в летаргии, не вижу возможности я
Подняться из гроба и признак подать бытия.

Давно утрудил я уста бесполезным стараньем,
Теперь я с твоими устами хочу их спаять
И лишь объясняться с тобою сердец трепетаньем,
Да лишь в поцелуях и вздохах любовь выражать.
И так говорил бы с тобою часы, дни и годы,
До смерти природы и после кончины природы.

Декабрь 1840

* * *

Станет насыпь могилы моей просыхать, —
И забудешь меня ты, родимая мать.
Как заглу́шит трава всё кладбище вконец,
То заглу́шит и скорбь твою, старый отец.
А обсохнут глаза у сестры у моей,
Так и вылетит горе из сердца у ней.

29 октября 1875

* * *

Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой;
Но не ты ли была моей верной рабой?
Земля черная, ты ли покроешь меня?
Не тебя ли топтал я ногами коня?
Холодна ты, о смерть, даже смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца;
Свое тело в добычу земле отдаю,
Но зато небеса примут душу мою.

29 октября 1875

* * *

«Выйди, мать, наружу, посмотри на диво:
Из-под снега травка проросла красиво.
Взлезь-ко, мать, на крышу, глянь-ко на восток:
Из-под льда ущелья вешний вон цветок».
— «Не пробиться травке из-под груды снежной,
Изо льда ущелья цвет не виден нежный;
Никакого дива: влюблена то ты,
Так тебе на снеге чудятся цветы».

29 октября 1875

ПЕРЕВОД ФРАНЦУЗСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ Ф. И. ТЮТЧЕВА

* * *

О, как люблю я возвращаться
К истоку первых твоих дней
И, внемля сердцем, восторгаться
Всё той же прелестью речей.

Как много свежести и тайны
На тех встречаю берегах!
Что за рассвет необычайный
Сквозил в тех дымных облаках!

В каких цветах был луг прибрежный,
Ручья как чисто было дно!
Как много дум с улыбкой нежной
Лазурью той отражено!

О детстве, понятом так мало,
Чуть поминала ты порой, —
Казалось мне, что овевало
Меня незримою весной!

14 марта 1892

РАННИЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ

«Когда мои мечты за гранью прошлых дней...»
(стр. 81)

МГЛ, ОЗ, Изд. 1850 г.[1] 11—12[2]

По восторгающей гармонии речей
С серебряным и вечным эхом.

«Когда мечтательно я предан тишине...»
(стр. 82)

Изд. 1850 г. 1—4

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу на небе корону ясной ночи,
Когда у . . . . заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

18

Ты руку подаешь, сказавши: до свиданья!

«Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...»
(стр. 82)

Изд. 1850 г.

Помедли... люди спят; медлительной царицей
Луна двурогая обходит небеса;
Всё медлит разойтись с серебряной зарницей:
И ветр, и облака, и горы, и леса.

Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты с отвесных берегов,
Летит на хрящ морской; где в море вал огромный
Придет и убежит в объятия валов.

Там вечный шум, там нет неясного сознанья
Какой-то святости звездолюбивых дум
И тихой радости немого созерцанья.
Я не пойду туда: там моря вечный шум.

---

[1] Объяснение сокращений см. на стр. 714—715.
[2] Счет стихов — по основной редакции.

«Ее не знает свет, — она еще ребенок...»
(стр. 84)

Изд. 1850 г.	3—4	И так подвижен склон ее округлых плеч, Что дней недальних грёз у ней не устеречь.

«Эх, шутка-молодость! Ка́к новый, ранний снег...»
(стр. 85)

Изд. 1850 г.	После ст. 12	Бегу!.. Там нежная и трепетная та Несет на поцелуй дрожащие уста, Чье имя, близ меня помянуто без цели, Не даст мне до зари забыться на постели; Чей шорох медленный уж издали меня Кидает в полымя мгновенно из огня, И чей глубокий взор, блистающий вниманьем, Исполнил жизнь мою безумством и страданьем.

«Под небом Франции, среди столицы света...»
(стр. 87)

Автограф	После ст. 12	Твоим наитием пронесся голос ныне, Как бы из-за моря встающая заря, В двойном сиянии и в тройственной святыне Всех, всех на родину зовущего царя.

«Томительно-призывно и напрасно...»
(стр. 95)

«Заря»	9—12	Я пронесу твой свет чрез жизнь земную, Его огонь со мною не умрет, И кто любил, хоть искру золотую В моем гробу остынувшем найдет.

Добро и зло
(стр. 101)

Автограф 3-я ред.	1—8	Ты прав, когда из колыбели Воспрянув только что вчера, Одной ты в жизни веришь цели И ищешь блага и добра.

«Жизнь пронеслась без явного следа...»
(стр. 106)

Автограф	11—12	Сбирается во мраке и в тиши Глубокою и чистою постелью.

«О, этот сельский день и блеск его красивый...»
(стр. 107)

Автограф 1—6

О, этих пышных кос блестящие извивы
В безмолвии я чту.
Не допускает к ним прильнуть мой глаз ревнивый
Безумную мечту.
Лелеяла б душа в неведении томном
Отрадную печаль —

«Учись у них — у дуба, у березы...»
(стр. 108)

Автограф 5—6

И злей да злей за каждою минутой
Рвет ураган последние листы.

«О, как волнуюся я мыслию больною...»
(стр. 124)

«Ледоход» 1-я ред.

Нет, мне не верится, чтоб ты была послушна
Безумствам, что везде преследуют меня,
Когда с балкона ты способна равнодушно
Смотреть на отблески минующего дня.

В затишье замер сад. Внизу лишь тополь дальный
Все грезит в вышине, и ставит лист ребром,
И зыблет, уловя денницы блеск прощальный,
И чистым золотом, и мелким серебром.

О, эта тишина проходит не напрасно,
Одеяна кругом прощальной красотой,
Она все чистое в нас будит самовластно,
Она молитвенно беседует с душой.

Соловей и роза
(стр. 126)

Изд. 1850 г. После ст. 64

Она

Мой друг, мой брат, мой милый, мой любовник!
На милую внимательней взгляни:
За розу ты не принял ли шиповник,
Смиренное подобие родни?

И если есть во мне благоуханье,
Оно лишь тем коснется до тебя,
Что скромное, безвестное созданье,
Стремясь к тебе, так предало себя.

Он

Ты роза долины, я ночи певец,
И чувство в нас братское то же;
Нам месяц кристальный готовит венец,
А солнце пурпурное ложе.

Росою на песни, на песни росой
Дала отвечать нам природа,
И наши все звуки, все блестки, как рой,
Горят у небесного свода.

Там ангел лазурный, востока жилец,
Их огненной метит рукою.
Ты роза долины, я ночи певец:
Мы вечные братья с тобою.

77—80 Но и радость и мученье
Мудро нам судьба дала:
Ты не пел бы без стремленья,
Я б без страсти не цвела.

Он

На востоке небо чисто,
Как сапфир твоих очей;
В рощах пальмовых тенисто,
Лунный луч дрожит теплей.

На востоке есть у бога
Заповедные места:
Сердцу снится та дорога —
Полетим с тобой туда.

Ни фазанов позлащенных,
Ни павлинов не сомнем;
Ни плодов мы запрещенных
Тихомолком не сорвем.

Мы, как лотос, богомольно
Заглядимся в ручеек...
Сердцу станет сладко, больно —
Полетим же на восток.

Она

Мой милый, где сердце — там грезы,
Где вера — там царство весны;
Где очи — там жаркие слезы,
Где думы — там чудные сны...

Во сне мое спящее око
Небесный измерило круг,
От запада вплоть до востока,
Узрело и север и юг...

Ни дна; только, в бездне рождаясь,
Горят и сверкают ключи,
И, силою вечной вращаясь,
Дрожат золотые лучи;

И вся эта сила стремилась
К одной отдаленной звезде;
А я все молилась, молилась,
Чтоб ты был мне верен везде.

«Не здесь ли ты легкою тенью...»
(стр. 132)

«Москв.», Изд. 1850 г. — После ст. 8

То вдруг опечалишь ужасно,
То сердце обрадуешь вдруг,
А все улыбаешься ясно,
Как гений, как ангел, как друг.

Остр. экз. — После ст. 8

О, если бы пенье носилось
Везде, как невидимый дух,
Тебе наяву бы приснилось:
Мой гений, мой ангел, мой друг!

«Офелия гибла и пела...»
(стр. 133)

Изд. 1894 г. — После ст. 4

Ах, много по жизни мелькнуло
Дней светлых, безумной тоски,
И счастье давно потонуло,
Лишь песни плывут да венки.

«Уж верба вся пушистая...»
(стр. 134)

ОЗ, Изд. 1850 г. — 7—8

И в душу мощно просятся
    Блистательные сны.

13—16

Дитя тысячеглавое,
    Не знает он, что в нем
Приветно-величавое
    Зажглось святым огнем;

Что жизни тайной жаждою
    Невольно жизнь полна;
Что над душою каждою
    Проносится весна.

«Еще весна, — как будто неземной...»
(стр. 134)

Изд. 1850 г. — 5—8

Полуодевшись, ветви предают
Лазурь небес, туман подернул тра́ву,
А я иду — и рад святому праву
Ходить — иду, и соловьи поют.

	13—14	А будет время: снова искупить Весна природу будет торопиться;
Остр. экз.	5—8	Между ветвей сквозит и там и тут, Еще скудна одежда на дубраве, А я иду и радуюсь, что вправе Ходить — иду, и соловьи поют.

«На заре ты ее не буди...»
(стр. 135)

«Москв.», Изд. 1850 г.	После ст. 12	И старалась понять темноту, Где свистал и урчал соловей; То на небе, то в звонком саду Билось сердце слышнее у ней.

Весенние мысли
(стр. 137)

«Москв.»	5—8	Снова сердца слышнее биенья, И опять так хотелось бы жить... За такие, о друг мой, мгновенья Как нам жизни за жизнь не любить?

Первый ландыш
(стр. 138)

ОЗ, Автограф	9—12	Так дева в первый раз вздыхает, О чем — не ведая еще, И в первый раз благоухает Ее блестящее плечо.

«Всю ночь гремел овраг соседний...»
(стр. 141)

Автограф

С зари гремел овраг соседний,
Ночь раззвездилась, как в раю,
Весенних вод напор последний
Победу разглашал свою.

Воздушной негой утомленный,
Сном благодатным ты дышал,
Меня ж от ставни отворенной
Крик журавлей не отпускал.

Он звал, сулил, — былою ложью
До боли сердце шевеля,
И подо мной весенней дрожью
Ходила гулкая земля.

Куда лететь мечтою жадной?
К чему мгновенный сей недуг,
Когда ты здесь, мой ненаглядный,
Бедами искушенный друг.

«Зреет рожь над жаркой нивой...»
(стр. 147)

Автограф	5—8	В полном блеске дня — над югом Серп серебряный заметен. Разбежавшись полукругом, Долго запад разноцветен.

«Ты видишь, за спиной косцов...»
(стр. 148)

РВ, Автограф 1-й вар.	1—4	Ты видишь, за спиной косцов Сверкнула сталь в закате ярком, И поздний дым от их котлов Упитан праздничным приварком.
Автограф 2-й вар.	1—4	Ты видишь, за спиной косцов Сверкнула сталь лучом багровым, И поздний пар от их котлов Упитан ужином здоровым.

«Непогода — осень — куришь...»
(стр. 149)

Изд. 1850 г.	После ст. 16	Но болезненно-тревожна Принужденная дремота, — Точно в комнате соседней Учат азбуке кого-то, Или — кто их знает? — где-то, В кабинете или в зале, С писком, визгом пляшут крысы В худо запертом рояле.
Остр. экз.	Вместо строфы 6 первонач. ред.	Или рыжая соседка Безвозмездно — неизбежно На разбитом фортопьяно Гаммы пробует прилежно.

«На пажитях немых люблю в мороз трескучий...»
(стр. 154)

«Москв.», Изд. 1850 г.		Я русский, я люблю молчанье дали мразной, Под пологом снегов как смерть однообразной, Леса под шапками иль в инее седом, Да речку звонкую под темно-синим льдом. Ка́к любят находить задумчивые взоры Завеянные рвы, навеянные горы, Былинки сонные — иль средь нагих полей, Где холм причудливый, как некий мавзолей, Изваян полночью, — круженье вихрей дальных И блеск торжественный при звуках погребальных!

«Ночь светла, мороз сияет...»
(стр. 157)

Изд. 1850 г. — После ст. 8

И летучею ездою
Зимней ночью при луне
Я душе твоей раскрою
Всё, что ясно будет мне!

Остр. экз. — После ст. 8

В вихорь пыли своевольно
Злая пара унесет,
тройка
И рука твоя невольно
Крепче руку мне сожмет.

«На двойном стекле узоры...»
(стр. 157)

Изд. 1850 г. — 17—20

Но люблю я утомленье
Это созерцать:
. . . .
. . . .

В торжестве успокоенья
Светлой красоты,
Без улыбки, без движенья,
Мне понятна ты.

Остр. экз. — После ст. 16

Этот мир души прекрасной
На твоем челе,
Как дыханье ночи ясной
На двойном стекле.

«Какая грусть! Конец аллеи...»
(стр. 160)

Автограф 1-я ред.

Ты здесь грустишь. Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,
В степи все гладко, все бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

А там, в столицах, суетятся, —
Толпа прошла, толпа валит,
И кони фыркают и мчатся,
Швыряя снег из-под копыт.

Там ночи северной и вьюжной
Счастливцам злоба не страшна.
Хор замер. Над дубравой южной
Восходит южная луна.

И переполненный святыней,
В кругу жрецов и чистых дев,
Пред целомудренной богиней
Звучит молитвенный напев.

А здесь? — Но блеск однообразный
Былые раздражает сны, —
И вижу я ковер алмазный
К нам подступающей весны.

Но все надеждой сердце бьется —
Быть может, вновь, хоть невзначай,
Мне как изгнаннику придется
Увидеть заповедный рай,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

«Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...»
(стр. 163)

«Москв.», Изд. 1850 г. 14
Что ж? обернись, погляди!..

«Полно смеяться! что это с вами?..»
(стр. 163)

«Москв.», Изд. 1850 г. 1—4
«Слушай одна ты, — нам не годится».
Мертвая тишь!..
Только и слышно, чуть шевелится
Резвая мышь.

«Перекресток, где ракитка...»
(стр. 166)

«Москв.», Изд. 1850 г. После ст. 8
И ответ, как голос рока,
Прозвучит врасплох:
Телогрейку им высоко
Приподнимет вздох.

Остр. экз. После ст. 8
Что-то снится, что сдается
Деве молодой?
Кто — и как-то отзовется
Он в тиши ночной?

«Тихая, звездная ночь...»
(стр. 167)

«Москв.», Изд. 1850 г. 5—8
Дева — радость любви!
Звезды что очи твои;
В небе луна и в воде,
Будто печаль и любовь.

«Я полон дум, когда, закрывши вежды...»
(стр. 168)

«Москв.», Изд. 1850 г.	9—12	Я жду тебя под сладкий шум фонтана, И, потопя Туда глаза, где крадется Диана, — Я жду тебя.

«Теплым ветром потянуло...»
(стр. 170)

«Москв.», Изд. 1850 г.	9 13—16	Только хор свой огибает Да и тот задремлет чутко, Не усну лишь я: Огонек блеснул: малютка, Верно, ждет меня.
Остр. экз.	13—16	Да и тот задремлет чутко В темном шалаше. Кто-то крикнул. Верно, утка В сонном камыше.

«Полунóчные образы реют...»
(стр. 171)

ОЗ, Изд. 1850 г.	11—12	Я боюся, они мне откроют, Что я сам их призыв произнес.

«Улыбка томительной скуки...»
(стр. 172)

ОЗ, Изд. 1850 г.	После ст. 12	Под сладостный голос родного В заветной святыне раздумья Так много трепещет былого И молит у сердца безумья; Но едкие слезы разлуки Душевной не уняли жажды — Вы, полные, сладкие звуки, Знать, сердцу не слушать их дважды!

Серенада
(стр. 173)

Изд. 1850 г.	После ст. 12	Так легко и так привольно, Страсти укротя, В сердце вымолвишь невольно: Спи, мое дитя!
Остр. экз.	После ст. 12	Как струна ручей трепещет, Зыбь во мглу катя; Полный месяц в окна блещет — Спи, мое дитя!

«За кормою струйки вьются...»
(стр. 174)

«Москв.», Изд. 1850 г.	9—12	Поневоле песни льются: Ты с гитарою в руке, —

И далеко раздаются
Звуки «Нормы» по реке.

Фантазия
(стр. 174)

Изд. 1850 г.	5—8	Что ж молчим мы? Или самовластно Царство тихой, светлой ночи майской? Иль поет и ярко так и страстно Соловей над розою китайской? Знать, цветы, которых нет заветней, Распустились в неге своевольной? Знать, и кактус побелел столетний, И банан, и лотос богомольный?

«Как мошки зарею...»
(стр. 177)

ОЗ, Изд. 1850 г.	8	Далёко, как выстрел вечерний.

«Спи — еще зарею...»
(стр. 177)

Изд. 1850 г.	После ст. 12	Скоро вспыхнут тучки, Горы и потоки, А у бледной ручки Молодые щеки.
Остр. экз.	После ст. 12	День придет — не спросит, А войдет без спросу И твою разбросит Золотую косу.

Бал
(стр. 182)

Автограф	5—8	И как зари румянец дальный Иль страстный лепет в полусне, Под ропот струн и говор бальный Минутный блеск отраден мне.

«Свеча нагорела. Портреты в тени...»
(стр. 184)

Автограф	После ст. 12	Схитрит пред старушкой: «Нельзя вот назвать Прекрасной дочь, — а хорошенькой» — И как мне теперь через сад пробежать В тени, одной-одинешенькой!

«Что ты, голубчик, задумчив сидишь...»
(стр. 186)

Автограф	3—4	То омрачишься, как в ветер река, То улыбнешься, как в люльке дитя.

«Гаснет заря в забытьи, в полусне...»
(стр. 199)

Список	3—4	Слух я и ум понапрасну тружу, «Знаю, ах, знаю», — тебе я твержу.

«Ночью как-то вольнее дышать мне...»
(стр. 207)

ОЗ, Изд. 1850 г.	20—22	Что бы проплыть тому облаку мимо! На что ему месяц?.. Знать, уж так до́лжно, знать, предназначено было.

«Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый...»
(стр. 209)

Изд. 1850 г.	17—18	Так, посвящая всё больше и больше пытливую душу, Ночь научает ее мир созерцать и себя.
Остр. экз.	17—18	Если дано человеку увидеть Психею нагую, Верю — доступней всего дева в подобную ночь.

«Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потемках...»
(стр. 210)

Изд. 1850 г.	6—7	Черные группы деля, зыбким находит лучом Все промежутки — и вниз ее золоченые стрелы

«Летний вечер тих и ясен...»
(стр. 210)

Изд. 1850 г.	После ст. 8	Да оставь окно в покое, Подожди еще немножко — Я не знаю, что такое, — Полетел бы из окошка!

«Шепот, робкое дыханье...»
(стр. 211)

«Москв.»	1	Шепот сердца, уст дыханье,
	9—10	Бледный блеск и пурпур розы, Речь — не говоря,

Колокольчик
(стр. 214)

Автограф	9—12	Или этот белоснежный С голубым, глубоким дном, Что висит на змейке нежной У тычинки под окном.

«Сегодня все звезды так пышно...»
(стр. 215)

«Ледоход» 1-я ред.		Сегодня все звезды так пышно Полны голубого огня, А ты, ты проходишь неслышно И словно не видишь меня.

Но, верно, недаром так страстно
Хотел на тебя я взглянуть,
И сладкой мечтой не напрасно
Моя согревалася грудь.

Не спать мне, наверное, снова,
Всю ночь под окном просидеть
И жадно до света дневного
На крупные звезды глядеть.

2-я ред. 5—8
Недаром хотелось так страстно
Тебя увидать на мгновенье,
И теплой зари не напрасно
Я слышу в лицо дуновенье.

3-я ред. 1—8
Сегодня все звезды так пышно
Горели торжественным хором,
А ты промелькнула неслышно
С нарочно опущенным взором.

Зачем же всё в мире забыто
И меркнет на это мгновенье?
Недаром и теплой зари-то
Я слышу в лицо дуновенье.

РВ 5—8
Зачем же так громко, нестройно
Мне слышится сердца биенье,
И вдруг налетело так знойно
В лицо мне зари дуновенье?

«В златом сиянии лампады полусонной...»
(стр. 231)

ОЗ, Изд. 1850 г. После ст. 6
Дивился молча я волшебной красоте,
А месяц медленно катился в высоте.

«Уснуло озеро; безмолвен черный лес...»
(стр. 231)

Изд. 1850 г. 7—8
Лишь карпия порой плеснет у тростников,
Оставя резвый круг сребра на влаге гладкой.

12
Пусть шильник водяной русалки колыхают.

Даки
(стр. 236)

Автограф 27—30
Зачем развратников с холодною душой,
Злодеев ты почтил иль дружбой, иль враждой?

Рукоплескания твоим тяжелым мукам
Они передадут как дар законный внукам.

После ст. 34
Напрасно в простоте младенческой своей
Спасать он двинется народы иль царей, —

Мечи изменятся, изменится арена,
Но всюду ждет бойца жестокая измена.

Вечер у взморья
(стр. 241)

Автограф 7—12

Посинели неба своды.
Успоконлися воды,
Встали тени-великаны,
Закурилися поляны.
Пастухи готовят ужин.
Утомленным отдых нужен.

Буря
(стр. 244)

Автограф 9—12

Как будто страшный дух морской,
Во мгле возникнув из зыбей,
Всеоживляющей своей
Повеял ризой надо мной.

Море и звезды
(стр. 246)

Автограф 1-я ред.

На море ночное мы оба глядели.
Под нами скала обрывалася бездной,
Вдали затихавшие волны белели,
А ночь красотой одевалася звездной.

Бросаясь навстречу движенья двойного,
Мечта отвергала недвижную сушу,
И с моря ночного и с неба ночного
Целебною силою веяло в душу.

Земные утраты, гнетущее горе,
По-своему каждый, мы оба забыли:
Казалось, меня убаюкало море,
Казалося, звезды тебя победили.

«Не ворчи, мой кот-мурлыка. . .»
(стр. 249)

Изд. 1850 г. После ст. 8

У соседа ненароком
Я сказал ей слова три
О прекрасном, о высоком —
Скука — хоть умри!

Неотвязчивая вьюга
Разыгралася в трубе. . .
От двоякого недуга
Так не по себе.

Не ворчи же, кот-мурлыка,
В неподвижном полусне;
Без тебя темно и дико
В нашей стороне.

Венеция ночью
(стр. 250)

Изд. 1856 г., Изд. 1863 г.	1—2	Всплески волн сверкают ярко, Ударяясь о гранит

«Полно спать: тебе две розы. . .»
(стр. 250)

Изд. 1850 г.	5—6	Дрожь в руках: твои угрозы Помню я; но дремлешь ты,

«Я знал ее малюткою кудрявой. . .»
(стр. 252)

Остр. экз.	7—8 и 19—20	И на челе высокого служенья Таинственно покоилась печать.

На Днепре в половодье
(стр. 258)

Автограф	После ст. 28	Остался б здесь дышать, смотреть и слушать век, Парить по воздуху, как та парит орлица, И так досадно мне: зачем я человек, Не эта царственная птица. И я с унынием задумался, когда Стал кровли различать градских домов и башен. Быть может, в первый раз мир скуки и труда Мне так противен был и страшен.

Старый парк
(стр. 265)

Автограф	25—28	Как чайка, парус там белеет. Мнится мне — Последний мой порыв он, потонув, погубит, — И всё мне кажется, что в дальней стороне Никто понять тебя не может — и не любит.

«Теплый ветер тихо веет. . .»
(стр. 267)

ОЗ	После ст. 12	С думой легкой, с думой страстной Я гляжу на дальний путь, — И надеждою напрасной Молодая млеет грудь.

«Какие-то носятся звуки. . .»
(стр. 270)

«Москв.»	После ст. 4	Ведь годы ж прошли? И тогда-то Душа не изведала страсти. . . Что ж сердце болезненно сжато Влияньем неведомой власти?

Ивы и березы
(стр. 273)

ОЗ	9—16	Я слышал песню Дездемоны, Любил Офелиин конец — И помню роковые стоны, И помню ивовый венец. С равнины юга отдаленной Я видел странником одним Листочек ивы занесенный У сердца бережно храним. Но ива та не дочь востока, Хоть солнцем юга рождена, А издалека, издалека На север в дар принесена. Над ней весь день пылает пламень. Над ней, решеткой обнесен, Лежит плитой горючий камень — На нем черты: Наполеон.
«Совр.», «Для легкого чтения»	После ст. 4	Зато под оскудевшим солнцем Осенней, позднею порой Их каждый лист блестит червонцем Над серебристою корой.
	После ст. 8	Любовник горя и кручины, Знать, тайну грусти разгадал: Деревья те не без причины Народ плакучими прозвал.

«Был чудный майский день в Москве...»
(стр. 277)

Автограф	29—32	Парила, чистый серафим, Влетая в жизнь иную, Покинув грустную, в слезах Семью свою земную.

«В леса безлюдной стороны...»
(стр. 278)

Автограф	После ст. 8	Светла! — и всё равно когда Блаженства луч тебя отметит; Так полуночная звезда Незамечаемая светит.

«Только станет смеркаться немножко...»
(стр. 279)

БдЧ, Автограф	5—8	Потушу перед зеркалом свечи, Я камин растоплю добела, Стану слушать веселые речи, Без которых мне жизнь не мила.

«Я был опять в саду твоем...»
(стр. 280)

Автограф 13—16

Но отчего у той скамьи,
Где ты в последний раз сидела,
Все силы дрогнули мои
И птичка сладостно запела?

Грезы
(стр. 281)

Автограф 1—8

Мне снился сон. Лежу я бездыханен,
И чуткий мрак стоит вокруг меня.
Но то не ночь, а день — и как-то странен
Безмолвный сон таинственного дня.

Как будто все уснуло во вселенной,
Лишь колокол, раздувшись в вышине,
Поет один, и в гроб уединенный
За звуком звук доносится ко мне.

Георгины
(стр. 284)

Автограф 9—12

Казалось, счастьем безупречным
Они навек одарены, —
А ныне холодом полночным
Они стоят опалены.

1-й вар. 13—16

Но, вея гордою свободой,
Как бы лепечут их листы:
«Живи, враждуя с непогодой,
А мы погибнем как цветы!»

2-й вар. 13—16

Но и утратя блеск волшебный,
Как бы лепечут их листы:
«Живи под бурею враждебной,
А мы погибнем как цветы!»

Осенью
(стр. 288)

Автограф После ст. 4

Когда немая тайна внятно
К нам в душу просится сама,
И так близка и так понятна
Пред нами вечность и зима

«Блеском вечерним овеяны горы...»
(стр. 293)

РВ, Автограф После ст. 4

Грудь истомилась от дальной дороги,
Кости изныли и члены сомлели,
Уж донесите, усталые ноги,
Близок ваш отдых на мягкой постели!

Автограф 9—12

Кто же мне шепчет коварным смутьяном·
«В милую дверь постучишь ли удачно?

Что, если там, в этом мире румяном,
Станет, как здесь же, и сыро и мрачно?»

«Напрасно! ..»
(стр. 293)

«Москв.» 1—5

Мне грустно!
Куда ни пойду я — встречаю везде неудачу,
И тягостно сердцу, что лгать я обязан изустно —
Тебе улыбаюсь, но внутренно горько я плачу.
Мне грустно.

16—20

Не нами
Болезненным чувством речам установлены цены:
Те прожиты чувства, те сказаны речи веками...
Но очередь наша, и кончатся грустные смены
Не нами.

Автограф 1—5

Мне стыдно!
Куда ни пойду я, встречаю везде неудачу,
И пылкому сердцу во лжи сознаваться обидно.
Тебе улыбаюсь, а внутренно горько я плачу.
Мне стыдно.

Купальщица
(стр. 294)

БдЧ 10 Вся дрожью легкою объята и невольной.

12 Упругие листы у розы центифольной.

Тополь
(стр. 296)

РС 5—6

Лишь ты один, со смертью общей споря,
Темно-зеленый тополь, не увял

«Только встречу улыбку твою...»
(стр. 296)

Автограф 5—8

Говорят, золотая моя,
Будто к розе немой без ответа
Вся весенняя страсть соловья —
Только вымысл безумный поэта.

Но над первою розой весны,
В жемчугах уходящего мая,
Так росисты полночные сны,
Так раскатиста песнь заревая!

Алмаз
(стр. 318)

Изд. 1894 г. 5—8

Нет! За прозрачность отраженья,
За непреклонность до конца
Ты призван разрушать косненья
И с высоты сиять венца.

Графине С. А. Толстой («Когда так нежно расточала. . .»)
(стр. 349)

Автограф 1-я ред. 1—4

Когда случайно мне, бывало,
Привет свой кинешь наизусть,
Ты на минуту восторгала
Мою рассеянную грусть.

2-я ред. 1—4

Когда так ласково кидала
Привет очей своих мне ты,
Хотя на миг спугнешь, бывало,
Мои угрюмые мечты.

На юбилей А. Н. Майкова («Пятьдесят лебедей пронесли. . .»)
(стр. 360)

«Ледоход» 1-я ред. 9—16

Воспевать я того не берусь,
Кто челом преклониться заставил:
Полстолетья на целую Русь
Сам себя, вдохновенный, прославил.

Хоть не вечно земному и жить,
Хоть во прахе нас скоро забудут,
Но его в небесах уносить
Лебединые крылья всё будут.

Моя Ундина
(стр. 406)

«Москв.» После ст. 8

Мала чуть-чуть,
Немножко,
Но что за грудь,
За ножка.

«Безмолвные поля оделись темнотою. . .»
(стр. 412)

«Подземные ключи» После ст. 10

Всё сном упоено.
Ужель одной печали
В душе томящейся уснуть не суждено?..

«Рассказывал я много глупых снов. . .»
(стр. 424)

Остр. экз. 9—14

Я сам в груди ревниво затаил
От зорких глаз невольный сердца пыл,
Когда, скользя вдоль по равнине водной,
Куда-то мчал нас шумный пароход

И, забавляя чуждый мне народ,
Плохой оркестр сыграл наш гимн народный.

Последнее слово
(стр. 433)

Автограф — Перед ст. 1

Восстань, пророк, и препояшься снова,
Иди ты в путь, которым прежде шел,
Последнее мое поведай слово
И грозный мой им возвести глагол.

Аполлон Бельведерский
(стр. 474)

Автограф — 13—16

Твой юный лик торжествен и могуч.
Он весь в огне живительном и резком.
Так солнца диск, раздвинув сумрак туч,
Блестит в глаза невыносимым блеском.

«Лесом мы шли по тропинке единственной...»
(стр. 475)

Автограф — После ст. 8

Арфа, ты арфа моя тихострунная,
Ветер и бурю терпи!
Светит ли день или ночь полнолунная,
Спи.

Нельзя
(стр. 475)

Автограф — 1—4

Проснулся день. Светло, широ́ко
На землю луч его летит,
И все, что только видит око,
Земного путника манит.

«Ты прав: мы старимся. Зима недалека...»
(стр. 479)

Автограф — После ст. 16

От ложа нашего не отреклась любовь
С роями грез и вдохновенья,
Сердца еще полны при хохоте глупцов
Великодушного презренья.

«Нетленностью божественной одеты...»
(стр. 481)

Автограф — 17—20

В годину смут, мечей внимая звуку,
Я на тебя смотрю.
Поэт-мудрец, ты смело подал руку
Герою и царю.

Тургеневу («Из мачт и паруса — как честно он служил...»)
(стр. 483)

Автограф — 5—8

Тебя пригрел чужой денницы яркий луч,
До нас твой вздох не долетает. —
В телесных недугах животворящий ключ
Тебе и душу освежает.

«Хотя по-прежнему зеваю. . .»
(стр. 485)

Автограф	После ст. 28	Пришлец с Олимпа, вестью новой Меня утешь. Опять покроет лоск багровый Поэта плешь.

Талисман
(стр. 555)

«Москв.»	Строфа 24, 7—8	Тревожит луч мне язвы старых ран, И помню я могучий талисман.

Сон
(стр. 562)

Автограф	Строфа 16, 6—8	Отрадное, прекрасное виденье. Твою улыбку, нежное созданье, Хранит такой мое воспоминанье.
	Строфа 17	«О, дай мне руку, друг моей души!» И мне она, поднявши перст лилейный, «Теперь волненье сердца утиши», — Сказала кротко речью тиховейной. И я умолк — и в глубь моей души Стал проникать восторг благоговейный. Уста ль ее слова произносили Иль мне глаза их в душу доносили?
	Строфа 18, 7—8	Лишь солнце греет. Солнцем над тобою Нельзя мне быть. Пусть буду я луною.
	Строфа 21	«Но дальше — дальше темный сон унес Блаженство. В час невыносимой муки Я Варю обняла. Она от слез Едва дыша, мне целовала руки. «Не умирай! Среди житейских гроз Не покидай меня, — молили звуки. — Лишь он один — кем сердце втайне дышит, Но он меня не знает и не слышит». Теперь ты понял все. Не омрачи Последнего свиданья малодушно. Она страдает. Каждый год врачи Её шлют нá воды. Она послушно Стакан свой топит в шумные ключи. Но ты ее спасешь великодушно. Ее ты в жизни скоро, скоро встретишь И в этот раз, поверь, уже заметишь».

Лида
(стр. 671)

Автограф	1—2	Лицо мое горит от солнечного зною И ноги белые исколоты травою.

8 В какой свои стада пасешь ты стороне?

13—16 О нежный отрок мой, узнай, с какою силой
Мне в сердце врезался твой облик вечно милый!
Прекрасное дитя, к тебе мечты манят,
Твой деву робкую напоминает взгляд.

23—24 А детских щек твоих небесный этот жар
Единственно моих лобзаний будет дар.

38—39 Играет отрока; другая же спешит
Ласкать шелковый пух младенческих ланит.

44 Встречал ли ты в борьбе победу меж друзьями.

49 Та, у которой мог таким ты народиться.

60—61 Иль тот, кто, зародясь, пленять богинь собою,
Из недра Мирры шел, одетого корою.

«Выйди, мать, наружу, посмотри на диво...»
(стр. 680)

Автограф 7—8 У всего на свете свой обычный срок —
И тебе, влюбленной, чудится цветок.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первый сборник стихотворений Фета «Лирический пантеон» вышел в 1840 г. Из этого сборника юношеских стихов Фет впоследствии почти ничего не перепечатывал. Первым собранием зрелых стихотворений Фета явилась книга «Стихотворения А. Фета», изданная в 1850 г.

Следующее издание стихотворений Фета было осуществлено в 1856 г. по инициативе И. С. Тургенева, который и проредактировал его при участии Некрасова, Дружинина, Л. Толстого и других писателей, близких к «Современнику». Наряду с новыми стихотворениями в это издание перешло около половины стихотворений, входивших в предыдущее издание; вторая половина была забракована, а из 95 стихотворений, перенесенных из издания 1850 г., 65 появилось в переделанном виде. Впоследствии Фет писал о подготовке этого издания: «Почти каждую неделю стали приходить ко мне письма с подчеркнутыми стихами и требованиями их исправлений. Там, где я несогласен был с желаемыми исправлениями, я ревностно отстаивал свой текст, но по пословице: «один в поле не воин» — вынужден был соглашаться с большинством, и издание из-под редакции Тургенева вышло настолько же очищенным, насколько и изувеченным» («Мои воспоминания», ч. 1. М., 1890, стр. 104—105).

Действительно, Тургенев исправлял Фета в высшей степени смело и радикально. Любимым приемом исправления оказалось исключение из стихотворений целых строф, при этом в особенности последних строф. В издании 1856 г. последние строфы отрезаны у 14 стихотворений. Нередко исправления, которых добивался Тургенев, стирали характерные особенности поэзии Фета.[1]

[1] Основным источником истории издания 1856 г. является в настоящее время так называемый «Остроуховский экземпляр» издания 1850 г., найденный после смерти Фета в его библиотеке и принадлежавший родственнику жены Фета, художнику И. С. Остроухову. Хранится в архиве Гос. Третьяковской галереи. Приступая к редактированию нового издания, Тургенев зачеркнул в этом экземпляре те стихотворения и строфы, которые считал недостойными включения в новое издание, и подчеркнул те слова и стихи, которые Фет должен был заменить новыми. Фет тут же на полях дал варианты, иногда по нескольку вариантов — очевидно, на выбор редактора. Часть этих вариантов была принята Тургеневым и вошла в издание

Новое издание стихотворений Фета вышло в 1863 г. В нем тексты издания 1856 г. были перепечатаны почти без изменений и к ним добавлены новые стихотворения. Больше стихов 40-х — начала 60-х годов Фету переиздавать не пришлось, новые же стихи он издал в 1883 г. под названием «Вечерние огни. Собрание неизданных стихотворений А. Фета». Затем, в 1885, 1888 и 1891 гг. вышли еще три сборника новых стихов, все под тем же названием «Вечерние огни», с нумерацией выпусков от 2-го до 4-го.

Несмотря на то, что издание 1863 г., выпущенное в 2400 экземплярах, за тридцать лет не разошлось и «Вечерние огни», издававшиеся гораздо более скромными тиражами, расходились плохо, Фет в 1892 г., за несколько месяцев до смерти, занялся подготовкой итогового издания своих избранных произведений и составил план издания в виде списка стихотворений, расположенных по отделам.[1]

Этот план, не осуществленный в дореволюционных посмертных изданиях Фета, лег в основу как первого полного собрания стихотворений Фета с критически проверенным текстом и примечаниями, вышедшего под нашей редакцией в Большой серии «Библиотеки поэта» в 1937 г., так и предлагаемого издания.[2]

Настоящее собрание является полным собранием оригинальных стихотворных произведений Фета; из переводов же, сделанных Фетом, включены лишь избранные. Фет перевел почти всех римских поэтов, притом полными собраниями стихотворений, переводил произведения такого крупного объема, как «Фауст» Гете; очевидно, полностью стихотворные переводы Фета могли бы войти лишь в академическое собрание его сочинений. В настоящем же собрании переводы даны выборочно: включены те переводы лирических стихотворений, которые вошли в список 1892 г.; переводы же произведений крупного объема, даже вошедшие в список 1892 г. («Герман и Доротея» Гете, «Семела» Шиллера, «Дюпон и Дюран» Мюссе), не включены в наше издание.

План Фета лег и в основу композиции настоящего сборника. В соответствии с этим планом выделены разделы стихотворений, поэм и переводов. При этом стихотворения разбиты на две группы: «Основное собрание», т. е. стихотворения, включенные в список 1892 г.,[3] и «Стихотворения, не вошедшие в основное собрание», т. е.

1856 г., часть была отвергнута, и потребовались новые варианты, — но дальнейшие стадии работы уже не отражены в Остроуховском экземпляре.

[1] Этот список хранится в рукописном отделе Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Подробнее о нем см. в нашей статье «Судьба литературного наследства А. А. Фета. Обзор». — «Литературное наследство», кн. 22—24. М., 1935 (в дальнейших ссылках — Обзор), стр. 582—583.

[2] Подробная история изданий Фета, прижизненных и посмертных, дана нами в Обзоре, стр. 561—592. Список изданий Фета см. в настоящем издании в указателе сокращений (стр. 714).

[3] Мы включили в этот отдел еще два стихотворения, написанные после составления списка («Барашков буря шлет своих...» и «Тяжело в ночной тиши...»), исходя из того, что поздние стихотворения Фет включал в список почти без выбора.

в список 1892 г. В «Основном собрании» стихи расположены в последовательности списка 1892 г., где они распределены по пятнадцати отделам — частью тематического, частью жанрового характера Бо́льшая часть этих разделов имеется уже в издании 1850 г. и сохранена в последующих изданиях, где новые стихотворения распределялись между прежними отделами. Мы допустили лишь одно отклонение от списка 1892 г.: перемещены отделы «Разные стихотворения» и «Послания, посвящения и стихотворения на случай». Дело в том, что последний отдел стоит частью уже на грани между художественным творчеством и «бытовой» литературой (письма, поздравления) в стихотворной форме. Многие стихотворения включены в этот отдел по личным, а не по художественным мотивам; например, по поводу стихотворения «Королеве эллинов Ольге Константиновне» («Когда-то Ольга душу живу...») Фет писал К. Р. (брату королевы, великому князю Константину Константиновичу, подписывавшему свои стихи этими буквами): «Не будь это стихотворение формально посвящено королеве и не получи я за него высочайшей награды в виде телеграммы, я бы мог просто устранить это стихотворение из сборника как неудачное» (письмо от 10 августа 1891 г.). Таким образом, этот отдел, по крайней мере часть его, уместно трактовать как приложение к основному корпусу произведений Фета. Поэтому мы перенесли его в конец «Основного собрания».

«Стихотворения, не вошедшие в основное собрание» расположены в хронологическом порядке (с выделением первого сборника Фета «Лирический пантеон» и отдела «домашних» стихотворений, надписей, отрывков и т. п.).

Все произведения Фета, вошедшие в настоящее собрание, печатаются по последним прижизненным публикациям, с исправлениями опечаток по всем существующим печатным и рукописным источникам. Произведения, впервые опубликованные посмертно или впервые публикуемые в настоящем собрании, печатаются по последнему автографу или авторизованному списку. При отсутствии рукописных источников, произведения, опубликованные посмертно, печатаются по первой или наиболее исправной публикации.

Таким образом, текстологическая проблема решена в настоящем издании не так, как в «Полном собрании стихотворений» Фета 1937 г., где часть стихотворений (около сорока) была напечатана не в последних, а в ранних редакциях. Это было попыткой разрешить проблему «тургеневских исправлений», давно уже поставленную в специальной литературе.[1]

В издании 1937 г. эта проблема была решена таким образом:

---

[1] Ю. А. Никольский. Материалы по Фету. I. Исправления Тургеневым фетовских «Стихотворений» 1850 г. — «Русская мысль», 1921, кн. 8—9, стр. 211—227 и кн. 10—12, стр. 248—262; Д. Д. Благой. Из прошлого русской литературы. Тургенев — редактор Фета. — «Печать и революция», 1923, кн. 3, стр. 45—64; Н. П. Колпакова. Из истории фетовского текста. — «Поэтика», III. Л., 1927, стр. 168—187; Б. Я. Бухштаб. Судьба литературного наследства А. А. Фета. Обзор. — «Литературное наследство», кн. 22—24. М, 1935, стр. 564—579.

«...положив в основу принцип последнего прижизненного текста, отступать от этого принципа в тех случаях, когда последние редакции либо заведомо не принадлежат Фету — как редакции с исключенными Тургеневым строфами, либо хотя и даны самим Фетом, но разрушают композицию, тематику, фонетический, ритмический, лексический или семантический строй стихотворения». [1]

В настоящем издании мы отказались от такого подхода, так как он не обеспечивает вполне объективных результатов. Поправки, ухудшающие стихотворение с точки зрения мелодики стиха, могут улучшать его со стороны образности и т. п.: в выборе неизбежно скажется вкус редактора. Что касается авторской воли, надо учесть, что Фет после издания 1856 г. напечатал свои ранние стихи еще раз — в издании 1863 г. Кое-какие возвращения к изданию 1850 г. здесь есть, но минимальные: восстановлены две исключенные Тургеневым строфы и одно забракованное им стихотворение. Подготовляя новое издание своих стихотворений в 1892 г., Фет явно не собирался возвращаться к отвергнутым Тургеневым редакциям стихотворений.

По всем этим основаниям мы придерживаемся в настоящем издании принципа печатания всех произведений по последнему прижизненному тексту. Откинутые строфы и резко отличные от окончательных варианты приводятся в отделе «Ранние редакции и варианты». Следует указать, что в настоящем издании дано меньше вариантов, чем в издании 1937 г.; соответственно и в примечаниях к отдельным стихотворениям история текста разработана менее детально.

Имена лиц в заглавиях стихотворений в сборниках Фета даны по-разному: иногда только инициалы и первые и последние буквы фамилии, иногда только фамилия, иногда имя, отчество и фамилия, иногда с прибавлением титула («Его императорскому высочеству» и т. п.), иногда без титула. Бывает, что одно и то же лицо в разных сборниках обозначено по-разному; несомненно, поставив рядом в списке 1892 г. (в отделе «Послания...») стихотворения, относящиеся к одному лицу, Фет должен был бы при осуществлении издания унифицировать обозначения имен. Мы обозначаем адресатов инициалами и фамилией, а не носивших фамилии званием («Великому князю» и т. п.), именем и отчеством, указывая в комментарии заглавия, под которыми стихотворения печатались в прижизненных изданиях. Имена, обозначенные в сборниках Фета инициалами и криптонимами, расшифрованы в основном Н. Н. Страховым и К. Р. в редактированном ими издании 1894 г.

Даты написания стихотворений указываются под каждым стихотворением. Предположительный характер датировки обозначается вопросительным знаком после даты. Даты в угловых скобках обозначают год напечатания произведения или наиболее поздний год, к которому оно может относиться. Для произведений, напечатанных в первых годовых номерах журналов, наиболее поздним годом считается год напечатания или предыдущий год — в зависимости от даты цензурного разрешения журнального номера. В примечаниях

---

[1] А. А. Фет. Полное собрание стихотворений. Л., 1937, стр. 677.

мотивируются те даты, которые не взяты из источников текста или неясны из контекста комментария.

Приведем здесь некоторые общие указания, касающиеся датировок стихотворений Фета.

Стихотворения, печатавшиеся в журналах в 1842 г. (может быть, и в 1843 г.), несомненно, написаны частью в 1840 и 1841 гг., так как в эти два года Фет много писал, но не имел возможности печататься, а с начала 1842 г. стал печатать стихи уже подобранными циклами.

Стихотворения, не печатавшиеся в журналах и впервые появившиеся в издании 1850 г., в огромном большинстве можно датировать периодом 1845—1847 гг. Дата цензурного разрешения этого издания — 14 декабря 1847 г. До 1845 г. Фет, завязавший тесные отношения с «Москвитянином» и «Отечественными записками», печатал свои стихотворения в этих журналах; с этого года, отрезанный от столиц, он почти совершенно перестал печататься, и накопившиеся за три года стихотворения были впервые опубликованы в издании 1850 г.

Стихотворения, печатавшиеся в журналах в 1854 г. (может быть, и в 1855), написаны частично в период 1847—1853 гг., когда Фет почти совершенно не сотрудничал в журналах.

Стихотворения, впервые напечатанные во 2-м выпуске «Вечерних огней», относятся в огромном большинстве к 1883—1884 гг., в 3-м выпуске — к 1885—1887 гг., в 4-м выпуске — к 1887 (с октября) — 1890 гг., в издании 1894 г. — к 1890 (с ноября) — 1892 гг.[1]

В примечаниях дается библиографическая справка о первой публикации каждого произведения; за ней идут сведения о тех прижизненных публикациях, в которых текст произведения подвергался изменениям, — вплоть до того издания, в котором текст приобрел окончательный вид. После этого дается полный перечень тех прижизненных изданий, в которые произведение включено без изменений по сравнению с предыдущей публикацией (по формуле: «Включено в изд. 1856 и 1863 гг.» и т. п.). Посмертные перепечатки не указываются. Включение (точнее — невключение) в список 1892 г. указывается только для поэм, так как для остальных отделов включение или невключение в этот список является принципом, конструирующим отдел.

Указываются автографы и авторизованные списки стихотворений; они даются с обозначением их местонахождения, кроме наиболее часто цитируемых: тетрадей I и II, содержащих автографы и списки стихотворений Фета за 1854—1885 гг. (Архив Пушкинского дома), переписки Фета с Я. П. Полонским и с К. Р. (там же), писем Фета к Л. Н. Толстому (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина), писем Фета к Н. Н. Страхову (там же).[2] Ука-

---

[1] К «Полному собранию стихотворений» Фета 1901 и 1910 гг. приложен «Хронологический указатель», составленный редактором этих изданий Б. В. Никольским. Он точен только за годы 1885—1892. Даты стихотворений этих лет восходят к не дошедшим до нас тетрадям. О шаткости датировок этого указателя за предыдущие годы — см. Обзор, стр. 601—602.

[2] О рукописных фондах по Фету и его эпистолярном наследии см. Обзор, стр. 601—602.

зание типа «Автограф в ГБЛ», «Автограф в ЦГАЛИ» обозначает автограф, написанный на отдельном листе.

В примечаниях даются также сведения по истории текста, мотивировки дат, необходимые пояснения биографического, реального, словарного характера, приводятся отзывы современников и позднейшей критики и т. п.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Издания Фета

ЛП — Лирический пантеон. А. Ф. М., 1840.
Изд. 1850 г. — Стихотворения А. Фета. М., 1850.
Изд. 1856 г. — Стихотворения А. А. Фета. СПб., 1856.
Изд. 1863 г. — Стихотворения А. А. Фета. 2 части. М., К. Солдатенков, 1863.
ВО 1 — Вечерние огни. Собрание неизданных стихотворений А. Фета. М., 1883.
ВО 2 — Вечерние огни. Выпуск второй неизданных стихотворений А. Фета. М., 1885.
ВО 3 — Вечерние огни. Выпуск третий неизданных стихотворений А. Фета. М., 1888.
ВО 4 — Вечерние огни. Выпуск четвертый неизданных стихотворений А. Фета. М., 1891.
Изд. 1894 г. — Лирические стихотворения А. Фета. 2 части. СПб., 1894.
Изд. 1901 г. — Полное собрание стихотворений А. А. Фета. Под ред. Б. В. Никольского. 3 тома. СПб., А. Ф. Маркс, 1901.
Изд. 1910 г. — То же, изд. 2-е. СПб., А. Ф. Маркс, 1910.
Изд. 1912 г. — Полное собрание стихотворений А. А. Фета. Со вступит. статьями Н. Н. Страхова и Б. В. Никольского. 2 тома. СПб., А. Ф. Маркс, 1912 (Приложение к журналу «Нива»).
Изд. 1937 г. — А. А. Фет. Полное собрание стихотворений. Вступит. статья, ред. и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., «Советский писатель». 1937 («Библиотека поэта»).
«Мои восп.» — А. Фет. Мои воспоминания. 1848—1889. 2 ч. М., 1890.
«Ранние годы» — А. Фет. Ранние годы моей жизни. М., 1893.

Журналы

БдЧ — «Библиотека для чтения».
ВЕ — «Вестник Европы».
ЛГ — «Литературная газета».
МГЛ — «Московский городской листок».
«Москв.» — «Москвитянин».
ОЗ — «Отечественные записки».
РВ — «Русский вестник».
РиП — «Репертуар и Пантеон».

РО — «Русское обозрение».
РР — «Русская речь».
РС — «Русское слово».
«Совр.» — «Современник».

Архивохранилища

ГБЛ — Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГПБ — Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ПД — Пушкинский дом (Институт русской литературы) Академии наук СССР.
ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства.

Прочие сокращения

Изм. — Изменения.
Ст. — Стих.
Стих. — Стихотворение.
Тетр. I — Тетрадь I (1854—1859 гг. ПД).
Тетр. II — Тетрадь II (1859—1885 гг. ПД).
Тетр. ГБЛ — Тетрадь, служившая в основном для записи переводных произведений (1854—1860 гг. ГБЛ).
«Ледоход» — Б. Садовской. Ледоход. П., 1916 (здесь опубликован ряд вариантов стихотворений Фета по утраченным впоследствии тетрадям).
Обзор — Б. Бухштаб. Судьба литературного наследства А. А. Фета. Обзор. «Литературное наследство», кн. 22—24. М., 1935, стр. 561—602.
Остр. экз. — «Остроуховский» (т. е. принадлежавший И. С. Остроухову) экземпляр издания 1850 г. (Архив Третьяковской галереи).
Хрон. ук. — «Хронологический указатель», приложенный к изд. 1901 и 1910 гг.

СТИХОТВОРЕНИЯ (ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ)

ЭЛЕГИИ И ДУМЫ

«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...» (стр. 81). Впервые — ОЗ, 1844, № 12, стр. 137, под заглавием «Элегия». С изм. — МГЛ, 1847, № 177 (13 августа). Без этих изм., близко к тексту ОЗ — изд. 1850 г., стр. 78. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Стихотворение очень высоко оценивалось современниками: по словам А. В. Дружинина (1856), под этим стихотворением «имя Пушкина не возбудило бы никакого удивления в читателе» (Собр. соч., т. 7, СПб., 1865, стр. 121); В. П. Боткин (1857) называет его «превосходным стихотворением, в котором в сосредоточенных, ярких, опреде-

ленных и вместе воздушных чертах выразилось одно из самых сложных и неуловимых сердечных ощущений» (Сочинения, т. 2. СПб., 1891, стр. 377). На слова этого стихотворения написан известный романс С. В. Рахманинова «В молчаньи ночи тайной...»

«Когда мои мечты за гранью прошлых дней...» (стр. 81). Впервые — ОЗ, 1845, № 1, стр. 94, под заглавием «Элегия». С изм. — МГЛ, 1847, № 177 (13 августа). Без этих изм. по тексту ОЗ с одним исправлением — изд. 1850 г., стр. 78. С новыми изм. — изд. 1856 г., стр. 2. Включено в изд. 1863 г. Стихотворение взято эпиграфом к сборнику А Блока «За гранью прошлых дней» (Пб., 1920), в предисловии к которому Блок писал: «Заглавие книжки заимствовано из стихов Фета, которые некогда были для меня путеводной звездой». *Земля обетованная* (т. е. обещанная) — Палестина, в которую, по библейскому сказанию, бог, во исполнение древнего обещания, привел евреев из Египта.

«Когда мечтательно я предан тишине...» (стр. 82). Впервые — изд. 1850 г., стр. 79. С изм. — изд. 1856 г., стр. 3. Включено в изд. 1863 г. Точки в ст. 3 ранней редакции (см. варианты), вероятно, заменяют слово «ангелов», зачеркнутое цензором. *Аргус* (греч. миф.) — неусыпный стоокий страж, олицетворение звездного неба.

«Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...» (стр. 82). Впервые — изд. 1850 г., стр. 79. В новой редакции — изд. 1856 г., стр. 4. Включено в изд. 1863 г. Стихотворение переработано (см. варианты) по следующему указанию Тургенева на полях Остр. экз.: «Удивительно! Из этого стихотворения можно сделать прелесть, если начать тихой картиной ночи и кончить последним стихом: Я не пойду туда; но святость звездолюбивых дум — к чёрту!»

«Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...» (стр. 83). Впервые — изд. 1850 г., стр. 80. С изм. — изд. 1856 г., стр. 5. Включено в изд. 1863 г.

«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...» (стр. 84). Впервые — МГЛ, 1847, № 177 (13 августа), под заглавием «Б...й», с датой «1847. Июль. Елисаветград». С изм. — изд. 1850 г., стр. 82; изд. 1856 г., стр. 7. Включено в изд. 1863 г. Стихотворение посвящено елисаветградской помещице В. А. Безродной («Ранние годы», стр. 396—397. Здесь она названа Дородной; подлинная фамилия указана в статье Г. Блока «Фет и Бржеская» — «Начала», кн. 2, Пг., 1922, стр. 113).

«Ее не знает свет, — она еще ребенок...» (стр. 84). Впервые — изд. 1850 г., стр. 83. С изм. — изд. 1856 г., стр. 8. Включено в изд. 1863 г. Пометка Тургенева в Остр. экз. к ст. 4 (см. варианты): «Перем. — этот стих — как червяк на розе».

«Эх, шутка-молодость! Ка́к новый, ранний снег...» (стр. 85). Впервые — изд. 1850 г., стр. 83. С иным концом — изд. 1856 г., стр. 9. Включено в изд. 1863 г. В Остр. экз. Тургеневым зачеркнуты последние восемь стихов (см. варианты) и на полях написано: «Выкинуть, или, пожалуй, заменить».

«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...» (стр. 85). Впервые — изд. 1850 г., стр. 84. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Ап. Григорьев указал на несомненную близость элегии к манере Гете (в «Римских элегиях»): «Кто, кроме даровитого ученика Гете, мог написать подобное стихотворение?» (ОЗ, 1850, № 2, стр. 67).

«Тебе в молчании я простираю руку...» (стр. 86). Впервые — изд. 1850 г., стр. 85. Включено в ВО 3, в числе стихотворений, незаслуженно исключенных при подготовке изд. 1856 г.

«Не говори, мой друг: „Она меня забудет...“» (стр. 86). Впервые — ОЗ, 1854, № 8, стр. 337, под заглавием «Элегия». С изм. — изд. 1856 г., стр. 11. Включено в изд. 1863 г.

«Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..» (стр. 87). Впервые — ОЗ, 1854, № 8, стр. 339. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Автограф в тетр. I.

«Под небом Франции, среди столицы света...» (стр. 87). Впервые — «Совр.», 1857, № 1, стр. 6. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I, с зачеркнутой 4-й строфой. По месту в тетради и по содержанию стихотворение датируется пребыванием Фета в Париже (август — октябрь 1856 г.). Намек зачеркнутой строфы (см. варианты) относится к статье 33 коронационного манифеста 26 августа 1856 г., амнистировавшей «отлучившихся без узаконенных видов от жилищ своих или и вовсе из пределов отечества, когда ими не учинено никакого другого преступления». Конечно, Фет мог испытать «изгнанья жгучий яд» лишь в порядке бегства от революции. Боязнь революции и трактовал впоследствии как главную тему стихотворения критик «Русского слова» В. Зайцев в своей рецензии на изд. 1863 г. (В. А. Зайцев. Избр. соч., т. 1. М., 1934, стр. 107).

Смерти («Когда, измучен жаждой счастья...») (стр. 88). Впервые — РВ, 1857, июнь, кн. 2, стр. 601, с пометой «Рим». С изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 16. Автограф в тетр. I. Датируется пребыванием Фета в Риме (конец октября 1856 г. — начало января 1857 г.).

«Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...» (стр. 89). Впервые — РВ, 1857, октябрь, кн. 1, стр. 652. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

Одинокий дуб (стр. 89). Впервые — «Совр.», 1856, № 5, стр. 142. С изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 19. Два автографа в тетр. I.

Италия (стр. 90). Впервые — PC, 1859, № 1, стр. 81. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. По содержанию стихотворение предположительно датируется пребыванием Фета в Италии (1856—1857). *Сивилла* (греч. и римск.) — пророчица.

На развалинах цезарских палат (стр. 91). Впервые — PB, 1858, февраль, кн. 1, стр. 512. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Датируется, как и предыдущее. *Квирит* — римский гражданин.

«Пойду навстречу к ним знакомою тропою...» (стр. 92). Впервые — PC, 1859, № 3, стр. 173. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

Старые письма (стр. 93). Впервые — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 26. Автограф в тетр. I. Датируется предположительно по месту в тетради. 27 ноября 1859 г. Фет справлялся у Дружинина, в ту пору редактора «Библиотеки для чтения», почему не напечатаны «Старые письма» в этом журнале (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, стр. 345). Стихотворение связано с воспоминанием о Марии Козьминичне Лазич (1824—1850). О трагическом романе Фета и Лазич см. во вступительной статье, стр. 11—12.

«О нет, не стану звать утраченную радость...» (стр. 93). Впервые — БдЧ, 1857, № 5, стр. 4. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 27. Автограф в тетр. I.

«Окна в решетках, и сумрачны лица...» (стр. 94). Впервые — BO 1, стр. 3 (вне отделов, как вступительное стихотворение к сборнику).

«Не первый год у этих мест...» (стр. 95). Впервые — PB, 1864, № 3, стр. 138. Включено в BO 1. Автограф в тетр. II.

«Томительно-призывно и напрасно...» (стр. 95). Впервые — «Заря», 1871, № 3, стр. 32. Со значит. изм. — BO 1, стр. 8. Автограф в тетр. II.

«Ты отстрадала, я еще страдаю...» (стр. 96). Впервые — PP, 1879, № 5, стр. 78, под заглавием «Отошедшей». С изм. — BO 1, стр. 9. Автограф в тетр. II и в письме к Л. Н. Толстому от 4 ноября 1878 г. «Дорогой друг, — пишет Фет, — посылаю только что оконченное сегодня стихотворение. Прочтите его графине — и что скажете оба? Без Вашего общего суда не напечатаю. Я им лично доволен. Обратите внимание на технику и фактуру. Видно, что свое, невыдуманное». Толстой ответил 22 ноября 1878 г.: «Стихотворение ваше прекрасно-роженое, как все ваши прекрасные вещи. Я бы желал переменить «властительному маю», но знаю, что это нельзя» (Полн. собр. соч., т. 62. М., 1953, стр. 453). По этому отзыву и сделана переработка ст. 7. Стихотворение, очевидно, навеяно воспоминанием о М. К. Лазич (см. стр. 11—12).

Alter ego (стр. 96). Впервые — «Огонек», 1879, № 8, стр. 163; с изм. — РР, 1879, № 4, стр. 79; ВО 1, стр. 10. Автографы в тетр. II и в письме к Л. Н. Толстому от 19 января 1878 г. Стихотворение, как и предыдущее, очевидно, навеяно воспоминанием о М. К. Лазич (см. стр. 11—12). Л. Н. Толстой писал Фету 27 января 1878 г.: «Спасибо вам, что не наказываете меня за молчание; а еще награждаете, дав нам первым прочесть ваше стихотворение. Оно прекрасно! На нем есть тот особенный характер, который есть в ваших последних — столь редких стихотворениях. Очень они компактны, и сиянье от них очень далекое. Видно, на них тратится ужасно много поэтического запаса. Долго накопляется, пока кристализируется. «Звезды», это и еще одно из последних — одного сорта. В подробностях же вот что. Прочтя его, я сказал жене: «Стихотворение Фета прелестное, но одно слово нехорошо». Она кормила и суетилась, но за чаем, успокоившись, взяла читать и тотчас же указала на то слово, которое я считал нехорошим: „как боги“» (Полн. собр. соч., т. 62. М., 1953, стр. 384—385). Фет отвечал 31 января: «Нечего говорить, как радостно затрепыхало сердце мое от Вашего отзыва о моем стихотворении. Вы ничего не пишете, но я полагаю, что и графине оно понравилось. Что касается: как боги, то я, писавши, сам на него наткнулся, но тем не менее оставил. Знаю, почему оно Вам претит — напоминает неуместную мифологию. Но Вы знаете, что мысль всякую, тем более в искусстве, трудно заменить. А чем Вы выразите то, что я хотел сказать словами: как боги? — Словами: так властно, как черти, с расширенными ноздрями, не только наслаждаясь, но и чувствуя свое исключительное господство? Как в раю? — односторонне и бледно. Я подумал: ведь Тютчев сказал же:

По высям творенья как бог я шагал...

и позволил себе: как боги. — И ужасно затрудняюсь заменить эти слова».

Смерть (стр. 97). Впервые — «Огонек», 1879, № 9, стр. 195. С незначит. изм. — ВО 1, стр. 11. Автографы в тетр. II с датой «1878. 8» (т. е., вероятно, 8-й месяц — август) и в письме к Л. Н. Толстому от 2 января 1879 г.

Среди звезд (стр. 97). Впервые — РВ, 1876, № 12, стр. 781. Включено в ВО 1. Автограф в письме к Л. Н. Толстому от 22 ноября 1876 г. Список с поправками Фета в тетр. II Л. Н. Толстой писал Фету в письме, предположительно датируемом 6—7 декабря 1876 г.: «Письмо ваше с стихотворением пришло ко мне с тою же почтой, с которой привезли мне и ваше собрание сочинений, к<оторое> я выписывал из Москвы. Стихотворение это не только достойно вас, но оно особенно и особенно хорошо, с тем самым философски-поэтическим характером, кот<орого> я ждал от вас. Прекрасно, что это говорят звезды. И особенно хороша последняя строфа». И в письме от 10—11 января 1877 г.: «На праздниках у нас был Страхов, и вам, верно, икалось — мы часто поминали вас, и ваши слова, и мысли, и ваши стихи. Последнее «В звездах» я прочел ему из вашего письма, и он пришел в такое же восхищение, как и я. В Русском вестн<ике> перечли мы его с женою еще. Это одно из лучших

стихотворений, которые я знаю» (Полн. собр. соч., т. 62. М., 1953, стр. 294, 303). Стихотворение датируется 22 ноября 1876 г., так как Фет посылает его Л. Н. Толстому как «сегодняшнее стихотворение».

1. «Измучен жизнью, коварством надежды...» (стр. 98). 2. «В тиши и мраке таинственной ночи...» (стр. 100). Впервые — ВО 1, стр. 13, 15. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради. Первоначально было написано одно стихотворение с такой последовательностью строф (обозначаем их первыми стихами):

1. Измучен жизнью, коварством надежды...
2. В тиши и мраке таинственной ночи...
3. Трава поблекла, пустыня угрюма...
4. И так прозрачна огней бесконечность...
5. И неподвижно на огненных розах...
6. И все, что мчится по безднам эфира...
7. И снится ему, что ты встала из гроба...

Перерабатывая стихотворение, Фет зачеркнул строфы 2 и 3, заменив их новой строфой: «Еще темнее мрак жизни вседневной...», в которой осталось из прежней строфы 2 начало стиха «И только в небе...» и следующий стих: «Сверкают звезд золотые ресницы». Строфа же 7 была заменена строфой: «И этих грез в мировом дуновеньи...». Впоследствии Фет объединил три отвергнутые строфы в новое стихотворение: «В тиши и мраке таинственной ночи...», изменив в последней строфе «И снится ему» на «И снится мне». Общий эпиграф к стихотворению взят из «Parerga und Paralipomena» Шопенгауэра. В оригинале цитированное место начинается словом «Jene», а не «Die», как у Фета. Стих. «В тиши и мраке...» связано, очевидно, с воспоминанием о М. К. Лазич (см. стр. 11—12).

«Когда божественный бежал людских речей...» (стр. 100). Впервые — ВО 1, стр. 18. Список в тетр. II. Сюжет взят из Евангелия (от Матфея, IV, 1—11). 11 марта 1875 г. Фет писал Л. Н. Толстому: «А мудрецы Русск<ого> вест<ника> почему-то не напечатали моего «Искушения на горé», а в янв<арской> книжке вместо того поместили «Гаральда» А. Толстого («Литературное наследство», кн. 37—38. М., 1939, стр. 221). *Божественный* — Христос. *Князь мира* — дьявол.

Ничтожество (стр. 101). Впервые — ВО 1, стр. 19. Автограф в тетр. II. Датируется отзывом Н. Н. Страхова в письме к Фету от 14 сентября 1880 г. Слово «ничтожество» употреблено в старинном значении «небытия».

Добро и зло (стр. 101). Впервые — ВО 2, стр. 6 Два автографа в тетр. II отражают сложную историю текста, в которой намечаются четыре редакции. По-видимому, все переработки предприняты под влиянием писем Н. Н. Страхова от сентября и октября 1884 г. Датируется по Хрон. ук.

Смерти («Я в жизни обмирал и чувство это знаю...») (стр. 104). Впервые — ВО 2, стр. 21. Автограф в тетр. II. Датируется

отзывом Н. Н. Страхова в письме к Фету от 18 марта 1884 г.: «Как хороши ваши стихи: «Ко Смерти!» Вот философский поворот мысли!»

«Не тем, господь, могуч, непостижим...» (стр. 105) Впервые — РР, 1879, № 10, стр. 78. С незначит. изм. — ВО 1, стр. 21 Автограф в тетр. II. Черновик на обороте письма к Фету В. Кологривова от 3 марта 1879 г. (ГБЛ). В воспоминаниях В. Микулич сохранен отзыв Достоевского, относящийся, очевидно, к ст. 5 данного стихотворения: «...Елена Андреевна (Штакеншнейдер. — *Б. Б.)* начала декламировать новое стихотворение другого поэта... Достоевский слушал внимательно, то одобряя, то усмехаясь или покачивая головой. В стихотворении поэт, говоря о заходящем солнце, называл его: «пылающий мертвец»... Достоевский пожал плечами: «Отчего мертвец?.. Ну, пылающий, пускай пылающий, но зачем мертвец?» Потом он придрался еще к одному выражению и сказал· «Так не говорят». Елена Андреевна заступилась за поэта: «Ну, в стихах можно. Ведь это стихи!..» Он сказал: «Тем более. В стихах язык должен быть еще чище»...» (В. Микулич. Встреча со знаменитостью. М., 1903, стр. 8).

Никогда (стр. 105). Впервые — «Огонек», 1879, № 9, стр. 191. С незначит. изм. — ВО 1, стр. 22. Автографы в тетр. II, в письме к Л. Н. Толстому от 21 января 1879 г., в собрании автографов А. Г. Достоевской (ЦГАЛИ). 31 января или 1 февраля 1879 г. Толстой писал Фету: «Стихотворенье последнее мне не так понравилось, как предшествующее, и по форме (не так круто, как то), и по содержанию, с которым я несогласен, как можно быть несогласным с таким невозможным представлением. У Верна есть рассказ вокруг луны. Они там находятся в точке, где нет притяжения. Можно ли в этой точке подпрыгнуть? Знающие физики различно отвечали. Так и в вашем предположении должно различно отвечать, потому что положение невозможно, не человеческое. Но вопрос духовный поставлен прекрасно. И я отвечаю на него иначе, чем вы. — Я бы не захотел опять в могилу. Для меня и с уничтожением всякой жизни, кроме меня, все еще не кончено. Для меня остаются еще мои отношения к богу, т. е. отношения к той силе, которая меня произвела, меня тянула к себе и меня уничтожит или видоизменит. — Стихотворение хорошо уж потому, что я читал детям, из которых некоторые заняты чумой, и оно, отвечая на их страх, тронуло их. ...Дай бог вам здоровья, спокойствия душевного и того, чтобы вы признали необходимость отношений к богу, отсутствие которых вы так ярко отрицаете в этом стихотворении» (Полн. собр. соч., т. 62. М., 1953, стр. 469). Фет отвечал 3 февраля: «Ваше выражение круто — превосходно. И в этом смысле кладу оружие. Кому же и судить, как не Вам, и я нисколько не намереваюсь отстаивать крутость того или другого стихотворения. Это они сами делают. Иное выходит — сайка, а иное — выборгский крендель. Рецепта на них я не знаю. — Но, что касается всего стихотворения, то тут я не буду, как Вы говорите, доходить. — Доказывать, собственно, значит разбирать по частям, чтобы не потеряться в целом. Слово Юль Верн — ужасное слово для поэта. Это слово мелькнуло у меня в голове

при самом зарождении стихотворения и — не остановило меня: во-первых: второй год я живу в крайне для меня интересном философском мире, и без него едва ли понять источник моих последних стихотворений. «Wer den Dichter will verstehen, muss in's Land des Dichters gehen» («Кто хочет понять поэта, должен идти в его страну». — *Б. Б.*), — говорил Гете. Вы скажете, что это такое же оправдание, как если бы юноша на вопрос любимой женщины о его беспорядочном виде объяснял ей: «Это меня били». Коли тебя били, не ходи любезничать. Но рождается вопрос: если в церковь, в собрание ходил Жюль Верн, следует ли никому уж туда и не ходить? Обязан ли поэт, да еще лирический, выбирать только строго-реально-возможные положения и состояния? Его долг — звонить по всем вещам: и по дубовому дубу, и по серебряному. Звенит — хорошо, не звенит — плохо, хоть бы сама скрипка Страдивариуса. Все античные музеи полны Аполлонами в виде Геркулеса, Амурами в том же виде. Возможно ли это? Нет — в реальности и да — в идеале. Мысль о кончине человеческого мира стара, как человек. Байрон наскочил на нее в своей тьме (т. е. в стих. «Тьма». — *Б. Б.*). Солнце потухло, ветра нет, корабли гниют, и два врага узнают друг друга при раздуваемом ими последнем костре. Байрон выпустил из виду, что прежде такой ничтожный мир, как земля, подобно луне остынет, чем такой громадный, как солнце, а главное, когда то или другое потеряет нужную теплоту — выйдет не его тьма, а моя картина. Воскресение из мертвых придумано не мной. В Иосафатской долине нам приказано явиться целиком, как жил в Воробьевке (имение Фета. — *Б. Б.*), для этого и волк приносит во рту мою ногу. А ну как приказано будет поднять Шеншина для репетиции? Послушают ли его, что это мое положение для бывшего человека невозможно? Да ведь и родиться из земли и писать другому такому же земляку то, что пишу, — еще менее возможно, а ведь нас не послушали, говорят п и ш и. Не забудьте, что это уже эпос, сказка, и поэтому меня суждение детей бесконечно обрадовало. Тут они самые настоящие судьи. Хороша сказка или неинтересна? Никто лучше их не знает». Стихотворение написано не позже 16 января 1879 г. (дата посылки его Страхову). *Домовина* — гроб.

«Ж и з н ь п р о н е с л а с ь б е з я в н о г о с л е д а...» (стр. 106). Впервые — РВ, 1865, № 3, стр. 278. С изм. — ВО 1, стр. 24. Автограф в тетр. II. Ст. 11 первонач. редакции исправлен, несомненно, под влиянием указания Тургенева, который писал Фету 2 января 1865 г.: «Присланное стихотворение очень и очень мне понравилось. Тонкое и верное сравнение. Но каким образом: все тише, все я с н е й в первой строфе ладит с м р а к о м во второй? Тут есть маленькое отсутствие гармонии и поэтического равновесия. Я думаю, это весьма легко исправить» («Мои восп.», ч. 2, стр. 58—59). Судя по дате этого письма, стихотворение написано, видимо, в конце 1864 г.

«О, э т о т с е л ь с к и й д е н ь и б л е с к е г о к р а с и в ы й...» (стр. 107). Впервые — ВО 2, стр. 11. Автограф в тетр. II.

Л а с т о ч к и (стр. 107). Впервые — ВО 2, стр. 13. Автограф в тетр. II. *Сосуд скудельный* (глиняный) — о человеке как бренном существе.

Осень (стр. 108). Впервые — РВ, 1884, № 1, стр. 385, без заглавия. Включено в ВО 2. Автографы в тетр. II и в ГБЛ. Датируется по Хрон. ук.

«Учись у них — у дуба, у березы...» (стр. 108). Впервые — ВО 2, стр. 20. Автографы в тетр. II с датой «31 декабря» и в ГБЛ. Изменения в стихотворении (см. варианты) сделаны под влиянием письма Н. Н. Страхова от 20 января 1884 г. Страхов писал: «Какая прелесть оба стихотворения! Но эти алмазы чистейшей воды, с бесподобно отшлифованными гранями, но — не всеми, или, по крайней мере, с пятнами и царапинками. Я сгоряча принялся даже дошлифовывать. Зачем «И злей да злей за каждою минутой»? Нужно «И злей да злее с каждою минутой». Зачем «Рвет ураган»? Не лучше ли «Палит мороз последние листы». Простите, простите! Но, кажется, творец алмазов может позволить другому их шлифовать».

«Солнце садится, и ветер утихнул летучий...» (стр. 109). Впервые — ВО 2, стр. 29. Автограф в тетр. II.

«Страницы милые опять персты раскрыли...» (стр. 109). Впервые — ВО 2, стр. 33. Автограф в тетр. II. Датируется по Хрон. ук. Стихотворение вызвано, вероятно, воспоминанием о М. К. Лазич (см. стр. 11—12).

«Еще одно забывчивое слово...» (стр. 110). Впервые — ВО 2, стр. 34. Автограф в тетр. II.

Теперь (стр. 110). Впервые — ВО 2, стр. 35. Автографы в тетр. II и в письме 1883 г., вместе с автографом стих. «Аваддон» (ЦГАЛИ).

«Кровию сердца пишу я к тебе эти строки...» (стр. 110). Впервые — ВО 2, стр. 36. Автограф в тетр. II.

Севастопольское братское кладбище (стр. 111). Впервые — ВО 3, стр. 4. Братское кладбище участников севастопольской обороны 1854—1855 гг. Фет посетил в 1879 г. Описывая это посещение, Фет говорит: «Нигде и никогда не испытывал я того подъема духа, который так мощно овладел мною на братском кладбище. Это тот самый геройский дух, отрешенный от всяких личных стремлений, который носится над полем битвы и один способен стать предметом героической песни» («Мои восп.», ч. 2, стр. 378).

«В степной глуши, над влагой молчаливой...» (стр. 111). Впервые — РВ, 1887, № 9, стр. 62. Включено в ВО 3. Автограф в тетр. II.

«Дул север. Плакала трава...» (стр. 112). Впервые — ВО 3, стр. 25. Автографы в тетр. II и в ГБЛ на обороте письма к Фету от 7 июня 1880 г.

«Я потрясен, когда кругом...» (стр. 112). Впервые — ВЕ, 1886, № 1, стр. 168, без эпиграфа. С эпиграфом — ВО 3, стр. 26. Список с поправками Фета в тетр. II. Подготовляя изд. 1894 г., К. Р. писал Н. Н. Страхову (27 октября 1893 г.): «На скалы мечет океан твою серебряную ризу». Вряд ли представлялся поэту в этой ризе «дух всюду сущий и единый», поставленный в эпиграфе. Полагал бы, что вместо твою следует поставить свою, что относило бы ризу к океану». Страхов ответил 10 декабря 1893 г.: «Поправку свою вместо твою я сам предлагал Афанасию Афанасьевичу, но он возразил, что именно хотел сказать о боге. Тогда я заметил, что необходимо впереди какое-нибудь обращение: О ты или К тебе и т. п. Афанасий Афанасьевич, чтобы чем-нибудь заменить это обращение, придумал поставить эпиграф: Дух всюду сущий и пр.» (ПД). Эпиграф — из оды Державина «Бог».

«Прости — и всё забудь в безоблачный ты час...» (стр. 113). Впервые — РВ, 1887, № 9, стр. 62. Включено в ВО 3.

Светоч (стр. 113). Впервые — ВЕ, 1886, № 1, стр. 167. Включено в ВО 3. Автограф в тетр. II, первоначально под заглавием «Факел».

«Нет, я не изменил. До старости глубокой...» (стр. 114). Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 107. Включено в ВО 3. Стихотворение связано, очевидно, с воспоминанием о М. К. Лазич (см. стр. 11—12).

«Светил нам день, будя огонь в крови...» (стр. 114), «Когда читала ты мучительные строки...» (стр. 115), «Всё, всё мое, что есть и прежде было...» (стр. 115), «С солнцем склоняясь за темную землю...» (стр. 116). Впервые — ВО 3, стр. 37, 42, 48, 51.

«Одним толчком согнать ладью живую...» (стр. 116). Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 106. Включено в ВО 4. Л. А. Федоров в статье «К истории творчества Фета» высказывает предположение, что на данное стихотворение повлияло стихотворение Альфреда Мюссе «Impromptu en réponse à cette question: Qu'est ce que la poésie?» (Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 576—577).

«В полу́ночной тиши бессонницы моей...» (стр. 117). Впервые — РО, 1890, № 11, стр. 239 Включено в ВО 4. Печ. по тексту изд. 1912 г., в котором учтена поправка Фета, опубликованная в статье Вл. Соловьева «О лирической поэзии» (РО, 1890, № 12, стр. 651) и вызванная замечанием Полонского в письме к Фету от 27 ноября 1890 г. о первоначальной редакции ст. 9 («Стоят усердные, прекрасные друзья»): «Кто — оне? прекрасные друзья и развенчанные боги — откуда же вдруг *оне?!*». Фет ответил 29 ноября: «Поверь мне на слово, я очень признателен тебе за внимание к моим стихотворениям, хотя в стихотворении «В полуночной тиши» явно речь идет о женщинах».

«Прости! во мгле воспоминанья...» (стр. 117). Впервые — РО, 1890, № 6, стр. 489. С изм. — ВО 4, стр. 60.

«Руку бы снова твою мне хотелось пожать...» (стр. 118). Впервые — РО, 1890, № 6, стр. 490. С изм. — ВО 4, стр. 37. Стихотворение обращено, по-видимому, к Александре Львовне Бржеской (р. 1821). О дружбе Фета с ней и с ее мужем поэтом Алексеем Федоровичем Бржеским (1818—1868) см. во вступительной статье, стр. 11.

«Устало всё кругом: устал и цвет небес...» (стр. 118). Впервые — РО, 1890, № 2, стр. 623. Включено в ВО 4. Полонский писал Фету 31 августа 1889 г. по поводу первоначальной редакции ст. 8 («Отменою борьбы и смертною истомой»): «Поговорю о твоих стихах, которыми ты мстишь мне. Какая благоуханная поэтическая месть! И какая дерзость — сказать устал и цвет небес. Но и эту дерзость я тебе прощаю, так она хороша. Только в последнем стихе есть словцо, которое мне не нравится, — это: Отменою борьбы — это не ясно: ночь, как и все на свете, как и я, грешный, никакой борьбы отменить не может, — я бы сказал проще:

Своею тишиной и смертною истомой.

Тут нужна тишина, — нужна для того, чтобы ты слышал, как лепечет фонтан». Фет отвечал в письме от 4 сентября: «Конечно, ни с кем так не удобно совещаться о поэтических тонкостях, как с тобою. И поэтому поставляю тебе на вид: в предыдущем стихе указывается не на сладость или приятность осенней ночи, а на ее всемогущество. Чем же высказывается это всемогущество? Всемогущество может высказываться только активно, а не пассивно. Как бы я ни подставлял тебе спину для побоев, я могу доказать этим все что угодно по отношению к тебе, кроме всемогущества. А если я начну тулумбасить и трепать тебя, как тряпку, то докажу свое всемогущество. Чем же у меня ночь доказывает свое всемогущество? Она и сама заражена и меня квасит смертною истомой. Это не шуточное дело. Чем же еще она проявляет свое действие? Тишина ее может быть прелестным ее качеством, но не воздействием на меня. Живой, я с утра до вечера сижу в борьбе пожирания одного другим и вдруг, открывая балкон, я поражен, что ночь не принимает, не допускает к себе этой борьбы, и чувствую, что если я и попаду в нее, то она и во мне убьет это чувство борьбы. Ты совершенно справедливо заметил, что отменять или подтверждать может только существо сознательное, а не ночь или что-нибудь тому подобное. Но оттенок нужной мне мысли сохранит другое слово: отказом от борьбы. Слабый столик может заставить меня целый час простоять с подносом с фруктами или с бумагами к докладу, отказываясь удержать эти предметы на своих хилых ножках. Между тем никакая философия не воспретит мне сказать: этот стол, стул отказался мне служить. И потому с твоего разрешения ставлю: „Отказом от борьбы“». На это Полонский отвечал 7 октября: «По-моему, ты попал прямо в точку, заменивши слово „отменою“ — „отказом от борьбы“».

Угасшим звездам (стр. 119). Впервые — ВО 4, стр. 23.

Поэтам (стр. 119). Впервые — ВО 4, стр. 8. Черновик на отдельном листе (Архив Я. П. Полонского. ПД).

«Хоть счастие судьбой даровано не мне...» (стр. 120). Впервые — ВО 4, стр. 33. Черновик на одном листе с черновиком предыдущего стихотворения.

«Еще люблю, еще томлюсь...» (стр. 120). Впервые — РО, 1891, № 1, стр. 203.

«На кресле отвалясь, гляжу на потолок...» (стр. 121). Впервые — РО, 1891, № 1, стр. 204. Страхов писал Фету 2 января 1891 г. по поводу ст. 5: «Осенний цвет зари на небесах как есть — дело невозможное. Это ведь вместо точь-в-точь? Да и нужно бы яснее сказать, что это, мерещится ли на потолке или Вам виднеется в окно?» Окончательно оформить стих помог И. С. Остроухов, которому Фет писал: «Дорогой Илья Семенович! Принимая с благодарностью предлагаемую Вами безупречно правильную и гармоническую версию стиха: «Зари...», я окончательно остановился на слове след. Раз что пошло на критику, то можно сказать, что свет более мерцания, в котором он по смыслу стиха должен заключаться, как часть в целом, и потому выходит несколько излишне определенным в сравнении со слабым мерцанием, тогда как след есть просто остаток, неубравшийся хвост, неопределенное продолжение чего-то, что и требовалось доказать. Преданный Вам А. Шеншин» (Архив Гос. Третьяковской галереи; дата письма неизвестна).

«Опавший лист дрожит от нашего движенья...» (стр. 121). Впервые — РО, 1891, № 4, стр. 502.

«Не упрекай, что я смущаюсь...» (стр. 122). Впервые — РО, 1891, № 5, стр. 142.

«Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной...» (стр. 122). Впервые — РО, 1892, № 1, стр. 40.

«Кляните нас: нам дорога свобода...» (стр. 123). Впервые — РО, 1891, № 12, стр. 516. По ошибке вторично — РО, 1892, № 1, стр. 42.

«Ночь и я, мы оба дышим...» (стр. 123). Впервые — РВ, 1891, № 12, стр. 26. В списке, посланном Я. П. Полонскому 8 сентября 1891 г., — под заглавием «Фонтан». Полонский писал Фету 30 сентября 1891 г.: «В стихотворении «Фонтан» — «Правде мраку не помочь» — кто тут кому помогает? Мрак правде или правда — мраку? Не лучше ли — „Правде мраком не помочь?“». Фет ответил в письме от 11 октября: «Великое тебе спасибо насчет двусмыслия стиха: «Правде мраку не помочь», который я поправил так: «Мгле мерцаньем не помочь». Нужно, чтобы ночь представляла мглу, а не тьму, среди которой мерцанье фонтана не может быть заметно».

«О, как волнуюся я мыслию больною...» (стр. 124). Впервые — «Нива», 1892, № 41, стр. 890. Б. Садовским опубликована, по не дошедшей до нас тетради, первая редакция стихотворения («Ледоход», стр. 94). См. варианты.

«Всё, что волшебно так манило...» (стр. 124). Впервые — «Сборник Нивы», 1892, кн. 12, стр. 410.

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНОМУ

«Я люблю его жарко: он тигром в бою...» (стр. 125). Впервые — изд. 1850 г., стр. 92. С изм. — изд. 1856 г., стр. 17. Включено в изд. 1863 г. *Мугаммед* — Магомет. *Фатима* — дочь его (а не жена, как можно понять по контексту).

«Не дивись, что я черна...» (стр. 126). Впервые — изд. 1850 г., стр. 93. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Стихотворение является вольным подражанием «Песни песней» (одной из книг Библии); использованы следующие места: I, 5, 12; II, 6, 11—12. *Десная* — правая рука.

Соловей и роза (стр. 126). Впервые — МГЛ, 1847, № 255 (24 ноября). С изм. — изд. 1850 г., стр. 69. С новыми изм. и большими сокращениями — ВО 3, стр. 63.

Мотивируя новую публикацию этого стихотворения, не вошедшего в основные собрания, Фет в предисловии к ВО 3 пишет: «Решаемся сохранить его, находя, что ни в одном из наших молодых произведений с такою ясностью не проявляется направление, по которому постоянно порывалась наша муза» Н. П. Колпакова в статье «Из истории фетовского текста» («Поэтика», III. Л., 1927, стр. 182) отмечает влияние стихотворения Гейне «Auf Flügeln des Gesanges» на не вошедшие в окончательный текст четыре строфы, начинающиеся стихом «На востоке небо чисто» (см. варианты).

Восточный мотив (стр. 131). Впервые — ВО 1, стр. 220. Автограф в тетр. II без заглавия.

Аваддон (стр. 131). Впервые — РВ, 1883, № 10, стр. 734. Включено в ВО 2. Автографы в тетр. II и в письме неустановленному лицу (вероятно, М. Н. Каткову) (ЦГАЛИ). Здесь Фет пишет о стихотворении: «Только сию минуту написал». Попутно Фет жалуется на «господ вроде Аксакова, которые рядом с моими печатают нечто вроде, как бы желая сказать: наши наборщики могут и стихи при случае набирать; вот для образца — одни покороче, а эти подлинней». Это может относиться только к публикации стихотворения Фета «Ныне первый мы слышали гром...» в журнале «Русь», 1883, № 6, рядом с тремя плохими стихотворениями П. Кускова. Поскольку этот номер «Руси» вышел 15 марта 1883 г., а стихотворение «Аваддон» напечатано в октябрьской книжке «Русского вестника» в иной редакции, чем посланная в письме, датировать

стихотворение надо, очевидно, периодом от марта до сентября 1883 г. Стихотворение является сжатым переложением двух мест из Апокалипсиса (Откровение Иоанна Богослова, IV, 2—8 и IX, 1—11).

К ОФЕЛИИ

«Не здесь ли ты легкою тенью...» (стр. 132). Впервые — «Москв.», 1842, № 2, отдел «Смесь», стр. 76, с третьей строфой. Без третьей строфы — изд. 1856 г., стр. 23. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Я болен, Офелия, милый мой друг!..» (стр. 132). Впервые — изд. 1850 г., стр. 96. С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 24. Включено в изд. 1863 г. Песня Офелии — в 5-м явлении IV действия «Гамлета»; песня Дездемоны — в 3-м явлении IV действия «Отелло».

«Офелия гибла и пела...» (стр. 133). Впервые — РиП, 1846, № 2, стр. 243. С незначит. изм. — изд. 1850 г., стр. 97. Подготовляя в 1892 г. новое издание своих стихотворений, Фет включил в список это стихотворение. Оно напечатано в посмертном изд. 1894 г. с новой строфой между двумя строфами стихотворения (см. варианты). Но, судя по содержанию, эта строфа (вероятно, написанная Фетом на полях печатного экземпляра) должна была не предварить последнюю строфу, а заменить ее. Ввиду неясности вопроса о тексте посмертного издания, стихотворение печатается по изд. 1850 г. Начало стихотворения перефразирует цитату из «Гамлета» (в переводе Н. А. Полевого): «Офелия плела венки и пела».

«Как ангел неба безмятежный...» (стр. 133). Впервые — «Москв.», 1843, № 10, стр. 289. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг.

ВЕСНА

«Уж верба вся пушистая...» (стр. 134). Впервые — ОЗ, 1844, № 6, стр. 147, под заглавием «Весна», в составе пяти строф. В изд. 1856 г., стр. 131 — без заглавия, без 4-й строфы первоначального текста и с другими изм. Включено в изд. 1850 и 1863 гг. Критика ранней редакции, учтенная при переработке, дана в статье Н. А. Некрасова «Русские второстепенные поэты» (1849 г. — Полн. собр. соч. и писем, т. 9. М., 1950, стр. 209). С. Л. Толстой пишет в своих воспоминаниях о Льве Толстом («Очерки былого»): «Вспоминаю его хвалебные отзывы о... стихах Фета: «Уж верба вся пушистая раскинулась кругом». Здесь ему особенно нравились стихи: „Шумит толпою праздною народ, чему-то рад“» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. 1. М., 1955, стр. 180). *Станица* — стая.

«Еще весна, — как будто неземной...» (стр. 134). Впервые — изд. 1850 г., стр. 131. Со значит. изм. — изд. 1856 г., стр. 139. Включено в изд. 1863 г.

«На заре ты ее не буди...» (стр. 135). Впервые — «Москв.», 1842, № 5, стр. 24, под заглавием «На заре», в составе шести строф. Без заглавия — в изд. 1850 г., стр. 143. Без первоначальной 4-й строфы — в изд. 1856 г., стр. 143. Включено в изд. 1863 г. Романс А. Е. Варламова на слова этого стихотворения быстро приобрел широкую популярность. В 1850 г. Аполлон Григорьев называет это стихотворение «песней, сделавшейся почти народною» (ОЗ, 1850, № 1, стр. 71).

«Еще весны душистой нега...» (стр. 136). Впервые — «Совр.», 1854, № 5, стр. 6. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Автограф в тетр. I.

Пчелы (стр. 136). Впервые — «Совр.», 1854, № 2, стр. 147. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Автограф в тетр. I. При появлении этого стихотворения Б. Алмазов объявил его «по недоконченности выражения доведенным до крайней странности» («Москв.», 1854, № 9, стр. 28). А. В. Дружинин указывал на это стихотворение как на «одно из самых фетовских во всем собрании». «Смело можно сказать, — писал он, — что на русском языке еще не бывало подобного изображения весенней неги, доходящей до болезненности, смутных душевных порывов, не поддающихся даже тени анализа прозаического!» (Собр. соч., т. 7. СПб., 1865, стр. 128).

Весенние мысли (стр. 137). Впервые — «Москв.», 1852, № 6, стр. 95, без отдельного заглавия, под общим со стих. «Мне грустно...» (см. стих. «Напрасно!..») заглавием «Две мелодии». Со значит. изм. — «Совр.», 1854, № 2, стр. 150, под заглавием «Весенние мысли». Включено в изд. 1856 и 1863 гг.

Весна на дворе (стр. 137). Впервые — ОЗ, 1855, № 5, стр. 2. Включено в изд. 1856 и 1863 гг.

Первый ландыш (стр. 138). Впервые — ОЗ, 1854, № 8, стр. 339. С изм. — изд. 1856 г., стр. 201. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

Еще майская ночь (стр. 138). Впервые — РВ, 1857, ноябрь, кн. 2, стр. 443. С изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 159. Автограф в тетр. I. Л. Толстой 9 июля 1857 г. писал В. П. Боткину: «Стихотворение Фета прелестно. Не прочтя вашего замечания о неловких 2-х стихах, я сделал то же. Досадно. Зато: И в воздухе за песнью соловьиной разносится тревога и любовь! — Прелестно! И откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?» (Полн. собр. соч., т. 60. М., 1949, стр. 217). Те же стихи отметил И. С. Тургенев в письме к В. П. Боткину 8 августа 1857 г.: «Его стихотворение, где «вслед за песнью соловьиной разносится тревога и любовь», —

прелесть» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. М.—Л., 1930, стр. 125).

«Опять незримые усилья...» (стр. 139). Впервые — РС, 1860, № 1, стр. 259, под заглавием «Весна». Без заглавия — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 160. Автограф в тетр. I. По месту в тетради предположительно датируется 1858 или 1859 годом. С. Л. Толстой в книге «Очерки былого» пишет об этом стихотворении: «По мнению Льва Николаевича, все стихотворение красиво, особенно стихи... (цитируются ст. 16—18 и 22—24. — *Б. Б.)*» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. 1. М., 1955, стр. 180).

Весенний дождь (стр. 139). Впервые — РС, 1859, № 4, стр. 147. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Датируется предположительно по месту в тетради.

«Глубь небес опять ясна...» (стр. 140). Впервые — «Огонек», 1879, № 18, стр. 369. Включено в ВО 1. Карандашный черновик в ГБЛ, беловой автограф в тетр II. Автографы в письмах к Н. Н. Страхову от 23 марта 1879 г. и к Л. Н. Толстому от 28 марта 1879 г.

«Еще, еще! Ах, сердце слышит» (стр. 140). Впервые — ВО 1, стр. 40. Список с поправками Фета в тетр. II.

«Когда вослед весенних бурь...» (стр. 141). Впервые — ВО 1, стр. 41. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради.

«Всю ночь гремел овраг соседний...» (стр. 141). Впервые — РВ, 1873, № 1, стр. 94. С незначит. изм. — ВО 1, стр. 42. Автографы двух редакций этого стихотворения в тетр. II. Автограф стихотворения в промежуточной редакции с подписью рукой Я. П. Полонского: «Написано Фетом в квартире Полонского 1872 декабря 23-го» на четвертой странице писчего листа, остальные страницы которого заняты черновиками Полонского (Архив Полонского, ПД).

«Пришла, — и тает всё вокруг...» (стр. 142). Впервые — РВ, 1866, № 6, стр. 794, под заглавием «Весна». Без заглавия и с изм. — ВО 1, стр. 43. Автограф в тетр. II.

«Я рад, когда с земного лона...» (стр. 142). Впервые — «Огонек», 1880, № 18, стр. 346. С незначит. изм. — ВО 1, стр. 44. Автограф в тетр. II. Карандашный автограф в ГБЛ (среди писем Фета к Л. Н. Толстому).

Майская ночь (стр. 143). Впервые — «Заря», 1870, кн. 11, стр. 87 Включено в ВО 1. Автограф в тетр II. Об этом стихотворении Фету писал Л. Н. Толстой 11 мая 1870 г.: «Развернув письмо, я — первое — прочитал стихотворение, и у меня защипало в носу я пришел к жене и хотел прочесть; но не мог от слез умиления.

Стихотворение — одно из тех редких, в кот<орых> ни слова прибавить, убавить или изменить нельзя; оно живое само и прелестно. Оно так хорошо, что, мне кажется, это не случайное стихотворение, а что это первая струя давно задержанного потока. Грустно подумать, что после того впечатления, кот<орое> произвело на меня это ст<ихотворение>, оно будет напечатано на бумаге в каком-нибудь Вестнике и его будут судить Сухотины и скажут: «А Фет все-таки мило пишет». «Ты нежная», да и всё прелестно. Я не знаю у вас лучшего. Прелестно всё» (Полн. собр. соч., т. 61. М., 1953, стр. 235). Через много лет, 10 сентября 1905 г. (по дневниковой записи П. А. Сергеенко), Л. Н. Толстой читал это стихотворение и, когда дошел до слов «Ты, нежная. Ты счастье мне сулила На суетной земле», — «то голос его обрывался от слез» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1955, стр. 103).

«Я ждал. Невестою-царицей...» (стр. 143). Впервые — ВО 1, стр. 46. Автограф в тетр. II под заглавием «Весна». Датируется предположительно по месту в тетради.

«С гнезд замахали крикливые цапли...» (стр. 144). Впервые — ВО 2, стр. 10. Автограф в тетр. II. В Хрон. ук. отнесено к октябрю 1883 г.

«Сад весь в цвету...» (стр. 144). Впервые — ВО 2, стр. 31. Автограф в тетр. II. На слова этого стихотворения написан известный романс А. С. Аренского.

Кукушка (стр. 145). Впервые — ВО 3, стр. 33.

«За горами, песками, морями...» (стр. 145). Впервые — РВ, 1891, № 11, стр. 68. В изд. 1894 г. с датой «Москва. 4 мая 1891». Однако эта дата неверна, т. к. стихотворение было послано Я. П. Полонскому 20 апреля 1891 г.

ЛЕТО

«Как здесь свежо под липою густою...» (стр. 146). Впервые — «Совр.», 1854, № 11, стр. 8, под заглавием «Под липой». Без заглавия и с незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 163. Включено в изд. 1863 г.

Дождливое лето (стр. 146). Впервые — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 232. Автограф в тетр. I. Датируется по месту в тетради.

«Зреет рожь над жаркой нивой...» (стр. 147). Впервые — РВ, 1860, январь, кн. 1—2, стр. 392. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Датируется по месту в тетради.

Нежданный дождь (стр. 147). Впервые — ВО 1, стр. 70. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради.

«Ты видишь, за спиной косцов...» (стр. 148). Впервые — РВ, 1864, № 1, стр. 216. С изм. — ВО 1, стр. 87. Автограф в тетр. II.

ОСЕНЬ

«Непогода — осень — куришь...» (стр. 149). Впервые — изд. 1850 г., стр. 115, в составе шести строф, в отделе «Разные стихотворения», как первое из трех стихотворений под общим заглавием «Хандра» (II — «Не ворчи, мой кот-мурлыка...», III — «Друг мой, я сегодня болен...»). В списке 1892 г. отнесено в новый отдел «Осень» и общее заглавие снято, так как второе стихотворение осталось в отделе «Разные стихотворения», а третье не вошло в изд. 1856 г. и дальнейшие. Без двух последних строф первоначального текста — в изд. 1856 г., стр. 128. Включено в изд. 1863 г. Возможно, что это то же стихотворение, которое Фет в перечне цикла «Мгновения» называет «У камина» (см. примечание к стих. «Хронос» на стр. 794); в этом случае оно датируется периодом не позже 1842 г.

«Ласточки пропали...» (стр. 149). Впервые — «Совр.», 1855, № 1, стр. 6. под заглавием «Осень». Включено в изд. 1856 и 1863 гг. под тем же заглавием. Автограф в тетр. I. Ввиду отнесения Фетом стихотворения в списке 1892 г. в новый отдел «Осень», снимаем заглавие «Осень», так как во всех сборниках Фета проводится постоянный принцип снимания заглавий, совпадающих с заглавием отдела. *Перекати-поле* — степное растение, верхушка которого легко отламывается ветром и перекатывается в виде большого клубка по полям.

Псовая охота (стр. 150). Впервые — РВ, 1858, февраль, кн. 1, стр. 567. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. *Острова лесов* (охотн.) — рощи среди полей.

«Вот и летние дни убавляются...» (стр. 151). Впервые — ВО 3, стр. 38.

Осенняя роза (стр. 151). Впервые — РВ, 1887, № 11, стр. 157. Включено в ВО 3.

«Задрожали листы, облетая...» (стр. 152). Впервые — ВО 3, стр. 49.

Сентябрьская роза (стр. 152). Впервые — «Царь-колокол», 1891, № 4, стр. 57. Текст, посланный Я. П. Полонскому 9 декабря 1890 г., — без заглавия. Полонский писал Фету 19 декабря 1890 г.: «Чувствуется глубокий поэтический смысл в твоем стихотворении: «За вздохом утренним мороза» — но тот светлый круг, в котором замкнут этот смысл, так сжат, что нужен привычный глаз, чтоб понять и разгадать его,— чтоб его разгадать, нужно мысленно вставить пропущенные слова — или роза с тем и расцвела, чтоб прильнуть к груди хозяйки молодой, — или она этого хочет — ждет,

что ее сорвут и прикрепят к груди; а иной, чего доброго, спросит, как могла роза расцвесть в октябре, да еще на мертвенной гряде! — слово мертвенный слишком сильно... Все это анализ — анализ, конечно, ненужный для меня; но я становлюсь на место обыкновенного читателя. Из моих давнишних писем ты уже знаешь, как я смотрю на стихи: для меня высота поэтического искусства — это такая простота и ясность, чтоб каждая полуграмотная девчонка понимала их — таковы лучшие стихотворения Пушкина и Лермонтова... и, добавлю, лучшие стихотворения Фета». Фет ответил в письме 30 декабря 1890 г.: «Хотя наши штамповые розы цветут до нашего отъезда в Москву — 1 октября, — тем не менее я исправил сентября; и вместо: „расставшись с мертвенной грядой" — поставил „с холодной разлучась грядой"».

«Опять осенний блеск денницы...» (стр. 153). Впервые — изд. 1894 г., т. 1, стр. 323.

СНЕГА

«На пажитях немых люблю в мороз трескучий...» (стр. 154). Впервые — «Москв.», 1842, № 1, стр. 19. В новой редакции — изд. 1856 г., стр. 29. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Знаю я, что ты, малютка...» (стр. 154). Впервые — «Москв.», 1842, № 1, стр. 20. С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 30. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Вот утро севера — сонливое, скупое...» (стр. 155). Впервые — «Москв.», 1842, № 1, стр. 20. С незначит. изм. — изд. 1850 г., стр. 4. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. *Окно волоковое* — отверстие для выхода дыма в курной избе.

«Ветер злой, ветр крутой в поле..» (стр. 155). Впервые — изд. 1850 г., стр. 5.

«Печальная береза...» (стр. 156). Впервые — «Москв.», 1842, № 1, стр. 21. Включено в изд. 1850. 1856 и 1863 гг. В «Моих восп.» Фет говорит о совместной жизни в студенческие годы с Ап. Григорьевым в доме его родителей, «где плакучая береза, увешанная инеем, навеяла на меня: „Печальная береза у моего окна..."» (ч. 1, стр. 357).

«Кот поет, глаза прищуря...» (стр. 156). Впервые — «Москв.», 1842, № 1, стр. 22. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг. Фет вспоминает в «Ранних годах» (стр. 152—153): «Помню, в какое восхищение приводило его (Ап. Григорьева. — *Б. Б.*) маленькое стихотворение «Кот поет, глаза прищуря», над которым он только восклицал: „Боже мой, какой счастливец этот кот и какой несчастный мальчик!"».

«Чудная картина...» (стр. 157). Впервые — «Москв.», 1842, № 1, стр. 22. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг.

«Ночь светла, мороз сияет...» (стр. 157). Впервые — изд. 1850 г., стр. 6, в составе трех строф. Без последней строфы и с другими изм. — изд. 1856 г., стр. 35. Включено в изд. 1863 г.

«На двойном стекле узоры...» (стр. 157). Впервые — изд. 1850 г., стр. 7, в составе шести строф. Без 5-й строфы первоначального текста и с другими изм. — в изд. 1856 г., стр. 36. Включено в изд. 1863 г.

«Скрип шагов вдоль улиц белых...» (стр. 158). Впервые — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 44. Автограф в тетр. I. Датируется предположительно по месту в тетради.

«Еще вчера, на солнце млея...» (стр. 160). Впервые — РВ, 1865, № 4, стр. 585. С изм. — ВО 1, стр. 33. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради.

«Какая грусть! Конец аллеи...» (стр. 160). Впервые — ВО 1, стр. 34. Автограф в тетр. II. Тургенев писал Фету 19 марта 1862 г. о первой редакции стихотворения: «Стихов я со второй строфы до судороги не понимаю. Там есть такой: «хор замер», — от которого шестидневный мертвец в гробу перевернется. Но об этом и многом другом мы потолкуем при свидании. Господи! как мы будем кричать! и как я буду рад кричать!» («Мои восп.», ч. 1, стр. 394). Любопытно воспоминание Н. Асеева: «Я помню, как Валерий Брюсов спорил с нами об истолковании образа фетовского стихотворения

Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

«Серебряные змеи» казались Валерию Брюсову садовыми дорожками, протоптанными в глубоком снегу. Мне же представлялись они извивающимися лентами сухой снеговой пыли, поднятой поземкой. Так различны толкования образов Фета у двух людей, привыкших понимать стихи с полуслова» (Работа над стихом. Л., 1929, стр. 71—72).

У окна (стр. 161). Впервые — «Заря», 1872, № 1, стр. 250, под заглавием «У морозного окна». С незначит. изм. — ВО 1, стр. 35. Автограф в тетр. II.

«Мама! глянь-ка из окошка...» (стр. 162). Впервые — «Нива», 1890, № 16, стр. 417. Включено в ВО 4.

ГАДАНИЯ

«Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...» (стр. 163). Впервые — «Москв»., 1842, № 3, стр. 18. С изм. — изд. 1856 г., стр. 39. Включено в изд. 1850 и 1863 гг. Обряд гадания, на котором основано это стихотворение, так описан у Снегирева («Рус-

ские простонародные праздники и суеверные обряды», вып. 2. М., 1838); «В темном покое ставят на стол зеркало, а пред зеркалом зажженная свеча. Девица одна-одинехонька входит в покой, смотрит через свечу в зеркало и видит своего суженого. Когда она скажет: чур меня, явление исчезает. В Сибири ставят два зеркала одно против другого: перед одним девица сама ставила на стол две свечи, а другое позади себя, очертив лучинкою, коею зажжен был огонь в сочельник, и глядела в зеркало пристально. Сначала будто зеркало подергивалось туманом, потом мало-помалу прояснялось, и суженый глядел через плечо девицы. Тогда надо было зачураться, а не оглядываться» (стр. 50. Ср. ст. 14 первоначального текста: «Что ж... обернись, погляди!..»). *Лохматый с глазами свинцовыми* — черт.

«Полно смеяться! что это с вами?..» (стр. 163). Впервые — «Москв.», 1842, № 3, стр. 18. С измененной первой строфой — изд. 1856 г., стр. 40. Включено в изд. 1850 и 1863 гг. Ср. в «Сказаниях русского народа» И. П. Сахарова (ч. 1. СПб., 1836): «Подходят к анбарам: если услышат пересыпку хлеба, то уверяют себя, что их замужняя жизнь будет достаточная. Слушают под церковным замком: если подслушают пение «со святыми упокой», то это предвещает смерть; если услышат что-нибудь свадебное, то означает, что в том же году выйдут замуж» (стр. 197). *Шут* — черт, имя которого гадающие боялись произносить.

«Ночь крещенская морозна...» (стр. 164). Впервые — «Москв.», 1842, № 3, стр. 19. Включено в изд. 1850 г. О цензурных затруднениях при подготовке изд. 1850 г., вызванных неясностью этого стихотворения, см. «Ранние годы», стр. 489. Приводим описание способа гадания, на котором основано стихотворение: «Самое действительное гадание в зеркале совершается на дворе при лунном сиянии, во время святочных вечеров. Впрочем, по необходимости, совершается и в доме и притом во всякое время. Лучшим временем для этого гадания признается полночь, при тусклом комнатном свете, при всеобщем молчаньи... Наши ворожеи, сбираясь гадать в зеркале, избирают уединенную комнату, берут два зеркала, одно большое, другое поменьше. Ровно в 12 часов ночи начинается гадание. Большое зеркало ставят на столе, против него маленькое; гадающая садится пред зеркалом, обставленным свечами. Все окружающие наблюдают глубокое молчание, сидя в стороне; одна только гадающая смотрит в зеркало. В это время в большом зеркале начинают показываться одно за другим 12 зеркал. Как скоро будут наведены зеркала, то в последнем из них отражается загадываемый предмет. Но как явление не всегда показывается, то начинают другие наводить. Верный признак наведения есть тусклость зеркала, которое протирают полотенцем. Наши ворожеи думают, что суженый, вызванный поневоле этим гаданием, приходит в гадательную комнату и смотрит в зеркало чрез плечо своей суженой. Суженая бодрая и смелая всегда рассматривает все черты лица, платье и другие его приметы. Когда она кончит свой обзор, тогда кричит: «Чур сего места!» При этом чурании привидение вдруг исчезает» (И. П. Сахаров. Сказания русского народа, ч. 1. СПб., 1836, стр. 187—188).

«Помню я: старушка няня...» (стр. 165). Впервые — «Москв.», 1842, № 3, стр. 19. С незначит. изм. — изд. 1850 г., стр. 11. Включено в изд. 1856 и 1863 гг.

«Перекресток, где ракитка...» (стр. 166). Впервые — «Москв.», 1842, № 3, стр. 20, в составе трех строф. Без последней строфы — в изд. 1856 г., стр. 42. Включено в изд. 1850 и 1863 гг. Ср. у Снегирева: «Девушки также выходят ночью на улицу спрашивать первого встрешнего об имени, веря, что етим именем будет называться их суженый» («Русские простонародные праздники и суеверные обряды», вып. 2. М., 1838, стр. 42).

МЕЛОДИИ

«Не отходи от меня...» (стр. 167). Впервые — «Москв.», 1842, № 8, стр. 234. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг. Большой популярностью пользовался в свое время романс А. Е. Варламова на слова этого стихотворения. Впоследствии на те же слова написан романс П. И. Чайковским.

«Тихая, звездная ночь...» (стр. 167). Впервые — «Москв.», 1842, № 8, стр. 235. С иной 2-й строфой — в изд. 1856 г., стр. 46. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Я полон дум, когда, закрывши вежды...» (стр. 168). Впервые — «Москв.», 1842, № 8, стр. 235. С иной 3-й строфой — ВО 3, стр. 58. Включено в изд. 1850 г. В литературе указывалось на стихотворение Гете «Nähe des Geliebten» как на источник данного стихотворения (Б. Эйхенбаум. Мелодика русского лирического стиха. Пг., 1922, стр. 148; В. Жирмунский. Гете в русской поэзии. — «Литературное наследство», кн. 4—6. М., 1932, стр. 592).

«Буря на нéбе вечернем...» (стр. 168). Впервые — «Москв.», 1842, № 8, стр. 235. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг. Радикальная критика 60-х годов отнеслась к стихотворению как «пренелепому» — так назвал его Добролюбов. «Само по себе это стихотворение — пародия, — писал он, — его иначе никто и не примет, как за написанное на смех (если не предупредить, разумеется, что тут бездна поэтических красот)» (Полн. собр. соч., т. 2. М., 1935, стр. 597). Ср. отзыв В. А. Зайцева (Избр. соч., т. 1. М., 1934, стр. 108). Отчасти сходная оценка сквозит и в словах Тургенева в письме к Фету от 8 июня 1860 г.: «Вот Вам на закуску стихотворение умершего сумасшедшим Николая Ленау, которое очень напоминает «Бурю на небе вечернем»:

Sonnenuntergang
Schwarze Wolken ziehn...» и т. д.

(«Щукинский сборник», вып. 8. М., 1909, стр. 426).

«Давно ль под волшебные звуки...» (стр. 169). Впервые — «Москв.», 1842, № 8, стр. 236. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

В рецензии на изд. 1850 г. в «Москв.» отмечается влияние Гейне («Москв.», 1850, № 6, стр. 41). В. Лакшин установил принадлежность этой рецензии Л. А. Мею («Вопросы литературы», 1958, № 6, стр. 220).

Notturno (стр. 169). Впервые — «Москв.», 1842, № 8, стр. 236, под заглавием «Notturno». С незначит. изм. — РиП, 1846, № 6, стр. 481, под заглавием «Nocturno». Под тем же заглавием, по тексту «Москв.», включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг. Печатается с восстановлением правильного заглавия.

«Когда я блестящий твой локон целую...» (стр. 170). Впервые — «Москв.», 1842, № 8, стр. 237. Включено в изд. 1850 г.

«Теплым ветром потянуло...» (стр. 170). Впервые — «Москв.», 1842, № 8, стр. 238. С заменой последней строфы и другими изм. — изд. 1856 г., стр. 49. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Если зимнее небо звезда́ми горит...» (стр. 171). Впервые — ОЗ, 1843, № 9, стр. 89, вместе со стих. «Полуночные образы реют...» под общим заглавием «Две мелодии». С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 50. Включено в изд. 1850 и 1863 гг. Л. А. Мей отмечает влияние Гейне («Москв.», 1850, № 6, стр. 41).

«Полуно́чные образы реют...» (стр. 171). Впервые — ОЗ, 1843, № 9, стр. 89, вместе с предыдущим стихотворением под общим заглавием «Две мелодии». С изм. — изд. 1856 г., стр. 51. Включено в изд. 1850 и 1863 гг. Л. А. Мей приводит стихотворение как пример немецкого влияния на Фета, «германской туманности» («Москв.», 1850, № 6, стр. 41).

«Я долго стоял неподвижно...» (стр. 172). Впервые — ОЗ, 1843, № 6, стр. 312. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг. Л. А. Мей отмечает влияние Гейне («Москв.», 1850, № 6, стр. 41). В старости Фет вспомнил один из отзывов об этом стихотворении. «Если не слушать указаний поэтов, — пишет он К. Р. 8 мая 1890 г., — то где же искать критики? Не дожидаться же снова суждений предводителя, говорившего когда-то у себя на бале про стихотворение «Я долго стоял неподвижно», строчка: «Я думал... не помню, что думал»: — Если не помнишь, так нечего и говорить». Ср. пародию И. С. Тургенева (Сочинения, т. 11. Л., 1934, стр. 250).

«Шумела полночная вьюга...» (стр. 172). Впервые — ОЗ, 1842, № 9, стр. 44. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг. Л. А. Мей отмечает влияние Гейне («Москв.», 1850, № 6, стр. 41). На сродство с манерой Гейне указывает и Ап. Григорьев (ОЗ, 1850, № 1, стр. 60).

«Улыбка томительной скуки...» (стр. 172.). Впервые — ОЗ, 1844, № 4, стр. 360, под заглавием «Мелодия», в составе пяти строф. Без двух последних строф первоначального текста и с другими изм. — изд. 1856 г., стр. 54. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

Серенада (стр. 173). Впервые — изд. 1850 г., стр. 24, в составе четырех строф. Без последней строфы первоначального текста и с другими изм. — изд. 1856 г., стр. 55. Включено в изд. 1863 г. Автограф в ГБЛ, в фонде И. Е. Бецкого. Стихотворение было послано Бецкому Фетом для сборника «Молодик» вместе со стихотворением «На водах Гвадалквивира» и стихотворением А. Григорьева «В больной груди носил он много, много...». Автограф стихотворения Григорьева, посланный Бецкому, имеет дату «1844. Февр. 8»; в том же году оно было напечатано (в РиП, № 9). Этим датируется письмо Фета и его стихотворение. В свое время был популярен романс П. П. Булахова на слова этого стихотворения; впоследствии на те же слова был написан романс Н. А. Римского-Корсакова.

«Тихо ночью на степи...» (стр. 173). Впервые — изд. 1850 г., стр. 24.

«За кормою струйки вьются...» (стр. 174). Впервые — «Москв.», 1844, № 7, стр. 3, под заглавием «Норма». Без заглавия и с незначит. изм. — изд. 1850 г., стр. 25. С новыми изм. — изд. 1856 г., стр. 56. Включено в изд. 1863 г. *«Норма»* (1831) — популярная в то время опера В. Беллини (1802—1835).

Фантазия (стр. 174). Впервые — изд. 1850 г., стр. 26, без заглавия, в составе девяти строф. Под заглавием «Фантазия», без первоначальной 3-й строфы и с другими изм. — изд. 1856 г., стр. 58—59. Включено в изд. 1863 г. Рассказывая о подготовке изд. 1856 г., Фет пишет: «Досаднее и смешнее всего была долгая переписка по поводу отмены стиха «На суку извилистом и чудном». Очень понятно, что высланные мною, скрепя сердце, три-четыре варианта оказались непригодными, и наконец Тургенев писал: «Не мучьтесь более над стихом «На суку извилистом и чудном». Дружинин растолковал нам, что фантастическая жар-птица и на плафоне, и в стихах может сидеть только на извилистом и чудном суку рококо. И мы согласились, что этого стиха трогать не надо» («Мои восп.», ч. 1. М., 1890, стр. 105). Современники высоко оценивали это стихотворение. А. В. Дружинин в статье об изд. 1856 г., писал: «Подобной высокой, безграничной, волшебной, изумительной поэзии надо поискать и поискать во всех европейских литературах» (Собр. соч., т. 7, стр. 128).

«Недвижные очи, безумные очи...» (стр. 175). Впервые — ОЗ, 1846, № 3, стр. 46. С изм. — изд. 1856 г., стр. 60. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Весеннее небо глядится...» (стр. 176). Впервые — ОЗ, 1845, № 1, стр. 95, с пометой: «Франкфурт на Майне». Включено в изд. 1850 г. и в ВО 3. Датируется пребыванием Фета во Франкфурте на Майне. Л. А. Мей отмечает влияние Гейне («Москв.», 1850, № 6, стр. 41).

«Как мошки зарею...» (стр. 177). Впервые — ОЗ, 1844, № 11, стр. 108, с пометой: «Франкфурт на Майне. 11 августа 1844».

С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 61. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Спи — еще зарею...» (стр. 177). Впервые — изд. 1850 г., стр. 30, в составе четырех строф. Без последней строфы первоначального текста — изд. 1856 г., стр. 62. Включено в изд. 1863 г.

«Свеж и душист твой роскошный венок...» (стр. 178). Впервые — РиП, 1847, № 3, стр. 133. С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 63. Включено в изд. 1850 и 1863 гг. На слова этого стихотворения написан известный романс Н. А. Римского-Корсакова.

«Младенческой ласки доступен мне лепет...» (стр. 178). Впервые — изд. 1850 г., стр. 32. С незначит. изм. — ВО 3, стр. 62.

«Снился берег мне скалистый...» (стр. 179). Впервые — «Совр.», 1857, № 3, стр. 80, под заглавием «Сон», с пометой «Рим». Без заглавия включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Датируется пребыванием Фета в Риме (октябрь 1856 — январь 1857 г.).

Туманное утро (стр. 179). Впервые — «Совр.», 1857, № 3, стр. 56, с пометой «Рим». Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Датируется как и предыдущее. В той же тетради под стих. «Снился берег мне скалистый...», также написанным в Риме, карандашом набросано: «Капля скатившаясь с листа такая утрен<няя> песнь». Это, очевидно, фиксация первого замысла комментируемого стихотворения.

Римский праздник (стр. 179). Впервые — «Совр.», 1857, № 3, стр. 55, без заглавия, с пометой «Рим». С заглавием включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Датируется как и предыдущие.

Цветы (стр. 180). Впервые — РВ, 1858, апрель, кн. 2, стр. 608. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

«Вчера я шел по зале освещенной...» (стр. 181). Впервые — РВ, 1858, май, кн. 1, стр. 180. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

«Всё вокруг и пестро так и шумно...» (стр. 181). Впервые — РВ, 1857, август, кн. 1, стр. 581, с пометой «Париж». Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Датируется пребыванием Фета в Париже (август — октябрь 1856 г.).

Певице (стр. 182). Впервые — РВ, 1857, октябрь, кн. 2, стр. 916. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. На слова этого стихотворения написан известный романс П. И. Чайковского.

Бал (стр. 182). Впервые — РВ, 1857, декабрь, кн. 2, стр. 814. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

Anruf an die Geliebte Бетховена (стр. 183). Впервые — РВ, 1857, июль, кн. 1, стр. 174. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 79. Автограф в тетр. I. Стихотворение вызвано, очевидно, впечатлением от романса Бетховена «An die Geliebte» («К возлюбленной», 1812) или цикла его романсов «An die ferne Geliebte» («К далекой возлюбленной», 1816). Со словами этих романсов Бетховена стихотворение Фега не связано. На слова стихотворения написан романс П. И. Чайковского.

«Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...» (стр. 183). Впервые — РВ, 1859, февраль, кн. 2, стр. 737. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 80. Автограф в тетр. I. Стихотворение было написано без 4-й строфы окончательной редакции; она приписана в рукописи впоследствии.

«Свеча нагорела. Портреты в тени...» (стр. 184). Впервые — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 81. Автограф в тетр. I с зачеркнутой 4-й строфой. 19 декабря 1887 г. Фет писал К. Р.: «Я нисколько не против поэтических поисков в области новых размеров, но это чрезвычайно трудно и никогда мне не удавалось, а если удавалось, то в самой слабой, едва приметной степени, как, напр., в стихотворении „Свеча нагорела. Портреты в тени"».

«Нет, не жди ты песни страстной...» (стр. 184). Впервые — БдЧ, 1858, № 3, стр. 54. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Первоначально написано в составе строф 1 и 3; строфа 2 приписана в автографе под стихотворением. Это стихотворение, вероятно, одно из четырех, посланных Дружинину 13 ноября 1857 г. (См.: Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, стр. 337).

«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...» (стр. 185). Впервые — ВО 1, стр. 49. Автографы в тетр. II и в письме к Л. Н. Толстому от 3 августа 1877 г. под заглавием «Опять». Т. А. Кузминская (1846—1925), сестра жены Л. Н. Толстого, в своих мемуарах подробно описывает вечер, вдохновивший Фета на стихотворение, которое он поднес ей на другое утро (Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, ч. 3. М., 1928, стр. 106—108). Стихотворение, по этим мемуарам, должно было бы датироваться маем 1866 г. Однако, посылая его Л. Н. Толстому, Фет пишет: «Посылаю Вам вчера написанное стихотворение» — и, таким образом, оно должно датироваться 2 августа 1877 г. Память, видимо, изменила мемуаристке. Воспоминание об описанном ею вечере вдохновило Фета, очевидно, когда он, через много лет, вновь услышал пение Кузминской. Этому соответствуют и слова: «И много лет прошло, томительных и скучных».

«Что ты, голубчик, задумчив сидишь...» (стр. 186). Впервые — ВО 1, стр. 50. Автографы в тетр. II и в письме к Л. Н. Толстому от 15—20 февраля 1875 г. Посылая стихотворение, Фет писал: «Во Мценске в ночь перед съездом вдруг написал стихотворение, которое посылаю Вам» («Литературное наследство», кн. 37—38. М., 1939, стр. 214). Толстой ответил 22 февраля: «Ваше

стихотворение мне кажется эмбрионом прекрасного стихотворения; оно как поэтическая мысль мне совершенно ясно, но совершенно неясно как произведение слова» (Полн. собр. соч., т. 62. М., 1953, стр. 149). В следующем письме (от 8 марта) Фет писал: «Я совершенно отказался от авторства; но, очевидно, в посланном Вам стихотворении сделал, что хотел. Я хотел набросать эскиз и потому два вторых стиха в куплетах не рифмовал. За достоинство стихов не стою» («Литературное наследство», кн. 37—38, стр. 215). Начальный стих связан с известной песней на слова А. Ф. Мерзлякова «Ах, что ж ты, голубчик, невесел сидишь...».

«В дымке-невидимке...» (стр. 186). Впервые — РВ, 1874, № 2, стр. 481. Включено в ВО 1. Автографы в тетр. II и в письме к Л. Н. Толстому от 30 апреля 1873 г. Первонач. вариант ст. 10 («Соловей у розы») исправлен по указанию Л. Н. Толстого, который писал Фету 11 мая 1873 г.: «Стихотворение ваше крошечное прекрасно. Это новое, никогда не уловленное прежде чувство боли от красоты выражено прелестно. У вас весною поднимаются поэтические дрожжи, а у меня восприимчивость к поэзии. Одно — не из двух ли разных периодов весны 1) соловей у розы и 2) плачет старый камень, в пруд роняя слезы. Это первая весна — апрель, а то — май конец. Впрочем, это, может быть, придирка» (Полн. собр. соч., т. 62. М., 1953, стр. 26). На слова стихотворения написан известный романс С. И. Танеева.

«Одна звезда меж всеми дышит...» (стр. 187). Впервые — ВО 1, стр. 52. Список с поправками Фета в тетр. II.

«Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури...» (стр. 187). Впервые — ВО 1, стр. 53. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради.

«Солнце нижет лучами в отвес...» (стр. 188). Впервые — РВ, 1863, № 11, стр. 260. С незначит. изм. — ВО 1, стр. 54. Автограф в тетр. II. Датируется по месту в тетради. В. П. Боткин писал Фету 10 декабря 1863 г.: «Стихотворение твое принадлежит к лучшим. Мне кажется неопределенным:

И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес...

У какой окраины? Испарения могут подниматься с земли, — у какой же окраины небес они могут дрожать? Как я ни думал об этом и ни старался представить себе определительно — ничего не выходило. Значит, нет ли неясности в твоем рисунке? Кроме этого, все стихотворение прекрасно» («Мои восп.», ч. 1, стр. 448).

«Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...» (стр. 188). Впервые — РВ, 1863, № 5, стр. 188, под заглавием «Мелодия». С изм. и без заглавия — ВО 1, стр. 55. Автограф в тетр. II и в письмах Л. Н. Толстому от 11 апреля и от 16 мая 1863 г.

«Забудь меня, безумец исступленный...» (стр. 189). Впервые — «Совр.», 1856, № 1, стр. 158. С незначит. изм. — ВО 1, стр. 56. Автограф в тетр. I. Автограф двух первых строф в тетр. ГБЛ. Послано Н. А. Некрасову в письме от 25 декабря 1855 г. («Посылаю Вам луну». — «Литературное наследство», кн. 51—52. М., 1949, стр. 536).

«Прежние звуки, с былым обаяньем...» (стр. 189). Впервые — РВ, 1863, № 1, стр. 204, под заглавием «Романс». Без заглавия включено в изд. 1863 г. (отд. «Разные стихотворения») и в ВО 1 (отд. «Мелодии»). Автограф в тетр. II. Датируется по месту в тетради.

«Как ясность безоблачной ночи...» (стр. 190). Впервые — ВО 1, стр. 58. Автограф в тетр. II. Датируется по месту в тетради.

Romanzero (стр. 190). Впервые — ВО 1, стр. 59. Автограф в тетр. II. *Романцеро* — испанские народные песни. Romanzero — название цикла лирических стихотворений Гейне. 2-е стихотворение в рукописи под заглавием «Тайна».

«Сны и тени...» (стр. 192). Впервые — ВО 1, стр. 218. Автографы в тетр. II и в ГБЛ. В письме, датируемом декабрем 1859 г., Тургенев писал: «Стихотворение «Сны и тени» — есть — извините за выражение — совершенный сумбур» («Щукинский сборник», вып. 8, стр. 423).

Шопену (стр. 193). Впервые — ВО 1, стр. 221. Автограф в тетр. II.

Романс («Злая песнь! Как больно возмутила...») (стр. 194). Впервые — ВО 1, стр. 223. Автограф в ГБЛ.

«Я видел твой млечный, младенческий волос...» (стр. 194). Впервые — ВО 2, стр. 25. Автограф в тетр. II.

«Только в мире и есть, что тенистый...» (стр. 195). Впервые — РВ, 1883, № 11, стр. 95. Включено в ВО 2. Автограф в тетр. II. В дневнике В. Ф. Булгакова («Лев Толстой в последний год его жизни») записано под 16 февраля 1910 г.: «Лев Николаевич говорил: «Художник, и писатель, и музыкант — дорог и интересен своим особенным отношением к явлениям жизни, дорог тем, что он не повторяется... Так и Фет. И я понимаю даже и это его стихотворение... о том, что ему пробор волос дороже всего на свете: он соединяет в своем представлении этот пробор с известной личностью...» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1955, стр. 283).

В лунном сиянии (стр. 195). Впервые — ВО 3, стр. 15. Список в тетр. II под заглавием «Лунное сияние». В тексте списка все четные рифмы — женские (сияньи, молчаньи и т. д.). Стихотво-

рение было послано Н. Н. Страхову, который писал Фету 13 января 1886 г.: «Лунное сияние — прелесть. Удивительно, как можно такими простыми словами так ясно выразить всю прелесть самого простого настроения. Все знакомо и все чудесно! Но два стиха —

Можно ль не ныть и не жить
Нам в обаяньи!

(Кстати — непременно в сиянии, а не в сияньи). Мне все кажется, что Вы хотели сказать — нам можно не ныть, *а* жить в обаянии.

Можно не ныть, можно жить
Нам в обаянии.

Это, как Вы чувствуете, проза; или так:

Можно ли ныть и не жить...

Вы сами, впрочем, все лучше разберете». По этим указаниям стихотворение и было исправлено. 21 января того же года Страхов известил Фета, что стихотворение прочли Вл. Соловьев и А. А. Голенищев-Кутузов (поэт школы «чистого искусства»): «Травы в рыдании» (какой звук!), которые я понимал, оказались непонятными; зато

Можно ль не ныть и не жить,

которого я не понимал, был одобрен и очень смакован Кутузовым».

На рассвете (стр. 195). Впервые — ВО 3, стр. 17. Список в тетр. II.

«Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть...» (стр. 196). Впервые — ВО 3, стр. 20. Н. Н. Страхов писал Фету 20 апреля 1887 г.: «Ваши стихи в письме — удивительная прелесть, хотя непонятная. Звук описан так, как никто другой не опишет; чувство ночи охватывает, но почему вдруг

И не нужно огней?

Нежность и минута этой нежности ясны; но перехода нет».

«Я тебе ничего не скажу...» (стр. 196). Впервые — ВЕ, 1886, № 1, стр. 168, под заглавием «Романс». Без заглавия включено в ВО 3. Автограф в тетр. II. На слова этого стихотворения написан известный романс П. И. Чайковского.

«Всё, как бывало, веселый, счастливый...» (стр. 197). Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 106. Включено в ВО 3.

«Моего тот безумства желал, кто смежал...» (стр. 197). Впервые — ВО 3, стр. 43. *Завои* — завитки.

«Сплю я. Тучки дружные...» (стр. 198). Впервые — ВО 3, стр. 50. Автограф в ГБЛ.

«Не нужно, не нужно мне проблесков счастья...» (стр. 198). Впервые — РО, 1890, № 11, стр. 238. С незначит. изм. — ВО 4, стр. 16.

«Гаснет заря в забытьи, в полусне...» (стр. 199). Впервые — «Гусляр», 1889, № 3, стр. 33. С изм. — ВО 4, стр. 38. Полонский писал Фету 11 января 1889 г.: «Присланное тобою стихотворение прекрасно по тонине чувства и мысли, которые нашли себе поэтическую формулу, — но в звуковом отношении оно меня не вполне удовлетворяет; я чувствую краску и вес слов и нахожу, что в первом куплете слова: тружу и твержу слишком тяжелы для такой воздушной и тонкой формы...

Я напрягаю мой ум и мой слух,
И знаю, — ах, знаю, мой гений, мой друг! —

было бы легче — хотя, быть может, и не так, как следует; но по крайней мере тут нет ненужного: твержу. По тону всего стихотворения тут должно быть воззвание или восклицание, — а не то, что твердят, т. е. повторяют несколько раз. — Вот мое единственное замечание. Все остальное незаменимо, а стало быть и хорошо». «Спасибо тебе за твои тонкие указания на хромоты моего стихотворения, — отвечал Фет 16 января. — Посылаю тебе первый куплет в исправленном виде».

«Чуя внушенный другими ответ...» (стр. 199). Впервые — «Московская иллюстрированная газетка», 1890, № 43 (20 мая), стр. 170. Включено в ВО 4.

Во сне (стр. 200). Впервые — ВО 4, стр. 28.

«Запретили тебе выходить...» (стр. 200). Впервые — ВО 4, стр. 70. Черновой автограф в архиве Полонского (ПД).

«Я не знаю, не скажу я...» (стр. 200). Впервые — РВ, 1891, № 3, стр. 254.

«Только месяц взошел...» (стр. 201). Впервые — изд. 1894 г., ч. 1, стр. 241.

«Мы встретились вновь после долгой разлуки...» (стр. 201). Впервые — РО, 1892, № 1, стр. 43. Стихотворение относится, по-видимому, к встрече с А. Л. Бржеской (см. стр. 725).

«Люби меня! Как только твой покорный...» (стр. 202). Впервые — РВ, 1891, № 10, стр. 2.

ВЕЧЕРА И НОЧИ

«Право, от полной души я благодарен соседу...» (стр. 203). Впервые — ОЗ, 1842, № 5, стр. 183, как первое стихотворение цикла «Вечера и ночи». С изм. — изд. 1856 г., стр. 67. Включено в изд. 1850 и 1863 гг. Общий эпиграф к циклу в ОЗ:

Und frische Nahrung, neues Blut
Saug'ich aus freier Welt;
Wie ist Natur so hold und gut,
Die mich am Busen hält.

Goethe

Это — начало стихотворения Гете «На озере»; в переводе Фета см. на стр. 623.

«Вдали огонек за рекою...» (стр. 203). Впервые — ОЗ, 1842, № 5, стр. 183. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 86. Включено в изд. 1850 и 1856 гг.

«Я люблю многое, близкое сердцу...» (стр. 204). Впервые — ОЗ, 1842, № 5, стр. 183. С изм. — изд. 1856 г., стр. 69. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно...» (стр. 205). Впервые — ОЗ, 1842, № 5, стр. 184. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг. Стихотворение написано, очевидно, под влиянием V «Римской элегии» Гете.

«Долго еще прогорит Веспера скромная лампа...» (стр. 206). Впервые — ОЗ, 1842, № 5, стр. 184. Включено в изд. 1850 г. *Веспер* (лат.) — вечерняя звезда (планета Венера). *Дева, богиня* — Диана (римск. миф.) — здесь: луна.

«Я жду... Соловьиное эхо...» (стр. 206), «Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!..» (стр. 206). Впервые — ОЗ, 1842, № 5, стр. 185. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг.

«Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны...» (стр. 207). Впервые — ОЗ, 1842, № 5, стр. 185. С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 74. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Ночью как-то вольнее дышать мне...» (стр. 207). Впервые — ОЗ, 1842, № 5, стр. 185. С заменой трех последних стихов — изд. 1856 г., стр. 75. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Рад я дождю... От него тучнеет мягкое поле...» (стр. 208). Впервые — ОЗ, 1842, № 5, стр. 186. С незначит. изм. — изд. 1850 г., стр. 38. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. *Плювий* (римск. миф.) — эпитет Юпитера, ниспосылающего дождь.

«Слышишь ли ты, как шумит вверху угловатое стадо?..» (стр. 209). Впервые — ОЗ, 1842, № 5, стр. 186. С изм. — изд. 1856 г., стр. 79. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый...» (стр. 209). Впервые — «Москв.», 1843, № 2, стр.

359, под заглавием «Ночь». Без заглавия и с изм. — изд. 1850 г., стр. 39. С иным концом (двумя последними стихами) — изд. 1856 г., стр. 80. Включено в изд. 1863 г. В Остр. экз. Тургеневым подчеркнуты ст. 17—18 (см. варианты) и на полях написано: «перем. К черту. Философия!». Вариант, первоначально предложенный Фетом (см. варианты), не был принят.

«Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потемках...» (стр. 210). Впервые — изд. 1850 г., стр. 40. С изм. — изд. 1856 г., стр. 82. Включено в изд. 1863 г.

«Летний вечер тих и ясен...» (стр. 210). Впервые — изд. 1850 г., стр. 41, с третьей строфой (см. варианты). Без этой строфы — в изд. 1856 г., стр. 81. Включено в изд. 1863 г. По дневниковой записи В. Ф. Лазурского, 2 июля 1894 г. Л. Н. Толстой «стал припоминать» это стихотворение и сказал: «Это превосходно, здесь каждый стих — картина» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1955, стр. 34).

«Что за вечер! А ручей...» (стр. 210). Впервые — изд. 1850 г., стр. 41.

«Шепот, робкое дыханье...» (стр. 211). Впервые — «Москв.», 1850, № 2, стр. 186. С изм. — изд. 1856 г., стр. 83. Включено в изд. 1863 г. Автограф в альбоме О. П. Козловой (ПД). М. Е. Салтыков писал в рецензии на изд. 1863 г.: «Бесспорно, в любой литературе редко можно найти стихотворение, которое своей благоуханной свежестью обольщало бы читателя в такой степени, как стихотворение г. Фета «Шепот, робкое дыханье» (Полн. собр. соч., т. 5. М., 1937, стр. 331). С. Л. Толстой пишет в своих воспоминаниях о Л. Н. Толстом («Очерки былого»): «Про известное стихотворение «Шепот, робкое дыханье» отец в 80-х годах говорил приблизительно так: «Это мастерское стихотворение; в нем нет ни одного глагола (сказуемого). Каждое выражение — картина; не совсем удачно разве только выражение «В дымных тучках пурпур розы». Но прочтите эти стихи любому мужику, он будет недоумевать, не только в чем их красота, но и в чем их смысл. Это — вещь для небольшого кружка лакомок в искусстве» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. 1. М., 1955, стр. 181). В дневнике В. Ф. Булгакова («Лев Толстой в последний год его жизни») записано под 16 февраля 1910 г.: «Лев Николаевич продекламировал стихотворение Фета „Шепот, робкое дыханье...“»

— А ведь сколько оно шума наделало когда-то, сколько его ругали! .. Но в нем одно только нехорошо и не нравится мне: это — выражение: «пурпур розы» (там же, т. 2, стр. 283).

Степь вечером (стр. 212). Впервые — «Совр.», 1854, № 2, стр. 146. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Автограф в тетр. I.

Вечер (стр. 212). Впервые — ОЗ, 1855, № 5, стр. 2. Включено в изд. 1856 и 1863 гг.

«На стоге сена ночью южной...» (стр. 213). Впервые — РВ, 1857, ноябрь, кн. 2, стр. 444. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. П. И. Чайковский в письме к К. Р. от 21 сентября 1888 г. называет это стихотворение «гениальным», приводя его в пример тех стихов Фета, которые он «ставит наравне с самым высшим, что только есть высокого в искусстве». Это стихотворение он «намерен когда-нибудь иллюстрировать музыкально» (М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. 3. М.—Лейпциг, 1902, стр. 272). *Твердь* — небо.

«Заря прощается с землею...» (стр. 213). Впервые — РВ, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 629. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 101. Автограф в тетр. I.

Колокольчик (стр. 214). Впервые — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 102. Автограф в тетр. I, с другой редакцией третьей строфы (см. варианты). Датируется по месту в тетради. Стихотворение было послано А. В. Дружинину при письме от 16 января 1860 г. (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, стр. 350) для помещения в БдЧ, но, очевидно, не было принято, так как в журнале не появилось. М. Е. Салтыков писал об этом стихотворении: «Прочитывая это воплощенное противоречие грамматике, читатель недоумевает, уж не загадка ли какая перед ним, не «Иллюстрация» ли шутки шутит, помещая на своих столбцах стихотворные ребусы без картинок? Нет, читатель, это не загадка, а продолжение той же самой поэтической деятельности, которая уже исчерпала скудное свое содержание, но не хочет еще сознаться в этом» (Полн. собр. соч., т. 5. М., 1937, стр. 333).

«Молятся звезды, мерцают и рдеют...» (стр. 214). Впервые — ВО 2, стр. 39. Автограф в тетр. II. Датируется сообщением о получении этого стихотворения в письме А. Л. Бржеской Фету от 1 мая 1883 г. (ПД).

«Благовонная ночь, благодатная ночь...» (стр. 215). Впервые — ВО 3, стр. 11.

«Сегодня все звезды так пышно...» (стр. 215). Впервые — РВ, 1889, № 2, стр. 134. С изм. — ВО 4, стр. 35. Н. Н. Страхов писал 7 ноября 1888 г. о второй редакции стихотворения (см. варианты): «В стихах, истинно прекрасных, меньше всего мне нравится первый куплет. Проходила и преклонялись не стоит ли вместо прошла и были преклонены? Проходила — многократный вид. И во втором куплете не напрасно, не даром стоят, мне кажется, вместо каких-то других слов. Впрочем, может быть, я не понимаю». О третьей редакции Страхов писал 20—21 ноября: «Новые две строфы мне показались слабее старых, и я начинаю мириться с прежним их видом. Зари-то — непозволительно! Нет, трудно предлагать перемены в письмах, не в живом разговоре». Дата, помещенная под стихотворением в ВО 4, «26 ноября 1888 г.», — это дата журнальной редакции; с этой датой напечатал четвертую редакцию и Садовской; но первые три редакции напечатаны у него с одной и той же датой: 27 октября 1888 г.

(«Ледоход», стр. 92—93). Очевидно, это дата первой редакции. Судя по письмам Страхова, дата второй редакции — первые числа ноября, третьей редакции — 18 или 19 ноября.

«От огней, от толпы беспощадной...» (стр. 216). Впервые — «Гусляр», 1889, № 13, стр. 193. С изм. — ВО 4, стр. 51, с датой «8 февраля 1889. Москва». Но текст, посланный Я. П. Полонскому 18 февраля 1889 г., датирован 7 февраля. Та же дата в тексте, опубликованном по не дошедшей до нас тетради Б. Садовским («Ледоход», стр. 91).

БАЛЛАДЫ

Змей (стр. 217). Впервые — изд. 1850 г., стр. 52. Ср. в «Абевеге русских суеверий» М. Чулкова (М., 1786): «Змеи огненные, — к некоторым женам и девицам летают ночью огненные змеи, то есть воздушные дьяволы, и имеют с ними плотское совокупление, от чего те женщины весьма худеют. Проезжающие в зимнее время ночью поля видят падающие с неба звезды, кои также почитают за оных же дьяволов и, крестяся, произносят слова: аминь, аминь, рассыпься» (стр. 202).

Лихорадка (стр. 217). Впервые — изд. 1850 г., стр. 132, в отделе «Разные стихотворения». В списке 1892 г. — в отделе «Баллады». Л. А. Мей писал: «„Лихорадка" — неудачная стряпня немецкой кухни фабрики Гейне, разогретая г. Фетом» («Москв.», 1850, № 6, стр. 52). Между тем стихотворение основано на русском народном поверье. Обращает внимание сходство этого стихотворения со стихотворением А. Григорьева «Доброй ночи». Обща не только тема, но, по-видимому, оба поэта пользовались одним и тем же материалом, и при сопоставлении их стихотворения производят впечатление написанных в порядке поэтического состязания. Стихотворение Григорьева написано в июне 1843 г. И Фет, и Григорьев в это время находились в Москве и жили вместе. Приведем две средние строфы стихотворения Григорьева, особенно близкие к «Лихорадке» Фета:

Чтоб не смела сила злая
Сон твой возмущать,
Час ночной, пора ночная —
Ей пора гулять.
В час ночной, тюрьмы подводной
Разломав запор,
Вылетает хороводной
Цепью рой сестер.

Лихорадки им прозванье;
Любо им смущать
Тихий сон — и на прощанье
В губы целовать.
Лихоманок-лихорадок,
Девяти подруг,
Поцелуй и жгуч и сладок,
Как любви недуг.

(А. Григорьев. Стихотворения. М., 1916, стр. 78—79). Ср. в «Абевеге русских суеверий» М. Чулкова: «Лихоманка — так называется лихорадка. Лихорадка: простолюдины уверяют, что сих лихорадок девять сестер: они крылаты и неприязненны человеческому роду; содержатся в земных челюстях на цепях, и, когда их спускают, тогда без милости нападают на людей. Они столь вредны, что, когда им много дела, одним мечтательным поцалуем причиняют трясавицу и обитают во одержимых лихорадками» (стр. 230—231).

Видение (стр. 218). Впервые — «Москв.», 1843, № 10, стр. 290. Включено в изд. 1850 г., в отдел «Разные стихотворения». В списке 1892 г. — в отделе «Баллады». Согласно церковной легенде, построенная в XI веке «великая каменная церковь» Киево-Печерской лавры была создана по образу «видения», явившегося ее строителям в воздухе. Стихотворение принадлежит к немногим, написанным атеистом Фетом на религиозный сюжет — видимо, в угоду «покровителю» начинающего поэта, соредактору «Москвитянина» профессору С. П. Шевыреву (ср. примеч. к стих. «Владычица Сиона, пред тобою. . .», «Мадонна», «Ночь тиха. По тверди зыбкой. . .»).

Геро и Леандр (стр. 219). Впервые — изд. 1850 г., стр. 59, под заглавием «Гера и Леандр». С незначит. изм. — ВО 3, стр. 59. «В «Геро и Леандре», — писал Ап. Григорьев, — замечательно то, что при совершенном отсутствии рассказа о событии — это все-таки баллада» (ОЗ, 1850, № 1, стр. 66). Действительно, стихотворение как бы предполагает фабулу известной — очевидно, из одноименной баллады Шиллера, основанной на следующем античном мифе: *Геро*, жрица Афродиты, была разлучена со своим возлюбленным *Леандром*, жившим на другом берегу Геллеспонта. Каждую ночь Леандр переплывал к ней через море. Однажды в бурю Леандр утонул. Увидя его труп, Геро кинулась с башни в море.

Тайна (стр. 220). Впервые — ОЗ, 1843, № 1, стр. 212, под заглавием «Баллада». С незначит. изм., под заглавием «Вампир»—изд. 1850 г., стр. 53. Это заглавие зачеркнуто Тургеневым в Остр. экз., с пометкой: « — другое заглавие». Фетом предложены два заглавия: «Им не узнать» и «Тайна». Включено в изд. 1856 и 1863 гг.

Ворот (стр. 221). Впервые — ОЗ, 1847, № 5, стр. 196, под заглавием «Няня». Под заглавием «Ворот» включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг.

«На дворе не слышно вьюги. . .» (стр. 222). Впервые — сб. «Подземные ключи», М., 1842, стр. 80. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг. Незадолго до смерти — по указанию Б. В. Никольского (изд. 1901 г., т. 1, стр. VIII), за несколько дней — Фет написал следующее восьмистишие, впервые напечатанное в изд. 1901 г.:

«Дай-ка няне ручки-крошки —
Поглядеть на них персты, —

Чтó, на кончиках дорожки
Не кружками ль завиты?
Ах, последний даже пальчик
Без кружка, дитя мое! ..»
Вот заплакала, — и мальчик
Плачет, глядя на нее.

Это — переработка двух последних строф комментируемого стихотворения. Изменения вызваны введением рифм в нечетные стихи. Хотел ли Фет переработать таким образом все стихотворение или новая редакция вообще должна была состоять из двух строф — у нас нет оснований решать. В изд. 1894 г. стихотворение напечатано в следующей контаминации: пять строф по первой редакции, а последняя по второй. При этом стихотворению придано заглавие «Бедный мальчик». В списке 1892 г. в отделе «Гадания» действительно фигурирует заглавие «Бедный мальчик», — однако оно, очевидно, не относится ни к «На дворе не слышно вьюги», ни к переработке. «На дворе не слышно вьюги» помещено в списке особо, в отделе «Баллады»; притом «Бедный мальчик» помечен ненапечатанным. Переработка же не могла войти в составленный летом 1892 г. список, в котором отсутствуют все стихотворения, написанные после 18 июня. Восьмистишие это, как видно по пометкам К. Р. на списке, не имело в рукописи никакого заглавия. Да и невозможно себе представить, чтобы Фет включил в качестве двух самостоятельных стихотворений и полную, и сокращенную редакции. Очевидно, под заглавием «Бедный мальчик» было какое-то не дошедшее до нас стихотворение. В переданных вдовой Фета К. Р. тетрадях не было еще нескольких значившихся в списке Фета стихотворений, и они были найдены в бумагах Фета и пересланы К. Р. позже. В изд. 1901 г. помещены и «На дворе не слышно вьюги», в комбинированной редакции издания 1894 г., и «Дай-ка няне. . .», — то и другое под заглавием «Бедный мальчик». *Мочка* — пучок льна для прядения.

Легенда (стр. 223). Впервые — «Москв.», 1843, № 6, стр. 334, под заглавием «Сказание». Под заглавием «Легенда» включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг. *Аргамак* — порода скаковых лошадей. *Чепрак* — подстилка под седло. *Кондак* — краткое церковное песнопение.

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Греция (стр. 225). Впервые — ЛП, стр. 54. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг.

«Когда петух. . .» (стр. 225). Впервые — ЛП, стр. 69. Включено в изд. 1850 г. Ап. Григорьев писал об этом стихотворении: «В этом стихотворении, несмотря на безукоризненно прекрасные, подчеркнутые нами строки (ст. 18—27. — *Б. Б.*), есть весьма важный и ощутительный недостаток — рабская копировка приемов Гете» (ОЗ, 1850, № 1, стр. 56—57). *Чада Сатурна* — боги (Сатурн в римск. миф. — отец Юпитера и других богов).

Вакханка (стр. 227). Впервые — ОЗ, 1843, № 4, стр. 228. Без заглавия. С заглавием и с незначит. изм. — изд. 1850 г., стр. 100. С нов. незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 100. Включено в изд. 1863 г.

Диана (стр. 227). Впервые — изд. 1850 г., стр. 101. С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 101. Включено в изд. 1863 г. Стихотворение оценивалось современниками исключительно высоко. Н. А. Некрасов писал: «Всякая похвала немеет перед высокою поэзиею этого стихотворения, так освежительно действующего на душу» (Полн. собр. соч. и писем, т. 9. М., 1950, стр. 336). Тургенев в Остр. экз. написал на полях: «Это стихотворение — chef d'oeuvre (шедевр. — *Б. Б.*)». А. В. Дружинин писал (1856): «Мастерской, неслыханно прелестный антологический очерк «Диана» сделал бы честь перу самого Гете в блистательный период для германского олимпийца» (Собр. соч., т. 7, стр. 21). В. П. Боткин писал (1857): «Перл антологической поэзии — есть его «Диана». Никогда еще немая поэзия ваяния не была прочувствована и выражена с такой силою. В этих стихах мрамор действительно исполнился какой-то неведомой, таинственной жизнью: чувствуешь, что окаменелые формы преображаются в воздушное виденье. Читая это стихотворение, понимаешь то чувство, какое ощущал древний грек, смотря на изваяния олимпийских богов своих, созданных великими художниками... Признаемся, мы не знаем ни одного произведения, где бы эхо исчезнувшего, невозвратного языческого мира отозвалось с такой горячностью и звучностью, как в этом идеальном, воздушном образе строгой, девственной Дианы. Это высочайший апофеоз не только ваяния, но и всего мифологического мира!» (Сочинения, т. 2, стр. 381—382). «Последние две строки этого стихотворения, — писал Ф. М. Достоевский в статье «Г. — бов и вопрос об искусстве» (1861), — полны такой страстной жизненности, такой тоски, такого значения, что мы ничего не знаем более сильного, жизненного во всей нашей русской поэзии» (Полн. собр. соч., т. 9. СПб., 1895, стр. 79). *Диана* (римск. миф.) — девственная богиня луны и покровительница охотников, считалась в некоторых культах и охранительницей рожениц. *Стогны* — площади или широкие улицы.

«Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил...» (стр. 228). Впервые — изд. 1850 г., стр. 101. С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 102. Включено в изд. 1863 г. В Остр. экз. Тургенев подчеркнул слово «каштана» в конце ст. 12 и написал на полях: «перем.; в гекзаметрах нельзя рифмовать». Фет устранил рифму, изменив конец ст. 11 (было: «серые волны тумана»). *Влажное ложе* — море, над которым восходит солнце. *Фаетон* (греч. миф.) — сын бога солнца Гелиоса (Феба). Выпросив у отца солнечную колесницу, он поехал по небу, но не смог сдержать огненных коней и зажег небо и землю. Зевс убил его молнией. *Эос* (греч. миф.) — богиня утренней зари, по утрам возносилась на колеснице из океана на небо. *Пракситель* — знаменитый скульптор древней Греции (IV в. до н. э.).

Кусок мрамора (стр. 228). Впервые — изд. 1850 г., стр. 102. С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 104. Включено в изд. 1863 г. *Тит* — римский император (41—81), имел репутацию милостивого

правителя. *Фавн* (римск. миф.) — лесной бог. *Змей примирителя — жезл* и т. д. С жезлом в виде крылатой палки, обвитой двумя змеями, и с крыльями на подошвах изображался бог Меркурий (римск. миф.). *Стан быстроногий.* Меркурий считался гонцом и глашатаем богов.

«С корзиной, полною цветов, на голове...» (стр. 229). Впервые — изд. 1850 г., стр. 103. В Остр. экз. зачеркнуто слово «увидишь» в 5-м стихе, и чужой (не Фета) рукой написано «узнаешь». С этим разночтением — изд. 1856 г., стр. 105. Включено в изд. 1863 г.

Нептуну Леверрье (стр. 229). Впервые — изд. 1850 г., стр. 104, под заглавием «Нептуну». Включено в список 1892 г. под заглавием «Нептуну Леверрье». Это заглавие подчеркивает, что речь идет не о боге Нептуне, а о планете, открытой на основании вычислений астронома У.-Ж. Леверрье (1811—1877). Открытие это произвело тогда большое впечатление на широкую публику. Изменение заглавия потребовалось, очевидно, потому, что современники — даже рецензенты издания 1850 г., вышедшего вскоре после открытия планеты (1846), — не поняли, что стихотворение обращено к ней, а не к богу Нептуну.

К юноше (стр. 230). Впервые — изд. 1850 г., стр. 108. Включено в изд. 1856 и 1863 гг.

«Питомец радости, покорный наслажденью...» (стр. 230). Впервые — изд. 1850 г., стр. 110. С изм. — изд. 1856 г., стр. 108. Включено в изд. 1863 г. *Диана* — здесь в значении луны. *Сафо* — знаменитая древнегреческая поэтесса (VII—VI в. до н. э.)

«В златом сиянии лампады полусонной...» (стр. 231). Впервые — ОЗ, 1843, № 2, стр. 299, в составе восьми стихов. Без двух последних стихов этой редакции (см. варианты), зачеркнутых Тургеневым в Остр. экз., — изд. 1856 г., стр. 110. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Уснуло озеро; безмолвен черный лес...» (стр. 231). Впервые — изд. 1850 г., стр. 111. С изм. — изд. 1856 г., стр. 111. Включено в изд. 1863 г.

К красавцу (стр. 232). Впервые — «Москв.», 1841, № 12, стр. 296. С незначит. изм. — ЛГ, 1847, № 15, стр. 227. По тексту «Москв.» с двумя изм. — изд. 1850 г., стр. 113. С новыми изм. — изд. 1856 г., стр. 112. Включено в изд. 1863 г. В Остр. экз. ст. 14 («И гребню в их руках искусство придаешь») подчеркнут Тургеневым, написавшим на полях: « — ? перем. — разве он учит их искусству коаферов?». *При факеле Авроры* — на заре.

Сон и Пазифая (стр. 232). Впервые — «Москв.», 1851, № 13, стр. 7. С перестановкой ст. 3—4 и 5—6 — изд. 1856 г., стр. 113. Включено в изд. 1863 г. Список, подписанный Фетом буквами

«А. Ф.», — в ГБЛ (фонд И. Е. Бецкого). Почерк списка, бумага, подпись — те же, что и в списке цикла «Мгновения» (см. примеч. к стих. «Хронос» на стр. 794). Этим определяется и датировка стихотворения. *Хариты* (греч. миф.) — богини, с которыми связано все прекрасное и радостное в природе и жизни. *Пазифая* — здесь имеется в виду Пасифея, самая младшая и самая прекрасная из харит; она была обещана Герой в жены богу сна.

Амимона (стр. 233). Впервые — ОЗ, 1855, № 3, стр. 191. С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 116. Включено в изд. 1863 г. Е. Н. Эдельсон писал об этом стихотворении: «Это просто перевод на стихотворный язык предания об Амимоне, одной из пятидесяти дочерей Данаевых. Подобным образом можно, по нашему мнению, переложить без большого труда в стихи всю греческую мифологию» («Москв.», 1855, № 5, стр. 141). *Наксос* и Неаполь *(Наполи, Навплия)* — основанные греками прибрежные города в Сицилии. *Данай* (греч. миф.), спасаясь от своего брата *Египта*, бежал с пятьюдесятью дочерьми (данаидами) из Ливии в *Арголиду* (область Греции); в безводных местах данаиды отыскивали ключи.

Диана, Эндимион и сатир (стр. 234). Впервые — ОЗ, 1856, № 10, стр. 312. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. ГБЛ и в альбоме Г. П. Данилевского (ГПБ), с датой записи: «28 января 1856-го. Санктпетербург». 25 декабря 1855 г. Фет пишет Некрасову: «Что касается до Дианы, Эндимиона и Сатира, то попрошу Вас прежде справиться через Тургенева, не была ли она напечатана в От. Записк., или по крайней мере отдана в ту редакцию? Что-то подобное мне мерещится» (ПД). *Эндимион* (греч. миф.) — прекрасный юноша-охотник, к которому воспылала любовью богиня луны *Диана;* она усыпила его, чтобы поцеловать. Картина К. П. Брюллова «Диана, Эндимион и сатир» (1849) хранится в Гос. Третьяковской галерее. Стихотворение точно воспроизводит сюжет картины.

Золотой век (стр. 234). Впервые — «Совр.», 1857, № 1, стр. 7. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Эпиграфом взята первая строка стихотворения Шиллера «Resignation». 7 мая 1856 г. Фет писал Дружинину: «Я, помня свое обещание, уже приготовил для Вас (т. е. для БдЧ. — *Б. Б.*) стихотворение под названием «Золотой век», которое нынче посылаю на суд к Тургеневу» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, стр. 336). *Эгейское* море омывает с востока берега Греции. *Сатурн* (римск. миф.) — бог земли и посевов, с именем которого был связан миф о золотом веке. *Менады* (греч.) — вакханки. *Лией* (греч. миф.) — Вакх, бог вина. *Ариадна* (греч. миф.) — жена Вакха, спасенная им на острове Наксосе, где она была покинута афинским царем Тезеем. *Тимпан* — древний музыкальный ударный инструмент.

Даки (стр. 236). Впервые — «Совр.», 1857, № 2, стр. 233, с пометой: «Рим, 1 декабря 1856». С изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 132. *Даки* — народ фракийского племени, родственный гетам, жил на территории теперешней Румынии. В ту пору, когда писалось стихотворение, даков считали славянами. В конце стихотворения — намек

на «неблагодарность» Европы, воевавшей против России или сохранявшей враждебный нейтралитет в войне 1853—1856 гг. *Ватикан* — дворец папы в Риме, крупнейший музей живописи и скульптуры, расположен у самого храма святого Петра. *Мозаики.* В одной из зал Ватикана пол из античных мозаик. Здесь имеется черно-белое изображение Тритона, окруженного морскими чудищами. *Тритон* (греч. миф.) — сын Посейдона (Нептуна), морское божество. *Химера* — огнедышащее чудовище. *Колизей* — цирк в Риме, где происходили бои гладиаторов и другие зрелища.

Телемак у Калипсы (стр. 237). Впервые — «Совр.», 1857, № 3, стр. 79. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 134. Автограф в тетр. I. *Телемак* (греч. миф.) — сын Одиссея (Улисса), путешествовал в поисках отца под руководством Афины, принявшей вид его воспитателя Ментора. *Калипсо* — нимфа, на острове у которой семь лет томился Одиссей. Встречи Телемака с Калипсо нет в «Одиссее»; этот сюжетный мотив создан французским писателем Фенелоном в его популярном романе «Приключения Телемака» (1699) и отражен в ряде произведений живописи. *Лией* — Вакх, бог вина; здесь в значении вина.

Венера Милосская (стр. 238). Впервые — «Совр.», 1857, № 10, стр. 310. С изм. («божественное тело» вместо «смеющееся тело») — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 136. Автограф в тетр. I, первоначально под заглавием «Милосская Киприда». В. П. Боткин писал Фету 8 декабря 1857 г.: «Твоя Милосская Венера (в «Совр.». — *Б. Б.*) огорчила нас своим эпитетом «смеющееся тело». Нет, это никогда не заменит собою «божественное тело». И при издании стихотворения надо непременно настоять на „божественном“» («Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Сборник 2». М., 1928, стр. 74). Судя по этому письму и по автографу, вариант «Совр.» является результатом цензурного вмешательства. Стихотворение написано, очевидно, под впечатлением самой статуи Венеры Милосской в Лувре. Что стихотворение написано в Париже, видно и из его места в автографе между стихотворениями «Горное ущелье» и «Под небом Франции, среди столицы света...», поэтому датировать его следует периодом август — октябрь 1856 г. Стихотворное описание Венеры Милосской близко к прозаическому описанию этой статуи в очерках Фета «Из-за границы» («Совр.», 1857, № 2, стр. 265—266). *Пафосская страсть* — любовная страсть (богине любви и красоты Афродите — в римск. миф. Венере — был посвящен храм в городе Пафосе на острове Кипре).

Нимфа и молодой сатир (стр. 238). Впервые — «Совр.», 1859, № 1, стр. 312. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Скульптурная группа П. А. Ставассера «Сатир, разувающий нимфу» (1849) находится в Русском музее в Ленинграде.

Сон и Смерть (стр. 239). Впервые — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 138. Автограф в тетр. I. Стихотворение было сперва написано без ст. 3—4; они приписаны в рукописи внизу. Датируется по месту в тетради.

«Ночь весенней негой дышит...» (стр. 240). Впервые — «Совр.», 1854, № 6, стр. 222. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Автограф в тетр. I, под цифрой III в цикле «Приморские стихотворения». Стихотворение написано, очевидно, во время пребывания летом 1854 г. в Эстонии, на берегу Балтийского моря. Фет писал впоследствии об этом пребывании: «За целое лето у меня было достаточно времени присмотреться к морю во всех его бесконечно разнообразных видах... Ежедневная близость моря меня победила окончательно, чему свидетельством служат все мои приморские стихотворения, принятые в тогдашнее время тургеневским литературным кругом так сочувственно» («Мои восп.», ч. 1, стр. 59). Полк Фета расположился на Балтийском побережье в конце марта, стихотворение напечатано в июньском номере «Совр.» (цензурное разрешение — 5 июня); датировать его надо, по-видимому, апрелем—маем 1854 г. *Фетида* (греч. миф.) — морская богиня. *Аврора* (греч. миф.) — богиня зари.

«Жди ясного на завтра дня...» (стр. 240). Впервые — «Совр.», 1854, № 9, стр. 12. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Автограф в тетр. I, под цифрой II в цикле «Приморские стихотворения». Датируется как и предыдущее. При появлении в печати стихотворение было встречено следующим отзывом Б. Алмазова: «Стихотворение г. Фета «Жди ясного на завтра дня» представляет как бы собрание всех самых характеристических недостатков произведений г. Фета, недостатков, о которых уже несколько раз было подробно говорено в нашем журнале. Неопределенность содержания в нем доведена до последней крайности (цитируется стихотворение). Что ж это, наконец, такое?» («Москв.», 1854, № 21, стр. 41).

Морской залив (стр. 241). Впервые — «Совр.», 1856, № 1, стр. 70. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Стихотворение, по-видимому, должно датироваться пребыванием Фета на побережье Балтийского моря, т. е. весной и летом 1854 г. или весной и летом 1855 г. По времени помещения в журнале вероятнее вторая дата.

Вечер у взморья (стр. 241). Впервые — «Совр.», 1856, № 11, стр. 153. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I в двух редакциях: в первой стихотворение не имеет заглавия, идя под номером I в цикле «Приморские стихотворения». В тетради стихотворение записано перед двумя другими «Приморскими стихотворениями» («Жди ясного на завтра дня»...» и «Ночь весенней негой дышит...»), теми же чернилами, что и они (только эти три стихотворения написаны такими чернилами), и может датироваться тем же временем — весной или летом 1854 г.

«Как хорош чуть мерцающим утром...» (стр. 242). Впервые — БдЧ, 1857, № 9, стр. 96. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I под заглавием «Морской берег». Датируется предположительно по месту в тетради. Вероятно, навеяно впечатлениями Средиземного моря (январь 1857 г.). *Амфитрита* (греч. миф.) — богиня моря.

«Морская даль во мгле туманной...» (стр. 242). Впервые — БдЧ, 1857, № 9, стр. 96. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Датируется так же, как и предыдущее стихотворение.

Прибой (стр. 243). Впервые — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 147. Автограф в тетр. I. По содержанию относится к Средиземному морю, в тетради записано среди итальянских стихотворений. Датируется пребыванием Фета у Средиземного моря (октябрь 1856 или январь 1857 г.).

На корабле (стр. 243). Впервые — БдЧ, 1857, № 4, стр. 196. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 148. Автограф в тетр. I и на отдельном листе в ПД. Стихотворение, вероятно, навеяно плаванием по Средиземному морю (октябрь 1856 или январь 1857 г.).

Буря (стр. 244). Впервые — ВО 1, стр. 27. Автограф в тетр. I. Послано Н. А. Некрасову в письме от 27 июня 1854 г. («Архив села Карабихи». М., 1916, стр. 217). *«Вот я вас!»* — восклицание Нептуна в «Энеиде» Вергилия.

После бури (стр. 244). Впервые — «Заря», 1871, № 2, стр. 252. С изм. — ВО 1, стр. 28. Автограф в тетр. II. Первоначально в двух строфах — по окончательной редакции первой и последней; средняя строфа приписана в автографе под заключительной чертой с цифрой «2». Первоначальное чтение ст. 8 («Паруса над ним повисли») исправлено, очевидно, под влиянием отзыва Л. Н. Толстого в письме от 1 декабря 1870 г.: «Стихотворение, которое вы мне прислали, одно из прекрасных, но последняя строфа, прекрасная по мысли, не готова. Утлый челн и паруса несогласно. Я уверен, что вы уж перелили эту строфу» (Полн. собр. соч., т. 61. М., 1953, стр. 244).

«Вчера расстались мы с тобой...» (стр. 245). Впервые — БдЧ, 1865, № 3, стр. 98. Включено в ВО 1. Автограф в тетр. II под заглавием «Волна». Датируется по месту в тетради.

Море и звезды (стр. 246). Впервые — PC, 1860, № 4, стр. 66. С изм. — ВО 1, стр. 30. Автограф в тетр. II. По поводу первой (дожурнальной) редакции стихотворения (см. варианты), Тургенев писал Фету в письме, датируемом декабрем 1859 г.: «„Море и звезды"— недурно, не более — за исключением непостижимо-непонятного стиха: Бросаясь навстречу движенья двойного. Движение волн улавливается чувствами; но один разве сказочный богатырь, который слышал, как трава росла, — может видеть — как ночь двигаясь одевается» («Щукинский сборник», вып. 8, стр. 423).

«Качаяся, звезды мигали лучами...» (стр. 246). Впервые — PB, 1891, № 10, стр. 1. «Вот ты мне прислал свои стихи, — писал Полонский 18 февраля 1891 г., — и я не совсем их понимаю. В первом куплете: «И мы любовались с тобою огнями». Кто бы ни был при этом, к кому ты говоришь: с тобою — друг или женщина — все равно — это понятно... Но во 2-м куплете:

Казалось, рулем управляя волшебным,
Глубоко ты грудь мне взрезаешь в побеге.

Кто это? — Если женщина, то ведь она с тобой и любуется морем! Какой же это «побег»? Какие надо усилия, чтобы догадаться, что ты страсть, внушаемую тебе женщиной, сравниваешь с кораблем, бегущим по морю. Да если и догадаешься: насколько верны такие архивосточные сравнения? «И там в глубине...» — Да тут целых три глубины: глубина неба, глубина моря — и глубина твоей души — я полагаю, что ты тут говоришь о глубине души твоей. Но полагать или догадываться мало. Кто не догадается, тот ничего не поймет. Для меня ясно, что содержание этого стихотворения и неизмеримо глубоко и неуловимо тонко; но что оно еще не отлилось в надлежащую форму, мне это также ясно! Пожалуйста, не бросай этого стихотворения; но воспользуйся минутой поэтического настроения и его усовершенствуй, если не для понимания толпы, то хоть для понимания наиболее эстетически развитых читателей». К. Р. писал Фету 13 марта 1891 г.: «Я, разумеется, оценил ваши подводные звезды; но казалось бы, что любое прилагательное придало морю более поэзии и широкого смысла, чем собственное имя Средиземного. Не слишком ли смело представление о груди, взрезанной рулем?» Фет ответил 17 марта: «Знакомый по плаванию только с Балтийским, Черным и Средиземным морями, я не знаю, есть ли в других морях, кроме Средиземного, то фосфорическое подводное освещение, на котором основано мое стихотворение. Я совершенно согласен признать необузданно смелым отождествление собственной груди с морем, взрезаемым килем корабля, но это сравнение так животрепещуще передает то, что мне хотелось сказать, что я готов за него подвергнуться самым беспощадным упрекам».

«Барашков буря шлет своих...» (стр. 247). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 48.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Владычица Сиона, пред тобою...» (стр. 248). Впервые — изд. 1850 г., стр. 67. С незначит. изм. («влиянию» вместо «наитие» в ст. 7 — по указанию Тургенева в Остр. экз.) — изд. 1856 г., стр. 125. Включено в изд. 1863 г. Список на отдельном листе, подписанный Фетом (буквами «А. Ф.»), с написанным его же рукой заглавием «Молитва» — в бумагах С. П. Шевырева (ГПБ). Так как список написан той же рукой, на такой же бумаге, с той же подписью «А. Ф.», под которой стихи Фета печатались в 1842 г., и, очевидно, для той же цели — помещения в «Москв.», что и списки стихотворений «Теплым ветром потянуло...» и «Мадонна» (в том же архиве), напечатанных в «Москв.» 1842 г., — стихотворение можно считать написанным не позже 1842 г. *Сион* — гора в Иерусалиме; слово употребляется и в смысле: царство божие.

Мадонна (стр. 248). Впервые — «Москв.», 1842, № 4, стр. 304. С изм. — изд. 1856 г., стр. 126. Включено в изд. 1850 и 1863 гг. Список на отдельном листе, подписанный Фетом (буквами «А. Ф.»), — в бумагах С. П. Шевырева (ГПБ). Стихотворение по теме близко к одноименному стихотворению Пушкина, также напи-

санному в сонетной форме. Ср. стихотворение Фета «К Сикстинской Мадонне» — также сонет о Мадонне Рафаэля. *Санцио* — Рафаэль.

Ave Maria (стр. 249). Впервые — «Москв.», 1842, № 4, стр. 304. Включено в изд. 1850 г. *Ave Maria* — католическая молитва, обращенная к богородице.

«Не ворчи, мой кот-мурлыка...» (стр. 249). Впервые — изд. 1850 г., стр. 116, как второе из трех стихотворений под общим заглавием «Хандра» (I — «Непогода — осень — куришь...», III — «Друг мой, я сегодня болен...»), в составе пяти строф. Без трех последних строф — изд. 1856 г., стр. 129. Включено в изд. 1863 г. Стихотворение относится к поре совместной жизни студента Фета с Ап. Григорьевым в 1839—1843 гг. (см. вступительную статью, стр. 7). В «Ранних годах» Фет пишет: «„Помилуй, братец, — воскликнул Аполлон, — чего стоит эта печка, этот стол с нагоревшей свечою, эти замерзлые окна! Ведь это от тоски пропасть надо!» И вот появилось мое стихотворение: «Не ворчи, мой кот-мурлыка...», долго приводившее Григорьева в восторг. Чуток он был на это, как Эолова арфа» (стр. 152).

Венеция ночью (стр. 250). Впервые — изд. 1850 г., стр. 119. С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 130. Включено в изд. 1863 г. Автограф в ГБЛ. В посмертном изд. 1894 г. (ч. 1, стр. 207) первые два стиха появились в том виде, как они печатаются в настоящем издании. В Хрон. ук. указана переделка этого стихотворения между 13 февраля и 13 марта 1890 г. По словам Ю. А. Никольского, стихи были изменены по настоянию И. С. Остроухова, «так как Остроухов, отлично терпевший в живописи венецианские костюмы на библейских персонажах, потребовал вдруг реализма и говорил, что вся Венеция в стихотворении испорчена гранитом, которого там не бывает» («Русская мысль», 1922, кн. 7, стр. 306). *Лев святого Марка* — символ Венеции. Изображение крылатого льва, опирающегося на Евангелие от Марка, установлено на гранитной колонне на площади Пьяцетта в Венеции. *Царица моря* — эпитет Венеции.

«Полно спать: тебе две розы...» (стр. 250). Впервые — изд. 1850 г., стр. 125. С изм. — изд. 1856 г., стр. 134. Включено в изд. 1863 г. В Остр. экз. Тургеневым подчеркнут ст. 5 и слова «Помню я» в ст. 6 (см. варианты) и на полях написано: «перем. (оставив рифму угрозы)».

Колыбельная песня сердцу (стр. 251). Впервые — ОЗ, 1844, № 1, стр. 1, под заглавием «Колыбельная песня». Под заглавием «Колыбельная песня сердцу» и с незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 136. Включено в изд. 1850 и 1863 гг. Стихотворение написано, очевидно, в 1843 г. — до 10 марта, так как 11 марта В. П. Боткин писал А. А. Краевскому: «Я вчера послал вам стихи Фета; его «Колыбельная песнь» вам, верно, понравится. Чудесная!» (ГПБ). В. Г. Белинский в статье «Русская литература в 1844 г.», перечислив поэтов, в стихах которых «промелькивали искорки» поэзии и мысли (Майков, Фет, Тургенев, Огарев, Крешев, Полонский),

продолжает: «Но выдалось из ряда других только стихотворение г. Фета „Колыбельная песня“» (Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955, стр. 485.).

«Я знал ее малюткою кудрявой...» (стр. 252). Впервые — МГЛ, 1847, № 210 (27 сентября), стр. 841, с пометой: «Москва. 1844 г.». Включено в изд. 1850 г. В Остр. экз. Тургеневым перечеркнуты ст. 7—8 и повторяющие их ст. 19—20. На полях написано: «Что за дьявол? перем.». Фет предложил новую редакцию этих стихов (см. варианты). В ст. 10 подчеркнуто слово «священной». Фет дал вариант «сердечной». Эти варианты, видимо, не удовлетворили Тургенева, и в дальнейшие прижизненные собрания стихотворение не вошло.

«О, не зови! Страстей твоих так звонок...» (стр. 253). Впервые — изд. 1850 г., стр. 133. С незначит. изм. («с разбега» вместо «со треском» в ст. 13) и без строф 6 и 7 — изд. 1856 г., стр. 140. Оба изменения сделаны по пометкам Тургенева в Остр. экз. С восстановлением строф 6 и 7 — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 173. Рассказывая о подготовке изд. 1856 г., Фет пишет в «Моих восп.»: «Весьма забавно передавал Тургенев в лицах недоумения и споры, возникавшие в кругу моих друзей по поводу объяснений того или другого стихотворения. Всего забавнее выходило толкование стихотворения:

О, не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык...

кончающегося стихами:

И не зови — но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я как дитя заплачу —
И за тобой!

Каждый, прислушиваясь к целому стихотворению, чувствовал заключающуюся в нем поэтическую правду, и она нравилась ему, как гастроному вкусное блюдо, составных частей которого он определить не умеет.

— Ну позвольте! Не перебивайте меня! — говорит кто-либо из объясняющих. — Дело очень просто: не зови меня, мне не следует идти за тобою, я уже испытал, как этот путь гибелен для меня, а потому оставь меня в покое и не зови.

— Прекрасно! — возражают другие, — но почему же вы не объясняете до конца? Как же связать «о, не зови...» с концом:

я как дитя заплачу —
И за тобой!

Ясно, что эта решимость следовать за нею в противоречии со всем стихотворением.

— Да, точно! — в смущении говорит объяснитель, и всеобщий хохот заглушает слова его.

— Позвольте, господа! — восклицает гр. Л. Толстой. — Это так просто!

Но и на этот раз толкование приходит в тупик, покрываемое общим хохотом.

Как это ни невероятно, среди десятка толкователей, исключительно обладавших высшим эстетическим вкусом, не нашлось ни одного, способного самобытно разъяснить смысл стихотворения; и каждый, раскрыв издание 1856 года, может убедиться, что знатоки, не справившись со стихотворением, прибегли к ампутации и отрезали у него конец. А, кажется, легко было понять, что человек влюбленный говорит не о своих намерениях следовать или не следовать за очаровательницей, а только о ее власти над ним. „О, не зови — это излишне. Я без того, заслышав песнь твою, хотя бы запетую без мысли обо мне, со слезами последую за тобой"» (ч. 1, стр. 127—128). Тургенев и впоследствии называл это стихотворение «необъятно-непостижимым» (там же, стр. 433).

«Облаком волнистым...» (стр. 254). Впервые — «Москв.». 1843, № 12, стр. 285, под заглавием «Даль». Без заглавия и с одним изм. («пыль» вместо «прах» в ст. 2; замена произведена Тургеневым в Остр. экз.) — изд. 1856 г., стр. 142. Включено в изд. 1850 и 1863 гг. Автограф в альбоме Н. В. Гербеля (ГПБ), с датой записи: «1854-го, Генваря 6-го».

«Я пришел к тебе с приветом...» (стр. 254). Впервые — ОЗ, 1843, № 7, стр. 1. Без строф 3 и 4 — изд. 1856 г., стр. 141. С восстановлением этих строф — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 175. Включено в изд. 1850 г. Автограф в альбоме А. Л. Бржеской (ПД), с датой записи в альбом: «1847-го года. 10 мая. С. Березовка». А. Я. Панаева пишет: «Фет задумал издать полное собрание своих стихов и дал Тургеневу и Некрасову carte blanche выкинуть те стихотворения из своего издания, которые они найдут плохими. У Некрасова с Тургеневым по этому поводу происходили частые споры. Некрасов находил ненужным выбрасывать некоторые стихотворения, а Тургенев настаивал. Очень хорошо помню, как Тургенев горячо доказывал Некрасову, что в одной строфе стихотворения «не знаю сам, что буду петь, — но только песня зреет!» Фет изобличил свои телячьи мозги» («Воспоминания». Л., 1928, стр. 269—270). Очевидно, в приведенных Панаевой словах Тургенев усмотрел декларацию враждебной ему и постоянно оспариваемой в беседах с Фетом теории бессознательности и иррациональности поэзии и эти слова послужили причиной исключения последних строф. По мнению рецензента изд. 1863 г. в БдЧ (1863, № 9, стр. 87), Фет восстановил исключенные строфы под влиянием статьи Боткина о поэзии Фета, в которой выражалось косвенное неодобрение исключению последних строф стихотворения («Совр.», 1857, № 1, стр. 40.).

Деревня (стр. 255). Впервые — «Москв.», 1842, № 4, стр. 307. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг.

«Ах, дитя, к тебе привязан...» (стр. 256). Впервые — ОЗ, 1843, № 8, стр. 296. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг. По мне-

нию Л. А. Мея («Москв.», 1850, № 6, стр. 51), «стихотворение более принадлежит Гейне, нежели г. Фету».

Узник (стр. 256). Впервые — ОЗ, 1843, № 6, стр. 110. С незначит. изм. — изд. 1850 г., стр. 147. С новыми незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 148. Включено в изд. 1863 г. В Остр. экз. Тургенев подчеркнул слово «Отпетое» в ст. 9 («Отпетое горе») и на полях написал: « — перем. Немного вычурно». Через много лет — в письме к М. П. Драгоманову от 19 декабря 1877 г. — Тургенев процитировал наизусть все стихотворение (забыв даже, что это стихи Фета, и приписав их Полонскому) со следующей характеристикой: «Стихотворение... в котором действительно поэтически схвачен один из многочисленных моментов узнической жизни, узнических чувств... — а именно момент радости перед близким освобождением» (Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 522).

«Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад...» (стр. 257). Впервые — «Совр.», 1854, № 1, стр. 10. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. На слова стихотворения написан известный романс С. И. Танеева.

«Растут, растут причудливые тени...» (стр. 257). Впервые — «Совр.», 1854, № 1, стр. 140. Включено в изд. 1856 и 1863 гг.

На Днепре в половодье (стр. 258). Впервые — «Совр.», 1854, № 1, стр. 137. С изм. — изд. 1856 г., стр. 158. Включено в изд. 1863 г. Автограф в альбоме Н. В. Гербеля (ГПБ), с датой записи рукой Гербеля «(1853 года, С. П. Б.)»; здесь имеется еще семь стихов в конце (см. варианты). Стихотворение посвящено Авдотье Яковлевне Панаевой (1820—1893) — писательнице, жене Н. А. Некрасова. Впечатления, вызвавшие стихотворение, относятся еще к середине 40-х годов. В своих воспоминаниях Фет пишет: «У нас из Крылова в Кременчуг летом было самое дешевое и приятное сообщение по Тясьмину и по Днепру. Стоило только улучить минуту отправления рыбачьей лодки в Кременчуг, и за двугривенный можно было под парусом совершить один из тех переездов, которые я описал в стихотворении „Днепр в половодье"» («Ранние годы», стр. 319). Однако написано стихотворение значительно позднее. Описывая свое вхождение в круг «Современника», Фет вспоминает: «Потому ли, что я стал окружен литературной атмосферой, или уж очень скучал в моем одиноком номере гостиницы, — заехавший ко мне Иван Сергеевич (Тургенев. — *Б. Б.*) застал меня с карандашом в руке. Я только что окончил стихотворение «Днепр в половодье». Прослушавши стихи, он сказал: „Я боялся, что талант ваш иссяк, но его жила еще могуче бьет в вас. Пишите и пишите!"» («Мои восп.», ч. 1, стр. 36).

«Над озером лебедь в тростник протянул...» (стр. 259). Впервые — «Совр.», 1855, № 1, стр. 5, под заглавием «На озере». С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 164. Включено в изд. 1863 г.

Сосны (стр. 259). Впервые — «Совр.», 1855, № 1, стр. 28. Включено в изд. 1856 и 1863 гг.

Больной (стр. 260). Впервые — «Совр.», 1855, № 4, стр. 316. С изм. — изд. 1856 г., стр. 169. Включено в изд. 1863 г.

В саду (стр. 260). Впервые — «Совр.», 1855, № 2, стр. 306. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Автограф в тетр. I. Датируется по месту в тетради.

«В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...» (стр. 261). Впервые — «Совр.», 1852, № 3, стр. 110, с датой «1851 года». Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Автограф в письме к другу Фета с детских лет Ивану Петровичу Борисову (1824—1871) от 9 декабря 1851 г. (ГБЛ) и в ПД, на отдельном листе, под заглавием «Не оправдание». Вероятно, стихотворение вызвано воспоминанием о М. К. Лазич (см. стр. 11—12). При появлении стихотворение было в следующих словах оценено А. В. Дружининым: «Стихотворение г. Фета своей отчаянной запутанностью и темнотой превосходит почти все когда-либо написанное в таком роде на российском диалекте!» (Собр. соч., т. 6, стр. 634).

«Не спрашивай, над чем задумываюсь я...» (стр. 262). Впервые — «Совр.», 1854, № 2, стр. 141. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Автограф в тетр. I.

Первая борозда (стр. 263). Впервые — «Совр.», 1854, № 2, стр. 142. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Автограф в тетр. I. Н. А. Добролюбов писал в статье «Стихотворения Ивана Никитина» (1860): «Прочтите всего Пушкина, Лермонтова, почти всех современных поэтов: много ли найдете вы у них задушевных звуков, вызванных простыми, насущными потребностями жизни? Повсюду фантазия, аллегория, эфир; реализм проявляется только в описаниях природы... Да и тут еще наши поэты большею частью не избегают аллегории... Смотрит... поэт, как мужик пашет, и тотчас представляет нам

Как Юпитера встречает
Лоно Геи молодой...».

(Полн. собр. соч., т. 2. М., 1935, стр. 576—577). Ст. 11—12 использованы А. К. Толстым в качестве концовки юмористического стихотворения «Мудрость жизни» (Полн. собр. стих. Л., 1937, стр. 383). *Церерой ненавидимый бурьян.* Главной функцией римской богини Цереры считалась охрана посевов.

«Ты расточительна на милые слова...» (стр. 263), Лес (стр. 264), «Какое счастие: и ночь, и мы одни!..» (стр. 264). Впервые — «Совр.», 1854, № 2, стр. 143—145. Включены в изд. 1856 и 1863 гг. Автографы в тетр. I.

«Что за ночь! Прозрачный воздух скован...» (стр. 265). Впервые — «Совр.», 1854, № 2, стр. 148. Включено в изд. 1856 и 1863 гг.

Старый парк (стр. 265). Впервые — «Совр.», 1854, № 2, стр. 149. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Автограф в тетр. I. Близость описания парка в этом стихотворении к описанию парка в Лопухинке в «Моих восп.» (ч. 1, стр. 27) дает основание для предположительной датировки стихотворения пребыванием Фета в Лопухинке, т. е. осенью 1853 г.

Муза («Не в сумрачный чертог наяды говорливой...») (стр. 266). Впервые — ОЗ, 1854, № 6, стр. 375. С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 190. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I *Наяда* (греч. миф.) — речное божество. *Цитара* — музыкальный инструмент. *Епанча* — длинный, широкий плащ. *Пиериды* — музы.

«Теплый ветер тихо веет...» (стр. 267). Впервые — ОЗ, 1845, № 6, стр. 282, в составе четырех строф. Без последней строфы — изд. 1856 г., стр. 192. Включено в изд. 1863 г.

«Последний звук умолк в лесу глухом...» (стр. 267). Впервые — ОЗ, 1855, № 1, стр. 196, под заглавием «Nocturno», без 2-й строфы, замененной строкой точек. Со 2-й строфой, без заглавия — изд. 1856 г., стр. 193. Включено в изд. 1863 г. 15 февраля 1855 г. Фет писал издателю ОЗ А. А. Краевскому: «Признаюсь, досадно мне было видеть второй куплет в Notturno выпущенным. «О, скоро ли младенческая речь?» Без него чего-то недостает — не полно. Неужели цензура не пропустила? Непонятно и невероятно! По-моему, вырвать этот куплет из этого стихотворения — то же, что у человека вырвать сердце и пустить его по свету» (ГПБ).

«В пору́ любви, мечты, свободы...» (стр. 268). Впервые — изд. 1856 г., стр. 194. Включено в изд. 1863 г. *Эдема старая змея* — дьявол, по библейскому преданию явившийся Еве в виде змеи и соблазнивший ее вкусить и дать Адаму плод запретного дерева, за что Адам и Ева были изгнаны из земного рая (Эдема).

Ива (стр. 269). Впервые — ОЗ, 1854, № 4, стр. 349, без 3-й строфы. С этой строфой и с незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 196. Включено в изд. 1863 г.

«О друг, не мучь меня жестоким приговором!..» (стр. 269). Впервые — изд. 1856 г., стр. 197. Включено в изд. 1863 г.

Приметы (стр. 270). Впервые — изд. 1856 г., стр. 198. Включено в изд. 1863 г. Н. Н. Черногубов предполагает, что стихотворение следует датировать временем пребывания Фета на Балтийском побережье, т. е. весной и летом 1854 г. или весной и летом 1855 г. («Сев. цветы на 1902 г.», стр. 222).

«Какие-то носятся звуки...» (стр. 270). Впервые — «Москв.», 1853, № 14, стр. 75, под заглавием «Мелодия», в составе четырех строф. Без заглавия, без 2-й строфы и с другими

изм. — изд. 1856 г., стр. 199. Включено в изд. 1863 г. По словам Фета, стихотворение относится к его роману с Марией Лазич (см. стр. 11—12), описанной в «Ранних годах» под именем Елены Лариной: «Я уже говорил о замечательной музыкальной способности Елены. Мне отрадно было узнать, что во время пребывания в Елизаветграде Лист умел оценить ее виртуозность и поэтическое настроение. Перед отъездом он написал ей в альбом прощальную музыкальную фразу необыкновенной задушевной красоты. Сколько раз просил я Елену повторить для меня на рояли эту удивительную фразу. Под влиянием последней я написал стихотворение:

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью...»
(стр. 432).

Ревель (стр. 271). Впервые — ОЗ, 1856, № 2, стр. 529, без подзаголовка. С подзаголовком и с незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 200. Включено в изд. 1863 г. Стихотворение написано, по-видимому, во время стоянки под Ревелем (апрель — ноябрь 1855 г.). *«Фрейшиц»* («Freischütz» — «Волшебный стрелок», 1819) — популярная в то время опера К.-М. Вебера. *Агата* — героиня оперы.

Пароход (стр. 271). Впервые — ОЗ, 1854, № 4, стр. 350. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Автограф в тетр. ГБЛ, без заглавия. Так как в 1854 г. Фет провел весну и лето на Балтийском побережье, вероятно предположение Н. Н. Черногубова («Сев. цветы на 1902 г.», стр. 222), что стихотворение навеяно этим пребыванием. Оно помещено в апрельском номере журнала. Написано, видимо, в конце марта 1854 г. *Нереиды* (греч. миф.) — морские нимфы.

Знакомке с юга (стр. 272). Впервые — ОЗ, 1854, № 8, стр. 339. Включено в изд. 1856 и 1863 гг. Автограф в тетр. I.

«Вчера, увенчана душистыми цветами...» (стр. 272). Впервые — изд. 1856 г., стр. 204. Включено в изд. 1863 г.

«В темноте, на треножнике ярком...» (стр. 273). Впервые — «Совр.», 1856, № 2, стр. 224. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. ГБЛ.

Ивы и березы (стр. 273). Впервые — ОЗ, 1843, № 11, стр. 52, под заглавием «Ива», в составе шести строф. В новой редакции (также в составе шести строф, из которых лишь две соответствуют ранней редакции) — «Совр.», 1856, № 9, стр. 90. С исключением 2-й и 4-й строф второй редакции — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 216. Включено в сб. «Для легкого чтения», т. 6, СПб., 1857. Стихотворение написано, очевидно, до 22 июля 1843 г., так как в этот день В. П. Боткин писал А. А. Краевскому: «Посылаю два стих<отворения> Фета. Довольно посредственные, да на безрыбье и рак рыба. Куда-нибудь ткнете их... Впрочем, начало «Ивы» очень недурно» («Бумаги А. А. Краевского», СПб., 1893, стр. 72).

У камина (стр. 274). Впервые — «Совр.», 1857, № 2, стр. 312, с пометой «Рим». Включено в изд. 1863 г. Автографы в тетр. I и в альбоме жены Фета Марии Петровны, рожденной Боткиной (1828—1894). Альбом хранится в ПД. Стихотворение послано из Рима Некрасовым Тургеневу 25 ноября 1856 г. (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 10. М., 1952, стр. 302). В следующем письме от 6 декабря, в ответ на замечание Тургенева (в несохранившемся письме), Некрасов пишет: «Плещет меня не поразило» (там же, стр. 305).

Сестра (стр. 274). Впервые — ОЗ, 1857, № 2, стр. 649. Включено в изд. 1863 г. Автографы в тетр. I и в альбоме М. П. Боткиной-Фет (ПД).

Горное ущелье (стр. 275). Впервые — «Совр.», 1857, № 1, стр. 12, с пометой «Париж, октябрь 1856». Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

Музе («Надолго ли опять мой угол посетила...») (стр. 275). Впервые — «Совр.», 1858, № 4, стр. 540. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 223. Автограф в тетр I. Некрасов известил Фета о том, что стихотворение набрано, в письме от 18 декабря 1857 г. (Полн. собр. соч. и писем, т. 10. М., 1952, стр. 373).

Рыбка (стр. 276). Впервые — «Совр.», 1858, № 9, стр. 268. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. *Бурмитское зерно* — крупный жемчуг.

«Был чудный майский день в Москве...». (стр. 277). Впервые — РВ, 1857, август, кн. 2, стр. 769. С изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 225. Автограф в тетр. I.

«В леса безлюдной стороны...» (стр. 278). Впервые — БдЧ, 1858, № 1, стр. 145. Без изм. — РВ, 1859, февраль, кн. 2, стр. 738. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Место в тетради — среди итальянских стихотворений — дает некоторое основание датировать стихотворение 1856 г.

На лодке (стр. 278). Впервые — БдЧ, 1856, № 10, стр. 207. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 228. Автограф в тетр. I.

«Только станет смеркаться немножко...» (стр. 279). Впервые — БдЧ, 1857, № 5, стр. 4. С изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 229. Автограф в тетр. I и в альбоме М. П. Боткиной-Фет с датой записи «8-го Мая 1857-го года». По месту в тетради (между парижскими и римскими стихотворениями) стихотворение можно предположительно датировать концом 1856 г. В свое время большой популярностью пользовался романс П. П. Булахова «Крошка» на слова этого стихотворения.

«Расстались мы, ты странствуешь далече...» (стр. 280). Впервые — БдЧ, 1858, № 1, стр. 145. Без изм. — РС,

1859, № 4, стр. 147. С изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 230. Автограф в тетр. I и в письме к М. П. Боткиной (к которой стихотворение и обращено) 1857 г., без даты (ГБЛ).

«Я был опять в саду твоем...» (стр. 280). Впервые — БдЧ, 1859, № 1, стр. 52. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 231. Автограф в тетр. I и в письме к М. П. Боткиной от 8(20) июня 1857 г. (ГБЛ), где стихотворение введено словами: «Третьего дня был в саду на Маросейке и вот что случилось». Сад на Маросейке — сад при доме Боткиных. М. П. Боткина — уже невеста Фета — была в это время за границей.

Грезы (стр. 281). Впервые — «Совр.», 1859, № 2, стр. 440. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I в двух редакциях (см. варианты). Автограф 1-й редакции воспроизведен в изд. 1937 г., стр. 196.

Мотылек мальчику (стр. 281). Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 236. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 237. Автограф в тетр. I.

«Молчали листья, звезды рдели...» (стр. 282). Впервые — РВ, 1860, январь, кн. 1—2, стр. 392. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. II с датой «Ноя 14», т. е. 14 ноября 1859 г., так как это вторая запись в тетради, подаренной Фету И. П. Борисовым 14 ноября 1859 г.

На железной дороге (стр. 282). Впервые — РВ, 1860, февраль, кн. 1, стр. 630. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. II. Датируется по месту в тетради.

«Кричат перепела, трещат коростели...» (стр. 283). Впервые — «Совр.», 1859, № 6, стр. 248. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 242. Автограф в тетр. I.

Георгины (стр. 284). Впервые — РВ, 1859, февраль, кн. 2, стр. 554. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

«Если ты любишь, как я, бесконечно...» (стр. 285). Впервые — «Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина», т. 6. СПб., 1859, стр. 97. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

«Еще акация одна...» (стр. 285). Впервые — БдЧ, 1859, № 5, стр. 74. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 246. Автограф в тетр. I.

«Тихонько движется мой конь...» (стр. 286). Впервые — РВ, 1863, № 1, стр. 585, с посвящением С. В. Энгельгардт. Без посвящения включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради. Энгельгардт

Софья Владимировна (1828—1891) — писательница 50—80-х гг., сотрудница ОЗ и РВ (под псевдонимом «Ольга N»), знакомая Фета с детских лет.

«Чем тоске, и не знаю, помочь...» (стр. 287). Впервые — РВ, 1863, № 2, стр. 586. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 249. Автограф в тетр. II. Датируется по месту в тетради. Т. А. Кузминская (см. стр. 740) вспоминает, что Фет в 1862 г. на рождестве «продекламировал недавно написанное им стихотворение «Бессонница»: «Чем тоске я не знаю помочь...» и т. д.» («Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», ч. 1. М., 1927, стр. 154).

Горячий ключ (стр. 287). Впервые — «Заря», 1871, № 1, стр. 86. Включено в ВО 1. Автограф в тетр. II.

«Отчего со всеми я любезна...» (стр. 288). Впервые — ВО 1, стр. 67. Автограф в тетр. II.

Осенью (стр. 288). Впервые — ВО 1, стр. 68. Автограф в тетр. II. Датируется по месту в тетради. По воспоминанию С. Л. Толстого, «про первые два стиха стихотворения «Осенью» Лев Николаевич говорил: „Так выразиться в прозе было бы нелепо, а в стихах передается в короткой, хотя и неправильной фразе яркая, красивая картина"» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. 1. М., 1955, стр. 180—181).

«В душе, измученной годами...» (стр. 289). Впервые — ВО 1, стр. 69 и, по ошибке, вторично на стр. 93. Автографы в тетр. II и в письме к Я. П. Полонскому от 22 сентября 1867 г. Первоначальный вариант ст. 4 («В блаженство посылалось нам») исправлен по указанию Тургенева, который писал Фету 21 сентября 1867 г.: «...присланное стихотворение... плохо, — и новый оборот, что судьбина дает не в рыло, а в «блаженство», да мокротные рифмы «заглохнет», «иссохнет» — не вознаграждают за недостаток той поэтической прелести, которой были так богаты те самые „Вечера и ночи"» («Сев. цветы на 1902 г.», стр. 183).

Ключ (стр. 289). Впервые — «Заря», 1870, № 11, стр. 88. Включено в ВО 1. Автограф в тетр. II.

«Чем безнадежнее и строже...» (стр. 290). Впервые — ВО 1, стр. 72. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради.

Сонет («Когда от хмелю преступлений...») (стр. 291). Впервые — РВ, 1866, № 1, стр. 34, без заглавия. С заглавием включено в ВО 1. Автограф в тетр. II.

«Толпа теснилася. Рука твоя дрожала...» (стр. 291). Впервые — РВ, 1868, № 8, стр. 494, в повести Ольги N. (С. В. Энгельгардт) «Не одного поля ягоды». С незначит. изм. — ВО 1, стр. 74. Автограф в тетр. ГБЛ. Эта тетрадь заполнялась

до 1860 г., чем и определяется датировка стихотворения. Повесть Ольги N. начинается описанием литературного вечера, в котором участвует Фет, выведенный под своим именем. Стихотворение, озаглавленное здесь «После бала», вводится следующими словами: «Фет заключил чтение стихотворением, переведенным им накануне с французского из альбома одной из его приятельниц». В тексте РВ и автографа ст. 3 читается:

«Я помню, завтра...» ты невнятно прошептала

Этот вариант делает подозрительным чтение ВО 1:

Я знаю: «завтра» ты невнятно прошептала.

«Знаю», вместо «помню» — замена возможная, но передача этих слов автору странна. Представляется более вероятным чтение:

«Я знаю, завтра» ты невнятно прошептала.

Не имея прямых подтверждений этого предположения, печатаем по ВО 1.

«Встает мой день, как труженик убогой...» (стр. 292), «Как нежишь ты, серебряная ночь...» (стр. 292). Впервые — ВО 1, стр. 75—76. Автографы в тетр. II. Датируются предположительно по месту в тетради.

«Блеском вечерним овеяны горы...» (стр. 293). Впервые — РВ, 1866, № 5, стр. 87, в составе четырех строф (см. варианты). Без 2-й строфы первоначальной редакции (см. варианты) — ВО 1, стр. 77. Автограф в тетр. II.

«Кому венец: богине ль красоты...» (стр. 293). Впервые — РВ, 1865, № 11, стр. 70. С незначит. изм. — ВО 1, стр. 78. Автограф в тетр. II.

«Напрасно!..» (стр. 293). Впервые — «Москв.», 1852, № 6, кн. 2, стр. 94, вместе со стих. «Снова птицы летят издалека...» (см. «Весенние мысли»), под общим заглавием «Две мелодии». В иной редакции — ВО 1, стр. 79. Автограф в тетр. I и список в тетр. II с правкой Фета дают промежуточные редакции, работа над которыми относится, судя по местам в тетрадях, к 1857 и 1869 гг.

Купальщица (стр. 294). Впервые — БдЧ, 1865, № 4, стр. 32. С изм. — ВО 1, стр. 81. Автограф в тетр. II.

«Напрасно ты восходишь надо мной...» (стр. 295). Впервые — ВО 1, стр. 82. Автограф в тетр. II. Датируется по месту в тетради. Статуя *Мемнона* (греч. миф.), сына Эос (зари), в Фивах, по преданию, на утренней заре издавала звук, напоминающий звук лопнувшей струны. Считалось, что этим звуком Мемнон отвечает на приветствие своей матери — зари.

Роза (стр. 295). Впервые — РВ, 1865, № 3, стр. 277, без заглавия. С изм., под заглавием «Роза» — ВО 1, стр. 83. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради. *Киприда* (греч. миф.) — прозвище богини любви Афродиты, по острову Кипру, который считался ее любимым местопребыванием. *Геба* — богиня юности.

Тополь (стр. 296). Впервые — РС, 1860, № 4, стр. 67. С изм. — ВО 1, стр. 85. Автограф в тетр. ГБЛ. Изменение ст. 5—6 (см. варианты) сделано, очевидно, с учетом отзыва Тургенева, который писал Фету 13 ноября 1859 г.: «„Тополь" — хорош. Но мне ужасно жаль сироток рифм: «споря» и «не увял»; — куда делись их подружки? — И потому я для удовлетворения своего уха читаю так:

Пускай мрачней, мрачнее дни задоря
И осени тлетворной веет бал...

Смысла нет, но есть гармония» («Мои восп.», ч. 1, стр. 312). Стихотворение написано не позднее октября 1859 г., так как 29 октября оно читано в Обществе любителей российской словесности («Словарь членов ОЛРС». М., 1911, стр. 295).

«Только встречу улыбку твою...» (стр. 296). Впервые — ВО 1, стр. 86. Автограф в тетр. II. В письме от 12 октября 1873 г. А. К. Толстой благодарит Фета за присылку этого стихотворения («Мои восп.», ч. 2, стр. 187).

Псевдопоэту (стр. 297). Впервые — РВ, 1867, № 2, стр. 618, под заглавием «Лже-поэту». С изм. — ВО 1, стр. 88. Автограф в тетр. II под заглавием «Pseudo-поэту» и в ГБЛ и ЦГАЛИ на отдельных листах. Датируется по месту в тетради. Стихотворение относится, очевидно, к Некрасову, который 16 апреля 1866 г., в целях спасения «Современника» от закрытия, прочел поздравительное стихотворение М. Н. Муравьеву, назначенному председателем следственной комиссии по делу Каракозова.

«С какой я негою желанья...» (стр. 298). Впервые — РВ, 1863, № 4, стр. 792. С изм. — ВО 1, стр. 89. Автограф в тетр. II. Первоначально стихотворение написано в составе трех строф: 2-я строфа окончательного текста приписана позднее.

«Я уезжаю. Замирает...» (стр. 298). Впервые — ВО 1, стр. 90. Автограф в тетр. I. Датируется по месту в тетради.

«Не избегай; я не молю...» (стр. 299). Впервые — ВО 1, стр. 91. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради.

«В благословенный день, когда стремлюсь душою...» (стр. 299). Впервые — ОЗ, 1857, № 2, стр. 649. С изм. — ВО 1, стр. 92. Автограф в тетр. I, первоначально под заглавием

«Благословенной тени», затем «Благодатной тени». Связано с воспоминанием о М. К. Лазич (см. стр. 11—12).

З е в с (стр. 300). Впервые — ВО 1, стр. 217. Автограф в тетр. II, под заглавием «Зевес» с датой «15 ноября», т. е. 15 ноября 1859 г., так как это первое стихотворение в тетради, подаренной Фету 14 ноября 1859 г. Карандашный автограф на неоконченном и неотправленном письме Фета Дружинину от 5 ноября 1859 г. (ГБЛ). *Корибанты* (греч. миф.) — жрецы *Реи,* матери Зевса. *Амальтея* — нимфа, вскормившая на острове Крите младенца Зевса.

К С и к с т и н с к о й м а д о н н е (стр. 300). Впервые — ВО 1, стр. 219. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради. *Сикстинская мадонна* — гениальное произведение Рафаэля, написанное в 1515—1519 гг.; хранится в Дрезденской галерее. *Иегова* — название бога в иудейской религии; здесь в значении христианского бога-отца. *Сикст* и *Варвара* — святые, изображенные на картине на коленях у ног богоматери.

М у з е («Пришла и села. Счастлив и тревожен...») (стр. 301). Впервые — ВО 1, стр. 224. Автограф в тетр. II.

«Н е с м е й с я, н е д и в и с я м н е...» (стр. 301). Впервые — ВО 2, стр. 3 (вне нумерации, как вступительное стихотворение). Автограф в ГБЛ на одном листе с автографами стих. «Романс» («Злая песнь! Как больно возмутила...»), «А. Н. Майкову на сочувственный отзыв о переводе Горация» и «О. М. Соловьевой». Список с поправками Фета в тетр. II. По месту в автографе может предположительно датироваться октябрем 1884 г.

«Д е н ь п р о с н е т с я — и р е ч и л ю д с к и е...» (стр. 301). Впервые — ВО 2, стр. 5. Автограф в тетр. II.

«Т ы б ы л д л я н а с в с е г д а в о н т о й с к а л о ю...» (стр. 302). Впервые — РВ, 1883, № 11, стр. 94. С незначит изм. — ВО 2, стр. 8. Автограф в тетр. II. В рукописи заглавие «Обвал», слева карандашом приписано «Крымский». В посмертном изд. 1894 г. напечатано с примечанием: «Стихотворение относится к следующему случаю. На южном берегу Крыма обломок скалы ниже Байдарских ворот, прокатившись ночью с гулом землетрясения в море, уничтожил часть сада, взлелеянного многолетними трудами хозяина».

Б а б о ч к а (стр. 303). Впервые — ВО 2, стр. 15. Два автографа в тетр. II. Автограф на отдельном листе в ЦГАЛИ. Н. О. Лернер высказал предположение, что стихотворение навеяно стихотворением Гюго «La pauvre fleur disait au papillon céleste...» («„Бабочка“ Фета и Гюго» — «Жизнь искусства», 1922, № 10).

«С б о р о д о ю с е д о ю в е р х о в н ы й я ж р е ц...» (стр. 303). Впервые — ВО 2, стр. 22. Автограф в тетр. II.

«Ты так любишь гулять...» (стр. 303). Впервые — ВО 2, стр. 23. Автографы в тетр. II и в ГБЛ, на обороте телеграммы, посланной в мае 1883 г.

«Говорили в древнем Риме...» (стр. 304). Впервые — РВ, 1884, № 1, стр. 386. С изм. — ВО 2, стр. 26. Автограф в тетр. II. *Сивилла* (греч. и римск.) — пророчица.

Вольный сокол (стр. 305). Впервые — ВО 2, стр. 30. Автограф в тетр. II.

«Не вижу ни красы души твоей нетленной...» (стр. 305) Впервые — ВО 2, стр. 32. Автограф в тетр. II с эпиграфом «Honni soit qui mal y pense» («Позор тому, кто об этом подумает дурно»).

«Ныне первый мы слышали гром...» (стр. 306). Впервые — «Русь», 1883, № 6, стр. 21. С незначит. изм. — ВО 2, стр. 37. Автографы в тетр. II и в ГБЛ.

Муза («Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня...») (стр. 306). Впервые — ВО 3, стр. 1. Стихотворение помещено в сборнике первым, очевидно как программное. По содержанию оно близко к помещенному перед ним предисловию автора. Эпиграфом взяты последние строки стихотворения Пушкина «Чернь». *Тизифона* (греч. миф.) — богиня кровной мести, одна из трех фурий — богинь мщения.

«Жду я, тревогой объят...» (стр. 307). Впервые — РВ, 1887, № 9, стр. 61. С незначит. изм. — ВО 3, стр. 2.

«Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...» (стр. 308). Впервые — ВЕ, 1885, № 2, стр. 570. С незначит. изм. — ВО 3, стр. 3. Автограф в тетр. II. О четырех посмертных редакциях стихотворения и их недостоверности см.: Обзор, стр. 580—581. Стихотворение связано, видимо, с воспоминанием о М. К. Лазич (см. стр. 11—12).

«Как беден наш язык! — Хочу и не могу...» (стр. 308). Впервые — ВО 3, стр. 8. *Юпитера орел* (римск. миф.). Несущий молнии орел — обычный спутник Юпитера-громовержца.

«Ты помнишь, что́ было тогда...» (стр. 309). Впервые — ВЕ, 1886, № 1, стр. 169, без 5-й строфы окончательной редакции. С этой строфой — ВО 3, стр. 10.

«Если радует утро тебя...» (стр. 310). Впервые — РВ, 1887, № 11, стр. 248. Включено в ВО 3.

Ребенку (стр. 310). Впервые — ВО 3, стр. 14. Список в тетр. II.

«Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой поник...» (стр. 310). Впервые — ВО 3, стр. 16.

Горная высь (стр. 311). Впервые — РВ, 1887, № 10, стр. 572. Включено в ВО 3.

«Как богат я в безумных стихах!..» (стр. 311). Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 110. Включено в ВО 3.

«Долго снились мне вопли рыданий твоих...» (стр. 312). Впервые — ВО 3, стр. 29. Список в тетр. II. Н. Н. Страхов писал Фету 6 мая 1886 г.: «Стихи Ваши, разумеется, были читаны и перечитаны (по-видимому, у Голенищева-Кутузова, см. стр. 743 — *Б. Б.)*, и общие были приняты со всегдашним восхищением, а Ваши личные не без недоумения. Вы такой лирик до конца ногтей, что для Вас слушатели, очевидно, не существуют, и Вы часто поете то, что понятно только Вам.

Как умолил тебя несчастный твой палач, —

это еще доступно; но для кого это можно назвать радостною минутой? Если для палача, то он, значит, не был еще палачом, не сознавал себя палачом, а разве лишь сатиром». Стихотворение навеяно, по-видимому, воспоминаниями о романе с М. К. Лазич (см. стр. 11—12).

«Из дебрей туманы несмело...» (стр. 312). Впервые — ВО 3, стр. 32.

«Есть ночи зимней блеск и сила...» (стр. 313). Впервые — ВЕ, 1885, № 2, стр. 571. Без изм. — РВ, 1887, № 11, стр. 158. Включено в ВО 3. Автограф в тетр. II.

«Через тесную улицу здесь, в высоте...» (стр. 313). Впервые — ВО 3, стр. 41.

«В вечер такой золотистый и ясный...» (стр. 314). Впервые — ВО 3, стр. 44. Автограф в тетр. II под заглавием «На распутье».

«Ты вся в огнях. Твоих зарниц...» (стр. 314). Впервые — РВ, 1887, № 10, стр. 573. Включено в ВО 3. Первоначальный текст исправлен по указаниям Н. Н. Страхова, который писал Фету 27 сентября 1886 г.: «Неясно

В игре зарниц
И я красой твоей украшен.

Не лучше ли сказать в таком роде:

Твоих зарниц
Сияньем я согрет, украшен.

Вы сделаете это лучше. А что значит:

Со стороны иной
Заблещет взор неблагосклонный?

Если он пугается всякого взора, то он мало горит; нельзя ли яснее сказать, в чем дело?». 4 октября 1886 г. послано в исправленном виде С. А. Толстой (жене Л. Н. Толстого) под заглавием «Опасение».

«Вечный хмель мне не отрада...» (стр. 315). Впервые — ВО 3, стр. 46.

«Сегодня день твой просветленья...» (стр. 315). Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 109. Включено в ВО 3.

Оброчник (стр. 316). Впервые — РО, 1890, № 2, стр. 622. С изм. — ВО 4, стр. 5. *Оброчник* — давший обет. *Десная* — правая рука.

«Полуразрушенный, полужилец могилы...» (стр. 316). Впервые — РО, 1890, № 6, стр. 488. Включено в ВО 4. Первоначально ст. 7 читался, очевидно:

Так в хоре молодом всё: *слышишь, разумеешь!*

судя по словам Страхова в письме от 24 января 1888 г.: «Во втором (из присланных стихотворений. — *Б. Б.*) мне бы хотелось изменить всё слышишь, перед слышишь нужно поставить слово, которое ясно отделялось бы». Ср. в рассказе Фета «Кактус»: «Но вот она взяла несколько аккордов и запела песню, которую я только в первой молодости слыхивал у московских цыган, так как современные петь ее не решались. Песня эта, не выносящая посредственной певицы, известная: «Слышишь ли, разумеешь ли». Стеша не только запела ее мастерски, но расположила куплеты так, что только с тех пор самая песня стала для меня понятна, как высокий образчик народной поэзии. Она спела так:

Ах ты злодей, ты злодей,
Добрый молодец!
Во моем ли саду
Соловей поет,
Громко свищет.
Слышишь ли,
Мой сердечный друг?
Разумеешь ли,
Жизнь, душа моя?

Песня исполнена всевозможных переливов, управляемых минутным вдохновением. Я жадно смотрел на ее лицо, отражавшее всю охватившую ее страсть. При последних стихах слезы градом побежали по ее щеке» (РВ, 1881, № 11, стр. 237).

«Только что спрячется солнце...» (стр. 316). Впервые — «Нива», 1890, № 20, стр. 513. С незначит. изм. — ВО 4, стр. 42.

Quasi una fantasia (стр. 317). Впервые — «Нива», 1890, № 13, стр. 342. Включено в ВО 4. Первоначальный вариант исправлен по указанию Я. П. Полонского, который писал Фету 11 января 1890 г.: «...как-то неграмматично:

В плеске крылий
Подлетать
В мир стремлений.

Не лучше ли — с плеском крылий и улетать — вместо подлетать, — ибо подлетать — к чему, а улетать — во что». В изд. 1901, 1910, 1912 гг. напечатано с посвящением Е. М. Семенкович. Заглавием взято название 13-й сонаты Бетховена: «Sonata quasi una fantasia» («Соната вроде фантазии»).

Ракета (стр. 317). Впервые — ВО 4, стр. 52.

«Упреком, жалостью внушенным...» (стр. 318). Впервые — РО, 1890, № 10, стр. 517. Включено в ВО 4.

Алмаз (стр. 318). Впервые — «Сборник Нивы», 1890, стр. 1. Редакция, напечатанная в посмертном изд. 1894 г., ч. 2, стр. 201 (с иной 2-й строфой — см. варианты), является более ранним текстом, посланным Фетом К. Р. 6 марта 1888 г.

«Как трудно повторять живую красоту...» (стр. 319). Впервые — РО, 1890, № 6, стр. 491. С незначит. изм. — ВО 4, стр. 50.

Зной (стр. 319). Впервые — РВ, 1889, № 2, стр. 134, без заглавия. Под заглавием «Зной» включено в ВО 4.

«Теснее и ближе сюда!..» (стр. 320). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 202.

«Роями поднялись крылатые мечты...» (стр. 320). Впервые — РО, 1890, № 10, стр. 518. Включено в ВО 4.

Она (стр. 320). Впервые — «Сборник Нивы», 1890, стр. 1. С незначит. изм. — ВО 4, стр. 13. В посмертном изд. 1894 г. — под заглавием «Великой княгине Елисавете Маврикиевне». Елисавета Маврикиевна (р. 1865) — жена К. Р. (вел. князя Константина Константиновича). *Перуджин* — Пьетро Перуджино (1446—1524) — знаменитый итальянский художник, учитель Рафаэля.

На качелях (стр. 321). Впервые — «Московская иллюстрированная газетка», 1890, № 1, 8 апреля, стр. 3, без заглавия. Под заглавием «На качелях» включено в ВО 4. Заглавие дано по совету Я. П. Полонского, который писал Фету 3 апреля 1890 г.: «Твое стихотворение «И опять в полумраке ночном» так хорошо, что с удовольствием не раз буду его перечитывать. Дай ему только заглавие «На качелях», чтобы сразу ввести читателя в чарую-

щую сферу стихов твоих». 30 декабря 1890 г. Фет писал Полонскому: «Сорок лет тому назад я качался на качелях с девушкой, стоя на доске, и платье ее трещало от ветра, а через сорок лет она попала в стихотворение, и шуты гороховые упрекают меня, зачем я с Марьей Петровной качаюсь». Марья Петровна — жена Фета. Фет имеет в виду фельетон В. Буренина, писавшего по поводу данного стихотворения: «Представьте себе семидесятилетнего старца и его «дорогую», «бросающих друг друга» на шаткой доске... Как не беспокоиться за то, что их игра может действительно оказаться роковой и окончиться неблагополучно для разыгравшихся старичков!» («Новое время», 1890, № 5308, 7 декабря).

К ней (стр. 321). Впервые — ВО 4, стр. 27. В посмертном изд. 1894 г. под заглавием «Великой княгине Елисавете Маврикиевне» (о ней см. стр. 774).

«Была пора, и лед потока...» (стр. 322). Впервые — ВО 4, стр. 32.

«Давно ль на шутки вызывала...» (стр. 322). Впервые — ВО 4, стр. 61.

«Людские так грубы слова...» (стр. 322). Впервые — «Сборник Нивы», 1890, стр. 2. С изм. — ВО 4, стр. 14, с датой «3 октября 1889. Москва». Дата эта явно неверна, так как стихотворение послано К. Р. еще 2 октября. В посмертном изд. 1894 г. под заглавием: «Великой княгине Елисавете Маврикиевне» (о ней см. стр. 774).

«Из тонких линий идеала...» (стр. 323). Впервые — РО, 1891, № 7, стр. 123. Я. П. Полонский писал Фету 19 декабря 1890 г.: «Вот смотрю я на твои стихи

Ты ничего не потеряла,
Но всё ты вдруг приобрела.

Почему вдруг, а не постепенно? Может быть, так и следует, как ты написал. — Положим, я бы сказал: «И новое приобрела», но могу ли я поручиться, что это лучше?» Фет ответил 21 декабря 1890 г.: «В большинстве случаев неясность — обвинительный приговор поэта. Но, во-первых, бывают случаи, когда поэт сам не подымает окончательно завесы перед зрителем, предоставляя последнему глядеть сквозь дымку, как, например, пред изображением вчерашней наивной девушки, взглянувшей наконец в действительную жизнь с ее высшими дарами. Как же тут не сказать: вдруг приобрела? Я хотел сказать, что по внешности нельзя отличить вчерашнее наивное существо от сегодняшней жизненной женщины за исключением, быть может, невольного выражения во взоре. По-моему, разоблачать эту мысль до последней очевидности поэту не следует».

«Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал...» (стр. 323). Впервые — РО, 1891, № 4, стр. 503. Автограф в альбоме А. Жиркевича в Толстовском музее в Москве.

«Весь вешний день среди стремленья...» (стр. 324). Впервые — РВ, 1891, № 3, стр. 254.

«Безобидней всех и проще...» (стр. 324). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 206.

«Завтра — я не различаю...» (стр. 325). Впервые — «Артист», 1891, № 13, стр. 101.

«Я слышу — и судьбе я покоряюсь грозной...» (стр. 325). Впервые — РО, 1892, № 1, стр. 41. В изд. 1894 г. с датой «21 февраля 1891». В Хрон. ук. указано (вероятно, по рукописи), что эта дата ошибочна; подлинная — 27 февраля 1891 г.

«Роящимся мечтам лететь дав волю...» (стр. 325). Впервые — «Нива», 1892, № 41, стр. 890.

«Я говорю, что я люблю с тобою встречи...» (стр. 326). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 211.

«Давно в любви отрады мало...» (стр. 326). Впервые — РО, 1891, № 12, стр. 516.

Месяц и роза (стр. 327). Впервые — «Нива», 1892, № 47, стр. 1026. С незначит. изм. — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 213.

«Ель рукавом мне тропинку завесила...» (стр. 327.). Впервые — РВ, 1892, № 1, стр. 297.

Почему? (стр. 328). Впервые — РВ, 1892, № 3, стр. 31, без заглавия. Под заглавием «Почему» и с незначит. изм. — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 215.

«Не отнеси к холодному бесстрастью...» (стр. 328). Впервые — «Сборник Нивы», 1892, № 12, стр. 410. С незначит. изм. — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 216.

«Не могу я слышать этой птички...» (стр. 329). Впервые — «Нива», 1893, № 4, стр. 90.

«Рассыпаяся смехом ребенка...» (стр. 329). Впервые — «Нива», 1893, № 4, стр. 90. Посылая 14 марта 1892 г. стихотворение Я. П. Полонскому, Фет писал: «Мало ли меня бранил даже ты за неясность и спутанность моих стихов? А я все продолжаю в этом растрепанном роде. Для образца прилагаю вчерашнее стихотворение». Полонский отозвался в письме от 16—17 марта: «Присланное тобой стихотворение принадлежит к циклу таких лирических стихотворений, смысл которых ощущаешь и которые без всякой основной мысли понятны для всякой тонко развитой, поэтически настроенной головы. Сыну моему очень нравятся твои два первых куплета; третий же куплет его не удовлетворяет. Слово «исполняяся» слишком неблагозвучно, а слово «могу» слишком резко

обрубает стих — по его мнению. Насчет «исполняяся» я с ним согласен, но «могу» отстаиваю». Фет ответил 24 марта: «Спасибо тебе за указание на «Исполняяся веры». Стих этот я изменил в «Окрыленный восторгом». Передай вместе с моим душевным приветом милому Александру Яковлевичу, что замечание его насчет обрубленного стиха доставило мне удовольствие, так как мне действительно хотелось обрубить словом могу последний стих, так как в этом слове заключается все внутреннее содержание стихотворения».

«Когда, смущенный, умолкаю...» (стр. 330), «Она ему — образ мгновенный...» (стр. 330), «Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...» (стр. 331). Впервые — «Сборник Нивы», 1893, № 1, стр. 18—19, под общим заглавием «Три посмертных стихотворения А. А. Фета».

«Тяжело в ночной тиши...» (стр. 331). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 221.

ПОСЛАНИЯ, ПОСВЯЩЕНИЯ И СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

Королеве эллинов Ольге Константиновне («Всю жизнь душа моя алкала...») (стр. 332). Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 107, под заглавием «Ее величеству королеве эллинов». Включено в ВО 3. Греческая королева *Ольга Константиновна* (р. 1851) — сестра великого князя Константина Константиновича (К. Р.).

Ей же при получении ее портрета (стр. 333). Впервые — ВО 3, стр. 6. Объяснение евангельских образов — см. стр. 794. (в примеч. к стих. «Ночь тиха. По тверди зыбкой...»).

Ей же 11 июля 1891 года (стр. 333). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 318. Датируется по Хрон. ук. Дата в заглавии — дата именин адресата. Стихотворение, таким образом, — поздравительное. *Когда-то Ольга душу живу У греков в вере обрела* и т. д. Ольга — русская княгиня X в., первая из русских князей принявшая христианство. *Ветье* — по-видимому, неологизм Фета, обозначающий совокупность ветвей. *Христофор* (р. 1888) — сын королевы.

Великому князю Константину Константиновичу («Сплывают ледяные своды...») (стр. 334). Впервые — ВО 4, стр. 6. Первые строки стихотворения объясняются следующими словами в письме к К. Р. от 27 марта 1887 г.: «Девять дней разливом небольшой речки нашей мы были отрезаны от всего света и милостивое письмо Ваше, прибывшее в лодке, во всех отношениях может быть сравнено с голубицей, принесшей заключенным в ковчеге миртовую ветку».

Великому князю Константину Константиновичу и великой княгине Елисавете Маврикиевне («Давно познав, как ранят больно...») (стр. 334). Впер-

вые — РО, 1890, № 11, стр. 237. Включено в ВО 4. Написано в ответ на поздравительное стихотворение К. Р. к юбилею Фета и поздравительную телеграмму его жены.

Великому князю Константину Константиновичу («Когда, колеблем треволненьем. . .») (стр. 335). Впервые — ВО 4, стр. 26.

Ему же («Не сетуй, будто бы увяла. . .») (стр. 335). Впервые — РО, 1892, № 1, стр. 39. Автограф в письме к К. Р. от 25 августа 1891 г. Посылая стихотворение, Фет писал: «С 60-го по 77-й год, во всю бытность мировым судьею и сельским тружеником, я не написал и трех стихотворений, а когда освободился от того и другого в Воробьевке, то муза пробудилась от долголетнего сна и стала посещать меня так же часто, как на заре моей жизни. Эта простая правда как-то невольно сказалась у меня стихами».

Ему же, при книге «Мои воспоминания» (стр. 336). Впервые — ВО 4. стр. 41. Автограф в ЦГАЛИ.

Великому князю Константину Константиновичу и великой княгине Елисавете Маврикиевне при взгляде на их портреты (стр. 337). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 306.

Им же («Когда дыханье множит муки. . .») (стр. 337). Впервые — «Московские ведомости», 1892, № 331, 29 ноября, стр. 3. Последнее стихотворение, написанное Фетом. Послано К. Р. в ответ на сочувственное письмо по поводу болезни Фета. Перед стихотворением в письме слова: «Я жестоко страдаю, и вдыхание эфира мало помогает».

На бракосочетание великого князя Павла Александровича и великой княгини Александры Георгиевны (стр. 338). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 304. *Павел Александрович* (р. 1860) — брат Александра III, командир лейбгвардии конного полка («царский конник»), *Александра Георгиевна* (1870—1891) — дочь греческого короля и королевы Ольги Константиновны.

На погребение великой княгини Александры Георгиевны (стр. 338). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 321, со сноской от заглавия: «В письме к В. К. Константину Константиновичу». Сноска, очевидно, имеет целью объяснить обращение во втором стихе. Автограф в письме к К. Р. от 27 сентября 1891 г.

Памяти Д. Л. Крюкова (стр. 339). Впервые — «Совр.», 1855, № 7, стр. 12, под заглавием «Памяти Дмитрия Львовича Крюкова». С незначит. изм. — изд. 1865 г., стр. 172. Включено в изд. 1863 г. Н. Н. Черногубов датирует это стихотворение весной 1855 г. по следующим соображениям: «2 июня 1855 И. С. Тургенев писал (из Спасского) И. И. Панаеву: «Посылаю тебе стихотворение Фета,

но умоляю, чтобы не было опечаток — „Памяти Д. Л. Крюкова“». 5 марта 1855 исполнилось десятилетие смерти Д. Л. Крюкова. Напечатано «Памяти Д. Л. Крюкова» в 7 № Совр. 1855, стр. 12. Вероятно, стихотворение это написано весной 1855» («Сев. цветы на 1902 г.», стр. 223). Дмитрий Львович *Крюков* (1809—1845) — известный филолог, профессор римской словесности в Московском университете, где у него учился Фет.

На смерть А. В. Дружинина (стр. 340). Впервые — «Московские ведомости», 1864, № 18, 23 января, стр. 2, под заглавием «На смерть Александра Васильевича Дружинина». С незначит. изм. — ВО 3, стр. 68. Изменение это (в ст. 12) сделано по настойчивому указанию Тургенева, как видно из «Моих восп.»: «Родные покойника пригласили нас на поминки в кладбищенской гостинице. Здесь, пока еще не все собрались к столу, я прочел Тургеневу свое стихотворение, написанное под первым впечатлением, прося его по обычаю сказать, стоит ли оно того, чтобы его прочесть публично? — Вы видите, я плачу, — сказал Тургенев, — это лучшая похвала стихотворению; но все-таки следует исправить стих: ты чистым донесен в могилу, так как доносят *до*, а не *в*» (ч. 2, стр. 6). 25 января 1864 г. Тургенев пишет Фету: «А Вы, злодей, оставили: „донесен в могилу“». (Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 354).

Памяти В. П. Боткина (стр. 340). Впервые — РВ, 1869, № 11, стр. 317, под заглавием «На смерть Василия Петровича Боткина». Со значит. изм. — ВО 3, стр. 69. Список с поправками Фета в тетр. II. Стихотворение, посвященное памяти Боткина (1811—1869), некогда друга Белинского, занявшего в 60-е годы откровенно реакционную позицию, полемически направлено — особенно в первой редакции — против тех людей его поколения, которые, «заслыша смутный толк невежд», т. е. радикальных публицистов, «обозвали мечтой напрасной любимый строй живых надежд», которые пошли на соглашение с материалистами-разночинцами, утверждавшими будто бы, что «о хлебе одном жив человек», и изменили служению «вещим музам». Вероятно, Фет имел в виду преимущественно «соглашательство» Тургенева, отношения с которым, на почве идеологических расхождений, вступили в это время в критический период. Тургенев писал Фету 21 марта 1871 г.: «Вам — поэту Фету — печатать такие стихи, какие Вы совершили по поводу смерти В. П. Боткина, — непростительно» («Звенья», сб. 2. М.—Л., 1939, стр. 473).

Памяти Н. Я. Данилевского (стр. 341). Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 109. Включено в ВО 3. *Данилевский* Николай Яковлевич (1822—1885) — натуралист и реакционно-славянофильский публицист, автор книг «Россия и Европа» (1871) и «Дарвинизм» (1885), друг Н. Н. Страхова.

На смерть Бражникова (стр. 341). Впервые — «Ранние годы», стр. 298. 21 июня 1891 г. Фет писал К. Р.: «. . .дошедши в моих воспоминаниях до вступления в кирасиры Военного Ордена, я должен был рассказать о внезапной кончине красавца корнета и вспомнил наизусть написанное 46 лет тому назад стихотворение на его

погребение. Если бы я не рылся в моих воспоминаниях, то никогда не вспомнил бы о нигде не появлявшемся стихотворении». Б. Садовской («Ледоход», стр. 94) указывает, что в не дошедшей до нас тетради это стихотворение датировано двумя датами: 2 июня 1845 г. и 14 июля 1891 г. Очевидно, первая дата — написания стихотворения, а вторая — возобновления его по памяти. Однако обе даты неверны: первая потому, что корнет Александр Бражников умер 27 июля 1845 г. (А. Григорович. История 13-го Драгунского военного ордена ген.-фельдмаршала гр. Миниха полка, т. 2. СПб., 1912, стр. 159), вторая потому, что стихотворение послано К. Р. 21 июня 1891 г. Очевидно, первую дату Фет неверно восстановил по памяти, а вторую Садовской наверно прочел. В Хрон. ук. — 14 июня 1891 г.

На смерть Мити Боткина (стр. 342). Впервые — ВО 4, стр. 29, под заглавием «На смерть М. Б—а». *Митя Боткин* (1877—1886) — племянник жены Фета, сын Дмитрия Петровича Боткина.

Памяти С. С. Боткиной (стр. 342). Впервые — ВО 4, стр. 31, под заглавием «Памяти С. С. Б—ой». *Боткина* Софья Сергеевна (1840—1889) — жена Дмитрия Петровича Боткина, брата М. П. Фет.

Ответ Тургеневу (стр. 343). Впервые — «Совр.», 1856, № 11, стр. 68. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. 11 июня 1856 г. Тургенев писал В. П. Боткину: «Фет прислал мне... стихотворение «Петербургская ночь», где следующие 10 стихов, особенно последние, меня приводят в восхищение» (приводятся строфы 3-я и 4-я) (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. М.—Л., 1930, стр. 85—86). Стихотворение, видимо, надо датировать маем — началом июня 1856 г. В. П. Боткин писал А. В. Дружинину 24 июня 1856 г.: «Вы видели уже Фета и, верно, знаете его стихи «Петербургская ночь». Особенно окончание удивительно! я здесь упивался им до сладострастия» («XXV лет. Сборник общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». СПб., 1884, стр. 494). Десятилетием раньше летнюю петербургскую ночь сравнил с ясновидящей Ап. Григорьев:

Спит ночь сама... но спит она над нами
Сном ясновидящей с открытыми очами.

(Стихотворения. М., 1916, стр. 405).

Е. П. Ковалевскому (стр. 344). Впервые — БдЧ, 1856, № 10, стр. 207, под заглавием «В альбом (Е. П. К—у)». Под заглавием «Е. П. К—у» включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Сопоставление биографических дат, произведенное Н. Н. Черногубовым («К хронологии стихов Фета» — «Сев. цветы на 1902 г.», стр. 217), показывает, что Фет мог познакомиться с Ковалевским не раньше года напечатания стихотворения, т. е. либо во время краткого пребывания в Петербурге с 25 января по 7 февраля 1856 г., либо между концом апреля и концом июня. Вероятно, что стихотворение написано во второе пребывание, так как оно носит печать

довольно близкого знакомства. *Ковалевский* Егор Петрович (1811—1868) — путешественник и писатель.

Тургеневу («Прошла зима, затихла вьюга...») (стр. 344). Впервые — БдЧ, 1859, № 1, стр. 51. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 1, стр. 236. Автограф в тетр. I. Тургенев писал Фету 24 февраля 1858 г.: «Присланные Вами стихи очень лестны и очень милы. Один лишь стих: «И верно чуя, что просторней» — не лезет в горло. Зимой, при издании Ваших новых стихотворений, большая будет перепашка» («Щукинский сборник», вып. 8, стр. 425). *Антики* — памятники античного искусства. *Пинна* (пиния) — хвойное дерево зонтикообразной формы.

Бржеским при получении цветов и нот (стр. 345). Впервые — изд. 1850 г., стр. 128, под заглавием «Б......м при получении цветов и нот». Включено в изд. 1856 и 1863 гг. О Бржеских см. стр. 725. В «Ранних годах» Фет описывает, как Бржеские остановились у него в Елисаветграде и в благодарность поднесли ему цветы и ноты. «На другой день я нашел у себя на столе великолепный букет из прекрасных гвоздик и ноты романса, который мне так понравился, когда Бржеские пели его в два голоса. На вопрос — откуда это? — слуга отвечал: «От А. Л. Бржеской». На любезный подарок я отвечал небольшим стихотворением» (стр. 368—369). Полк, в котором служил Фет, готовился в это время к царскому смотру и маневрам. Это дает основание для датировки стихотворения.

А. Ф. Бржескому (стр. 345). Впервые — ВО 1, стр. 97. Автограф в тетр. II. Датируется по месту в тетради. Стихотворение Фета, вероятно, является ответом на следующее стихотворное послание А. Ф. Бржеского:

А. А. Фету

Мы в жизни розными путями,
Конечно, к цели шли одной:
Ты — увлекаяся мечтами,
А я — существенностью злой.

И вот, встречаяся у гроба,
Как ты, я также, стариком,
Скажи: какой итог мы оба
Всей нашей жизни подведем?

Мы, пожалея нашу младость,
Не станем глупо слезы лить,
Мы скажем: жизнь такая гадость,
Что, право, лучше бы не жить!

(Автограф в альбоме А. Л. Бржеской в ПД). Именование Фета «стариком» (в конце 1866 г. ему исполнилось 46 лет) не дает все же основания считать стихотворение Бржеского написанным в более поздний период, так как Бржеский умер в 1868 г. Во 2-й и 3-й строфах Фет говорит, очевидно, о своем романе с М. К. Лазич (см. стр. 11—12).

А. Л. Бржеской («Далекий друг, пойми мои рыданья...») (стр. 346). Впервые — «Огонек», 1879, № 8, стр. 163, под заглавием «А. Л. Б—ой». С изм., под тем же заглавием — ВО 1, стр. 98. Автограф в тетр. II и в письме к Н. Н. Страхову от 28 января 1879 г. Первоначально стихотворение состояло из четырех строф; теперешняя 4-я строфа приписана внизу, под датой, с пометкой «4 куплет». Страхов писал Фету 24 февраля 1879 г.: «Ваше последнее стихотворение — какая прелесть!

Кто скажет нам?..
. . . .
И в ночь идет, и плачет, уходя...

Как это тепло и трогательно. Один знакомый нашел только, что огонь не может плакать. Тонкое замечание. Посмотрите пунктуацию Ваших стихотворений: я ее делал — хорошо ли?» (ГБЛ). Фет ответил в письме от 3 марта: «Не говорят ли: солнце на закате плачет. А что оно, как не огонь?», и в письме от 23 марта: «Вашу интерпункцию «с болезненным дыханьем что жизнь и смерть» нахожу гениальной, а потому правильной. Вам надо издавать поэтов». Это относится к пунктуации ст. 17—18, которые в «Огоньке» напечатаны так:

Не жизни жаль! С томительным дыханьем
Что жизнь и смерть!? — А жаль того огня...

Несмотря на похвалу, в ВО 1 Фет напечатал эти стихи в своей редакции («Не жизни жаль с томительным дыханьем»). Л. Н. Толстой писал Фету 15 или 16 февраля 1879 г.: «Я все хвораю, дорогой Афанасий Афанасьевич, и от этого не отвечал вам тотчас же на ваше письмо с превосходным стихотворением. Это вполне прекрасно. Коли оно когда-нибудь разобьется и засыплется развалинами, и найдут только отломанный кусочек: *в нем слишком много слез*, то и этот кусочек поставят в музей и по нем будут учиться» (Полн. собр. соч., т. 62. М., 1953, стр. 472—473).

Ей же («Опять весна: опять дрожат листы...») (стр. 347). Впервые — ВО 1, стр. 99, под заглавием «А. Л. Б—ой». Автограф в тетр. II. Послано Л. Н. Толстому 19 апреля 1879 г. Во 2-й и 3-й строфах Фет говорит об А. Ф. Бржеском.

Ей же («Нет, лучше голосом ласкательно обычным...») (стр. 347). Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 108, под заглавием «А. Л. Б — ой». Включено в ВО 3. Список в тетр. II.

С. П. Хитрово (стр. 348). Впервые — ВО 1, стр. 104, под заглавием «С. П. Х — о». Автограф в тетр. II. *Хитрово* Софья Петровна — племянница С. А. Толстой, жены А. К. Толстого. Последней стихотворение послано в письме от 10 июня (1882 г.?). «Моего сожаления о том, что не застал ни Вас, ни прелестной С. П. в Воробьевке, — пишет Фет, — описывать нельзя, его надо петь, что и делаю» (ВЕ, 1908, № 1, стр. 222).

Графине С. А. Толстой («Где средь иного поколенья...») (стр. 348). Впервые — «Нива», 1890, № 30, стр. 754, вместе со стих. «Пора! по влаге кругосветной...» под общим заглавием «Графине С. А. Толстой». Однако второе стихотворение посвящено С. А. Толстой — жене Л. Н. Толстого, а комментируемое — Софье Андреевне Толстой (умерла в 1904 г.) — вдове поэта А. К. Толстого. Под заглавием «Графине С. А. Толстой (Алексей)», с изм. — ВО 4, стр. 55.

Графине С. А. Толстой («Когда так нежно расточала...») (стр. 349). Впервые — ВО 1, стр. 105 под заглавием «Гр. С. А. Т—ой». Автограф в тетр. II. Посвящено, как и три следующие стихотворения, Софье Андреевне Толстой (1844—1919) — жене Л. Н. Толстого, что явствует из пометки после заглавия в списке 1892 г. — «(Льва)» и из заглавий в изд. 1894 г. В письме, написанном между 10 и 20 мая 1866 г., Л. Н. Толстой пишет Фету: «За стихи Соня, краснея от удовольствия, благодарит вас» (Полн. собр. соч., т. 61. М., 1953, стр. 137). Первая редакция стихотворения (см. варианты) переработана, очевидно, под влиянием отзыва Тургенева, который писал Фету 25 марта 1866 г.: «Стихотворение... неудовлетворительно. «Почему? — спросите Вы. — Критик, отдай отчет в твоем чувстве!» Извольте — отдаю. Во-первых: оно напоминает тоном — и даже некоторыми подробностями — два стихотворения Пушкина и Тютчева, которые оба гораздо лучше его: «Я помню чудное мгновенье» и «Как ночью на́ небе звезда». Во-вторых, что такое: «Кинуть привет наизусть?» О, как это некрасиво! Как можно «восторгать грусть»? «Всю чистоту твоей души», «Звезда и роза» — вялая проза. И наконец: «На темном небе и в воде», — уж лучше прямо «и в рукомойнике». Еще одно я заметил: все Ваши личные, лирические, любовные, особенно страстные стихотворения — слабее прочих: точно Вы их сочинили и предмета стихов вовсе не существовало» (Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 360). «Как ночью на небе звезда» — последний стих стихотворения Тютчева «Еще томлюсь тоской желаний...»

К портрету графини С. А. Толстой (стр. 350). Впервые — ВО 3, стр. 21, под заглавием «К портрету графини С. А. Т—ой». Автограф в ГБЛ (среди писем Фета к С. А. Толстой, жене Л. Н. Толстого). Список в тетр. II.

Графине С. А. Толстой («Я не у вас, я обделен!..») (стр. 350). Впервые — ВО 3, стр. 22, под заглавием «Графине С. А. Т—ой». В конце стихотворения намек на евангельское предание об «овчей купели», в которой ангел возмущал воду, от чего она становилась целебной.

Ей же во время моего 50-летнего юбилея («По́ра! по влаге кругосветной...») (стр. 351). Впервые — «Нива», 1890, № 30, стр. 754, вместе со стих. «Где средь иного поколенья» под общим заглавием «Гр. С. А. Толстой», под цифрой II, с подзаголовком: «(После моего юбилея)». С незначит. изм. — ВО 4, стр. 34, под заглавием «Графине С. А. Т—ой. (Во время моего 50-летнего юбилея)». Автограф в письме к С. А. Толстой от 19 февраля 1889 г. (ГБЛ).

В альбом П. А. Козлову (стр. 351). Впервые — «Album de madame Olga Kozlow». М., 1883, стр. 37, без заглавия, с датой «Москва. 9 января 1880». Под заглавием «В альбом К—у» — включено в ВО 1. Автограф в тетр. II под заглавием «В альбом Козлову», с датой «1879, дек.». Очевидно, декабрь 1879 г. — дата написания стихотворения, а 9 января 1880 г. — дата записи в альбом. *Козлов* Павел Алексеевич (1841—1891) — поэт и переводчик. О. А. Козлова — его жена.

Графу А. В. Олсуфьеву («Второй бригады из-за фронта...») (стр. 351). Впервые — ВО 3, стр. 18, под заглавием «Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву». Очевидно, надпись на книге — вероятно, на «Стихотворениях» Катулла в переводе Фета, вышедших в 1886 г. *Олсуфьев* Алексей Васильевич (1831—1915) — генерал, латинист-дилетант, много помогавший Фету в работах по переводам римских классиков. *Беллерофонт* (греч. миф.) — герой, победитель амазонок и чудовища Химеры. Возгордившись, захотел стать равным богам-олимпийцам и решил взлететь на Олимп на своем крылатом коне Пегасе, но Пегас сбросил его на землю. *Как служил он Ювеналу.* Сатиры Ювенала в переводе Фета вышли в 1885 г. и вызвали обширную статью А. В. Олсуфьева «Ювенал в переводе г. Фета» («Журнал Министерства народного просвещения», 1886, №№ 2, 3, 5, 8). *Улану ныне не служить.* Фет служил в уланском полку с 1853 по 1858 г.

Графине А. А. Олсуфьевой при получении от нее гиацинтов (стр. 352). Впервые — ВО 3, стр. 19. *Олсуфьева* Александра Андреевна (ум. 1910) — жена А. В. Олсуфьева.

Е. С. Хомутовой при получении от нее пышного букета цветной капусты (стр. 352). Впервые — ВО 4, стр. 69, под заглавием «Е. С. Х—й (при получении от нее пышного букета цветной капусты)».

Е. С. Хомутовой, приславшей мне цветы (стр. 353). Впервые — ВО 3, стр. 31, под заглавием «Ек. Серг. Х—ой (приславшей мне цветы)». Автограф в тетр. II под заглавием «Екатер. Сергеевне Хомутовой».

Графине Н. М. Соллогуб («Вам песнь моя. В степи мирской...») (стр. 353). Впервые — ВО 4, стр. 64, под заглавием «Графине Н. М. С—ъ». Автограф в альбоме Н. М. Соллогуб (ЦГАЛИ).

Ей же («Тобой привычный восхищаться...») (стр. 353). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 316, под заглавием «Графине Наталье Михайловне Соллогуб».

Ей же («О Береника! Сердцем чую...») (стр. 354). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 323, под заглавием «Графине Наталье Михайловне Соллогуб». *Береника* — жена египетского царя Птолемея III (III в. до н. э.); славилась прекрасными волосами, воспетыми Каллимахом и Катуллом. Она принесла свои волосы в бла-

годарственную жертву Афродите, но волосы исчезли из храма, и было объявлено, что они перенесены богами на звезды; поэтому одно созвездие названо «Волосами Береники». *С песнями твоими.* Н. М. Соллогуб писала стихи, которые Фет высоко оценивал (см. письмо Фета к ней от 11 апреля 1888 г. — «Парфенон», сб. 1. Пг., 1922, стр. 23).

Л. И. Офросимовой при посылке портрета (стр. 354). Впервые — «Нива», 1890, № 41, стр. 1018, под заглавием «Л. И. О—й (При посылке портрета)». Включено в ВО 4. *Офросимова* Любовь Ильинична — дочь И. Ф. Офросимова.

И. Ф. Офросимову на юбилей конского его завода в селе Березовце (стр. 355). Впервые — ВО 4, стр. 65, под заглавием «И. Ф. О — у (На юбилей конского его завода в селе Березовце)». *Офросимов* Илья Федорович — генерал-лейтенант.

На бракосочетание Е. Д. и К. Г. Дункер (стр. 355). Впервые — ВО 4, стр. 46, под заглавием «На бракосочетание Е. и К. Д—ъ». *Дункер* Елизавета Дмитриевна — племянница М. П. Фет, дочь Д. П. Боткина. *Дункер* Константин Густавович — инженер.

Е. Д. Дункер («Если захочешь ты душу мою разгадать. . .») (стр. 356). Впервые — «Нива», 1890, № 44, стр. 1090, без заглавия. Под заглавием «Е. Д. Д — ъ» включено в ВО 4. Судя по ст. 2, стихотворение является дарственной надписью на книге стихов Фета, т. е. (согласно дате) на экземпляре 3-го выпуска «Вечерних огней». Н. Н. Страхов писал Фету 24 января 1888 г.: «Может ли трезвый то высказать силой ума. — Не лучше ли так? И вместо я расскажу — я лишь скажу. Но это прелесть, это восток, хоть тут и действует муза!» Однако, как видно из печатного текста, Фет в этом случае не последовал советам Страхова.

На серебряную свадьбу Е. П. Щукиной (стр. 356). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 246, под заглавием «На серебряную свадьбу Екатерины Петровны Щукиной. 4 февр. 1874 года». Автограф в тетр. II под заглавием «В день серебряной свадьбы Е. П. Щ.» *Щукина* Екатерина Петровна — сестра М. П. Фет. После комментируемого стихотворения в изд. 1894 г. помещен следующий немецкий перевод его под заглавием: «(Перевод предыдущего стихотворения, сделанный автором)»:

Du sagst: ein schöner Tag mit Pomp und Segen,
Der Hochzeitstag, voll Freude und Genuss!
Es bangt dir nicht vor jenen dunklen Wegen,
Wo manche lichte Hoffnung schwinden muss.

Die Augen aller sind ihr zugewendet,
Wenn mit dem Schleier sich ihr Kranz vereint
Und sie, errötend und vom Glück geblendet,
Als junge Braut vor dem Altar erscheint.

Da steht sie schwebend zwischen Freud und Sorgen,
Doch er? Er schwor — er, ihrer Zukunft Wehr!
Kennt wohl die Welt, was vor der Welt verborgen —
Den Kampf der Liebe und der Pflicht? Und er?

Er hat erkannt, was jeder Mensch bewundert,
Was jeder schätzt. Trinkt auf ihr Wohl und Glück!
Verflossen ist ein Viertel vom Jahrhundert
Und silbern kommt die Hochzeit ihm zurück.

Hier stehn sie all', die Töchter und die Söhne,
Obgleich von Weitem mancher zugeeilt.
In jedem Aug' verkläret sich in Thräne
Die Milch, die einst die Mutterbrust verteilt!

Voll ist das Glück, das einzige, das Wahre,—
Was noch für Wünsche Jemand bringen mag?
O, gieb uns Gott bei diesem Silberpaare
Zu feiern einst der goldnen Hochzeit Tag!

Автограф этого перевода в тетр. II.

М. Н. Коншиной (стр. 357). Впервые — ВО 4, стр. 49, под заглавием «М. Н. К — ной». *Коншина* Мария Николаевна — жена поэта В. В. Коншина.

М. Ф. Ванлярской при получении визитной карточки с летящими ласточками (стр. 358). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 317, под заглавием «Марианне Федоровне Ванлярской. При получении визитной карточки с летящими ласточками». *М. Ф. Ванлярская* — сестра жены поэта Д. Н. Цертелева, редактора журнала «Русское обозрение», в котором Фет печатался.

П. И. Чайковскому (стр. 358). Впервые — изд. 1894 г., ч. 2, стр. 319, под заглавием «Петру Ильичу Чайковскому». 25 августа 1891 г. Фет писал К. Р.: «Дня три тому назад обедал у нас приехавший на два дня к нашему соседу Николаю Ильичу Чайковскому родной его брат Петр Ильич. Он понравился мне, как вполне артистическая натура. Я посадил его за обедом рядом с собой и уверен, что у Вашего высочества сильно звенело в ушах от наших усердных о Вас разговоров. Узнав, что он страстный любитель цветов, Марья Петровна поставила перед ним два букета из отцветающего сада, а я прочел и передал ему стихотворение, которым он остался, кажется, очень доволен». *Кому гремели антиподы Такой хвалой.* Антиподы — жители противоположных пунктов земного шара, здесь — американцы. Весной 1891 г. П. И. Чайковский ездил в Соединенные Штаты Америки, где с огромным успехом дирижировал несколькими симфоническими концертами.

Графу А. К. Толстому в деревне Пустыньке (стр. 358). Впервые — ВО 1, стр. 101, под заглавием «Гр. А. К. Т—у

в деревне Пустыньке». Список в тетр II. *Пустынька* — имение поэта Алексея Константиновича Толстого близ Петербурга.

Графу Л. Н. Толстому («Как ястребу, который просидел...») (стр. 359). Впервые — РВ, 1876, № 1, стр. 173, под заглавием «Графу Льву Толстому». Под заглавием «Гр. Л. Н. Т — у» включено в ВО 1. Список с поправками Фета в тетр. II. В письме, предположительно датируемом 26 октября 1875 г., Л. Н. Толстой прислал Фету прозаический перевод нескольких песен кавказских горцев, выписанный им из «Сборника сведений о кавказских горцах». Фет переложил прозаические переводы в стихи и опубликовал их в «Русском вестнике» под названием «Песни кавказских горцев» (см. стр. 842). Данное стихотворение напечатано как вводное к этому циклу. Образы его навеяны началом «Песни о Хамзате», цитируемой Толстым (Полн. собр. соч., т. 62. М., 1953, стр. 209). Стихи были посланы Толстому 4 ноября 1875 г. 8—9 ноября Толстой пишет Фету: «Получил ваше письмо и прекрасные стихи, в особенности „Ястреб"» (там же, стр. 216). «Ястребом» Толстой называет комментируемое стихотворение.

Ему же при появлении романа «Война и мир» (стр. 360). Впервые — ВО 2, стр. 18, под заглавием «Графу Льву Николаевичу Толстому (При появлении романа: „Война и мир")». Автограф в письме к Л. Н. Толстому от 23 апреля 1877 г. Список в тетр. II под заглавием «Дорогому другу графу Льву Николаевичу Толстому». Стихотворение отнесено Фетом к появлению «Войны и мира» по ошибке или с расчетом на такое осмысление, — но с появлением «Войны и мира» оно не связано («Война и мир» напечатан в 1865—1869 гг., стихотворение написано в 1877 г.). Посылая стихотворение Л. Н. Толстому, Фет писал: «Яснее этого я не сумел рассказать впечатление, производимое на меня не говорю Вашими произведениями, а всем Вашим существом, как скоро я его соприкасаюсь в области серьезной духовной жизни. Все равно в какой точке». *Жестоковыйный* — непокорный, непреклонный.

А. Н. Майкову на сочувственный отзыв о переводе Горация (стр. 360). Впервые — ВО 2, стр. 19. Автографы в тетр. II, в письме к А. Н. Майкову от 15 октября 1884 г. (ПД) и в ГБЛ. Стихи написаны в благодарность за содействие Майкова в получении Фетом большой Пушкинской премии Академии наук за перевод Горация. 15 октября 1884 г. Фет написал Майкову благодарственное письмо с данным стихотворением, о котором в письме сказано: «В первую же минуту вчера я изобразил следующие вирши».

На юбилей А. Н. Майкова («Пятьдесят лебедей пронесли...») (стр. 360). Впервые — ВО 4, стр. 43, с датой «25 марта 1888. Воробьевка». Но это дата 2-й редакции. 1-я редакция, опубликованная Б. Садовским («Ледоход», стр. 90) по не дошедшей до нас тетради, датирована 11 марта 1888 г. 10 марта 1888 г. Фет писал Полонскому: «Все время напрасно мучаюсь, выдавливая из себя хотя бы восемь юбилейных стихов в честь Майкова, и вижу, что я в этом случае более всего похож на бесплодного мула». Юбилейное

стихотворение было написано еще 7 марта (см. стр. 545), но отвергнуто самим Фетом или его советчиками. По поводу первой редакции данного стихотворения (см. варианты) Н. Н. Страхов писал 18 марта 1888 г.: «Стихи, каюсь, нахожу не вполне достойными такого волшебного поэта, каким Вы являетесь среди современной прозы и к полной радости всех смыслящих толк в этих делах. Первые два куплета хороши; но третий прозаичен, а четвертый непонятен. Если

не вечно земному и жить,
во прахе нас скоро забудут,

то и конец всему и обещать больше нечего.

Но его (кого?) в небесах уносить
Лебединые крылья всё будут.

Последний стих — фетовская прелесть. Но что же это значит? В небесах? Где и куда?» По поводу второй редакции Страхов писал 3 апреля 1888 г.: «Предлагаю Вам еще две маленьких перемены.

1. Вместо громозвучных стихов не лучше ли драгоценных стихов? Громозвучный — очень избитое и чересчур громкое слово.

2. Вместо Нам умолкнуть, отстать, замолчать не сказать ли яснее:

Наш восторг не дает нам молчать,
Но восторженных скоро забудут

или так:

Пусть в восторге не можем молчать...
Хоть в восторге не можем молчать...

Ну, Вы придумаете лучше моего, сколько бы я ни тужился». Поправки Страхова были приняты Фетом и легли в основу окончательного текста.

Полонскому («Спасибо! Лирой вдохновенной...») (стр. 361). Впервые — ВЕ, 1883, № 7, стр. 332, под заглавием «Я. П. Полонскому. В ответ» со сноской: «См. выше: май, 1883 г., стр. 216, стих. «Вечерние огни» Я. П. Полонского, посвященное А. А. Фету». Включено в ВО 2. Автограф в тетр. II под заглавием «Ответ Полонскому».

Я. П. Полонскому («В минувшем жизнь твоя богата...») (стр. 361). Впервые — ВО 4, стр. 62. *Любил и пел ты соловьем.* Стихотворение Я. П. Полонского «Соловьиная любовь» (1856) начинается стихом: «В те дни, как я был соловьем».

В альбом Н. Я. Полонской (стр. 362). Впервые — ВО 4, стр. 63, под заглавием «В альбом Н. Я. П — ой». Черновой автограф в архиве Я. П. Полонского (ПД). *Полонская* Наталия Яковлевна — дочь Я. П. Полонского.

Ф. И. Тютчеву («Мой обожаемый поэт...») (стр. 362). Впервые — ВО 1, стр. 102, под заглавием «Федору Ивановичу Тютчеву». Автограф в тетр. II под заглавием «Федору Ивановичу Тютчеву. С просьбой о фотографии». Тютчев ответил присылкой портрета и стихотворением «А. А. Фету» («Тебе сердечный мой поклон...»), датированным 14 апреля 1862 г.

Ему же («Прошла весна — темнеет лес...») (стр. 363). Впервые — РВ, 1866, № 2, стр. 852. С изм. — ВО 1, стр. 103. Автограф в тетр. II. В. П. Боткин писал Фету 1 февраля 1866 г.: «Стихи к Тютчеву, по моему мнению, хороши, кроме последней строфы, которая кажется слабою. «Зов единый» — эпитет слишком неопределенный и ничего не говорящий. Нельзя заключать стихотворение таким слабым и бесцветным аккордом. Так кажется мне, а может быть, я ошибаюсь» («Мои восп.», ч. 2, стр. 81). 25 марта 1866 г. Тургенев писал Фету: «Стихотворение ... к Тютчеву прекрасно; от него веет старым, или, лучше сказать, молодым Фетом» (Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 360).

На книжке стихотворений Тютчева (стр. 363). Впервые — ВО 2, стр. 16. Автографы в тетр. II, под заглавием «К книжке Тютчева», и в ГБЛ. Последний, черновой автограф — на обороте счета типографии, оплаченного 21 декабря 1883 г. Датировка стихотворения исходит из этой даты. *Сырты* — перевалы через Уральский хребет.

К памятнику Пушкина («Исполнилось твое пророческое слово...») (стр. 364). Впервые — ВО 1, стр. 16, в отделе «Элегии и думы». Автограф на отдельном листе под заглавием «На 26 мая 1880 г. К памятнику А. С. Пушкина» (ЦГАЛИ). Автограф первых восьми стихов — при письме в Общество любителей русской словесности от 12 мая 1880 г. под заглавием «На 26 мая 1880 г. К монументу А. С. Пушкина» (ГБЛ). Ст. 13—14 перефразируют последние два стиха сонета Пушкина «Поэту». Ст. 12 связан со ст. 24 стихотворения Пушкина «Чернь» («Печной горшок тебе дороже»). Реакционный смысл стихотворения Фета очевиден. Н. Н. Страхов писал Фету 12 июня 1880 г.: «Читал Ваши чудесные стихи, написанные против праздника. Мне стало понятно, отчего их там публично не читали».

1 марта 1881 года (стр. 364). Впервые — РВ, 1881, № 4, стр. 726, без заглавия. С незначит. изм. — ВО 1, стр. 17. Автограф в тетр. II. 1 марта 1881 г. — дата смерти Александра II. Это реакционное стихотворение, в котором убитый царь сравнивается с Христом, а революционеры с Иудой, написано, видимо, в связи с решением о постройке храма («Воскресения на крови») на месте смертельного ранения Александра II.

15 мая 1883 года (стр. 365). Впервые — «Новое время», изд. 1-е, 1883, № 2589, 15 мая, стр. 1. Без изм. — РВ, 1883, май, стр. 294. Включено в ВО 2. Автографы в тетр. II и в ГБЛ. 15 мая 1883 г. — день коронации Александра III.

На пятидесятилетие музы («Нас отпевают. В этот день...») (стр. 366). Впервые — «Гусляр», 1889, № 3, стр. 33. С незначит. изм. — ВО 4, стр. 19. История этого стихотворения освещена в письме Фета к Полонскому от 16 января 1889 г.: «Во избежание однообразных выражений благодарности за приветствия я хотел напечатать на отдельных листках стихотворение по поводу юбилея, чтобы раздавать его на память желающим. При этом старая Муза моя взглянула на юбилей как на свое отпевание. Но Страхов разбранил это стихотворение, считая его даже невежливым в отношении к поздравляющим, несмотря на то, что стихотворение понравилось Толстому. Вчера случайным образом написалось другое, которое прилагаю на твое воззрение. Если тут нет ничего хорошего, то нет и обидного» (см. следующее стихотворение). Мнение Страхова, на которое ссылается Фет, — в его письме к Фету от 10 января 1889 г.: «„На пятидесятилетие", по-моему, чересчур мрачно и не довольно тепло. Сравнивать юбилей с отпеванием и отвечать на приветствия молчанием — на что это похоже! Это вовсе не скромность; скромность благодарит и уверяет, что помолодела от похвал».

На пятидесятилетие музы («На утре дней всё ярче и чудесней...») (стр. 366). Впервые — на отдельном листке под заглавием: «На пятидесятилетие моей музы» с датой «28 января 1889 года». Дата явно неверна (ср. письмо, приведенное в комментарии к предыдущему стихотворению). С исправлением этой даты («14 января 1889. Москва») — включено в ВО 4.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

ЛИРИЧЕСКИЙ ПАНТЕОН

«Лирический пантеон» — первое литературное выступление Фета. Ни одно стихотворение, вошедшее в этот сборник, не было напечатано ранее. Сборник вышел в ноябре 1840 г. под инициалами А. Ф. Из этого сборника в изд. 1850 г. перешло лишь четыре стихотворения: «Греция», «Когда петух...», «Застольная песня» и «Водопад» (все в отделе «Антологические стихотворения», без изм.); из этих стихотворений только первые два вошли в изд. 1856 и 1863 гг.

Эпиграфом к сборнику взята первая строфа стихотворения Ламартина «Chant d'Amour». Сборник вызвал сочувственную рецензию П. Н. Кудрявцева (ОЗ, 1840, № 12, стр. 40—42) и издевательскую О. И. Сенковского (БдЧ, 1841, № 1, стр. 1—4). По поводу первой В. Г. Белинский писал 26 декабря 1840 г. В. П. Боткину: «Как хороша его рецензия в последнем № на «Лирический пантеон» Ф., только он уж чересчур скуп на похвалы — о, строгий критик! А г. Ф. много обещает» (Полн. собр. соч., т. 11. М., 1956, стр. 584).

Странность (стр. 382). *Эпикур* (341—270 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, считавший целью и смыслом жизни наслаждение (в очень широком смысле слова).

Хандра (стр. 389). *Смесь одежд и лиц* — цитата из «Братьев-разбойников» Пушкина.

Арабеск (стр. 391). *Папир* — папирус. *Гарпия* (греч. миф.) — крылатое чудовище, птица с девичьим лицом. *Коцит* (греч. миф.) — река в подземном мире.

Вечерний звон (стр. 392). Датируется годом смерти И. И. Козлова (1779—1840). Стихотворение является как бы перепевом стихотворения Козлова «Вечерний звон», отвечающим на последние слова его:

Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон.

Строфика, число строф, рифмовка, даже основные рифмы и их местоположение, тематика и последовательность тем (вечерний звон — отчий дом — могильный сон — напев ветра — другой певец) соответствуют козловскому стихотворению. *Поэт-слепец.* Козлов был слеп. *«Вечерний звон»* — известный романс А. Н. Алябьева на слова Козлова.

«Солнце потухло, плавает запах...» (стр. 394). Эпиграф — из «Евгения Онегина».

«Ты мне простишь, мой друг, что каждый раз...» (стр. 394). Указание на принадлежность Горацию слов, поставленных в эпиграфе, неверно. *Мортимер* — персонаж трагедии Шиллера «Мария Стюарт».

«Сними твою одежду дорогую...» (стр. 395). Эпиграф цитируется Фетом неверно. У Пушкина:

И девушка прельщать умела их
Без помощи нарядов дорогих.

«Над морем спит косматый бор...» (стр. 396). Эпиграф — из баллады Гете «Der Sänger»; цитировано неточно.

«Уж, серпы на плеча взложив, усталые жницы...» (стр. 398). Эпиграф — из IV оды II книги Горация; цитировано неточно; в сноске дан перевод Фета.

«Стократ блажен, когда я мог стяжать...» (стр. 399). Эпиграф — из стихотворения В. Гюго: «Amis! un dernier mot et je ferme à jamais...»

Дифирамб на Новый год (стр. 401). Впервые в книге: Г. Блок. Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. Л., 1924, стр. 65. Автограф в письме к И. И. Введенскому от 28 ноября 1840 г. (ПД). Части слов, заключенные в тексте в ломаные скобки, восстановлены предположительно: в автографе в этих местах чернильные пятна. В автографе подчеркнуто слово заздравие в предпоследнем стихе; на полях сделана пометка: «Я подчеркнул слово заздравие для того, чтобы переписчик не принял его за два слова, а за одно существительное». «Отсылаю Дифирамб, — пишет Фет Введенскому, — который я написал на Новый год и кот<орый> желал бы поместить в новорожденный Сын отечества». Комментарий к письму и стихотворению дан в указанной книге Г. Блока, стр. 67—68.

«Щечки рдеют алым жаром...» (стр. 402). Впервые — «Москв.», 1842, № 1, стр. 21, как четвертое стихотворение цикла «Снега». В изд. 1850 г. вместо него помещено стих. «Ветер злой, ветр крутой...»

«Стихом моим незвучным и упорным...» (стр. 403). Впервые — «Москв.», 1842, № 2, отдел «Смесь», стр. 76, вместе с двумя следующими стихотворениями и стих. «Не здесь ли ты легкою тенью...» под общим заглавием «Офелии».

«Как майский голубоокий...» (стр. 403), «Сосна так темна, хоть и месяц...» (стр. 403). Впервые — «Москв.», 1842, № 2, отдел «Смесь», стр. 77 (см. предыдущее примечание). Включены в изд. 1850 г. (отдел «К Офелии»).

Звезды (стр. 404), К жаворонку (стр. 404), Ручка (стр. 405). Впервые — «Москв.», 1842, № 2, отдел «Смесь», стр. 78.

Весенняя песнь (стр. 405). Впервые — «Москв.», 1842, № 4, стр. 308.

Моя Ундина (стр. 406). Впервые — «Москв.», 1842, № 5, стр. 23, в составе пяти строф. Без 3-й строфы первоначальной редакции — изд. 1850 г., стр. 142 (отдел «Разные стихотворения»).

Перчатка (стр. 406). Впервые — «Москв.», 1842, № 5, стр. 23. Включено в изд. 1850 г. (отдел «Разные стихотворения»).

Стена (стр. 407). Впервые — «Москв.», 1842, № 5, стр. 25.

Вечерний сад (стр. 408). Впервые — «Москв.», 1842, № 7, стр. 5.

«Перлы восточные — зубы у ней...» (стр. 408), «Как ум к ней идет, как к ней чувство идет...» (стр. 409). Впервые — «Москв.», 1842, № 8, стр. 233—234. Включены в изд. 1850 г. (отдел «Мелодии»).

«Утром курится поляна...» (стр. 409). Впервые — «Москв.», 1842, № 8, стр. 234. Включено в изд. 1850 г. (отдел «Мелодии»). В Остр. экз. зачеркнуты ст. 1—8 и 11—12, ст. 9—10 обведены, и на полях Тургеневым написано: «Сохранить эти прекрасные два стиха для будущего стихотворения».

«В руке с тамбурином, в глазах с упоеньем...» (стр. 410), «Я узнáю тебя и твой белый вуаль...» (стр. 410), «Мы ехали двое... Под нею...» (стр. 410). Впервые — «Москв.», 1842, № 8, стр. 237. Включены в изд. 1850 г. (отдел «Мелодии»).

«За красавицу соседку...» (стр. 411). Впервые — «Москв.», 1842, № 8, стр. 238. Включено в изд. 1850 г. (отдел «Мелодии»). Написано, вероятно, под впечатлением картины К. П. Брюллова «Итальянский полдень» (1828).

Горный ключ (стр. 411). Впервые — альм. «Молодик», Харьков, 1843, стр. 116 (ценз. разреш. от 10 сентября 1842 г.). Под стихотворением помета: «Москва».

«Безмолвные поля оделись темнотою...» (стр. 412). Впервые — сб. «Подземные ключи». М., 1842, стр. 16, в составе полных трех строф (см. варианты). С изм., вместе со стих. «К Морфею», «Когда не свищет вихрь в истерзанных снастях...» и «Бюст», под общим заглавием «Антологические стихотворения» — «Москв.», 1842, № 10, стр. 285.

«Когда кичливый ум, измученный борьбою...» (стр. 413). Впервые — сб. «Подземные ключи». М., 1842, стр. 73.

К Морфею (стр. 413). Впервые — «Москв.», 1842, № 10, стр. 285, вместе с двумя следующими стихотворениями и стих. «Безмолвные поля оделись темнотою...», под общим заглавием «Антологические стихотворения».

«Когда не свищет вихрь в истерзанных снастях...» (стр. 414). Впервые — «Москв.», 1842, № 10, стр. 285 (см. предыдущее примечание). Основано на мифе о возникновении богини Киприды (Афродиты, Венеры) из морской пены.

Бюст (стр. 414). Впервые — «Москв.», 1842, № 10, стр. 286 (см. предыдущее примечание). Относится, вероятно, к бюсту Пушкина.

«Как на черте полночной дали...» (стр. 414), Элегия (стр. 415), Сонет («С тех пор, как бог в тебе осуществил...») (стр. 415). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 517, 532, 525. Списки на отдельных листах, подписанные Фетом (буквами «А. Ф.»), — в ГПБ (фонд С. П. Шевырева). Стихотворения датируются по основаниям, изложенным в примечании к стих. «Владычица Сиона пред тобою...» (см. стр. 757).

Хронос (стр. 416), Странная уверенность (стр. 416), Возвращение (стр. 416), Ее окно (стр. 417), «Сорвался мой конь со стойла...» (стр. 417). Печатаются впервые. Список с подписью Фета (буквами «А. Ф.»), с общим заглавием «Мгновения» — в ГБЛ (фонд И. Е. Бецкого). Стихотворения «Хронос» и «Странная уверенность» перечеркнуты. В этот же цикл включены стихотворения «Как много, боже мой, за то б я отдал дней...» (под заглавием «Желание») и «Ave Maria»; текст последнего стихотворения также перечеркнут. Указанные семь стихотворений перенумерованы цифрами от IV до X; перед ними, после общего заглавия «Мгновения», дано перечисление трех стихотворений: «I. Перчатка. II. Трубка. III. Перед камином» с общим указанием: «У Степана Петровича» — т. е. у Шевырева. Стих., «Перчатка» — см. стр. 406. Стих. «Перед камином» — возможно, «Непогода — осень — куришь...» (стр. 149). Стих. «Трубка» — неизвестно. Подпись «А. Ф.» датирует стихотворения (см. стр. 757). Упоминание о текстах, находящихся у Шевырева, делает несомненным, что цикл предназначался Фетом для печатания в «Москв.», где из него напечатаны в 1842 г. два стихотворения — «Ave Maria» и «Перчатка».

«Как много, боже мой, за то б я отдал дней...» (стр. 418). Впервые — РиП, 1850, № 5, стр. 71. Список в ГБЛ, под заглавием «Желание» (см. предыдущее примечание). В этом списке, на левом поле против стихотворения, — надпись рукой Фета: «Я ошибся, выставивши эту пьесу, это элегия по всем правам». Датируется как и предыдущие стихотворения.

Утес (стр. 418). Печатается впервые. Список, сделанный тем же почерком, что и список предыдущих стихотворений, также подписанный Фетом буквами «А. Ф.», на отдельном листе в ГБЛ (фонд И. Е. Бецкого). Датируется по тем же основаниям, что и предыдущие стихотворения.

«Поверьте мне: с надеждой тайной...» (стр. 419). Впервые — изд. 1937 г., стр. 328. Автограф в ЦГАЛИ с подписью «А. Фе̄т». Так Фет подписывался в первые студенческие годы. «От этой транскрипции Фет отказался, по-видимому, после появления под полной фамилией в печати (в «Отеч. зап.» 1842 г.)» (Г. Блок. Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. Л., 1924, стр. 97—98).

«Ночь тиха. По тверди зыбкой...» (стр. 419). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 549. Автограф в письме к С. П. Шевыреву от 25 декабря — по-видимому 1842 или 1843 г. (ГПБ). Приводим начало письма: «Благодетельный Степан Петрович! Едва только Вы откроете глаза, как уже прекрасный обычай стоит у дверей Ваших с поздравлениями. Русские не оставляют карточек, а просто христославят. Вот я крещусь на все стороны и начинаю». По Евангелию, три восточных волхва пришли по пути, указанному им звездой, поклониться новорожденному Иисусу Христу и принесли ему дары: золото, смирну (пахучую смолу для курений) и ливан (ладан).

Блудница (стр. 420). Впервые — в письме В. П. Боткина к А. А. Краевскому от 11 марта 1843 г. в кн.: «Бумаги А. А. Краевского. Опись их собрания. Сост. И. А. Бычковым». СПб., 1893, стр. 124. Автограф письма — в ГПБ. «Фет написал стихи к знакомой нам с вами Блуднице, — пишет Боткин, — за которую я каждый день все говорю вам спасибо. Да стихи-то неудачные. Вот они». Сюжетная ситуация стихотворения связана с евангельским преданием о прощении Христом женщины, которую хотели побить камнями, так как она была уличена в блуде (Евангелие от Иоанна, VIII, 3—11).

Горы (стр. 420). Впервые — «Москв.», 1843, № 5, стр. 23. *Гулливые* — гулкие. *Зачем Он горы выбирал, когда являлся Моисею.* По библии, бог являлся Моисею на горах Синай и Хорив.

«В небесах летают тучи...» (стр. 421). Впервые — ОЗ, 1843, № 7, стр. 172. Включено в изд. 1850 г. (отдел «Разные стихотворения»). Л. А. Мей писал: «„В небесах летают тучи", по нашему мнению, более принадлежат Гейне, нежели г. Фету» («Москв.», 1850, № 6, стр. 51).

«Мы с тобой не просим чуда...» (стр. 422). Впервые — ОЗ, 1843, № 8, стр. 230. Включено в изд. 1850 г. Л. А. Мей писал: «Стихотворение «Мы с тобой не просим чуда» мы целиком решились отнести к непостижимостям, на какие столь щедры в своих произведениях и Гейне, и за ним целая фаланга известного рода немецких писателей» («Москв.», 1850, № 6, стр. 51).

«Ночь. Не слышно городского шума...» (стр. 422). Впервые — ОЗ, 1843, № 11, стр. 190. Включено в изд. 1850 г. (отдел «Разные стихотворения»).

«Смотри, красавица, — на матовом фарфоре...» (стр. 423). Впервые — «Москв.», 1843, № 12, стр. 285.

Цыганке (стр. 423). Впервые — ОЗ, 1844, № 2, стр. 196.

«На водах Гвадалквивира...» (стр. 424). Впервые — изд. 1850 г., стр. 118 (отдел «Разные стихотворения»). Автограф в ГБЛ (в фонде И. Е. Бецкого), под заглавием «Романс», на одном листе с автографом стих. «Серенада». Датируется по тем же основаниям, что и «Серенада» (см. стр. 738). В автографе в ст. 1 и 11 вместо «Гвадалквивир» — «Гадальквивир» (французское произношение).

«Рассказывал я много глупых снов...» (стр. 424). Впервые — РиП, 1844, № 9, стр. 419, под заглавием «Сонет». Без заглавия и с незначит. изм. — изд. 1850 г., стр. 66 (отдел «Сонеты»). В Остр. экз. Тургенев перечеркнул последние шесть стихов с пометой: «переменить». Фет предложил вариант (см. варианты), который не был принят, и стихотворение не вошло в изд. 1856 г.

В альбом (стр. 425). Впервые — РиП, 1844, № 11, стр. 271.

«Я говорил при расставаньи...» (стр. 425). Впервые — ОЗ, 1844, № 11, стр. 3, с пометой «Франкфурт на Майне». Датируется по этой помете.

Песнь пажа (стр. 426). Впервые — ОЗ, 1845, № 10, стр. 386.

«Вижу, снова небо тмится...» (стр. 426). Впервые — ОЗ, 1845, № 12, стр. 194.

«Я вдаль иду моей дорогой...» (стр. 427). Впервые — ОЗ, 1845, № 5, стр. 172, с пометой «Новая Прага». Датируется сопоставлением этой пометы с датой ценз. разреш.

«При свете лампады над черным сукном..» (стр. 428). Впервые — РиП, 1846, № 3, стр. 649.

Воздушный город (стр. 428). Впервые — РиП, 1846, № 4, стр. 3.

Художнику (стр. 429). Впервые — РиП, 1846, № 5, стр. 228. В ст. 9, очевидно, опечатка: «мольбой» напечатано, вероятно, вместо «молвой». *Не ведят, что творят.* Согласно Евангелию, распятый Христос просил бога простить своих убийц, «ибо не ведают, что творят».

Прости (Офелии) (стр. 429). Впервые — РиП, 1846, № 10, стр. 7. 12 ноября 1846 г. А. Ф. Бржеский писал Фету: «В репертуаре за октябрь прочел я ваше прощание с Офелией: бедная...»

Весна на юге (стр. 430). Впервые — РиП, 1847, № 3, стр. 132.

«Прекрасная, она стояла тихо...» (стр. 430). Впервые — изд. 1937 г., стр. 339. Список в архиве В. Р. Зотова (ПД).

«Кенкеты, и мрамор, и бронза...» (стр. 431), «Я знал, что нам близкое горе грозило...» (стр. 431), К Цирцее (стр. 432), Мой ангел (стр. 432). Впервые — ЛГ, 1847, № 15, стр. 227—228, вместе со стих. «К красавцу», «Последнее слово» и «Ах, опять всё те же глазки...». В архиве редактора ЛГ В. Р. Зотова (ПД. Дашковское собрание) сохранились списки этих стихотворений, а также ненапечатанного стих. «Прекрасная, она стояла тихо...», написанные неизвестной рукой и несомненно (по пометкам на них) являющиеся теми присланными в редакцию оригиналами, по которым стихотворения напечатаны в ЛГ. Так как в последней они напечатаны неисправно, стихотворения печатаются по этим спискам. Это листки, вырванные из тетради, заключавшей, очевидно, собрание стихотворений Фета, так как над стихотворениями проставлены цифры (XVIII—XXI, XLVI, XLVII, LX, LXI). *Кенкет* — старинная комнатная лампа с масляной горелкой.

Последнее слово (стр. 433). Впервые — ЛГ, 1847, № 15, стр. 228, под заглавием «Гнев Зевеса». С изм., под заглавием «Последнее слово» — «Совр.», 1856, № 10, стр. 282. Автограф в тетр. I, первоначально под заглавием «Пророку», со вступительной строфой, не напечатанной, возможно, по цензурным причинам (см. варианты). Заглавие «Гнев Зевеса» дано, очевидно, редакцией ЛГ в цензурных целях, так как в списке, с которого стихотворение печаталось (ПД; см. предыдущий комментарий), оно называется «Гнев бога», причем «бога» зачеркнуто карандашом и рядом карандашом же написано «Зевеса». На полях чернилами (не теми, которыми написан текст) сделана надпись: «Не было пропущено, но авось у нас пропустят». Стихотворение имитирует стиль библейских пророческих проповедей.

«Между счастием вечным твоим и моим...» (стр. 434), Veille sur ce que j'aime (стр. 434), «Как отрок зарею...» (стр. 435). Впервые — изд. 1850 г., стр. 21, 30, 31 (отдел «Мелодии»).

Сильфы (стр. 435). Впервые — изд. 1850 г., стр. 52 (отдел «Баллады»). *Сильф, сильфида* (германск. миф.) — легкие, подвижные существа, олицетворяющие стихию воздуха.

Метель (стр. 436). Впервые — изд. 1850 г., стр. 55 (отдел «Баллады»). Чернышевский писал в черновике романа «Повести в повести» (1863): «Зачем Вы, г. Фет, выпустили из последнего издания Ваших стихотворений пьесу — я позабыл ее название — о том, как брат застает сестру, целующуюся с своим милым. Это также очень грациозно» (Полн. собр. соч., т. 12. М., 1949, стр. 695).

«О, для тебя я сделаюсь поэтом!..» (стр. 437). Впервые — изд. 1850 г., стр. 65 (отдел «Сонеты»).

«Смотреть на вас и странно мне и больно...» (стр. 438). Впервые — изд. 1850 г., стр. 65 (отдел «Сонеты»). Об этом стихотворении Ап. Григорьев писал: «Все стихотворение отзывается явным подражанием одному сонету Гейне в его «Traumbilder»: «Im Traum sah ich ein Männchen klein und putzig» (ОЗ, 1850, № 1, стр. 66).

«Виноват ли я, что долго месяц...» (стр. 439). Впервые — изд. 1850 г., стр. 81 (отдел «Элегии»). Ст. 32 исправлен нами по смыслу; в оригинале «Иль краса улыбку породила»; такое чтение в данном контексте бессмысленно. О слове, пропущенном в ст. 28, вероятное предположение сделал Б. В. Никольский: «Можно предположить, что по примеру древних Фет назвал тут Фидия «боговидцем», что показалось предосудительным «богомольному» рвению цензора» (Изд. 1901 г., т. 1, стр. XXII). *Риальто* — селение вблизи Венеции; многократно упоминается в популярном в 40-е годы романсе на слова Ф. А. Кони «Гондольер». *Фидий* (V в. до н. э.) — величайший скульптор древней Греции.

Саконтала (стр. 440). Впервые — изд. 1850 г., стр. 86 (вне отделов).

Язык цветов (стр. 444). Впервые — изд. 1850 г., стр. 93 (отдел «Подражание восточному»).

«Как идет к вам чепчик новый...» (стр. 444). Впервые — изд. 1850 г., стр. 95 (отдел «К Офелии»).

«Многим богам в тишине я фимиам воскуряю...» (стр. 444). Впервые — изд. 1850 г., стр. 112 (отдел «Антологические стихотворения»). *Дионисий, Лией* (греч. миф.) — имена Вакха, культ которого отличался буйным пьяным весельем. *Тирс* — символ Вакха и вакханок, обвитый плющом и виноградными листьями жезл с сосновой шишкой вверху. *Калхас* (греч. миф.) — прорицатель; чтобы богиня Артемида не препятствовала отплытию греков к Трое, Калхас потребовал принесения в жертву Ифигении, дочери предводителя греков в Троянской войне царя Агамемнона. В самый момент заклания Артемида незримо унесла Ифигению, заменив ее ланью. *Клитемнестра* (греч. миф.) — мать Ифигении. *Плеск волн забвения в барку* (греч. миф.). Тени умерших перевозились в подземное царство в барке, через реку Лету, воды которой давали забвение всего земного. *В бок упираю козла.* Козел — ритуальное животное в культе Вакха.

«Эти думы, эти грезы...» (стр. 445). Впервые — изд. 1850 г., стр. 115 (отдел «Разные стихотворения»).

«Друг мой, я сегодня болен...» (стр. 446). Впервые — изд. 1850 г., стр. 117 (отдел «Разные стихотворения»), как последнее из трех стихотворений под общим заглавием «Хандра» (I — «Непогода — осень — куришь...», II — «Не ворчи, мой котмурлыка...»).

«Поделись живыми снами...» (стр. 447), Добрый день (стр. 447), К картине (стр. 448), Курган (стр. 448), «Ты говоришь мне: прости!..» (стр. 449), Тучка (стр. 450), Свобода и неволя (стр. 450). Впервые — изд. 1850 г., стр. 120—127 (отдел «Разные стихотворения»).

«Сядь у моря — жди погоды...» (стр. 451). Впервые — изд. 1850 г., стр. 128 (отдел «Разные стихотворения»). В бумагах А. А. Краевского (ГПБ) хранится цензурная корректурная гранка ОЗ с двумя стихотворениями Фета: «Из Анакреона» («Сядь, Вафилл, в тени отрадной...») и комментируемым. Последнее перечеркнуто красными чернилами, на полях надпись: «Стихи эти Комитетом запрещены». Подпись: «Ценсор А. Мехелин». Наверху гранки карандашом надписано: «21 мая». Причиной запрещения, очевидно, явилась «неясность» стихотворения.

«Дитя, покорное любви...» (стр. 451). Впервые — изд. 1850 г., стр. 134 (отдел «Разные стихотворения»).

«Под палаткою пунцовой...» (стр. 452). Впервые — изд. 1850 г., стр. 136 (отдел «Разные стихотворения»). *Азраил* — ангел смерти (у мусульман).

Эоловы арфы (стр. 453). Впервые — изд. 1850 г., стр. 137 (отдел «Разные стихотворения»). Заглавие взято нами из оглавления; в тексте — «Эолова арфа». Считаем подлинным заглавие оглавления, так как стихотворение написано в виде диалога двух эоловых арф. Диалогичность особенно подчеркнута рифмовкой: вторые реплики «его» и «ее» даны на тех же рифмах. Притом стихотворение, очевидно, навеяно стихотворением Гете «Äolsharfen», также построенном как диалог двух арф («он» и «она»).

«После раннего ненастья...» (стр. 454), «Мудрым нужно слово света...» (стр. 454), «Какая холодная осень!..» (стр. 455), «Опять я затеплю лампаду...» (стр. 455). Впервые — изд. 1850 г., стр. 138, 139, 145, 150 (отдел «Разные стихотворения»).

«Мы нравимся уездам и столицам...» (стр. 455). Впервые — «Новое время», 1903, № 9898, 24 сентября, стр. 8. Автограф в альбоме А. Л. Бржеской (ПД).

«Весенних чувств не должно вспоминать...» (стр. 456). Впервые — «Новое время», 1903, № 9933, 29 октября, стр. 7. Автограф в альбоме А. Л. Бржеской (ПД).

«Я в моих тебя вижу всё снах...» (стр. 456). Впервые — «Новое время», 1903, № 9821, 9 июля, стр. 9. Автограф в альбоме А. Л. Бржеской (ПД). *Розовым белым венцом* — т. е. венцом из белых роз.

«Отвергнув гордое сомненье...» (стр. 457). Впервые — «Татевский сборник» С. А. Рачинского. СПб., 1899, стр. 142. Автограф в ЦГАЛИ. Эпиграф цитирован неверно. У Баратынского (в стих. «В альбом»):

Альбом, заметить не грешно,
Весьма походит на кладбище.

«Мой друг, я верую, надеюсь и люблю...» (стр. 457). Впервые — изд. 1937 г., стр. 365. Автограф в письме Фета к Я. П. Полонскому от 30 июля 1848 г. (ПД).

«Где север — я знаю!..» (стр. 458). Впервые — «Москв.», 1853, № 15, стр. 113, под заглавием «Мелодия». Автограф в ГБЛ, в письме М. П. Погодину от 16 декабря 1849 г.

«Среди несметных звезд полночи...» (стр. 458). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 146. Автограф на одном листе с автографом предыдущего стихотворения.

«Когда опять по ка́мням заиграет...» (стр. 459). Впервые — в публикации Е. Покровской «Фет в переписке с И. П. Борисовым» («Литературная мысль», 1923, кн. 1, стр. 212). Автограф в письме Фета к И. П. Борисову от 22 апреля 1849 г.

(ПД). «Не каркаю тебе ничего, — пишет Фет. — Разве прокаркать песенку, пропетую мною весне».

«Снова слышу голос твой...» (стр. 459). Впервые — РО, 1901, вып. 1, стр. 102 и 304 (по ошибке напечатано дважды). Автограф на отдельном листе в ГБЛ. Печатается по автографу, несколько отличному от журнального текста. Н. Н. Черногубов указывает: «Судя по почерку и бумаге известного мне белового автографа, написано чуть ли еще не в 40-х годах» («Сев. цветы на 1902 г.», стр. 224).

«Как гений ты, нежданный, стройный...» (стр. 460). Впервые — «Москв.», 1850, № 2, стр. 186.

«Напрасно, дивная, смешавшися с толпою...» (стр. 460), «Слеза слезу с ланиты жаркой гонит...» (стр. 461), «Следить твои шаги, молиться и любить...» (стр. 461). Впервые — РиП, 1850, № 5, стр. 71—72, вместе со стих. «Как много, боже мой, за то б я отдал дней...» (см. стр. 418), под общим заглавием «Четыре элегии». Данные три стихотворения посвящены, вероятно, М. К. Лазич (см. стр. 11—12).

«Перекладывают тройки...» (стр. 462). Впервые — «Сев. цветы на 1902 г.», стр. 100. Автограф в письме Фета И. П. Борисову от 3 февраля 1850 г. (ГБЛ). «Совершенно хладнокровно и механически переписываю тебе одно стихотворение, потому что оно твоя собственность и ты, верно, узнаешь местность, — пишет Фет. — Думай об этом стихотворении что хочешь, но, ради Аллы, прими к точному руководству последний стих» (Алла — Аллах). Биографические реалии стихотворения относятся к роману Фета с М. К. Лазич (см. стр. 11—12).

Вчера и сегодня (стр. 463), Отъезд (стр. 463). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 504; т. 1, стр. 303. Автографы в тетр. I, в которую вписаны, вероятно, в 1854 г. (записаны в начале тетради, на переплете которой вытиснена дата: «4 января 1854»). *Пафосское вино* — любовная страсть (см. стр. 754).

Шарманщик (стр. 464). Впервые — ОЗ, 1854, № 3, стр. 173.

«Дай руку мне, дай руку, пери злая...» (стр. 464). Впервые — ОЗ, 1854, № 6, стр. 375. Автограф в тетр. I.

«Люди нисколько ни в чем предо мной не виновны, я знаю...» (стр. 465). Впервые — ОЗ, 1854, № 8, стр. 337.

Хижина в лесу (стр. 465). Впервые — «Совр.», 1855, № 8, стр. 142.

«Заревая вьюга...» (стр. 466). Впервые — «Русская мысль», 1921, № 10—12, стр. 258 (в статье Ю. А. Никольского «Материалы по Фету. I. Исправления Тургеневым фетовских «Стихо-

творений» 1850 г.»). Однако, неверно прочтя в трудно читаемом карандашном наброске четыре слова, Ю. А. Никольский дал текст совершенно искаженный. В подлинном виде — «Литературное наследство», кн. 22—24, М., 1935, стр. 593 (в статье Б. Бухштаба «Судьба литературного наследства А. А. Фета»). Карандашный автограф в Остр. экз., на полях зачеркнутого Тургеневым стих. «Ветер злой, ветр крутой в поле...» Тургенев не принял замены, и стихотворение не было напечатано. Датируется временем работы над подготовкой изд. 1856 г.

Спор (стр. 467). Впервые — «Совр.», 1856, № 3, стр. 69. С изм. — изд. 1856 г., стр. 114 (отдел «Антологические стихотворения»). *В лесу прохладной Иды* (греч. миф.). На лесистой вершине горы Иды Парис, сын троянского царя Приама, выращенный пастухом, вручил богине любви Афродите золотое яблоко, на которое претендовали также Афина и Гера. *Ураниды* — боги, потомки Урана, древнейшего бога, деда Зевса.

Рододендрон (стр. 468). Впервые — «Сев. цветы на 1901 г.», стр. 70. Об этом стихотворении вспоминает Б. Н. Чичерин: «Оба приятеля (Тургенев и Анненков. — *Б. Б.*) восторгались недавно вышедшими стихотворениями Фета. Стихи читались вслух, отмечались их поэтические красоты, а иногда смеялись над прорывавшимися в них бессмыслицами. Тургенев знал наизусть два стихотворения, одно под заглавием «Мщение трубадура», а другое с повторяющимся в конце каждой строфы стихом: «Рододендрон, Рододендрон!» В обоих с первой строфы до последней не было ни малейшего смысла и ничего нельзя было понять» («Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва 40-х годов». М., 1929, стр. 145). Речь идет, очевидно, о 1856 г. 31 декабря 1859 г. А. В. Дружинин писал Л. Н. Толстому: «Фет прелестен, но стоит на опасной дороге, скаредность его одолела, он уверяет всех, что умирает с голоду и должен писать для денег. Раз вбивши себе это в голову, он не слушает никаких увещаний, сбывает по темным редакциям самые бракованные из своих стихотворений, и есть надежда, что наконец Трубадур и Рододендрон будут напечатаны» (К. Чуковский. Люди и книги шестидесятых годов. Л., 1934, стр. 272). А через десять лет, 8 марта 1869 г., Тургенев пишет Анненкову по поводу пасквиля, напечатанного под именем Фета: «Надо сознаться, что стихи дьявольски искусно подделаны и напоминают незабвенный рододендрон» (Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 406). Как пример поэтической бессмыслицы вспоминает это стихотворение и Герцен в рассказе «Скуки ради» (1868): «Я всегда завидовал поэтам, особенно «антологическим»: напишет контурчики, чтоб было плавно, выпукло, округло, звучно, без малейшего смысла: «Рододендрон-Рододендрон» — и хорошо» (Полн. собр. соч. и писем, т. 21. М. — П., 1923, стр. 165). Стих. «Трубадур» или «Мщение трубадура» не опубликовано и, очевидно, утрачено. *Хороши не только розы.* Наиболее распространенные виды рододендрона носят также название «альпийской розы».

Неотразимый образ (стр. 469). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 191. Автограф в тетр. I. Датируется предположительно по

месту в тетради. Под стихотворением рукой Фета написано: «Переделать». Связано с воспоминанием о М. К. Лазич (см. стр. 11—12).

«Когда у райских врат изгнанник...» (стр. 469). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 85. Автограф в тетр. I. Датируется предположительно по месту в тетради. Первая строфа стихотворения связана с библейским преданием об изгнании Адама из рая.

Ошибка (стр. 470). Впервые — ОЗ, 1857, № 2, стр. 650.

Сонет («Угрюм и праздeн часто я брожу...») (стр. 471). Впервые — БдЧ, 1857, № 2, стр. 17. Автограф в тетр. I.

Шиллеру (стр. 471). Впервые — БдЧ, 1857, № 5, стр. 5. Автограф в тетр. I.

«Весна и ночь покрыли дол...» (стр. 472). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 11. Автограф в тетр. I. Датируется предположительно по месту в тетради.

В альбом. («Победа! Безоружна злоба...») (стр. 473). Впервые — изд. 1894 г., стр. 239, под заглавием «В альбом Марье Петровне Боткиной. Светлое воскресенье». Автографы в альбоме М. П. Боткиной-Фет (ПД) без заглавия и в тетр. I под принятым нами заглавием. В списке (ГБЛ) под заглавием «Светлое воскресенье».

Другу (стр. 473). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 301. Автограф в письме от 8 июня 1857 г. к М. П. Боткиной (ГБЛ), в то время невесте Фета, к которой стихотворение, по-видимому, и обращено.

Аполлон Бельведерский (стр. 474). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 199. Автограф в тетр. I. 3-я строфа приписана впоследствии. 7 ноября 1857 г. Тургенев писал Фету: «Стихотворение Ваше «Аполлон» — мне не очень нравится. Слишком старательно, мелко-подробно и общего впечатления не передает. Ему так же далеко до стихотворения «Милосская Венера», как самому Аполлону (я говорю о статуе) — до луврской богини» (Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 284). *Аполлон Бельведерский* — знаменитая античная статуя, хранящаяся в Ватикане. *В струях кастальских.* Касталия — источник на Парнасе, близ храма Аполлона.

«Какая ночь! Как воздух чист...» (стр. 474). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 413. Автограф в тетр. I. Датируется предположительно по месту в тетради.

«Лесом мы шли по тропинке единственной...» (стр. 475). Впервые — РВ, 1858, № 2, стр. 397. Автограф в тетр. I. Стихотворение вследствие метрической оригинальности вызвало ряд пародий.

Нельзя (стр. 475). Впервые — БдЧ, 1858, № 3, стр. 53. Автограф в тетр. I. Вероятно, это одно из четырех стихотворений, по-

сланных Фетом Дружинину 13 ноября 1857 г. (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, стр. 337). В письме от 28 января 1858 г. Фет просит Дружинина изменить в посланном стихотворении 1-ю строфу на «Заря. Сияет край востока...» и т. д. (там же, стр. 338).

Превращения (стр. 476). Впервые — PC, 1859, № 4, стр. 148. Автограф в тетр. I.

«Я целый день изнемогаю...» (стр. 476). Впервые — изд. 1901 г., т. 3, стр. 85, среди переводов из Гейне. Автограф в тетр. I, без указания на то, что это перевод. Не обнаружив среди стихотворений Гейне близкого к комментируемому, печатаем последнее в отделе оригинальных стихотворений. Так как записи в тетр. I делались до 1859 г., стихотворение, очевидно, написано не позже этого года.

«Твоя старушка мать могла...» (стр. 477). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 277. Автограф в тетр. I. Датируется так же и по тем же основаниям, что и предыдущее стихотворение.

«По ветви нижние леса...» (стр. 477). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 437. Автограф в тетр. I. Первоначально стихотворение состояло из начальной и конечной строф; средняя в рукописи приписана сбоку. 22 июля 1859 г. Тургенев писал Фету: «Стихотворение, присланное Вами, очень мило и безукоризненно. Жаль, что находятся два «и»: „И негой“, „И всеобъемлющих“» («Мои восп.», ч. 1, стр. 306). Стихотворение было послано 16 января 1860 г. А. В. Дружинину для помещения в БдЧ, но напечатано не было.

«Как ярко полная луна...» (стр. 478). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 78. Автограф в тетр. I. Датируется предположительно по месту в тетради.

«Как эта ночь, ты радостно-светла...» (стр. 479), «Влачась в бездействии ленивом...» (стр. 479). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 378, 151. Автографы в тетр. I. Датируются по месту в тетради.

«Ты прав: мы старимся. Зима недалека...» (стр. 479). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 147. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради. Стихотворение обращено к другу, ровеснику, известному писателю («любимый наш певец»), в ответ на какие-то его слова («Ты прав»). Естественно предположить, что адресат — Тургенев. Принимая во внимание вероятную дату — 1860 г., можно думать, что это ответ на следующие слова Тургенева в письме к Фету от 16 июля 1860 г.: «Молодость прошла — а старость еще не пришла, — вот отчего приходится у́злом к гу́зну. Я сам переживаю эту трудную, сумеречную эпоху, эпоху порывов тем более сильных, что они уже ничем не оправданы, — эпоху покоя без отдыха, надежд, похожих на сожаления, и сожа-

лений, похожих на надежды. Потерпим маленько, потерпим еще, милейший Афанасий Афанасьевич, — и мы въедем наконец в тихую пристань старости, и явится тогда и возможность старческой деятельности и даже старческих радостей, о которых так красноречиво говорит Марк Туллий Цицерон в своем трактате: „De senectute"» (Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 315). De senectute — о старости. *Парки* (римск. миф.) — богини судьбы; они пряли и перерезали «нить жизни». *Геба* (греч. миф.) — богиня юности; на пирах богов подносила им нектар.

К молодому дубу (стр. 480). Впервые — БдЧ, 1865, № 2, стр. 142. Автограф в тетр. II. Датируется по месту в тетради.

9 марта 1863 года (стр. 481). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 481. Автографы в тетр. II и в письме Л. Н. Толстому от 14 марта 1863 г. *9 марта* — день «сорока мучеников». Во многих местах существовал обычай печь в этот день булочки в виде жаворонков — предвестников весны, прилетающих к этому времени.

«Нетленностью божественной одеты...» (стр. 481). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 37. Автографы в тетр. II и в ГБЛ, на обороте списка стихотворения Тютчева «Гуманный внук воинственного деда...». Это определяет датировку стихотворения и его направленность (ср. варианты). Оно обращено к Тютчеву («поэт-мудрец»), одобрившему в своем стихотворении деятельность М. Н. Муравьева («герой») по подавлению польского восстания («година смут», «гидру задушил»). *Юпитера орел* — см. стр. 771. *Геркулес* или Геракл (греч. миф.) — величайший герой древней Греции, новорожденным задушил двух змей, вползших в его колыбель; среди дальнейших его подвигов — очистка скотного двора царя Авгия, умерщвление лернейской гидры — чудовища с телом змеи и девятью головами дракона.

«Я повторял: „Когда я буду..."» (стр. 482). Впервые — БдЧ, 1865, № 2, стр. 112. Автограф в тетр. II. Первонач. чтение ст. 13: «В моей руке (за что? — откуда?)». Тургенев писал Фету 26 июля 1864 г.: «Стихотворение Ваше очень мило, но стих последней строфы («В моей руке за что, откуда») вдохновил меня на следующее излияние (не для дам):

Я размышлял: когда в богатстве
Я буду преть,
Не откажу себе в приятстве
Тебя иметь...»

(Далее нецензурно. — *Б. Б.)* «Без шуток, не печатайте этого злополучного стиха» («Сев. цветы на 1902 г.», стр. 181). С. А. Толстая рассказывает в своей автобиографии: «В 1863 году он (Фет. — *Б. Б.)* был в Ясной Поляне ранним летом, в то время как Лев Николаевич был страшно увлечен пчелами и целыми днями проводил время на пчельнике, куда и я прибегала к нему иногда с завтраком. Вечером мы все решили пить чай на пчельнике. Засветились всюду в траве

светляки. Лев Николаевич взял два из них и, приставив шутя к моим ушам, сказал: «Вот я обещал тебе изумрудные серьги, чего же лучше этих?» Когда Фет уехал, он написал мне письмо со стихами, кончавшимися так:

В моей руке твоя рука,
Какое чудо!
А на земле два светляка,
Два изумруда».

(«Начала», 1921, кн. 1, стр. 150). Хотя С. А. Толстая указывает 1863 г., стихотворение, очевидно, относится к 1864 г. — по дате отзыва Тургенева, которому Фет обычно посылал стихотворения на отзыв сразу по их создании. По месту в тетради стихотворение также датируется 1864 г.

Тургеневу («Из мачт и паруса — как честно он служил...») (стр. 483). Впервые — РВ, 1865, № 1, стр. 331. Автограф в тетр. II. Тургенев писал Фету 28 ноября 1864 г.: «Любезнейший Афан. Афан., вчера, вернувшись из Парижа, куда я ездил дней на десять, я нашел здесь Ваше письмо из Степановки с стихотворением на мое имя. Нечего и говорить, что печатание этого стихотворения ничего, кроме удовольствия, мне доставить не может. Но в нем есть один жестокий стишок, который нужно исправить: «В телесных не́дугах животворящий ключ...» по-русски говорится: недýгах, а не́дуги отзываются чем-то очень семинарским, вроде до́бы ча. Есть еще два маленьких пятнышка: отчего «твой вздох» не долетает? — Во-первых, я здесь не вздыхаю; а во-вторых, этот стих не вытекает из предыдущего. Потом почему: лишь здесь? Стало быть, надо понять, что только в Степановке Вы желаете умереть, а в других местах желаете больше жить? — В таком случае всем почитателям Вашего таланта следует молить судьбу, чтобы она разлучила Вас со Степановкой? — Но это сущие мелочи, а все стихотворение очень мило и, кроме того, обрадовало меня известием, что у Вас деревья разрослись „зеленым хороводом“» («Мои восп.», ч. 2, стр. 51). Фет исправил стихотворение по этим указаниям (см. варианты). Стихотворение послано из Степановки, в которой Фет обстроился и энергично хозяйничал, в курорт Баден-Баден, где Тургенев в то время обосновался и строил особняк. *Плектрон* — пластинка для игры на греческих струнных инструментах.

Утро в степи (стр. 484). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 334, под заглавием «Погода». Автографы в тетр. II, без заглавия, и в ГБЛ (Собрание М. П. Погодина), под заглавием «Утро в степи». Датируется по месту в тетради. Стихотворение было послано М. П. Погодину для напечатания в альманахе «Утро» (М., 1866), как видно из письма Фета к Погодину без даты в ГБЛ (Собрание М. П. Погодина). В изд. 1901, 1910, 1912 гг. стихотворение напечатано под заглавием «Погода». Так редактор этих изданий прочел надпись над стихотворением в тетр. II, но, вероятно, ее следует читать «Погодину», так как Фет часто надписывал над стихотворениями, куда они посланы для печати.

«В пене несется поток...» (стр. 484). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 60. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради.

«Какой горючий пламень...» (стр. 485). Впервые — РО, 1901, вып. 1, стр. 33, без последней строфы. Автографы на отдельных листах в ЦГАЛИ и в ГБЛ.

«Хотя по-прежнему зеваю...» (стр. 485). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 271. Автограф в тетр. II. Перед последней строфой зачеркнута красным карандашом (может быть, и не Фетом; впрочем, в тетради есть несомненно фетовские пометки красным карандашом) строфа, помещенная нами в вариантах. Стихотворение обращено к Тургеневу, который кончил письмо к Фету от 13 января 1869 г. словами: «Я посылаю письмо через Борисова, ибо не знаю наверное, где Вы витаете» («Мои восп.», ч. 2, стр. 191). Слова «Увы, я больше не витаю, где я витал» и относятся, очевидно, к заключительным словам письма Тургенева. Что Фет ответил на это письмо стихотворением, видно из письма Тургенева от 18 февраля 1869 г., которое также начинается стихами («В ответ на возглас соловьиный...») «Вот, верите ли, любезнейший Аф. Аф., — пишет Тургенев, — Ваше премилое стихотворение и меня расшевелило» (стр. 192). В обоих письмах Тургенев обещает навестить Фета весной в Степановке. Письмами Тургенева стихотворение датируется январем—февралем 1869 г., что вполне соответствует месту автографа в тетради. *Тантал* (по имени мифологического героя) — человек, тщетно стремящийся к заветной, но недостижимой цели. *Пэан* — гимн в честь какого-либо божества.

Лизиас и Вакхида (стр. 486). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 465. Списки с поправками Фета в тетр. II и в ГБЛ. Сюжет заимствован из «Диалогов гетер» Лукиана (XII диалог). Тургенев писал Фету 20 ноября 1869 г. (очевидно, нового стиля, т. е. 8 ноября ст. ст.): «Любезнейший Фет, я получил Ваше письмо и идиллию — и по долгу старинной дружбы и повинуясь Вашему желанию, высказываю свое посильное мнение. По-моему, эту идиллию печатать не следует. Дело не в более или менее верной обстановке; общее впечатление, возбуждаемое Вашим стихотворением, некрасиво — и потому не антично; да и исполнение вяло и лишено жизненного блеска. А надо было его очень много, чтобы заставить читателя проглотить любовника, нащупывающего ночью у своей девушки чью-то бритую голову. Для «Искры» будет потеха, а для почитателей Вашего таланта — никакого наслаждения не будет. Я уже не упоминаю о грамматических промахах» («Щукинский сборник», вып. 8. М., 1909, стр. 429).

«Когда б в полете скоротечном...» (стр. 490). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 300. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради.

Крез (стр. 491). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 368. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради. *Крез* — лидийский царь (VI в. до н. э.), знаменитый своим богатством.

Сарды — столица Лидии. *Эзоп* — знаменитый греческий баснописец; был рабом. *Солон* — афинский мудрец, законодатель-реформатор. На вопрос Креза Солону, знает ли он человека счастливее его, Солон ответил, что никого нельзя назвать счастливым до его смерти. Слова Солона Крез вспомнил, когда был разбит войсками персидского царя Кира и попал в плен.

Крысы (стр. 492). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 520. Автографы в тетр. II и в письме к Л. Н. Толстому от 10 мая 1879 г. («Не пугайтесь, стихов нет, а есть басня»). Басня, очевидно, имеет реакционный политический смысл, будучи направлена против «попустительства» революционным элементам. *Отвесное* — продовольственный паек, выдававшийся слугам.

«Это утро, радость эта...» (стр. 493). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 488. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради.

«Заиграли на рояле...» (стр. 494). Впервые — изд. 1901 г,. т. 1, стр. 92. Автографы в тетр. II и на отдельном листе в ГБЛ. Последний — черновой карандашный автограф — на обороте чернового автографа перевода части сатиры Горация. Датируется временем работы Фета над переводом сатир Горация. В те годы существовала игрушка: легчайшие пробковые куколки в ярких одеждах с блестками из фольги ставились на деку рояля и от легкого сотрясения при игре на рояле прыгали и вращались. Образ нарядных кукол, пляшущих под чужую музыку, означает здесь, видимо, поэтов-подражателей (куклы противопоставлены «настоящему поэту»), отлично владеющих стихотворной техникой («что за чуткость к ритму песен») и вообще формой («убор блестящий»), но не имеющих своего поэтического лица («под звон чужих напевов»). Фет писал Я. П. Полонскому: «Надо быть дубиной, чтобы не различать поэтического содержания Тютчева, Майкова, Полонского и Фета. Но какое содержание у Фофанова? Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что это варьяции на фетовские темы» (письмо от 14 июля 1889 г.); «Знаешь ли, что меня отталкивает от стихов? Это мои подражатели, которым нет числа; и подражают они, по-видимому, весьма хорошо, так что разве литературный кассир разберет фальшивую ассигнацию» (письмо от 11 августа 1889 г.). *Так тела прямолинейны.* Эпитет «прямолинейный» в применении к поэту имеется в письме Фета к Я. П. Полонскому от 31 марта 1890 г., где «прямолинейным поэтом» назван А. К. Толстой.

«Так, он безумствует; то бред воображенья...» (стр. 494). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 278. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по месту в тетради.

Перепел (стр. 495). Впервые — ВО 2, стр. 38. Автограф в тетр. II. Стихотворение имеет очевидный реакционный политический смысл.

Романс («Угадал — и я взволнован...») (стр. 495). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 91. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно по Хрон. ук.

В. С. Соловьеву («Ты изумляешься, что я еще пою. . .») (стр. 496). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 153. Список в тетр. II. *Соловьев* Владимир Сергеевич (1853—1900) — поэт и философ религиозно-мистического направления.

Комета (стр. 496), «Целый мир от красоты...» (стр. 497), Лиле (стр. 497). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 202; т. 1, стр. 72; т. 2, стр. 342. Автографы в тетр. II. Датируются периодом 1874—1886 гг., т. к. до этого периода записи в тетр. II последовательны, а после него стихотворения записывались в другую, не дошедшую до нас тетрадь. По Хрон. ук. предположительно датируются 1884 г.

«Юноша, взором блестя, ты видишь все прелести девы...» (стр. 498), «О, не вверяйся ты шумному...» (стр. 498). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 178; т. 1, стр. 119. Автографы в тетр. II. Датируются периодом 1874—1886 гг. по тем же основаниям, что и предыдущие.

«Чем доле я живу, чем бо́льше пережил...» (стр. 498). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 587. Автограф в тетр. II. Датируется периодом 1874—1886 гг. по тем же основаниям, что и предыдущие. Стихотворение является переложением молитвы «Отче наш».

«Он ест, — а ты цветешь напрасной красотою...» (стр. 499). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 182. Список в тетр. II. 17 апреля 1886 г. Н. Н. Страхов писал Фету: «Я узнал перепелку, раздавленную ногой жующего вола; я видел эту даму и не мог не почувствовать какого-то обворожения».

«На зеленых уступах лесов...» (стр. 499). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 36.

«В те дни, как божествам для происков влюбленных...» (стр. 499). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 507. Датируется по Хрон. ук. *В дрему́* — в дремучем лесу.

«Чуждые огласки...» (стр. 501), «Озираясь на юность тревожно...» (стр. 501), «Погляди мне в глаза хоть на миг...» (стр. 502). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 27; т. 1, стр. 49; т. 2, стр. 560.

«Что молчишь? Иль не видишь — горю...» (стр. 502). Впервые — РО, 1901, вып. 1, стр. 305. Автограф в ГБЛ.

The Echoes (стр. 503). Впервые — «Новый мир», 1900, № 30, стр. 131. В заметке «К неизданному стихотворению А. А. Фета „The Echoes“» (там же, стр. 131—132) К. Льдов сообщает, что стихотворение прислано ему А. Л. Бржеской. Дата неизвестна. Б. В. Никольский высказал сомнение в принадлежности стихотворения Фету (Предисловие к изд. 1901 г., т. 1, стр. VII), но никак не мотивировал это сомнение.

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ, ПОСЛАНИЯ, ПОСВЯЩЕНИЯ, ЭПИГРАММЫ, ОТРЫВКИ

«Нет, сколько козней ты ни крой...» (стр. 504). Впервые — «Ранние годы», стр. 125. Строфа из сатирического стихотворения об Аграфене Михайловне, матери М. П. Погодина, заведовавшей хозяйством погодинского «пансиона» (в котором Фет жил, готовясь в университет и студентом I курса) и отличавшейся крайней скупостью.

«Григорьев, музами водим...» (стр. 504). Впервые — «Ранние годы», стр. 152. Эпиграмма на Ап. Григорьева, который тогда писал и «с величайшим воодушевлением декламировал» драму в стихах „Вадим Нижегородский“ (?)».

Эпиграмма («Он в идее вечно жаден...») (стр. 504). Впервые — изд. 1937 г., стр. 410, по списку в бумагах С. П. Шевырева (ГПБ), на одном листе со списком стих. «Мадонна». Список подписан рукой Фета «А. Ф.» и зачеркнут другими чернилами. Объект эпиграммы, вероятно, Ап. Григорьев. Написано в студенческие годы, не позже 1842 г. (ср. примечание к стих. «Владычица Сиона, пред тобою...», стр. 757).

Автору стихов «Безыменному критику» (стр. 505). Впервые — «Ленинград», 1940, № 21—22, стр. 34, в публикации В. Е. Евгеньева-Максимова «Новонайденное стихотворение Фета». Стихотворение опубликовано по списку, сделанному П. П. Пекарским (собрание В. Е. Евгеньева-Максимова). Печатается по тому же источнику, видимо неполному и неисправному. Две строфы, текст которых частью испорчен, частью непристоен, — опущены. В списке П. П. Пекарского стихотворение подписано: «В. Белинский», но к этой подписи Пекарским сделано следующее примечание: «Кавелин рассказывал, что это сочинил не Белинский, а два студента московского университета, которые, прочитав стихи Михаила Дмитриева, тотчас же скропали ему ответ и послали его Белинскому. Один из студентов был Фет, известный ныне стихотворец». Авторство Фета подтверждается свидетельством Я. П. Полонского в письме к Фету от 14 августа 1889 г.: «...и каким тогда был ты либералом, когда писал:

Православья где примеры,
Не у Спасских ли ворот?
Где во славу русской веры
Мужики крестят народ

и проч. и проч». Здесь цитируется по памяти 8-я (по списку Пекарского) строфа стихотворения. В примечаниях к 12-му тому Полн. собр. соч. В. Г. Белинского (М., 1956) авторами стихотворения названы А. А. Фет, Я. П. Полонский и А. А. Григорьев (стр. 512). Основания этой атрибуции нам неизвестны. Стихотворение М. А. Дмитриева «К безыменному критику» — памфлет доносительского характера против Белинского, напечатанный в «Москвитянине», 1842, № 10, стр. 281—284. Резкий ответ доносчику дан Бе-

линским в «Литературных и журнальных заметках» в «Отечественных записках», 1842, № 12 (Полн. собр. соч., т. 6. М., 1955, стр. 505—508). Комментируемое стихотворение частично перефразирует стихотворение М. Дмитриева. Ср., например, первую строфу стихотворения с началом памфлета Дмитриева:

Нет! Твой подвиг не похвален!
Он России не привет!
Карамзин тобой ужален,
Ломоносов — не поэт!

Белинскому стихотворение было переслано В. П. Боткиным. 9—10 декабря 1842 г. Белинский писал Боткину: «Спасибо тебе за вести о славянофилах и за стихи на Дмитриева — не могу сказать, как то и другое порадовало меня» (Полн. собр. соч., т. 12. М., 1956, стр. 124). Этим подтверждается московское происхождение стихотворения, которое П. В. Анненков в своих известных воспоминаниях «Замечательное десятилетие» приписывает петербургским литераторам: «В Москве писались пасквили и эпиграммы на Белинского... а из Петербурга им отвечали ругательной песенкой, содержавшей, между прочим, такую строфу (цитируется строфа 11-я. — *Б. Б.*)» (Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 364—365).

«В зверинец мой раскрыты двери...» (стр. 506). Впервые — «Ранние годы», стр. 295 («Однажды мне пришло в голову набросать стихами шуточную характеристику всех младших офицеров, так как касаться старших было бы бестактно. Передаю куплеты стихотворения, насколько они сохранились в моей памяти»). С портретами упоминаемых лиц перепечатано в книге А. Григоровича «История 13-го Драгунского военного ордена ген.-фельдмаршала гр. Миниха полка», т. 2. СПб., 1912, стр. 156—157.

«Поднялася пыль степная...» (стр. 508). Впервые — «Ранние годы», стр. 328. Первый куплет кантаты по случаю царского смотра, написанной Фетом по предложению корпусного командира. Музыка была написана корпусным капельмейстером Пейреком. Кантата «была напечатана в корпусной типографии и разучена кантонистским хором, но, кажется, не удостоилась быть выслушанной государем» («Ранние годы», стр. 328).

В альбом А. Я. Марченко (стр. 508). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 592. *Марченко* Анастасия Яковлевна (1830—1880) — беллетристка 50-х годов, сотрудница ОЗ и др. журналов. Ст. 8—14 дают основание думать, что стихотворение написано по случаю переселения А. Я. Марченко на юг, к морю. Если это так — стихотворение должно датироваться 1846 г., когда А. Я. Марченко со своей семьей переселилась из киевского имения ее отца в Одессу (см. статью Е. Некрасовой «А. Я. Марченко» в «Киевской старине», 1889, № 11, стр. 392—422, и рукописную автобиографию Марченко в ГПБ).

А. Л. Бржеской («Я вам пророчил поклоненье...») (стр. 508). Впервые — изд. 1850 г., стр. 135 (отдел «Разные стихотворения»). Автограф в альбоме А. Л. Бржеской (ПД).

«Я жертву приносил обильную Приапу...» (стр. 509). Впервые — сб. «Камена. Ежемесячник», кн. 1. Харьков, 1918, стр. 18, с надписью «Г. П. Данилевскому» и датой записи «Января 4-го дня 1852-го. Петербург». Опубликовано И. Я. Айзенштоком по сборнику автографов, принадлежавшему Г. П. Данилевскому и после его смерти поступившему в библиотеку Харьковского университета.

«Пусть критика и злобна, и зубаста!..» (стр. 509). Печатается впервые. Автограф в ЦГАЛИ, на отдельном листе, с датой «Апреля 22-го дня» и припиской чужою рукой: «При отъезде в Орд<енский> полк. Вследствие нападений В. М. Бакунина на стихи Фета в альбоме А. Л. Бржеской». Стихотворение датируется сопоставлением дат записей Фета в альбоме Бржеской с годами его службы в Орденском кирасирском полку.

«Поднять бокал в честь дружного союза...» (стр. 509). Впервые — «Мои восп.», ч. 1, стр. 135. Экспромт, сказанный на обеде по подписке в честь Тургенева в январе 1856 г.

«Весь переезд забавою...» (стр. 510). Впервые — «Мои восп.», ч. 1, стр. 197. Экспромт, сочиненный на пароходе. *И морем мы, и Трáвою До Любека дойдем.* Порт Любек стоит при впадении в Балтийское море реки Траве.

Ответ старого поэта на 37 году от роду (стр. 510). Впервые — в статье Н. П. Колпаковой «Неизданный Фет» («Поэтика». I. Л., 1926, стр. 130). Автограф в альбоме М. П. Боткиной-Фет (ПД). Ответ на стихотворение Д. В. Григоровича на той же странице альбома:

ПЕРВЫЙ СТИХОТВОРНЫЙ ОПЫТ МОЛОДОГО ПОЭТА
НА 35 ГОДУ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Замоскворечье — о пустыня!
Москвы достойный уголок.
Но ты хотя и мерзостыня —
Наш Фет с женой не одинок!

Д. Григорович

Середа, 11 декабря 1857 г.

«Возвестил народу...» (стр. 510). Впервые — в статье Н. П. Колпаковой «Неизданный Фет» («Поэтика». I. Л., 1926, стр. 130). Автограф в письме к Полонскому от 22 октября 1858 г. *«Бэда-проповедник»* — известное стихотворение Полонского (1841).

«Поэт, пророк, орловский знатный барин...» (стр. 510). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 352. Автограф в тетр. I. Судя по нахождению в этой тетради, написано, вероятно, не позже 1859 г. Очевидно, относится к Тургеневу. Ср. формулировку упрека в реакционности в письме Тургенева Фету от 23 января 1870 г.:

«Ведь эдак, пожалуй, соскользнешь в Каткова... В Булгарина упадешь!» («Сев. цветы на 1902 г.», стр. 186).

Эпиталама графу Л. Н. Толстому (стр. 511). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 283. Автографы в тетр. II и в письме к Л. Н. Толстому от 20 октября 1862 г. («Радости моей показалось неудовлетворительным, дорогой Лев Николаевич, поздравление из железной лавки, и она излилась дома в астрономическую эпиталаму. Вот что пропел я Вам»). *Эпиталама* — свадебная песнь.

И. С. Тургеневу («Тебя искал мой стих по всем концам земли...») (стр. 511). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 257. Автограф в тетр. II. Указание варианта: «вчера... в светлый день» (т. е. в первый день пасхи) дает возможность точно датировать стихотворение 20 апреля. Стихотворение является ответом на письмо Тургенева от 31 марта 1864 г. («Мои восп.», ч. 2, стр. 9—10). Письмо Тургенева было написано частью стихами, чем и объясняются ст. 88—89 в письме Фета. Характерно, что в своем стихотворении Фет обращается к сочувствию Тургенева в борьбе против «нигилистов». Любопытна трактовка «Отцов и детей» как антинигилистического романа (ст. 8—10; ср. стих. «Понятен зов твой богомольный...»). Тургенев ответил на письмо Фета 6 июня 1864 г. стихами же («Мои восп.», ч. 2, стр. 15). *Rue de Rivoli, 210* — парижский адрес Тургенева. *Хоть вспомни Ивика! Хвала вам, журавли!* Имеется в виду баллада Шиллера «Ивиковы журавли», переведенная Жуковским. *Степановка* — имение Фета. *Сосун* — жеребенок, еще сосущий матку. *Стригун* — годовалый жеребенок. *Пиериды* — музы. *Аристипп* — греческий философ (IV в. до н. э.), считавший, что счастье — в наслаждении. *«На холмах Грузии лежит ночная мгла»*. Речь идет о романсе Полины Виардо (1821—1910), известной певицы, друга Тургенева, вошедшем в «альбом» ее романсов: «Двенадцать стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо Гарсиа». СПб., 1864. 25 января 1864 г. Тургенев писал Фету: «Альбом Вы получите немедленно, как только он выйдет» (Собр. соч., т. 12, М., 1958, стр. 354). *От Полигимнии, его облекшей в звуки* — т. е. в исполнении самой Виардо. Полигимния (греч. миф.) — муза, изобретшая лиру.

Н. А. Офросимовой при посылке двух пуговок (стр. 514). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 316. Автограф в тетр. II.

К фотографической карточке m-lle Viardot (стр. 514). Впервые —изд. 1901 г., т. 2, стр. 336. Автограф в тетр. II и в альбоме автографов Е. С. Делер (ЦГАЛИ). Датируется по месту в тетради. Стихотворение написано как бы в ответ на приглашение Тургенева, который писал Фету 18 февраля 1869 г.: «Посылаю Вам, как поэту и любителю изящного, фотографическую карточку старшей дочери г-жи Виардо; что за прелесть! Вот на кого нужно стихи писать!» («Мои восп.», ч. 2, стр. 193). Старшая дочь Полины Виардо, Луиза *Виардо,* в замужестве Эритт (1841—1918) — пианистка и композитор, автор мемуаров о Тургеневе.

М. Н. Лонгинову (стр. 515). Впервые — изд. 1937 г., стр. 419. Автограф в архиве М. Н. Лонгинова (ПД.) *Лонгинов* Ми-

хаил Николаевич (1823—1875) — литератор и чиновник, был орловским губернатором, с 1871 г. — начальник Главного управления по делам печати, проводил реакционную политику стеснения печати. *Коммуна-де да прусский гений* — т. е. Парижская коммуна и франко-прусская война. В Гос. историч. музее сохранился автограф ответа Лонгинова:

АФАНАСИЮ АФАНАСЬЕВИЧУ ФЕТУ
ПО ПОЛУЧЕНИИ ЕГО СТИХОВ

Хоть я не получил от Фета
Чернил Plessy,
Но ты благословен, поэта
О стих, еси!
Бессмертных дщерей Мнемозины
Бесценный дар,
Ему Plessy, Ализарины —
Тщета и пар!
Длань Фебова его чертила
В душе певца,
Когда не знали ни чернила,
Ниже́ резца.
Итак, не приходи в смущенье
О бога для,
Чтоб принесли мне огорченье
Те два рубля.

М. Лонгинов

Село Архангельское
25 июля 1871 г.

К памятнику Пушкина («Свободного стиха прославленный творец...») (стр. 515). Впервые — «Заря», 1872, № 1, стр. 250. Автограф в тетр. II. Ст. 2—3 намекают на заключительные строки стихотворения Пушкина «Деревня». Написано, видимо, по случаю подписки на первый памятник Пушкину, объявленной в апреле 1871 г.

Посреднику М. М. Хрущову (стр. 516). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 296. Автограф в тетр. II с датой «8 ноября». По месту в тетради датируется 1872 г. *Хрущов* Михаил Михайлович — помещик, ближайший сосед Фета по Степановке, в то время — мировой посредник. Ему посвящена отдельная глава («Матвей Матвеич») в очерках Фета «Из деревни», помещенных в «Заре», 1871, № 6, стр. 64—86, где он выведен под фамилией Хрящев. Образы стихотворения взяты из Апокалипсиса (Откровение Иоанна Богослова, гл. 12).

«Амур — начальник Гименея...» (стр. 516). Впервые — сборник «СОПО. Первый сборник стихов. РСФСР. IV год I века», стр. 30, с датой «Степановка. 11 сентября». Перед стихотворением обращение: «Добрейший Павел Николаевич!» Стихотворение напи-

сано, во всяком случае, не позже 1877 г., когда Фет переехал из Степановки в Воробьевку, очевидно и не позже 1873 г., судя по подписи «Фет», а не «Шеншин».

«Наш шеф — владыка полусвета...» (стр. 517). Впервые — в книге Вс. Крестовского «История лейб-гвардии уланского его величества полка». СПб., 1877, стр. 347. Список в тетр. II. Стихотворение написано на юбилей шефства Александра II над полком. *Этишкет* — длинный шнур с двумя кистями, спускающийся с шапки улана.

Графу Л. Н. Толстому («Всё стремлюсь к тебе мечтою...») (стр. 517). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 261. Список в тетр. II, где записано рядом с другим посланием «Графу Л. Н. Толстому» («Как ястребу, который просидел...»), что дает основание для предположительной датировки.

П. И. Борисову (стр. 518). Впервые — изд. 1937 г., стр. 422. Автограф в ГБЛ с датой «19. апреля». Н. Н. Черногубов датировал автограф 1876 г. *Борисов* Петр Иванович (1859—1888) — сын сестры Фета Н. А. Борисовой и близкого друга Фета И. П. Борисова, в то время воспитанник московского лицея. *И Покровку вспоминал.* В эти годы Фет останавливался в Москве у Д. П. Боткина (брата жены), на Покровке. *Оля* — Ольга Васильевна Шеншина (р. 1859), племянница Фета, воспитывавшаяся у него.

«В день позавидуешь раз сб сто...» (стр. 518). Впервые — РВ, 1877, № 2, стр. 778. Автограф в письме к Л. Н. Толстому от 5—6 декабря 1876 г. («Пустяк, который я не думал печатать... выписываю для вас»). Список с поправками Фета в тетр. II. 10 декабря 1876 г. Л. Н. Толстой пишет Фету: «Ваша шутка-стихи очень хороши. Я невольно тотчас же выучил эти 8 стихов наизусть» (Полн. собр. соч., т. 62. М., 1953, стр. 296).

«Хоть потолстеть мой дух алкает...» (стр. 519). Впервые — изд. 1937 г., стр. 423. Автограф в письме Фета к Л. Н. Толстому от 27 июня 1877 г.: «Только вчера, отправляясь на сон грядущий, — пишет Фет, — воображал я, как Вы оба в 9 часов утра подъедете к крыльцу, и мне ясно представлялся на целый день мир как целое. И вдруг ночная телеграмма разорвала этот прекрасный мир в клочки. Неудивительно, что при этом моя Психея пострадала. С отчаяния она родила урода, которого отдаю на Ваше соболезнование. Авось сострадание психиатров поторопит Ваше человеколюбие» («Литературное наследство», кн. 37—38. М., 1939, стр. 225). «Вы оба» — т. е. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов, на каламбурном использовании имен которых построено стихотворение. «Мир как целое» — название книги Страхова.

К бюсту Ртищева в Воробьевке (стр. 519). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 332. Автографы в тетр. II и в письме к Л. Н. Толстому от 28 февраля 1878 г. *Ртищевы* — прежние владельцы купленного Фетом имения Воробьевка.

К нашим ослам (стр. 521). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 540. Автографы в тетр. II и в письме к П. И. Борисову от 11 ноября 1878 г. (ГБЛ). «Наши ослы прелестны, — пишет Фет. — Сами лезут в кухню за подачкой и рвут зубами Феню за фартук, прося яблок. Такие наивные детки, что прелесть. Я им написал послание».

М. М. Хрущову («Пускай с копьем противу злого...») (стр. 521). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 297. Автограф в тетр. II. Источник образов стихотворения — тот же, что в стихотворении «Посреднику М. М. Хрущову» (см. стр. 813). Последние два стиха — каламбурный намек на названия «Воробьевка» и «Орел» (имение Хрущова, как и прежнее имение Фета Степановка, покинутое для Воробьевки, находилось в Орловской губернии).

«Не толкуй об обезьяне...» (стр. 522). Впервые — «Сев. цветы на 1902 г.», стр. 191, как эпиграф к статье Фета «Где первоначальный источник нашего нигилизма», без двух последних стихов. Автограф в письме к П. И. Борисову от 21 января 1879 г. В стихотворении Фет ругает университеты, которые он считал «рассадниками нигилизма». (Ср. во вступ. статье, стр. 24.) В начале стихотворения речь идет о дарвинизме. *О Татьяне.* Праздником университета считался «Татьянин день». *Alma mater* — старинное традиционное обозначение университета. *Покуда чин стяжаешь.* Окончание университета давало право начинать гражданскую службу не с низшего чина (14-го класса — коллежский регистратор), но с более высоких чинов (в зависимости от успехов в учении с чинов от 8-го до 12-го класса).

П. П. Боткину (стр. 522). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 298. Список в тетр II. *Боткин* Петр Петрович (1831—1907) — брат жены Фета. *Не забывая о тяжком жизненном кресте.* П. П. Боткин в те годы был главой торговой фирмы Боткиных.

К. Ф. Ревелиоти (стр. 523). Впервые — в книге А. Григоровича «История 13-го Драгунского военного ордена ген.-фельдмаршала гр. Миниха полка», т. 2. СПб., 1912, стр. 226. Из письма Фета к К. Ф. Ревелиоти от 25 августа 1879 г. В сентябре этого же года Фет навестил адресата письма в Крыму. *Ревелиоти* Ксенофонт Федосеевич (1823—1880) — сослуживец Фета по кирасирскому полку.

А. П. Боткиной. («Хотя любовь препобедила...») (стр. 523). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 586. Автографы в тетр. II и в письме к Н. Н. Страхову от 5 февраля 1880 г. (ГБЛ) под заглавием «При получении ананаса Анне Петровне Боткиной». *А. П. Боткина* — племянница жены Фета. Стихотворение построено на каламбуре: *Анна нас* — ананас.

Ей же при получении апельсинов (стр. 523). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 503. Автограф в тетр. II. Так как и здесь Фет обращается к А. П. Боткиной как к «невесте» и стихотворение следует в автографе за предыдущим, оно, очевидно, должно датироваться приблизительно тем же временем.

Послание П. Н. Каратееву (стр. 524). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 541. Список в тетр. II. Письмо к П. Н. Каратееву, в которое включено стихотворение, напечатано в книге Б. А. Садовского «Ледоход», Пг., 1916, стр. 98. *Каратеев* Павел Николаевич — помещик, сосед Фета по Воробьевке. Ст. 1 объясняется следующими словами в письме: «Что за ужасы делаются в Питере!» Имеется в виду взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г.

Фет-Али-Шаха (стр. 524). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 530. Автограф в тетр. II. Датируется по Хрон. ук. Как и стих. «Хоть потолстеть мой дух алкает...», построено на каламбурном использовании фамилий Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова. В заглавии так же использована фамилия Фета. *Фетх-Али-Шах* — персидский шах с 1797 по 1832 г.

О. И. Щукиной (стр. 524). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 571. Автограф в письме к О. И. Щукиной от 18 мая 1880 г. (ГБЛ). Список в тетр. II. *Щукина* Ольга Ивановна, в замужестве Иост, — племянница жены Фета «Gartenlaube» — немецкий иллюстрированный журнал «для семейного чтения» (1853—1937).

А. А. Тимирязеву (стр. 525). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 294. Автограф в тетр. II с датой «1880 года к 30 августа». *Тимирязев* Александр Аркадьевич (р. 1818) — мировой посредник, впоследствии предводитель дворянства Мценского уезда, брат знаменитого ученого — дарвиниста К. А. Тимирязева. *Как рабства нам помог ты свергнуть узы.* Крестьянская реформа была проведена в основном мировыми посредниками. *Кровавый след войны.* Имеется в виду русско-турецкая война 1877—1878 гг.

Е. Г. Хрущовой (стр. 526). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 250. Автограф в тетр. II.

Д. П. Боткину (стр. 526). Впервые — изд. 1937 г., стр. 430. Автограф в ГБЛ. Написано, очевидно, до 1881 г., когда Фет купил в Москве дом и перестал останавливаться у Боткиных. *Боткин* Дмитрий Петрович (1829—1889) — брат жены Фета. *Софья Сергеевна* Боткина (1840—1889) — жена адресата.

А. Л. Бржеской («Хоть строчкой, бедная подруга...») (стр. 528). Впервые — в статье К. Льдова «Друг Фета А. Ф. Бржеский и его стихотворения». — «Новый мир», 1900, № 28, стр. 85 (со снимком автографа — четверостишия, вырезанного из письма). О Бржеских см. стр. 725. Стихотворение датируется письмом А. Л. Бржеской Фету от 3 июня 1881 г. (ПД): «Какой отрадой повеяло на меня, когда мне подали сегодня письмо Ваше, дорогой мой Афанасий Афанасьевич, и, разорвав конверт, первое, что мне бросилось в глаза:

как память друга
И как весна моей души»

1881 года, 11 июля (стр. 528). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 208. Автограф в тетр. II. Стихотворение адресовано, по-видимому, О. И. Щукиной (см. выше).

Любезному племяннику П. И. Борисову (стр. 529) Впервые в кн: «Фауст. Трагедия Гете, ч. I. Перевод А. Фета». М., 1882, стр. 5, как посвящение переводчика. Автографы в тетр. II и в письме П. И. Борисову (см. стр. 814) от 1 ноября 1881 г. (ГБЛ). Эпиграф — из VIII оды IV книги Горация; в сноске дан перевод Фета.

Д. П. и С. С. Боткиным в день двадцатипятилетия их свадьбы (стр. 529). Впервые напечатано отдельным листком в Москве с датой цензурного разреш. 17 января 1884 г. Автограф в тетр. II. Датируется по Хрон. ук. О Д. П. и С. С. Боткиных см. стр. 816. *Наш рай не там, меж Тигра и Эвфрата.* Тигр и Евфрат — реки, протекающие по территории Турции, Сирии и Ирака; в районе этих рек, по Библии, находился земной рай, из которого были изгнаны первые люди. *Вертоград* — сад.

О. М. Соловьевой (стр. 530). Впервые — РО, 1901, № 1, стр. 103. Автографы в тетр. II, в ЦГАЛИ и в ГБЛ. *Соловьева* Ольга Михайловна (ум. 1903) — художница, жена брата В. С. Соловьева (о нем см. стр. 808).

Ф. Е. Коршу в ответ на эпическое послание (стр. 531). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 497. Автограф в ГБЛ. Список в тетр. II. Это ответ на стихотворное послание Ф. Е. Корша от 27 ноября 1884 г. На комментируемое стихотворение Ф. Е. Корш ответил того же 29 ноября новым стихотворением. Оба его послания напечатаны в публикации Н. М. Мендельсона «Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету». — «Публичная библиотека СССР им. Ленина. Сборник 1» М., 1928, стр. 41—42. *Корш* Федор Евгеньевич (1843—1915) — профессор римской словесности в Московском университете, впоследствии академик, в 80-е годы приятель Фета, помогавший ему в переводах римских классиков. *Аретуза* — обожествленный источник в Сиракузах. *Хирон* (греч. миф.) — мудрый кентавр, воспитатель многих героев. *У коих цензоры* и т. д. В кн.: Ювенал. Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета (М., 1885; цензурное разреш. от 9 ноября 1884 г.), на стр. 102, в 6-й сатире, исключены цензурой три стиха, замененные точками; у Ювенала речь в этом месте идет о кастрации евнухов. *Хотя Гелиодор давно их окорнал.* Ювенал упоминает там же о Гелиодоре — хирурге, производившем операцию кастрирования. *O rus!* (О деревня!) — эпиграф из Горация ко 2-й главе «Евгения Онегина», комически переведенный Пушкиным «О Русь!»; в этом смысле и у Фета. *O tempora, o mores!* — ставшее поговоркой выражение Цицерона. *Scribendi cacoethes tenet* — неточная цитата из 7-й сатиры Ювенала. *Юний* — Ювенал.

Графине С. А. Толстой («Когда стопой слегка усталой. . .») (стр. 532). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 244, с подзаголовком: «(Супруге гр. Л. Н. Толстого)». Автограф в тетр. II и на экземпляре ВО 2, хранящемся в библиотеке Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Датируется по Хрон. ук.

В. С. Соловьеву («Пусть не забудутся и пусть. . .») (стр. 532). Впервые в кн.: «Стихотворения Катулла. В переводе и

с объяснениями А. А. Фета» (СПб., 1886), как посвящение переводчика. Автограф в тетр. II. О В. С. Соловьеве см. стр. 808. Заключительные стихи намекают на стихотворение Катулла «К воробью Лезбии» и «Плач о смерти воробья». *Воробьевка* — имение Фета.

К памятнику Маркевича (стр. 532). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 529. Список в тетр. II. *Маркевич* Болеслав Михайлович (1822—1884) — реакционный беллетрист 70—80-х годов.

Ф. Е. Коршу («Геройских лет поклонник жадный...») (стр. 533). Впервые — в кн.: «Элегии Тибулла. В переводе и с объяснениями А. Фета» (М., 1886), как посвящение переводчика. Список в тетр. II. О Ф. Е. Корше см. стр. 817. *Елисей* — Элизий, Елисейские поля (греч. миф.) — место блаженного успокоения душ умерших.

Мите Боткину (стр. 533). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 209. Список в тетр. II. Датируется годами жизни Мити Боткина (см. стр. 780) в сопоставлении с содержанием стихотворения.

«Понятен зов твой сердобольный...» (стр. 534). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 563. Автограф в тетр. II. Эпиграмма относится, вероятно, к И. С. Тургеневу. *И для отцов и для детей* в этом случае — намек на роман «Отцы и дети». По месту в тетради стихотворение может относиться к периоду между 1874 и 1886 гг., но, если правильно наше предположение, — вероятен период ссоры и прекращения отношений с Тургеневым: 1876—1878 гг.

М. М. Хрущову («Твоей приветливой щедротой...») (стр. 534). Впервые — «Сев. цветы на 1901 г.», стр. 69. Автограф в тетр. II. Стихотворение предположительно датируется периодом 1874—1886 гг. по тем же основаниям, что и стих. «Комета» и следующие (см. стр. 808). По Хрон. ук. предположительно датируется 1883 г. Публикация в «Сев. цветах» сопровождена следующим примечанием: «В Воробьевке, в кабинете А. Фета стояла у него на столе модель Июльской колонны». Июльская колонна или Колонна свободы поставлена в 1840 г. в Париже на площади Бастилии в память Июльской революции 1830 г. Стихотворение написано на обычный тезис Фета — что свобода неосуществима в политической жизни, но является основным принципом художественного творчества. О М. М. Хрущове см. стр. 813.

«Ура, наш архангел отвинчен...» (стр. 534), Е. И. Баратынской (стр. 535), «Ты хвастаешь, что ты с бессмертными в союзе...» (стр. 535). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 580, 591, 351. Автографы в тетр. II. Датируются как и предыдущее стихотворение. В Хрон. ук. предположительно датированы соответственно: 1878, 1882, 1884 гг.

«Петр и Павел — вот примеры!..» (стр. 535). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 559. Автограф в тетр. II. Датируется как и предыдущие. Лица, сопоставленные здесь с апостолами

Петром и Павлом, — не установлены. *Петр* — по-гречески *камень*. Апостол Петр в Евангелии назван «камнем, на котором основана церковь». *Ключ* — здесь, вероятно, знак камергера. На иконах с ключами изображался апостол Петр.

«Беда с негромкими чинами...» (стр. 536). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 499. Автограф в тетр. II. Датируется как и предыдущие. *Вани те* — каламбур: vanité (фр.) — тщеславие.

«Поднять вас трудишься напрасно...» (стр. 536). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 354. Автограф в тетр. II. Датируется как и предыдущие.

Ю. Б. Шумахер (стр. 536). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 572. Автограф в тетр. II. По месту в тетради датируется как и предыдущие, но упоминание о Плющихе — улице в Москве, на которой Фет жил с 1881 г., — сужает пределы датировки. В Хрон. ук. предположительно датировано 1882 г. *Монтерё* (Монтрэ — Montreux) — курорт в Швейцарии.

Л. И. Офросимовой («Воздушной, детскою и ясной...») (стр. 536). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 251. Автограф в тетр. II. По месту в тетради датируется, как и предыдущие, периодом 1874—1886 гг., но, так как стихотворение, судя по содержанию, относится примерно к тому же времени, что и другое послание Л. И. Офросимовой, датированное 1888 г. (см. стр. 354), — вероятен конец указанного периода.

Т. А. Кузминской при посылке портрета (стр. 537). Впервые — изд. 1901, т. 2, стр. 565. Автограф с датой «12 февр.» на обороте фотографии с надписью: «Татьяне Андреевне Кузминской на память. А. Шеншин» (ГПБ). Стихотворение датируется по Хрон. ук. О Т. А. Кузминской см. стр. 740.

К N. N. (стр. 537). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 353. Датируется по Хрон. ук. Возможно, что это эпиграмма на Я. П. Полонского, о котором, до возобновления дружбы в конце 1887 г., Фет нередко отзывался резко, напр.: «Художники, в угоду рутинной толпе хвастающие страстью к Италии, в душе рассчитывают на лишний скудо (skudo). Можно и Полонского признать человеком умным, но с прибавлением скудо. Впрочем, такое суждение о его разумности не вредит в моих глазах поэту, художнику, а по теории Шопенгауэра (и моей) еще может быть в пользу» (Письмо к Н. Н. Страхову от 23 марта 1879 г. — РО, 1901, № 1, стр. 95). Стремление Полонского к «философским» стихотворениям Фет неизменно осуждал и в письмах к самому Полонскому уже после примирения.

Е. С. Хомутовой при получении цветущих тубероз (стр. 537). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 324.

Великому князю Константину Константиновичу («Певцам, высокое нам мило...») (стр. 538). Впервые — ВО 3, стр. 7. В список 1892 г. не включено.

Королеве эллинов Ольге Константиновне («С безумною отвагою поэта...») (стр. 538). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 217. *Портрета, что только Феб умел списать* — т. е. фотографии.

«Смотрю, завидуя немножко...» (стр. 539). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 570. Датируется по Хрон. ук.

Королеве эллинов Ольге Константиновне («В стенах, куда внесла Паллада...») (стр. 539). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 215. Датируется по Хрон. ук. *В стенах, куда внесла Паллада оливу.* Афина-Паллада получила от Зевса власть над Афинами, их Акрополем (крепостью) и всей Аттикой, после того как из земли, пронзенной ее копьем, мгновенно выросла олива (греч. миф.).

Ф. Е. Коршу («Тебя я пуще ждал всего...») (стр. 539). Впервые в публикации Н. М. Мендельсона «Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету» — «Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Сборник 1». М., 1928, стр. 47. Написано, очевидно, в ответ на стихотворное послание Ф. Е. Корша от 2 января 1887 г. (там же, стр. 46). О Ф. Е. Корше см. стр. 817. *Митральеза* — старинное скорострельное многоствольное орудие, предшественник пулемета. *O rus!* — см. стр. 817.

Ему же («Член Академии больной...») (стр. 540). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 266. Стихотворение является ответом на следующее послание Ф. Е. Корша:

А. А. ФЕТУ,
ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК

Я заключил было из Вашего письма,
Что только текст узнать исправный Вы хотели,
Простите слабости усталого ума...
А впрочем, я успел достать уже и Пели.

При сем поставлен нам всего один закон —
Не срок гощения для временного дара,
Не девственность его (уже разрезан он),
А только чистота чужого экземпляра.

Когда бы не был я недужен, слаб и хил,
Собственноручно Вам я книгу бы доставил.
Для этого я жду уж не возврата сил,
А лишь того, чтоб бог простуды мне убавил.

Но если поскорей Вам нужен мудрый бритт,
Лежит он у меня для Вас совсем готовый:
Пускай за ним от Вас Меркурий прилетит
Иль переводчик сам, авось уже здоровый.

10 января 1887

(«Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Сборник 1». М., 1928, стр. 49). *Член Академии.* 29 декабря 1886 г. Фет был избран членом-корреспондентом Академии наук по отделению русского языка и словесности. *Paley* (Ф. А. Пэли, 1815—1888) — английский филолог-классик. В предисловии к переводу «Элегий» Проперция (М., 1888) Фет указывает на использование издания Пэли.

Графу А. В. Олсуфьеву («Вот наша книжка в толстом томе. . .») (стр. 540). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 312. Текст исправлен по списку под заглавием «Душевно уважаемому и строгому сотруднику графу А. В. Олсуфьеву»; список вклеен в экземпляр «Превращений» Овидия в переводе Фета (М., 1887), принадлежавший А. Н. Апухтину (ПД). Об А. В. Олсуфьеве см. стр. 784. *В своем далеком гетском Томи По-русски стал писать Назон.* Назон, т. е. Овидий, с 9 г. по 17 г. н. э. (до смерти) находился в ссылке в г. Томи (на месте теперешнего румынского города Констанца), в стране гетов. Он извещал друзей, что начал писать стихи на языке гетов. Геты — народ, родственный дакам (см. стр. 753), — считались раньше предками славян. *V. Loers, A. Riese, O. Jahn* — редакторы и комментаторы «Превращений» Овидия.

Ф. Е. Коршу («На днях пускаемся мы в путь. . .») (стр. 541). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 267. О Ф. Е. Корше см. стр. 817. *Плутона близкая примета* — т. е. примета близкой смерти. *Смотри «шестнадцать» в третьей книге* — т. е. смотри 16-ю элегию в 3-й книге «Элегий» Проперция.

Е. С. Хомутовой при получении роз (стр. 542). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 323.

Королеве эллинов Ольге Константиновне 11 июля 1887 (стр. 543). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 223.

Я. П. Полонскому при посылке третьего выпуска «Вечерних огней» (стр. 543). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 566.

Великому князю Константину Константиновичу на третьем выпуске «Вечерних огней» (стр. 543). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 224.

Ф. Е. Коршу. Надпись на третьем выпуске «Вечерних огней» (стр. 543). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 313. О Ф. Е. Корше см. стр. 817. *Гиперборейского певца.* Гиперборейцы (греч. миф.) — сказочные народы далекого Севера.

М. П. Шеншиной. Надпись на книжке (стр. 544). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 314. Автограф на обороте форзаца экземпляра «Вечерних огней» в Гос. Историческом музее.

«Кто писал стихи иль прозу?..» (стр. 544). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 73.

О. И. Иост при получении вышитых туфель (стр. 544). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 328. В копии ГБЛ под заглавием: «Милой моей Оле Иост (на присылку шитых сапог)». Об О. И. Иост (рожденной Щукиной) см. стр. 816.

На юбилей А. Н. Майкова («Как привлечь к себе вниманье...») (стр. 545). Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 90. Вместо этого стихотворения на юбилейное торжество было послано другое (см. стр. 360).

Княгине С. Н. Голицыной (стр. 545). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 348.

«Тот, кто владеет громаднейшим царством...» (стр. 545). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 578.

Н. Я. Полонской (стр. 546). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 346. *Полонская* Наталия Яковлевна — дочь поэта. Летом 1890 г. семья Полонских гостила у Фета в Воробьевке.

Е. Д. Дункер («Всё изменяется, как тень...») (стр. 546). Впервые — изд. 1937 г., стр. 450. Список с поправками Фета в ГБЛ под заглавием «Е. Д. Д.». О Е. Д. Дункер см. стр. 785.

Ей же («Хвалить я браков не умею...») (стр. 547). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 286.

«И вот письмо. Он в нем не пишет...» (стр. 547). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 513. Автограф в письме к К. Р. от 29 мая 1891 г. Фет пишет: «Переносясь мысленно в кабинет вашего высочества вместе с предыдущим письмом моим, я невольно сказал...» (следует стихотворение).

«Сперва меняя тип за типом...» (стр. 547). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 356.

Е. Д. Дункер («Их вместе видя и, к тому же...») (стр. 547). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 514. Список с подписью Фета в ГБЛ под заглавием: «Елизавете Дмитриевне Дункер. В день ее ангела. 22 октября 1891». О Е. Д. Дункер см. стр. 785. *Воды мытищенской кристальной Струю в вино он превратил* — намек на евангельскую легенду о превращении Христом воды в вино. Мытищенский водопровод, самый старый в России, построен в XVIII в. для доставления в Москву ключевой воды из подмосковного села Большие Мытищи.

Новогреческая песня (стр. 548). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 547.

П. Н. Каратееву (стр. 548). Впервые — «Ледоход», стр. 99, с датой «22 мая». Год неизвестен; во всяком случае, не ранее

1878 г., так как П. Н. Каратеев (см. стр. 816) — сосед Фета по Воробьевке, куда Фет переехал в конце 1877 г.

«О боже, боже! все народы мне...» (стр. 548). Впервые — изд. 1937 г., стр. 452. Автограф в ГБЛ. Дата неизвестна. Отрывок написан на тему народной драмы «Царь Максимилиан».

ПОЭМЫ

Талисман (стр. 555). Впервые — «Москв.», 1842, № 6, стр. 222, под заглавием «Талисман (Отрывок в октавах)». С заменой точками двух последних стихов — изд. 1850 г., стр. 43. В список 1892 г. не включено. Ап. Григорьев писал о «Талисмане»: «К чему давать обещания и не исполнять их? Вы ждете картины деревенской жизни, ждете образа Тани, а встречаете двух барышень, из которых одна до невероятности сентиментальна, и юношу-романтика, который еще приторнее. Барышня говорит с ним о Шиллере и Гете, вероятно, по слуху, в особенности о последнем, и в заключение спектакля дает ему какой-то чудный талисман. Хороши здесь только опять-таки строки о ночи и лунном свете. Все же поэма весьма удобно могла не войти в собрание» (ОЗ, 1850, № 1, стр. 64). Л. А. Мей писал: «„Талисман" — что-то вроде отрывка из повести, написанного прекрасными октавами, но жаль, что каждая из них слишком живо напоминает две вещи, и без того не забытые: «Четырехстопный ямб мне надоел...» и местами «Сказку для детей», — от чего, разумеется, произведение г. Фета много теряет» («Москв.», 1850, № 6, стр. 42). Строфа 1. *Октавы* — восьмистишия особой рифмовки, которыми написана данная поэма. *Подражатель* — очевидно, «Домику в Коломне» Пушкина, написанному октавами этого же размера. Строфа 2. *Напомню образ Танин* — т. е. героини «Евгения Онегина». *Январский «Москвитянин»*. В январской книге «Москв.» 1842 г. напечатан цикл стихотворений Фета «Снега».

Сон (стр. 562). Впервые — ОЗ, 1856, № 9, стр. 1. В список 1892 г. не включено. Автограф в тетр. I под заглавием «Сон поручика Лосева». В первоначальной редакции автографа отсутствуют строфы 7 и 23 и эпиграф. Другие разночтения см. в отделе вариантов. Все исправления сделаны по указаниям А. В. Дружинина, вписанным здесь же, в тетр. I, частью на полях поэмы, частью на отдельной странице. К строфам 8—9: «Надобно бы придать явлению призраков более картинности и фантастической жизни. Одна строфа, если ее прибавить, не будет лишнею». К строфе 16 (ст. 6—8) — 17: «Больше, больше страсти! прочтите в Манфреде ту сцену, когда перед Манфредом вызывают тень Астарте. Стихи

Твою улыбку, нежное созданье,
Хранит такой мое воспоминанье

вялы и прозаичны». В строфе 17 Дружининым подчеркнуты слова «перст лилейный» и «тиховейной». К строфе 18: «Общий тон ее речи очень хорош, но есть путаница в рассказе. Лучше упростить его и

даже зарю изгнать. Вообще при фантастическом разговоре не надо многословия». Подчеркнуты и здесь же исправлены Фетом ст. 7—8. К строфе 20, ст. 8: «Великолепный стих». Строфа 21 (к двум строфам первой редакции): «Темно и длинно». К строфе 24: «Эта строфа хороша, но вы можете сделать ее во сто раз лучше. Уловите особенности горячечного бреда и передайте их рельефнее». Под этими замечаниями подписано: «Общее впечатление всей вещи истинно поэтично, понятно, законно, правильно. Недостатки подробностей затемняют достоинство целого, и потому всякая исправленная строка подействует вдвойне — и сама по себе, и по своему отношению к целой сцене. *А. Др.*». За замечаниями Дружинина в тетради следуют автографы вновь введенных и переработанных строф. 7 мая 1856 г. Фет пишет Дружинину: «Из прилагаемого листа Вы убедитесь, что «Сон» переправлен по заметкам Вашим — и, кажется, уже не заслуживает тех справедливых упреков, которые Вы выставили на полях этого рассказа. Я попрошу Вас прочесть его со вниманием в новом виде, и если он Вам понравится — подпишите: Хорошо — Дружинин и передайте Краевскому, с которым я уже об нем условился. Если же найдете снова что-нибудь невозможное, отметьте на полях и отдайте Давыдову книгопродавцу — для немедленного доставления ко мне. Я его, т. е. «Сон», снова переправлю по Вашему указанию. Но по крайнему моему пониманию теперь все в нем есть: и поэтическая правда, и ясность хода, и самый механизм стиха. А впрочем, кто его знает» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, стр. 335). В автографе нет эпиграфа, на который Фета, несомненно, навело указание Дружинина на 4-ю сцену II действия «Манфреда», откуда эпиграф и взят. В дневнике А. В. Никитенко от 28 апреля 1856 г. записано: «Вчера вечером читал у меня Фет свою фантастическую повесть в стихах. Стихи хороши: есть картины, образы, но мысли никакой. Эти поэты думают, что можно писать без всякой определенной идеи, что отыскать или привить эту идею к сочинению есть дело читателя, а не автора. Я высказал последнему то, что думал, а также и догадку, какую можно иметь о том, что автор хотел сказать. Он удивился, что тут ищут мысли. И. И. Панаев был одного мнения со мной» (А. В. Никитенко. Дневник. Т. 1. Л., 1955, стр. 437—438). Строфа 5. *Gaudeamus igitur* — традиционная песня студентов. Строфа 20. *А счастье было* и т. д. — перефразированная цитата из «Евгения Онегина»: «А счастье было так возможно, Так близко! . .»

Две липки (стр. 569). Впервые — ОЗ, 1857, № 1, стр. 4. В список 1892 г. не включено. 24 мая 1856 г. Некрасов писал Тургеневу о Фете: «Он написал поэму «Липки», по-моему плохую до значительной степени. Я за ней не погнался. Нет, поэмы — не его дело» (Полн. собр. соч. и писем, т. 10. М., 1952, стр. 275). В неопубликованной части «Заметок о журналах» Н. Г. Чернышевского за январь 1857 г. содержится следующий отзыв о поэме: «Поэма г. Фета написана октавами, вроде «Домика в Коломне» Пушкина или, если угодно, «Сказки для детей» Лермонтова. Мы откровенно выскажем г. Фету, что нам кажется — поэмы в подобном роде кажутся нам чуждыми собственной сфере его прекрасного лирического таланта. Быть Фетом гораздо лучше, нежели быть подражателем Пушкина

или Лермонтова. Наташа, осьмнадцатилетняя девушка, влюбилась в сорокапятилетнего Русова... Каким образом осьмнадцатилетняя девушка могла влюбиться в пожилого человека, объясняющего соседям значение капусты, г. Фет не объясняет нам. Мало-помалу Наташа стала скучать все сильнее и сильнее и наконец зачахла от тоски — развязка очень натуральна, но завязка кажется нам неправдоподобной. [Форма поэм, которым вздумал подражать г. Фет, требует шутливости, но шутка редко удается г. Фету]» (Полн. собр. соч., т. 4. М., 1948, стр. 960). Строфа 24. *Когда у нас Святая-то придется?* Святая, т. е. пасхальная неделя; Пасха в разные годы приходится на разные числа весенних месяцев.

Сабина (стр. 583). Впервые — РС, 1859, № 1, стр. 168. Включено в изд. 1863 г. Сюжет заимствован из книги римского историка Иосифа Флавия «Иудейские древности» (кн. 18, гл. 3, § 4). *Озирис, Анубис, Изида* — египетские боги. *Когда у статуи Помпея.* Брут убил Юлия Цезаря у подножия статуи Помпея. *Тибур* — римский город на берегах реки *Анио,* невдалеке от Рима, для жителей которого служил дачным местом. *Оры* (греч. миф.) — богини времен года. *Семела* — возлюбленная Зевса, к которой он являлся в человеческом образе; погибла от небесного пламени, вынудив Зевса предстать перед ней в своем подлинном облике — как божество, с громом и молниями. *Нард* — ароматическое вещество. *Эсквилин* — один из холмов Рима.

Студент (стр. 589). Впервые — «Нива», 1884, № 17, стр. 390. С изм. — ВО 2, стр. 43. С. П. Х — о, которой посвящена поэма, — С. П. Хитрово (см. стр. 782). Поэма носит автобиографический характер, относясь к студенческим годам Фета, когда он жил в семье Ап. Григорьева (см. об этом во вступит. статье, стр. 7). Те же события, с целым рядом совпадающих деталей и интересным психологическим освещением действующих лиц (автора и «Вольдемара» — Фета), изложены в рассказах Ап. Григорьева, относящихся к 1845—1846 гг.: «Офелия» и отчасти «Человек будущего» (ср. Ап. Григорьев. Человек будущего и др. рассказы. М., 1916, стр. 62—63, 168, 172—173, 181—186). В эти рассказы включены отрывки, быть может литературно обработанные, но несомненно взятые из личных дневников Григорьева (см. об этом в книге В. Н. Княжнина «А. А. Григорьев. Материалы для биографии». Пг., 1917, стр. 370). Строфа 1. *Октавы* — см. стр. 823. Строфа 2. *Антресоль* — верхний полуэтаж дома. Строфа 6. *Гамлет-Мочалов.* Роль Гамлета в одноименной трагедии Шекспира считалась коронной ролью знаменитого московского актера П. С. Мочалова (1800—1848). Строфа 8. *Аксельбант* — наплечный шнур на мундире, присвоенный некоторым офицерским должностям; здесь свидетельствует о должности адъютанта. Строфа 9. *Шаферá* — лица, держащие венцы над головами жениха и невесты во время церковного обряда венчания. Строфа 11. *Паникадило* — церковная люстра. Строфа 13. *Фуляр* — здесь в смысле: платок из фуляра, легкого и мягкого шелка. Строфа 31. *С репетиром золотой Нортон* — золотые карманные часы фирмы Нортона, отбивающие время при нажатии специальной пружины. Строфа 32. *Вникаем*

в римского певца. Фет еще студентом переводил оды Горация. В данной строфе речь, очевидно, идет об отношениях Фета с реакционным критиком и профессором истории русской словесности С. П. Шевыревым (1806—1864): «Он отнесся с великим участием к моим стихотворным трудам и снисходительно проводил за чаем по часу и по два в литературных со мною беседах. Эти беседы меня занимали, оживляли и вдохновляли» («Ранние годы», стр. 209—210). Несколько переводов Фета из Горация Шевырев напечатал в «Москв.» со своей вступительной заметкой («Москв.», 1844, № 1, стр. 27—38). Правда, стих «Ты был у нас деканом много лет» нарушает это соответствие, так как деканом во все время пребывания Фета в университете был профессор русской словесности И. И. Давыдов, о близких отношениях которого с Фетом ничего не известно.

ПЕРЕВОДЫ

С КИТАЙСКОГО

Тень (стр. 603). Впервые — ОЗ, 1856, № 6, стр. 380. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

ИЗ СААДИ

Саади (1184—1291) — великий персидский поэт.

«Обремененный славой мира...» (стр. 604). Впервые — изд. 1850 г., стр. 93 (отдел «Подражание восточному»).

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНЫМ СТИХОТВОРЦАМ

«Вселенной целой потеряв владенье...» (стр. 605). Впервые — ВО I, стр. 125, под заглавием «Подражание восточным стихотворцам». Автограф в тетр. II. Датируется по месту в тетради. Переведено Фетом, видимо, из книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (т. 2, гл. 8), где цитируется как «стихи, взятые из персидского стихотворения Анвари Сохейли». «Анва́ри-Сухе́йли» — персидская переработка знаменитого арабского сборника рассказов «Калила и Димна», принадлежащая Хусейну Кашифи (ум. 1505 г.).

ИЗ ГАФИЗА

Переводы сделаны Фетом по книге: Hafis. Eine Sammlung persischer Gedichte. Nebst poëtischen Zugaben aus verschiedenen Völkern und Ländern. Von G. Fr. Daumer. Фет, вероятно, пользовался 2-м изданием (Hamburg, 1856; 1-е изд. — 1846). 4-й и 5-й абзацы предисловия Фета являются сокращенным переводом предисло-

вия Даумера. Фет считал стихотворения Даумера точным переводом из Гафиза, в действительности это — оригинальные произведения немецкого философа-идеалиста и поэта Г. Ф. Даумера (1800—1875) «в духе Гафиза», как он понимался в немецкой романтической поэзии, — произведения, имеющие весьма мало общего с действительным творчеством великого персидского лирика XIV века. Над переводами из Гафиза Фет начал работать осенью 1859 г. 4 октября 1859 г. он сообщает Дружинину, что перевел 18 стихотворений Гафиза и посылает ему стих. «Звезда полуночи дугой золотою скатилась...» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, стр. 340). Около этого же времени посланы Тургеневу стих. «В доброй вести, нежный друг, не откажи...», «Ежели осень наносит...» (может быть, и другие). 9 октября Тургенев пишет Фету: «А кстати я Вам подарил Гафиза. Добрый гений мне это подшепнул. — Переводы Ваши хороши, но наученный Шекспиром, я становлюсь неумолимым» (следуют указания, касающиеся названных выше стихотворений). «Но сколько я мог заметить — в тон Гафиза Вы попали. Продолжайте не с п е ш а: и может выйти прелестная книжечка» («Мои восп.», ч. 1, стр. 311). 29 октября Фет читал в Обществе любителей российской словесности при Московском университете «4 пьесы из Гафиза: «Звезда», «Птичка», «Свеча» и «Возрождение», со своим предисловием» («Словарь Общ. люб. росс. сл.». М., 1911, стр. 295). Видимо, имеются в виду стихотворения «Звезда полуночи дугой золотою скатилась...», «Веселись, о сердце-птичка...», «О, как подобен я — смотри...» и «Предав себя судьбам на произвол...». В письме от 13 ноября Тургенев дает отзыв о новых стихотворениях, а 28 ноября сообщает Фету о результатах совместного с Дружининым и Анненковым разбора 35 стихотворений, переведенных Фетом из Гафиза. «Любезнейший Афанасий Афанасьевич, — пишет Тургенев, — вчера происходило чтение Вашего перевода из Гафиза — перед Дружининым и Анненковым. Вот результат этого чтения. 35 стихотворений разделяются на три разряда: п е р в ы й — безукоризненные; в т о р о й — стихотворения, в которых потребны поправки; т р е т и й — стихотворения отвергаемые (NB. Замечу кстати, что выбор, сделанный Вами, не совсем удовлетворителен: Вы, налегая на эротические стихотворения, пропустили много хороших)». Следуют номера стихотворений, которые принимаются (13), требуют переработки (9) и отвергаются (13), «как незначительные и могущие только охладить на первых порах публику к Гафизу, которого она не знает и которого надобно ей представить так, чтобы он ее завоевал, чтобы она его учуяла. Впоследствии эти стихотворения — по крайней мере, некоторые из них — могут быть напечатаны в виде дополненья. И потому предлагается Вам эти 13 стихотворений заменить хотя ш е с т ь ю, но выбранными из числа ф и л о с о ф с к и х — как напр.: Ich habe alles hinweggeworfen! — или Und dies ist doch fürwahr kein Fehl. (Тургенев называет последнее стихотворение по рефрену. Имеется в виду стихотворение «Не будь, о богослов, так строг...» — *Б. Б.*) Переведите и выправьте другие д е в я т ь не торопясь, — подумайте, что à tort ou à raison (правильно или неправильно. — *Б. Б.*) публика п р е д у б е ж д е н а против Ваших переводов — и что надобно ей поднести такую мастерскую штуку, чтобы негде было иголку под-

пустить. — Вы решительно слишком торопитесь (из желания ли деньги получить — я не знаю) — но эдак, право, право — ей же ей — нельзя. — Надо, чтобы сладость благоухания разлилась кругом Вашего перевода (как, например, в стихотворении: «Ветер легкий, окрыленный»): один мерзлый стих, один неуклюжий или бессильный поворот — и все пропало! — Пожалуйста, не спешите — а деньги придут в свое время» (ПД). Фет, очевидно, протестовал против этих указаний, судя по отзыву его в письме к Дружинину от 5 декабря 1859 г.: «При всем уважении к чутью и вкусу Вашему, Тургенева и Анненкова, я не могу не оставаться самим собой и не стану против своего убеждения выбрасывать то, что считаю красотами» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, стр. 346). Тургенев писал Фету в письме, датируемом декабрем 1859 г.: «Вы положительно несправедливы к нам, подозревая в нас угодливость публике. Я упомянул о ней только с той точки зрения, что она стала недоверчива к Вашим переводам и что, следовательно, не должно ей давать никакого справедливого повода отворачиваться от них; стихи же мы Ваши браковали не потому, что они слишком смелы и для публики непонятны, а просто потому, что они нам показались слабы, вялы и не смелы. Я уже упоминал Вам о Вашей ненужной покорности и робости перед оригиналом... Сохрани бог, чтобы мы хотели Вас переделать: во-первых, это было бы очень жалко, а во-вторых, невозможно: мы только говорим наше мнение со всею искренностью — а Вы принимайте его только в таком случае, если сами с ним согласны» (следует ряд замечаний по поводу переделанных Фетом стихов). «Вот, батюшка, что совесть и долг повелевали Вам сказать. А теперь поступайте, как знаете. Напишите мне, если Вы хотите, чтобы я прислал Вам рукопись. Но предсказываю Вам тот же результат — если Вы в подобном виде напечатаете Гафиза. — И публика, Вами столь презираемая публика — будет права («Щукинский сборник», вып. 8. М., 1909, стр. 422—424). Собрание переводов из Гафиза с предисловием Фета появилось в РС, 1860, № 2. Несмотря на протесты, Фет, видимо, напечатал в РС лишь стихотворения, одобренные Тургеневым: им было послано Тургеневу 35 стихотворений, а в РС появилось 24, при этом некоторые из них, видимо, не входили в число 35-ти, например, стих. «Мы, Шемзеддин со чадами своими...», посланное Дружинину в письме от 3 декабря 1859 г. В журнале имеются два номера (все стихотворения нумерованы) со строкой точек под ними. Это, очевидно, места стихотворений, не пропущенных цензурой. Тургенев писал Фету 15 февраля 1860 г.: «Из Гафиза выкинули едва ли не лучшие стихотворения; это очень жаль. Ценсурные здесь дела нехороши: ветер опять задул с севера» («Мои восп.», ч. 1, стр. 316). На Л. Толстого переводы из Гафиза, посланные ему Фетом, произвели неблагоприятное впечатление. 20 декабря 1859 г. он пишет Дружинину: «Фет прислал мне несколько стихотворений из Гафиза. Напрасно он их писал. Опять на Тург<еве> грех» (там же, стр. 317). В ответном письме от 31 декабря Дружинин пишет Толстому: «Был недавно Фет со своим Гафизом, из которого стихотворений десять превосходны, но остальные — ерунда самая бессмысленная... Тургенев тут не виноват, и он и я — мы отговаривали Фета от Гафиза»

(К. Чуковский. Люди и книги шестидесятых годов. Л., 1934, стр. 71 и 272). Фет продолжал переводить Гафиза и после появления переводов в РС. «Переводы Ваши из Гафиза на сей раз очень хороши», — пишет Тургенев Фету 22 февраля 1860 г. («Мои восп.», ч. 1, стр. 321). Это, вероятно, те переводы, которые впервые появились в изд. 1863 г. Из ненапечатанных переводов сохранились в автографах (в тетр. ГБЛ и на отдельных листах в ГБЛ) стихотворения: «Нет, мой друг...», «Терзают грудь земли, и, посмотри, она...», «Помнишь ли ты, нежный друг мой, как светло...», «Как бы эфира сотрясенье слышу...», «Так уж меня с моею ивой...», «Пусть, Гафиз, любезный попугай...» Это переводы стихотворений Даумера: «Nicht, o Freund...», «Zerrissen wird der Erde Bauch, und sieh', er gibt...», «Weisst du noch, mein süsses Herz, wie alles sich...», «Wie Melodie aus reiner Sphäre hör' ich...», «So steh'n wir, ich und meine Weide...», «Nie, Hafis, du lieblicher Papagei...» Из этих стихотворений «Пусть, Гафиз, любезный попугай...» напечатано в изд. 1937 г,. стр. 756; остальные не опубликованы. Все это, видимо, стихотворения, отвергнутые Тургеневым; стихотворения, не пропущенные цензурой, не разысканы. Эпиграфом ко всему циклу Фет взял эпиграф к разделу «Книга Гафиза» сборника Гете «Западно-восточный диван».

«Звезда полунóчи дугой золотою скатилась...» (стр. 607). Перевод стих. «Es ist ein Stern vom erhabenen Himmel gefallen...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 27. Включено в изд. 1863 г. Автографы в тетр. I и в письме к А. В. Дружинину от 4 октября 1859 г. (ЦГАЛИ).

«О, если бы озером был я ночным...» (стр. 608). Перевод стих. «O wär ich ein See, so spiegelhell...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 27. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

«Мы, Шемзеддин со чадами своими...» (стр. 608). Перевод стих. «Wir, Vater Schemseddin und seine Kinder...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 27. Включено в изд. 1863 г. Автограф в письме к А. В. Дружинину от 3 декабря 1859 г. (ЦГАЛИ). *Шемзеддин.* Шамседдин Мохаммед (1300—1389) — настоящее имя поэта, писавшего под псевдонимом Гафиз (Хафиз).

«Если вдруг, без видимых причин...» (стр. 609). Перевод стих. «Sollte mich in plötzlichem Ruin...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 28. Включено в изд. 1863 г.

«Я был пустынною страной...» (стр. 609). Перевод стих. «Zur Wüste grimmig ausgebrannt...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 29. Включено в изд. 1863 г.

«О, как подобен я — смотри...» (стр. 610). Перевод стих. «Ich bin ein armes Lämpchen nur...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 29. Включено в изд. 1863 г.

«Дано тебе и мне...» (стр. 610). Перевод стих. «Wir zieren, ich und du...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 29. Включено в изд. 1863 г.

«Десять языков лилеи...» (стр. 611). Перевод стих. «Lilie hat der Zungen zehne...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 30. Включено в изд. 1863 г.

«Ветер нежный, окрыленный...» (стр. 611). Перевод стих. «Holder Ost, beschwingter Bote...». Впервые — РС, 1860, № 2. стр. 30. Включено в изд. 1863 г.

«Падет ли взор твой гордый...» (стр. 612). Перевод стих. «Wenn auf ein Haupt im Staube...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 30. Включено в изд. 1863 г.

«Книгу мудрую берешь ты...» (стр. 612). Перевод стих. «Still zu deinem Buche greifst du...». Впервые —РС, 1860, № 2, стр. 31. Включено в изд. 1863 г.

«Ты в мозгу моем убогом...» (стр. 613). Перевод стих. «Nicht in meinem armen Hirne...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 32. Включено в изд. 1863 г.

«Пусть, насколько хватит сил...» (стр. 613). Перевод стих. «Immerhin, so viel sie mag...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 32. Включено в изд. 1863 г.

«В царство розы и вина приди...» (стр. 615). Перевод стих. «Zu der Rose, zu dem Weine komm...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 33. Включено в изд. 1863 г. Автограф в письме Л. Н. Толстому от 1 ноября 1859 г.

«Веселись, о сердце-птичка...» (стр. 615). Перевод стих. «Freue dich, o Seelenvogel...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 34. Включено в изд. 1863 г.

«Предав себя судьба́м на произвол...» (стр. 616). Перевод стих. «Die fromme Taub' in meinem Herzen hie...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 34. Включено в изд. 1863 г. Автограф в письме к Л. Н. Толстому от 1 ноября 1859 г.

«Грозные тени ночей...» (стр. 616). Перевод стих. «Finstere Schatten der Nacht...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 34. Включено в изд. 1863 г.

«Ах, как сладко, сладко дышит...» (стр. 617). Перевод стих. «Ach, wie süss, wie süss sie duftet...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 35. Включено в изд. 1863 г.

«В доброй вести, нежный друг, не откажи...» (стр. 617). Перевод стих. «Eine tröstlich holde Kunde weigre nicht...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 35. Включено в изд. 1863 г.

«Ежели осень наносит...» (стр. 618). Перевод стих. «Ob feindselige Winde...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 35. Включено в изд. 1863 г. *Если Юсуф одинокий Плачет, отторжен от родины.* Имеется в виду библейская легенда о Иосифе Прекрасном, проданном братьями в рабство в Египет.

«Гиацинт своих кудрей...» (стр. 618). Перевод стих. «Ihre Locke kräuselte...» Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 36. Включено в изд. 1863 г. Автограф в письме к Л. Н. Толстому от 1 ноября 1859 г.

«Твой вечно, неизменно...» (стр. 619). Перевод стих. «Dein ohne Wank und Wandel...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 36. Включено в изд. 1863 г.

«О помыслах Гафиза...» (стр. 619). Перевод стих. «Wonach Hafis verlanget...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 37. Включено в изд. 1863 г. Автограф в ГБЛ.

«Сошло дыханье свыше...» (стр. 619). Перевод стих. «Es kam ein Hauch von oben...». Впервые — РС, 1860, № 2, стр. 37. Включено в изд. 1863 г.

«Уж если всё от века решено...» (стр. 620). Перевод стих. «Wenn Alles, Alles ewig vorbedacht...». Впервые — изд. 1863 г., ч. 2, стр. 222. Автограф в тетр. ГБЛ.

«Не будь, о богослов, так строг!..» (стр. 620). Перевод стих. «Nicht düstre, Theosoph, so tief...». Впервые — изд. 1863 г., ч. 2, стр. 223, без 3-й строфы, исключенной цензурой или по цензурным соображениям. Полностью печатается впервые. Автограф в тетр. ГБЛ. Стихотворение переведено по предложению Тургенева в письме к Фету от 28 ноября 1859 г. (см. стр. 827). Отзыв о переводе в письме от декабря 1859 г. (ПД). *Нас, как израильских сынов, Пустынный истомил побег.* Имеется в виду библейская легенда об исходе иудеев из египетского рабства через безводные пустыни. *И Гавриил на небесех.* Архангел Гавриил считается у мусульман посредником между Аллахом и Магометом, сообщившим Магомету содержание Корана.

«Гафиз убит. А что его убило...» (стр. 621). Перевод стих. «Erschlagen ist Hafis. Wer ihn erschlagen...» Впервые — изд. 1863 г., ч. 2, стр. 224. Автограф в тетр. ГБЛ. *Вот истинный скачок с 7-го этажа.* В статье Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева» имеется фраза: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик» (РС, 1859, № 2, стр. 75). Эта фраза поставлена эпиграфом к статье Д. Л. Михаловского «Шекспир в переводе г. Фета», помещенной под псевдонимом «М. Лавренский» в «Совр.», 1859, № 6, стр. 255—288. В статье, написанной в резком тоне (и вызвавшей разрыв Фета с «Совр.»), цитированная фраза Фета назойливо обыгрывается.

ИЗ АНАКРЕОНА

Анакреонт (ок. 570—478 до н. э.) — знаменитый древнегреческий лирический поэт.

«Сядь, Вафилл, в тени отрадной...» (стр. 622). Перевод стих. «Εἰς Βάθυλλον». Впервые — изд. 1850 г., стр. 112 (отдел «Антологические стихотворения»). Корректурная гранка ОЗ — в ГПБ (см. примечание к стих. «Сядь у моря — жди погоды...», стр. 798).

ИЗ ГЕТЕ

Самообольщение (стр. 623). Перевод стих. «Selbstbetrug». Впервые — ОЗ, 1857, № 2, стр. 708. С изм. — изд. 1863 г., ч. 2, стр. 230. Автограф в тетр. I.

На озере (стр. 623). Перевод стих. «Auf dem See». Впервые — РС, 1859, № 1, стр. 82. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

Новая любовь — новая жизнь (стр. 624). Перевод стих. «Neue Liebe neues Leben». Впервые — изд. 1863 г., ч. 2, стр. 232. Автограф в тетр. I.

Прекрасная ночь (стр. 625). Перевод стих. «Die schöne Nacht». Впервые — ВО 1, стр. 109. Автограф в тетр. II. 9 февраля 1878 г. Фет писал Н. В. Гербелю: «На днях я снова перевел из Goethe „Die schöne Nacht“, „Wanderer's Nachtlied“» (ГПБ). «Снова» относится лишь к стих. «Die schöne Nacht»: первый перевод его напечатан в ЛП

Ночная песня путника (стр. 625). Перевод стих. «Wandrer's Nachtlied». Впервые — ВО 1, стр. 111. Список в тетр. II. Датируется письмом Фета к Гербелю от 9 февраля 1878 г. (см. предыдущее примечание).

Границы человечества (стр. 626). Перевод стих. «Grenzen der Menschheit». Впервые — «Собрание сочинений» Гете, под ред. Н. В. Гербеля, т. 1. СПб., 1878, стр. 67. Включено в ВО 1. Список в тетр. II. 27 декабря 1877 г. Фет писал Н. В. Гербелю: «Ввиду печатания лирических стихотворений Гете, позволю себе предложить Вам мой еще не напечатанный перевод: Die Gränzen der Menschheit — Границы человечества. Я видел перевод этой пьесы в Русск. вестнике, и это побудило меня перевести ее. Что переводишь, надо прежде всего понять. А наши переводчики большею частию так необразованны, что не в силах перевести пьесу, коренящуюся в философии и истории. За буквальность и adequat'ность по смыслу своего перевода ручаюсь. Кроме того, он силится передать тот тонкий античный каданс и строй, которым цветет оригинал. — У нынешних стихоплетов пробки в ноздрях. — Но это их дело» (ГПБ).

Рыбак (стр. 627). Перевод стих. «Der Fischer». Впервые — ВЕ, 1886, № 1, стр. 170. С незначит. изм. — ВО 3, стр. 52. Автограф в тетр. II. Я. П. Полонский писал Фету 18 января 1888 г.: «Странно, отчего прозаические стихи у тебя чаще всего попадаются в твоих переводах — так, например, в «Рыбаке» стих „Ты сам спустился бы как есть“ и окончательный стих „Но с той поры пропал“». Фет ответил 23 января: «В своих переводах я постоянно смотрю на себя как на ковер, по которому в новый язык въезжает триумфальная колесница оригинала, которого я улучшать — ни-ни. В «Рыбаке» стих кончается — как есть, потому что у Гете он кончается: wie du bist, буквальную передачу которого я считал величайшей удачей».

Зимняя поездка на Гарц (стр. 628). Перевод стих. «Harzreise im Winter». Впервые — ВЕ, 1886, № 1, стр. 171. С незначит. изм. — ВО 3, стр. 54. Автограф в тетр. II.

ИЗ ШИЛЛЕРА

Вечер (стр. 631). Перевод стих. «Der Abend». Впервые — ЛП, стр. 94. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 2, стр. 309. *Фетида* (греч. миф.) — морская богиня.

Дифирамб (стр. 632). Перевод стих. «Dithyrambe». Впервые — ЛП, стр. 98. С незначит. изм. — изд. 1863 г., ч. 2, стр. 310.

К цветам (стр. 633). Перевод стих. «Die Blumen». Впервые — ОЗ, 1854, № 3, стр. 174, с подзаголовком: «(Посвящается Н. В. Гербелю)». Без подзаголовка включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. ГБЛ и в альбоме Н. В. Гербеля (ГПБ). *Флора* (римск. миф.) — богиня цветов и плодов. *Диона* (греч. миф.) — богиня, мать Афродиты.

Боги Греции (стр. 634). Перевод стих. «Die Götter Griechenlands». Впервые — ВО 1, стр. 119. Автограф в тетр. II. 9 февраля 1878 г. Фет писал Н. В. Гербелю: «Между прочим, на днях, перелистывая Ваше издание, я полюбопытствовал увидеть перевод любимой моей пьесы Die Götter Griechenlands и увидел невозможный перевод Бенедиктова с бессмысленным хвостом, точно на смех. Это побудило меня попытаться, и я перевел, как всегда, размером подлинника — и почти буквально» (ГПБ). *Аматузия* — название Афродиты по святилищу в ее честь в финикийском городе *Аматунте* на острове Кипре. *Гелиос* (греч. миф.) — бог солнца. *Ореады* — нимфы гор. *Дриады* — нимфы лесов. *Наяды* — нимфы рек и ручьев. *Этот лавр стыдливость девы прячет.* Нимфа Дафна, спасавшаяся от преследования влюбленного в нее Аполлона, была превращена в лавровое дерево. *Дочь Тантала в камне том молчит.* Ниоба, дочь фригийского царя Тантала, обратилась в скалу, после того как Аполлон и Артемида умертвили ее детей. *В тростнике вот здесь Сиринкса плачет.* Нимфа Сиринга, бежавшая от преследовавшего ее бога пастухов Пана, была превращена в тростник. *Филомела в роще той грустит.* Чтобы спасти Филомелу от преследований мужа ее сестры фракий-

ского царя Терея, боги превратили ее в соловья. *Церера* (римск. миф.) — богиня земли, посевов и плодородия, соответствующая греческой богине Деметре (которая и названа в немецком оригинале). *Персефона,* дочь Деметры, была похищена богом подземного царства Аидом и стала его женой. *А с того холма вотще Цитера Друга нежного звала.* Цитера — название Афродиты по культу ее на острове того же имени. Афродита искала в горах Кипра тело своего любимца Адониса, сына кипрского царя, пронзенного кабаном на охоте. *Девкалион* и его жена *Пирра* стали после потопа родоначальниками всех живших затем людей. *Латона* — богиня, мать Аполлона. *Истмийские игры* — гимнастические, конные и музыкальные состязания, устраивавшиеся в Греции каждые два года. *Тирсоносцев радостных эвое* и т. д. — описание празднеств в честь Вакха. Ср. стихотворение Фета «Золотой век». *Даже в Орке судией правдивым Восседал с весами смертной внук.* Судьи подземного царства братья Минос и Радамант были сыновьями Зевса и смертной женщины Европы. *Фракиец* Орфей, чаруя всех своим пением, проник в подземное царство за своей женой Эвридикой. *До Иринний.* Эриннии — богини мщения, служительницы бога подземного царства Аида. *Елисей* см. стр. 818. *Линос* — музыкант, брат Орфея, погибший юношей. *Пред Алцестой дорогой Адмет.* Алкеста, пожертвовавшая жизнью, чтобы спасти жизнь своего мужа царя Адмета, была освобождена от смерти и возвращена мужу Гераклом. *Филоктет,* участник Троянской войны, получил от Геракла в подарок стрелы, бьющие без промаха. *Олимпийских близнецов.* Сыновья Зевса и Леды близнецы Кастор и Полидевк считались покровителями моряков. *Селена* — богиня луны.

ИЗ КЕРНЕРА

Кернер Теодор (1791—1813) — немецкий поэт романтического направления, погибший в войне против Наполеона.

Москва (стр. 638). Перевод стих. «Moskau». Впервые — «Москв.», 1843, № 3, стр. 2, с подзаголовком «Сонет из Кёрнера». С изм. — изд. 1856 г., стр. 127 (отдел «Разные стихотворения»). Включено в изд. 1850 г. (отдел «Сонеты») и 1863 г. (отдел «Переводы»).

ИЗ УЛАНДА

Уланд Людвиг (1787—1862) — немецкий поэт, представитель позднего романтизма.

Бертран де Борн (стр. 639). Перевод стих. «Bertran de Born». Впервые — ВО 1, стр. 113. Автограф в тетр. II. *Бертран де Борн* (1140—1215) — знаменитый провансальский трубадур, воспевавший феодальное рыцарство и его войны; владелец замка Аутафорт (Отфор) в графстве Перигор Аквитанского герцогства. Это герцогство принадлежало английскому королю Генриху II Плантагенету (1133—1189) в качестве приданого его жены Элеоноры Аквитанской и управлялось его сыном Ричардом Львиное Сердце (1157—1199). Бертран де Борн принял активное участие в распре и

войне Ричарда Львиное Сердце с его братьями Генрихом и Готфридом на стороне последних. Придя на помощь Ричарду и разбив войска восставших, Генрих II разгромил Аутафорт, но, по преданию, пощадил Бертрана де Борна как друга своего сына Генриха, раскаявшегося перед смертью в непокорности отцу. *Что возжег единой песнью Перигорд и Вентадорн.* По преданию, Бертран де Борн воспламенил к участию в восстании против Ричарда аквитанских графов Эбласа II Вентадурского и Элиаса и Вильгельма Талейранов Перигорских. *Дочь твоя* и т. д. Свои любовные стихи Бертран де Борн посвящал Матильде, дочери Генриха II, вышедшей замуж за Генриха Льва (1129—1195), герцога Баварии и Саксонии. *Тут стрелою он пронзенный у Монфортских пал ворот* — т. е. у ворот замка баронов Монфор в Перигоре. В действительности принц Генрих умер от болезни.

ИЗ РЮККЕРТА

Рюккерт Фридрих (1788—1866) — немецкий поэт романтического направления.

«Если ты меня разлюбишь...» (стр. 642). Перевод стих. «Wenn du auch nicht mehr mich liebtest...». Впервые — ВО 1, стр. 126. Автограф в тетр. II. Датируется предположительно, как и другие переводы из Рюккерта, по месту в тетради.

«Пусть бы люди про меня забыли...» (стр. 642). Перевод стих. «Dass die Leute mein vergessen könnten...». Впервые — ВО 1, стр. 126. Автограф в тетр. II.

«Как мне решить, о друг прелестный...» (стр. 643). Перевод стих. «Ich wüsste nicht, wenn ich's vergliche...». Впервые — сборник «Утро», М., 1866, стр. 421. Включено в ВО 1. Автографы в тетр. II и на отдельном листе в ПД (Дашковское собрание).

«У моей возлюбленной есть украшенье...» (стр. 643). Перевод стих. «Meine Liebste hat ein einziges Geschmeide...». Впервые — ВО 1, стр. 127. Автограф в тетр. II.

«И улыбки, и угрозы...» (стр. 644). Впервые — ВО 1, стр. 128. Автограф в тетр. II.

«Не хочу морозной я...» (стр. 644). Перевод стих. «Götter! keine frostige...». Впервые — ВО 1, стр. 128. Автограф в тетр. II.

ИЗ МЕРИКЕ

Мерике Эдуард (1804—1875) — немецкий поэт, представитель позднего романтизма.

«Будь, Феокрит, о прелестнейший, мной упомянут с хвалою...» (стр. 645). Перевод стих. «Theokrit». Впер-

вые — ВО 1, стр. 147. Автограф в тетр. II. По месту в тетради датируется 1864 г. В этом году Тургенев подарил Фету стихотворения Мерике. «Привезши мне в 1864 году из Баден-Бадена стихотворения Мерике, он на первом листе написал: „Врагу моему А. А. Фету на память пребывания в Петербурге в январе 1864 г.“» («Мои восп.», ч. 1, стр. 160). На Мерике Тургенев указывал Фету еще раньше. 29 июня 1860 г. он писал: «Рекомендую Вам... швабского (уже старика) поэта Мерике (Möhrike), который, вероятно, Вам понравится: много грации и чувства» (там же, стр. 336). *Феокрит* — греческий поэт-идиллик III в. до н. э. *Юноши видя обман, ищет Гекату она.* Во 2-й идиллии Феокрита «Колдуньи» девушка, покинутая любимым, молит Гекату, как богиню магии, вернуть ей его любовь. *Или воспой молодого Геракла.* Имеется в виду 24-я идиллия Феокрита «Геракл-младенец». *Где он и змей задушил.* См. стр. 804. *Каллиопа* (греч. миф.) — муза эпической поэзии.

«Как красив на утренней заре...» (стр. 645). Перевод стих. «Jägerlied». Впервые — «Гусляр», 1889, № 13, стр. 193. С изм. — ВО 4, стр. 54.

Покинутая девушка (стр. 646). Перевод стих. «Das verlassene Mägdelein». Впервые — изд. 1901 г., т. 3, стр. 334.

ИЗ ГЕЙНЕ

Переводами из Гейне Фет занимался в течение всей жизни. Первые переводы появились в журналах 1841, 1842 и 1843 гг. В изд. 1850 г. помещено 14 переводов, выделенных в специальный отдел «Из Гейне». Только три из них перешли в изд. 1856 г., в отдел «Разные стихотворения», где к ним присоединен один новый перевод. Однако в 1857 г. Фет решил вновь напечатать все свои переводы из Гейне, частью выправив их и прибавив новые. 13 ноября 1857 г. он пишет Дружинину: «Спросите Некрасова, оставляет ли он переводы мои из Гейне, а если они не по его вкусу, то возьмите их для Библиотеки (т. е. для БдЧ, которую Дружинин редактировал. — *Б. Б.*). Их всех заново пересмотренных и исправленных 29 пьес, из которых не бывших в печати 13, и за них только я назначил по 15 р.» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, стр. 337). 18 декабря 1857 г. Некрасов пишет Фету: «Стихов Гейне я не могу взять» (Полн. собр. соч. и писем, т. 10. М., 1952, стр. 373). Но и Дружинин не взял переводов из Гейне. 28 стихотворений из Гейне появились в РС, 1859, № 5, стр. 34—48. Те же стихотворения перепечатаны в изд. 1863 г. Фет переводил Гейне и позже. Последние два его перевода датированы 1891 г.

«Из слез моих много родится...» (стр. 647). Перевод стих. «Aus meinen Thränen spriessen...». Впервые — «Москв.», 1841, № 12, стр. 296. Перепечатано в РС, 1859, № 5, стр. 34. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Лилеею, розой, голубкой, денницей...» (стр. 647). Перевод стих. «Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne...». Впер-

вые — РС, 1859. стр. 5, стр. 35. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Датируется предположительно по месту в тетради.

«Ланитой к ланите моей прикоснись...» (стр. 648). Перевод стих. «Lehn deine Wang an meine Wang...». Впервые — ОЗ, 1842, № 6, стр. 371. С изм. — изд. 1850 г., стр. 156; с новыми изм. — РС, 1859, № 5, стр. 35. Включено в изд. 1856 и 1863 гг.

«Дитя, мои песни далеко...» (стр. 648). Перевод стих. «Auf Flügeln des Gesanges...». Впервые — ОЗ, 1842, № 6, стр. 372. С незначит. изм. — изд. 1850 г., стр. 156; с нов. незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 150; с нов. незначит. изм. — РС, 1859, № 5, стр. 35. Включено в изд. 1863 г. *Гангесова тока* — реки Ганга в Индии.

«Как из пены вод рожденная...» (стр. 649). Перевод стих. «Wie die Wellenschaumgeborene...». Впервые — РС, 1859, № 5, стр. 36. Включено в изд. 1863 г.

«Я не ропщу, пусть сердце и в огне...» (стр. 649). Перевод стих. «Ich grolle nicht, und wenn das Herz auch bricht...». Впервые — РС, 1859, № 5, стр. 36. Включено в изд. 1863 г.

«Да, ты несчастна — и мой гнев угас...» (стр. 649). Перевод стих. «Ja, du bist elend und ich grolle nicht...». Впервые — РС, 1859, № 5, стр. 36. Включено в изд. 1863 г.

«На севере дуб одинокий...» (стр. 650). Перевод стих. «Ein Fichtenbaum steht einsam...». Впервые — «Москв.», 1841, № 12, стр. 295. Перепечатано в РС, 1859, № 5, стр. 37. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Слышу ли песенки звуки...» (стр. 650). Перевод стих. «Hör'ich das Liedchen klingen...». Впервые — РС, 1859, № 5, стр. 37. Включено в изд. 1863 г.

«Мой друг, мы с тобою сидели...» (стр. 650). Перевод стих. «Mein Liebchen, wir sassen beisammen...». Впервые — РС, 1859, № 5, стр. 37. Включено в изд. 1863 г.

«Твои пылают щечки...» (стр. 651). Перевод стих. «Es liegt der heisse Sommer...». Впервые — изд. 1850 г., стр. 153. С изм. — РС, 1859, № 5, стр. 37. Включено в изд. 1863 г.

«Я плакал во сне; мне приснилось...» (стр. 651). Перевод стих. «Ich hab'im Traum geweinet...». Впервые — изд. 1850 г., стр. 157. Перепечатано в РС, 1859, № 5, стр. 38. Включено в изд. 1863 г.

«Когда на дороге, случайно...» (стр. 652). Перевод стих. «Als ich auf der Reise zufällig...». Впервые — РС, 1859, № 5, стр. 38. Включено в изд. 1863 г. Автограф строфы 6 в тетр. I.

«С порога рыбачьей избушки...» (стр. 653). Перевод стих. «Wir sassen am Fischerhause...». Впервые — РС, 1859, № 5, стр. 39. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. *Гангес* — Ганг.

«Красавица-рыбачка...» (стр. 654). Перевод стих. «Du schönes Fischermädchen...». Впервые — «Москв.», 1841, № 12, стр. 295. Перепечатано в РС, 1859, № 5, стр. 40. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Нисходят во гроб поколенья...» (стр. 654). Перевод стих. «Die Jahre kommen und gehen...». Впервые — РС, 1859, № 5, стр. 40. Включено в изд. 1863 г.

«Они любили друг друга...» (стр. 655). Перевод стих. «Sie liebten sich beide, doch keiner...». Впервые — РС, 1859, № 5, стр. 40. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

«Когда я про горе свое говорил...» (стр. 655). Перевод стих. «Und als ich euch meine Schmerzen geklagt...». Впервые — РС, 1859, № 5, стр. 41. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I.

«Как луна, светя во мраке...» (стр. 655). Перевод стих. «Wie der Mond sich leuchtend dränget...». Впервые — изд. 1850 г., стр. 155. С изм. — РС, 1859, № 5, стр. 41. Включено в изд. 1863 г.

«Во сне я милую видел...» (стр. 656). Перевод стих. «Im Traum sah ich die Geliebte...». Впервые — РС, 1859, № 5, стр. 41. Включено в изд. 1863 г.

«Как цвет, ты чиста и прекрасна...» (стр. 657). Перевод стих. «Du bist wie eine Blume...». Впервые — ОЗ, 1843, № 2, стр. 298. С изм. — РС, 1859, № 5, стр. 42. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«Хотел я с тобою остаться...» (стр. 657). Перевод стих. «Ich wollte bei dir weilen...» Впервые — изд. 1850 г., стр. 152. С незначит. изм. — РС, 1859, № 5, стр. 42. Включено в изд. 1863 г.

«Ах, опять всё те же глазки...» (стр. 658). Перевод стих. «Ach, die Augen sind es wieder...». Впервые — ЛГ, 1847, № 15, стр. 228. С изм. — РС, 1859, № 5, стр. 43. Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

«По бульварам Саламанки...» (стр. 658). Перевод стих. «Auf den Wällen Salamankas...». Впервые — изд. 1850 г., стр. 153. С изм. — РС, 1859, № 5, стр. 43. Включено в изд. 1863 г.

Горная идиллия (стр. 659). Перевод стих. «Berg-Idylle». Впервые — изд. 1850 г., стр. 158, без 8-й строфы. С изм. — РС, 1859, № 5, стр. 44. Включено в изд. 1863 г. *Гослар* — город в Нижней Саксонии.

«Желтеет древесная зелень...» (стр. 660). Перевод стих. «Das gelbe Laub erzittert...» Впервые — изд. 1856 г., стр. 152. Перепечатано в PC, 1859, № 5, стр. 45. Включено в изд. 1863 г.

Посейдон (стр. 661). Перевод стих. «Poseidon». Впервые — ОЗ, 1842, № 12, стр. 329. Перепечатано в PC, 1859, № 5, стр. 46. Включено в изд. 1850, 1856 и 1863 гг.

Эпилог (стр. 662). Перевод стих. «Epilog» (Die Nordsee). Впервые — PC, 1859, № 5, стр. 47. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Датируется предположительно по месту в тетради.

«Ты вся в жемчугах и в алмазах...» (стр. 663). Перевод стих. «Du hast Diamanten und Perlen...». Впервые — ВО 1, стр. 116. Список с поправками Фета в тетр. II.

«Дитя, мы детьми еще были...» (стр. 664). Перевод стих. «Mein Kind, wir waren Kinder...». Впервые — ВО 1, стр. 117. Автограф в тетр. II. В тетр. I — автограф первой редакции перевода (видимо, 1857 г. Опубликована в изд. 1937 г., стр. 663).

«Не глумись над чертом, смертный...» (стр. 665). Перевод стих. «Mensch, verspotte nicht den Teufel...». Впервые — изд. 1901 г., т. 3, стр. 68.

«Трубят голубые гусары...» (стр. 665). Перевод стих. «Es blasen die blauen Husaren...». Впервые — изд. 1901 г., т. 3, стр. 77.

«Уж вечер надвинуться хочет...» (стр. 665). Перевод стих. «Der Abend kommt gezogen...». Впервые — «Сев. вестник», 1893, кн. 1, стр. 166. Датируется по Хрон. ук.

«В молодые тоже годы...» (стр. 666). Перевод стих. «Habe auch in jungen Jahren...». Впервые — «Сев. вестник», 1893, кн. 1, стр. 167.

Гренадеры (стр. 667). Перевод стих. «Die Grenadiere». Впервые — «Сев. вестник», 1893, № 1, стр. 167. С разночтениями — изд. 1901 г., т. 3, стр. 317, под заглавием «Два гренадера». Печатается по журнальному тексту, так как это, по-видимому, более поздний текст.

ИЗ МУРА

Мур Томас (1779—1852) — английский поэт романтического направления.

«Прощай, Тереза! Печальные тучи...» (стр. 669). Перевод стих. «Farewell, Theresa (Venetian Air)». Впервые — изд. 1850 г., стр. 26 (отдел «Мелодии»).

ИЗ БАЙРОНА

«О, солнце глаз бессонных — звездный луч...» (стр. 670). Перевод стих. «Sun of the sleepless! melancholy star!» (из цикла «Hebrew melodies»). Впервые — РиП, 1844, № 8, стр. 367, под заглавием «Еврейская мелодия (Из Байрона)». С изм. — изд. 1856 г., стр. 57 (отдел «Мелодии»). Включено в изд. 1850 и 1863 гг.

ИЗ ШЕНЬЕ

Подражание XVI идиллии Биона (стр. 671). Перевод стих. «Elégie XIII, imitée de la XVI Idylle de Bion». Впервые — изд. 1850 г., стр. 103 (отдел «Антологические стихотворения»). С незначит. изм. — изд. 1856 г., стр. 106. Включено в изд. 1863 г. Везде без указания источника. В экземпляре изд. 1856 г., по которому подготовлялось изд. 1863 г. (Библиотека Ленингр. гос. университета), против этого стихотворения рукой Фета написано: «в перев<оды>», однако и в изд. 1863 г. стихотворение осталось в отделе «Антологические стихотворения». *Бион* — греческий поэт-идиллик III или II в. до н. э.

Лида (стр. 671). Перевод стих. «Lydé». Впервые — БдЧ, 1859, № 10, стр. 1. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Почти все изменения (ср. варианты автографа) произведены по указаниям Тургенева, который писал Фету 16 января 1858 г.: «Справедливость требует сказать, что Вы не в счастливый час перевели эти две пьесы из Шенье; вот что я заметил: Ст. 8: «В какой свои стада пасешь ты стороне»; — уж коли подделываться под Петрова, — лучше так поставить слова: «Пасешь в какой стада свои ты стороне». Ст. 14· Облик вечно милый. — Une cheville (затычка, лишнее слово. — *Б. Б.*). Ст. 15: Манят — из Нелединского-Мелецкого. Ст. 16: Твой деву робкую и т. д. — Петров! Петров! Ст. 23 и 24: А детских щек... будет дар. — Эдип, разрешивший загадку Сфинкса, завыл бы от ужаса и побежал бы прочь от этих двух хаотически-мутно-непостижимых стихов. Ст. 38: Спешит и т. д. Украдено у графа Хвостова. Ст. 44: Победу меж друзьями. — Темнота... вывих... Ст. 49: Таким ты народиться. — Канцелярский слог времен Сильвестра Медведева. Ст. 61: Мирры шел... Взято из надписи на триумфальных воротах после покорения Азова... Эти стихи в таком виде, по-моему, печатать не следует — надо их выправить» («Мои восп.», ч. I, стр. 230) Упоминаемые Тургеневым поэты: Медведев Сильвестр (1641—1691) — автор силлабических виршей; Петров Василий Петрович (1736—1799) — классицист, известный тяжелым риторическим слогом; Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1828) — сентименталист; Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835) — поздний классицист, графоман, постоянная мишень насмешек в литературе пушкинского времени. 27 декабря 1858 г. Тургенев писал: «Я выправил Ваши стихи, любезнейший друг, и отдал их сегодня Дружинину, но пускай меня «на площади трехвостником дерут» — не могу признать хорошими стихов вроде:

Иль тот, кто зародясь пленять богинь собою
Из недра Мирры шел, одетого корою —

и предлагаю уже кстати прибавить к ним следующие два, в том же роде:

В чей, приосанясь, зрак, — вид уст приняв живой,
Прелестниц — взор полн нег — игрив вперяет рой.

(«Мои восп.», ч. 1, стр. 283). Стихотворение датируется по дате первого письма Тургенева. *Гиацинт* — прекрасный юноша, сын спартанского царя, любимец Аполлона. *Тот, за кем орла ниспосылал Зевес.* Ганимед, прекрасный юноша, сын троянского царя, любимец Зевса, похищенный его орлом и унесенный на Олимп. *Адонис* — прекрасный юноша, сын кипрского царя, возлюбленный Афродиты.

«Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру...» (стр. 673). Перевод стих. «Le bouc et le satyre». Впервые — БдЧ, 1859, № 9, стр. 54. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. Тургенев писал Фету 16 января 1858 г.: «Уразумев его враждебный вид — в маленьком стихотворении Шенье может тоже постоять за себя как образчик канцелярского слога с оттенком семинарии» («Мои восп.», ч. 1, стр. 230). Датируется как и предыдущее стихотворение.

ИЗ БЕРАНЖЕ

Последняя песня (стр. 674). Перевод стих. «Adieu». Впервые — «Совр.», 1858, № 1, стр. 38. Включено в изд. 1863 г. Автограф в тетр. I. 25 ноября 1857 г. стихотворение было послано Некрасову Л. Н. Толстым. 9 января 1858 г. Тургенев писал Фету: «Перевод Ваш из Беранже очень мил. Бороться с ним довольно трудно» («Мои восп.», ч. 1, стр. 229).

ИЗ МИЦКЕВИЧА

Дозор (стр. 675). Перевод стих. «Czaty. Ballada ukraińska». Впервые — ОЗ, 1846, № 3, стр. 44, под заглавием «Украинская баллада» (без указания переводности). С изм. — изд. 1850 г., стр. 57, отдел «Баллады» (также без указания переводности). Со значит. изм. — РВ, 1892, № 3, стр. 20. Об этом стихотворении в своих воспоминаниях Фет пишет: «В нашей дивизионной юнкерской команде в мое отсутствие (в начале 1846 г. — *Б. Б.*) произошла перемена. Крит ушел в свой полк, а командиром нашим назначен был поручик принца Альберта полка Бюльчинский... У него, что тогда случалось довольно редко, была явная наклонность и сочувствие к изящной словесности, и мы не раз вместе читали и восхищались его национальным поэтом Мицкевичем. В то время, к полному его удовольствию, я перевел размером подлинника «Воеводу»; но некоторые подробности которого в позднейшее время показались мне

до того неудачными, что я исключил этот перевод из собрания 63 года» («Ранние годы», стр. 344). Ап. Григорьев писал о стихотворении: «Чрезвычайно хорошо и близко к подлиннику переведена баллада Мицкевича «Дозор», несмотря на множество польских оборотов» (ОЗ, 1850, № 1, стр. 66). По поводу новой редакции, помещенной в РВ, Полонский писал Фету: «Перевод очень верен, благозвучен — и местами отличается дерзостью воистину фетовской» (письмо от 11 марта 1892 г.).

«Всплываю на простор сухого океана...» (стр. 677). Перевод стих. «Stepy Akermańskie». Впервые — ОЗ, 1854, № 4, стр. 349, под заглавием «Степь», без указания переводности. С изм. — изд. 1863 г., ч. 2, стр. 345. Автограф в тетр. ГБЛ.

«О милая дева, к чему нам, к чему говорить?..» (стр. 677). Перевод стих. «Rozmowa». Впервые — «Москв.», 1853, № 15, стр. 112, под заглавием «С польского». С изм. — изд. 1863 г., ч. 2, стр. 346. 22 декабря 1840 г. Фет писал И. И. Введенскому: «Многое, многое мог бы я тебе сказать, и эти слова, как говорит Мицкевич:

Пока они в слух твой и в сердце твое проникают,
На воздухе стынут, в устах у меня застывают.

Кстати, я чрезвычайно удачно перевел на днях, подивись, из Мицкевича одну пьеску, которую со временем перешлю тебе, но теперь в редакции и без того уже много моей всячины» (Г. П. Блок. Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. Л., 1924, стр. 69—70). К этим словам Г. П. Блок делает примечание: «Надо полагать, что под этой пьеской Фет разумеет именно стихотворение «О милая дева»: едва ли позволительно думать, что Фет в 1840 г. перевел только два стиха, а остальные добавил в 1853 году» (там же, стр. 105—106).

ПЕСНИ КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ

«Станет насыпь могилы моей просыхать...» (стр. 679), «Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой...» (стр. 679), «Выйди, мать, наружу, посмотри на диво...» (стр. 680). Впервые — РВ, 1876, № 1, стр. 174. Включено в ВО 1. Список с поправками Фета в тетр. II. Стихотворения являются переложением прозаического перевода песен кавказских горцев, посланного Фету Л. Н. Толстым в письме, предположительно датируемом 26 октября 1875 г. Перевод выписан Толстым из «Сборника сведений о кавказских горцах», вып. 1 (Тифлис, 1868). Первоначальный вариант стих. «Выйди, мать, наружу, посмотри на диво...» (см. варианты) изменен по указанию Л. Н. Толстого, который писал Фету 8—9 ноября 1875 г.: «Получил Ваше письмо и прекрасные стихи, в особенности «Ястреб». Последнее не так хорошо. Мало отрублено противопоставление, то, что не цветок рас-

тет, а ты влюблена» (Полн. собр. соч., т. 62. М., 1953, стр. 216). «Ястребом» Толстой называет стихотворение «Гр. Л. Н. Толстому» («Как ястребу, который просидел. . .»), посланное ему вместе с «Песнями кавказских горцев» и вместе с ними напечатанное.

ПЕРЕВОД ФРАНЦУЗСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ Ф. И ТЮТЧЕВА

«О, как люблю я возвращаться. . .» (стр. 681). Перевод стих. «Dès premiers ans de votre vie. . .». Впервые — «Русский архив», 1892, кн. 1, вып. 4, стр. 537, вместе с оригинальным стихотворением, впервые здесь опубликованным. С разночтениями — изд. 1901 г., т. 2, стр. 551. Печатается по журнальному тексту, т. к. это, по-видимому, более поздний текст.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ [1]

[1] В заглавиях, представляющих собой имя адресата, инициалы ставятся в указателе после фамилии (напр., «Баратынской, Е. И.»); титулы при этом опускаются, кроме случаев, когда адресаты не носили фамилий (напр., «Великому князю Константину Константиновичу»).

Содержание[1]

СТИХОТВОРЕНИЯ (ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ)

Элегии и думы

---

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Подражание восточному

К Офелии

Весна

Лето

Осень

Снега

Гадания

Мелодии

Вечера и ночи

Баллады

Антологические стихотворения

Море

Разные стихотворения

Послания, посвящения и стихотворения на случай

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

Лирический пантеон

Баллады

Лирические стихотворения

Лирические стихотворения 1840—1892 гг.

Стихотворения на случай, послания, посвящения, эпиграммы, отрывки

ПОЭМЫ

ПЕРЕВОДЫ

С китайского

Из Саади

Подражание восточным стихотворцам

Из Гафиза

Из Анакреона

Из Гете

Из Шиллера

Из Кернера

Из Уланда

Из Рюккерта

Из Мерике

Из Гейне

Из Мура

Из Байрона

Из Шенье

Из Беранже

Из Мицкевича

Песни кавказских горцев

Фет Афанасий Афанасьевич

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *С. И. Брусиловская*
Корректор *Л. Д. Саксаганская*

Сдано в набор 7/V 1959 г. Подписано в печать 24/IX 1959 г. Бумага 84×108[1]/32.
Печ. л. 28,12 (46,12). Уч.-изд. л. 42,68
Тираж 20 000 экз. Заказ № 489.
Цена 14 р. 60 к.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3